

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫИ.

1909.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Унивѣрситета.

1909.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

XXV.

Истинный праздникъ—не въ бездѣльѣ, а въ усиленномъ добродѣланіи.

Древніе евреи очень строго соблюдали святость своихъ праздниковъ. Святость, наприм., своего недѣльнаго праздника—субботы—они не рѣшались нарушать—по возможности—никакой будничной работой. Даже зажечь огонь въ этотъ день считалось предосудительнымъ. Даже передвинуть съ мѣста на мѣсто мѣшавшую вещь въ глазахъ правовѣрнаго еврея являлось оскорбленіемъ священнаго «дня покоя». Черезчуръ строгіе послѣдователи Моисеева закона съ строгой точностью опредѣляли и потомъ тщательно высчитывали даже число шаговъ, которое можно сдѣлать въ субботу безъ нарушенія закона. Послѣ этого воплѣ понятно то ожесточенное озлобленіе, съ какимъ опрокинулись на Спасителя еврейскіе книжники и законники за то, что Спаситель позволялъ Себѣ въ «день покоя» исцѣлять различныхъ больныхъ. Въ глазахъ этихъ неусыпныхъ стражей и неразумно строгихъ охранителей всякой буквы закона, въ глазахъ фанатичныхъ защитниковъ полнѣйшей неприкосновенности всякой обрядности, условныхъ постановленій и «преданій старцевъ», Христось, творившій исцѣленія по субботамъ, являлся опаснымъ смутьяномъ и разрушителемъ народныхъ вѣрованій, серьезнымъ преступникомъ, дерзкимъ и нетерпимымъ без-

законникомъ, предававшимъ поруганію народную святыню (Іоан. V, 16—17).

Но за вычетомъ этой неразумной и односторонней крайности въ охраненіи праздничнаго покоя, за вычетомъ этого слѣпago идолопоклонничанья предъ мертвой буквой закона въ прямой ущербъ и даже полное извращеніе живого и благодѣтельнаго смысла его,—нельзя не признать, что въ этомъ уваженіи субботы было много несомнѣнно хорошаго. Крайняя и — конечно — очень стѣснительная строгость въ охраненіи праздничнаго покоя у «сыновъ Авраама» свидѣтельствуегь, что они признавали надъ собой непререкаемую власть и обязательность воли Божіей; они смиренно и благоговѣйно преклонялись предъ постановленіемъ Господа: «помни день субботній, чтобы святить его». Для нихъ—значить—воля Божія была святыней, высшимъ закономъ, который они старались исполнять со всеусердіемъ и благоговѣйно.

Бѣда только въ томъ—повторяю,—что понимали евреи волю Божію односторонне, виѣшне, поверхностно и формально. Вѣриѣ, совсѣмъ не понимали. Отсюда, какъ я упоминалъ уже, и непримиримая вражда ихъ къ Спасителю. Черезъ все Евангеліе красною нитью проходитъ настойчивая борьба Небеснаго Учителя съ обрядовымъ идолопоклонствомъ, бездушнымъ буквoвѣдствомъ и формализмомъ ослѣпленныхъ въ своемъ самоиѣннн вожаковъ и учителей еврейскаго народа. Въ частности, по вопросу о почитаніи субботы Господь неоднократно выяснялъ еврейскимъ книжникамъ и законодателямъ ту мысль, что законъ о субботѣ нельзя понимать въ неограниченномъ смыслѣ,—что на покой субботняго дня нельзя смотрѣть, какъ на покой безусловный, не подлежащій нарушенію ни въ какомъ случаѣ. По разъясненію небеснаго Учителя, бываютъ въ жизни особые, исключительные случаи, когда законъ о субботѣ (какъ и всякій другой законъ) подлежитъ ограниченію и временной отиѣннѣ. (См. Мат. XII. 3—5). Это тѣ именно случаи, когда —по народному.

правовому сознанию—«нужда законъ ломить». Иначе законъ явился бы во многихъ случаяхъ въ роли чело­вѣкоубійцы и безпощаднаго палача чело­вѣка, въ роли мерт­вой петли, душащей живыя и законнѣйшія потребности чело­вѣка. Такого разлада, а тѣмъ болѣе непримиримой вражды между высшими и священнѣйшими потребностями чело­вѣка съ одной стороны и закономъ — регуляторомъ чело­вѣческой жизни — съ другой не должно быть ни въ какомъ случаѣ. Всякій законъ дается только для блага чело­вѣка, въ помощь и содѣйствіе его разумной жизни, и разъ, почему бы то ни было, законъ становится попе­рекъ разумной чело­вѣческой жизни, онъ утрачиваетъ право на существованіе. Словомъ, единственное мѣрило цѣнности и пригодности закона—чело­вѣкъ и его высшіе интересы. *«Суббота чело­вѣка ради бысть, а не чело­вѣкъ субботы ради. Поэтому-то Сынъ Человѣческій является господиномъ и субботы.»* (Мрк. II. 27). Тупые, не по ра­зуму ревностные поклонники буквы не могли вмѣстить такого возвышеннаго ученія, не могли и простить того издѣвательства надъ ихъ святыней, какое имъ видѣлось въ рѣчахъ и поступкахъ галилейскаго проповѣдника. Въ конечномъ результатѣ — позорнѣйшая смерть Бого­чело­вѣка...

Но какъ ни чудовищно неразуміе евреевъ въ пониманіи праздничнаго закона, мы—христіане—не смѣемъ осуждать ихъ въ самодовольномъ сознаніи своего мнимаго пре­восходства. Если гдѣ, то ужъ во всякомъ случаѣ въ во­просѣ о почитаніи праздниковъ высокомѣріе и гордели­вое превозношеніе наше предъ евреями намъ вовсе не пристали. У евреевъ, какъ ни какъ, было уваженіе къ святости праздника и уваженіе, какъ мы видѣли, крѣпкое и строгое. У насъ, у многихъ—такъ называемыхъ—хри­стіанъ, всякое уваженіе къ святости праздника улетучи­лось, испарилось, что называется, до послѣдней капли. Въ жизни еврейскаго народа праздничный день рѣзко вы­дѣлялся изъ ряда другихъ будничныхъ дней и выдѣлялся

(да и теперь выдѣляется) именно особою строгостью, чинностью и благообразиемъ жизни въ этотъ день. Сразу чуется, что это день особенный, отнятый отъ будничной суеты для посвященія Богу. У насъ праздничный день тоже выдѣляется изъ остальныхъ недѣльныхъ дней, но это выдѣленіе очень нерѣдко далеко не дѣлаетъ намъ чести. У многихъ—увы!—христіанъ православныхъ праздникъ—это день бездѣлья или безшабашнаго разгула съ шумными ссорами, драками, съ горемъ и слезами безсильныхъ и забытыхъ женъ и домочадцевъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что будни проходятъ у насъ въ общемъ гораздо скромнѣе, приличнѣе, строже и благопристойнѣе. Въ будни человекъ работаетъ; блажь не идетъ ему въ голову. Въ праздникъ ищутъ развлеченій и, за грубостью всей нашей жизни, превращаютъ Божій день въ день сатанинскихъ безобразій.

Но не будемъ говорить о пьяницахъ и вообще людяхъ распущенныхъ. Возьмемъ людей степенныхъ, разсудительныхъ, домовитыхъ и богобоязненныхъ. Посмотримъ, какъ проводятъ праздники эти лучшіе представители простонародья. Что новаго противъ будней, что особеннаго, собственно праздничнаго даетъ праздникъ нашему крестьянину, даже и хорошему? Что свѣтлаго, согрѣвающего душу, радостнаго, истинно-божескаго вносить онъ въ жизнь нашего простолюдина? Мало этого свѣтлаго, до жалости мало. Это доброе сводится къ тому, что человекъ сходить утромъ въ храмъ Божій, потомъ отдохнетъ отъ трудовъ будничныхъ. И только. Дальше нашъ крестьянинъ не знаетъ, что съ собой дѣлать въ праздникъ. Очень часто для него половина праздничнаго дня—время скуки и сонливаго томленія; хуже будней. И это вполне понятно. Встанувшагося въ работу хозяйственнаго мужика тянетъ къ работѣ, а взяться за работу онъ боится: грѣхъ-де; нынѣ праздникъ. Кто знакомъ съ религіозно-нравственными понятіями нашего простого народа, тотъ безъ труда согласится, что въ душѣ нашего крестьян-

ства глубоко засѣло убѣжденіе, что въ праздники вообще работать грѣшно. Отголосокъ ли это еврейскаго взгляда на праздникъ, какъ на день «ничегонедѣланія», или собственное, доморощенное пониманіе праздничнаго отдыха,—но это такъ. Правда, нашъ простолюдинъ охотно идетъ въ праздникъ на такъ-называемую «помочь», но тутъ у него много объясненій. «Помочь»—дѣло старинное: отцы и дѣды такъ дѣлали. «Помочь»—дѣло артельное, мірское, освященное обычаемъ: не я одинъ, — всѣ такъ дѣлаютъ. А сильнѣе всего, особенно въ послѣднее время, тянетъ «на помочь» водка—возможность послѣ работы выпить на досугъ, выпить и благодушно побалагурить «въ компаніи». Чего стоитъ одна эта «компанія»! Вѣдь это клубъ своего рода. Привлекательнѣе клуба. Для городского интеллигентнаго жителя, къ услугамъ котораго не мало разнообразныхъ развлеченій и способовъ отдохнуть и освѣжиться, клубъ не можетъ быть такъ дорогъ, какъ дорогá для нашего деревенскаго «землероба» веселая компанія,—возможность въ непринужденной бесѣдѣ «отвести» и отогрѣть свою душу, зазябшую и задавленную въ вѣчно-хмурой жизни, въ сѣренькихъ заботахъ, въ утомительно-однообразномъ, притупляюще-тяжеломъ трудѣ. Да и самая работа на «помочи», именно какъ дѣло добровольное и артельное, идетъ оживленно, дружно и весело, съ шутками и прибаутками. Тутъ и слабый, малоискусный работникъ подбодряется, прищпоривается, учится работѣ у болѣе ловкихъ работниковъ, старается не отстать отъ товарищей. Со стороны любо-дорого посмотрѣть на эту энергичную и веселую работу привычныхъ и искусныхъ работниковъ. Вчуже сердце радуется... Съ этой послѣдней стороны «помочь» является дѣломъ даже очень привлекательнымъ. Она и воспитываетъ до нѣкоторой степени,—пріучая къ дружной, совмѣстной и стройной работѣ, подгоняя и изощряя искусство малоумѣлыхъ работниковъ,—и освѣжаетъ душу рабочихъ въ веселыхъ шуткахъ и оживленномъ обмѣнѣ блестящими свѣжаго, искристаго народнаго остро-

умія. Все дѣло портить только водка, излишнее пристрастіе къ ней, когда человѣкъ идетъ на помощь *единственно* изъ-за водки, идетъ часто сильно уставшій, отнимая у себя время, рѣшительно необходимое для отдыха.

Такимъ образомъ, работа на «помочи» дѣло особенное. Эта работа, такъ сказать, не въ счетъ (хотя, къ слову сказать, богобоязненный земледѣлецъ рѣдко пойдетъ и на помочь). Въ общемъ же наше крестьянство пока еще стронится въ праздники отъ всякой будничной работы. Вотъ тутъ-то и нужно притти на помощь народу. Настоятельно необходимо разъяснить ему, что работа работѣ рознь,—что праздникъ вовсе не день бездѣлья,—что бездѣльемъ мы служимъ вовсе не Богу, а діаволу («праздность — мать пороковъ»). Богъ заповѣдалъ *помнить* седьмой день вовсе не затѣмъ, чтобы ничего въ этотъ день не дѣлать. Сказано: «помни день субботній, *чтобы святить его*», т. е. совершать въ этотъ день святую Божью работу.

Какая-же это святая, Божья работа? Да самая обыкновенная, та же самая, какая всегда у васъ подъ руками. Сюда прежде всего относятся работы *необходимыя*. Вѣдь никто не считаетъ грѣхомъ истопить въ праздникъ печь, сварить себѣ пищу (напротивъ, для праздника стараются приготовить себѣ пищу повкуснѣе и пообильнѣе). Никто также не оставляетъ для праздника скотину свою безъ питья и корма. А если въ праздникъ случится на селѣ пожаръ? Неужели грѣшно будетъ поработать въ праздникъ для усмиренія огня? Отсюда можно итти и дальше. Положимъ, на селѣ и вообще у деревенскихъ жителей — «страдная» пора, время жатвы и уборки хлѣба. У тебя почему-либо весь хлѣбъ еще на корню, еще не сжать. Сильный вѣтеръ обиваетъ колосья; зерна сыплются... А между тѣмъ въ эту именно пору и собрались 2—3 праздника подъ-рядъ. Что тутъ дѣлать? Ничего прочаго, какъ—помолившись Господу въ храмѣ Божіемъ, послѣ обѣдни безъ смущенія заняться торопливой уборкой хлѣба. Грѣшна

въ праздникъ только та будничная работа, съ которой можно бы повременить и которая совершается только изъ жадности. Это бываетъ. Человѣкъ съ головой ушелъ въ наживу, въ сколачиванье копѣекъ. Ему и въ церковь то сходить некогда, и съ домашними поговорить по душѣ некогда, и о своей душѣ подумать некогда. Вотъ это грѣхъ и страшный грѣхъ. Тутъ человѣкъ цѣликомъ продалъ душу свою демону жадности и обогащенія. Изъ ненасытной жадности онъ безбоязненно крадетъ у Бога и тотъ единственный день въ недѣлѣ, который повелѣно выдѣлять для прославленія Творца всяческихъ, — тотъ день, который—по премудрому и благому замыслу Промыслителя—долженъ служить собственному же тѣлесному и душевному здоровью человѣка. У тебя же въ приведенномъ примѣрѣ вовсе не жадность, а крайняя нужда: если не погоропиться съ работой, можно остаться безъ хлѣба. Въ такой дѣйствительно необходимой работѣ Господь никого не стѣсняетъ заповѣдью о праздникѣ; все равно какъ не стѣсняетъ Онъ насъ и въ дѣлѣ приготовления нами пищи для себя и корму для скотины.

Вотъ тебѣ первая дѣла, позволительныя въ праздникъ,— дѣла нужды и необходимости. Но есть дѣла, которыя не только можно, но и обязательно *должно* дѣлать въ праздники. Это въ собственномъ смыслѣ *дѣла праздничныя*,— дѣла, которыми святится и красится праздникъ. Это дѣла милосердія и помощи ближнимъ. Такихъ дѣлъ сколько угодно. Вотъ на твоихъ глазахъ у профъзага свалился возъ. Пособи ему. Вотъ въ сосѣдяхъ у тебя захворалъ кто-нибудь. Навѣсти его; пособи, чѣмъ можешь: привеси, наприм., воды хоть, наколи дровецъ, дай корму скотинѣ его. У тебя праздникъ. Постарайся—насколько въ силахъ—и другихъ сдѣлать съ праздникомъ. Зайди въ семью, гдѣ горе,—поговори поласковѣе, подобрѣе,—утѣшь, успокой, если можешь. Не забудь при этомъ и свою семью. Върнѣе, — съ семьи-то родной ты и долженъ начать свою праздничную дѣятельность. Въ будни мы, придавленные

разными заботами и трудами, чаще всего бываемъ неласковы, угрюмы, непривѣтливы. Усталость и суровыя заботы и на душу нашу налагаютъ печать черствости, жесткости, иной разъ грубости и раздражительности. Въ такихъ случаяхъ мы обращаемся со своими домашними какъ-то «срыву». Въ праздникъ хорошо-бы страхнуть съ души эту будничную хмурость, которая холодитъ душу младшихъ домочадцевъ. Подобно тому, какъ для праздника мы омываемся тѣлесно и наряжаемся въ лучшую одежду, нужно и душѣ нашей сообщить, по возможности, праздничную, добрую настроенность, — явиться въ семьѣ хоть въ этотъ день съ свѣтлымъ лицомъ и мягкой душою. Поговори съ домашними по душѣ, приласкай ихъ, пошуту благодушно, вызови на откровенный разговоръ объ ихъ нуждахъ, печаляхъ и радостяхъ, подѣлись своими думами и планами, посоветуйся о семейныхъ дѣлахъ, попроси прощенія, если кого обидѣлъ на прошлой недѣлѣ... Вообще, постарайся для праздника, насколько умѣешь, внести свѣтъ и тепло въ души твоихъ семейныхъ, такъ чтобы день этотъ былъ для нихъ подлиннымъ праздникомъ, — чтобы онъ надолго оставилъ въ ихъ душѣ свѣтлый слѣдъ и добрую, теплую память. Подумай и о своей душѣ; пересмотри свою жизнь; спроси себя, — такъ-ли ты живешь? нельзя ли что-нибудь измѣнить къ лучшему въ твоей жизни?

Теперь еще разъ возвращусь къ начатой раньше рѣчи о праздничной работѣ на пользу ближнихъ. Я уже упоминалъ про крестьянскія «помочи». Остается добавить про нихъ то же, что я сказалъ про всякую работу вообще. Помочь помочи рознь. Если ты за водку работаешь въ праздникъ на помочи у богача, который легко можетъ нанять рабочихъ за деньги, — ты совершаешь дѣло недостойное, портишь свой праздникъ, крадешь у Бога единственный день въ недѣлѣ, который Господь выдѣлилъ въ свое особое дѣяніе. Но поработать на церковной землѣ, для храма Божія, поработать на полосѣ бѣдной вдовы, пособить одинокому бобылю или человѣку, у котораго не

хватаетъ рабочихъ рукъ, который — что называется — выбился изъ силъ,—это дѣло вполне достойное праздника, дѣло истинно святое и Богоугодное. Вѣроятно, въ первое время «помочи» и были дѣломъ чистой, безкорыстной христіанской помощи, милосердія и братолюбія. Только людское корыстолюбіе и пристрастіе къ водкѣ извратили этотъ прекрасный, чисто христіанскій обычай.

Нужно-ли указывать другіе виды доброй, святой работы, которою красится и святится день Божій? Было бы у человѣка чуткое, доброе сердце,—оно само подскажетъ человѣку, что можно сдѣлать добраго въ томъ или другомъ случаѣ.

Но вы скажете: «все работа да работа. Когда же отдохнуть?» Вопросъ объ отдыхѣ, дѣйствительно, вопросъ важный. Человѣкъ не можетъ работать безостановочно, какъ машина. Да и машина, чтобы работать во всю свою первоначальную силу, нуждается въ постоянномъ смазываніи и чисткѣ своихъ частей. И все же никакой присмотръ и уходъ, никакая основательная чинка не спасаютъ машину отъ порчи, отъ постепенной утраты своихъ первоначальныхъ достоинствъ. Подержанная машина уже не можетъ работать такъ хорошо, какъ новая. Съ дальнѣйшей работой машина и совсѣмъ изнашивается и идетъ въ ломъ.

Человѣческая работоспособность требуетъ еще болѣе тщательнаго ухода за собою. Кромѣ ежесуточного ночного отдыха человѣкъ нуждается еще въ томъ, чтобы одинъ день въ недѣлѣ былъ выдѣляемъ нарочито для отдыха отъ будничной суеты. Такъ что заповѣдь о праздничномъ отдыхѣ вполне соотвѣтствуетъ требованіямъ нашей природы, и нарушеніе ея, какъ и всякаго Творческаго закона, никогда не можетъ пройти безнаказанно. Были опыты: на нѣкоторыхъ фабрикахъ, въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ пробовали оставлять служащихъ безъ праздничнаго отдыха. И что же? Результаты получились далеко неутѣшительные даже для самихъ хо-

завѣвъ, учреждений и предпріятій. Рабочіе быстро изнашивались; работоспособность ихъ неудержимо понижалась и падала. Въ концѣ концовъ, вмѣсто ожидаемаго выигрыша въ продуктахъ работы, получался весьма чувствительный проигрышъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, праздничный день, по замыслу Небеснаго Законодателя, является прежде всего днемъ отдыха отъ будничныхъ заботъ. Въ праздникъ мы отдыхаемъ отъ тревогъ и трудовъ, вызываемыхъ погонею за кускомъ хлѣба. Но вѣдь для тѣлеснаго отдыха, если ты спалъ предыдущую ночь и не слишкомъ надорвался на будничной работѣ, вполне достаточно 3 — 4 часовъ. Куда же дѣвать остальное время? Вотъ тутъ-то и можно безъ излишняго обремененія себя пособить нуждающемуся человѣку. Вѣдь отдыхъ не въ томъ, чтобы 24 часа пролежать на печкѣ или заваленкѣ. Разумный праздничный отдыхъ долженъ доставляться простою перемѣною занятій, или измѣненіемъ способа и характера работы, другою ея постановкою или инымъ къ ней отношеніемъ. Одна и та же работа можетъ быть исполняема различно и, въ зависимости отъ этого, въ одномъ случаѣ работа можетъ быть изнурительной, притупляющей, каторжной, а въ другомъ доставлять человѣку душевное удовлетвореніе, удовольствіе, укрѣпленіе силъ и здоровье. Такъ и праздничную работу можно поставить такъ, что она не только не помѣшаетъ отдыху, но и прямо будетъ содѣйствовать полнотѣ истиннаго отдыха. Будничная работа неизбежно должна тяготить человѣка, какъ работа подневольная, совершаемая далеко не всегда по своей охотѣ. Въ будни часто приходится работать, какъ говорится, изъ подъ палки. Хочешь — не хочешь, а работать надо. Суровая нужда и желѣзная необходимость добывать себѣ средства къ жизни заставляютъ работать такъ или иначе и лѣниваго. При этомъ работать сплошь и рядомъ приходится торопливо, спѣшно, съ насиліемъ надъ собою, съ тягостнымъ и изнурительнымъ напряженіемъ своихъ силъ. Въ праздникъ ты берешься за работу по своему выбору, добро-

вольно и охотно. Никто и ничто тебя не торопить, никто не принуждаетъ къ работѣ. Ты работаешь по влеченію сердца, изъ желанія сдѣлать доброе дѣло, услужить и помочь твоему сосѣду, знакомому или родственнику. Понято, что такая работа не можетъ доставить человѣку ничего, кромѣ отрады и душевнаго удовлетворенія.

Наконецъ, для полноты праздничнаго отдыха не грѣшно было бы часа полутора-два (если они свободны) отдать невиннымъ, мирнымъ забавамъ и развлеченіямъ. Отчего не побалагурить благодушно, не пошутить безобидно, не посмѣяться незлобиво въ кругу своихъ односельчанъ и знакомыхъ? Отчего въ компаніи съ сосѣдами не послушать пѣсенъ молодежи, не полюбоваться ея играми и забавами? При этомъ, какъ старшіе, вы можете сообщить этимъ играмъ и пѣснямъ доброе, приличное направленіе, оставивъ играющихъ всякій разъ, когда они начнутъ увлекаться въ сторону неприличія, озорства и грубости... Недурно въ праздникъ прогуляться въ лѣсъ, пройтись по полямъ. Правда, поля свои вы видите чуть-ли не каждый день. Но въ будни эти поля для васъ — мѣсто тяжелой работы. А въ праздничной прогулкѣ по роднымъ полямъ вы можете отдохнуть душою при видѣ Божьей благодати, при видѣ щедро разсѣянныхъ кругомъ даровъ и красоту Божьяго міра...

Вообще все, что способно освѣжить и облагородить нашу душу, сообщить человѣку мягкость, нѣжность, теплоту душевную и сердечность, — все, что можетъ скрасить и приварядить нашу жизнь, дать душѣ нашей благодатный миръ и просвѣтленіе, — все это въ высшей степени нужно и желательно особенно въ праздникъ. Пусть праздникъ нашъ будетъ лучезарной, свѣтоносной точкой, согрѣвающей и освѣщающей сѣрѣя сумерки и тоскливый холодъ нашей будничной жизни. Пусть праздникъ приходитъ въ нашу хмурую жизнь, какъ свѣтлый, жизнерадостный гость, какъ небесный посланникъ и утѣшитель. Да будетъ для насъ праздничный день воистину днемъ Божиимъ, днемъ тѣлеснаго и душевнаго обновленія...

XXVI.

Дорожите земной жизнью, какъ временемъ, даннымъ намъ только однажды для приготовленія къ вѣчности.

Одного мудреца спросили, — что въ здѣшней жизни кажется ему самымъ дорогимъ, самымъ цѣннымъ сокровищемъ. «Дороже всего на землѣ время», — былъ отвѣтъ мудраго. Дѣйствительно, разумное пользованіе временемъ можетъ доставить намъ обладаніе всѣми возможными благами, а самаго времени, однажды потеряннаго, не купишь ни за какія сокровища. То, чего можно достигнуть береженіемъ времени, поразительно. Всѣ великіе люди, великіе благодѣтели человѣчества только тѣмъ и приобрѣли себѣ неумирающую славу, истинное величіе и благодарную память въ потомствѣ, что умѣли по настоящему цѣнить и разумно пользоваться временемъ своей жизни. У нихъ не было пустого, незанятаго времени. Вся жизнь ихъ проходила въ бодрствованіи и неослабномъ трудѣ. Отсюда понятно, что изъ всѣхъ видовъ экономіи и бережливости самымъ цѣннымъ и разумнымъ является бережливость во времени. «Скупитесь на сонъ, на ѣду, а больше всего на время». «Не тратьте ничего напрасно; *въ особенностяхъ же не тратьте попусту времени.* Нынѣшній день дается намъ только однажды и не повторится уже никогда. Время — это роскошнѣйшій даръ Бога; однажды потерянное, оно никогда не находится. Время — это нечто довѣренное намъ, и людямъ придется давать отчетъ въ каждой его минутѣ» (Джонъ Леббокъ. «Идеалы жизни»). «Развѣ ты не знаешь, спрашиваетъ Златоустъ, что какъ мы, вручая слугамъ нашимъ серебро, требуемъ съ нихъ отчета до послѣдней полушки, такъ и Богъ потребуетъ съ насъ отчета въ дняхъ нашей жизни, — спроситъ насъ, въ чемъ мы провели каждый день». На бережливомъ и разумномъ пользованіи временемъ покоится и возможное

благополучіе здѣшной жизни, и неумирающая слава, вѣчное торжество и радость въ жизни загробной. «Время и земля, какъ выражается Кэбль, служатъ приготовленіемъ къ небу и вѣчности, и сообразно съ тѣмъ, какъ мы употребимъ здѣсь свои минуты, Господь устроитъ въ будущемъ наши вѣка». Не забудь же, христіанинъ, что за твоею жизнью слѣдятъ, дни твои считаютъ, отъ тебя ждутъ доброй полезной работы. Господь далъ тебѣ нынѣшній день, возставилъ тебя отъ сна въ добромъ здоровьѣ, и ждетъ, смотритъ, — какъ-то ты распорядишься этимъ новымъ днемъ твоей жизни, на что употребишь его, какою работой наполнишь, какъ выполнишь въ этотъ день изначальную Творческую заповѣдь о храненіи, воздѣлываніи и приумноженіи порученнаго тебѣ Божьяго имущества (Быт. II. 5; III. 19—23). Безъ разумнаго пользованія временемъ, безъ неослабнаго усердія и старанія въ работѣ, собственно говоря, нѣтъ и настоящей человѣческой жизни. Есть только растительно-животное прозябаніе, есть постыднѣйшее «копченіе неба» и паразитное потребленіе чужихъ силъ и соковъ. Встрѣчаются среди людей такіе туневдныя трутни, которые только понижаютъ общій уровень человѣческой жизни, тянутъ ее къ низу, ложась лишнимъ бременемъ на плечи честныхъ работниковъ. Бездѣльничанье и паразитство страшно тормозятъ успѣхи жизни, ведутъ къ отягощенію ея излишними и непроизводительными расходами, — ведутъ къ перегрузкѣ жизненнаго корабля излишнимъ балластомъ. Потому то и противно такъ всякое паразитство (разумѣется, намѣренное и безчестное) въ глазахъ честныхъ тружениковъ и въ глазахъ Божіихъ. Въ то время, какъ люди - труженики несутъ обязанности производителей жизненныхъ благъ и строителей жизни, бездѣльники и лѣнтяи являются только потребителями и разрушителями жизни, и въ качествѣ таковыхъ, въ качествѣ уродливыхъ наростовъ на общечеловѣческомъ тѣлѣ, должны быть признаны чуждыми истинно - человѣческой жизни. «Сколько тебѣ лѣтъ?» —

спрашиваютъ одного пожилого человѣка. — «По правдѣ сказать, я живу только два года»,—отвѣчалъ спрошенный. «Какъ такъ?»—«А вотъ видите-ли: *только два года, какъ я образумился и взялся за разумно-трудоую жизнь. А прежніе годы... бездѣльные, безпутные... ихъ считать не приходится: они цѣликомъ потеряны для жизни*».

Итакъ, христіанинъ, наше счастье заключается въ умѣнь пользоваться даннымъ намъ временемъ. Вся наша земная жизнедѣятельность подчинена особому закону, который я не умѣю назвать иначе, какъ закономъ *благовременія*. Законъ этотъ сказывается въ томъ, что для совершенія каждаго дѣла, для возникновенія, существованія и жизненнаго служенія каждой вещи назначается здѣсь, на землѣ, свое опредѣленное время. «Всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ»,—говоритъ Премудрый (Еккл. III. 1). Только то имѣетъ свою прелесть и свой смыслъ, только то благопотребно и цѣнно, что *своевременно*. Секретъ успѣшности и доброй результатности нашихъ трудовъ и стараній въ томъ, чтобы не прозѣвать, а надлежаще использовать тотъ единственный, никогда не повторяющійся въ своей исключительной благопріятности моментъ, который дается для каждаго дѣла. Пропустишь этотъ моментъ, и дѣло или проиграно, или во всякомъ случаѣ не дастъ настоящаго, полного результата (не во-время посѣянный хлѣбъ, несвоевременная хирургическая или торговая операція и пр. и проч.). На простомъ, грубоватомъ языкѣ расхожей житейской мудрости мысль о пагубности запаздыванія въ примѣненіи къ обыденнымъ явленіямъ жизни выражается въ такого рода изреченіяхъ: «не во-время гость хуже татарина». (Не во-время—прибавимъ отъ себя—и дождь непріятенъ, и солнышко не радуетъ). «Дорого ячко къ Христову дню». «Куй желѣзо, пока горячо». «Спусти лѣто, по малину въ лѣсъ не ходятъ никогда» и т. под.

Творческіе законы, положенные въ основаніе міровой жизни, вообще вѣчны и неотвратимы. Нарушать ихъ

нельзя безнаказанно. «Богъ поругаемъ не бываетъ» (Гал. VI. 7). Въ частности, не проходитъ даромъ для человѣка и пренебреженіе къ разъясненному закону своевременности въ работѣ. Дорого приходится расплачиваться людямъ за неумѣлое пользованіе своимъ временемъ, за пропускъ благопріятнаго момента, за ротозѣйство и запаздываніе въ дѣлахъ своихъ. Нѣтъ ничего прискорбнѣе и тяжелѣе того состоянія, когда человѣкъ сознаетъ и воочію увидитъ, какъ онъ непоправимо повредилъ себѣ, пропустивъ нужное время. Тяжело въ итогъ пересмотра своей жизни притти къ безотрадному выводу, что теперь «уже слишкомъ поздно»,—что пропущеннаго момента никогда не воротишь. А такъ легко было повернуть и настроить свою жизнь совсѣмъ иначе. Ты самъ себѣ отрѣзалъ пути къ широко - плодотворной, разумной и свѣтлой жизни. Ужасно грустно и больно это горькое сознаніе непоправимости своего положенія,—сознаніе *невозвратимости* однажды данныхъ благопріятныхъ условій и обстоятельствъ. Тяжелымъ гнетомъ ложится на душу человѣка зрѣлище загубленныхъ по винѣ своей же неаккуратности и безпечности завѣтныхъ надеждъ, дорогихъ плановъ, расчетовъ и ожиданій отъ жизни. Подчасъ прямо убійственно почувствовать себя въ положеніи въ конецъ проигравшагося игрока, въ положеніи безнадежнаго должника и злостнаго банкрота передъ жизнью. Нельзя безъ душевнаго волненія читать вотъ эти скорбно-покаянныя строки одного знаменитаго русскаго человѣка. «Если бы вы знали», пишетъ онъ своему пріятелю, «какъ мнѣ тяжело и грустно. Берите примѣръ съ меня. Не дайте жизни проскользнуть между пальцевъ. Сохрани васъ Богъ испытать такого рода ощущенія: *жизнь прошла, и въ то же время вы чувствуете, что по-настоящему она еще и не начиналась*». (Изъ письма Тургенева къ Толстому отъ 1858 года).

Это удрученное, тоскливое состояніе духа, эти минуты пробужденія совѣсти и протрезвленія души отъ обычной суетливой разсѣянности и житейскаго угара, когда со-

бранная и сосредоточенная въ себѣ душа человѣка до-
кладываетъ ему, что онъ «продалъ свое первородство въ
жизни за чечевичную похлебку», — эти боль и тоска че-
ловѣка за глупо проведенную жизнь служить только на-
чаткомъ или предвкусеніемъ тѣхъ адскихъ душевныхъ
мукъ и терзаній, которыя ждутъ грѣшниковъ по ту сторо-
ну гроба. Вотъ, христіане, куда ведутъ насъ нерадѣніе,
безпечность и лѣность, наша небрежность и недостаточная
внимательность къ своимъ человѣческимъ обязанностямъ!
Устрашимся скорбной участи, ожидающей беззаботныхъ
«прожигателей жизни», и—пока не поздно— возьмемся за
разумъ, возьмемся всеусердно за честную и добрую ра-
боту. Не жалуйся и не тяготись, а—напротивъ—радуйся,
если на твою долю выпало въ жизни много работы,—если
эта работа не оставляетъ тебѣ времени для вредной «пере-
дышки», для баловства и расслабляющихъ развлеченій.
Чѣмъ больше внесетъ человѣкъ въ жизнь честной и поле-
зной работы, тѣмъ крупнѣе его заслуга, тѣмъ выше его
достоинство, его цѣна и награда отъ праведнаго Мздо-
воздаятеля. Развивай и воспитывай въ себѣ трудовыя при-
вычки, прививай себѣ неослабѣвающій вкусъ къ работѣ.
Пусть работа станетъ для тебя настоятельной жизненной
потребностью; пусть она явится для тебя занятіемъ са-
мымъ увлекательнымъ, захватывающе интереснымъ, да-
ющимъ высшій смыслъ, отраду и удовлетвореніе душѣ
твоей. Любимый, увлекательный трудъ полиѣе всего скра-
шиваетъ и оздоравливаетъ человѣческую жизнь, являясь
могучимъ предохранителемъ и цѣлителемъ недуговъ ду-
шевныхъ и тѣлесныхъ. «Счастье и трудъ вмѣстѣ живутъ».
Развертывай свою работоспособность во всю полноту ея
природной мощи; всѣ силы и способности души и тѣла
втягивай и вкладывай въ работу. «Работай руками, ра-
ботай умомъ, работай безъ усталости ночью и днемъ»
(Омулевскій). Ободряющимъ примѣромъ и вдохновитель-
ницами въ неустанной работѣ можетъ служить для тебя
вся окружающая насъ міровая жизнь. «Трудись: ничто

не прочно безъ труда; *взяли кругомъ, учись: источникъ твой — природа — безъ усталы работаетъ всегда* (Омулевскій).

Итакъ, кто хочетъ спасти свою душу, тотъ приготовь себя къ трудамъ, подчасъ даже къ суровымъ и тяжелымъ. Не давай поблажки живущей въ тебѣ склонности и позыву къ лѣни и бездѣятельности. Истинному Христову послѣдователю не до забавъ и излишняго отдыха. Онъ помнитъ, что всѣ истинные труженики успѣютъ еще отдохнуть вдосталь на томъ свѣтѣ. Тамъ ждуть насъ цѣлые вѣка покоя и отдыха. Но этотъ покой даромъ не дается. Его нужно заслужить, заработать. Истинный покой является, такъ сказать, платой или наградой за неустанно трудовую жизнь. Не потрудившись въ полную мѣру отпущенныхъ тебѣ силъ и способностей, ты не можешь извѣдать и всей прелести, всей сладости настоящаго и законнаго отдыха. Эту истину открыли еще древніе. У Римлянъ была поговорка: «трудно отдыхать, ничего не дѣлая». Не менѣе сильное побужденіе къ неутомимой, бодрой и торопливой работѣ даетъ намъ и то обстоятельство, что для нашей земной работы данъ намъ извѣстный, строго опредѣленный и вообще очень непродолжительный срокъ. Съ концомъ твоей земной жизни приходитъ конецъ и твоей земной работѣ. А между тѣмъ, отъ этихъ кратковременныхъ стараній и трудовъ нашихъ зависитъ, какъ мы уже знаемъ, и нескончаемая, вѣчная наша участь въ жизни загробной.

Эту-то кратковременность и въ то же время великую отвѣтственность и важность нашей земной жизнедѣятельности и ставитъ намъ на видъ Спаситель, когда убѣждаетъ насъ не медлить съ работой. «Работайте, пока день имѣете», училъ Спаситель; придетъ ночь, когда никто не можетъ (когда поздно будетъ) работать (Іоан. IX. 4). Быстро и неудержимо проходитъ время человѣческой жизни на землѣ. Проходитъ время и назадъ не возвращается. «Само Небо не имѣетъ власти надъ прошлымъ, потому

что бывшее уже было, и мнѣ былъ дарованъ мой часъ» (Драйденъ). Прошло мгновеніе, ушла минута, часъ, день.. и не осталось слѣда отъ нихъ. Поистинѣ, какъ дымъ, исчезаетъ время нашей жизни. Поэтому-то апостоль и внушаетъ людямъ особую зоркость и бдительность, особую внимательность, осторожность и бережливость въ пользованіи днями земной жизни. «Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупающе время, яко дніе лукави суть (*лукави*, т.-е. непостоянны, ненадежны, измѣнчивы и скоропреходящи).—(Ефес. V. 15—16).

Вмѣстѣ съ исчезающими днями уносятся и наши дѣла, поступки, мысли и желанія. Сказанное или сдѣланное уже никогда не воротится, чтобы можно было худое исправить и сдѣлать добрымъ. Такъ или иначе прожитой день не вернется и вспомнится въ своемъ неизмѣняемомъ видѣ на томъ поистинѣ великомъ и страшномъ судѣ, когда придется давать отчетъ во всякой минутѣ земной жизни...

Тогда счастливъ будетъ тотъ изъ насъ, кто въ этой жизни былъ вѣрнымъ слугою Христа,—кто не растратилъ въ этой жизни талантовъ, полученныхъ отъ Бога. Счастливъ будетъ тотъ, кто усердно работалъ не для земныхъ радостей и почестей, а для неба и вѣчности; счастливъ будетъ всякій, «кто дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ,—не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ». (Языковъ, «Подражаніе псалму»)...

Наоборотъ, горе будетъ рабамъ лѣнливымъ и лукавымъ, поправшимъ въ этой жизни правду, отвергавшимъ истину и предававшимъ на поруганіе все святое, подобно Іудѣ, который предалъ Господа... Каждому будетъ воздано по заслугамъ на томъ свѣтѣ. Таковъ ужъ законъ правды небесной. «Что посеешь, то и пожнешь».—«Скупое посеешь, скудно и соберешь». (2 Кор. IX. 6). Земная жизньъ наша—это время посѣва для будущей небесной

жизни. Особенности этого посѣва таковы, что плоды его откроются только въ будущемъ—въ вѣчномъ царствѣ Христа. Кто тутъ сѣетъ щедро, кто широко разбрасываетъ зерна добра, кто мучается и томится здѣсь по разумной Божьей жизни, тотъ на томъ свѣтѣ отдохнетъ и успокоится: онъ увидитъ, какъ изъ малыхъ зернышекъ добра, брошенныхъ имъ въ этой жизни и политыхъ трудовыми слезами, вырастутъ въ будущей жизни цѣлыя огромныя деревья добра, приносящія плоды по силѣ своей,—которое въ сто кратъ, которое въ шестьдесятъ и которое въ тридцать (Мѡ. XIII. 9.). Кто же теперь лѣнитъ сѣять, т.-е. работать для добра и правды Божіей въ этой жизни, тотъ и на томъ свѣтѣ ничего не соберетъ. Мало того: лѣнность, нерадѣніе и беззаботность о будущей жизни приведеть его къ отвѣту и строгому наказанію отъ Творца и Владыки его жизни (Мѡ. XXV. 30).

Каждый изъ васъ прекрасно знаетъ, какъ воздѣлываютъ землю для посѣва. Много труда, заботъ и стараній прилагается тутъ къ дѣлу. Всѣ заботы и тревожныя мысли земледѣльца устремлены въ это время къ тому,—какъ бы благополучно уродился хлѣбъ, не попало ли его солнцемъ, не выбило градомъ, не повредило бы урожаю какое-нибудь насѣкомое.

Еще большихъ заботъ, большаго вниманія требуетъ духовное наше сѣяніе, т.-е. уготовленіе себѣ небеснаго урожая, небесныхъ благъ и сокровищъ. Не правда ли,—жизнь наша скоротечна? И не оглянешься, и не опомнишься,—уже нагрянула старость... Смотри же, братъ, посѣшай навестать потерянное; спѣши выполнить свой урокъ, справить «заказъ», данный тебѣ жизнью, осуществить свое назначеніе. Помни твое великое призваніе: ты человѣкъ; въ тебѣ образъ Божій; дорожи этимъ несравненнымъ даромъ, береги Божій подарокъ, не гаси въ себѣ «искры Божіей», но приближайся къ Богу добрыми дѣлами. Медлить нельзя: пока еще есть въ насъ силы, пока не застыли въ насъ жизненные соки, пока холодъ

жизни и старости не сковаль наши силы, постараемся и поспѣшимъ сдѣлать что нибудь доброе въ жизни, оставить по себѣ добрый слѣдъ, добрую память.

Помните: если мы потеряемъ деньги или другія земныя драгоценности, мы можемъ нажать другія; если же потеряемъ время, то никогда не вернемъ его. «Поистинѣ, будемъ искать хотя одинъ часъ сего времени, и не найдемъ его». Изыдемъ же на дѣла благая, изыдемъ даже до вечера (псл. 102. 23), до самаго заката дней нашихъ, до отхода въ жизнь вѣчную.

Пора, ой, какъ пора намъ подумать о своей жизни и взяться за работу для Царства Божія,—взяться не медля, безъ излишняго раздумья, съ охотой и любовью. Кто въ состояніи достойно оплакать людское неразуміе? Тысячи людей сто разъ повернуть, потрутъ въ рукахъ «ломаный грошъ», пока куда-нибудь истратятъ его. Мало ли у насъ *образцово-разсчетливыхъ* и экономныхъ хозяевъ, которые съ чувствомъ скупости берегутъ и сохраняютъ никуда ненужную старую рухлядь, загромождаютъ свое жилище и всю жизнь свою разнымъ мусоромъ и хламомъ. И эти же самые люди съ развязной безпечностью безумнаго мота попусту тратятъ драгоценнѣйшее сокровище—время, не давая себѣ никакого отчета въ этой тратѣ. На ѣду, на забавы, на капризные прихоти, на всяческое баловство и вредныя излишества уходятъ у насъ цѣлые недѣли и мѣсяцы. А на заботы о душѣ своей, о томъ, что «едино есть на потребу» (Лк. X. 12),—на дѣла любви и правды,—люди скупаются удѣлить минуты. Въ частности мы—русскіе—особенно страдаемъ отъ безпечной и преступной неразсчетливости въ употребленіи времени. Одинъ изъ русскихъ же проницательнѣйшихъ наблюдателей нашей жизни давно отмѣтилъ за нами упомянутый недостатокъ. «Есть у русскаго человѣка врагъ непримиримый, опасный,—врагъ, не будь котораго, онъ былъ бы исполнимомъ» (Гоголь).

Подумаемъ о своей участи. Не будемъ сѣять скупю, а

то нечего собирать будетъ. Позаботимся не столько о тѣлесномъ украшеніи, сколько объ украшеніи души своей. «Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій» (Іоан. VI. 27). Поспѣшимъ дѣлать добро, оказывать ласку и помощь людямъ, пока живы. «Близокъ всему конецъ», напоминаетъ апостоль. «Итакъ, будьте благоразумны и бодрствуйте въ молитвахъ» (I Петр. IV. 7). «Не будемъ спать, какъ прочіи,—поучаетъ другой апостоль, но будемъ бодрствовать и трезвиться» (I Солун. V. 6). «Въ усердіи не ослабѣвайте»,—прибавляетъ онъ же (Римл. XII. 11). Работайте, пока день имѣете. «Прійдетъ ночь», прійдетъ смерть, и тогда поздно будетъ работать, поздно дѣлать запасы. «Поздно тогда начинать жизнь, когда нужно кончать ее».

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Господи! Изведи душу мою изъ этого несчастнаго состоянія равнодушія, лѣности, небреженія, окаменѣнія, нечувствія, расслабленія. Какъ потерявшій сознаніе, я пребываю въ этомъ состояніи; но даруй скорѣ очнуться, даруй увидѣть свѣтъ Твой, даруй тронуться Твоимъ таинственнымъ видѣніемъ, даруй пролить слезы предъ Тобою, Благодѣтелемъ и Исцѣлителемъ моимъ!

* * *

«Тебѣ оставленъ есть нищій, сирѣ ты буди помощникъ»... (псал.). Даже ветхозавѣтные люди умѣли такъ прекрасно выразить и усвоить волю Божию о покровительствѣ нищимъ и сиротамъ. Христіанинъ ли допускаетъ въ своей средѣ быть и нищимъ, и сирымъ — безъ крова, пріюта и хлѣба?!.. О, какъ еще мало мы — христіане, когда посмотришь на наши улицы!

* * *

Покопавшись въ причинахъ страданій и несчастій человѣческихъ, разныхъ тяжелыхъ испытаній жизни, найдешь, что Господь искупаетъ этимъ часто какой-нибудь изъ нашихъ тяжелыхъ грѣховъ, желая очистить насъ здѣсь, а не наказывать тамъ. И каждое наше преступленіе и паденіе искупаетъ сроднымъ ему и соответственнымъ наказаніемъ: нашу ненависть и обиду ближнему — ненавистью и обидою намъ со стороны ближняго и т. под.

* * *

Пробужденіе природы весною полно чудесъ и непостижимой силы, находящей свое объясненіе лишь въ зиждительной силѣ Творца вселенной. Не такъ ли вѣкогда, какъ растенія послѣ зимней спячки и какъ бы смерти, пробудимся и всѣ мы отъ сна смертнаго — тою же зиждительною силою Владыки жизни и смерти, чтобы предстать Его послѣднему суду, коимъ откроется будущая вѣчная весна жизни блаженной.

* * *

Когда постигнетъ тебя какое несчастье, знай: это *благодать Божія на покаяніе тя ведетъ*... Какъ вервь, сдерживаетъ она насъ отъ окончательнаго погрязанія въ суетѣ и тлѣніи и отъ удаленія туда, гдѣ намъ грозитъ особенная опасность.

* * *

«*Хочешь ли цѣль быти?*» Сколько разъ и намъ задаетъ Господь этотъ вопросъ на каждомъ шагѣ нашего духовнаго ослабленія и разлѣненія. Но мы — молчимъ или отвѣчаемъ не такъ, какъ бы надо, не радѣя о своемъ исцѣленіи и укрѣпленіи.

* * *

И мы всѣ—*апостолы*, и мы всѣ—проповѣдники, посланные Богомъ на жизнь благочестивую, поучительно-добрую и примѣрную для другихъ. Итакъ, если ты живешь плохо, ты проповѣдуешь ученіе бѣсовское, распинаешь Слово Божіе, Христа, и готовишь себѣ участь Іуды предателя. Тяжела жизнь благочестивая, но эта тяжесть есть печать мученичества, кою мы, подобно апостоламъ, должны запечатлѣть нашу проповѣдь жизнью и дѣлами...

* * *

Апостолы Христовы... Какая дивная сила! Какая славная армія, посланная Господомъ на покореніе міра—безъ

меча, безъ хлѣба, безъ денегъ, даже безъ жезла! И эта-то горсточка воиновъ Христовыхъ дѣйствительно посрамила всякую силу и славу человѣчества, препобѣдивъ ее и покоривъ силѣ Евангелія.

* * *

Боже! Сколько въ мірѣ всякихъ несправедливостей, зла, нечестія, беззаконія и злобы. Попраны Твои завѣты, какъ будто и не было ихъ. Нѣтъ мира и любви, принесенныхъ и заповѣданныхъ Тобою,—даже среди послѣдователей Твоихъ. Нѣтъ истиннаго христіанства, во всемъ—тонкое язычество, самообожаніе, самоугодіе и плотоугодіе.

* * *

Сколько зла и неправды происходитъ отъ того, что намъ трудно стать на точку пониманія и зрѣнія другихъ людей. Мы о всемъ судимъ по нашему узкому зрѣнію, но всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ другомъ не можемъ и не умѣемъ представить, привыкнувъ разсуждать о томъ лишь, что намъ полезно или вредно, пріятно или непріятно.

* * *

«Иисусъ... утруждся при пути, съде. И се — жена... приходитъ почерпнати воду»... Господь вступаетъ съ нею въ бесѣду и уловляетъ въ сѣти спасительнаго Своего ученія. Такъ, и *отдыхъ* Свой Господь отдаетъ спасенію душъ человѣческихъ. Это предпочиталъ Онъ и пищѣ тѣлесной, видя въ трудѣ Своемъ истинное брашно и наслажденіе.

* * *

Въ искушеніи врагъ прежде всего старается подорвать въ насъ вѣру, какъ это сдѣлалъ онъ и въ раю съ Евою: *«не вѣрете, что смертію умрете, напротивъ: будете какъ боги»...* Ясно, что кто ослабѣлъ въ этой вѣрѣ, у кого

врагу удастся завладѣть этою самою крѣпкою опорою — тому уже мало надежды удержаться и на остальныхъ пощипіяхъ. Пльнь или гибель неизбежно грозятъ ему. Это отсутствіе вѣры и ослабленіе, помраченіе ея замѣтно во всѣхъ нашихъ грѣхопаденіяхъ. Мы точно не вѣримъ, что намъ грозитъ за нихъ что, и безстрашно нарушаемъ одну заповѣдь за другою, не думая ни о чемъ. Между тѣмъ, если бы живо помнили угрозы нарушителямъ воли Божіей и придавали имъ значеніе, конечно, всячески бы удерживались отъ грѣха.

* * *

Когда постигнетъ тебя несчастіе, когда заложетъ сердце тоска, скорбь,—знай, что это Господь «сѣде» при колодецѣ твоего сердца и хочетъ тебя уловить и напоить водою живою, ибо и тебя, какъ самарянку, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время хочетъ отвлечь отъ земного, суетнаго и привязать къ небесному, вѣчному и нетлѣнному.

* * *

Жизнь христіанина—любовь, и она же—счастіе и высшее благо сердца нашего. О, какъ мы мало сознаемъ, цѣнимъ и осуществляемъ эту «альфу и омегу» Христова ученія. Никакой врагъ не сдѣлаетъ намъ столько зла, сколько мы сами, не пользуясь возможностью достигнуть полного и истиннаго нашего счастія чрезъ провозженіе жизни благочестивой и Христолюбивой.

* * *

Скорби, всякую тѣсноту и горечь житейскую, тяготу и всѣ страданія несетъ человекъ въ искупленіе своего убожества, ошибокъ, паденій, несправедливостей въ отношеніи къ ближнему и т. п. Отъ многихъ этихъ скорбей и страданій — помни! — удержишь себя, удерживаясь отъ грѣховнаго дѣла мыслью о томъ, что долженъ будешь заплатить за грѣховное удовольствіе и дѣло совершенно

уничтожающимъ его тѣмъ или другимъ страданіемъ, имѣющимъ притти во время свое.

* * *

Илія при вознесеніи своемъ на небо оставилъ ученику своему Елисею *милоть* — одежду свою. Такъ и Господь, возносясь отъ насъ, оставилъ намъ одѣяніе Своего Божества — пречистую Плоть Свою въ Божественномъ причащеніи, удостоиваемые котораго мы истинно пребываемъ съ Нимъ во вся дни до скончанія вѣка.

* * *

О, Господи! Какъ меня страшитъ моя жизнь безъидейная, бесполезная, никому ненужная, небрежная, лѣностная, разслабленная! Какъ страшитъ меня мысль, что эта жизнь такую останется и впредь! О, помоги мнѣ сдѣлать ее Тебѣ любезною и угодною, не чуждою царствію Твоему.

* * *

Мы просимъ у Бога часто и богатства, и довольства, и благъ земныхъ. И слава Богу, что Онъ не исполняетъ обыкновенно такой нашей просьбы. Но вотъ есть просьба, какой Онъ никогда не отказываетъ: это просьба о прощеніи грѣховъ благодатію Св. Духа. Проси же сего, грѣшникъ, достойный всякаго сожалѣнія, что менѣе всего объ этомъ просишь, хотя болѣе всего въ этомъ нуждаешься.

* * *

Только что я воздохну о Твоихъ милостяхъ, Господи, какъ сейчасъ же погружаюсь мыслями и произволеніемъ въ тину нечистоты и грязной похоти. О, жалкое паденіе души! О, непостоянство! Удивительно ли, что и Господь не отвѣчаетъ на наши мольбы такъ, какъ Онъ всегда готовъ бы былъ, изливая Свой щедроты въ неистощимомъ изобиліи и независтности.

* * *

Кагъ ясно устами пророка Божія Духъ Божій задолго говоритъ о вознесеніи Господа на небо: *«се дніе трядутъ, и станутъ нозъ Его въ день онъ на горъ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму»*... (Захар. XIV, 1, 4). Жалки люди, невѣрующіе истинѣ Господня воплощенія, воскресенія, вознесенія.

А. І.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДВИГЪ ЖИЗНИ ¹⁾.

Нынѣшній день, друзья мои, по своей глубокой знаменательности является единственнымъ въ вашей жизни. Нынѣ вы переступаете порогъ школы и входите въ жизнь, жизнь самостоятельную.

Жизнь!.. Какое обыкновенное это слово и сколь неисчерпаемо оно по своимъ признакамъ и опредѣленіямъ, по своему пониманію! Это — глубина моря, хранящая и для cadaго изъ васъ еще тысячи неизвѣданныхъ тайнъ. «Вотъ вѣдь гдѣ бѣда, — исповѣдуется одинъ изъ героевъ Достоевскаго (Димитрій Карамазовъ), — ибо все на свѣтѣ загадка. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка». Нѣтъ сомнѣнія, что та сумма положительныхъ знаній, которая приобрѣтена вами въ стѣнахъ этой школы, и опытъ жизни въ значительной степени приблизятъ къ вашему сознанію эти загадки жизни, позволятъ разобраться въ нихъ, дадутъ возможность оцѣнить ихъ истинное значеніе и смыслъ. Но кто же изъ насъ можетъ серьезно думать, что эти знанія совершенно достаточны и достаточно незыблемы, чтобы опредѣлить вполне вѣрный курсъ для нашей жизненной лады, и кто не знаетъ, какъ непоправимо губительны бываютъ опыты жизни. Можно ли успѣшно отыскивать

¹⁾ Слово, сказанное въ церкви Императорскаго Коммерческаго училища въ день годовичнаго выпуска воспитанниковъ 31 мая 1908 г.

въ кругу этихъ знаній основу для жизни, если начало ея и конечный исходъ въ области этихъ знаній до сихъ поръ еще являются неразрѣшимыми проблемами.

Вотъ почему есть потребность въ этой послѣдней бесѣдѣ съ вами не со школьной, а съ церковной кафедрой, благословляя васъ въ жизнь, изъ всей суммы знаній напомнить вамъ тѣ уроки о жизни, которые вѣрующее сердце почерпаетъ въ откровеніи христіанскомъ и которые по своей внутренней глубокой правдѣ являются единственно надежными маяками въ морѣ житейскомъ. А долговѣчный опытъ жизни христіанской и ея живыя воплощенія даютъ этимъ урокамъ непререкаемую цѣнность.

Жизнь—бездѣнный даръ Творца. Самымъ разительнымъ чудомъ міровой исторіи, предъ которымъ смиренно склоняется и пытливая мысль человѣческая, было появленіе первой жизни на землѣ. Итакъ, дорожите жизнью... дорожите ею во времена благополучія вашего и радости, и во времена скорби и печали. Цѣните жизнь вашу не узкимъ мѣриломъ личнаго счастья, а ея значеніемъ и пользою для блага общаго, для нарастанія и укрѣпленія добра и правды на землѣ. Ибо тѣ блага на землѣ, которыя для многихъ и многихъ еще исчерпываютъ весь смыслъ жизни и въ которыхъ стараются они найти цѣнность ея,— богатство, слава, честь... могутъ ли быть таковыми, если вокругъ нихъ сталкиваются интересы многихъ, если богатство, почетъ и покой одного лица требуютъ для своего утвержденія труда, лишеній и безпокойства другихъ... Могутъ ли блага эти составлять дѣйствительную цѣнность жизни, если обстоятельства или люди, или, наконецъ, самая смерть лишаютъ ихъ владѣльца, обезцѣниваютъ всѣ эти цѣнности, если предъ крышкой гроба ихъ значеніе сводится къ нулю... Это, по словамъ Евангелія, «сокровища оскудѣвающія, къ которымъ воръ подкапывается и крадетъ, которыя моль и ржа истребляютъ» (Мѣ. VI, 19—20). У всѣхъ людей, у всѣхъ народовъ былъ, есть и будетъ одинъ смыслъ жизни, неуничтожимый и въ смерти: это—

«исканіе царства Божія и правды его», правды Богообщенія, напряженное и дѣятельное стремленіе къ осуществленію добра и истины. Это—исконный путь человѣчества съ появленія зла среди него; человѣкъ ищетъ утраченное благо, хотя не всегда идетъ къ нему прямою дорогою и часто забываетъ о своей задачѣ. Если бы всѣ сознали этотъ путь и дѣятельно устремились къ нему, царство Божіе, царство воли Божіей пришло бы «въ силѣ и славѣ» своей, осуществилось бы и въ наличной дѣйствительности. Великій писатель русской земли, писатель-христіанинъ, слишкомъ серьезно относившійся къ загадкѣ жизни и смѣявшійся сквозь слезы, вещественный памятникъ которому сооружается здѣсь, недалеко отъ насъ, опредѣляя смыслъ и цѣль человѣческой жизни, въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «я ежедневнымъ опытомъ всякаго часа, всякой минуты убѣждаюсь, что здѣсь, въ этой жизни, мы должны работать не для себя, но для Бога... должны стараться, чтобы всѣ наши занятія были устремлены на прославленіе Его имени и вся жизнь наша была неумолкаемымъ ему гимномъ»¹⁾.

Кто свободно и сознательно оцѣнить этотъ единственный смыслъ жизни, осуществленіе котораго совмѣстимо со всякимъ званіемъ, со всякимъ состояніемъ, тотъ отважнымъ, неустрашимымъ воиномъ вступить въ жизнь, тотъ не постыдится во вѣкъ и не дрогнетъ предъ жизненными невзгодами, тотъ не падетъ малодушно при видѣ человѣческаго зла и неправды, ибо онъ знаетъ, что царствіе Божіе «силою нудится», съ трудомъ, съ усиліемъ осуществляется какъ въ отдѣльной душѣ человѣческой, такъ и во всемъ человѣчествѣ, и только «употребляющіе усиліе», по словамъ Евангелія, «восхищаютъ его»; для него жизнь — не арена дешевыхъ и пріятныхъ удовольствій, не вѣчный пиръ и безумная вакханалія, а поле

¹⁾ Изъ письма къ гр. М. А. Віельгорской, отъ 1849 г. апрѣля 16. „Вѣст. Евр.“ 1889 г., XI, стр. 143.

подвига, борьбы — борьбы съ своими грѣховными на-
выками и стремленіями, борьбы съ людскою злобою, пре-
пятствующею осуществленію добра и правды на землѣ.
И пусть никто изъ вступающихъ въ жизнь не говоритъ,
что это подвигъ непосильный, что это дѣло исключи-
тельныхъ натуръ. Припомнимъ чудную и глубокоутѣши-
тельную для васъ евангельскую притчу о талантахъ, изъ
которой видимъ, что отъ насъ требуется подвигъ по мѣрѣ
нашихъ силъ, взыщется съ насъ по мѣрѣ нашихъ даро-
ваній. Никто изъ васъ не лишень этихъ дарованій, всѣ
вы выходите въ жизнь, обладая различными духовными
талантами. Да не уподобится никто изъ васъ лѣнивому
рабу притчи, оправдывавшему свою лѣность жестокостью
господина, или, какъ принято у насъ, неблагоприятными
обстоятельствами,— люди должны стремиться стать выше
обстоятельствъ. Одинъ несетъ въ жизнь острый и пытли-
вый умъ; пусть посвятить себя онъ глубокому и честному
исканію истины, пусть пріобщаетъ и другихъ къ этой
истинѣ; подлинная истина, мы въ этомъ убѣждены, оправ-
даетъ предъ нимъ во всей глубинѣ и единственно подлин-
ный смыслъ человѣческой жизни,—осуществленіе законовъ
Верховной Воли. Обладающій талантомъ мягкаго и отзыв-
чиваго сердца или твердой, непреклонной воли — буди
сердца людей, располагай ихъ къ людскому горю и стра-
даніямъ, внушай рѣшимость стать на путь дѣятельнаго
человѣколюбія. Блаженъ сохранившій въ себѣ талантъ
пламенной и горячей вѣры; не стыдись открывать его;
подвигомъ любви усугубляй и глубже раскрывай въ себѣ
этотъ талантъ, зажги огнемъ твоей вѣры холодное и чер-
ствое сердце ближняго, согрѣй его, освѣти предъ нимъ
жизненный путь... И будутъ согрѣтыя вами сердца сохра-
нять неизгладимую и благодарную память о васъ, а вы,
переступая порогъ вѣчности, утѣшены будете кроткимъ
словомъ небеснаго Домовладыки: «вѣрные и добрые рабы,
въ маломъ вы были вѣрны, надъ многими поставлю васъ;
войдите въ радость Господина своего» (Мѣ. 25, 21).

Да, велика загадка жизни, высокъ и труденъ подвигъ жизненный, къ которому вы нынѣ приобщаетесь. И право, не знаешь въ этотъ моментъ—больше ли радоваться или больше печаловаться за васъ... Притомъ не думаю, чтобы ощущение это было только моимъ. «Мы съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждали этого дня, — рассказывалъ намъ одинъ старецъ—питомецъ старой суровой школы, — этой вождѣльной свободы... мы думали, что радость наша будетъ безконечна... Наступилъ, наконецъ, день этой свободы... мы свободны отъ школьной опеки... мы дѣйствительно переступили порогъ школы... навсегда. И что же вы думаете? Когда пошли мы съ бумагами въ рукахъ отъ этого казеннаго, сѣраго зданія, отъ этой суровой школы, которая была для насъ гораздо чаще мачехой, чѣмъ матерью, мы плакали, какъ дѣти, плакали дѣтскими безсильными слезами,—плакали такъ, какъ никогда не плакали въ школѣ, ибо она не умягчала сердца... Украдкой старались мы взглянуть на эти сѣрыя линіи стараго зданія, запечатлѣть ихъ въ своемъ сердцѣ, какъ стараемся мы запечатлѣть черты дорогого намъ образа, когда въ послѣдній разъ видимъ его въ земной обстановкѣ... И мы хорошо чувствовали, что это не были слезы радости, ибо онѣ жгли сердце, сверлили душу... Мы удивлялись себѣ и спрашивали только себя, что значать эти слезы, и должны были признаться себѣ, что мы боялись... боялись свободы, которая такъ привѣтливо манила насъ издалека... такой вождѣльной казалась намъ... Да, закончилъ свои воспоминанія старецъ, хороша свобода, это безцѣнный даръ, но даръ страшный, ибо свобода требуетъ ответственности. Свобода хороша, прибавилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, когда хорошо ею распорядишься... Мы не имѣемъ данныхъ сказать, какъ распорядился этотъ старецъ своею свободою; не знаемъ мы и того, какъ вы распорядитесь своею свободою, но именно это незнаніе и создаетъ непреодолимую потребность указать вамъ, хотя вкратцѣ, на тѣ искушенія, которыя современная

намъ жизнь выдвигаетъ для вашей свободы. Вы выходите на жизненный трудъ. Что можетъ быть выше и почтеннѣе труда, условія и внѣшняго, и внутренняго благополучія нашего! Но, какъ это ни странно, не всякій трудъ служить на пользу; трудъ труду рознь. Да не склоняется свобода ваша, да не истощаются силы ваши исключительно въ трудѣ разрушенія, въ чемъ многіе и многіе теперь полагаютъ весь смыслъ своей жизни, — въ трудѣ разрушенія вѣковыхъ устоевъ жизни—религіозныхъ, семейныхъ, нравственныхъ, въ обезцѣниваніи всѣхъ прежнихъ цѣнностей, накопленныхъ человѣческимъ знаніемъ и опытомъ, въ разложеніи тѣхъ формъ жизни, которыя въ существѣ своемъ и идеѣ прекрасны и высоки. Обольщать васъ будетъ этотъ трудъ своею необходимостью, смущать своею легкостью... Гоните прочь эти обольщенія! Помните, что человѣчество въ своей благодарной памяти никогда не сохраняло героевъ разрушенія, только разрушенія. Всѣ великіе люди среди человѣчества—герои творчества, а не разрушенія. Работа разрушенія имѣетъ извѣстный резонъ, когда совершается она во имя положительныхъ ясно выраженныхъ идеаловъ, во имя созиданія. Но какъ часто приходится встрѣчаться теперь съ теченіями, въ которыхъ мы ясно и отчетливо видимъ, что отрицается, и не видимъ, что утверждается, и еще меньше видимъ, что утверждаемое не фантазія и утопія, а дѣйствительная реальная правда.

Не меньшимъ соблазномъ для вашей свободы будетъ и то упрощенное міровоззрѣніе, которое широко разливается и въ литературѣ, и въ жизни, и по которому человѣкъ замыкается въ закодированный механической кругъ причинъ и слѣдствій. Здѣсь видимъ мы самое непослѣдовательное, но самое жестокое посягательство на свободу человѣка. Человѣкъ обращается въ автомата, въ одинъ изъ многочисленныхъ винтовъ той міровой машины, въ которой все совершается по желѣзнымъ, непреодолимымъ законамъ. Отрицаются законы духа и свободы, отрицается иной порядокъ бытія, кромѣ видимаго матеріальнаго, нравствен-

ный міропорядокъ, царство разума и свободы. Обольщать васъ будетъ это міровозрѣніе своею близостью къ низшимъ животнымъ инстинктамъ природы человѣческой, упраздненіемъ нравственнаго обязательства и отвѣтственности, своимъ девизомъ: «мнѣ все позволено»,—позволено даже спуститься до степени безсловеснаго. Но помните, друзья мои, что если теперь вы переступаете порогъ школы и спрашиваете себя: «какъ жить?»—то наступитъ моментъ, — и кто знаетъ, какъ далека онъ отъ каждаго изъ насъ,—когда придется намъ переступать другой порогъ... порогъ вѣчности и спрашивать себя: «какъ мы жили, какая цѣнность и смыслъ нашей жизни?» И человѣкъ, жизнь котораго опредѣлилась этимъ механическимъ міровозрѣніемъ,—я увѣренъ,—не найдетъ въ своей жизни ничего, кромѣ обидной бессмыслицы и самой злой насмѣшки надъ высокимъ званіемъ человѣка съ его богоподобной душой.

Нынѣ въ послѣдній разъ вы молитесь въ этомъ храмѣ, и какъ хотѣлось бы, чтобы нашею послѣднею молитвою были слова церковныхъ пѣснопѣній: «Господи, не введи насъ во искушеніе», не введи во искушеніе свободы нашей, дарованной Тобою. «Скажи намъ, Господи, путь, въ онъже поидемъ... научи насъ творить Твою волю... Духъ Твой благій наставитъ насъ на землю праву».

Свящ. І. Артоболевскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РАЗНОГЛАСІЯ ВЪ БИБЛИИ ¹⁾.

(По Хилею).

Ана хеттеянинъ.	Хорреянинъ.	Евеянинъ.
Быт. 26, 34 ²⁾ .	Быт. 36, 20.	Быт. 36, 2.

Лянге думаетъ, что терминомъ «хеттеянинъ» обозначается народъ, «евеянинъ» племя (триба), и «хорреянинъ» («житель пещеръ») мѣстожительсто Аны. Было по крайней мѣрѣ два Аны, одинъ братъ и другой сынъ Симеона ³⁾.

Или же, такъ какъ всѣ три имени различаются въ еврейскомъ только одною буквой, мы можемъ, вмѣстѣ съ Михаэлисомъ и Берто, объяснить это разногласіе ошибкой при перепискѣ.

Сыновья Анака были убиты.

И пошелъ Іуда на хананевъ, которые были въ Хевронѣ, и поразили Шешая, Ахимана и Өалмая (отъ рода Енакова) Суд. 1, 10.

Были изгнаны.

И выгналъ оттуда Халевъ трехъ сыновъ Енаковыхъ, Шешая, Ахимана и Өалмая, дѣтей Енаковыхъ. Ис. Нав. 15, 14.

И отдали Халеву Хевронъ, какъ говорилъ Моисей, и изгналъ оттуда трехъ сыновъ Енаковыхъ. Суд. 1, 20.

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую вѣд. *Душеполезное Чтеніе* 1909 г.

²⁾ Ср. Быт. 36, 20 и 24.

³⁾ Беери-Ана.

Де-Ветте ¹⁾ странно утверждаетъ, что дѣти Іуды убили этихъ самыхъ трехъ сыновъ Енаковыхъ, Шешая, Ахимана и Фалмая, которыхъ убилъ раньше Халевь. На это можно отвѣтить:

1. Если всё три указаннныя мѣста относятся къ одному и тому же событію, то пораженіе, которое въ первомъ текстѣ приписано людямъ Іуды, въ обычномъ фигуральномъ смыслѣ, приписывается во вторыхъ двухъ мѣстахъ Халеву, какъ вождю на этой войнѣ. Кромѣ того, глаголь «yāgash», употребленный въ текстахъ направо, означаетъ не только вытѣснять, изгонять, но также, по Фюрсту и Гезеніусу, и поражать ²⁾. Такимъ образомъ разногласіе исчезаетъ. Халевь изгналъ трехъ сыновъ Енаковыхъ изъ Хеврона и лишилъ ихъ жизни.

2. Или, съ Кенигомъ и другими, мы можемъ отнести противорѣчащіе тексты къ двумъ различнымъ событіямъ. По этой гипотезѣ, первыя главы книги Судей написаны не въ строго хронологическомъ порядкѣ (ст. 11—15, 29 цитируются почти буквально изъ Ис. Нав. 15, 13—19 и относятся, конечно, къ тому же самому времени). Такъ что послѣдовательность событій здѣсь слѣдующая: Исусъ Навинъ покоряетъ Хевронъ и убиваетъ или обращаетъ въ бѣгство сыновъ Енаковыхъ, которые живутъ тамъ. Но въ то время, когда Исусъ былъ занятъ въ другихъ мѣстахъ, остатокъ изгнанниковъ возвращается изъ страны филистимлянъ, чтобы снова взять Хевронъ и поселиться въ немъ ³⁾. Поэтому чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда этотъ городъ былъ предоставленъ Халеву, онъ долженъ былъ прежде всего вытѣснить сыновъ Енаковыхъ, три вождя которыхъ были убиты во время этого бѣгства, или же въ какой нибудь послѣдующей битвѣ, приверженцами Халева.

¹⁾ Introd. to Old Test. (Einleitung in d. Alte Test.) II, 174.

²⁾ Примѣръ Числ. 14, 12.

³⁾ Ис. Нав. 11, 21, 22.

Имена апосто- ловъ. Матѣ. 10, 2—4.	Второй спи- сокъ. Марк. 3, 16—19.	Третій спи- сокъ. Лук. 6, 13—16.	Четверт. спи- сокъ. Дѣян. 1, 13.
--	---	--	--

Имена, хотя и расположенныя не въ одинаковомъ порядкѣ, приведены согласно, за исключеніемъ двухъ случаевъ. Лучшіе критики, Альфордъ, ¹⁾ Мейеръ, Робинсонъ, Эбрардъ, Гардинеръ и другіе, придерживались мнѣнія, что Леввей, Ѡаддей и Іуда, братъ Іакова, были одно и то же лицо. Симонъ Зилоть и Симонъ Кананитъ были тождественны; «зилоть» — греческая форма, переводится по еврейски «кананитъ». Такъ какъ имя Вареоломей (сынъ Ѡалмая) есть отчество, то думали, что апостоль, называвшійся этимъ именемъ, тождественъ съ «НаѠанаиломъ», Іоан. 1, 45.

Мать Асы Мааха.

2 Пар. 15, 16.

Его бабушка.

3 Цар. 15, 2, 8, 10.

Въ древней Персіи цари часто, изъ политическихъ видовъ, усыновляли себя какой либо женщиной. Когда Киръ побѣдилъ Астіага, то, чтобы расположить къ себѣ нѣкоторую часть народа, принялъ Амитисъ, или Мандану, какъ свою мать. Д-ръ Ньюманъ ²⁾ остроумно предполагаетъ, что Аса подобнымъ же образомъ взялъ себѣ матерью — мать умершаго царя; отсюда она сдѣлалась царицей — матерью, хотя послѣ и была низложена за свое идолопоклонство ³⁾.

Аса отрицалъ высоты.

2 Пар. 15, 3, 5.

Высоты не были уничтожены.

3 Цар. 15, 14.

Бэръ, Теніусъ и другіе говорятъ, что были уничтожены высоты, посвященныя идоламъ; а тѣ, которыя посвящены были Іеговѣ, остались въ цѣлости, потому что вѣрные слуги этихъ высотъ, привыкнувъ къ нимъ ⁴⁾, могли опе-

¹⁾ См. его комментарій на Матѣ. 10, 2—4.

²⁾ Hist. of Heb. Monarchy, стр. 150, 151.

³⁾ 3 Цар. 15, 13.

⁴⁾ 3 Цар. 3, 2. 3.

чалиться по поводу ихъ уничтоженія. По мнѣнію Кейля во второмъ текстѣ подразумѣвается только, что царю не удалось провести вполнѣ свои реформы. Раулинсонъ предполагаетъ, что вышеприведенные тексты относятся къ двумъ различнымъ временамъ; въ первое время своего царствованія Аса истреблялъ идолопоклонство сильною рукой, между тѣмъ какъ въ его послѣдніе годы характеръ его измѣнился ¹⁾, и онъ допустилъ, чтобы идолопоклонство распространилось вновь.

Беданъ, судья Израиля (русск. Имя Бедана не упоминается. Варакъ) 1 Цар. 12, 11. Суд. 7—12.

Кассель и Дэвидсонъ, съ халдейскимъ текстомъ и раввинами, относятъ «Бедана» къ Самсону,—Беданъ одно и то же съ Бен-Данъ, т. е. изъ колѣна Данова. Эвальдъ считаетъ это имя испорченнымъ отъ Авдонъ.

Но Кейль и Кенникотъ, съ семидесятью толковниками, сирскимъ и арабскимъ кодексами, считаютъ это за ошибку переписчика, поставившаго Беданъ вмѣсто Варакъ, בדן вмѣсто בדן.

Отецъ Халева-Иефон- Хуръ. Есромъ.
нія. Ис. Н. 14, 6. 1 Цар. 2, 50. 1 Пар. 2, 18.

Были, какъ думаютъ Эвальдъ, Кейль и другіе, два или три человекъ съ именемъ Халева. Кромѣ того названіе «сынъ», въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ текстовъ, можетъ означать просто «потомокъ».

Что касается до разногласія между 1 Пар. 2, 19 и 59 объ отношеніяхъ Халева къ Ефраѣ и Хуру, то Раулинсонъ и Берто ставятъ періодъ послѣ слова «Халева» въ пятнадцатомъ стихѣ, и читаютъ такъ: «вотъ сыновья (относя эти слова къ прежде упомянутымъ лицамъ) Халева. Сынъ Хура, первенецъ Ефраѣ, былъ Шоваль» и проч. Этимъ устраняется всякое затрудненіе.

Хананеи были поражены. Были сдѣланы только дан-
Ис. Нав. 10, 40; 11, 14, 15. никами. Суд. 1, 28, 30, 33, 35.

¹⁾ См. 2 Пар. 16, 7—12.

Нужно замѣтить, что тексты, поставленные на лѣвой сторонѣ, состоятъ изъ общихъ выраженій, а въ частности относятся къ южной мѣстности Палестины.

Мазіусъ ¹⁾ думаетъ, что Иисусъ Навинъ пронесся по этой странѣ слишкомъ быстро, чтобы имѣть возможность лишить ее населенія совершенно. Ему нужно было только вселить такой страхъ въ средѣ своихъ враговъ, чтобы они не осмѣливались больше выступать противъ него. Всѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ и настигалъ, поражалъ; но онъ не могъ останавливаться и тщательно обыскивать всѣ потайныя мѣста. Это было предоставлено каждому отдѣльному колѣну въ его собственномъ надѣлѣ.

Хананеи были оставлены, Учить Израиля войнѣ.
чтобы искушать Израиля. Суд. 3, 2.

Суд. 2, 22; 3, 4.

Хананеи были пощажены по двойной причинѣ. Одна причина указывается въ двухъ первыхъ текстахъ, другая въ послѣднемъ. Израиль былъ подвергнутъ искушенію вслѣдствіе того, что ему была предоставлена возможность научиться испытаніямъ въ войнѣ противъ враговъ Бога и Его царства.

Христось Самъ несъ Свой Крестъ былъ возложенъ на
крестъ. Іоан. 19, 17. Симона. Лук. 23, 26.

Иисусъ Христось несъ крестъ Самъ до тѣхъ поръ, пока Его ослабленныя силы не заставили воиновъ возложить бремя креста на Симона. О послѣднемъ Мейеръ говоритъ, что онъ былъ рабомъ, и былъ избранъ для несенія креста вслѣдствіе позора этого дѣла. Изъ ев. Луки Эббардъ дѣлаетъ выводъ, что Симонъ несъ крестъ не одинъ, а пошелъ только зади Иисуса Христа и помогалъ Ему нести Его крестъ.

Иисусу Христу дали пить на Другой.
крестѣ одинъ напитокъ. И давали Ему пить вино

¹⁾ См. у Кейля, толк. на Ис. Нав. 10, 40.

И далъ Ему пить уксуса, со смирною; но Онъ не при-
смѣшаннаго съ желчью; и нялъ. Марк. 15, 23.
отвѣдавъ, не хотѣлъ пить.
Матѳ. 27, 34.

Изъ сравненія Матѳ. 27, 34 и 48 видно, что напитокъ
дважды былъ поднесенъ къ устамъ Иисуса Христа, когда
Онъ былъ на крестѣ. Въ первый разъ Ему поднесено
было вино, смѣшанное съ горькими наркотическими веще-
ствами, вслѣдствіе вкушенія котораго должно было по-
мрачиться Его сознаніе, и этого капитка Онъ не захо-
тѣлъ пить. Послѣ какое то — питье безъ примѣсей было
дано Ему, которое Онъ принялъ ¹⁾.

Слово, переведенное чрезъ «уксусъ» означаетъ, по Гро-
цію, Робинсону, Дэвидсону ²⁾ и другимъ, просто какое
нибудь обыкновенное, дешевое вино, которое пили бѣд-
ные люди. Слово, переданное чрезъ «желчь», обозначаетъ
что-нибудь горькое, полынь, макъ, мирру и т. п. ³⁾.

Родословіе Христа—одна
форма.

Другая.

Іаковъ родилъ Іосифа, му-
жа Маріи, отъ которой ро-
дился Іисусъ, называемый
Христосъ. Матѳ. 1, 16.

Іисусъ, начиная Свое слу-
женіе, былъ лѣтъ тридцати,
и былъ, какъ думали, сынъ
Іосифовъ, Илиевъ... Лук. 3, 23.

Существуютъ двѣ главныя теоріи относительно этихъ
родословій.

1. Теорія, которой придерживаются Альфордъ, Элликоттъ,
Гервей, Мейеръ, Милль, Патриціусъ, Вордсвортъ и другіе,—
что оба родословія относятся къ Іосифу; ев. Матѳеей при
этомъ представляетъ Христа законнымъ наслѣдникомъ
престола Давида, поименовывая послѣдовательныхъ на-

¹⁾ См. Іоан. 19, 29, 30.

²⁾ Sacred Hermeneutics, стр. 561.

³⁾ У LXX слово это означаетъ полынь, Притч. 5, 4; макъ (ядъ),
Втор. 29, 18. См. съ другой стороны Holmes in Kitto, II, 92—102, такъ
же Эббардъ въ „Еванг. Исторіи“, стр. 149—163.

слѣдниковъ царства отъ Давида до Іисуса, мнимаго сына Іосифа. Между тѣмъ какъ Лука даетъ частное родословіе Іосифа или обозначаетъ дѣйствительное его происхожденіе. Эта теорія очень остроумно и тщательно проведена лордомъ Артуромъ Гервеемъ въ его сочиненіи ¹⁾ объ этомъ предметѣ, къ этому сочиненію мы и отсылаемъ читателя.

2. Теорія, которой придерживаются Ауберленъ, Эбрардъ, Гресвелль, Курцъ, Лянге, Ляйтфутъ, Михаэлисъ, Неандеръ, Робинсонъ, Суренгузій, Визелеръ и другіе, что ев. Маттеей даетъ родословіе Іосифа, а Лука—Маріи. Хотя мнимыя разногласія могутъ быть устранены съ принятіемъ и той, и другой теоріи, однако предпочтеніе слѣдуетъ отдать второй, по слѣдующимъ основаніямъ.

(1) Вторая теорія, повидимому, поддерживалась нѣсколькими древними христіанскими писателями — Оригеномъ, Иринеемъ, Тертулліаномъ, Аванасіемъ и Іустиномъ мученикомъ.

(2) Она непрямо подтверждается іудейскимъ преданіемъ. Ляйтфутъ ²⁾ цитируетъ изъ сочиненій талмудическихъ писателей мѣсто относительно мученій въ гееннѣ, и здѣсь говорится, что Марія, дочь *Илія*, была видима въ преисподней, вынося страшныя мученія ³⁾. Это мѣсто изъ сочиненій раввиновъ указываетъ не только на сильную враждебность іудеевъ къ христіанской религіи, но также и на фактъ, что, согласно установившейся іудейской традиціи, Марія была дочерью Илія; поэтому можно думать, что у Луки приводится ея родословіе.

(3) Эта теорія объясняетъ намъ, въ какомъ смыслѣ Іисусъ Христосъ былъ «сынъ Давидовъ». Если Марія была дочь Илія, то Іисусъ Христосъ былъ въ строгомъ смыслѣ потомокъ Давида, не только по закону, чрезъ Своего

¹⁾ „The Genealogies of our Lord“, Lond. 1853. См. съ другой стороны Holmes in Kitto, II, 92—102.

²⁾ Horae Hebraicae, Лук. 3, 23.

³⁾ „Suspensam per glandulas mammarum“ и проч.

мнимаго отца, но и дѣйствительно, по прямому личному происхожденію, чрезъ Свою мать. Последнее соображеніе заключаетъ въ себѣ первостепенный интересъ и первостепенную важность.

(4) Въ этой теоріи дается очень простое объясненіе всего этого дѣла. Марія, такъ какъ у ней не было братьевъ, была наслѣдницей; поэтому ея мужъ, по іудейскому закону, считался въ семьѣ ея отца, какъ его сынъ. Такъ что Іосифъ былъ дѣйствительный сынъ Іакова, а по закону—Илія. Кратко сказать, евангелистъ Матѳеѣй указываетъ на право Іисуса Христа на царскій вѣнецъ въ теократическомъ государствѣ; ев. Лука—на Его происхожденіе. Последній упоминаетъ имя Іосифа вмѣсто имени Маріи, согласно съ іудейскимъ закономъ, по которому «родословія должны были составляться по отцѣ, а не по матери».

П. Михайловъ.

П И С Ь М А

ОПТИНСКАГО СТАРЦА І. АМВРОСІЯ

г-жѣ N . . . ой.

1864 года 30 марта 11-й часъ утра.

Миръ присному чаду матери N! Миръ и благопоспѣшеніе тебѣ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ—особенно же главной для немощныхъ и неисправныхъ: «оставите, сказано, и оставится вамъ». Не знаю, въ какомъ ты находишься теперь расположеніи, а думаю, что душевный намъ благодѣтель (проѣзжающій) вертится у тебя и въ сердцѣ, и въ мысли; потому и пишу о заповѣди прошенія и отпущенія долговъ ближнему, да и наши долги душевные отпустятся намъ. Онъ мало-по-малу объяснялся и просилъ прошенія; просилъ также меня примирить его съ другими. Онъ думаетъ выѣхать отъ насъ въ слѣдующую субботу утромъ. Молись пока о немъ по наставленію Аввы Дорофея: Господи! помози рабу твоему N. и за его молитвы мнѣ окаянной! Молитва сія тебѣ подастъ силу спокойно увидѣть его и принять благословеніе. О. игумень Антоній недавно сказалъ одному брату скорбящему: скоро будетъ Пасха—простимъ вся воскресеніемъ; а я грѣшный прибавлю, да возможемъ чрезъ сіе съ радостію встрѣтить сей праздникъ. Теперь мы съ тобою не только христіане, но и монахи!!!

Вчера въ 3 часа утра скитскій больной старецъ Д. почилъ о Господѣ мирною кончиною (пострижень). Теперь

идеть преждеосвященная литургія, и будетъ погребеніе. На немъ явно оправдались слова: инъ судъ человѣческій и инъ судъ Божій! Еще во время болѣзни всѣ братья любовію расположились къ нему.

Не знаю, пишетъ ли къ тебѣ сестра. Ее допекають возраженіями, что въ это лѣто не быть въ Оптинѣ; и одинъ только разъ подана малая къ этому надежда.

Здоровье мое — бываю и слабъ, бываю и покрѣпче. Геморрой въ сырую погоду бродить по всему тѣлу; въ ногѣ больной теперъ менѣе оцутителенъ; но обѣ ноги не терпятъ обуви.

Въ подкрѣпленіе при мысли о благодѣтелѣ душевномъ прочти со вниманіемъ у Ефрема Сирина въ руск. пер. въ части 3-й гл. 95 стр. 237. О страшномъ пришествіи Господнемъ—31-е.

Письмо твое получилъ. Ты прежде узнала бы отъ Н., благословилъ-ли ей я шить башмаки? она сдѣлала вопросъ этотъ отъ глупости, такъ же и сестрамъ говорила. Будь покойна: не только башмаки, но и сапоги шить не получаютъ благословенія вопреки твоего желанія.

Многогр. *І. Америкосій.*

18 іюля 1864 г. Диктованіе.

Сестрѣ о Господѣ Н.

Мать!

Желаю тебѣ въ благодушїи пребывать
И безъ толку не унывать,
А лучше уповать
На Божію благодать,
Всѣхъ скорбящихъ
И волею, и неволею терпящихъ
Въ свое время утѣшающую.

Письмо твое получилъ, а писать будетъ тебѣ сестра.

22 іюля 1864 г.

Миръ чаду возлюбленному. Не только не смущайся, но и не удивляйся разстройству между твоими келейными; вещь эта обычная на пути благочестія. Тогда только достигается человѣкъ спокойствія и твердаго мира, когда достигнетъ безстрастія. Но и безстрастные не могутъ быть безъ скорби; скорбятъ если не за себя, то за другихъ. И мы скорбимъ за другихъ и изъ-за другихъ, но не какъ безстрастные, а часто по простымъ человѣческимъ взглядамъ, а потому и скорбленіе наше по большей части бываетъ безотрадно. Смиримся — предадимся промысленію Божію, и по мѣрѣ сего получимъ успокоеніе и отраду въ свое время.

Н. и Н. твоя непростая помирились; хоть и обѣ неправы, но съ обѣихъ сторонъ есть и поводы къ нѣкоторому оправданію; а настоящее смиреніе-то у кого оно изъ насъ есть? Не принимай къ сердцу келейное разстройство—и не спѣши принимать новыя мѣры; впередъ видно будетъ, что и какъ сдѣлать! Письма твои получаю. Возверзимъ печаль свою на Господа.

 21 августа (безъ года).

Чадце недоумѣнное и скорбящее безъ мѣры! Письмо твое отъ 12 августа получилъ. Если не будешь такъ скоро довѣрять вражіимъ внушеніямъ и ими безъ мѣры смущаться до роптанія, то берусь поддерживать тебя и твоихъ близкихъ, сколько это человѣку возможно, а сколько съ другой стороны зависитъ отъ Бога, то уже *это* будетъ устроить, какъ и устроитъ, Самъ Господь по Своему всеблагому и всепремудрому промысленію, устроитъ каждому полезное для его души, а не для тѣла или угодное только по внѣшнему благополучію. Вся премудростію сотворилъ и творитъ, а намъ должно покоряться Его святой волѣ.

Если за NN. нужно что дать, чтобы выкупить его паспортъ, то дать безъ разговоровъ, вотъ и все. Если онъ хорошо хозяйствуетъ, то кто же будетъ тебѣ въ этомъ мѣшать? Никто и не думалъ о семь.

4 сентября 1864 г.

Миръ чаду возлюбленному—искушаемому отъ врага и собственныхъ немощей! Да упразднить Господь козни его, а насъ да помилуетъ. Говорила и пишешь, что ты все говоришь по простотѣ; зачѣмъ же думаешь не просто и непремѣнно къ слову другихъ привяжешь что-нибудь, что другіе говорили это не просто, а съ какимъ-нибудь намѣреніемъ? Почему же бы не думать, что другіе говорятъ просто безъ заднихъ мыслей? и кому охота оскорблять другихъ?... Лучше поговоримъ послѣ, а теперь писать некогда.

23 октября (безъ года).

Миръ тебѣ сестра! Пишешь, что ты эти дни была непокойна. Видно, еще дымилось отъ остатка бывшаго искушенія... и прочаго. Это было дѣло попустительное къ обличенію. Теперь это достигнуто, а случилось, кажется, очень просто: видно, купецъ счелъ меня начальникомъ Скита, и оттого вышла такая путаница.

Простите, что осмѣливаюсь беспокоить васъ неумѣстнымъ вопросомъ: не имѣете ли какого извѣстія о Т... начальствѣ. Замедленіе доводитъ насъ до сомнѣнія, какъ бы казначею тамошнюю не сдѣлали начальницею: тогда никакого толку не будетъ. Думаемъ такъ потому, что преосвященный Θ., говорятъ, благоволяетъ къ семейству N.

Постой-погоди! NN. пишетъ, что получено извѣстіе о перепискѣ Т... архіерея съ О... о М. М. въ настоят. Т... NN. тебя поздравляетъ. И объ о. N. есть представленіе въ Синодъ въ Г... пустынь.

20 октября 1864 г.

Миръ чаду возлюбленному! Письмо твое получилъ. Пишешь о немощахъ своихъ явныхъ и тайныхъ: одобряю это. Дѣло это самое главное. Когда позаботимся объ врачеваніи своихъ немощей должнымъ образомъ, то и помощь Божію на сіе получимъ, которая удобно врачуетъ и исцѣляетъ всякія язвы тѣлесныя и душевныя. Привлекаетъ же милость Божію и помощь свыше болѣе всего смиреніе и сознаніе своей неправоты предъ Богомъ и людьми, благоугожденіе Богу и разумное угожденіе ближнему во благое. Господь говоритъ во Евангеліи: «хотѣй быти первый, да будетъ всѣхъ послѣднѣйшій и всѣхъ рабъ, и всѣмъ слуга», и Апостоль говоритъ: «кїждо ближнему да угождаетъ во благое». Намъ съ тобою дѣло о первыхъ и послѣднихъ; вторые же и середніе сами о себѣ да позаботятся. Должно знать, что первые и послѣдніе составляютъ однихъ и тѣхъ же. Первые, видимо, должны быть послѣдними въ мысли своей и мудрованіи; и опять считающіе себя послѣдними въ душѣ своей чрезъ смиреніе бывають первыми по достоинству.

Многогр. *І. Амросій.*

Продолженіе послѣ—аще Господь благословить.

7 ноябрю 1864 г. 11 часовъ утра. Диктованіе.

Сейчасъ былъ NN.; хотя онъ не нашель у NN. никакой болѣзни кромѣ ослабленія отъ старости, но сказалъ, что на всякій случай не мѣшаетъ матушкѣ А. пріѣхать, чтобы слѣдить за ходомъ болѣзни. И потому завтра пріѣзжай, если успѣешь—только не тревожься.

2 часа пополудни. Оказіи еще не оказалось послать, а NN. изъявила желаніе пособороваться, только желаетъ принять это таинство въ присутствіи матери А. Поэтому посылается письмо это эстафетою, такъ какъ Б... почта

въ доставленіи писемъ опаздываетъ. Хорошо бы, если бы ты могла выѣхать завтра послѣ ранней обѣдни.

Пожалуйста не тревожься—поспѣшаемъ для твоего успокоенія.

(Безъ года и числа).

Сестра о Господѣ мать А!

Письмо твое получилъ, въ которомъ недоумѣваешь, что значить слово о первыхъ и послѣднихъ. Тамъ есть, что значить, да ты не поняла. Желаящая быть первымъ чадомъ должна знать, что отъ нея самой зависитъ удержать за собою это достоинство средствами, какія Самъ Господь указываетъ во Евангеліи, глаголя: «Смирная себе вознесетъ», т. е. превознесенъ будетъ; и паки: хотяи быти первый, да будетъ послѣднѣйшій (въ мысли своей, въ душѣ своей, въ сознаніи своемъ), видя многія свои неисправности и поминая прежнія согрѣшенія. Вкратцѣ сказать, что средства къ удержанію за собою перваго достоинства суть—смиреніе, любовь и милость, т. е. милостивое снисхожденіе ближнему въ его недостаткахъ и нуждахъ. И опять первые достоинствомъ смиряются, считая себя послѣдними въ душѣ своей, а за смиреніе паки возводятся въ 1-е достоинство. Итакъ, первые и послѣдніе—одни и тѣ же.

Опять по краткости времени написалъ неясно; но безъ самага дѣла—не скоро поймешь.

Многогр. *І. Амвросій.*

29 генваря 1865 г.

Миръ чаду возлюбленному и скорбющему, и недоумѣвающему!

Получилъ отъ тебя вдругъ два письма. Въ первомъ хоть немного упомянула о своемъ успокоеніи, а во второмъ опять пишешь о своемъ скорбѣннн, съ прибавленіемъ, что будто я смѣюсь только надъ твоими немощами. О *если бы* разумѣла ты смѣхъ этотъ! Апостоль пишеть: кто

соблазняется, и азъ не разжизаюся? Если я и улыбался нерѣдко, выслушивая твои скорбѣнія, то потому только, что не видѣлъ тебя еще готовою принять отъ меня прямое слово отъ Евангельскаго ученія,—и ожидалъ, чтобы сама ты помощію Божіею вразумилась и поняла настоящій смыслъ и путь, и значеніе монашеской и вообще Евангельской жизни; но тебѣ доселѣ кажется, что всѣ твои смущенія и скорбѣнія зависятъ отъ причинъ извнѣ, но на самомъ дѣлѣ, сестра, не такъ! Памятозлобіе, зависть, ненависть и подобныя страсти кроются внутри и раждаются, и произрастаютъ отъ внутренняго корня самолюбія. Вѣтви снаружи какъ ни обрубай, пока корень этотъ будетъ сыръ и свѣжъ, и не будетъ употреблено средствъ подсѣчь внутреннія развѣтвленія этого корня, чрезъ которыя проникаетъ зловредная влага и произращаетъ наружныя отпрыски, — трудъ будетъ напрасенъ. Сѣкира къ истребленію корня самолюбія—вѣра, смиреніе, послушаніе и отсѣченіе своихъ хотѣній и разумѣній. Знаю, что сѣкира эта для тебя тяжела. Но откровенно долженъ я сказать тебѣ, сестра, что рано или поздно, а надобно взяться за сію рукоять, которая съ виду только страшна, а на самомъ дѣлѣ успокоительна для держащихся за нее крѣпкою рукою и неослабною силою. Послѣ многихъ опытовъ, долженствовавшихъ убѣдить тебя въ настоящей истинѣ, тебѣ доселѣ кажется, что если бы оказано было намъ съ тобою особенное вниманіе отъ тѣхъ и отъ другихъ и дозволено было то и то, тогда бы мы съ тобою совершенно успокоились. Мнѣніе это похоже на то, какъ если бы больного, имѣющаго во внутренностяхъ серьезную болѣзнь, укрывать хорошими одѣялами и, выполняя его требованія относительно вредящей пищи, думать, что онъ отъ сего выздоровѣетъ. Но правда ли, что онъ отъ сего выздоровѣетъ? Не усилится ли его болѣзнь больше? И какъ серьезно больныхъ тѣломъ лечить дѣйствительными средствами, а не тѣми, какія для больныхъ кажутся легчайшими, такъ и съ душевными болѣзнями поступать

должно, если искренно желаемъ уврачеваться и достигнуть настоящаго мира душевнаго, а не обманывать себя мечтательнымъ успокоеніемъ. Господи, помози намъ, за молитвы блаженныхъ Отцевъ нашихъ — обрѣсти настоящую стезю благоугожденія благоутробію Твоему, да не лишимся милости Твоя вѣчныя и здѣ обрящемъ возможный миръ отъ оскорбляющихъ насъ страстей! Молись о себѣ и о худости глаголющаго и не творящаго.

Многогр. *І. Амеросій.*

10 марта 1865 г.

Не тревожь NN. жалобою на о. N. и подобнымъ. Теперь это ей вредно крайнѣ и тѣлесно, и душевно; пиши лучше мнѣ. Мы ужъ таковскіе—толкуй о нерастолкуемыхъ бесполезно. Не предавайся малодушнымъ помысламъ, а лучше возверзай печаль свою на Господа. Послѣ сама увидишь, что совсѣмъ не такъ будетъ, какъ представляется теперь.

Мать N. оставь жить, какъ знаетъ. Взятась дать ей покой на годъ, не ищи отъ ней успокоенія: такъ лучше будетъ обѣимъ вамъ. Умудрайся о Господѣ.

7 апрѣля 1865 г.

Паки Христось воскрес!

Сестра N! Прости, что неумышленно тебя оскорбилъ; къ тому же и письмо пришло не во время. Все при разстройствѣ не клеится. Но силенъ Господь за молитвы покойнаго батюшки устроить все по прежнему. Потерпи, узнаешь истину и успокоишься; а то другъ друга какъ бы не понимаемъ. Вотъ вражіе ухищреніе — что ни скажешь—ни сдѣлаешь, все не такъ и къ смущенію. Но будемъ надѣяться на милость и помощь Божию. Силенъ Господь все измѣнить. Пріѣзжать къ намъ, когда угодно пріѣзжай, съ любовію примемъ; а лучше бы вслѣдъ за N.—Деньги имъ присланы, о. А. весьма нуждается, а давать не велѣно имъ. Впрочемъ, ты смотри по своимъ чувствамъ

и обстоятельствамъ касательно прїѣзда къ намъ. Какъ показаться тебѣ къ намъ, это пустое мнѣніе.

Семьѣ твоей вланияюсь. Господи! умиротвори душу нашу!

(Безъ числа).

Миръ и благомошіе чаду возлюбленному о Господѣ!

Св. апостоль Іаковъ пишетъ: Мужъ неискушенъ—неискусенъ. Если о мужескомъ полѣ такъ, то что сказать о женскомъ? Да терпимъ, сестра, различныя искушенія, паче же испытанія, да будемъ подражатели терпѣвшихъ и получимъ милость Божию.

Гр. Амвросій.

Четвергъ.

22 мая 1865 г.

Миръ чаду моему скорбящему! Что дѣлать! Подверглись мы *душевному* искушенію, будемъ молить благодать Божию, да утолить искушеніе сіе, и скорбѣніе наше да преложить въ отраду. Дадимъ всѣмъ свободу: пускай идутъ или ѣдутъ, куда хотятъ. Хоть сначала и покажется это не совсѣмъ ловко, но послѣ послужитъ къ нашему успокоенію. Будемъ искать утѣшенія и отрады въ единомъ Господѣ и отъ Него единого искать милости, которая вѣчна и нескончаема; все человѣческое кратковременно и преходяще, хотя по видимости своей и привлекаетъ, но обманчиво. Вниманіе человѣческое никого надолго не успокаиваетъ, а только польститъ, поманетъ, а послѣ всегда оканчивается неприятностію и раскаяніемъ; только мы хорошенько въ это еще не всмотрѣлись, а потому и увлекаемся видимостію. Что же въ совѣсти и въ сердцѣ каждаго, это знаетъ одинъ Богъ и душа этого человѣка. Желалъ бы я, чтобы чадо мое позаботилось стяжати любовь, потому что она покрываетъ множество грѣховъ и своихъ, и чужихъ.

Я еще не отдохнулъ и не укрѣпился. С... едва ли прїѣдутъ—можетъ быть.

Милость Божія да покроетъ насъ.

19 сентября 1865 г.

Чадо любимое и крикливое! Что смущаешься по пустому—что странница тамъ-то почевала и то-то говорила. Что намъ съ тобою до всего этого? Время и самыя дѣла лучше покажутъ, что и какъ; и по слову Писанія—кійждо отъ дѣлъ или прославится, или постыдится. Безопаснѣе никого не судить и ни за кого не ревновать, тогда будетъ и полезнѣе, и покойнѣе. Поѣтому не ревнуй ни за странницу, ни противъ странницы; также не ревнуй ни за монастырь, ни противъ монастыря. Говорится пословица: на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Люди толкуютъ право и неправо, судить же всѣхъ насъ будетъ Господь—Судія нелицепріятный. Поѣтому относительно чужихъ успокоимся и позаботимся о своей душѣ, чтобы она не подверглась суду за неправыя мнѣнія, не говорю уже за дѣла. Ты все толкуешь, что у тебя вся неладница происходитъ отъ характера, что тебѣ дарованъ такой характеръ!!!—Но за естественный характеръ никто передъ Богомъ судиться не будетъ, а за примѣсь къ оному, когда человѣкъ дорожить мнѣніемъ человѣческимъ и любить вниманіе отъ другихъ и уваженіе, и подобное, которыхъ не получая тревожится, разстраивается, негодуетъ, а иногда и ропщетъ, что желанія его не исполняются; иногда и завидуетъ другимъ въ пустыхъ вещахъ. Все же это разстройство происходитъ оттого, что человѣкъ не хочетъ, какъ должно, потрудиться надъ собою, чтобы очистить означенную примѣсь и получить правильное успокоеніе. Всѣ блага внѣшнія и духовныя приобрѣтаются трудомъ и смиреніемъ; мы же хотимъ получить все это просто, не отвергая пренебреженія и горделивости, не понуждаясь на смиреніе и на все душеполезное и спасительное. Оттого неразумно и подстрекаемы бываемъ иногда завистию, которой корень есть собственное небреженіе и горделивость. Понудимся исправить себя или хоть смириться, то и успокоимся. Го-

воришь, что на тебя тѣнь набрасывается; зачѣмъ же тревожишься, когда узнаешь, что другіе больше слышали, чѣмъ ты? Повторяю,—оставь ревновать за тѣхъ или другихъ. Я тебѣ лично говорилъ, что о странницѣ нужно оставить до усмотрѣнія. Покойный батюшка о. Макарій ни о комъ рѣзко не говорилъ. Пусть N. успокоится; послѣ видѣе будетъ на самомъ дѣлѣ. Выкупное свидѣтельство пожалуй можешь подлинникомъ передать м. игуменіи; какъ хочеть, такъ и размѣниваетъ.

Миръ чаду!

Гр. *Амвросій.*

13 апрѣля 1866 г.

Христось воскресе!

Миръ чаду матери А! врагъ сильно тянетъ N. въ міръ; когда поѣдешь, скажи своимъ, чтобы за нею смотрѣли и по надобности говорили м. игуменіи, которую тоже предупреди, а N., отъѣзжая, скажи: какъ хочешь, такъ и сдѣлаемъ: или въ *черномъ ходи* какъ должно, смиряясь гдѣ нужно, или въ пестрое нарядимъ и отправимъ за Болховъ на свою волю; выбирай любое.

Гр. *Амвросій.*

20-е...

Миръ чаду возлюбленному!

Письмо твое отъ 17-го получилъ и истребилъ; да истребится и вся тягота въ чадѣ, которая описана въ письмѣ семъ. Все это произошло кромѣ самолюбія и отъ молвы черезчуръ; затѣмъ обычно слѣдуетъ охлажденіе ко благочестію, а за симъ толпа страстей, которыя не даютъ человѣку разумѣть, что невозможно мѣшать человѣческаго съ духовнымъ. Ищай духовнаго первенства долженъ считать себя послѣднѣйшимъ, а ищай просто по человѣчески первенства смириться такъ не хочеть, отчего и впадаетъ въ зависть и рвеніе, отъ которыхъ, по слову Апостола, происходитъ нестроеніе и всякое зло, и бываетъ,

что, «наченше духомъ, плотію скончаваемъ». Но воспріянемъ Божією помощію: покаяніе и смиреніе сильны все исправить, точію да не вознерадимъ отъ малодушія.

Вчера къ вечеру очень понездоровилось мнѣ: чувствую слабость. Пишешь еще: убѣждала бы, гдѣ никто меня не знаетъ. Богъ на всякомъ мѣстѣ есть, и совѣсть съ тобою пойдетъ, и на всякомъ мѣстѣ живущіе отвѣчать должны за свои дѣла Богу; какая же выгода бѣжать куда-либо? Не выгодиѣ ли будетъ сознаться на томъ же мѣстѣ въ своихъ ошибкахъ? Право легче и выгодиѣ исправлять испорченное дома, нежели затѣвать новую путаницу на новомъ мѣстѣ. Если врагъ тянетъ куда-либо, то всячески съ своими разсчетами. Почитай пятую главу Аввы Дорошея и замѣтъ, какъ низвергаетъ врагъ чрезъ оправданіе.

Богъ да покроетъ насъ отъ возней его за молитвы общаго нашего Отца.

Поздравляю тебя съ дорогою именинницею.

Письма къ тебѣ не успѣлъ прочитатъ.

Миръ тебѣ, миръ и миръ!!!

1 мая 1866 г.

Христось воскресе!

Миръ чаду моему, его же безгодно возмути злохитрый врагъ, возставъ за общее послушаніе, которое паче всего содѣйствуетъ къ избавленію отъ гордости. Духъ Святый чрезъ пророка Давида говоритъ: «Въ трудѣхъ человѣческихъ не суть и съ человѣки не примутъ ранъ, сего ради удержавъ ихъ гордыня до конца». На общемъ послушаніи человѣкъ обучается духовному искусству, если захочетъ, и когда на вещи смотритъ просто, принимая многое за шутку. Но тебя обокралъ злокозненный врагъ неумѣстнымъ смущеніемъ и въ глазахъ твоихъ простое и доброе, и обычное извращаетъ. Отъ этого у тебя и тягота, и всѣ тебѣ не милы. М. игуменіи теперъ неблаговременно и не для чего передавать вражескія внушенія, которыя онъ тебѣ выставляетъ правдоподобными. Но у бѣса какая правда?

всегда одна ложь и одно извращеніе чужихъ словъ и поступковъ. Зачѣмъ этимъ оскорблять м. игуменію. Церкви вѣками строятся, а не всегда и не всё это могутъ дѣлать.

Пріѣзжать въ О... не нахожу нужнымъ; укори себя за ошлошность, что повѣрила вражескимъ внушеніямъ, и успокойсь.

Многогр. I. Амвросій.

5 мая 1866 г.

Чадю недоумѣнное N! Почтò умолчала еси и ничесоже не написала скудости и худости нашей! Думаю, что *не даромъ* сотворила еси. Какъ бы то ни было, только будь мирна и обѣими руками держись за душевный миръ. Враги душевные все извращаютъ и всячески ухищряются, чтобы смущать насъ тѣмъ или другимъ. Блудись, чтобы послѣ много не скорбѣть, что послушала зловредныхъ внушеній вражійихъ.

(Безъ числа).

Проѣхаться можно; но о совершенномъ уединеніи и думать не слѣдуетъ. Съ войны не бѣгають, а сражаются до послѣдняго издыханія, чтобы получить доблестный конецъ,—еже буди всѣмъ намъ получить. Молись—смирись—и опять молись!

18 мая 1866 г.

Миръ чадю и Божіе благословеніе и во всемъ путешествіи благопоспѣшеніе. Знаю, что въ дорогѣ безъ трудностей нельзя обойтись, колыми паче въ гостяхъ — того ради глаголю: мужайся и да крѣпится сердце твое! Сбираюсь на дачу отдохнуть.

Многогр. I. Амвросій

ВИДѢНІЕ ХРИСТА.

*Господи, хошемъ Иисуса
видѣти!* (Іоан. 12, 21).

Ты хочешь видѣть Иисуса?
Ты былъ бы счастливъ, если-бъ могъ
Въ минуту тяжкаго искуса
Всю скорбь излить у Его ногъ?
Тебѣ хотѣлось бы съ толпою
Учениковъ итти за Нимъ?
Иль насладиться неземною
Бесѣдой съ Нимъ, какъ Никодимъ?
Желалъ бы съ женами святыми
Ему, чѣмъ можешь, послужить?
Или съ ловцами рыбъ простыми
Его трапезу раздѣлить?..

* * *

Пойди къ томящимся въ больницѣ,
Ихъ успокой, имъ послужи.
Иль съ заключенными въ темницѣ
Поплачь, посѣтуй, потужи.
Убогихъ, сирыхъ и бездомныхъ
Подъ кровъ свой ласково введи;
Изнемогающихъ, голодныхъ
За столъ съ собою посади.
Пойди во храмъ, проникнись духомъ
Всего свершаемаго въ немъ;

Приникни сердца жаднымъ ухомъ
Къ глаголамъ, дышащимъ огнемъ.
Прильни съ любовію къ подножью
Креста Христова, позабывъ
Весь міръ съ его тщетой и ложью,
И глубоко въ душѣ зарывъ,
Хотя на время, все земное,—
Дай волю сердцу и слезамъ.
Пусть плачутъ очи; сердце—вдвое,
Припавъ къ изъязвленнымъ ногамъ.
Иль исповѣдавъ согрѣшенья
Предъ замѣстителемъ Христа,
Предъ чашей жизни, искупленья
Отверзи сердце и уста.
Прими Христа съ живой надеждой,
Любовью, вѣрою,—держись
За край святой Его одежды,
Имъ укрѣпляйся, Имъ живись.
Взывай къ Нему ты неустанно
Его лишь жаждущей душой,—
*И будешь видѣть непрестанно
Его въ себѣ и предъ собой.*

Авторъ стихотвореній: *Молитва Свробини-
кіянки, Дѣя трапезы, Божіе посѣщеніе и проч.*

Матеріалы для біографіи Ржевскаго Протоіеря Матвея Александровича Константиновскаго ¹⁾.

Безъ Бога ни до порога: о Немъ бо живемъ и дви-жимся, и есмы. Всякой это знаетъ; но Господь особенно хранитъ того, кого Онъ захочетъ избрать исполнителемъ святыхъ воли Своея! Слѣдующіе случаи изъ жизни Діакона Матвея Александровича докажутъ это еще лучше:

1) Бывши Діакономъ, Матвей Александровичъ, по согласію Священниковъ и прихожанъ, былъ строителемъ колокольни въ селѣ Осѣчнѣ; на его волю предоставлено было выбрать планъ колокольни и все дѣло постройки оной; въ чемъ Матвей Александровичъ и успѣлъ, съ свойственнымъ ему успѣхомъ. Противъ этого избранія протестовалъ одинъ только прихожанинъ села Осѣчни, Генераль-Маіоръ Иванъ Денисьевичъ Цыбульскій, по слѣдующимъ причинамъ.

2) Однажды г. Цыбульскій началъ очень громко разговари-вать въ церкви съ мужичками, съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ благопристойности, безъ уваженія и благоговѣнія къ мѣсту, какова церковь. Въ это время Матвей Александровичъ, по должности Діакона, былъ въ алтарѣ при совершеніи проскомидіи, и, услышавъ шумъ въ церкви, сказалъ Священнику: «батюшка, хоть бы вы остановили этого Генерала; вѣдь не хорошо; мы здѣсь жрѣмъ агнца Божія за грѣхи всего міра, а онъ мутитъ». На это Священникъ отвѣчалъ: «да, если боекъ, то поди и самъ скажи

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол.* Чт. 1909 г.

ему». Съ духомъ ревности Иліи Пророка, Матвей Александровичъ сказалъ Священнику: «благословите» и, получа оное, вышелъ изъ алтаря, и, вслухъ всей церкви, такъ знатно поставилъ на видъ Генералу его безпорядки неумѣстные, что, несмотря на важность сана своего, г. Цыбульскій принужденъ былъ замолчать. Но замолчала ли за это ненависть его къ Діакону?

3) Второй случай недоброжелательства г. Цыбульскаго къ Матвею Александровичу былъ слѣдующій. Г. Цыбульскій предположилъ крѣпостнаго своего парня обвинять на крѣпостной же дѣвушкѣ, но между ними было родство и, по правиламъ св. Церкви, бракъ этотъ возбранялся. Священники по страху ли знатности барина, или по другимъ какимъ причинамъ, были въ отношеніи этого брака и туда, и сюда, т.-е. и вѣнчать, и нѣтъ, но Діаконъ никакъ не соглашался. За это справедливое непослушаніе г. Цыбульскій до того разсердился на Матвея Александровича, что, пріѣхавши къ его дому подъ окно, бранилъ и грозилъ, во чтобы-то ни стало, выгнать изъ Осѣчни и вовсе уничтожить и приказалъ явиться къ себѣ въ домъ, съ цѣлю сдѣлать съ нимъ раздѣлку... (я думаю, слышали, какъ господа, въ приходѣ состоящіе, въ старину раздѣлывались съ Священноцерковнослужителями?). Въ этотъ пріѣздъ Генерала, Матвея Александровича не было дома. По приходѣ, домашніе рассказали о вышеизложенномъ и о приказаніи Генерала. Дѣлать нечего, хотѣлось или не хотѣлось, а идти было надобно. Помолившись Богу и Божіей Матери и простившись съ домашними... не безъ слезъ... Матвей Александровичъ пошелъ къ Генералу, который, зазвавши гостя въ кабинетъ и заперши дверь, хотѣлъ было усовѣщевать... Но что жъ вышло? Матвей Александровичъ не оробѣлъ и сохранилъ полное присутствіе духа, а на Генерала напалъ страхъ, и онъ не смѣлъ не только ничего сдѣлать, но даже растерявшись извинялся предъ Матвеемъ Александровичемъ.

4) Эти послѣдніе два случая, хотя по видимому со сто-

роны Генерала Цыбульскаго оставлены были безъ вниманія, но корни недоброжелательства не были вырваны изъ сердца. Это подтверждается слѣдующимъ происшествіемъ. Въ одно время г. Цыбульскій былъ въ Твери; былъ и у Архіепископа Филарета (нынѣ Митрополитъ Московскій). На вопросъ Архіерея, что новаго, каково ведутъ себя Священноцерковнослужители, г. Цыбульскій не совсѣмъ одобрилъ Священниковъ, да нечисто аттестовалъ и Діакона: «у насъ въ селѣ надъ всѣми взялъ верхъ Діаконъ; что захочетъ, то и дѣлаетъ, и ему никто нипочемъ, ни Священникъ, ни господа».—Да что жъ онъ пьетъ или неспокоенъ въ характеръ, спросилъ Архіерей?—«О, совсѣмъ нѣтъ; въ ротъ ничего не беретъ хмѣльнаго»,—и съ этими словами смѣшался... Подобная похвала не ускользнула отъ Филаретовскаго ума. Это докажется ниже.

5) Однажды Матвей Александровичъ желая идти въ одну изъ деревень Осѣченскаго прихода, для поученія живущихъ въ ней слову Божію, послалъ записку къ тому Священнику, на часть котораго принадлежала та деревня, прося благословенія. Священникъ сказалъ посланному «съ Богомъ», а записку положилъ въ щель стѣны около образовъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ къ Священнику гость, одинъ изъ благочинныхъ, и, по любопытству, вынувъ записку, прочиталъ; потомъ, обратясь къ хозяину, сталъ ему говорить: «что это значить? Какое имѣетъ право Дьяконъ при трехъ Священникахъ ходить по деревнямъ и учить, и чрезъ это отнимать у Священниковъ почтеніе и доходы?» На это Священникъ сколько ни старался убѣдить своего гостя, что все это дѣлается изъ одного благочестія, нисколько не касаясь корыстныхъ видовъ,—что они не могутъ запретить, потому что видятъ большую пользу церкви, расколъ въ приходѣ значительно уменьшился, а православные стали усерднѣе къ церкви, а все стараніемъ Дьякона, который не пользуется ничѣмъ вещественнымъ, ожидая награды отъ Бога,—но гость не могъ этого понять и остался при своемъ убѣжденіи. Не долго спустя, при-

ѣхалъ въ Вышній-Волочекъ Архіепископъ Филаретъ; вызвавши всѣхъ благочинныхъ къ себѣ, между другими наставленіями, сталъ дѣлать замѣчанія и на счетъ раскола, который въ тѣхъ годахъ сильно и повсемѣстно обнаруживался. Дошла очередь и до того благочиннаго, который читалъ вышеобъясненную записку Матвея Александровича. Владыка выговаривалъ ему объ умноженіи раскольниковъ, а онъ оправдывался тѣмъ, что не у него одного умножились раскольники, а повсемѣстно. На это Владыка возразилъ: «почему же въ Осѣчнѣ значительно уменьшились?» Тутъ блеснула мысль благочинному погубить Матвея Александровича, и онъ сказалъ: «въ Осѣчнѣ не Священники управляютъ приходомъ, а Дьяконъ: онъ ходитъ по домамъ съ книгами и читаетъ раскольникамъ, потому и не мудрено уменьшиться расколу». «А какъ зовутъ Дьякона?» спросилъ Владыка, — «не знаю, отвѣчалъ благочинный: Александръ или Александровъ». Въ эту же минуту Владыка взялъ карандашъ и записалъ. — Благочинный вышедши отъ Архипастыря хвалился, что онъ Осѣченскаго Дьякона знатно отхваталъ «за то, что не въ свое дѣло не суйся». Однако Богъ, чрезъ помазаннаго своего, устроилъ иначе. Владыка, отъѣзжая въ путь, призвалъ старшаго присутствующаго въ Вышневолоцкомъ Духовномъ Правленіи и сказалъ ему: «немедленно поѣзжай въ Осѣчно и отъ лица моего засвидѣтельствуй миръ и благословеніе Дьякону Матвею Александрову предъ лицомъ Священниковъ и всѣхъ церковнослужителей». И вотъ пріѣхалъ присутствующій, собралъ всѣхъ въ церковь и объявилъ Матвею Александровичу отъ Архипастыря миръ и благословеніе при всѣхъ. Какъ всё удивились! спрашивали: — за что такая милость? И никто не зналъ причины, даже исполнитель воли Архипастыря не зналъ, чѣмъ могъ отличиться молодой и неизвѣстный Дьяконъ.

Въ періодъ этого времени были еще два происшествія, необъяснимыя способностями души человѣческой. 1) Одинъ парень былъ умерши около шести дней; его водили на

тотъ свѣтъ и показывали свѣтлыя мѣста праведныхъ и темныя кануры грѣшниковъ; и въ томъ и другомъ мѣстѣ онъ видѣлъ знакомыхъ и изъ своей деревни; когда его вели, то видѣлъ, гдѣ и что люди дѣлаютъ. Матвей Александровичъ, спустя шесть дней послѣ смерти этого парня, пришелъ по должности Діакона поднимать тѣло, чтобы снести оное въ церковь и отпѣвши похоронить, но когда хотѣли брать тѣло съ лавки, на которой оно лежало подъ образами, то вдругъ этотъ парень всталъ и началъ говорить при всѣхъ, бывшихъ при этомъ случаѣ. 2) Въ проруби на Осѣченскомъ озерѣ утонула корова, принадлежащая Матвею Александровичу, которую онъ съ другими гонялъ поить, и потомъ она вышла изъ этой проруби: точно кто выпихнулъ ее изъ проруби, и она, отряхнувшись, вся мокрая, пошла домой.

Чтобы имѣть хотя маленькое понятіе о жизни, трудахъ и о скорби, которыми отличался Діаконъ Осѣченскій—Матвей Константиновскій — для этого, мнѣ кажется, довольно того, что написано выше. Теперь съ Божіею помощію буду писать о производствѣ Матвея Александровича во Священника и о жизни его въ Священникахъ.

Бѣжецкаго уѣзда въ приходѣ села Діева жилъ помѣщикъ, Флота Капитанъ 2-го ранга Яковъ Ивановичъ Демьяновъ.—У него была жена Авдотья Васильевна, которая и теперь еще въ живыхъ.... люди добрѣйшіе. Вотъ этотъ баринъ обратился однажды къ Тверскому Архипастырю Филарету съ просьбою, чтобы опредѣлить въ ихъ приходъ другаго Священника и именно изъ прихода села Тесьмы, который былъ родомъ изъ Діева, а Діевскаго Священника, за непорядочное его поведеніе, перевести въ другое село. Вѣроятно, что Владыка съ Демьяновымъ были въ хорошихъ между собою отношеніяхъ; потому что Владыка говорилъ въ это время Демьянову такимъ образомъ: «Вамъ, я вижу, хочется имѣть истиннаго пастыря и отца духовнаго». Баринъ отвѣчалъ: «точно такъ».—«Если такъ, сказалъ на это Владыка, то вы не того просите; я вамъ

дамъ Священника изъ Діаконовъ, которымъ вы будете довольны».

Это словесное распоряженіе подтвердилось въ послѣдствіи времени и на бумагѣ. 17-го Іюня 1820 года подана была къ Архіерею просьба отъ прихожанъ села Діева о непорядочномъ поведеніи Священника того села Ѳедора Алексѣева. За это Алексѣевъ по суду посланъ былъ въ монастырь на одинъ мѣсяць, съ запрещеніемъ служенія, въ черныя монастырскіе труды, и переведенъ въ село Маслово Тверскаго уѣзда. И тутъ же, на журналѣ по этому дѣлу, 20 Іюля того же года, послѣдовала слѣдующая собственноручная Архипастырская резолюція:— «а въ Діево не пожелаетъ ли Вышневолоцкаго уѣзда Осѣченскаго погоста Діаконъ Матвей Александровъ?—спросить его чрезъ Благочиннаго и какой дастъ отзывъ представить».

«Вотъ и пришелъ указъ домой на печку! Ну что, матушка, правду ли я говорилъ, что, если угодно будетъ Господу, чтобъ я былъ Священникомъ, — то буду и безъ просьбы моей?» такъ говорилъ въ это время Матвей Александровичъ съ своею матушкою.

Явившись же въ Вышневолоцкое Духовное Правленіе, онъ далъ слѣдующій отзывъ:

Копія.

«1820 года Августа 10 дня въ Вышневолоцкомъ Духовномъ Правленіи Вышневолоцкаго уѣзда погоста Осѣчни Діаконъ Матвей Александровъ, по выслушаніи присланнаго изъ Тверской Духовной Консисторіи въ оное Духовное Правленіе указа относительно отобранія отъ меня показанія, согласенъ ли я поступить Бѣжецкаго уѣзда въ село Діево на праздное мѣсто во Священника, симъ почтеннѣйше объяснить имѣю: поелику угодно Его Высокопреосвященству въ семъ вызовѣ явить мнѣ свое Архипастырское благоволеніе, то я, пріемля оное съ достоюжнымъ уваженіемъ, поступить на помянутое Священническое мѣсто не отрицаюсь. Къ сему объясненію погоста

Осѣчяи Діаконъ Матвей Александровъ руку приложилъ. При семъ показаніи присутствовали: Строитель Іеромонахъ Мисаилъ, Протоіерей Василій Петровъ, Петропавловскій Іерей Іоаннъ Александровъ».—На этомъ отзывѣ 25 Сентября того же года Владыка самъ написалъ слѣдующее: <учинить о Діаконѣ надлежащее дѣлопроизводство, и если по оному къ посвященію во Іерея сомнѣнія не окажется, то прислать его къ намъ для рукоположенія>.

Послѣ этого начались въ Консисторіи, кромѣ дѣлопроизводства, экзамены. Такъ 15 Октября того же года Матвей Александровичъ былъ экзаменованъ въ Консисторіи, и оказалось, что онъ по книгамъ читаетъ, поетъ по нотѣ и наслышкою хорошо. Кромѣ сего, 16 Октября свидѣтельствовавъ былъ еще въ нужныхъ для Священника предметахъ, и оказалось, что онъ истины Богословскія объясняетъ хорошо, уставъ церковный знаетъ хорошо; первыя правила Ариметики довольно знаетъ; пишетъ исправно и проповѣди сказывать можетъ. Экзаменовалъ Каедральнаго собора Священникъ Михаилъ Полубенскій.

Рукоположенъ во Священника Тверскимъ Архіепископомъ Симеономъ въ С.-Петербургѣ въ домово́й, Ярославскихъ Чудотворцевъ, церкви, что на Ярославскомъ Архіерейскомъ подворьѣ, 31 Октября 1820 года.

Съ 15 по 23 Ноября обучаемъ былъ священнослуженію и исправленію мірскихъ требъ въ Вознесенской г. Твери, что на проспектѣ, церкви Священникомъ Александромъ Васильевымъ.

28-го Ноября, по прибытіи въ село Діево, введенъ былъ во храмъ Введенія Пресвятыя Богородицы Благочыннымъ села Ильгощъ Священникомъ Андреемъ Николаевымъ.

Чего стоило это посвященіе,—какихъ скорбей отъ недостатка средствъ, отъ мытарствъ Консисторскихъ, перѣздовъ въ Волочекъ, Тверь, С.-Петербургъ, опять въ Тверь и въ Діево человѣку семейному и неимѣвшему ничего, кромѣ куска хлѣба, добываемаго своими руками, и то съ нуждою, — я описывать это не стану. Кто бывалъ въ

подобныхъ дѣлахъ, тотъ знаетъ и безъ меня, а знающему нужду по теоріи, а не на практикѣ, — трудно объяснять, и тѣмъ болѣе о человѣкѣ, который въ это время былъ доволенъ лаптями, сѣрымъ армякомъ, простыми рукавицами съ варишками, самимъ связанными, и шапкой-ушанкой такъ, какъ иной никогда не бываетъ доволенъ сапогами послѣдняго фасона, энотовою шубою съ бобровымъ воротникомъ, шапкою и куньею муфтою.

Въ приходѣ села Діева Матвей Александровичъ прослужилъ 12 лѣтъ, 4 мѣсяца и 15 дней. Здѣсь былъ совершенно другой образъ жизни, чѣмъ въ Осѣчнѣ. Такъ онъ не сталъ заниматься работами и все попеченіе о домѣ и въ полѣ предоставилъ своей женѣ, Марьѣ Дмитріевнѣ, не потому, чтобы онъ не хотѣлъ этого, а потому, что, по Божьему соизволенію, сдѣлался боленъ и чрезъ это онъ былъ какъ бы прикрытъ необходимостью оставить крестьянскія работы. Въ самомъ же дѣлѣ у него была другая работа. Прихожане были Корелы, съ странными предразсудками, суевѣріями, занимались ворожбою; праздники полагали только въ томъ, чтобы побольше другъ передъ другомъ наварить пива, проводя оныя въ пьянствѣ, пѣсняхъ, нескромныхъ играхъ; лучше отличиться одинъ передъ другимъ какимъ нибудь неприличнымъ даже для слуха дѣломъ. Все это и другое тому подобное предстояло Матвею Александровичу искоренить: сердца приходящихъ къ нему (не только изъ своего прихода, но и изъ другихъ, сосѣднихъ) обработавши, удобритъ слезами сокрушенія и поканіемъ, посвятить въ нихъ слово Божіе; кратко скажу, просвѣтитъ свѣтомъ святаго Евангелія, въ чемъ онъ, съ Божіею помощію, и успѣлъ.

Но сколько имъ пролито поту, положено трудовъ и перенесено болѣзней въ этомъ благовѣстіи Христовомъ? Кто можетъ описать все это? Да ежели бы кто и вздумалъ написать, кто повѣритъ тому, что было? Служба въ церкви, за исключеніемъ немногихъ простыхъ дней, была постоянно въ каждый Воскресный, Праздничный и Высоко-

торжественный день и за каждую обѣдню были дѣлаемы изустно поученія. Кромѣ сего, на праздники и на Воскресные дни многіе приходили въ домъ почевать; съ вечера Матвей Александровичъ самъ читалъ изъ Святаго Евангелія, Св. Апостоловъ, житія Святыхъ и поученія Святыхъ, а иногда заставлялъ свою дочь, дѣвицу Акулину, читать прологи или изъ Четыи Миней. Наконецъ, въ домѣ стало неудобно: свое семейство, дѣти малые, а народу стало собираться много. А потому Матвей Александровичъ началъ уходить въ церковь, гдѣ въ поученіи слова Божія и проводилъ время съ собиравшимися христіанами.

По прїѣздѣ въ Діево, не успѣли еще завестись хорошо хозяйствомъ, какъ прїѣхалъ женихъ (нынѣ Священникъ Ржевской Христорождественской церкви) Маркіанъ Григорьевичъ за вторую сестру Матвея Александровича, Аграфену, которой едва ли тогда было 15 лѣтъ. Несмотря на это Матвей Александровичъ рѣшился отдать; хотя въ то время денегъ былъ одинъ пятиалтынный на лицо, но онъ надѣялся на Бога, а не на деньги; отдалъ все, что было въ домѣ, лошадь, корову, овцу; а Марья Дмитріевна отдавала свое приданое (о которомъ я сказалъ выше), но женихъ этого приданого не взялъ, потому что оно было русское, а требовалъ нѣмецкаго. И Матвей Александровичъ далъ все, что требовали, а самъ остался съ одной хромой лошадью, да болѣе 1000 руб. нажилъ долгу.

Однако Господь не оставилъ своего раба и, видимо, помочь; послалъ и лошадей, и всякаго скота, и долги были заплачены всѣмъ. А главный источникъ Богъ послалъ вотъ откуда: въ сосѣднемъ приходѣ съ селомъ Діевои жилъ богатый баринъ, Подпоручикъ Осипъ Никитичъ Кожинъ, съ супругою Екатериною Петровною; у нихъ было два сына Дмитрій и Николай. Г. Кожинъ сдѣлалъ Матвею Александровичу предложеніе ѣздить къ нимъ въ домъ два раза въ недѣлю (ѣзда была верхомъ, потому что иначе не проѣхать, по причинѣ дурной дороги)—учить дѣтей ихъ Закону Божию, за что и платилъ по 50 руб. ассигн. въ мѣсяць.

Этимъ средствомъ Матвей Александровичъ не только расплатился съ долгами, но сыгралъ еще третью свадьбу: сестру Марьи Дмитріевны, дѣвицу Ольгу Дмитріевну, выдалъ также за студента, опредѣленнаго во Священника села Млевичи, а вмѣсто ея взялъ къ себѣ въ домъ другую сестру Марьи Дмитріевны, вдову Татьяну Дмитріевну, съ дочерью Анною, которую выдалъ въ замужество уже изъ села Еська за причетника, опредѣленнаго, въ послѣдствіе времени, по просьбѣ прихожанъ, дьякономъ въ селѣ Мицынѣ Весеьгонскаго уѣзда.

Я забылъ сказать прежде, что Матвей Александровичъ кончилъ курсъ въ чахоткѣ, и въ продолженіе времени эта болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась; но отъ оной онъ изцѣленъ Св. Благовѣрною Княгинею Ульяніею. Дѣло было вотъ какъ. Однажды съ Марьею Дмитріевною онъ ѣздилъ изъ села Осѣчни въ с. Упирвичи къ своему тестю; дорога мимо Торжка. Въ это время въ Торжкѣ начали строить новую каменную Соборную церковь, и, копая буть, нашли мощи Св. Благовѣрной Княгини Ульяніи, отъ которыхъ совершались безчисленные чудеса. Матвей Александровичъ и Марья Дмитріевна пошли поклониться этимъ мощамъ, которыя еще не были вынуты изъ земли; только во рву, гдѣ стоялъ каменный гробъ, была вода; эту воду больные пили и получали изцѣленія. Матвей Александровичъ напился этой воды, съ грязью смѣшанной, и въ ту же минуту почувствовалъ себя совершенно здоровымъ:— и болѣзнь эта не возвращалась до самой кончины.

Между тѣмъ, отъ непрестанныхъ трудовъ и попеченій о хозяйствѣ Марья Дмитріевна такъ стала слаба и больна, особенно головою болью предъ переменною погоды, что иногда едва могла ходить, а въ другой разъ и съ постели не могла вставать. Земли было много, но неудобная,—ялъ и камень; трудовъ требовалось еще больше, а урожай былъ малъ,—не говоря о другихъ огорченіяхъ, причиняемыхъ либо увозомъ сѣна, сгладеннаго въ копны, либо, бывало, зажнуть созрѣвшій хлѣбъ на полосахъ

(это ворожба, она известна в деревнях, да понятна безъ объясненій и в городахъ). — По этимъ причинамъ Марья Дмитриевна стала просить Батюшку перемѣнить мѣсто, и именно вытти в какой либо городъ.

Желая служить у гроба Благовѣрной Княгини Ульяни, за дарованное Ею изпѣленіе отъ болѣзни, и убѣждаясь просьбою своей жены о перемѣнѣ мѣста,—Батюшка рѣшился ѣхать в Торжокъ и проситься в Соборъ, и, прослуживъ у гроба Св. Мученицы—Княгини Ульяни цѣлую недѣлю, воротился назадъ в Діево. Богу неугодно было, чтобы онъ былъ на этомъ мѣстѣ. Протоіерей и другіе Священники не дали Матвею Александровичу одобренія, потому что они знали духовную жизнь его и не захотѣли имѣть товарища, который былъ бы не одного духа. Къ періоду этого времени относится еще слѣдующее обстоятельство, достойное, по моему мнѣнію, замѣчанія.

Бѣжецкаго уѣзда в Раменскомъ приходѣ, отъ Діева верстахъ в 20, жилъ помѣщикъ Матвей Ивановичъ Уминовъ; у него была жена Настасья Владиміровна... люди добрейшіе. По долгу всякаго человѣка, — поживешь и умрешь,—и Г. Уминовъ жилъ и умеръ. Послѣ его смерти, Батюшка поѣхалъ навѣстить Настасью Владиміровну. Какъ она была рада пріѣзду,—выразить не умѣю. Между другими разговорами Настасья Владиміровна начала говорить слѣдующее: «ахъ, Батюшка, еще скажу вамъ одну вещь; вы знаете, что мой мужъ любилъ собирать картинки; была у него одна, но что на ней было написано, не знаю; только вотъ ужъ цѣлая недѣля прошла, какъ ее ищу, и никакъ не могу найти; измучилась искавши; не знаю почему, а что-то внутри меня заставляетъ непременно отдать эту картину вамъ.—«Давайте-ка поищемъ, былъ отвѣтъ на это Батюшки».—Вотъ и взялись искать по комодамъ, по шкафамъ, по гардеропамъ; наконецъ, в лакейской, за шкафомъ, в которомъ была всякая всячина, нашли что-то свернутое в трубку, в пыли, в сору; развернули... и Настасья Владиміровна обрадова-

лась и сказала: «вотъ она, сдѣлайте милость, возьмите, Батюшка!» Но что было написано, по ветхости самой картины и запачканности, разобрать было нельзя. Возвратившись домой, онъ въ ту же секунду принялся за работу; взявъ теплой воды, мыла и давай мыть картину на столѣ. Долго трудился... но за то, что показалось на этой картинѣ! «Господь Саваоѣ!» Вставить въ рамку образъ этотъ не было никакой возможности, за ветхостію полотна, на которомъ онъ былъ написанъ. Выискался въ Бѣжецкой тюрьмѣ мастеръ, который положилъ этотъ образъ на бумагу, подклеивши, и немного въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подправилъ, отчего образъ этотъ вышелъ сдѣланнымъ какъ бы на стеклярусѣ, и въ такомъ видѣ онъ былъ съ Батюшкой всегда, а теперь находится у его сына, Священника Дмитрія Константиновскаго.

Кромѣ сего, по клировымъ вѣдомостямъ (тотъ же формулярный списокъ у насъ) значитъ, что Батюшка за ревностное прохожденіе должности 1826 года Февраля 25 дня награжденъ набедренникомъ, а съ 1827 года преподавалъ Катихизическое ученіе въ своей церкви.

Въ Діевѣ при Матвеѣ Александровичѣ отстроилась новая каменная церковь. Сколько трудовъ и заботъ строителямъ церквей, особенно при недостаточности средствъ, это извѣстно и безъ описанія.

Здѣсь нужно написать о воспріемникѣ дѣтей Матвея Александровича, Артиллеріи Штабсъ-Капитанѣ Евграфѣ Евграфовичѣ Сысоевѣ, воинѣ 812 года; но онъ живъ и убѣдительно просилъ меня ничего объ немъ не писать, въ чемъ до времени я и далъ ему слово.

Однажды нѣкая старушка, дѣвица Мавра Петровна приходитъ къ Матвею Александровичу съ горькими слезами. Когда спросили у ней причину слезъ, то она рыдая сказала, что видѣла видѣніе, будто Батюшка гдѣ-то въ церкви у Престола Господня стоитъ въ камилавкѣ и въ крестахъ съ Св. Николаемъ Чудотворцемъ, и ей сказали, что Батюшка тутъ (въ Діевѣ) съ ними жить больше

не будетъ: его возьмутъ въ другое мѣсто, гдѣ онъ нуженъ. Сколько Матвей Александровичъ ни утѣшалъ ее, но она была неутѣшна, говоря, что ему у нихъ жить недолго. «Живши въ Діевѣ, пришло такое время, что я былъ ни на дворѣ, ни на улицѣ»,—сказалъ мнѣ однажды Батюшка въ Ржевѣ. Послѣ сказаннаго Маврою Петровною видѣнія не прошло недѣли, какъ пріѣхалъ жившій прежде въ Осѣчнѣ красильщикъ Парамонъ Тихоновичъ съ предложеніемъ перейти на праздно Священническое мѣсто въ село Есько того же уѣзда, на что Матвей Александровичъ и согласился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОПОВѢДИТЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

(Слово на день Вознесенія Господня.)

*Рече Господь: шедше въ міръ весь,
проповѣдите Евангеліе всей твари
(Мр. 16, 15).*

Когда какой-нибудь утруженный долготѣнею жизнью благочестивый старецъ чувствуетъ приближеніе своего отшествія изъ этсго міра, онъ созываетъ всѣхъ дѣтей, чтобы возвѣститъ имъ послѣднюю волю свою и благословить ихъ. И какъ бы далеко ни находились дѣти его, они спѣшаютъ къ любящему ихъ отцу и, получивши родительское благословеніе, несказанно этому радуются,—выслушавши волю отца, считаютъ ее закономъ для всей своей жизни и дѣятельности. Нѣчто подобное тому, что обычно въ нашихъ человѣческихъ отношеніяхъ, совершилось и въ жизни Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. Въ празднуемый нами нынѣ 40-й день послѣ славнаго воскресенія Своего изъ мертвыхъ Христосъ въ послѣдній разъ явился ученикамъ Своимъ и преподалъ имъ Свою послѣднюю волю. Потомъ Онъ повелъ ихъ на гору Елеонскую и здѣсь въ послѣдній разъ благословилъ ихъ. *«И бысть,— читаемъ мы въ Евангеліи,— егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ и возношашеся на небо. И ти поклонишася Ему и возвратишася во Иерусалимъ съ радостію великою»* (Лк. 24, 51—52).

Въ чемъ же заключается послѣдняя воля Господа, данная Имъ Его ученикамъ предъ Своимъ славнымъ вознесеніемъ? *«Шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей*

творю» — вотъ эта великая, благая, спасительная воля Господня! «Вы,—какъ бы такъ говорилъ Христось Своимъ ученикамъ,—несказанно счастливы, вѣруя въ Меня, вашего Господа, Единаго отъ Лиць Св. Троицы; идите же, подѣлитесь своимъ счастьемъ со всей вселенной. *«Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ»* (Мр. 16, 16). Да, поистинѣ счастье, великое счастье вѣровать въ нашего Господа, Бога любви и мира, святости, правды, милосердія и жить по началамъ этой вѣры! *«Се же естъ животоу вѣчный, да знаютъ Тебе Единаго Истиннаго Бога и Ею же послалъ еси Иисусъ Христа»* (Ин. 17, 3). Но счастье это именно такого рода, что обладающіе имъ, по заповѣди Господней, непремѣнно должны дѣлиться имъ и съ тѣми, которые его еще не имѣютъ. Это и понятно. Богъ нашъ естъ Отець не того или другого изъ насъ, а всѣхъ насъ. Любя Его, мы должны того только и желать, о томъ только и молиться, тому всемѣрно и содѣйствовать, чтобы имя Его святилось по всей вселенной.

Именно такъ и поняли слова Господни первые благовѣстники о Христѣ — св. апостолы, поставившіе задачей всей своей жизни и дѣятельности со дня славнаго вознесенія Господня—обойти всю вселенную съ Евангельскою проповѣдью. И свято выполнили ученики Господни эту великую и трудную задачу. Изъ-за Евангельской проповѣди они были готовы все перенести, какъ дѣйствительно и переносили: *голодъ и жажду, и наготу, и побои* (1 Кор. 5, 11). Апостолы настолько высоко ставили дѣло Евангельской проповѣди, что лишеніе возможности заниматься этимъ дѣломъ они почитали для себя прямымъ несчастіемъ. *«Горе мнѣ, если не благовѣствую!»* — признавался одинъ изъ нихъ въ посланіи къ Коринѣянамъ (1 Кор. 9, 16). Результаты такой вдохновенной апостольской проповѣди поистинѣ величественны: *«во всю землю изыде отъщанія ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ»* (Рим. 10, 18).

Но, какъ и всѣ мы, апостолы въ назначенное Богомъ время должны были отойти отъ этого міра. Сѣмена святой

вѣры, засѣянные ими по всей вселенной, могли послѣ этого заглохнуть, а то и совсѣмъ погибнуть. Вотъ почему, зная все это, ученики Господни стали избирать людей способныхъ къ святому благовѣствованію и съ ними совершали свои благовѣстническіе труды. Многихъ изъ этихъ спутниковъ своихъ апостолы поставили во епископы, пресвитеры и діаконы, другіе же такъ и остались мірянами. Всѣ эти лица и должны были продолжать дѣло апостольской проповѣди о Христв. Въ свою очередь и они взаимнѣя себя находили новыхъ благовѣстниковъ и т. д. Въ концѣ концовъ стало обычнымъ такое явленіе: въ какомъ бы уголкѣ земного шара ни открывалась Христова Церковь, изъ среды членовъ этой послѣдней всегда выступали лица, горѣвшія особеннымъ желаніемъ подѣлиться своимъ боговѣдѣніемъ съ другими людьми и даже цѣлыми народами, не вѣдающими еще Господа. Такимъ-то путемъ и до нашего отечества долетѣлъ гласъ апостольской проповѣди о Христв, и вотъ уже болѣе 1.000 лѣтъ народъ русскій пасется на *пажитяхъ* Господнихъ (Ин. 10, 9), пьетъ воду живую изъ богооткровеннаго источника и, такимъ образомъ, пользуется всѣми благами вѣры совершенной и спасительной. Да возрадуется же душа наша о Господѣ и восхвалитъ имя Промыслителя спасенія нашего: слава Тебѣ, Господи, показавшему намъ свѣтъ! Слава и вамъ, св. братья Кирилле и Меѳодіе, славянъ просвѣтители, положившіе начало спасенію нашему! Вѣчно да величается среди насъ и имя св. князя Владимира, всея Руси просвѣтителя!

Но кромѣ столь естественнаго чувства благодарности Спасителю нашему и непосредственнымъ просвѣтителямъ нашимъ не подскажетъ ли намъ благодарное сердце наше и еще чего-нибудь? Не укажетъ ли оно намъ, чѣмъ можемъ мы хотя сколько-нибудь, такъ сказать, отблагодарить Господа, просвѣтившаго насъ свѣтомъ истиннаго богопознанія? Да, непременно и подскажетъ, и укажетъ. Оно укажетъ намъ, что слова Спасителя: *сидите въ мірѣ весь,*

проповѣдите Евангеліе всей твари», сказанныя Имъ Своими ученикамъ въ празднуемый нами нынѣ день славнаго вознесенія Его на небо, относятся не къ нимъ только однимъ и не къ нѣкоторымъ только людямъ, сознающимъ въ себѣ способность къ проповѣданію Евангелія, а въ равной мѣрѣ и ко всѣмъ христіанамъ, значить, и ко всѣмъ намъ. «Вы,—какъ бы такъ и намъ говорить нынѣ Господь,—вы обладаете неизреченнымъ счастіемъ—вѣрю въ Бога истиннаго; воздадите же славу Ему—пойдите и подѣлитесь своимъ счастьемъ съ другими людьми, не вѣдающими еще вашего Господа». О, какъ благовременно было бы послушаться намъ этого божественнаго призыва! Намъ дѣйствительно есть съ кѣмъ дѣлиться счастіемъ своего боговѣднія,— въ этомъ есть даже настоящая нужда. И для этого намъ не потребуется итти куда-нибудь далеко, за предѣлы нашего отечества. Въ самомъ отечествѣ нашемъ есть цѣлые милліоны овецъ, *яже не суть отъ двора* нашего Пастыреначальника (Ив. 10, 16). Мы разумѣемъ иновѣрцевъ-инородцевъ, населяющихъ необозримыя пространства нашего отечества на отдаленныхъ его окраинахъ. Они, эти инородцы, какъ нѣкогда и мы, все еще *сидятъ во тьмѣ и снѣи смертной* (Мѡ. 4, 16). Одни изъ нихъ по своей естественной духовной неразвитости почитаютъ богами самые простые предметы природы, умиловивляютъ жертвами злыхъ духовъ; другіе преданы суевѣрію ламаизма; третьи исповѣдуютъ исламъ, потворствующій чувственнымъ похотямъ чловѣка и усыпляющій высшія стремленія его духа. И — что всего прискорбнѣе—всѣ эти несчастные иновѣрцы лишены всякаго сознанія о своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ и нимало не помышляютъ о своемъ просвѣщеніи чистымъ свѣтомъ богооткровенной христіанской вѣры. Но они — присные намъ по отечеству, наши сограждане. Неужели же мы можемъ оставаться хладнокровными зрителями ихъ блужданія во мракѣ язычества? Напротивъ, не должны ли мы употребить всѣ средства къ тому, чтобы и надъ ними

возсіялъ свѣтъ велій и разогналъ облегающую ихъ тьму? Идемте же скорѣе къ этимъ соотечественникамъ нашимъ и, во исполненіе заповѣди Господней, — понесемъ имъ святое благовѣстіе о Христвѣ.

Но, — можетъ быть, возразите вы, — неужели намъ заступать мѣсто св. апостоловъ? Намъ ли, совсѣмъ ушедшимъ въ другого рода интересы, почти и не думающимъ о вопросахъ вѣры, итти съ Евангельскою проповѣдью, да еще въ переживаемое-то время? Нѣтъ, это и немыслимо, и непосильно, да и несвоевременно. вмѣсто отвѣта на это возраженіе намъ хочется перенестись вмѣстѣ съ вами мыслью на необозримое пространство, — куда-нибудь въ далекую языческую страну, — туда, на мѣста дѣйствій т. наз. миссіонеровъ - богопроповѣдниковъ, чтобы хоть въ сколько минутъ пожить мыслями и чувствами этихъ послѣднихъ. Послѣ того вы, можетъ быть, измѣните безотрадный судъ, произнесенный вами надъ вашимъ собственнымъ душевнымъ настроеніемъ. Въ этихъ дѣляхъ мы расскажем о томъ, какъ можно сдѣлаться миссіонеромъ независимо отъ своей воли, единственно по любви къ Господу и исполненію заповѣдей Его.

Въ далекую отъ насъ языческую страну приходитъ одинъ истинный послѣдователь вѣры Христовой, по званію простой мірянинъ, и живетъ здѣсь дѣлами рукъ своихъ, вначалѣ почти никѣмъ не замѣчаемый. Но скоро жизнь его начинаетъ не только обращать на себя вниманіе, а и прямо удивлять окружающихъ его язычниковъ нѣкоторыми, какъ имъ казалось, странностями. Такъ, между прочимъ, замѣчаютъ они, трудится новый пришлецъ поистинѣ въ потѣ лица своего, но этотъ трудъ почему-то ни во что не ставитъ, почти ничего не желая наживать на немъ. Этимъ обстоятельствомъ, конечно, съ удовольствіемъ злоупотребляютъ нѣкоторые изъ его новыхъ соотечественниковъ; однакожъ онъ этого какъ бы не замѣчаетъ. Онъ любитъ говорить всегда одну только правду, хотя часто не на радость себѣ. Терпѣливъ и незлобивъ

чрезвычайно: если наговорить на него что-нибудь или оклеветать его въ чемъ, онъ не возражаетъ. Даже что! Когда издѣваются надъ нимъ и даже бьютъ его, онъ не произносить ни слова ропота врагамъ своимъ. Наоборотъ, онъ, кажется, только и думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать имъ что-нибудь хорошее. Случится ли, напримѣръ, у его врага пожаръ, онъ первый бѣжитъ къ нему на помощь. Видитъ ли своего обидчика утопающимъ, онъ безъ всякихъ размышленій бросается въ воду, чтобы спасти его, какъ будто не понимаетъ, что можетъ и самъ погибнуть вмѣстѣ съ утопающимъ. Врага его бьютъ, — чужеземецъ бѣжитъ на его защиту, въ концѣ же концовъ самъ едва не погибаетъ отъ побоевъ. Никто не могъ понять этого чужеземца. Такъ и прозвали его страннымъ, но добрымъ чудакомъ и махнули на него рукой. И вдругъ... случилось нѣчто необычное. Дѣло было въ 1-й день нашей Пасхи. Занесенный на чужую языческую сторону собратъ нашъ по вѣрѣ, соскучившись по нашимъ храмамъ и богослуженію, кажется, лучше всѣхъ насъ зналъ, что тогда-то наступить этотъ праздниковъ праздникъ и со всѣмъ усердіемъ сталъ готовиться къ нему. Къ чрезвычайному удивленію язычниковъ, онъ за все время нашего великаго поста почти не заботился о пищѣ. Дождался, наконецъ, онъ Свѣтлаго Праздника и рѣшилъ торжественно, какъ только могъ, отпраздновать его. Убралъ по праздничному свое жилище, освѣтилъ его и, когда насталъ дорогой сердцу каждому изъ насъ моментъ этой *всепразднственной и спасительной* ночи, онъ запѣлъ по памяти хвалебныя пѣсни воскресшему изъ мертвыхъ Господу. И какъ счастливъ, несказанно счастливъ былъ въ этотъ моментъ собратъ нашъ на далекой языческой чужбинѣ въ своемъ кругломъ одиночествѣ, съ однимъ своимъ Господомъ въ душѣ! Поетъ онъ пасхальныя пѣсни, а самъ плачетъ отъ радости... Но—чу!.. что бы это значило? Среди ночной тишины раздается необычайный шумъ, и это какъ разъ около его хижины. Оказывается, это язычники, пораженные всѣмъ

происходящимъ въ хижинѣ страннаго чужеземца, не вытерпѣли и ломаются въ его обиталище. Проникши же сюда, они забрасываютъ его своими вопросами: «скажи намъ, наконецъ, что ты за человѣкъ? Объясни намъ все твое странное поведеніе. Скажи, какому Богу ты служишь и какъ зовутъ этого Бога? Почему это ты и сейчасъ поешь какія-то, повидимому, радостныя пѣсни и самъ плачешь въ то же время? Что все это значитъ?» И вотъ совершенно неожиданно открылось широкое поприще для благовѣствованія о Христѣ. Собратъ нашъ по вѣрѣ — простой мірянинъ — становится, какъ видите, богопроповѣдникомъ. Нужно ли говорить о томъ, что это была за проповѣдь? Думаете ли, что этотъ простецъ нуждался для нея въ чьемъ-либо наученіи? Ничуть. Да и кто же, въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ моментъ могъ лучше, чѣмъ онъ, рассказать своимъ слушателямъ о Христѣ, Котораго онъ такъ любилъ и воспѣвалъ? И повѣдалъ собратъ нашъ все, что самъ зналъ о Христѣ, язычникамъ. Тогда сразу прозрѣли эти послѣдніе.—Такъ вотъ чѣмъ объясняются всѣ странности поведенія этого чужеземца: вѣдь это его Богъ, его Христосъ велѣлъ ему любить всѣхъ насъ, какъ самого себя и даже—какъ они это хорошо знали—больше, чѣмъ самого себя! А мы и не знали этого! А мы глумились, издѣвались надъ этимъ святымъ человѣкомъ, даже били его! «Хорошъ же твой Богъ!»—со слезами умиленія и восторга сказали язычники чужеземцу и въ тотъ же день во множествѣ обратились ко Христу.

Христіанинъ! Прислушайся къ голосу твоего сердца и откровенно скажи: что чувствовалъ ты во время нашего повѣствованія о случайномъ миссіонерѣ-богопроповѣдникѣ? Не полюбила ли тебѣ сама далекая невѣдомая языческая страна, гдѣ онъ нашелъ себѣ случайное пристанище? Не воспылали ли ты горячей любовью и къ самому этому собрату своему миссіонеру, такъ сильно возлюбившему нашего Господа? Если да, то счастливъ ты этими своими чувствами! Счастливы и всѣ мы, если въ

нашемъ сердцѣ хотя временами можетъ возгораться святая любовь къ дѣламъ нашей вѣры.

Но въ такомъ случаѣ—въ этомъ нашъ отвѣтъ на ваше возраженіе — намъ нѣтъ нужды отрекаться отъ апостольскаго подвига возвѣщать свою вѣру нашимъ соотечественникамъ-язычникамъ: у насъ вѣдь есть, какъ видите, самое главное для совершенія этого подвига — сочувствіе къ работникамъ на нивѣ Христовой. А это уже очень много значить. Если и не пойдемъ мы сами лично къ своимъ соотечественникамъ-язычникамъ съ Евангельскою проповѣдью, предоставляя это трудное дѣло особымъ избранникамъ Божиимъ, то не допустимъ, по крайней мѣрѣ, угаснуть въ себѣ этому сочувствію къ спасительной проповѣди и къ самимъ богопроповѣдникамъ. Тогда—мы вѣримъ — это сочувствіе само, безъ нашего, такъ сказать, вѣдома, научигъ насъ принять и нѣкоторое участіе въ дѣлѣ богопроповѣдничества. Такъ, зная, что въ нашей странѣ *жатва* для просвѣщенія людей свѣтомъ истиннаго богопознанія *много, а дѣлателей мало*, мы прежде всего станемъ усердно молиться *Господину жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою* (Мѣ. 9, 37). Съ другой стороны, не упустимъ случая принести и свою малую лепту на дѣло св. благовѣствованія — въ видѣ ли то денегъ или же какой-нибудь матеріальной жертвы, хотя бы, на примѣръ, крестиками, образочками, необходимыми для новопросвѣщаемыхъ язычниковъ. Наконецъ, мы обвинимъ и этихъ послѣднихъ своею любовью и начнемъ возносить усердныя молитвы объ ихъ скорѣйшемъ обращеніи ко Христу Богу нашему, *да будетъ изъ всѣхъ соотечественниковъ нашихъ, гдѣ бы ни жили они, едино стадо и Единъ Пастырь* (Ів. 10, 16).

Священникъ *Николай Луневскій.*

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНІЕ.

Какъ многогранный кристалль, загрязненный и ставшій
негоднымъ,
Въ чистой водѣ растворясь, исчезаетъ, какъ будто без-
слѣдно, —
Въ ней онъ незримо живетъ и рождается въ очищенномъ
видѣ;
Такъ и душа, какъ кристалль, пребывая по смерти
незримой,
Вновь обрѣтаетъ свое подъ землею ислѣвшее тѣло,
И, какъ кристалль изъ воды, возрождается въ видѣ не-
тлѣнномъ.
Нѣтъ, люди, небытія: лишь одно бытіе существуетъ....
Въ смерти мы скрыто живемъ, жизнь всегда и вездѣ
торжествуетъ.

В. К. Недзвецкій.

EXCELSIOR.

Давнымъ давно жилъ былъ поэтъ
Веселый, бодрый, молодой.
Упившись жизнью земной,
Онъ всѣмъ всегда кричалъ привѣтъ:

Excelsior!

Скончалась вдругъ его жена,
За нею дочь и вскорѣ—мать.
Душа вдовца поражена
Тоской, и пересталъ онъ звать—

Excelsior.

Крестился, Библию купилъ,
Въ пустынѣ со звѣрями жилъ
Въ молитвѣ жаркой и слезахъ;
И снова слышно на устахъ:

Excelsior!

В. К. Недзвецкій.

Теорія вселенной, христiанскiя и противохристiанскiя ¹⁾).

III.

Пантеистическая теорiя.

Литература: Spinoza, *Ethica ord. geom. demonstrata*; Pollock, *Life of Spinoza*, 1880; Martineau, *Study of Spinoza*, 1882; Principal Caird, *Spinoza*, 1888; Hegel, *Philosophie der Religion*; Seth, *Hegelianism and Personality*, 1887; Strauss, *Glaubenslehre*; Lotze, *Mikrokosmos*, 2-te Aufl. 1869—72; Flint, *Antitheistic Theories*, 1877; Hartmann, *Die Krisis des Christenthums*, 1880.

Пантеистическая теорiя дiаметрально противоположна христiанству во всѣхъ пунктахъ. Она отрицаетъ главныя христiанскiя идеи—личность Божiю, сотворенiе мiра, свободу человѣка, дѣйствительность грѣха, промысль, искупленiе, безсмертiе.

Коренной принципъ этой теорiи въ томъ, что Богъ и мiръ—одно. Она отрицаетъ для Бога существованiе, отличное отъ мiра, а для мiра—существованiе, отличное отъ Бога. Она можетъ принимать различныя формы, смотря по тому, какъ понимается божественная природа. Богъ можетъ быть представляемъ, какъ духъ или какъ субстанцiя; въ первомъ случаѣ результатомъ бываетъ идеалистическая форма пантеизма, во-второмъ—материалистическая. Въ первомъ случаѣ мiръ разсматривается пантеистами, какъ одежда, чрезъ которую открывается Великiй Духъ; во-второмъ—пантеисты смотрятъ на всѣ отдѣльныя существа, одушевленныя и неодушевленныя, какъ на ак-

¹⁾ Продолженiе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтен.* 1909 г.

пиденціи или модусы одной всеобщей субстанціи, какъ на волны, появляющіяся на поверхности безконечнаго океана, который есть Богъ. Относительно всѣхъ практическихъ цѣлей и тотъ, и другой пантеизмъ имѣють одинаковое значеніе.

Пантеистическіе способы созерцанія вселенной въ большей или меньшей степени господствовали съ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и въ разныхъ странахъ, на примѣръ въ Индіи и Греціи. Отцомъ же современнаго европейскаго пантеизма, по общему признанію, считается Бенедиктъ Спиноза, о взглядахъ котораго на откровеніе и священное писаніе былъ уже данъ краткій отчетъ. По многимъ основаніямъ Спиноза считается типическимъ представителемъ пантеистической системы, которая входитъ, какъ ингредиентъ, въ составъ современнаго европейскаго мышленія; особенно же потому, что онъ оказывалъ очень большое вліяніе на руководящихъ философовъ и богослововъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. вмѣсто того, чтобы заниматься отвлеченнымъ разсмотрѣніемъ пантеизма или пытаться дать историческій очеркъ этого типа спекулятивного мышленія, мы надѣемся лучше достигнуть нашей цѣли чрезъ изученіе чрезвычайно важнаго образца, представляющагося намъ въ обширномъ сочиненіи Спинозы *Ethica ordine geometrico demonstrata*. Нельзя луше ознакомиться съ самимъ духомъ пантеизма, какъ чрезъ изученіе содержанія этого трактата, гдѣ Спиноза въ пяти книгахъ ведетъ рѣчь о Богѣ, природѣ и происхожденіи ума, происхожденіи и природѣ чувствованій, о человѣческомъ рабствѣ, или природѣ страстей, и о человѣческой свободѣ или умственной силѣ.

Спиноза былъ ученикомъ Декарта, и на философію Спинозы можно смотрѣть, какъ на попытку исправить философію этого знаменитаго француза чрезъ сведеніе его дуализма къ единству. Декартъ, кромѣ Бога, признавалъ двѣ независимыя одна отъ другой субстанціи, матерію и умъ, при чемъ характеристическимъ свойствомъ

матеріи считалъ протяженіе, а ума—мысль. Спиноза, съ другой стороны, признавалъ только одну безконечную и недѣлимую субстанцію, атрибуты которой суть мысль и протяженіе, а всѣ отдѣльныя существа, протяженные или мыслящія, модусы. Эту единую субстанцію Спиноза называлъ Богомъ. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ объ *Этикъ* Спиноза пожелалъ доказать все математическимъ способомъ, и его тезисы излагаются въ систематическомъ порядкѣ подобно теоремамъ Евклида, каждое послѣдовательное предложеніе снабжено доказательствами, а за доказательствами иногда слѣдуютъ королларіи или схолии. Четырнадцатое предложеніе первой книги *Этики* гласитъ: «кромѣ Бога никакая субстанція не можетъ существовать или быть понимаема». Доказать это предложеніе было весьма легко вслѣдствіе опредѣленія слова субстанція, даннаго въ началѣ этого трактата. Это опредѣленіе излагается такъ: «подъ субстанціей я понимаю то, что есть въ себѣ и понимается чрезъ себя; т. е. то, понятіе о чемъ не имѣетъ надобности для своего образованія ни въ чемъ другомъ». Конечно, если къ самой природѣ субстанціи относится быть самосуществующей и самопричинной, то можетъ быть только одна субстанція, т. е. Богъ. Если же Богъ есть единая субстанція, то отсюда слѣдуетъ, что Онъ есть и протяженное и мыслящее бытіе: одновременно и «*res extensa*», и «*res cohitans*», причина всѣхъ отдѣльныхъ существъ, которыя протяженны и которыя мыслятъ, — въ силу атрибута, соотвѣтствующаго природѣ каждаго существа, Богъ есть причина вещей протяженныхъ, насколько Онъ есть *res extensa*, и причина существъ мыслящихъ, насколько Онъ есть *res cohitans*. Онъ есть, поэтому, причина человѣческаго ума, и какъ такой, есть Самъ интеллектуальное существо. Человѣчeskій умъ есть именно часть безконечнаго ума Божія. Но намъ дѣлается предостереженіе — не выводите отсюда, что умъ Божій подобенъ уму человѣческому. Интеллектъ и воля, которые составляютъ сущность Божію, походятъ на ин-

теллектъ и волю человѣка только по имени, не больше и не иначе, какъ небесный знакъ собаки походить на животное, которое называется собакой и которое лаетъ. Всякій дѣйствующій интеллектъ долженъ быть относимъ не къ Богу Самому, но къ Богу въ человѣкѣ; или, по терминологіи Спинозы—*ad naturam naturatam*, а не *ad naturam naturantem*. Эти два странныя выраженія *natura naturans* и *natura naturata* употребляются Спинозой для точнаго обозначенія отношеній Бога къ природѣ. Въ этихъ выраженіяхъ подразумѣвается, что Богъ и природа—одно и то же, только подъ различными видами. Богъ есть природа, разсматриваемая, какъ бытіе дѣятельное, или какъ причина; природа есть универсальная субстанція съ ея атрибутами и модусами, разсматриваемая, какъ пассивная, или какъ слѣдствіе.

Если таково отношеніе между Богомъ и природой, то мы знаемъ заранѣе, какого ученія о сотвореніи міра слѣдуетъ ожидать отъ системы Спинозы. Ученіе это заключается въ слѣдующемъ: все существуетъ вѣчно по необходимости. Все существуетъ, что можетъ существовать; все возможное есть дѣйствительное и необходимое. Богъ вѣчно производитъ все, что имѣетъ силу производить, Его могущество тождественно съ Его сущностью, а Его сущность въ свою очередь тождественна съ Его существованіемъ. Ничто не могло быть произведено какимъ либо другимъ способомъ или въ какомъ либо другомъ порядкѣ чѣмъ въ томъ, въ какомъ оно было произведено. Нѣтъ ничего подобнаго тому, что мы называемъ случайностью въ мірѣ; понятіе о случайности произошло вслѣдствіе нашего невѣжества. Богъ есть имманентная, а не переходящая причина всего. Наконецъ, Богъ, или, что то же, природа, разсматриваемая, какъ дѣятельная, производитъ все безъ всякаго отношенія къ какой бы то ни было цѣли: нѣтъ ни цѣлесообразности, ни цѣли во вселенной. Вѣчное и безконечное *Ens*, которое мы называемъ Богомъ, дѣйствуетъ съ тою же самою необходимостью, съ которою

оно существуетъ. Повтому міры совершенный и несовершенный не имѣютъ никакогого смысла по отношенію къ внутренней природѣ вещей, но просто относятся къ нашему человѣческому способу пониманія ихъ, какъ принадлежащихъ къ видамъ, и выражаютъ наше мнѣніе относительно сравнительной степени полноты, съ которою характеристическія особенности видовъ воспроизводятся въ индивидуумахъ. Все, что дѣйствительно, совершенно; реальность и совершенство—одно и тоже. Обычное представленіе, что природа, подобно человѣку, дѣйствуетъ ради извѣстной цѣли, обязано своимъ происхожденіемъ отчасти нашему невѣжеству, а отчасти нашему самовозвышенію и содержитъ въ себѣ огромное количество худыхъ слѣдствій, на примѣръ, когда люди смотрятъ на неудобныя явленія природы, какъ на выраженіе божественнаго гнѣва противъ нихъ за ихъ грѣхи. Истина въ томъ, что въ событіяхъ нѣтъ никакой цѣли; все, такъ называемое доброе и худое, происходитъ вслѣдствіе вѣчной природной необходимости и съ величайшимъ возможнымъ совершенствомъ, но безъ цѣлесообразности или конечныхъ причинъ. Въ этомъ ученіи подразумѣвается, что даже нравственное зло, какъ мы его называемъ, принадлежитъ къ вѣчному порядку, и есть въ дѣйствительности добро. Отъ такого вывода Спиноза не уклоняется. На вопросъ же: почему Богъ не сотворилъ всѣхъ людей такъ, чтобы они руководились исключительно разумомъ? онъ признается, что у него нѣтъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: «потому, что у Бога не было матеріала, изъ котораго Онъ могъ бы сотворить все отъ высшей до самой низшей степени совершенства. Или, говоря ближе, потому, что законы природы были настолько полны, что ихъ было достаточно для произведенія всего, что могло быть вымышлено безконечнымъ умомъ».

Эти слова, которыя составляютъ заключеніе разсужденія Спинозы о конечныхъ причинахъ въ концѣ первой книги его *Этики*, означаютъ, что идея о вселенной тре-

буеть бытія всѣхъ родовъ существъ, и что поѣтому міръ долженъ состоять изъ грѣшниковъ и глупцовъ не менѣе, чѣмъ и изъ святыхъ и мудрыхъ людей. Такое мнѣніе могло быть усвоено только такимъ лицомъ, которое не имѣло никакой вѣры въ реальность нравственныхъ различій съ богословской точки зрѣнія, или въ свободу человѣка. Дѣйствительно, Спиноза не высказываетъ никакой претензіи вѣрить ни въ то, ни въ другое. Онъ допускаетъ, конечно, что существуетъ различіе между мудрецомъ и глупцомъ, но онъ не видитъ въ этомъ различіи, допускаемомъ въ качествѣ простаго факта, никакого основанія для чувствъ одобренія или неодобренія. Богъ, учитъ Спиноза, не имѣетъ никакого отвращенія къ злу и глупости, потому что Онъ Самъ далъ имъ существованіе, и мы должны подражать въ этомъ Ему. Могло бы казаться, что противъ этого ученія, по которому добро и зло одинаковы для Бога, годилось бы то возраженіе, что добрые и злые, мудрые и глупые не живутъ одинаково. Спиноза басається этого пункта въ одномъ изъ своихъ писемъ въ отвѣтъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, который находился въ страшномъ затрудненіи. «Богъ» замѣчаетъ Спиноза, «не гнѣвается ни на кого, потому что все бываетъ согласно Его мысли. Но я отрицаю, что поѣтому всѣ должны быть счастливы, потому что людей можно извинять, и однако имъ недостаетъ счастья и они выносятъ разныя мученія. Лошадь можно извинить за то, что она — лошадь, а не человѣкъ, однако она должна имѣть участь лошади, а не человѣка. Того, кого укусила бѣшеная собака, можно извинить; однако если онъ издыхаетъ, то издыхаетъ справедливо; подобнымъ же образомъ и человѣкъ, который неспособенъ управлять своими желаніями, долженъ быть извиненъ по поводу своей слабости, и однако онъ не можетъ наслаждаться душевнымъ миромъ, познаніемъ Бога и любовью къ Нему, но неминуемо погибаетъ»¹⁾). Нравственной отвѣтственности нельзя

¹⁾ Epistola XXV.

выразительнѣе отрицать, чѣмъ при помощи такихъ сравненій. Это отрицаніе есть существенная характеристика истиннаго пантеизма.

Теперь намъ слѣдуетъ кратко изложить ученіе Спинозы о природѣ и происхожденіи ума. Данное имъ опредѣленіе ума отличается особенностями. «Главное», говоритъ онъ намъ, «изъ чего составляется дѣйствительное бытіе человѣческаго ума, есть не что иное, какъ идея о какойнибудь отдѣльной вещи, дѣйствительно существующей»¹⁾.—Этотъ неопредѣленный тезисъ объясняется въ дальнѣйшемъ предложеніи болѣе опредѣленнымъ утвержденіемъ, что объектъ идеи, составляющей человѣческій умъ, есть тѣло, или извѣстный модусъ протяженія, дѣйствительно существующій. Нашъ умъ, выражаясь кратко, есть ни болѣе ни менѣе, какъ идея о нашемъ тѣлѣ. Умъ и тѣло—одно и то же, только понимаются съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ атрибутомъ мышленія, какъ умъ, и подъ атрибутомъ протяженія, какъ тѣло. Отсюда слѣдуетъ, что порядокъ дѣйствій и страстей тѣла соотвѣтствуетъ порядку дѣйствій и страстей ума. Это соотвѣтствіе, однако, не есть доказательство, какъ обыкновенно думаютъ, взаимодѣйствія. Умъ не имѣетъ никакого причиннаго вліянія на тѣло; его состоянія вызываются законами только одной тѣлесной природы. По этой теоріи тѣло настолько независимо отъ ума, какъ причины движенія, какъ будто оно было бы только машиной. Съ другой стороны, умъ находится въ зависимости отъ тѣла, не какъ именно причины мышленія, но какъ условія для самаго продолженія своего существованія. Умъ, по ученію Спинозы, можетъ вообразать и припоминать только до тѣхъ поръ, пока живо тѣло. Когда тѣло погибаетъ и умъ перестаетъ существовать, за исключеніемъ только, какъ вѣчная идея въ Богѣ. Таково единственное безсмертіе, возможное для системы Спинозы. Когда тѣло уми-

¹⁾ Книга II, предлож. XI.

раеть, то ни одинъ индивидуальный умъ не переживаетъ этой смерти, а переживаетъ только идея о вещи, которая была въ божественномъ умѣ, потому что всѣ мысли Бога вѣчны. Ничего иного нельзя и ожидать при опредѣленіи ума, о которомъ мы говорили въ началѣ. Мой умъ есть идея о моемъ тѣлѣ, какъ о дѣйствительно существующемъ. Конечно, когда тѣло разрушается, то вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ и умъ. Отнимите сущность и тѣнь исчезнетъ.

Такова пантеистическая вѣра, столь откровенно изложенная Спинозой. Вселенная связана желѣзною цѣпью необходимости, и здѣсь не оставляется никакого мѣста свободѣ какъ Бога, такъ и человѣка. Теченіе природы опредѣлено неизмѣнно и ни въ какомъ измѣненіи не имѣетъ надобности. Все, что должно быть, то—правильно. Всякая индивидуальная жизнь преходяща, вѣчна только единая безконечная субстанція. Природа есть вѣчно одинаковый, однако для поверхностнаго взгляда вѣчно измѣнчивый океанъ бытія, и мы, люди, и всѣ вещи, которыя мы видимъ, суть только волны или пѣна на его поверхности; сегодня мы живы, завтра насъ нѣтъ, смотря по тому, какъ подуетъ вѣтеръ. Для этой системы всѣ религіи почти совершенно одинаковы, всѣ онѣ терпимы, какъ модусы, подъ которыми великое Единое и Все почитается. Одинъ можетъ становиться выше, чѣмъ другой, на лѣстницѣ разумности, и подходить ближе къ той чистой интеллектуальной любви Божіей, въ которой, по ученію Спинозы, находятся мудрость и истинное счастье. Въ этомъ отношеніи христіанству предоставляется первое мѣсто, и на Христа Спиноза смотритъ, какъ на мудрѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ. Нужно отдать Спинозѣ справедливость, онъ безъ всякихъ колебаній уступаетъ эту позицію Христу.

Мѣсто не позволяетъ намъ заняться съ такою же полнотою изложеніемъ какого-нибудь изъ новѣйшихъ произведеній пантеистической теоріи. Да всякій съ радостью

пожелалъ бы и уклониться отъ этой задачи, не только вслѣдствіе ея трудности, но и потому, что, въ виду нравственныхъ сторонъ этой системы, ему пришлось бы неохотно прилагать эпитетъ пантеистическій къ разнымъ философіямъ, которыя не сдѣлались еще достояніемъ исторіи. Философія, особенно достойная вниманія въ настоящей связи, есть философія Гегеля. Но ученики этого великаго учителя несогласны между собою относительно направленія его ученія, — нѣкоторые пользуются имъ въ цѣляхъ философскаго изложенія христіанства, между тѣмъ какъ другіе, напримѣръ Штраусъ, пользовались имъ для опроверженія христіанства. Первую секцію этой школы можно считать болѣе вѣрною духу и цѣли своего учителя, который самъ считалъ себя защитникомъ христіанства и смотрѣлъ на свою философію, какъ на переводъ въ формы спекулятивнаго мышленія членовъ, помѣщенныхъ въ христіанскомъ символѣ вѣры. Но въ деликатный вопросъ относительно религіознаго направленія гегельянской философіи намъ нѣтъ здѣсь надобности входить. Достаточно отмѣтить только различіе между системами Гегеля и Спинозы въ ихъ пониманіяхъ Бога и Его отношенія къ міру ¹⁾).

¹⁾ Покойный проф. Гринъ изъ Оксфорда такъ излагаетъ жизненную истину, которой Гегель долженъ былъ учить: „существуетъ только одно духовное самосознаніе, дѣятельностью и выраженіемъ котораго служить все, что реально; мы имѣемъ отношеніе къ этому духовному бытію не только, какъ части міра, представляющаго изъ себя выраженіе духовнаго бытія, но и какъ участники въ нѣкоторой зачаточной мѣрѣ самосознанія, которое одновременно и составляетъ міръ и отличаетъ себя отъ него; это соучастіе и есть источникъ нравственности и религіи“. Гринъ добавляетъ: „это ученіе нужно еще представить въ формѣ, которая дастъ возможность принять его всѣмъ серьезнымъ и ученымъ людямъ“.—*Works*, III, 146. По поводу эпитета „гегельянскій“ Гринъ замѣчаетъ, что „ни одинъ человекъ, знающій по опыту трудность составленія, и еще болѣе оцѣнки системы Гегеля, не будетъ поспѣшно присваивать себѣ этого титула или награждать имъ кого-нибудь другого“.—*Works*, VII, 129.

Пункты противоположности между этими двумя философіями заключаются преимущественно въ слѣдующемъ: въ системѣ Гегеля абсолютное существо, Богъ, понимается какъ духъ; между тѣмъ какъ въ системѣ Спинозы онъ понимается болѣе матеріалистически, какъ субстанція. Далѣе, въ системѣ Гегеля Богъ, міръ и человѣкъ связаны вмѣстѣ процессомъ, подразумевающимъ послѣдовательность, если не во времени, то по крайней мѣрѣ въ логическомъ мышленіи. Абсолютный духъ дѣлается объективнымъ для самого себя, дѣлается другимъ въ мірѣ природы; производитъ для себя какъ бы тѣло въ матеріальной вселенной и разрѣшается въ ней. Затѣмъ въ человѣкѣ онъ возвращается въ самого себя, познаетъ себя, получаетъ сознаніе о себѣ, и такимъ образомъ міровой процессъ завершается. Въ системѣ Спинозы, съ другой стороны, матеріальныя вещи, модусы протяженія, и умственныя вещи, модусы мышленія, суть, такъ сказать, современныя и независимыя проявленія одной вѣчной недѣлимой субстанціи. Тутъ не одинъ процессъ, связывающій Бога, природу и человѣка вмѣстѣ, но два параллельныхъ процесса, которые взаимно себя исключаютъ, хотя и не лишены соотвѣтствія, именно, проявленіе вѣчной субстанціи, какъ *res extensa*, въ вещахъ матеріальныхъ, и проявленіе той же самой субстанціи, какъ *res cogitans*, въ человѣческихъ умахъ. Въ этомъ отношеніи болѣе ясно сродство между Спинозой и Шеллингомъ, нежели между Спинозой и Гегелемъ. Въ философіи Шеллингъ былъ хамелеономъ и принималъ послѣдовательно разные виды. О немъ замѣчали, что во всѣхъ фазахъ своей постоянно мѣнявшейся умозрительной карьеры онъ постоянно склонялся къ какому-нибудь великому имени. Среди его философскихъ образцовъ и героевъ былъ между прочими и Спиноза, и когда его звѣзда стала восходить, Шеллингъ сразу же воспринялъ его взгляды и его демонстративный методъ ихъ доказательства, и училъ, что Абсолютное не есть ни субъектъ, ни объектъ, ни мысль,

ни матерія, но безразличіе или тожество обоихъ, и однако открывается одновременно и какъ матерія, и какъ умъ, какъ объектъ и субъектъ, какъ природа и какъ мысль.

Приступая теперь къ критикѣ пантеистической теоріи въ интересахъ христіанскаго воззрѣнія на Бога, міръ и ихъ отношенія, я начну съ замѣчанія, что эта теорія не могла бы занять въ исторіи спекулятивной мысли того мѣста, какое она занимаетъ, и не могла бы очаровывать столь многихъ благородныхъ и любящихъ истину умовъ во всѣ вѣка, если бы не содержала въ себѣ нѣкоторыхъ элементовъ, имѣющихъ дѣйствительную цѣнность. И не трудно догадаться, въ чемъ именно заключается ея сила. Пантеизмъ привлекателенъ для всѣхъ сторонъ нашей духовной природы, для разсудка, для религіознаго чувства, для сердца. Привлекательность пантеизма для разсудка заключается въ импонирующемъ пантеистическомъ понятіи о вселенной, какъ объ единой. Единое и все,—одна простая комбинація этихъ двухъ идей привлекательна для воображенія. Богъ одинъ, и въ то же время Онъ есть все. Вселенная бытія и ея основаніе—не два предмета, а одинъ. Высшая мысль благопріятствуетъ такому стремленію ума къ единству въ наукѣ, тому, что все существованіе возводится къ единому главному источнику, и всѣ тайнства сводятся къ одному всеобъемлющему цѣлому, къ единству вѣчнаго бытія Божія. Привлекательность пантеизма для религіознаго чувства заключается въ его ученіи о божественной имманентности. Пантеистическій Богъ не находится, подобно Богу деизма, внѣ міра, но внутри его, есть его жизнь и душа, присутствуетъ во всемъ, что есть или что живетъ: Онъ присутствуеетъ въ облакахъ и вѣтрахъ, въ древесныхъ листьяхъ и во всякой былинкѣ полевой, присутствуетъ въ пчелѣ и птицѣ, одаряя ихъ искусствомъ устраивать свои ячейки или гнѣзда; присутствуетъ въ человѣкѣ, вдохновляя его возвышенными мыслями и благородными намѣреніями. Наконецъ привлекательность пантеизма для сердца заклю-

чается въ ученіяхъ о необходимости и погибельности всякой индивидуальной жизни. Въ такомъ ученіи доставляется снотворное средство для умерщвленія чувства жалости, которое возбуждается созерцаніемъ мірового грѣха и міровыхъ страданій. Въ моменты подавленности сердце, которое истекаетъ кровью по поводу преступленій и злобы, повсюду видимыхъ въ мірѣ, дѣлается за теорію, которая освобождаетъ слабыхъ отъ нравственной отвѣтственности, слишкомъ тяжелой для нихъ, заставляетъ смотрѣть на будущее назначеніе человѣка, какъ на уничтоженіе, и помогаетъ ему не становиться предъ страшной альтернативой простой возможности вѣчной гибели, подразумевающейся во всякой теоріи, серьезно утверждающей реальность нравственныхъ различій.

Кромѣ этихъ практически привлекательныхъ сторонъ, можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ, что пантеизмъ обладаетъ нѣкоторыми умозрительными преимуществами въ сравненіи съ христіанскимъ теизмомъ. Среди проблемъ, для которыхъ, какъ можетъ казаться, пантеизмъ предлагаетъ наилучшее рѣшеніе, находится проблема о личности Бога и о сотвореніи міра.

Пантеизмъ отвѣчаетъ на теистическое утвержденіе относительно личности Бога противоположнымъ утвержденіемъ, что понятіе о личности несовмѣстимо съ идеей абсолютнаго, что абсолютная личность есть просто противорѣчіе въ терминахъ. Это положеніе имѣетъ существенную важность для пантеистической теоріи. Что его придерживался Спиноза, это можетъ быть выведено изъ нѣсколькихъ характеристическихъ выраженій въ его ученіи, напримѣръ, о томъ, что воля и интеллектъ въ человѣкѣ существуютъ только номинально, что всякій активный интеллектъ долженъ быть относимъ къ *natura naturata*, что всѣ человѣческіе умы вмѣстѣ составляютъ вѣчный и безконечный умъ Божій, что, какъ указалъ Штраусъ, подразумеваетъ, что божественный умъ нисколько не отличается отъ отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ, но

означаетъ просто ихъ имманентное единство ¹⁾. Въ этой связи не лишне отмѣтить любопытный фактъ, что короткое, достойное сожалѣнія, изреченіе Спинозы, которое попадаетъ случайно въ одно изъ его писемъ, составило базисъ для всей современной аргументаціи противъ личности Божіей. Это изреченіе слѣдующее: *determinatio negatio est*,—опредѣленіе есть отрицаніе. Спиноза высказалъ это въ связи съ попыткой доказать, что фигура тѣла есть чисто отрицательная вещь. Современное приложеніе этого изреченія къ обсуждаемому нами предмету заключается въ слѣдующемъ: всякое опредѣленіе есть отрицаніе; но отрицаніе не можетъ имѣть никакого мѣста въ связи съ наиболѣе реальнымъ бытіемъ, и поэтому личное бытіе не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ приписано Богу. Фихте такъ излагаетъ этотъ аргументъ:

«Вы настаиваете, что Богъ имѣетъ личность и сознаніе. Что вы называете личностью и сознаніемъ? Безъ сомнѣнія то, что вы находите въ самихъ себѣ. Но самое небольшое вниманіе покажетъ вамъ, что вы не можете мыслить объ этихъ предметахъ безъ примѣси ограниченія и конечности. Поэтому, приписывая божественному бытію этотъ атрибутъ, вы приписываете Богу ограниченное существованіе, подобное вашему собственному, и вы мыслили не о Богѣ, какъ желали, но только умножали самихъ себя въ своемъ мышленіи» ²⁾.

Штраусъ выражаетъ тотъ же самый взглядъ, съ своею обычною ясностію, въ слѣдующихъ словахъ:

«Говорить о личномъ Богѣ, это, какъ мнѣ кажется, значить объединять идеи, которыя исключаютъ одна другую. Личность есть самособранная самость противъ другой, отъ которой она себя отдѣляетъ. Абсолютность, съ другой стороны, есть нѣчто всеобъемлющее, неограниченное, не

¹⁾ См. его Glaubenslehre, I, 507—8. Слова Спинозы: „omnes (mentes) simul Dei aeternum et infinitum intellectum constituunt“.—Ethic V, 40 schol.

²⁾ Werke, V, 157.

исключающее изъ себя ничего, кромѣ той самой исключительности, которая входитъ въ идею о личности. Какая-нибудь абсолютная личность есть, слѣдовательно, *non-ens*, которое въ дѣйствительности немислимо¹⁾.

Этотъ атрибутъ личности подразумѣвательно исключенъ изъ системы Спинозы и ясно отрицается и вычеркивается въ современной философіи. Христіанскій теизмъ не можетъ въ этомъ участвовать. Правда, защита идеи о божественной личности не свободна отъ спекулятивныхъ затрудненій; однако цѣна, которую пантеизмъ хочетъ откупиться отъ этой трудности, слишкомъ высока²⁾. Потому что если Богъ безличенъ, то этимъ устраняется всякая возможность общенія людей съ Высшимъ Существомъ. Интеллектуальная любовь Божія, въ которой Спиноза полагалъ высшее благо человѣка, есть, по его собственному допущенію, любовь Бога къ Самому Себѣ, а такъ какъ Богъ любить Себя только въ человѣкѣ, то для человѣка остается просто только наслаждаться своимъ существованіемъ, какъ разумнаго существа.

Но какимъ же образомъ устранить трудность примиренія личности съ абсолютностью? Какимъ образомъ мы можемъ мыслить и о Богѣ, какъ о самосознательномъ, самоопредѣляющемся Его, не поставляя Его въ зависимость отъ чего-либо для него вѣшняго, которое помогаетъ Ему получить самосознательность, подобно тому, какъ и мы находимся въ зависимости отъ вѣшняго міра, насъ окружающаго, который помогаетъ намъ представлять себя какъ отдѣльное цѣлое въ противоположность вселенной? Прежде всего замѣтимъ, что если личность, какъ подразумѣвающая ограниченіе, должна быть отрицаема для Аб-

¹⁾ Glaubenslehre, I, 504—5.

²⁾ Липсіусъ, который служитъ представителемъ ново-кантіанской философіи въ догматикѣ, допуская, что божественная личность съ умозрительной точки зрѣнія есть противорѣчіе, считаетъ эту личность однако религіозной необходимостью. См. его Lehrbuch der Evangelisch-Protestantisch Dogmatik, § 228.

солютнаго, то и всякій какой бы то ни было атрибутъ долженъ быть отрицаемъ для Бога по той же самой причинѣ, именно потому, что *determinatio negatio est*. Богъ долженъ быть представляемъ какъ Существо, о которомъ, или, лучше, о чемъ нельзя сдѣлать никакого утвержденія, какъ о чисто абстрактномъ бытіи, равномъ ничто, потому что Онъ есть ничто въ частности. Однако Спиноза совсѣмъ не такъ представлялъ Бога. Онъ приписывалъ безконечной субстанціи по крайней мѣрѣ два атрибута, именно—атрибуты мышленія и протяженія, которыхъ всѣ извѣстныя вещи или предметы суть модусы. Нѣтъ, онъ даже приписывалъ безконечной субстанціи безконечное же число атрибутовъ, повидимому пытаясь оберечь абсолютность Божию отъ какого бы то ни было на нее посягательства и старался сдѣлать это не чрезъ отрицаніе для Бога обладанія какимъ-либо атрибутомъ, но чрезъ умноженіе количества атрибутовъ *ad infinitum* (до безконечности), представляя Бога, по выразительной фразѣ Григорія Назіанзина, «моремъ бытія». При такихъ взглядахъ что можно возразить противъ включенія атрибута личности среди безпредѣльнаго числа другихъ атрибутовъ?

Нѣкоторые пантеисты представляютъ Бога какъ существо абсолютно неопредѣлимое, и такой взглядъ ихъ, можетъ быть, болѣе подходитъ къ генію этой системы. Принимая этотъ взглядъ, что имѣемъ мы вмѣсто Бога? Не реальное бытіе, но логическую абстракцію. Неужели не существуетъ другого абсолютнаго, кромѣ этого? Неужели нѣтъ абсолютнаго, которое бы дѣйствительно и необходимо существовало, какъ предполагалъ даже самъ Спиноза? И если такое абсолютное есть, то не должно ли оно быть полною противоположностью логическому абсолютному? Если логическое абсолютное совсѣмъ не поддается никакимъ опредѣленіямъ, то реальное абсолютное будетъ безконечно самоопредѣленнымъ; если логическое абсолютное есть абсолютная пустота, то реальное абсолютное было бы абсолютной полнотой; если логическое

абсолютное неспособно ни къ какимъ отношеніямъ, то реальное абсолютное, ни въ чемъ не нуждаясь, было бы способно ко всѣмъ родамъ отношеній. Пантеистическіе философы не ставятъ вопросовъ о существованіи такого абсолютнаго просто потому, что не хотятъ въ него вѣрить и, слѣдуя апріорному методу, начинаютъ съ самаго абстрактнаго понятія, какое можетъ только составить умъ, затѣмъ переходятъ отъ абстрактнаго къ конкретному чрезъ прибавленіе атрибутовъ и наконецъ заключаютъ, что процессъ вселенной тождественъ съ процессомъ ихъ мышленія, т.-е. что всѣ частныя опредѣленные существа возникаютъ изъ абсолютно неопредѣлимаго бытія.

Теперь возвращаемся къ вопросу: какимъ образомъ мы можемъ мыслить о Богѣ, не поставляя Его въ зависимость отъ внѣшняго міра, чрезъ который Онъ получаетъ Свое самосознаніе? Очевидно, что вслѣдъ за этимъ вопросомъ возникаетъ и другой,—есть ли дѣйствительно ограниченіе чрезъ не-я неизбѣжное условіе для самосознанія? Теисты единогласно даютъ на это отвѣтъ отрицательный. Этотъ вопросъ былъ разработанъ Лотце, который излагаетъ заключеніе своего весьма внушительнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ въ слѣдующихъ предложеніяхъ: 1. Самость, сущность всякой личности, основывается не на положеніи *ego* противъ *non-ego*, но на непосредственномъ бытіи для себя, которое составляетъ основаніе для возможности такого протовоположенія. 2. Въ природѣ конечнаго духа находится основаніе, почему развитіе его личной сознательности можетъ имѣть мѣсто только вслѣдствіе возбуждающаго вліянія *non-ego* въ формѣ внѣшняго міра. Это не потому, что конечный духъ нуждается въ противоположеніи постояннаго объекта для того, чтобы быть самимъ собою, но потому, что въ данномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ не имѣетъ условій для своего существованія внутри самого себя. Такого ограниченія не существуетъ въ бытіи безконечнаго Духа. Для Него одного поэтому возможно бытіе для Себя, кото-

рое не имѣть надобности ни для своего начала, ни для своего прогрессивнаго развитія въ помощи со стороны чего-либо внѣшняго, но поддерживаетъ себя въ вѣчномъ и безначальномъ внутреннемъ движеніи. 3. Совершенная личность существуетъ только въ Богѣ; во всѣхъ конечныхъ духахъ она есть только слабое подражаніе личности божественной. Конечность конечнаго духа не есть продуктивная причина личности, но скорѣе препятствующее ограниченіе на пути къ ея развитію ¹⁾). Кратко сказать, сила отвѣта, даннаго этимъ теистическимъ философомъ людямъ, которые отрицаютъ божественную личность, заключается въ слѣдующемъ: пантеисты думаютъ, что личность состоитъ въ томъ, что составляетъ въ дѣйствительности дефектъ человѣческой личности, именно въ обстоятельстве, что она нуждается во внѣшнемъ объектѣ для своего самопознанія и во внѣшнемъ стимулѣ для своего развитія. Наша идея о самопознаніи должна быть образована не отъ его начала и прогресса, но отъ того, къ чему личность стремится, а она стремится къ все болѣе и болѣе увеличивающейся независимости отъ внѣшнихъ стимуловъ, къ все болѣе и болѣе расширяющейся полнотѣ содержанія, къ побѣдѣ, вѣчно продолжающейся, надъ границами мѣста и времени. Тѣмъ, къ чему мы постоянно стремимся и чего никогда не достигаемъ, Богъ обладаетъ въ совершенствѣ и отъ вѣчности, именно самосознаніемъ, абсолютно независимымъ отъ внѣшняго стимула, безграничнымъ по содержанію и совершенно нестѣсняемымъ границами мѣста и времени. Поэтому мы должны сомнѣваться болыне въ своей собственной личности, чѣмъ въ Божіей: человѣческая личность есть только очень несовершенное воплощеніе идеала, который имѣетъ совершенную реальность въ Безпредѣльномъ и Абсолютномъ.

Представленіе о сотвореніи міра, гдѣ подразумѣвается начало его во времени, отличается большими трудностями.

¹⁾ Mikrokosmos, III, 575.

Какъ уже было замѣчено, высказывались сомнѣнія, необходимо ли въ интересахъ христіанскаго теизма придерживаться мысли, что міръ имѣеть историческое начало. Но не подлежитъ сомнѣнію, что такое именно представленіе о твореніи находится въ большемъ согласіи съ теистической теоріей вселенной, чѣмъ то, по которому элементы міра были совѣчны Богу, хотя и зависимы отъ Него. Въ возраженіяхъ противъ мнѣнія пантеистовъ, поэтому, совершенно прилично занять эту сторону теистической позиціи и принять мысль о сотвореніи міра во времени со всѣми ея недочетами. Въ чемъ заключаются эти недочеты, очевидно. Если повимать твореніе такъ, то легко предложить слѣдующіе трудные вопросы: чѣмъ Богъ былъ занятъ до сотворенія міра? Зачѣмъ Онъ сотворилъ міръ, если могъ въ теченіе длинныхъ промежутковъ времени обходиться безъ него? Если мы примемъ, что на этотъ послѣдній вопросъ удовлетворительный отвѣтъ былъ данъ Платономъ, когда онъ говорилъ, что Богъ не завистливъ и потому Ему угодно было вступить въ общеніе съ существами, подобными Ему Самому, то самая идея о такой цѣли не оскорбительна ли для совершенства Божія и совмѣстима ли она съ понятіемъ объ Абсолютномъ, такъ какъ здѣсь подразумѣвается, что разъ цѣль не была осуществлена, то Богъ имѣлъ кое въ чемъ нужду? Наконецъ, твореніе, такъ понимаемое, не противорѣчитъ ли абсолютности Божіей и въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ, подчиняя Бога категоріи времени въ Его собственномъ бытіи, насколько здѣсь подразумѣвается вступленіе Его въ новыя отношенія, отношенія Господа, и насколько Онъ представляется совершающимъ частный актъ, которымъ Онъ, по видимому, унижаетъ Себя до степени человѣческаго художника, поставившаго себѣ задачей нарисовать отдѣльную картину въ тотъ или другой промежутокъ времени?

Пантеизмъ хочетъ избѣжать этихъ затруднительныхъ вопросовъ, принимая ученіе, что Богъ отъ вѣчности производитъ всѣ возможныя вещи вслѣдствіе необходимости.

Но, избѣгая затрудненій въ одномъ направленіи, пантеизмъ встрѣчается съ затрудненіями, не менѣе тяжкими, въ другомъ направленіи; или, лучше, можно было бы сказать, что онъ старается прикрыть присущія такимъ вопросамъ затрудненія ловко составленными фразами. Потому что, во-первыхъ, онъ въ дѣйствительности не даетъ никакого объясненія существующей вселенной. Что Богъ, въ силу необходимости Своей собственной природы, производитъ все, объ этомъ легко говорить. Здѣшній міръ существуетъ и какое нибудь объясненіе его существованія все же должно быть дано. Вы можете говорить, если вамъ угодно, что міръ есть необходимое изліяніе изъ вѣчной субстанціи или духа. Но въ самой идеѣ объ Абсолютномъ заключается ли что нибудь, способное побудить васъ къ ожиданію этого или вообще какого бы то ни было міра? Пантеизмъ не можетъ дать никакого отвѣта на этотъ вопросъ. А Спиноза даже и не пытался на него отвѣтить. Его безконечная субстанція абстрактна, безжизненна, это—монотонное, лишенное характеристикъ Единое, въ которомъ разрѣшаются всѣ міровыя реальности. Но какимъ образомъ изъ Единого получается многое, этого Спиноза даже не подвергалъ и изслѣдованію, и еще менѣе объяснялъ. Гегель чувствовалъ всю затруднительность этой проблемы и пытался разрѣшить ее чрезъ введеніе въ Абсолютное принципа конечности, самоограниченія, или отрицанія, вслѣдствіе чего будто бы было положено начало вѣчному процессу, имѣвшему въ результатъ появленіе многообразнаго бытія, составляющаго вселенную. Но наиболѣе ученые критики согласны въ мнѣніи, что объясненіе вселенной, данное Гегелемъ, есть не болѣе, не менѣе, какъ гипостазированіе логическаго процесса, и что онъ оставилъ проблему о существованіи въ томъ именно видѣ, въ какомъ встрѣтился съ нею ¹⁾.

¹⁾ Изъ лицъ, критиковавшихъ такъ Гегеля, можно упомянуть о Штраусѣ, Дорнерѣ, Целлерѣ, Гартманнѣ.

Пантеизмъ, повидимому, совсѣмъ не признаетъ такого міра, въ которомъ существовалъ бы прогрессъ, развитіе, эволюція, постоянный переходъ отъ низшихъ стадій бытія къ высшимъ, при чемъ на каждой стадіи постоянно вызывались бы къ бытію все новыя и новыя вещи. Однако здѣшній міръ полонъ непрестанныхъ измѣненій. Новыя явленія постоянно возникаютъ, будучи новыми слѣдствіями новыхъ причинъ, или же новыми комбинаціями причинъ существующихъ,—если и не абсолютно новыхъ въ томъ смыслѣ, что такія явленія всегда могли существовать въ какой-нибудь части вселенной, однако новыхъ въ той или другой ея части, скажемъ хоть на нашей планетѣ. Такимъ образомъ, по общему согласію людей науки, должно было существовать время въ исторіи земли, когда на ней не было никакой жизни, хотя послѣдняя и существовала гдѣ нибудь въ другихъ частяхъ вселенной. Такой міръ, созданный по частямъ, даже если бы этотъ процессъ и никогда не имѣлъ начала, въ нѣкоторомъ смыслѣ подчиняетъ Создателя категоріямъ мѣста и времени, поставляя Его въ новыя творческія и владѣльческія отношенія къ той или другой части творенія. Чтобы избѣжать этого, нужно было надѣлать міръ свойствомъ неизмѣняемости Божіей и говорить, что возможныя вещи были всегда и повсюду дѣятельны. Но это значило бы въ дѣйствительности отрицать существованіе міра. Измѣненіе подразумѣвается въ самой идеѣ о мірѣ; міръ неизмѣняемый есть или ничтожество, или онъ есть Богъ, только подъ другимъ названіемъ. Дѣйствительный міръ, несомнѣнно, полонъ измѣненій, и разсуждая объ отношеніи Бога къ нему, мы должны выбирать двѣ альтернативы: или для того, чтобы сохранить абсолютность Божію, мы должны утверждать, что Богъ не находится ни въ какомъ отношеніи къ міру, какъ его Творецъ или Промыслитель, или же мы должны допустить, что вѣчное существованіе Бога примиримо съ его измѣняемостью ¹⁾, что, нисколько

¹⁾ Гартманъ утверждаетъ, что простота и неизмѣняемость не суть

не противорѣча своей абсолютности, Огъ могъ, какъ выражались еврейскіе пророки, творить новыя вещи—живыя существа, мыслящихъ людей въ какое бы то ни было данное время, въ какой бы то ни было части міра. Такое допущеніе отвѣчаетъ теистической идеѣ о сотвореніи міра во времени, по крайней мѣрѣ въ деталяхъ; и не представляется никакой убѣдительною причины, почему бы такое допущеніе не могло отвѣчать и идеѣ объ историческомъ началѣ міра, какъ цѣлаго. Если могли въ какое-нибудь время получить начало жизнь и человѣкъ, то почему же такого начала не могъ получить и самый міръ?

Такимъ образомъ оказывается, что даже на спекулятивной почвѣ пантеистическая теорія не такъ-то неуязвима, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. На нравственной почвѣ распознать ея слабость еще легче. Вопросы о божественномъ существѣ и объ отношеніяхъ Бога къ міру темны; но на то, что относится къ человѣку, къ его природѣ и назначенію, мы въ состояніи выработать болѣе опредѣленные взгляды и высказать болѣе увѣренныя сужденія. И ни одинъ человѣкъ, который симпатизируетъ Христову ученію и его духу, не будетъ колебаться въ томъ, какъ ему слѣдуетъ относиться къ взглядамъ пантеистовъ на эти предметы. Пантеистическая антропология во всѣхъ пунктахъ противоположна христіанской мысли. Во-первыхъ, она противоположна ей по своему общему представленію о мѣстѣ человѣка во вселенной. Пантеизмъ во всѣхъ своихъ формахъ унижаетъ

атрибуты Бога, выражаясь такъ во имя того, что онъ называетъ *конкретнымъ мотумомъ*, который онъ отличаетъ такимъ образомъ отъ абстрактнаго мотума. Послѣдній заставляетъ *Многое*, какъ простое явленіе, разрѣшиться въ абстрактномъ Единомъ. Конкретный мотумъ, съ другой стороны, признаетъ реальность и независимость существующаго concreta надъ единствомъ бытія. Согласно этому взгляду догмать о божественной неизмѣняемости принадлежитъ абстрактному мотуму. См. *Krisis des Christenthums*, стр. 88, 92.

человѣка. Могло бы казаться, что отсюда намъ слѣдовало бы исключить тотъ привлекательный видъ пантеизма, который считаетъ человѣка медіумомъ и полагаетъ, что при его помощи абсолютный духъ получаетъ свое самосознаніе. Но даже и по этому взгляду индивидуальный человѣкъ есть только тѣнь, мимолетное явленіе, только временное проявленіе, привидѣніе и индивидуализація великаго безличнаго духа природы. Ни Богъ, ни человѣкъ не обладаютъ здѣсь какою-либо, точно опредѣленною личностію. Душа міра получаетъ самосознаніе только въ отдѣльныхъ душахъ людей; человѣкъ, съ другой стороны, не имѣетъ никакого бытія для себя, но есть только медіумъ божественнаго проявленія и самосознанія, употребляемый по временамъ и затѣмъ отбрасываемый за негодностію. Поэтому кажется, что здѣсь личность Божія и личность человѣческая какъ бы стоятъ и падаютъ вмѣстѣ. И та, и другая личность какъ бы гарантируетъ одна другую взаимно, и отрицаніе одной изъ нихъ есть погибель для обѣихъ. Допустите независимость личности Божіей, и тогда человѣкъ можетъ быть признанъ отдѣльною, хотя и конечною и подчиненною личностію. Отвергните личность Божію, за исключеніемъ только того, насколько она реализуется въ человѣкѣ, и тогда отдѣльные люди покажутся намъ униженными только до положенія временныхъ орудій, и одинъ человѣческій родъ будетъ обладать еще нѣкоторымъ прочнымъ значеніемъ, если только будетъ.

Губительное значеніе нравственной теоріи пантеизма стало весьма очевиднымъ изъ нѣкоторыхъ откровенныхъ изреченій Спинозы. Для него человѣческая природа есть только сонъ, нравственныя различія имѣютъ лишь относительное значеніе, а добрые и злые люди—одинаковое право на признаніе, какъ составныя части во вселенной, въ которой все дѣйствительное совершенно. Человѣческія дѣйствія какого бы то ни было рода подчинены неумолимому закону причинности и всё одинаково направляются

къ одной и той же цѣли. Злое и доброе съ богословской точки зрѣнія, разсматриваемыя *sub specie aeternitatis*, одно и то же; заблужденіе, грѣхъ, злоба суть слова, не имѣющія никакого абсолютнаго значенія и только обозначающія вещи, относительно злыя для нашего настоящаго чувства, удобства и благополучія. Въ великой системѣ вселенной это суть только диссонансы въ божественной музыкѣ сферъ, которые разрѣшаются въ гармонію, и вслѣдствіе этого контраста становятся только еще болѣе пріятными для слуха.

Съ пантеистической точки зрѣнія надежда на индивидуальное безсмертіе есть только самообольщеніе. Штраусъ дѣйствовалъ въ качествѣ адвоката этой системы, когда писалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «загробное есть единое во всемъ, но въ формѣ *будущаго* это есть послѣдній врагъ, съ которымъ умозрительная критика должна сражаться и, если можно, его преодолѣть» ¹⁾. Таково выраженіе этого ех-пантеиста, перешедшаго въ ряды матеріалистовъ, но въ этомъ выраженіи указывается тѣмъ не менѣе подлинная мысль пантеизма о безсмертіи. Признавая вѣчное во временномъ, онъ смѣется однако надъ идеей о жизни, которая переживаетъ смерть, и объявляетъ, что съ послѣднимъ вздохомъ индивидуальная жизнь уничтожается. Конечный духъ разрѣшается въ безконечномъ, подобно лопнувшей пузырьку на поверхности рѣки.

Противъ такихъ взглядовъ нѣтъ никакой надобности возражать. Единственный вопросъ, подлежащій нашему обсужденію, заключается въ томъ, дѣйствительно ли они характеризуютъ теорію, о которой мы теперь говоримъ. Если дѣйствительно, то пантеизмъ представится самоосужденнымъ для всѣхъ, которые вѣруютъ въ Іисуса

¹⁾ Glaubenslehre, II, 739. Поучительное разсужденіе объ отношеніяхъ гегельянства къ вопросу объ индивидуальномъ безсмертіи см. Strauss' Christian Märklin, ein Lebens—und Charakterbild aus der Gegenwart, 1851.

Христа, и не только для нихъ, но и для лицъ, принадлежащихъ къ школѣ Канта, который основывалъ свою вѣру въ Бога и въ безсмертіе на человѣческой свободѣ и на абсолютной цѣнности нравственныхъ различій.

Было уже признано, что пантеизмъ обладаетъ могущею привлекательностью для нашей религіозной природы своею доктриной о божественной имманентности (въ чемъ, однако, онъ не пользуется монополіей, потому что мысль объ имманентности Бога въ мірѣ раздѣляетъ и всякій интеллигентный теистъ). Однако, пантеистическое божество слишкомъ неопредѣленно, туманно и слишкомъ неосязуемо, чтобы сдѣлаться достаточнымъ объектомъ для почитанія. Человѣческое сердце стремится къ болѣе всеобъемлющему, опредѣленному и сродному объекту религіознаго почитанія, чѣмъ универсальная субстанція Спинозы, или Urgeist Гегеля, или нравственный порядокъ міра, съ которымъ Фихте отождествлялъ божественное существо. Отсюда, какая пантеистическая теорія ни была бы принята, политеизмъ, въ той или другой, болѣе или менѣе утонченной формѣ, господствуетъ. Единое во всемъ, для практическихъ цѣлей, раздѣляется на многое; модусы Абсолютнаго занимаютъ мѣсто самого Абсолютнаго, какъ предметы для богослуженія; солнце, луна, звѣзды, птицы, звѣри и пресмыкающіяся были такими предметами поклоненія въ древнія времена; прекрасное въ природѣ, какъ оно воспроизводится въ искусствѣ, и гевій чловѣка, какъ онъ выражается въ литературѣ, бывають такими предметами поклоненія въ болѣе культурныя эпохи.

С. М. Ѳ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей Іоаннъ Дмитріевичъ Петропавловскій.

(Опытъ характеристики жизни, дѣятельности и личности покойнаго о. протоіерея).

О т ъ с о с т а в и т е л я .

Не моему слабому перу приличествовало бы писать характеристики такихъ высокихъ личностей, каковымъ былъ покойный І. Д. Петропавловскій. Лишь родственныя чувства, связующія меня съ І. Д-чемъ, и желаніе хоть сколько нибудь умѣрить свою скорбь по случаю разлуки съ нимъ побуждаютъ меня взяться за столь трудную задачу. Впрочемъ, моя характеристика жизни, дѣятельности и личности І. Д-ча будетъ имѣть и другую цѣль—дать хоть малое утѣшеніе, да и назиданіе всѣмъ, знавшимъ и любившимъ его. Въ настоящемъ своемъ трудѣ я буду пользоваться разказами и воспоминаніями лицъ, близко знавшихъ моего тестя, и, конечно, своими собственными воспоминаніями. Въ числѣ людей, хорошо освѣдомленныхъ о жизни І. Д-ча съ самаго ранняго его возраста, здѣсь долженъ быть упомянуть другъ его дѣтства, оставшійся таковымъ и до самой смерти І. Д-ча,—его землякъ, крестьянинъ Тверской губ., Корчевскаго у., Павелъ Арефьевичъ Башиловъ, вотъ уже 17 лѣтъ состоящій пономаремъ при Спасской, въ каретномъ ряду, церкви. За сообщенныя имъ свѣдѣнія считаю нужнымъ принести ему мою благодарность. Приношу также глубокую благодарность и всѣмъ лицамъ—какъ роднымъ, такъ и знакомымъ, въ особенности же ученицамъ и сослуживцамъ І. Д-ча, которыя дали намъ не мало матеріала для характеристики личности покойнаго.

Священникъ Н. Луневскій.

I.

Дѣтство, отрочество и юность Іоанна Дмитріевича.

Годъ рожденія Іоанна Дмитріевича Петропавловскаго съ точностію не можетъ быть установленъ. Въроятно, онъ родился въ 1845 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Говоримъ объ этомъ не положительно, а лишь предположительно потому, что въ метрическихъ книгахъ о рожденіи онъ былъ пропущенъ, что въ селахъ—особенно въ то время—бывало нерѣдко, такъ какъ запись крещенныхъ младенцевъ производилась не непосредственно послѣ совершенія крещенія, а спустя иногда довольно продолжительное время. При этомъ, какъ говорятъ, если ко времени записи кого-либо изъ окрещенныхъ младенцевъ не было уже въ живыхъ, то ихъ и совсѣмъ не заносили въ книгу жизни. Пропускъ въ метрическихъ записяхъ акта рожденія Іоанна Д-ча обнаружился тогда, когда настало время отдавать его въ школу, гдѣ требовалось представить метрику. Родители Іоанна Д-ча были выведены изъ столь неожиданно представившагося для нихъ затрудненія мѣстнымъ о. діакономъ, каковой, несомнѣнно, и былъ главнымъ виновникомъ пропуска. О. діакону зачѣмъ то нужно было ѣхать въ г. Тверь. Тамъ онъ зашелъ въ Консисторію и, съ позволенія знакомаго ему чиновника, собственноручно вписалъ младенца Іоанна въ число родившихся за 1845 г. Послѣ этого, конечно, безъ затрудненій была выправлена метрика и представлена въ Тверское Духовное училище. Въ книгахъ же села Русилова І. Д-чъ такъ и не значится.

Іоаннъ Д-чъ былъ сынъ псаломщика, или, какъ тогда называли, причетника села Русилова, Тверской губ., Корчевскаго уѣзда, Горицкой волости, Дмитрія Васильевича Петропавловскаго. Происхожденія фамиліи «Петропавловскій» родитель Іоанна Д-ча объяснялъ такъ. Неда-

леко (верстахъ въ 15-ти) отъ села Русилова начинаются озера, которыя тянутся на довольно большое протяженіе. Среди этихъ озеръ находится церковь «Петра и Павла». Когда моего родителя отдавали учиться—разсказывалъ Дмитрій В-чъ—то возникъ вопросъ, какую ему дать фамилію ¹⁾. Чтобы не слишкомъ долго заниматься рѣшеніемъ этого вопроса, ему дали фамилію по церкви «Петра и Павла», мимо которой лежалъ зимній путь изъ с. Русилова въ г. Тверь.

Родина Іоанна Д-ча—село Русилово, находящееся въ 70-ти верстахъ отъ г. Твери, очень незначительное и совсѣмъ небогатое, каковымъ остается и доселѣ. Нечего и говорить про то, что средства содержанія Русиловскаго духовенства были очень бѣдны. При этомъ нужно принять во вниманіе, что при родителяхъ Іоанна Д-ча въ этомъ селѣ были четыре члена причта: священникъ, діаконъ и два псаломщика ²⁾. О доходности причта въ то время можно судить по тому, что за цѣлую треть года (за 4 лѣтнихъ мѣсяца) на долю Дмитрія В-ча приходилось иногда всего только 1 руб. 75 коп., и эта цифра считалась имъ еще удовлетворительной. «Однажды—какъ разсказываетъ П. Ар. Вашиловъ—псаломщикамъ *при длѣжь* дохода пришлось всего по 5 коп. Такія деньги даже этимъ неприхотливымъ людямъ показались черезчуръ незначительными, и оба сослуживца рѣшили домой этихъ денегъ не носить и тотчасъ же истратили ихъ на водку». Само собой ясно, что на такіе доходы жить было бы невысказанно. Единственное, чѣмъ существовало духовенство, это—трудами своихъ рукъ, воздѣлываніемъ земли и тѣмъ, что давала эта общавсѣмъ кормилица. Конечно, обработкой земли занимались сами члены причта съ семействомъ. Работника нанимали да-

¹⁾ Тогда, какъ извѣстно, была полная свобода въ выборѣ себѣ фамиліи.

²⁾ Въ настоящее время причтъ тамъ состоитъ всего изъ 2-хъ членовъ: священника и псаломщика и получаетъ жалованіе.

леко не всегда, (а лучше сказать, почти никогда), такъ какъ это стоило денегъ. Другимъ источникомъ содержанія были извѣстные сборы съ прихода. Само собой понятно, что о какихъ-либо вкусныхъ блюдахъ семьѣ Дмитрія В-ча почти и думать не приходилось: пища была самая скудная. «Чай—разсказываетъ братъ І. Д-ча Петръ Д-чъ—пили мы не больше одного раза въ мѣсяць; чаще приходилось пробавляться травою «звѣробой», которую, заваривъ вмѣсто чая, и пили, да и это, конечно, не всегда». Какъ видно изъ всего, только что сказаннаго, родители Іоанна Д-ча были люди очень бѣдные.—Кромѣ того они были обременены довольно большимъ семействомъ. Семейство Дмитрія В-ча состояло изъ 9-и члѣвъкъ: 4-хъ мальчиковъ: Александра, Іоанна, Петра и Владиміра (изъ которыхъ послѣдній умеръ въ младенческомъ возрастѣ) и 5-ти дѣвочекъ: Маріи, Марѳы, Надежды, Анны (умершей въ дѣтствѣ) и Екатерины. Старшимъ по возрасту былъ Александръ; Іоаннъ Д-чъ былъ третій.

Дмитрій В-чъ былъ члѣвъкъ очень строгихъ правилъ, и въ семьѣ его царилъ образцовый порядокъ. Особенностью этого порядка было то, что младшіе члены семьи должны были безусловно подчиняться старшимъ. Нечего и говорить про то, что въ семьѣ его никто безъ дѣла никогда не сидѣлъ. Въ хорошую лѣтнюю погоду всѣ домашніе должны были работать на полѣ, въ плохую—итти въ лѣсъ по грибы. Семинаристомъ младшихъ классовъ Іоаннъ Д-чъ обладалъ уже большимъ искусствомъ въ домашнихъ полевыхъ работахъ. «Однажды—разсказываетъ намъ одна землячка Іоанна Д-ча, вр. дѣвица Анастасія Ивановна, помѣщающаяся теперь въ Спасо-Песковской церковной богадѣльнѣ—была я въ семьѣ Іоанна Д-ча; стояла лѣтняя пора. Нужно было косить траву. Дали всѣмъ намъ по косѣ, и пошли мы на работу. Впереди всѣхъ выступалъ Дмитрій В-чъ, за нимъ шелъ Іоаннъ Д-чъ, а за этимъ и я. На первыхъ порахъ я шла въ ногу съ этими косцами. Но куда же за ними гоняться! Іоаннъ Дмитріевичъ, какъ и

его родитель, былъ такой высокій, сухопарый и очень ловкій. Я стала отставать, а потомъ и совсѣмъ не могла продолжать работы». Но особеннымъ искусствомъ отличался Іоаннъ Д-чъ какъ жнецъ. «Когда—разсказываль намъ Петръ Д-чъ—выступаль онъ на эту работу, она такъ и спорилась у него, а вмѣстѣ съ нимъ и у остальныхъ работниковъ; дѣло въ томъ, что Іоаннъ Д-чъ работая всегда разсказываль что-либо веселое и интересное и этимъ очень подбадриваль всѣхъ». Больше всего труда несли сестры Іоанна Дмитріевича, и это было вполне естественно: въ то время въ духовенствѣ дѣвушекъ никакимъ наукамъ обыкновенно не обучали, и онѣ поэтому все время находились при родителяхъ. Когда же приходили годы, ихъ выдавали замужъ. При чемъ—особенно низшіе члены причта—псаломщики—нерѣдко отдавали своихъ дочерей замужъ за крестьянъ, что имѣло мѣсто и въ семьѣ Дмитрія В-ча. Мальчикамъ оказывалось больше вниманія: ихъ обучали. Дмитрій В-чъ также счелъ нужнымъ позаботиться объ образованіи своихъ сыновей. Сначала отдали учиться старшаго сына Александра, а потомъ и Іоанна. Начало ихъ обученія грамотѣ было положено, конечно, самимъ родителемъ дома. Дѣло это велось самымъ стариннымъ способомъ: по славянскому букварю съ деревянной указкой въ рукахъ ученика. Приступали къ ученю съ полнымъ благоговѣніемъ: ученикъ говорилъ: «Во Имя Отца (и крестился) и Сына (и крестился) и Св. Духа. Аминь (и 3-й разъ крестился)»; потомъ произносилъ молитву: «Боже, въ помощь мою вонми и вразуми мя во ученіе сіе», цѣлуя при этихъ словахъ 3 раза азбуку, и только послѣ того начиналось самое ученье. Для возбужденія и поддержанія вниманія въ ученикѣ недалеко отъ него стояла березовая лоза, которая нерѣдко имѣла ближайшее и ощутительное касательство къ дѣлу обученія. Обучались сначала читать по-славянски, а потомъ уже переходили къ гражданской печати ¹⁾.

¹⁾ У меня подъ руками азбука время дѣтства Іоанна Д-ча, по

Школьная жизнь Александра Д-ча и Іоанна Д-ча проходила при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Все дѣло, конечно, было въ большой бѣдности ихъ родителя. Наступали

которой велось ученіе Павла А-ча Башилова, и каковую послѣдній хранилъ на память до сихъ поръ. Несомнѣнно, по таковой же и Дмитрій В-чъ сбучалъ грамотѣ своихъ дѣтей. Не безынтересно будетъ ознакомиться съ содержаніемъ этой азбуки, (къ сожалѣнію, отъ нея уцѣлѣло только 19 стр).

Сначала идетъ славянскій алфавитъ и слова для чтенія односложныя (Ба, ва,... Бъ, въ,... бра, вра, гра... бръ, врь, гръ...) и многосложныя, при чемъ „слоги именъ—подъ титлами“, каковы: А: Аггль, ѡггельскій..., Б: Бгъ, Бжѣтво... Затѣмъ слѣдуетъ „число церковное (ѡ, ѡ, ѡ) и цифирное (1. 2. 3.)“. Съ 7-ой стр. начинается обученіе чтенію по гражданской печати. Здѣсь позволимъ себѣ обратить особенное вниманіе современныхъ родителей и воспитателей на самый матеріалъ для чтенія. Это такъ называемое „Краткое правоученіе“, съ которымъ ознакомимся подробнѣе. Вотъ оно въ извлеченіяхъ: „Буди благочестивъ. Уиовай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ. Слѣдуй добродѣтелямъ, удаляйся пороковъ. Ничего безразсудно не начинай. Не все, что знаешь, говори, но при случаѣ и времени. Не всякому слуху вѣрь. Не всего, что видишь, желай. Чего не знаешь, не утверждай и не отрицай, а паче вопросы: и тогда будешь благоразуменъ. Будь воздерженъ. Безъ алканія нищи не употребляй. Безъ жажды не пей, да и то мало, по нуждѣ, а не больше: а пиянства яко яда бѣгай. Будь кротокъ, а не продерзливъ, молчаливъ больше, нежели говорливъ. Когда кто говорить, молчи. Когда кто тебѣ сказываетъ, слушай. Не хвастай. Будь же и справедливъ. Въ чемъ имѣешь нужду, спискивай трудомъ. Ежели дадутъ, прими и будь благодаренъ. Что взаймы взялъ, отдай. Что обѣщаль, исполни. Просящему дай, ежели имѣешь. Оскорбилъ ли кто тебя, прости ему. Оскорбилъ ли ты кого, примирися съ нимъ. Ежели будешь челоуѣколюбивъ, будешь отъ людей любимъ. Вопрошающимъ отвѣчай. Никому не завидуй, доброжелательствуй всѣмъ. Говори всегда правду. Никогда не лги. Сія храни, и будеши благополученъ“. Едва ли можно спорить противъ того, что въ этомъ краткомъ правоученіи дѣйствительно кратко, но съ большимъ толкомъ подобрано все то, чему такъ важно выучиться дѣтямъ—не только читать, а и прилагать къ жизни. Послѣ „Краткаго правоученія“ слѣдуютъ, такъ называемыя, начальныя молитвы и „Символъ вѣры“, напечатанные славянскимъ шрифтомъ и, очевидно, служившіе матеріаломъ для упражненія въ чтеніи по-славянски; причемъ на „Символѣ вѣры“ дѣлается

тяжелыя, но торжественныя минуты разлуки. Отецъ семейства говорилъ рѣчь уѣзжающимъ. «И откуда—удивляется повѣдавшій мнѣ обо всемъ этомъ Павелъ Ар-чъ—откуда только брались слова у этого малообразованнаго человѣка?» Рѣчь была самая задушевная, но всегда съ указаніемъ на свою бѣдность. «Вы, дѣти, знаете сами,—говорилъ обыкновенно Дмитрій В-чъ,—что у меня нѣтъ большихъ достатковъ. Помните всегда меня, вашего отца. Полѣнился я въ свое время и былъ исключенъ изъ 4-го класса училища. И вотъ, теперь всю жизнь плачу за эту лѣность. Живу, какъ видите, очень не сладко. Не берите съ меня примѣра. Учитесь хорошенько. Наставниковъ своихъ любите: они учатъ васъ уму-разуму. Берегитесь, если что худое услышу про васъ! Я все готовъ сдѣлать, чтобы только вы выучились у меня. Самъ въ лаптяхъ буду ходить, а ужъ дамъ вамъ образованіе. Поэтому учитесь хорошенько. Не обижайте—прибавлялъ онъ—и Сашу (двоюр. бр. Іоанна Д-ча), помогайте ему чѣмъ можете». Конечно, не обходилось дѣло безъ слезъ. «Поплачу, бывало, и я вмѣстѣ съ ними»—прибавляетъ Павелъ Ар-чъ. Собиралъ своихъ дѣтей въ дорогу всегда самъ Дмитрій В-чъ, и эти сборы были цѣлымъ событіемъ въ домѣ. «Еще за два дня до отправленія въ г. Тверь—разсказываетъ Петръ Д-чъ—Дмитрій В-чъ начиналъ говорить въ дорогу свою лошадь, хорошенько подкармливая ее. Вычистить ее такъ, что «Сивко» станетъ прямо не-

остановка, заключающаяся въ краткомъ катихизисѣ. Давши понятіе о Богѣ, авторъ „краткаго катихизиса“ ставитъ между прочимъ вопросъ: „Довольно ли такъ о Богѣ знать и разсуждать, а дѣлать, какъ хочешь?“ На этотъ вопросъ слѣдуетъ такой отвѣтъ: „Никакъ: я какъ разсуждаю о Богѣ, такъ сходно съ тѣмъ и жить долженъ, а именно: когда я знаю, что Богъ справедливъ, такъ буду опасаться худое дѣлать, дабы не подпастъ Его правосудію; когда Богъ милосердъ, такъ я буду въ своихъ дѣлахъ каяться, надѣясь, что Онъ мое покаяніе не отвергнетъ; ежели Онъ вездѣ есть и все знаетъ, такъ я буду беречься, чтобы не только худого не дѣлать, но и не думать: а служить ему всегда чистою совѣстію и мыслию непорочною“.

узнаваемъ. Причемъ Дмитрій В-чъ очень не любилъ, чтобы лошадь смотрѣла у него какъ-нибудь невесело; поэтому передъ отъѣздомъ онъ такъ, бывало, подвяжетъ ей морду къ дугѣ, что она дѣйствительно начинала глядѣть весело, причемъ и хвостъ ея онъ непременно подвяжетъ».

Ночь наканунѣ отъѣзда ученики и домашніе проводили обыкновенно безъ сна. «И намъ, конечно, не спится, бывало, въ эту ночь,—разсказываетъ Петръ Д-чъ,—и вотъ часа въ 2—3 ночи проснешься и слышишь разговоръ отца съ матерью: «Какъ тутъ быть?—говоритъ Дмитрій В-чъ.— За квартиру отдай столько-то, за то-то столько-то, за это—вотъ сколько, а у меня всего 3—5 руб.». И рѣшатъ они послѣ такого разговора обратиться тотчасъ же къ какому-нибудь богатому крестьянину съ просьбою дать нѣсколько рублей въ долгъ. «Быль,—прибавляетъ Петръ Д-чъ,— у насъ одинъ такой крестьянинъ, очень любившій выпить. И вотъ Дмитрій В-чъ, знавшій это, возьметъ, бывало, съ собой бутылку водки и прибѣжитъ къ нему часа въ 3 ночи. Конечно, тотъ начинаетъ дѣло съ брани: зачѣмъ въ такую пору его побеспокоили, но въ концѣ-концовъ водка смирить его, и онъ дастъ займы нѣсколько рублей». Иногда дѣло кончалось и худо,—онъ получалъ отказъ. Тогда Дмитрій Васильевичъ побѣжитъ въ другую деревню искать и долго-долго въ это утро бѣгаетъ, чтобы хоть сколько-нибудь достать денегъ предъ отъѣздомъ съ дѣтьми въ г. Тверь. Въ Твери Дмитрій В-чъ оставлялъ своимъ сыновьямъ 2 рубля на все полугодіе — 1 рубль для платы за квартиру (въ полугодіе), а другой — на харчи. О собственныхъ книгахъ дѣтямъ Д. В-ча, конечно, нечего было и думать — учились въ классѣ по чужимъ.

Несомнѣнно, двумъ братьямъ за время обученія пришлось очень многое испытать и не разъ въ буквальномъ смыслѣ слова голодать. Незадолго до своей смерти самъ Іоаннъ Д-чъ разсказалъ своему другу дѣтства П. А-чу слѣдующіе два случая пережитого имъ и братомъ его

голода. «Однажды,— говорилъ Іоаннъ Д—чь,— все, что было дано изъ дома изъ провизіи, было нами съѣдено. Не оставалось ни куска хлѣба. Потерпѣли мы день,—невозмогу стало. Братъ вспомнилъ про сына нашего (Русиловскаго) священника, который жилъ въ Твери, состоя на государственной службѣ, и послалъ меня къ нему просить хлѣба. Только что подошелъ я къ его квартирѣ, въ дверяхъ встрѣчаюсь съ самой матушкой, только что пріѣхавшей изъ Русилова провѣдать сына. «Ахъ, Ванюша!— обрадовалась матушка.— Ты зачѣмъ сюда пришелъ?» Я рассказалъ, въ чемъ дѣло. Матушка тотчасъ же вынесла два короваи и отдала ихъ мнѣ; но такъ какъ короваи были очень велики, то пришлось взять только одинъ, а за другимъ мнѣ посоветовали притти послѣ». Другой подобный же случай былъ съ Александромъ и Іоанномъ Д—чами въ концѣ одного изъ учебныхъ годовъ. Провизія вся была съѣдена, и оба брата безъ куска хлѣба отправились пѣшкомъ изъ Твери домой. Дѣло было въ концѣ іюня. «Прошли мы,—разсказывалъ Іоаннъ Д—чь,—версть 30. Дальше итти не могли отъ полного истощенія силъ и прилегли на траву. Кое-какъ отдохнувши, тронулись дальше. Прошли еще версть двадцать, и опять продолжать путь оказалось невыносимымъ. Но тутъ, къ счастью, вспомнили, что въ одномъ селѣ, мимо котораго лежалъ нашъ путь, живетъ крестьянинъ, который часто пріѣзжалъ въ Русилово для продажи кое-какихъ товаровъ. Ояъ всегда останавливался у нашего отца. Рѣшили зайти къ нему. Вошли мы въ избу какъ разъ въ то время, когда жена этого крестьянина пекла блины. Когда она узнала, что мы—дѣти Дмитрія В—ча, то очень обрадовалась и предложила покушать, на что мы, конечно, дали полное согласіе. Но аппетитъ оказался у насъ черезчуръ великъ, такъ что, распростившись съ доброй женщиной и отойдя на небольшое разстояніе отъ села, мы принуждены были устроить снова привалъ на травѣ, послѣ чего уже продолжали путь свободно».

Наконецъ, на радость своему отцу старшій сынъ его Александръ Д—чь кончилъ курсъ въ семинаріи. Радость эта усугубилась, когда онъ получилъ учительское мѣсто. Это обстоятельство даже дало поводъ Дмитрію В—чу гордиться своимъ сыномъ. «Теперь сынъ-то мой,—дѣлился онъ своей радостью съ Павломъ Ар—чемъ, который по-прежнему посѣщалъ своихъ друзей,—будетъ носить кокарду». Но эту послѣднюю Александръ Д—чь носилъ недолго, такъ какъ скоро вышелъ во священники ¹⁾. Между тѣмъ Іоаннъ Д—чь одинъ продолжалъ свое обученіе въ семинаріи. Теперь дѣла его поправились, такъ какъ онъ давалъ уже уроки. Правда, нужда и въ это время давала себя знать. Какъ-то разъ Павелъ Ар—чь пріѣхалъ въ Тверь и, конечно, зашелъ къ своему другу пригласить его чай пить. «Какъ сейчасъ помню,—говоритъ Павелъ Ар—чь,—Іоаннъ Д—чь былъ въ легкомъ пальто съ воротникомъ, поднятымъ до самой шеи, и въ брюкахъ на выпускъ». По характеру своему онъ еще съ дѣтства былъ вспыльчивый, и эта вспыльчивость обнаружилась и въ это свиданіе. Въ трактирѣ, гдѣ оба друга пили чай, подали чашку, очень плохо вымытую. Іоаннъ Д—чь обратилъ на это вниманіе трактирной прислуги. Служитель отвѣтилъ: «какъ же еще мыть надо?» Тогда Іоаннъ Д—чь потребовалъ полотенце и, собственноручно прекрасно вымывши чашку, показалъ ее служителю со словами: «вотъ какъ нужно мыть». Однако трактирнаго служителя того времени нельзя было убѣдить въ необходимости чистоты и опрятности. Служитель на слова Іоанна Д—ча невозможно отвѣтилъ: «если такъ мыть посуду, то и краска вся слѣзетъ съ ней». Въ это-то время за чашкой чая и признался Іоаннъ Д—чь Павлу Ар—чу, что теперь дѣла его стали лучше,—онъ уже даетъ уроки. «Только вотъ,—добавилъ Іоаннъ Д—чь,—калошъ никакъ не соберусь ку-

¹⁾ Къ глубокой скорби Іоанна Д—ча, этотъ старшій братъ его недолго жилъ на свѣтѣ, умерши на 36-мъ году жизни.

пить. Ну, да ничего, и такъ прохожу». Такъ и ходилъ Іоаннъ Д—чъ и зимой, и лѣтомъ безъ калошъ, а разстояніе отъ его квартиры до семинаріи было очень не малое. Интересенъ случай, имѣвшій мѣсто въ жизни Іоанна Д—ча какъ разъ въ эту пору его жизни, и про который онъ не разъ самъ рассказывалъ. Онъ кончалъ уже курсъ. Настали экзамены, на которыхъ обыкновенно присутствовалъ самъ архіерей, а у Іоанна Д—ча совсѣмъ не было приличной одежды для выхода на экзаменъ. Что тутъ дѣлать? И вотъ онъ рѣшилъ итти къ знакомому портному—просить дать ему надѣтъ на экзаменъ «чуйку», какихъ не мало было у того. Портной согласился выручить его. Іоаннъ Д—чъ очень былъ радъ, что въ приличномъ видѣ выйдетъ на экзаменъ. Впрочемъ, въ чуйкѣ не оказалось нужды, такъ какъ товарищи ссудили ему болѣе подходящій костюмъ; но послѣ экзамена весь этотъ день Іоаннъ Д—чъ щеголялъ въ чуйкѣ, рассказывая про блестящіе успѣхи на экзаменѣ.

II.

Завершеніе образованія І. Д-ча. Академія. Ученые труды І. Д-ча.

Несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ и на самыя неблагопріятныя условія для образованія, Іоаннъ Дмитріевичъ успѣлъ полюбить науку и, еще будучи ученикомъ V класса семинаріи, былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ въ Московскую Духовную Академію. Однако, онъ не хотѣлъ сначала ѣхать въ Академію, а по примѣру многихъ семинаристовъ его времени рѣшилъ отправиться въ университетъ. Единственно, что измѣнило его намѣреніе,—это задушевная отеческая бесѣда о. ректора Тверской семинаріи, каковую должность занималъ тогда архимандритъ Наѳанайлъ, впоследствии епископъ, умершій на покоѣ въ Москвѣ, котораго всею душою до самой своей смерти любилъ Іоаннъ Дмит-чъ и котораго пере-

жилъ всего только на полгода. Подъ вліяніемъ этой бесѣды Іоаннъ Д-чъ поѣхалъ въ Московскую Академію, которая и приняла съ любовью этого своего впоследствии профессора и почетнаго члена. Припоминаю рассказъ Іоанна Д-ча о томъ, какъ онъ сдавалъ пріемные экзамены въ Академію. «У экзаменаторовъ», говорилъ онъ, «было въ обычаѣ испытывать не только познанія поступающихъ студентовъ-семинаристовъ, а и развитіе ихъ. Съ этой цѣлью одинъ экзаменаторъ предложилъ и мнѣ одинъ довольно мудреный вопросъ. Но, говорилъ Іоаннъ Д-чъ, и у насъ семинаристовъ былъ свой обычай—съ апломбомъ рѣшать какіе угодно вопросы. Вотъ почему на заданный вопросъ я смѣло отвѣтилъ: «вашъ вопросъ не имѣетъ смысла». «Какъ?»—удивился профессоръ. Пришлось, конечно, вывертываться и защищать свой быстрый отвѣтъ въ болѣе мягкой формѣ, что и удалось вполне. Однако, этотъ случай на экзаменѣ—прибавлялъ Іоаннъ Д-чъ—не прошелъ для меня совсѣмъ безслѣдно. Присутствующій здѣсь инспекторъ запомнилъ столь смѣлаго студента и долго держалъ меня въ подозрѣніи; только уже много времени спустя, когда увидѣлъ, что я ничѣмъ худымъ себя не заявляю, совершенно перемѣнилъ взглядъ на меня и даже впоследствии былъ моимъ другомъ». Объ академической жизни у Іоанна Д-ча остались самыя свѣтлыя и добрыя воспоминанія. На первомъ мѣстѣ въ этихъ воспоминаніяхъ всегда стоялъ, конечно, ректоръ Академіи А. В. Горскій, котораго Іоаннъ Д-чъ любилъ и глубоко уважалъ, признавая его идеальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ. Много любилъ онъ рассказывать и про своихъ товарищей и всегда съ тѣмъ же чувствомъ любви. Этимъ же чувствомъ платили ему и его товарищи. Прямымъ доказательствомъ любви и уваженія къ нему этихъ послѣднихъ можетъ служить случай третейскаго суда, который былъ устроенъ цѣлымъ курсомъ надъ однимъ товарищемъ, причемъ третейскимъ судьей былъ избранъ Іоаннъ Д-чъ.

По окончаніи академическаго курса, Іоаннъ Д-чъ былъ оставленъ при Академіи, а потомъ утвержденъ въ званіи доцента. Кафедра дана была ему совершенно новая — Основное Богословіе или Христіанская Апологетика. Само собой понятно, что нужно было положить очень много труда, чтобы, такъ сказать, поставить на ноги эту новую въ академическомъ курсѣ науку, и Іоаннъ Д-чъ съ любовью, не щадя силъ и здоровья, работалъ для Академіи. О своей профессорской дѣятельности совмѣстно съ другими сослуживцами Іоаннъ Д-чъ особенно любилъ воспоминать. Жизнь въ Посадѣ кромѣ того сдружила его со многими профессорами семейно. Съ большою скорбію рассказывалъ онъ, какъ по состоянію своего здоровья онъ ушелъ изъ Академіи. Отъ постоянныхъ трудовъ по подготовкѣ къ лекціямъ и по чтенію студенческихъ сочиненій у Іоанна Д-ча стало развиваться сильное малокровіе, и онъ сталъ опасаться худыхъ результатовъ отъ продолженія своей профессорской дѣятельности. Въ концѣ концовъ Іоаннъ Д-чъ, чтобы не оставить преждевременно своихъ дѣтей безъ воспитателя и руководителя, рѣшилъ перебраться въ Москву въ приходскіе священники, что дѣйствительно и сдѣлалъ. Однако, духовной своей связи съ Академіей онъ не порвалъ, такъ какъ всегда до самой своей смерти интересовался всѣми научными вопросами, особенно касающимися Апологетики и—отъ времени до времени—печатно отзывался по этимъ вопросамъ. Не переставала, повидимому, любить своего питомца и его alma mater. Она не упускала изъ виду трудовъ его, которые—за два года до его смерти—и оцѣнила очень высоко, возведши Іоанна Д-ча въ званіе почетнаго члена Академіи, чѣмъ несказанно обрадовала преданнаго ей всей душой питомца. Въ почетномъ дипломѣ, присланномъ отъ совѣта Московской Духовной Академіи, значится, что Іоаннъ Д-чъ избранъ почетнымъ членомъ академіи—«во вниманіе къ его плодотворной профессорской, учено-литературной и организаторской, въ качествѣ предсѣдателя

Комиссіи по устройству богословскихъ чтеній въ Москвѣ, дѣятельности на пользу православно-христіанскаго просвѣщенія».

Здѣсь будетъ очень кстати сказать о самыхъ трудахъ Іоанна Д-ча на поприщѣ излюбленной имъ науки—Апологетики. Конечно, рамки настоящаго очерка не позволяютъ намъ вдаваться въ слишкомъ подробную характеристику этихъ трудовъ его (что, несомнѣнно, можетъ составить цѣлое особое научное изслѣдованіе), въ виду чего мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями по данному вопросу.—Сочиненія Іоанна Д-ча подъ заглавіемъ: «Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія» вышли въ свѣтъ въ двухъ выпускахъ, причемъ первый, какъ преимущественно публицистическаго характера, выдержалъ два изданія: 1881 г. и 1898 г. (второй выпускъ вышелъ въ 1897 году). Какъ тотъ, такъ и другой выпускъ одобрены къ приобрѣтенію въ бібліотеки и духовныхъ, и свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Мы не будемъ приводить одобрительныхъ отзывовъ этихъ высшихъ административныхъ учрежденій, завѣдывающихъ учебными заведеніями, такъ какъ самое допущеніе сочиненій І. Д-ча къ приобрѣтенію въ бібліотеки учебныхъ заведеній говорить о предварительномъ одобреніи ихъ ¹⁾. Гораздо важнѣе отмѣтить здѣсь то, что кромѣ названныхъ нами—своего рода официальныхъ учрежденій очень многіе ученые специалисты сочли нужнымъ посвятить этимъ сочиненіямъ самые лестные отзывы. У насъ подъ руками есть и еще одинъ весьма важный источникъ, по которому можно судить объ отношеніи къ сочиненіямъ І. Д-ча всего русскаго общества—какъ ученыхъ богослововъ, такъ и интеллигенціи вообще,—это письма къ І.

¹⁾ Интересующихся отсылаемъ къ Церк. Вѣстн. 1882 г. № 43.

Д-чу разныхъ лицъ какъ знакомыхъ, такъ даже и незнакомыхъ ему. Съ этими письмами мы считаемъ нелишнимъ ознакомить всѣхъ, знавшихъ І. Д-ча. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено письмо покойнаго Митрополита Московскаго Макарія отъ 30-го марта 1881-го года. Вотъ это письмо: «Достопочтеннѣйшій Отецъ Іоаннъ! Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я и прочиталъ вашу книгу, мнѣ присланную, и благодарю васъ за вашъ близкій сердцу моему подарокъ. Да поможетъ вамъ Господь потрудиться еще и еще на поприщѣ духовной литературы для блага вѣрующихъ и чести вашего имени. Призывая на васъ и ваши труды Божіе благословеніе, остаюсь Вашимъ искреннимъ доброжелателемъ. Макарій М. Московскій». Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ другихъ писемъ.

«Приношу вамъ мою глубокую благодарность за высланную вами мнѣ брошюру «Историческій очеркъ благотворительности». Предметъ этотъ обращалъ на себя вниманіе многихъ проф. богословія....., но у нихъ дѣло излагалось не такъ обстоятельно и основательно. Вашъ трудъ представляетъ впервые обстоятельное, всестороннее раскрытіе даннаго предмета. И большое вамъ спасибо, что дали возможность русской читающей публикѣ познакомиться съ этой стороной нравственной жизни человѣчества вообще и христіанской церкви въ частности». (Одинъ изъ современныхъ Архіепископовъ).

«Приношу глубокую благодарность за вашъ подарокъ—книгу. Я началъ ее читать. Она лежитъ у меня на одномъ изъ окошекъ, къ которому ежедневно подхожу и понемногу питаюсь ею. Замѣтно, по относительной легкости изложенія, она болѣе, чѣмъ другія подобныя, удобна для чтенія. Дай Богъ, чтобы за нее дали вамъ докторскую степень.....». (Покойный Епископъ Костромской Виссаріонъ).

«Усерднѣйше благодарю о. Протоіерея за прекрасную книгу, желая здоровья и силъ на добрую дѣятельность». (К. П. Побѣдоносцевъ).

«Я васъ давно зналъ и присланныя вами мнѣ нынѣ (давно извѣстныя мнѣ) ваши книги высоко цѣнилъ и рекомендовалъ многимъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось по этому поводу бесѣдовать» (одинъ изъ проф. Петерб. Академіи).

«Выдающаяся черта вашего дарованія — это полная убѣдительность высказанныхъ мыслей... и т. д.» (проф. Университета).

«Приношу вамъ глубочайшую признательность за добрую память о мнѣ и за вашъ пріятнѣйшій даръ. Я постоянно слѣдилъ за вашей научно-литературной дѣятельностью и не пропускалъ безъ внимательнаго прочтенія ни одной изъ вашихъ статей, коль скоро узнавалъ о появленіи ея. Меня всегда радовала ваша христіанская ревность по дѣлѣ Божиему, и мнѣ доставляла удовольствіе свѣжесть и дѣльность вашихъ мыслей и вашей аргументаціи..... Вы прекрасно поступили, издавъ ваши труды отдѣльной книгой; я увѣренъ, что она принесетъ много духовной пользы ищущимъ и жаждущимъ ея» († проф. Казанск. Духовн. Академіи А. Гусевъ).

«Не нахожу достаточныхъ выраженій для глубокой моей благодарности за дарованіе мнѣ вашихъ драгоценныхъ статей апологетическихъ, достойныхъ не только вашей академической кафедрѣ, но и св. Іустина философа, и свѣтлыхъ мыслей о христіанскомъ воспитаніи женщины, и многосодержательнаго очерка вашего о благотворительности, соединяющаго и исторію развитія ея, и ученіе о ней, и сильно дѣйствующаго поученія на «восприяи убо», и драгоценнаго размышленія о значеніи крестной жертвы Спасителя..... (одинъ изъ представителей московской интеллигенціи,—убѣленный сѣдинами педагогъ).

«Позвольте поблагодарить васъ..... за то удовольствіе, которое я испытываю при чтеніи вашихъ сочиненій. Мнѣ при этомъ живо воспоминаются наши бесѣды съ вами, которыя въ свое время приносили мнѣ столько пользы и удовольствія. Бесѣды эти оставили глубокой слѣдъ въ моемъ религіозномъ міровоззрѣніи, и я много обязана Вамъ

тѣмъ, что вѣра и разумъ идутъ у меня рука объ руку, не бросая ни малѣйшей тѣни другъ на друга». (Одна изъ бывшихъ ученицъ Іоанна Д-ча, впоследствии жена проф. Университета и переводчица многихъ иностр. книгъ).

Труды Іоанна Д-ча далеко не ограничивались отмѣченными нами двумя выпусками его сочиненій. Наоборотъ, можно смѣло думать, что выпущенное имъ въ свѣтъ отнюдь не больше того, что осталось еще невыпущеннымъ. Дѣло въ томъ, что І. Д-чъ очень много печаталъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и газетахъ различныхъ статей, критическихъ замѣтокъ, рѣчей, проповѣдей, чтеній для народа и проч. Уже самыя заглавія этихъ произведеній дѣаютъ возможность судить, насколько разностороння была учено-публицистическая дѣятельность Іоанна Д-ча, а также насколько отзывчивъ онъ былъ на текущія событія и запросы времени ¹⁾. Не мало печаталъ

¹⁾ Для интересующихся помѣщаемъ приблизительно полный перечень всего, напечатаннаго Іоанномъ Д-чемъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не вошедшаго въ два выпуска его сочиненій: І. *Разныя статьи и замѣтки*: „Евангеліе Христа и Евангеліе апостоловъ о Христѣ“ (Душеп. Чт. 1903 г. №№ 5—8, публичн. богосл. чт.); „Новѣйшія пониманія Христа и христіанства“ (Д. Ч. 1905 г. №№ 1—4, публ. богосл. чт.); „Что говоритъ безпристрастная историческая критика о содержаніи каноническихъ евангелій, какъ дѣйствительно историческомъ или „мнѣнческомъ?“ (Д. Ч. 1901 г., публ. богосл. чт.); „Взглядъ на смыслъ и достоинство господствующаго направленія въ новой культурной исторіи человѣчества“ (Д. Ч. 1898 г.); „Нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ богословскихъ чтеній по поводу ученія гр. Л. Н. Толстого“ (Моск. Церк. Вѣд. 1902 г. № 14); „Вынужденное самооправданіе“ (Богосл. Вѣст. 1904 г. апр. и май); „Главнѣйшія условія обще-гражданскаго благосостоянія государства“ (Моск. Ц. В. 1904 года № 50); „О правѣ собственности“ (М. Ц. В. 1902 г. № 47); „Страшный судъ и современиый общественный недугъ—страсть къ удовольствіямъ“ (Д. Ч. 1900 г. февр.); „Миръ, дарованный Христомъ и вооруженный миръ и призывъ ко всемірному миру“ (Радость Христ. 1900 г., 1 кн.); „Недуги нашего семейнаго воспитанія дѣтей“ (Д. Ч. 1901 г. февр.); „Печальныя послѣдствія плотоугодничества въ наше время“ (Д. Ч. 1901 г. мартъ); „Служба воина за вѣру, царя и оте-

Іоаннъ Д-чъ своихъ статей подь псевдонимомъ или же и безъ обозначенія имени автора. Эти статьи были самыми

чество“ (Д. Ч. 1900 г. окт.); „Благожелательныя предостереженія юношеству“ (Д. Ч. 1896 г. № 9); „Замѣты школы юнымъ поколѣніямъ“ (Д. Ч. 1896 г. № 10); „Собраніе общества любителей дух. просвѣщенія“ (Русск. Лист. 1892 г. № 350); „Искушительное значеніе жертвы Спасителя (Д. Ч. 1896 г. февр.); Возмутительное кощунство надъ памятью св. Теодоры, супруги Импер. Іустиніана“ (М. Ц. В. 1889 г. № 38); „Ревность къ распространенію православія“ (Д. Ч. 1889 г. № 6); „Нѣсколько словъ по поводу миѣнія д-ра Визе о преподаваніи Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ“ (М. Ц. В. 1891 г.); „По поводу предстоящаго назначенія новаго законоучителя въ Моск. Университетѣ“ (М. Ц. В. 1892 г.); „О вспомошествованіи консисторскимъ чиновникамъ“ (М. Ц. В. 1892 г. № 26 и др.); „По поводу чествованія 25-лѣтія со дня кончины преосвящ. Филарета Митроп. М.“ (М. Ц. В. 1892 г. № 42); „По поводу празднованія Московской Семинаріей своей годовщины“ (М. Ц. В. 1888 г. № 46); библиографическая замѣтка о „Добромъ словѣ“ Дьяченко (Церк. Вѣд. 1888 г.); „Въ виду предстоящаго сбора пожертвованій въ храмахъ на церковно-прих. школы“ (М. Ц. В. 1887 г. № 21); „Московский церковный староста“ (Церковно-общест. Вѣстникъ, 1880 г.); „Нѣсколько словъ по поводу нареканій на духовенство“ (М. Ц. В. 1880 г. № 48); „По поводу корреспондѣнціи изъ Твери“ (М. Ц. В. 1880 г. № 51); „Запросы времени по отношенію къ духовному просвѣщенію (Прав. Об. 1882 г. мартъ); „Евангельскія жены и ихъ воспитательное значеніе по отношенію къ современнымъ женщинамъ“ (М. Ц. В. 1882 г. № 16); „Краткій некрологъ Митроп. Макарія“ (Прав. Об. 1882 г. іюнь, іюль); „Скорбь священнослужителя“ (М. Ц. В. 1882 г. іюнь); „Докторскій диспутъ В. Д. Кудрявцева“ (Гражданинъ 1873 г.); „Передовая статья на 1879 г. въ Миссіонерѣ“; „Кто виновать?“ (по поводу революц. соціал. движ. въ нашемъ отеч. Епарх. В. 1879 г. № 48); „По поводу предстоящаго юбилея въ Моск. Дух. Ак.“ (Моск. Вѣд. 1879 г., декабрь 9); „О русскихъ соціалистахъ нигилистахъ“ (Церк. В. 1880 г. № 9); „Недоумѣнія по поводу проповѣдничества г. Пашкова въ Петербургѣ“ (М. Ц. В. 1880 г. № 16); „библиогр. отзывъ о 2-ой кн. Твореній св. Отцовъ за 1880 г.“ (М. Ц. В. 1880 г.); „Записка, читанная въ комиссіи по устройству обще-епархіальнаго дома въ Москвѣ“ (М. Ц. В., 1900 г. № 45); „По поводу окончившихся въ настоящемъ академическомъ году публ. богосл. чтеній“ Л. (М. Ц. В. 1899 г. №№ 17—18); „Апологетическіе труды проф. А. Θ. Гусева“

смѣлыми и, несомнѣнно, оказали въ свое время должное дѣйствіе. Въ этомъ отношеніи весьма интересно письмо

(Вѣра и Церковь, 1899 г. кн. 6); „Объ условіяхъ возстановленія нашего общественнаго благосостоянія“ (Д. Ч. 1907 г. № 9). II. *Речи, произнесенныя по разнымъ случаямъ*: „О религіозно-просвѣтительномъ назначеніи епархіальнаго дома въ Москвѣ“ (произ. въ публ. собр. Отд. по устр. богосл. чт., въ М. Ц. В. 1903 г. №№ 6—8); „Рѣчь по поводу 75 лѣтняго юбилея въ Москв. Дух. Семинаріи“ (М. Ц. В. 1889 г. № 45); „О помощи голодающимъ“ (рѣчь, читан. въ общ. Люб. Дух. Пр., Д. Ч. 1892 г. мартъ); „Задачи православнаго пастырства въ нашемъ совр. обществѣ“ (М. Ц. В. 1880 г. № 46); „Рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ“ (М. Ц. В. 1881 г. № 7 и въ Прав. Об.); „Основы жизни“ (рѣчь воспит. 3-ей женской гим. Д. Ч. 1899 г. № 7); „О вѣрности Христу“ (рѣчь восп. ж. гим. Д. Ч. 1899 г. № 12); „Плоды истиннаго просвѣщенія“ (рѣчь восп. ж. гим. Д. Ч. 1897 г. № 12); „Великое воспитательное значеніе христіанской женщины“ (рѣчь восп. 3-ей ж. гим. Д. Ч. 1893 г. № 11); „Рѣчь на актѣ моск. женской сем.“ (М. Ц. В. 1892 г. № 23); „Слово въ день выпуска восп. моск. жен. сем.“ (Д. Ч. 1888 г. № 9); „Рѣчь предъ панихидой по Государѣ Импер. Александрѣ Николаевичѣ“ (М. Ц. В. 1881 г. № 11). III. *Проповѣди*: „слово въ день Коронаціи Государя Имп.“ (М. Ц. В. 1904 г. № 22); „Миссія православія внутри православнаго міра“ (М. Ц. В. 1901 г. № 25 и Моск. Вѣд. № 168—169); „Значеніе Преображенія Господня на Оаворѣ для вѣры и нравственности христіанина (М. Ц. В. 1899 г. № 33); „Уроки для нашего времени изъ жизни Пресв. Богородицы (слово на день Успенія, Д. Ч. 1899 г. сент. окт.); „Слово объ истинной любви подданныхъ къ Государю“ (Д. Ч. 1897 г. ноябрь); „слово въ 40-ой день по кончинѣ Е. С. Горчаковой“ (М. Ц. В. 1897 г. № 43); „Восприяни убо!“ (поученіе на великій постъ, 1896 г. Д. Ч. мартъ); „На новый годъ“ (Д. Ч. 1896 г. янв.); „Слово въ день Коронаванія Государя Имп.“ (Прав. Об. 1888 г. іюнь); „слово въ день 900-лѣтія крещенія Руси (Д. Ч. 1888 г. № 8); „Слово въ недѣлю о Самарянинѣ“ (Прав. Об. 1885 г. май-іюнь); „слово въ день Успенія“ (Прав. Об. 1885 г. сент.); „слово въ день Рождества Христова“ (М. Ц. В. 1887 г. № 1); „слово въ Новый годъ“ (Прав. Об. 1887 г. январь); „слово объ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ“ (М. Ц. В. 1881 г. № 2 и Церк. Вѣст. № 4); „слово о блудномъ сынѣ“ (М. Ц. В. 1883 г. № 8); „слово въ день памяти тезоименитства Высокопр. Митр. Макарія“ (М. Ц. В. 1883 г. № 19); „слово въ недѣлю Ваий“ (М. Ц. В. 1884 г. № 14); „слово въ день погребенія прот. І. Сердцо-

его къ своему брату, которое въ то же время можетъ служить прекрасной характеристикой самыхъ теплыхъ чувствъ, какія питалъ Іоаннъ Д-чъ къ духовенству. «У насъ въ Москвѣ—пишетъ Іоаннъ Д-чъ—новаго ничего нѣтъ. Непріятно одно: замѣчается какая-то глухая агитація противъ духовенства; прежде обличали его въ безмолвіи въ храмахъ и въ отвлеченности ихъ рѣдкихъ проповѣдей; теперь недовольны ихъ рвеніемъ къ проповѣдничеству и слишкомъ живымъ и современнымъ характеромъ «словъ». Вотъ и угоди! Я не противъ какихъ либо неудовольствій на себя говорю, а вообще на паству. Нелѣпое обвиненіе священниковъ, высказанное въ рѣчи новаго..... въ Кіевѣ, въ гордости съ жадностію подхвачено нѣкоторыми газетами и комментируется на разные лады. Униженное, оплеванное барамъ духовенство бары же обличаютъ въ гордости! Не хочется ли имъ попрежнему пороть на конюшнѣ своихъ поповъ? Просто возмутительно читать! Я всегда находилъ, что безвѣріе у насъ печальная вещь, а мнимое благочестіе, ханжество непризнанныхъ святошъ еще горше.—Желалъ бы послать тебѣ

ва (М. Ц. В. 1884 г. № 9); „поученіе въ день преп. Сергія“ (М. Ц. В. 1884 г. № 29); „слово въ день Георгія“ (Церк. Вѣсти. 1878 г.); „слово въ день Николая Чудотворца“ (М. Е. В. 1878 г.); „слово при вступленіи на паству“ (М. Е. В. 1878 г. ноябрь); „слово въ день Крещенія Господня“ (М. Е. В. 1879 г.); „слово при погребеніи Прот. Остроглазова“ (М. Е. В. 1879 г. № 38); „25-лѣтіе царствованія нашего Государя“ (М. Ц. В. 1880 г. № 9); „слово при погребеніи Д. П. Боголюбцова“ (М. Ц. В. 1880 г.); „слово на святительскій праздникъ“ (Д. Ч. 1880 г., іюнь) и др. IV. *Чтенія для народа*, изданныя отдѣльными книжками: „Господь Іисусъ Христосъ — нашъ Первообразъ“, „Значеніе православно-христіанской Церкви въ исторической жизни русскаго народа“, „О трехъ началахъ нашей государственной жизни: православіи, самодержавіи и народности“, „О храмѣ и его значеніи для нашей жизни“, „Какова должна быть истинно-христіанская жизнь“, „О благотворительности“, „О супружеской жизни“, „О семейномъ воспитаніи дѣтей“, „О трудѣ“, „О счастіи“, „О грѣхахъ противъ заповѣди о любви къ ближнимъ“.

свою рѣчь: «Задачи православнаго пастырства въ современномъ русскомъ обществѣ», которая по приказанію преосвящ. Амвросія отпечатана въ 250 экз., но дорогà пересылка. Маленькую защиту духовенства подъ псевдонимомъ (подъ именемъ своего діакона) я помѣстилъ въ послѣднемъ № Моск. Церк. Вѣд.. Прочитай, если найдешь №. Думаю, если Богъ поможетъ, написать нѣкоторый отвѣтъ на статью новой газеты «Русь» о духовенствѣ, представляющую его въ извращенномъ видѣ. Если бы у васъ въ Дмитровѣ нашлась газета «Церковно-общественный Вѣстникъ» (не Церковный Вѣстникъ), то совѣтовалъ бы тебѣ прочесть статью: «Московский церковный староста»—моего пера (но авторство мое величайшій секретъ, который долженъ быть хранимъ въ тайнѣ)..... 1880 г. 1 дек.—Въ заключеніе всѣхъ этихъ краткихъ замѣчаній нашихъ о сочиненіяхъ Іоанна Д-ча скажемъ, что у покойнаго осталось очень много неиспользованнаго для печати, какъ напр.: Академическія лекціи, проповѣди по весьма различнымъ случаямъ, разныя частныя замѣтки, имѣющія отношеніе къ современнымъ ему событіямъ, къ вопросамъ педагогической практики и т. п. Здѣсь особенно можно пожалѣть, что Іоаннъ Д-чъ не выпустилъ въ свѣтъ свой замѣчательный проектъ относительно реформы въ церковной жизни православныхъ христіанъ. Все лѣто предъ своей смертью онъ посвятилъ новому, задуманному имъ, обширнѣйшему труду: «Христосъ вѣры и «Исусъ» невѣрія», причемъ усилъ окончательно обработать и собственноручно переписать введеніе и двѣ первыя главы. Самый послѣдній трудъ Іоанна Д-ча—вполнѣ законченный и посланный имъ для отпечатанія въ Душеполезномъ Чтеніи, вышелъ въ свѣтъ всего за мѣсяць до смерти своего автора. Трудъ этотъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Объ условіяхъ возстановленія нашего общественаго благосостоянія». Прекрасная эта статья,—какъ прекрасно вообще все, что выходило изъ подъ пера Іоанна Д-ча, — является поистинѣ послѣднимъ драгоценнымъ за-

вѣтомъ какъ близкимъ ему лицамъ, такъ и вообще всѣмъ своимъ соотечественникамъ,—завѣтомъ тѣмъ болѣе дорогимъ, что онъ даетъ самое простое и правильное рѣшеніе вопроса о томъ, чего не хватаетъ нашимъ соотечественникамъ, стремящимся къ политическому обновленію своей родины.

Свящ. Н. Луневскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЪ БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ.

(„Подъ чехломъ“, повѣсть Н. Тимковскаго).

Не разъ уже приходилось намъ указывать, что обозрѣвателю современной свѣтской литературы по отношенію къ вѣрѣ и пастырству рѣдко приходится отмѣчать что-либо положительное, что-либо отрадное. Обыкновенно же приходится разбирать и, по возможности, разоблачать тенденціозную ложь и всяческую клевету и искаженія. То же приходится намъ дѣлать и на этотъ разъ.

Въ первыхъ двухъ книжкахъ *Русской Мысли* за текущій 1909 годъ появилась большая повѣсть Н. Тимковскаго «Подъ чехломъ». Тимковскій, писатель сравнительно еще молодой, хотя и плодовитый, съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности показалъ себя отчаяннымъ и неисправимымъ пессимистомъ. Всюду видитъ онъ однѣ лишь отрицательныя стороны жизни—безысходную житейскую пошлость и житейскія непріятности и злключения. Въ такомъ пессимистическомъ духѣ и тонѣ изобразилъ онъ и годы своей учебной жизни («Сергій Шумовъ») — заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался и окружавшую его тогда среду—товарищей, воспитателей и учителей, не найдя среди нихъ почти ни одного—не говоря уже свѣтлаго, но даже просто симпатичнаго типа. Писатель крайне либеральный, онъ показалъ себя, между прочимъ, и яростнымъ ненавистникомъ православнаго духовенства (таковъ его рассказъ «Въ домѣ пастыря» — *Народная Вѣсть* декабрь 1906 г.).

Рассказъ сопровождается редакціоннымъ примѣчаніемъ,

что онъ доставленъ въ редакцію еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но печатаніе его замедлилось по случайнымъ обстоятельствамъ. И, вѣроятно, недовольный такимъ промедленіемъ, авторъ разсказа, тотчасъ по напечатаніи его въ журналѣ, выпустилъ его отдѣльнымъ изданіемъ, тогда какъ прежніе свои разсказы выпускалъ томиками, заключавшими въ себѣ по нѣскольку разсказовъ сразу. И такимъ образомъ разсказъ сталъ еще болѣе доступнымъ. Изложимъ, пока безъ всякихъ комментарій, содержаніе разсказа.

Главное дѣйствующее лицо разсказа—іеромонахъ Варсонофій, въ мірѣ Василій Обницкій, кандидатъ духовной академіи, сынъ сельскаго священника отца Тимоѳея. Будучи въ академіи, Обницкій сильно любилъ Наташу Вознесенскую, пріемную дочь отца Тимоѳея, чистую и идеальную дѣвушку. Она отвѣчала ему взаимностью, и молодые люди предчувствовали уже свое недалекое счастье, но сверстникъ, немного болѣе старшій лѣтами, Обницкаго, тоже студентъ духовной академіи Алексѣй Чернышовъ, гостившій у Обницкаго по лѣтамъ, человекъ аскетическаго направленія, смотрѣвшій на міръ и на женщину, какъ на зло, и желѣзной, непреклонной воли, убѣдилъ Обницкаго принять монашество. И Обницкій, и Чернышовъ сначала учились въ гимназій, и Обницкій собирался итти въ университетъ, но Чернышовъ, бывшій уже въ академіи, убѣдилъ и его итти, вмѣсто университета, въ академію. Уже и во времена своего студенчества Чернышовъ обращалъ на себя вниманіе своею серьезностью и вельсь Обницкимъ, котораго очень любилъ, горячія и продолжительныя бесѣды о необходимости подвига и служенія людямъ. И, подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ и убѣжденій Чернышова, Обницкій возвратилъ Наташѣ данное ей слово, принялъ монашество и былъ назначенъ іеромонахомъ и духовникомъ при каторжныхъ тюрьмахъ Сибири.

Не ужившись въ Сибири, о. Варсонофій перешелъ въ китайскую миссію. Но и здѣсь было не лучше.—«Я меч-

таль — продолжаетъ разсказывать Варсонофій — принести въ страну чужеземцевъ свѣтъ истины Христовой — и ужаснулся, увидя своими глазами безчеловѣчіе нашихъ христіанъ... и сказалъ себѣ: зачѣмъ я пріѣхалъ на край свѣта уловлять новыхъ христіанъ, когда старые христіане еще ждутъ своего обращенія, ибо они до сей поры хуже язычниковъ?.. Я посланъ былъ обличать религіозныя заблужденія нехристей, а вмѣсто этого пришлось обличать христіанъ, ихъ лицемѣріе, хищность, ихъ безбожіе. Христіане воздвигли на меня за это гоненіе... Я оказался вреденъ... Я долженъ былъ уѣхать...

Вѣроятно, вслѣдствіе всего этого, Варсонофій за девять лѣтъ своей службы не получаетъ даже сана архимандрита и остается простымъ іеромонахомъ. По ходатайству Агаѳангела (Алексѣй Чернышовъ), который къ этому времени былъ уже епископомъ, Варсонофій получаетъ мѣсто настоятеля монастыря всего лишь верстахъ въ пяти отъ своей родины. Съ этого и начинается разсказъ.

Само собою разумѣется, что монастырь изображается въ самомъ неприглядномъ видѣ (въ особенности же выставляется на видъ пьянство), и само же собою разумѣется, что Варсонофій, познакомившись съ монастыремъ, остается имъ недоволенъ и, не предпринимая ни малѣйшей даже попытки сдѣлать что-либо для исправленія монаховъ, пишетъ преосвящ. Агаѳангелу (съ нимъ онъ продолжаетъ переписываться, только письма Агаѳангела становятся все суше, короче и суровѣе, вообще официальнѣе и уже совсѣмъ нѣтъ въ нихъ прежняго образцоваго духовнаго краснорѣчія, искренняго духовнаго паѳоса, глубокихъ мыслей, прозорливости и проникновенія въ глубину человѣческаго сердца) письмо, прося освободить (т. е., вѣроятно, хлопотать за него въ этомъ смыслѣ) его отъ настоятельства и послать его куда-нибудь далеко, поработать для сирыхъ и обездоленныхъ, — но получаетъ отъ Агаѳангела отказъ. Между тѣмъ, пріѣхавъ въ родное село навѣстить родителей, Варсонофій находитъ тамъ и Наташу

и брата своего Прокла. Оказывается, Наташа, лишившись Обицкаго, ставшаго Варсонофіемъ, чтобы не обременять своихъ воспитателей, рѣшилась, по ихъ убѣжденіямъ, выйти замужъ за протодьякона Орленкова. Этотъ послѣдній изображенъ въ разсказѣ такимъ извергомъ и вмѣстѣ скотомъ, что навѣрное, Варсонофій мало видалъ такихъ и на каторгѣ. И Наташа давно уже ушла отъ него и живетъ съ малолѣтнею дочерью попрежнему у о. Тимофея. Проклъ, старшій братъ Варсонофія, былъ преподавателемъ духовной семинаріи, но не поладилъ съ ректоромъ и оставилъ службу. Это необыкновенно жизнерадостный человѣкъ, большой пріятель всѣхъ мужиковъ отцовскаго села, гдѣ и проводитъ бѣольшую часть времени, и въ особенности деревенскихъ ребятишекъ. Съ нимъ все оживляется и всѣ чувствуютъ себя лучше и веселѣе. Онъ все мечтаетъ написать книгу, посвященную «радости», жаждетъ «проповѣдовать лѣто Господне благопріятно». Подъ вліяніемъ Прокла, Варсонофій начинаетъ часто ѣздить въ Суглинки (родное село), гдѣ ему волею-неволею приходится встрѣчаться съ Наташей, какъ ни старается онъ на первое время избѣгать ея; а отъ этихъ встрѣчъ въ немъ вспыхиваетъ прежнее чувство къ ней, въ сущности и не погасшее, а она и не переставала ни на минуту любить его; и, какъ ни старается Варсонофій подавить это чувство, оно жестоко мучаетъ его. А Проклъ все внушаетъ ему, что они съ Наташей созданы другъ для друга, и убѣждаетъ его «снять чехоль», т. е. монашескій клобукъ и рясу. Между тѣмъ о частыхъ визитахъ своего настоятеля въ Суглинки монахи — пріятели Орленкова — даютъ ему знать, и тотъ сперва устраиваетъ скандалъ Варсонофію, упрекая его въ близости къ своей, не живущей съ нимъ женѣ, а потомъ доноситъ на Варсонофія преосвящ. Агаѳангелу. И отъ Агаѳангела получается письмо, гдѣ онъ упрекаетъ Варсонофія въ забвеніи обѣта цѣломудрія и монашескаго долга, убѣждаетъ его не вѣрять въ то, что его привязанность къ Наташѣ идеальная;

платоническая и, считая Наташу (которую и онъ зналъ прежде) лучшею другихъ женщинъ, упрекаетъ все-таки и ее за то, что она не пошла въ монастырь или въ сестры милосердія и не живетъ съ мужемъ: въ ея тяжелой супружеской долѣ онъ видитъ посланный ей отъ Бога подвигъ, крестную ношу, «дабы трудомъ и скорбью искупила она хотя отчасти суету мірской жизни» и сдѣлала изъ своего звѣроподобнаго мужа хорошаго христіанина. Въ заключеніе Агаѳангелъ убѣждаетъ Варсонофія убѣдить Наташу «вернуться къ мужу и быть ему вѣрною женой, какъ заповѣдала святая церковь», пока надъ самимъ Варсонофіемъ не разразился и не поразилъ его гнѣвъ Господень. Еще раньше этого умираетъ о. Тимоѳей, и на похоронахъ его подвыпившій Орленковъ расходится до того, что громогласно провозглашаетъ женѣ анаѳему. Подъ вліаніемъ всего этого, въ особенности же письма Агаѳангела, Варсонофій рѣшается убѣдить Наташу вернуться къ мужу и сначала разить ее суровыми и жестокими словами. Но когда обезумѣвшая отъ горя Наташа говоритъ ему, что онъ своими словами зарываетъ ее живую въ могилу и что вернуться къ мужу для нея хуже смерти, онъ мѣняется тономъ и уже умоляетъ ее—возненавидѣть все, кромѣ Бога, смыть съ себя кровавыми слезами всякую плотскую грязь, вытравить изъ сердца ядъ грѣховности, проклясть и похоронить всякую любовь и всякія мечты о счастіи и вернуться къ мужу на униженія и муки. Наташѣ и въ самомъ дѣлѣ не остается ничего болѣе, какъ уѣхать къ мужу, такъ какъ со смертью отца Тимоѳея ей негдѣ жить. И, полумертвую отъ отчаянія, ее увозятъ къ мужу. Тщетно предъ ея отъѣздомъ умоляетъ Варсонофія Прокль притти проститься съ нею и хоть сколько-нибудь утѣшить ее.

Не зная, куда дѣваться отъ тоски, Варсонофій старается сблизиться съ своими монахами, ѣздитъ и по окрестнымъ монастырямъ, но ничего изъ этого не выходитъ. Между тѣмъ Прокль, въ компаніи съ мужикомъ Севастьянычемъ, доселѣ горькимъ пьяницею, отправляется странствовать,

вѣрнѣе—брождать, «искать настоящихъ живыхъ людей», а Варсонофій получаетъ страшное извѣстіе, что Наташа, не вынеся издѣвательства изверга-мужа, удавилась. Последніе остатки самообладанія покидаютъ Варсонофія. Онъ чувствуетъ себя убійцею Наташи, забрасываетъ совершенно монастырскія дѣла и въ крайнемъ смятеніи душевномъ рѣшаетъ снять санъ и пойти къ преосвящ. Агаангелу, прося поддержать его и, если задуманное имъ есть «плодъ безумія и омраченія, обличить его, любя и жалѣя, какъ дѣлалъ Спаситель, и озарить лучемъ разума его гибнущую во мракѣ душу». Но отвѣтъ отъ Агаангела получается короткій и жестокій: онъ называетъ Варсонофія сатаною, Каиномъ, Іудю предателемъ и предаетъ его проклятію. Вскорѣ послѣ этого, въ одномъ изъ монастырей, Прокль узнаетъ о внезапной кончинѣ Варсонофія. Смерть его приписываютъ несчастной случайности, именно угару отъ закрытыхъ рано трубъ, но что она была совсѣмъ не случайная, это совершенно ясно изъ оставленнаго Варсонофіемъ Проклу письма...

Тяжелое (въ особенности на свѣтскихъ и предубѣжденныхъ читателей) впечатлѣніе производитъ разсказъ, и это впечатлѣніе не даетъ рассмотреть сразу ту тенденціозную ложь, которою онъ переполненъ. Название разсказа понятно. Подъ чехломъ—это подъ монашескимъ клобукомъ, подобно савану, закрывающимъ не только глаза, но и душу человѣка и дѣлающимъ его живымъ мертвецомъ, который и вокругъ себя можетъ сѣять только смерть. Такова мораль разсказа, который вообще дѣйствуетъ на средняго читателя всегда сильнѣе, чѣмъ самыя убѣдительныя отвлеченныя разсужденія. Съ такою же рѣшительностью и рѣзкостью здѣсь отвергается и вся видимая церковь, со всѣми ея установленіями, предается анаемѣ ея связь съ государствомъ и проповѣдуется самый неограниченный индивидуализмъ въ дѣлѣ религіи и полнѣйшая

свобода отъ всякихъ нравственныхъ запретовъ. Каторжники, только потому, что они каторжники, являются въ рѣчахъ о. Варсонофія почти исключительно только несчастными людьми, почти невинными, добрыми и совѣстливыми, достойными всяческаго сожалѣнія и лучшей участи и уже во всякомъ случаѣ безконечно лучшими и достойнѣйшими, чѣмъ ихъ начальники и приставники, которые уже потому самому выставляются сплошь и безъ всякаго исключенія палачами, извергами и безчестнѣйшими людьми. Извергъ Орленковъ, угрожающій выбросить изъ окна малолѣтнюю дочь, если жена не исполнитъ немедленно его безобразнаго каприза, и на самомъ дѣлѣ, судя по данной ему въ разсказѣ характеристикѣ, способный привести въ исполненіе эту угрозу и задушить не только дочь, но и жену, — если бы онъ это въ дѣйствительности сдѣлалъ и за это попалъ бы на каторгу, — въ глазахъ нашего автора долженъ былъ бы немедленно превратиться въ добраго, невиннаго и несчастнаго человѣка. — Язычники-китайцы, только потому, что они язычники, неиспорченные и добродѣтельные люди, тогда какъ русскіе въ Китаѣ — «до сей поры хуже язычниковъ... грубѣе, развратнѣе и безстыднѣе китайцевъ... лицемѣры хищники, безбожники... грабительствуютъ, насильничаютъ и увязаютъ въ похотяхъ». Подобной характеристики всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ въ Китаѣ, помнится, и въ самыхъ лѣвыхъ газетахъ не было.

Безъ всякаго сомнѣнія, и между каторжниками есть люди несчастные, сдѣлавшіеся преступниками въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ, равно какъ и между ихъ начальствомъ — «звѣри въ человѣческомъ образѣ», и среди китайцевъ не всѣ лживы, хитры и корыстолюбивы, а между русскими въ Китаѣ есть и проходимцы и безчестные люди; но ставить на пьедесталъ каторжниковъ лишь за то, что они каторжники, а китайцевъ лишь за то, что они язычники, и оплевывать и забрасывать грязью людей только за то, что они занимаютъ официальное,

служебное положеніе, это значить рисовать по слишкомъ ужъ дешевому либеральному трафарету, шить бѣлыми нитками. Въ частности — что и начальствующіе на кагоргѣ и русскіе въ Китаѣ — далеко не всѣ таковы, какими изображаетъ ихъ о. Варсонофій — объ этомъ не мало говорилось и въ либеральной печати.

Своею несчастною судьбою Варсонофій и Наташа обязаны ошибкѣ, совершенной Агаѳангеломъ и Варсонофіемъ. Самъ человѣкъ непоколебимо убѣжденный, человѣкъ желѣзной воли и высокаго ума, носящій, по выраженію Прокла, цѣлый вулканъ внутри себя, Агаѳангель однако ошибся въ Обницкомъ. Онъ не долженъ былъ отвлекать его отъ любимой невѣсты, тѣмъ болѣе что онъ зналъ, какъ самъ онъ писалъ Обницкому, что Обницкій «вѣчно останавливается на пути и, подобно женѣ Лота, оборачивается на міръ, покинутый имъ» и, слѣд., не годится для подвига, на который звалъ его Агаѳангель. А для монашества у Обницкаго, кромѣ того, не было одного изъ самыхъ необходимыхъ для того качествъ — смиренія и послушанія, и слишкомъ силенъ духъ протеста. А самъ Обницкій не долженъ былъ поддаваться горячимъ рѣчамъ и убѣжденіямъ Агаѳангела, долженъ былъ тщательно взвѣсить свои силы, не преувеличивать находившаго на него иногда отвращенія къ плоти и не дѣлать несчастною такъ любившей его дѣвушки, которой, вдобавокъ, онъ далъ уже слово. Какое же отношеніе къ подобнымъ ошибкамъ имѣетъ монашество вообще, давшее христіанскому міру такіе высокіе и недостижимые образцы вѣры, подвижничества и благочестія и оказавшее церкви такія великія и неисчислимыя услуги — можно сказать, даже спасавшее ее, въ особенности въ ея тяжкія и смутныя времена, а для русской церкви, русскаго народа бывшее такою несравненною школою вѣры, благочестія, христіанской жизни и христіанскаго просвѣщенія? Столь же неумѣстны и такого же достоинства и переполняющія разсказъ выходки и инсинуаціи противъ церкви и «казеннаго» христіанства.

И на родину, послѣ девяти лѣтъ службы, Варсонофій возвращается какимъ-то полумертвымъ, точно подмѣненнымъ, что въ особенности ясно замѣчаетъ мать. Видно, что перенесенный имъ подвигъ и страданія, которыхъ онъ, можетъ быть, даже жаждалъ, принимая монашество, не дали ему удовлетворенія.

Сочиненность и незнаніе изображаемаго быта и жизни видны въ разсказѣ на каждомъ шагу. Варсонофій, у котораго дѣла въ монастырѣ, повидимому, совсѣмъ не много, долго не можетъ сообразить, когда онъ можетъ навѣстить отца и долго роется для этого въ своей записной книжкѣ; а вслѣдъ затѣмъ находитъ время бывать въ Сугдинкахъ почти каждый день. Странно, что мать Варсонофія, узнавъ о его прибытіи въ монастырь, умоляетъ его пріѣхать навѣстить (послѣ девятилѣтней разлуки) живущаго въ пяти верстахъ отца только потому, что онъ очень слабъ и боленъ, какъ будто безъ того сынъ не долженъ былъ навѣстить родителей послѣ такой долгой разлуки, и странно, что за все это время Варсонофій ровно ничего не знаетъ о своемъ родномъ и единственномъ братѣ. — Священникъ Тимоеѣй, отецъ Варсонофія, изображается добрымъ старикомъ, но черезчуръ уже разслабленнымъ и совсѣмъ впавшимъ въ дѣтство. Зато преемника отца Тимоеѣя, сосѣдняго священника, отца Никанора и преемника Варсонофія по настоятельству авторъ не щадитъ и, что называется, «раздѣлываетъ» ихъ безъ всякаго стѣсненія. Насмѣшки Прокла надъ новымъ настоятелемъ безсмысленны и совсѣмъ не остроумны. — Курьезное впечатлѣніе производитъ пьяница Севастьянычъ: послѣ безпросыпнаго пьянства, онъ вдругъ становится проповѣдникомъ и обличителемъ монашества и всей вообще официальной церкви. Для этого нужно кое-что побольше пьянства. Типъ неудачный и нелѣпый. — Орленковъ, пріѣхавъ на похороны отца Тимоеѣя, ни съ того, ни съ сего начинаетъ бить ногою дряхлую собаку, вдобавокъ встрѣчающую его дружелюбно. Голосъ, которымъ онъ выкрикиваетъ анаѣмму

женѣ, достигаетъ даже лѣса, гдѣ прячется отъ него Наташа съ дочерью. Для Наташи, послѣ потери любимаго жениха, дѣйствительно всего лучше было итти не замужъ, а въ монахини или сестры милосердія: тогда она и сама не была бы такъ несчастна и не оставила бы послѣ себя еще болѣе несчастнаго ребенка.—Освященный елей, которымъ помазываютъ богомольцевъ за всенощной, нашъ авторъ принимаетъ за муро и называетъ муромъ.—Имя, принимаемое постригающимися въ монашество, вовсе не должно непременно начинаться съ той же буквы, съ какой начиналось и мірское имя постригаемаго, какъ думаетъ не только нашъ авторъ, но и свѣтскіе писатели вообще.—Единственно живой и правдивый типъ въ разсказѣ — это старушка матушка, жена отца Тимоѳея и мать о. Варсонофія.

Все живое или гибнетъ въ церкви или бѣжитъ изъ нея — такова мысль разсказа. — Нѣтъ, гибнетъ лишь то, что и не имѣетъ въ себѣ жизни и обречено на гибель, а бѣжитъ изъ церкви только то, чему и не мѣсто въ церкви.

Свящ. Н. Колосовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Чудо отъ мощей Преподобнаго Сергія.

(Изъ письма въ редакцію).

Сергіевъ Посадъ.

На Страстной недѣлѣ совершилось чудо отъ мощей великаго Угодника Божія, Преподобнаго Сергія. Женщина, не владѣвшая ногами, приползла съ Московской улицы (я думаю, вы помните эту улицу) получила исцѣленіе и стала ими владѣть. Передъ тѣмъ, какъ ее стали прикладывать, она выпрямилась, кости захрустѣли, и она отъ страха дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Всѣ бывшіе въ соборѣ пришли въ трепетъ и долгое время не могли произнести ни слова и притти въ себя.

На выставкѣ картинъ В. Д. Полѣнова.

Мнѣ пришлось быть однажды на одномъ великолѣпномъ торжествѣ. Предо мною прошелъ рядъ картинъ, которыя приводили въ восхищеніе присутствующую тутъ публику, но на меня, признаюсь, онѣ производили совсѣмъ иное впечатлѣніе:—я очень много сожалѣлъ о томъ, что люди иногда тратятъ такъ много денегъ на различные предметы, которые въ сущности не заключаютъ въ себѣ не только ничего эстетическаго, а напротивъ, возбуждаютъ въ душѣ какое-то обидное чувство. Впрочемъ, говорятъ, что на вкусъ мастера нѣтъ. Одни любятъ декорации, другіе нѣтъ. Одни любятъ правду, другіе идеаль, удаленный отъ всякой правды. Одни любятъ тишину, другіе—громъ пушекъ. Кратко сказать, разные люди придерживаются различныхъ мнѣній. Что касается до меня, то я опять признаюсь, что, приходя въ Третьяковскую галерею, гдѣ,

какъ всѣмъ извѣстно, есть на что посмотрѣть, я прежде всего останавливаюсь предъ картиной художника Рябушкина, помѣщенной внизу и изображающей распятіе Спасителя съ тремя разбойниками. Въ этой картинѣ, по моему, больше, чѣмъ во всякихъ другихъ, выраженъ своеобразный трагизмъ положенія. Никакого эффекта, ничего бьющаго въ глаза. Обстановка самая сѣрая, убогая, бѣдная. Воины одѣты въ какое-то тряпье, на нихъ не блестятъ латы, кольчуги, шлемы. Такъ, кажется, и должно быть. Тутъ полная противоположность красивымъ, бьющимъ на эффектъ, но не вѣрнымъ или мало вѣрнымъ исторической дѣйствительности, декораціямъ польскаго художника Яна-Стыки, картина котораго, или, лучше панорама, нѣсколько лѣтъ тому назадъ показывалась въ Москвѣ.

Переходя отъ картины художника Рябушкина къ имѣющимся въ той же Третьяковской галлерей картинамъ художника В. Д. Подѣнова, мы сразу же, повидимому, какъ будто переносимся въ совершенно иную область. Кто не помнить и не знаетъ, напримѣръ, его картины, на которой изображено Галилейское озеро? Тутъ никакого убожества уже нѣтъ. Тутъ, напротивъ, одна красота, которая ласкаетъ глазъ, манитъ къ себѣ и заставляеть долго стоять предъ картиной и любоваться ею. Но все это только повидимому. Когда художникъ писалъ эту картину, то отступилъ ли онъ отъ правды? Намъ кажется, что нѣтъ. Какъ извѣстно, Галилейское озеро—одно изъ прекраснѣйшихъ озеръ въ мірѣ, и художникъ, его изображающій, не долженъ скупиться на краски. Ему тутъ незачѣмъ изображать убогой обстановки. Правда, тутъ также красота своеобразная и нѣтъ ничего такого, что мы привыкли видѣть въ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтаетъ цивилизація, нѣтъ ничего искусственнаго, вылощеннаго, прилизаннаго и отполированнаго. Но за то тутъ опять красота самой дѣйствительности. Дѣйствительная красота—это благодарная тема для всякаго художника. Ему нужно только ее видѣть. Тутъ нужны больше глаза, чѣмъ художественный синтезъ, когда изъ многочисленныхъ красивыхъ мелочей и подробностей составляется одна цѣльная картина, производящая впечатлѣніе красоты и составленная изъ многихъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ и затѣмъ, такъ сказать, склеенныхъ между собою красотъ.

При посѣщеніи выставки В. Д. Подѣнова мы сразу же,

съ первыхъ шаговъ, видимъ, что художникъ больше всего заботился о томъ, чтобы соблюсти вѣрность дѣйствительности. Это, можетъ быть, односторонность и художникъ мало или даже и совсѣмъ не достигъ того, чтобы его живопись отличалась такъ называемымъ *церковнымъ* характеромъ. Церковнаго на его выставкѣ мало, или даже и совсѣмъ нѣтъ. Прислушиваясь къ замѣчаніямъ присутствовавшей на выставкѣ публики, я слышалъ, какъ вѣкоторые говорили, разглядывая изображенія Христа: «да вѣдь Онъ здѣсь совсѣмъ не похожъ! Развѣ такъ Его пишутъ?» Эти замѣчанія справедливы. Христа у насъ въ церковной живописи пишутъ не такъ, какъ изобразилъ его художникъ Полѣновъ. Однако, по нашему мнѣнію, всегда слѣдуетъ проводить различіе между церковной живописью и строго бытовой или исторической. Это различіе основывается не на какой-либо фантазіи, а принципиальное. На всякой церковной иконѣ помѣщаются не дѣйствительныя лица, а *небожители*, иногда жившіе задолго до насъ и давно перешедшіе въ вѣчность. Кто молится предъ иконою, тотъ молится не лицамъ, когда-то жившимъ на землѣ и теперь умершимъ, а лицамъ живымъ, пребывающимъ на небѣ *теперь*. По нашему мнѣнію, это—ошибка художниковъ, когда они пишутъ иконы въ церквахъ, стараясь придать своимъ изображеніямъ возможный реализмъ. По нашему мнѣнію, икона Христа Спасителя въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, на которой Христосъ изображенъ съ такими, пожалуй, даже страшными, глубокими, какъ море, какъ будто раздѣляющими два міра, здѣшній и загробный, глазами, гораздо больше удовлетворяетъ религиозному чувству, чѣмъ картины многихъ современныхъ художниковъ, особенно изъ декадентовъ. Но если оцѣнивать ту же икону съ художественной, бытовой, исторической точекъ зрѣнія, то значеніе ея, можетъ быть, окажется невелико. Нельзя требовать отъ живописцевъ, которые пишутъ иконы для церквей, чтобы они изображали разныхъ лицъ или событія во всей ихъ естественной исторической обстановкѣ, потому что такія иконы, если бы появились въ церквахъ, производили бы больше соблазна, чѣмъ вызывали бы религиозное чувство. Живописецъ, который пишетъ икону, можетъ, конечно, сообразоваться съ подлинной исторической или бытовой обстановкой, но это для него не обязательно. Было бы странно, напримѣръ, если бы, изображая, положимъ, благословеніе

дѣтей Спасителемъ, онъ написалъ въ церкви домъ, у котораго сидитъ Спаситель, и на этомъ домѣ развѣсилъ бы выставленное для просушки бѣлье и разныя тряпки (см. картину г. Полѣнова № 42).

Но если отъ церковнаго художника странно и даже нелѣпо было бы требовать соблюденія полвой естественности и вѣрности дѣйствительной обстановкѣ изображаемыхъ лицъ или событій, то, съ другой стороны, такъ же странно было бы требовать и отъ лица, посвятившаго себя исторической живописи, воспроизведенію того, что дѣйствительно было, чтобы это лицо вводило въ свои художественныя произведенія такой или иной декоративный элементъ и вообще отступало отъ историческаго или бытоваго реализма. Если икона, написанная со всѣми бытовыми и историческими аксессуарами можетъ препятствовать религіозному чувству, то, съ другой стороны, картина (не икона), невѣрная дѣйствительности, производить впечатлѣніе поддѣлки, обмана, лжи, вообще чего-то неестественнаго и фантастическаго, я, понятно, не можетъ достигать главной своей цѣли—поставленія зрителей предъ самой той обстановкой, въ которой совершились тѣ или другія историческія событія. Понятно также, что одна живопись нисколько не мѣшаетъ другой. Иконная живопись и должна быть иконной, а историческая и бытовая—исторической и бытовой. Было бы нелѣпо, если бы наши богослужебныя книги были изложены языкомъ Тургенева или Гоголя; но было бы одинаково нелѣпо, если бы Тургеневъ или Гоголь стали писать свои произведенія языкомъ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Всему должно быть свое мѣсто.

В. Д. Полѣновъ не задавался цѣлью дать образцовъ церковной живописи и при оцѣнкѣ его художественныхъ произведеній это необходимо имѣть въ виду. Онъ хотѣлъ изобразить предъ нами Христа въ той дѣйствительной исторической обстановкѣ, въ которой совершились евангельскія событія. Чтобы лучше достигнуть этой цѣли, онъ отправился на востокъ и работалъ тамъ, на самыхъ мѣстахъ священныхъ событій. Отсюда получилось прежде всего то, что разсматривая картины г. Полѣнова, зритель знакомится преимущественно съ мѣстностями священныхъ событій. Онъ особенно интересны, конечно, для тѣхъ лицъ, которыя никогда не бывали въ Палестинѣ; а для тѣхъ, которыя бывали, могутъ служить прекраснымъ о ней на-

поминаемъ. Но вотъ вопросъ: была ли Палестина во время Иисуса Христа именно такою, какова она теперь и какую изобразилъ ее на своихъ картинахъ г. Полѣновъ? Какой дается на этотъ вопросъ отвѣтъ, извѣстно. Многое, конечно, измѣнилось съ тѣхъ поръ; однако и природа, и жизнь на востокѣ, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, измѣняются вообще мало, и художникъ имѣеть большое право относить современную палестинскую дѣйствительность къ дѣйствительности времени Христа, или, иначе, судить объ этой послѣдней по современной намъ дѣйствительности. Здѣсь, правда, существуетъ много трудностей, и восстановленіе, напримѣръ, древняго Вавелема или Иерусалима по современнымъ Вавелему или Иерусалиму трудно и требуетъ обширныхъ знаній археологическихъ, историческихъ и пр., и даже едва ли и возможно. Но всякій человѣкъ работаетъ по мѣрѣ своихъ силъ, и если не можетъ чего-либо сдѣлать съ полнымъ совершенствомъ, то за это, особенно въ такихъ вещахъ, какъ историческая живопись, его всегда можно извинить. Еще труднѣе, чѣмъ изображеніе историческихъ мѣстностей или городовъ—изображеніе историческихъ лицъ. Какъ вообще это трудно, объ этомъ наглядно могутъ свидѣтельствовать почему-то вошедшія у насъ въ моду и даже рекомендованныя для нашихъ учебныхъ заведеній, но въ сущности крайне нелѣпыя, картины Шнорра и Доре. Изображая евангельскія личности, г. Полѣновъ, вѣроятно, бралъ себѣ за образецъ современныхъ и живыхъ лицъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми только измѣненіями, переносилъ ихъ въ сѣдую старину. И, конечно, всегда должно оставаться вопросомъ, насколько эти современные, живыя лица были похожи на тѣхъ людей, которыя жили во время Христа.

Однако не предъявляя слишкомъ строгихъ и невозможныхъ ни для художника, ни для кого бы то ни было требованій относительно вѣрности изображенныхъ имъ лицъ дѣйствительности, мы должны быть благодарны и всякому художнику, и въ частности г. Полѣнову, и за то, что они, по крайней мѣрѣ, дѣлають такія попытки. А дѣлая ихъ, они несомнѣнно оказываютъ ту важную услугу и самой живописи, и исторіи, что, по крайней мѣрѣ, освобождаютъ насъ отъ многихъ ложныхъ представленій, соответствующихъ указанной дѣйствительности еще менѣе. Приступая къ оцѣнкѣ картинъ г. Полѣнова съ этой именно точки зрѣнія, мы можемъ, конечно, сомнѣваться, дѣйствительно

ли изображенныя имъ Богоматерь или Самъ Спаситель походили на дѣйствительныхъ лицъ. Однако образы, въ которыхъ художникъ воплотилъ свои представленія объ этихъ и другихъ евангельскихъ личностяхъ и событіяхъ, отъ этого нисколько не теряютъ своей привлекательности. Разсматривая картины, помѣщенныя на выставкѣ, я остановился, напримѣръ, предъ одной картиной № 33, которая по каталогу обозначена такъ: «наставленіе ученикамъ» (точнѣе было бы: посольство учениковъ на проповѣдь). Изображенъ прекрасный горный ландшафтъ, и на равнинѣ стоятъ люди: это Христосъ и Его ученики.

Самъ Христосъ какъ бы скрытъ въ этой небольшой группѣ апостоловъ, и не столько по самому Его изображенію, сколько по вниманію окружающихъ, можно судить, что рѣчь ведется о весьма важныхъ предметахъ. Сравнивая около Христа небольшую группу больше походить на нашу деревенскую сходку крестьянъ, чѣмъ на какое-либо великое историческое событіе. Когда я смотрѣлъ на эту картину, то, признаюсь, меня почти неволью и безсознательно охватило какое-то довольно странное чувство, въ которомъ я не могъ дать себѣ первоначально отчета: я *досадовалъ* на художника, написавшаго эту картину. Я *досадовалъ* на то, что предо мною именно полотно, а не живые люди, къ которымъ такъ и хотѣлось присоединиться, хотѣлось пробраться къ этимъ слушателямъ какъ-нибудь тайкомъ и незамѣтно, и послушать то, что говоритъ имъ великій Учитель..... На другой картинѣ изображенъ большой, повидимому, богатый, домъ, а гдѣ-то внизу, чуть видно, подходитъ къ нему Христосъ. На крыльцѣ стоитъ женщина и смотритъ въ ту сторону, откуда Онъ идетъ, и въ этой женщинѣ столько жизни, столько движенія, столько симпатіи, что глазъ совсѣмъ не хочетъ оторваться отъ картины. Эта женщина, кажется, Марѳа, которая принимаетъ Христа въ домъ свой, издали еще слѣдитъ за шествіемъ своего дорогого Гостя, и соразмѣряетъ свои жесты съ Его движеніями. Посмотрѣвъ на картину: благословеніе дѣтей (42) я подумалъ было, что художникъ здѣсь остался невѣренъ евангельской дѣйствительности. Стоитъ какой-то домикъ, Спаситель сидитъ у него, и около Него изображенъ стоящимъ какой-то мальчикъ. Онъ его благословляетъ. Гдѣ же ученики? Видно нѣсколько матерей, да и тѣхъ немного. А между тѣмъ извѣстно, что ученики препятствовали матерямъ подводить дѣтей своихъ ко

Христу; на картинѣ ничего этого не видно. Но подумавъ еще, я нашель, что художникъ и здѣсь былъ правъ и по крайней мѣрѣ старался быть вѣрнымъ той же дѣйствительности. Читая евангелія, мы встрѣчаемся съ быстрой смѣной событій, и потому обыкновенно предполагаемъ, что они такъ же быстро происходили и въ дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ едва ли было такъ. Почему не предположить, что благословеніе дѣтей продолжалось если не цѣлый день, то полдня или около того? Былъ моментъ, когда ученики хотѣли помѣшать дѣтямъ приходять къ Учителю, потомъ все успокоилось,—и этимъ спокойствіемъ и дышитъ вся картина. Вообще г. Полѣновъ избѣгаетъ въ своей живописи всего натянутого, преувеличеннаго и декоративнаго, и вводитъ или по крайней мѣрѣ старается ввести зрителя въ ту обстановку, какая дѣйствительно была свойственна новозавѣтнымъ событіямъ. Въ этомъ и заключается весьма важная заслуга художника.

Въ томъ же духѣ написаны и картины его: распятіе (57 и 58), которыя напоминаютъ по своему реализму картину Рябушкина, хотя и гораздо лучше, чѣмъ его картина. Эти картины дышатъ однимъ только ужасомъ и смертью.

Г. Полѣновъ своимъ реализмомъ напоминаетъ больше Тиссо, чѣмъ какихъ-либо другихъ художниковъ, и такъ же оригиналенъ, какъ и Тиссо. Но разсматривая картины послѣдняго, можно видѣть, что этотъ французскій художникъ по мѣстамъ нѣсколько пересаливалъ. У г. Полѣнова, какъ мнѣ показалось, никакихъ пересоловъ вообще не встрѣчается. Тутъ все просто, естественно, изображается самая обыденная жизнь и притомъ безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. Но это тѣмъ поучительнѣе. Зерно не походитъ на дерево, которое изъ него выросло. Такъ и то, что выросло изъ евангельскаго зерна и сѣмени въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, можетъ не походить на то, чѣмъ было самое зерно. Разсматриваніе зерна въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было брошено въ землю, можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность правильнѣе судить, каково и дерево, которое изъ него вырастаетъ. Чѣмъ больше какой-либо художникъ приближаетъ насъ къ исторической дѣйствительности, тѣмъ большей благодарности онъ заслуживаетъ. Картины г. Полѣнова вообще важны для пониманія евангельскихъ событій. А если онъ, имѣя полную возможность писать виды

Крыма, Кавказа, или другихъ какихъ-нибудь мѣстностей, посвятилъ свои силы изученію и изображенію именно евангельскихъ событій, то это и еще болѣе его рекомендуетъ, какъ истиннаго, талантливаго и серьезнаго художника.

Свящ. М. Ѡ—скій.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Пюнтковскій.

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Тридцать пятый годъ изданія.

Въ программу изданія входятъ: 1) Передовыя статьи по вопросамъ церковной въ широкомъ смыслѣ и церковно-общественной жизни. 2) Статьи и сообщенія церковно-общественнаго характера. 3) Отдѣлъ „Мнѣнія и отзывы“. 4) Отдѣлъ изъ области церковно-приходской практики. 5) Апологетическій отдѣлъ. 6) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы. 7) Библиографическія замѣтки о новыхъ книгахъ. 8)

Постановленія и распоряженія правительства. 9) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи. 10) Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей. 11) Извѣстія и замѣтки. 12) Объявленія.

При журналѣ два приложенія:

Одинъ изъ 12 томовъ

1) Полнаго Собранія Твореній св. Іоанна Златоуста или 1—2 тт. преп. Θεодора Студита

въ русскомъ переводѣ,

2) Ежемѣсячный богословскій и церковно-историческій журналъ „Христіанское Чтеніе“.

Условія подписки:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 руб., б) съ приложеніемъ одного изъ томовъ „І. Златоуста“ или „Θ. Студита“ — 6 р. 50 к., в) съ приложеніемъ журнала „Христіанское Чтеніе“ восемь руб., г) съ обоими приложеніями (б и в)—9 руб.

За границей: а) за журналъ отдѣльно 7 руб., б) съ приложеніемъ одного изъ томовъ твореній „св. І. Златоуста“ или „преп. Θ. Студита“ — 9 руб., в) съ приложеніемъ „Христіанскаго Чтенія“ — 10 руб., г) съ обоими приложеніями—11 р. 50 к.

Кромѣ того, каждый подписчикъ имѣетъ право получить по одному экземпляру всѣхъ вмѣстѣ или порознь двѣнадцать томовъ „Златоуста“ или „преп. Θεодора Студита“ по 2 руб. (вмѣсто трехъ) за томъ съ пересылкой (за 12-й т. Златоуста доплата на 50 к. дороже).

Подписчики, желающіе получить томы „Златоуста“ или „Студита“ въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, добавляють 50 к.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Шлиссельбургскій пр. 4, кв. 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Редакторъ проф. И. Евсѣвъ.

„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый Братствомъ св. Василія, Епископа Рязанскаго.

(XIX-й годъ изданія).

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ свою цѣлью служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, русскимъ сектантствомъ рационалистическаго и мистическаго направленій и магометанствомъ. „Миссіонерскій Сборникъ“ въ 1909 году издается по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ.

Отдѣлъ первый (официальный). Узаконенія и распоряженія гражданской, центрально-церковной и мѣстной (Рязанской) епархіальной власти относительно миссіонерскаго дѣла, равно какъ относительно положенія сектантовъ, раскольниковъ и инородцевъ — нехристіанъ, — тѣхъ, какіе встрѣчаются въ предѣлахъ Рязанской епархіи.—Офици-

альные отчеты (и извлечения изъ нихъ) епархіальныхъ миссіонеровъ и миссіонерскихъ учреждений (Миссіонерскаго Комитета и Братства св. Василія Ряз.), имѣющіе непосредственное отношеніе къ миссіонерскому дѣлу.

Отдѣлъ второй (литературный). Собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, равно какъ слова и поученія, направленные противъ нихъ.—Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектантства и раскола.—Библиографическія замѣтки о книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезныхъ для мѣстныхъ миссіонеровъ и пастырей Церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ.

Списки для миссіонерскихъ библиотекъ книгъ и брошюръ.—Неизданные матеріалы для исторіи сектантства и раскола, а также и полемики съ ними.

Отдѣлъ третій (епархіальныя извѣстія). Свѣдѣнія о дѣятельности пастырей Церкви, миссіонеровъ и общихъ миссіонерскихъ учреждений Рязанской епархіи въ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ: объ открытіи миссіонерскихъ библиотекъ, о собесѣдованіяхъ, обращеніяхъ въ православіе и т. п. — Свѣдѣнія о мѣстномъ сектантствѣ, расколѣ и инородческомъ—нехристіанскомъ населеніи и выдающихся дѣятеляхъ въ средѣ ихъ.

Отдѣлъ четвертый (иноепархіальныя извѣстія). Распоряженія и дѣйствія въ иныхъ епархіяхъ по части противосектантской и противораскольнической миссіи, имѣющія практической интересъ и полезныя для мѣстной Рязанской миссіи. — Сообщенія о выдающихся случаяхъ обращенія въ православіе изъ раскола, сектантства и магометанства (трудами миссіонеровъ или пастырей Церкви) и о выдающихся событіяхъ въ жизни раскола и сектантства внѣ Рязанской епархіи.

Такое содержаніе журнала было оцѣнено и одобрено представителями миссіонерскаго дѣла на третьемъ Всероссійскомъ Съѣздѣ миссіонеровъ въ г. Казани (1897 г.). *Създъ рекомендовалъ* братскій органъ „Миссіонерскій Сборникъ“ со всѣми его изданіями для выписки во всю противораскольническую, благочинническую и противосектантскую церковно-приходскую библиотечку. На „Миссіонерскій Сборникъ“ обращено вниманіе дѣлателями миссіи и на IV-мъ Всероссійскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ (іюль м. 1908 г.): *Създъ, выразивъ пожеланіе объ изданіи Братствомъ св. Василія, Еп. Рязанскаго, журн. „Миссіон. Сборникъ“ ежемѣсячными книжками вмѣсто двухмѣсячныхъ, постановилъ рекомендовать сей журналъ съ его изданіями всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ миссіи* (См. „Церк. Вѣд.“ № 36, 39 1908 г.; „Миссіон. Сборн.“ № 5, 1908 г.). Такимъ образомъ, журналъ „Миссіонерскій Сборникъ“, признанный двумя Съѣздами специалистовъ миссіонеровъ полезнымъ для дѣла православной внутренней миссіи, является самымъ доступнымъ по цѣнѣ (два руб. за годовое изданіе съ пересылкой) для православнаго приходскаго духовенства и всѣхъ труженниковъ святого миссіонерскаго дѣла.

Кромѣ четырехъ отдѣловъ, въ программу журнала „Мис. Сборникъ“ въ 1909 г. будетъ включенъ, разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ, новый отдѣлъ (пятый): „обзоръ періодической печати по вопросамъ миссіи и расколосектантства“.

„Миссіонерскій Сборникъ“ выходитъ разъ въ два мѣсяца книж-

ками не менѣе **ПЯТИ** печатныхъ листовъ. — Цѣна за годовое изданіе **2** рубля.

Адресъ: *Рязань, Редакція „Миссіонерскаго Сборника“.*

Редакторъ, преподаватель Семинаріи, *Н. Остроумовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1909** годъ

на ежемѣсячный литературный журналъ

„ТРЕЗВЫЕ ВСХОДЫ“.

Второй годъ изданія.

Въ годину бездорожья, всеобщей угнетенности и скучнаго однообразія сѣренькой жизни—зажигать вѣру въ потусторонніе идеалы, бороться за ясную, трезвую душу человѣка, звать къ побѣдѣ надъ сердца́ми людскими трезвости свѣтлой, лучезарной, которую понимаемъ, какъ трезвость мысли, трезвость чувства, трезвость настроенія и дѣла, ратовать за исканіе смысла и правды этой жизни—вотъ какія задачи ставить себѣ **Трезвые Выходы**.

Не скучными, сухими трактатами, а изящнымъ, выпуклымъ рассказомъ, простой, но и въ простотѣ своей сильной статьёй — вотъ чѣмъ думаютъ **Трезвые Выходы** заслужить вашу любовь.

Трезвые Выходы—желанный другъ въ каждой семьѣ.

Трезвые Выходы откликаются на **всѣ** событія современной жизни.

Трезвые Выходы попрежнему удѣляютъ много мѣста острому и наболевшему вопросу алкоголизма, указываютъ на болѣе жизненные мѣры и средства, которыя могли бы быть приняты православнымъ духовенствомъ въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, слѣдятъ за всѣмъ, что говорится, пишется и дѣлается въ защиту трезвости у насъ въ Россіи и за границей.

Трезвые Выходы открываютъ свои страницы для обмѣна мнѣніями читателей рѣшительно по **всѣмъ** волнующимъ вопросамъ.

Трезвые Выходы, не обѣщая никакихъ приложеній, дадутъ въ годъ болѣе 1000 страницъ **интереснаго и содержательнаго чтенія**.

Въ **Трезвыхъ Выходахъ** участвуютъ выдающіяся литературныя силы.

Журналъ Трезвые Выходы за 1908 годъ весь распроданъ.

Подписная цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкой.

Выписывать: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большая Зеленина, д. 41. Ковтора Редакціи журнала „Трезвые Выходы“.

Редакторы-издатели:

Протоіерей **В. П. Галкинъ.**

Священникъ **М. В. Галкинъ.**

НАУЧНО-СПЕЦИАЛЬНЫЙ И ВЫТОВОЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ VI.

ВѢСТНИКЪ

Годъ VI.

ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

издаваемый подъ редакціей д-ра Е. ДЮКОВА.

Журналъ имѣеть задачей, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ **ежемесячно**, книжками отъ 2-хъ печатныхъ листовъ. Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой, на $\frac{1}{2}$ года 1 руб. 50 коп. Подписка, статьи и письма адресуются доктору Е. Дюкову, въ г. Хороль, Полтавской губ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НАРОДНО-ПѢВЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

3-й годъ
изданія

„**БАЯНЪ**“

3-й годъ
изданія

съ нотами и литературнымъ отдѣломъ, посвященный преимущественно хорошему, школьному и регентскому дѣлу.

ЦѢЛЮЮ ЖУРНАЛА по прежнему будетъ: способствовать, по мѣрѣ силъ, распространенію музыки и пѣнія въ народѣ, освѣщать нужды, защищать интересы и объединять всѣхъ тружениковъ на народно-пѣвческой нивѣ, для чего въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться: 1) Статьи и очерки по вопросамъ музыки и хорового пѣнія, 2) Некрологи и біографіи современныхъ музыкальныхъ дѣятелей, 3) Церковно-пѣвческое дѣло, 4) Музыка и пѣніе въ учебныхъ заведеніяхъ, 5) Музыка и пѣніе въ провинціи, 6) Критика, 7) Обзоръ музык. газетъ и журналовъ, 8) Корреспонденція, 9) Библіографія, 10) Новости музыкальной литературы, 11) Разныя извѣстія по музыкѣ и пѣнію, 12) Почтовый ящикъ, 13) Объявленія, а въ музыкальномъ отдѣлѣ—духовные и свѣтскіе хоры, тріо, дуэты и соло для пѣнія, а также русскія и малорусскія пѣсни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. На годъ (съ Января) съ нотами **3 руб.** (безъ нотъ **2 руб.**), на полгода: съ нотами **1 р. 75 к.** (безъ нотъ **1 р. 25 к.**).

Наложеннымъ платежомъ дороже на **25 коп.**. Въ разсрочку: при подпискѣ **2 р.**, въ юнѣ **1 р.**

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ полные годичные экземпляры „БАЯНЪ“ за 1908 годъ можно выписывать по цѣнѣ: съ пошлями **3 руб.** безъ пошль **2 руб.** съ пересылкой. Налож. платежомъ дороже на **25 коп.**

Адресъ редакціи журнала „Баянъ“ (для денежной, заказной и простой корреспонденціи) гор. ТАМБОВЪ.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: цѣлая страница 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр.—10 руб., $\frac{1}{4}$ стр.—5 руб., $\frac{1}{8}$ стр.—2 руб. 50 коп.

Редакторъ-издатель **П. Н. Богдашевъ** (г. Тамбовъ)

Редакторъ музык. отдѣла **А. Ф. Пашенко** (С.-Петербургъ, Астраханская № 6, кв. 41).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Священника **Михаила Өивейскаго**

ЦѢНА **2** РУБЛЯ.

Можно приобрѣтать у автора: Мал. Толмачевскій пер., за Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

XXVII.

О праведномъ гнѣвѣ.

«Если возможно съ вашей стороны, храните миръ со всѣми людьми» (Римл. XII, 18). И ужъ, конечно, что можетъ быть вождѣннѣе и любезнѣе для сердца христіанина, какъ не мирная, согласная и братская жизнь! На что бы лучше жить со всѣми въ добрыхъ, взаимно-благожелательныхъ и пріятельски-дружескихъ отношеніяхъ. «Если что хорошо и прекрасно, такъ это жить братьямъ вмѣстѣ» (жить по братски, дружно и любовно). Такъ поучаетъ царь и пророкъ Давидъ (Псл. 132, 1).

Но вотъ тутъ то и встаетъ предъ нами вопросъ: возможенъ ли на землѣ всеобщій миръ? возможно ли со всѣми людьми ужиться въ ладу, согласіи и дружбѣ? Хотя Апостоль и рекомендуетъ стремиться къ миру *со всѣми*, однако онъ живо чувствуетъ, что мирная жизнь *со всѣми* — неосуществимая мечта. Не даромъ же свое приглашеніе къ мирной жизни онъ обставляетъ оговоркой «если возможно». Жить съ людьми въ мирѣ — значить не только не чувствовать никогда недовольства, отвращенія и негодованія по поводу дѣятельности другихъ людей, но и вполне раздѣлять и одобрять ихъ взгляды и поступки. Но это возможно въ томъ только случаѣ, когда у насъ нѣтъ никакихъ собственныхъ убѣжденій, когда за душой у насъ нѣтъ ничего святого, завѣтнаго.

Есть люди, которыхъ не коробитъ при видѣ всякой жи-

тейской гнусности, гадости и мерзости. Нѣкоторые готовы даже хвалиться своей уживчивостью со всѣми, своею способностью сойтись и поладить со всякимъ человѣкомъ. Такимъ людямъ даже завидуютъ, берутъ и ставятъ ихъ въ примѣръ для подражанія. «Вотъ,—говорятъ,—счастливый характеръ! Вотъ у кого учиться самообладанію! Удивительно выдержанная и уравновѣшенная натура. Никогда онъ не выйдетъ изъ себя, никогда не позволить себѣ повышеннаго тона». Дѣйствительно, на первый, поверхностный взглядъ многіе люди своимъ миролюбіемъ, своею мягкостью и уступчивостью производятъ доброе впечатлѣніе. Миролюбіе настолько привлекательно, что мы часто не даемъ себѣ труда разобрать, откуда вытекаетъ у человѣка его мягкость и уживчивость. Можетъ быть, этотъ миролюбивый человѣкъ съ духовной (религіозно нравственной) стороны представляетъ безразличную пустоту: ему все равно, съ кѣмъ бы ни сойтись, лишь бы это не нарушало его спокойствія. Дороже всего такому человѣку его собственное спокойствіе, а взгляды и жизнедѣятельность его знакомыхъ и пріятелей для него нисколько не интересны.

Есть и еще способъ ладить и дружить съ людьми. Это способъ лицемѣрія и притворства. Это способъ человѣка, про котораго говорятъ, что онъ «безъ мыла влѣзетъ въ чужую душу»,—способъ подавленія въ себѣ своихъ вкусовъ, взглядовъ и симпатій и угодливаго вкрадчиваго поддакиванія воззрѣніямъ и всему жизнепоступанію другого человѣка. Человѣкъ указаннаго сорта сознательно такъ поступаетъ. Его правило низкопоклонничать, заискивать, «угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія». Онъ твердо запомнилъ и взялъ за высшее руководство для своей жизни извѣстную поговорку о томъ, что «ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ». Это фальшивый, продажный льстецъ и человѣкоугодникъ, изъ-за своей выгоды нынѣ распинающийся за то, что вчера въ другомъ кругу безпощадно оплевывалъ и топталъ въ грязь. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ

безцеремонной торговлей совѣстью. Это приемы и поведеніе древнихъ фарисеевъ и лицемѣровъ, которые на томъ стояли, чтобы выставить себя предъ людьми съ самой выгодной стороны. По замѣчанію Спасителя, эти люди «возлюбили славу человѣческую паче славы Божіей» (Іоан. XII, 93).

Въ обоихъ случаяхъ ласковость, обходительность и привѣтливость человѣка отвратительны и богопротивны. Въ первомъ случаѣ подкладкой уживчивости и миролюбія человѣка является полнѣйшее отсутствіе у него всякихъ добрыхъ правилъ и убѣжденій, его, такъ сказать, нравственная оголѣлость или безпринципность (религиозно-нравственный индифферентизмъ и даже безвѣріе въ широкомъ смыслѣ слова). Люди второго сорта живутъ однимъ притворствомъ, ложью и обманомъ. Такихъ людей ждетъ не одобреніе со стороны Божіей, а строгое и грозное осужденіе. «Горе называющимъ лукавое добрымъ и доброе лукавымъ, принимающимъ тьму за свѣтъ и свѣтъ за тьму, полагающимъ горькое вмѣсто сладкаго и сладкое вмѣсто горькаго» (Ис. V, 20—21). «Горе, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо» (Лк. VI, 26).

Истинное христіанство, подлинное служеніе Христу несовмѣстимо съ человѣкоугодничествомъ. Христіанство требуетъ упорной и стойкой борьбы со зломъ и съ міромъ, который, по Евангелію, «весь во злѣ лежитъ» (Іоан. V, 19). До тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будетъ зло и неправда, истинный послѣдователь Христовъ не можетъ не имѣть непріятныхъ и тяжелыхъ, но неизбѣжныхъ столкновеній съ людьми, не можетъ прожить всю жизнь въ невозмутимомъ благодушіи, въ ненарушимомъ мирѣ и постоянныхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми людьми. «На всѣхъ и Богъ не угодить». Значитъ, намъ-то и вовсе не приходится даже и мечтать о томъ, чтобы угодить всѣмъ людямъ. Спаситель и Его Апостолы прямо предсказывали своимъ послѣдователямъ тяжкую скорбь, ожесточенную вражду къ нимъ со стороны «сыновъ вѣка сего», преслѣ-

дованія, гоненія и мученическую кончину. «Въ мірѣ скорбни будете» (Іоан. XVI, 33). «Всѣ, хотящіе благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ» (2 Тим. III, 12). «И будете ненавидимы всѣми за имя Мое» (Мѣ. X, 22). «Будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ за имя Мое» (Мѣ. XXIV, 9). Только лицемѣры и льстецы, всѣмъ поддакивающіе, потакающіе всякимъ вкусамъ и дѣйствіямъ, приспособляющіеся ко всякому человѣку, только такіе юркіе проныры, люди съ гибкой и податливой совѣстью, скользкіе и неуловимые умѣютъ всѣмъ угодить, у всѣхъ пріятно пощекотать ихъ самолюбіе, всѣхъ обворожить, убаюкать и влюбить въ себя, умѣютъ—попросту—всѣхъ провести и одурачить, отъ всѣхъ хоть на время снискать похвалу и одобреніе. Такіе тонкіе льстецы и медоточивые лицемѣры нерѣдко сбиваютъ съ толку и располагаютъ въ свою пользу даже и чуткихъ людей. А про неразборчивую, падкую до лести толпу и говорить нечего. Своими сладкими рѣчами, своимъ неподражаемымъ искусствомъ вести пріятные разговоры, своею находчивостью и увертливостью, своимъ умѣньемъ попасть въ тонъ и настроеніе собесѣдника, умѣньемъ въ любую минуту выкрасить себя въ любой цвѣтъ и черезъ все это искусно и увѣренно играть на слабыхъ стрункахъ человѣка,— эти бойкіе, неунывающіе и подвижные краснобаи и балагуры прямо гипнотизируютъ толпу, т.-е. расслабляютъ ее духовно, усыпляютъ и опустошаютъ. Простодушная публика не подозрѣваетъ, что она преклоняется часто предъ чистокровными «волками въ овечьей шкурѣ» (Мѣ. VII, 15).

Человѣкъ съ честными правилами, человѣкъ, не допускающій никакихъ позорныхъ сдѣлокъ ни со своей совѣстью, ни со зломъ и неправдою въ другихъ людяхъ, не можетъ не вооружить противъ себя, не можетъ не озлобить людей безсовѣстныхъ и безбожныхъ. И Спаситель, и всѣ Его вѣрные послѣдователи имѣли на землѣ множество враговъ, подвергаясь съ ихъ стороны постояннымъ и ожесточеннымъ нападкамъ. «Мы были стѣснены ото-

всюду»,—говорить Апостоль,—«отвѣ нападенія, внутри страхи» (2 Кор. VII, 5). Жизнь истиннаго христіанина—это постоянная и самоотверженная борьба, требующая подчасъ очень тяжелыхъ жертвъ и усилій. Какъ дѣйствительный членъ *воинствующей* на землѣ Церкви Христовой, какъ подлинный ратникъ Христова воинства, христіанинъ долженъ быть готовъ къ столкновеніямъ и разрыву даже съ кровными родными. «Думаете ли вы, что Я пришелъ принести миръ на землю; нѣтъ, говорю вамъ, не миръ, а раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ дому не уживутся (мирно): трое будутъ противъ двухъ и двое противъ трехъ; отецъ возстанетъ на сына и сынъ на отца; мать пойдетъ противъ дочери и дочь противъ матери» (Лк. XII, 51—53). «Кто любитъ отца или матеръ... сына или дочь *больше Меня*, тотъ недостойнъ Меня», говоритъ Спаситель (Мѡ. X, 37).

Изъ всего сказаннаго само-собою слѣдуетъ, что христіанину нѣтъ нужды обязательно и всегда подавлять въ себѣ чувства досады и гнѣва противъ уродливостей жизни. «Гнѣвайтесь и не согрѣшайте»,—учить Апостоль (Ефес. IV. 26). Значить, гнѣвъ не всегда грѣшенъ. Можно, оказывается, гнѣваться *и не согрѣшать*. Мало того: есть гнѣвъ прямо праведный и богоугодный. Самъ Спаситель негодовалъ и гнѣвался. Его громовая, истинно потрясающая обличительная рѣчь противъ фарисеевъ и лицемеровъ (Мѡ. XXIII гл.) продиктована чувствомъ глубочайшаго возмущенія по поводу непроходимой лжи, сплошнаго притворства, фальши и продажности, на которыхъ держится обманчивая праведность и земная слава многихъ «мертвыхъ» (Мѡ. VIII. 22) для Бога людей.

Премилосердный и долготерпѣливый, исполненный безконечной любви къ грѣшному и несчастному человечеству, Спаситель по отношенію къ безмѣрно возносящимъ себя гордцамъ и самозванцамъ выступалъ, какъ неумолимо суровый Судія и безпощадно-грозный обличитель. Открыто и властно срывалъ Онъ маски съ лицемеровъ,

безпощадно раскрывалъ ихъ внутреннюю гниль во всемъ ея смердящемъ безобразіи. Въ другомъ мѣстѣ прямо сказано про гнѣвъ Спасителя, вызванный тѣми же книжниками и лицемѣрами. «И возрѣвъ на нихъ съ *гнѣвомъ*, скорбя о окаменѣніи сердцецъ ихъ». (Мрк. III. 5). Скорбью и гнѣвомъ звучитъ и это восклицаніе Господа: «о родъ невѣрный и развращенный! доколѣ буду съ вами,—доколѣ терплю вамъ?!». (Мѡ. XVII. 17). Мы видимъ, такимъ образомъ, что какъ ни кротокъ, какъ ни долготерпѣливъ Господь нашъ, однако и Онъ не можемъ терпѣть всѣхъ людскихъ беззаконій. Какъ извѣстно, не могъ стерпѣть Спаситель и того чудовищно-наглаго поправія и кощунственнаго оскверненія людьми высшей святыни, когда, съ разрѣшенія и даже—вѣроятно—по наученію начальства, Евреи и въ храмъ Божій, въ мѣсто возвышенныхъ и святыхъ переживаній и настроеній, внесли грубѣйшій духъ улицы, духъ ѡтвратительной жадности, неопрятнаго торгашества и барышничества.

Спаситель взялъ бичъ, выгналъ всѣхъ продавцовъ и покупателей жертвенныхъ животныхъ, опрокинулъ столы у мѣняль и деньги ихъ разсыпалъ (Іоан. 2. 13—18).

Въ объясненіе могуче-покоряющаго дѣйствія Христовой проповѣди на чуткихъ людей Евангеліе замѣчаетъ, что Іисусъ «училъ, какъ *власть и мущій*, а не какъ книжники и фарисеи» (безъ льстивой угодливости и рабьяго поддѣльванія подъ вкусы слушателей, безъ боязливой уклончивости, недоговоренности, путающихъ оговорокъ и вялой холодности: ученіе Спасителя—наоборотъ—все было отмѣчено печатью высшей силы, прямоты, опредѣленности и настойчивости,—все было согрѣто огнемъ пламеннаго воодушевленія и вдохновенности). Та же самая высшая сила и непререкаемая властность, какъ печать небснаго посланничества, съ особенною напряженностью сказались въ тѣ священныя минуты, когда Спаситель выступилъ на защиту неприкосновенной святости дома Божія. Изъ смиреннаго и кротчайшаго сына Назаретскаго плотника

Христось вдругъ выросъ въ грознаго вѣщателя Божьей воли, въ полномочнаго представителя высшей, непререкаемой и несокрушимой власти. Иначе никакъ нельзя понять, почему цѣлая толпа торговцевъ такъ оробѣла передъ простымъ, нечиновнымъ и даже поднадзорнымъ и подозрительнымъ человѣкомъ,—оробѣла настолько, что никто не осмѣлился заикнуться хотя бы словомъ противоdѣйствія и протеста. Мало того. Евангельская передача разбираемаго событія оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ будто и само начальство, на глазахъ котораго—похоже—происходило это удивительно дерзкое (по суду людскому) вмѣшательство Спасителя въ священныя и неприкосновенныя права законной власти,—даже и это гордое и самоувѣренное начальство въ первое время какъ будто растерялось, было смущено, ошеломлено и не сразу пришло въ себя, не сразу потребовало отъ Спасителя отчета въ его поступкѣ.

Я намѣренно съ особой подробностью остановился на исторіи изгнанія торгующихъ изъ храма. Эта исторія особенно наглядно подтверждаетъ ту истину, что во многихъ случаяхъ жизни наши гнѣвъ и негодованіе не только не удаляютъ насъ отъ Бога, а—напротивъ—прямо облачаютъ насъ явными знаками высшей силы, знаками Божьего благословенія и покровительства. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ мы видимъ, что для нѣкоторыхъ случаевъ и явленій жизни, наши гнѣвъ и негодованіе освящены примѣромъ Самого Господа. Если Спаситель негодовалъ и гнѣвался, значить и отъ насъ требуется отвѣчать на нѣкоторыя явленія жизни горячимъ протестомъ и непримиримымъ негодованіемъ. Въ этомъ случаѣ мы только слѣдуемъ по стопамъ Господа; а подражаніе Господу—наипервѣйшая обязанность каждого христіанина, ибо Господь «святъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ» (Псл. 144. 13). Спаситель Самъ ставилъ Себя въ непремѣнный образецъ для подражанія. «Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали то же, что сдѣлалъ Я» (Іоан. XIII. 15).

Что же это такое *праведный гнѣвъ* самъ по себѣ, въ своей сущности и проявленіяхъ? Чѣмъ отличается гнѣвъ праведный и благородный отъ гнѣва предосудительнаго, грѣховнаго и богопротивнаго?

Одинъ крупный русскій писатель (Некрасовъ) сказалъ: «Кто живетъ *безъ печали и гнѣва*, тотъ *не любитъ* отчизны своей». Тѣмъ же писателемъ оставлено намъ и другое изреченіе, близкое по мысли къ первому: «то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть». Оба изреченія устанавливають самую крѣпкую связь и тѣснѣйшее родство между любовью и особаго рода ненавистью. Въ нашей жизни любовь и ненависть нерѣдко такъ сплетены между собою, такъ взаимно другъ друга поддерживаютъ, дополняютъ и обусловливаютъ, такъ неразрывны и неотдѣлимы другъ отъ друга, какъ неразрывны и немислимы другъ безъ друга лицевая и оборотная сторона медали. Гдѣ любовь къ добру, тамъ и ненависть, и отвращеніе ко злу. И наоборотъ. Сплошь и рядомъ въ суровыхъ, жесткихъ и негодующихъ нападкахъ на безобразныя явленія жизни бьется и трепещетъ горячо любящее, чуткое и благородное сердце. И наоборотъ: неподдѣльная любовь ко всему доброму и прекрасному неизбежно будетъ проявляться въ формѣ горячаго негодованія противъ всего, что душисть и калѣчить разумность и красоту нашей жизни. Кто искренно любитъ, наприм., свою родину, тотъ не можетъ не волноваться, не скорбѣть и не возмущаться при видѣ неприглядныхъ картинъ распада въ жизни родного народа. Надо быть безчувственнымъ или глубоко равнодушнымъ къ судьбамъ своей родной страны, чтобы не болѣть ея болями, не кипѣть отъ стыда и болѣзненной скорби за позоръ, бѣдствія и униженія своего отечества. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ скорбь и негодованіе человѣка являются силой вовсе не отрицательной, губительной, разрушительной или безразличной. Нѣтъ,—благородный и умѣстный гнѣвъ представляетъ собою крупную положительную силу; это начало

зигдущее, спасительное, движущее жизнь впередъ, въ сторону улучшенія и совершенства. Поэтому то для оздоровленія жизни необходимо всецѣрно заботиться о воспитаніи въ себѣ праведной ненависти, которая по существу своему ничто иное, какъ любовь и преклоненіе предъ всѣмъ истинно-великимъ и прекраснымъ. И если въ чело-вѣкѣ замерла способность болѣзненно чувствовать наглое поруганіе въ нашей жизни добра и правды, знайте, что чело-вѣкъ этотъ умеръ и для любви, и для благородства.

Такимъ образомъ, возмущеніе и негодование во многихъ случаяхъ говорятъ о высокомъ благородствѣ чело-вѣка, о его всецѣлой, всепоглощающей любви ко всему святому и прекрасному. Благородному чело-вѣку больно видѣть паденіе другого чело-вѣка на «дно жизни», искаженіе въ немъ образа Божія,—больно видѣть поруганіе въ жизни всего святого и праведнаго. Наглое торжество въ жизни всякаго зла, безобразія и неправды остро-рѣ-жущею болью отзывается въ сердцѣ истиннаго чело-вѣка. Не можетъ онъ равнодушно и спокойно перевозить тем-ныхъ и грязныхъ явленій жизни. Чело-вѣкъ, достойный своего званія, всегда носить въ душѣ своей «святое не-довольство» убожествомъ и уродствомъ жизни; онъ горитъ и истаеваетъ въ неумолчной тоскѣ по лучшей, ра-зумной и возвышенной жизни. Торжество въ жизни по-рока и нечестія воистину отравляетъ жизнь для людей возвышенныхъ, дѣлаетъ ее подчасъ невыносимой. «Возь-ми отъ меня душу мою, Господи... Возревновалъ я о Гос-подѣ Богѣ Вседержителѣ: ибо сыны Израилевы оставили За-вѣтъ Твой, разрушили Твой жертвенники и пророковъ Твоихъ убили мечемъ». Такъ томился и горько жаловался Богу величайшій въ древности Боголюбецъ—пророкъ Ілія (3 царствъ ІХХ. 10).

«Вижу отступниковъ и сокрушаюсь, ибо они не хра-нить слова Твоего»—горестно взываетъ Богоотецъ Да-видъ (Псал. 118. 158). «Ревность по домѣ твоёмъ снѣдаетъ Меня, и злословія злословящихъ Тебя падаютъ на Меня»—

устами того же псалмопѣвца говорить о Себѣ Христось (Псл. 68. 10). Въ сильнѣйшемъ негодованіи на возмутительное богоотступничество Еврейскаго народа при горѣ Синаѣ Моисей разбилъ даже данныя ему непосредственно изъ рувъ Божіихъ скрижали завѣта (Исх. 32. 19). Ничто иное, какъ только пламенная любовь къ добру и желаніе вразумить и спасти грѣшника заставляютъ добраго пастыря возвышать свой голосъ противъ открытаго богохульства, вопіющаго беззаконія и отталкивающаго надругательства надъ святыней,—пртивъ всего, что позорить и уродуетъ жизнь человѣка. Не изъ ненависти и зложелательства, а изъ благожелательной любви къ сыну разумный отецъ преслѣдуетъ и караетъ его проступки. Слово Божіе учитъ насъ смотрѣть и на тѣ бѣдствія и удары судьбы, которые посылаются намъ отъ Бога, какъ на проявленія и доказательства Господней милости, отеческой заботливости и любви Его къ намъ. «Кого любитъ Господь, того и наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами *какъ съ сынами*; ибо есть-ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ?» (Евр. 18. 6—7). Чѣмъ, какъ не любовью къ народу и справедливымъ негодованіемъ на неистовыя звѣрства Іоанна Грознаго, былъ подвигнутъ св. Филиппъ Московскій на дерзновенно-смѣлое и крайне-опасное для себя самого обличеніе грознаго царя предъ всѣми молящимися за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ?

Истинная любовь къ Богу и пламенная ревность къ славѣ Божіей, т.-е. настойчивое исканіе и неотступное стремленіе къ добру и правдѣ, исключаютъ всякое чело-вѣкоугодничество, пролазничество, подлаживаніе, потворство и поблажку низкимъ вожделѣніямъ нечестивцевъ. «Если бы я угождалъ чело-вѣкамъ, я бы не былъ Христовымъ рабомъ»,—говоритъ Апостоль (Гал. 1. 10).

Истинный христіанинъ не долженъ останавливаться и смущаться, когда слова его и поступки причиняютъ дру-

гимъ даже скорбь и огорченіе. Что дѣлать врачу, когда для спасенія больного приходится давать ему отвратительно-горькое лѣкарство или даже подвергать его мучительному вырѣзыванію гнилой и отравленной части тѣла? Поэтому то Апостоль Христовъ и пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «если я опечалилъ васъ посланіемъ — не жалѣю» (2 Кор. VII. 8).

«Вы (говоритъ Златоустъ въ бесѣдѣ на посланіе къ Ефес.) боитесь упрекнуть, ударить словомъ. Почему? Потому что боитесь навлечь на себя ненависть людей? Но это малодушіе».

Въ томъ непремѣнный и святой долгъ каждаго изъ насъ передъ Богомъ и жизнью, чтобы честно скорбѣть, волноваться, мучиться, *негодовать, иньваться, горячиться* и кипѣть въ пламенной ревности по славѣ Божіей. «Добро, еже ревновати всегда о добромъ» (Гал. IV. 18).

XXVIII.

Вся наша жизнь должна представлять одно непрерывное богослуженіе.

Приходилось наблюдать, какъ иной человекъ при выходѣ изъ храма, набожно крестясь, изъ глубины довольной души приговариваетъ: «слава Тебѣ, Господи!.. Для праздничка Господня удалось побывать въ церкви Божіей, помолиться вмѣстѣ съ другими... Теперь служба кончилась. Можно и отдохнуть»...

Служба кончилась... Такъ ли это, христіане? Можетъ ли когда-нибудь кончиться наша служба по отношенію къ Богу? Можетъ ли быть такое время, когда мы свободны отъ обязанностей богослуженія, — когда намъ позволительно выкинуть изъ головы память о своемъ Владыкѣ и своихъ къ Нему обязанностяхъ? Къ сожалѣнію, очень многіе изъ насъ только тѣмъ и ограничиваютъ свое служеніе Богу, что въ праздничный день сходятъ въ церковь, зажгутъ дома лампадку, въ свое время поговѣютъ на-

ружно. И только. За порогомъ храма у такихъ наружно-набожныхъ людей очень мало слѣдовъ ихъ приверженности къ храму Божию. Глядя на дѣйствительную будничную жизнь такихъ людей, мы вмѣемъ полное, хотя и грустное, право сказать, что по выходѣ изъ храма служба Богу со стороны такихъ людей дѣйствительно *кончилась*.

А между тѣмъ истинное служеніе Богу должно проходить черезъ всю нашу земную жизнь, стягивая къ себѣ всѣ силы нашего духа и тѣла. Истинное служеніе Богу—въ честной, старательной работѣ, въ праведныхъ трудахъ на пользу ближнихъ. Честная наша работа, стараніе принести какъ можно больше пользы людямъ, сдѣлать при жизни больше добраго—это та же молитва или необходимое дополненіе къ ней. Въ церкви только полагается начало этому истинному и дѣйствительному богослуженію. Тамъ стараются разогрѣть и ободрить духъ нашъ напоминаніемъ божественныхъ правилъ жизни, воспоминаніемъ о великихъ трудахъ и страданіяхъ Спасителя и Его угодниковъ, стараются воодушевить насъ, поднять и укрѣпить наши силы для честныхъ трудовъ жизни. И вотъ, стоя въ храмѣ, ты и запасайся рѣшимостью до конца жизни нести безропотно и добро крестъ свой, стойко бороться по мѣрѣ силъ со зломъ и неправдою жизни, неослабно трудиться на пользу ближнихъ, — и потомъ, выходя изъ храма, тщательно береги тотъ божественный огонекъ, тѣ добрыя чувства и святое настроеніе, какія старались затеплить въ тебѣ черезъ церковное богослуженіе.

При этомъ не думайте, что для угожденія Богу нужны непременно какія-нибудь большія дѣла, великіе подвиги и страданія. Вовсе нѣтъ. Каждому изъ насъ дается дѣло по силамъ его. Самое маленькое дѣло, если ты къ другому неспособенъ и если оно полезно и справляется тобою усердно и по совѣсти, будетъ для тебя спасительно, будетъ твоимъ служеніемъ Господу. Строго говоря, *маленькихъ* дѣлъ нѣтъ. Прекрасно изъясняетъ эту мысль одинъ проповѣдникъ. Онъ приводитъ разговоръ между Богомъ и

разными Его угодниками, служившими Богу самыми разнообразными средствами и способами. «Что у тебя въ рукѣ, Авель?»—Ягненокъ изъ стада. Я приношу его Тебѣ, Господи.—«Что у тебя въ рукѣ, Моисей?»—Посохъ, какимъ я пасу стада. — «Отдай его на службу Мнѣ, Моисей». «Что у тебя, Марія?» — Муро, которое я хочу принести Тебѣ, Господи. — «Что ты держишь въ рукѣ, Тавивеа?»—Иглу, Господи. — «Работай ею для Меня» (*Воскресный Благословствъ* за 1909 годъ № 3).

Ясно, стало быть, что Господь не гнушается никакимъ нашимъ честнымъ и полезнымъ занятіемъ, — что въ глазахъ Его почтенна всякая нужная работа, и что—слѣдовательно—никакое мѣсто, никакое положеніе и званіе не могутъ помѣшать человѣку стать при желаніи истиннымъ служителемъ Божиимъ. Чтобы угодить Богу, нужно только одно: дѣлай то, что можешь, но дѣлай честно, любовно, во славу Божию, т. е. служи по мѣрѣ силъ на помощь и пользу ближнихъ. Въ этомъ и будетъ твое истинное служеніе Господу.

Даже такое, казалось бы, самое обыденное и далекое отъ служенія Богу дѣло, какъ ѣда и питье, освящены Богомъ. Апостоль пишетъ: «ѣдите ли вы, или пьете, или иное что дѣлаете—все дѣлайте во славу Божию». Только бы ѣда и питье наши не обращались въ обжорство, въ прихотливое излишество, въ пресыщеніе, въ неумѣренное, ненужное и расслабляющее услажденіе своего чрева изысканными и дорогими яствами и питіями, въ страсть своего рода. Своевременное и умѣренное принятіе пищи и питія не только законно, но и прямо составляетъ нашу священнѣйшую обязанность, святой долгъ передъ жизнью и Богомъ, входя въ составъ нашего житейскаго богослуженія не само по себѣ, конечно, а какъ необходимое средство для возстановленія нашихъ силъ, необходимыхъ для Божьей работы. Уморить себя голодомъ безъ нужды значить совершить тягчайшее изъ преступленій — самоубійство, чрезъ которое человѣкъ самовольно и дерзко отказывается отъ продолженія Божьей работы.

А какія великія, поистинѣ святыя обязанности налагають на насъ христіанское устроеніе семьи своей! По христіанскому воззрѣнію, каждая христіанская семья должна представлять изъ себя маленькую церковь. Въ семьѣ мужъ и жена соединены между собою во образъ союза Христа съ церковью для взаимной помощи и для христіанскаго рожденія и воспитанія дѣтей. Христіанское воспитаніе дѣтей, приготовленіе изъ нихъ Божьихъ работниковъ, новыхъ слугъ Христовыхъ,—въ этомъ и состоитъ богослуженіе, совершаемое въ маленькой семейной церкви. Въ этой маленькой церкви глава семьи представляетъ собою пастыря и наставника, обязаннаго руководить младшихъ членовъ семьи по пути доброй христіанской жизни, наставлять ихъ въ правилахъ вѣры и благочестія. Жена и другіе взрослые члены семьи — его помощники. Подростки и дѣти—та паства, о которой старшіе должны заботиться въ томъ же духѣ и направленіи, въ какихъ призваны работать пастыри церковные по отношенію къ своей духовной паствѣ. Внести въ семью христіанскую настроенность, внести миръ, согласіе, благожелательность, ласковость, христіанскую радость жизни,—словомъ и примѣромъ являть дѣтямъ красоту Божьей жизни и звать ихъ къ Божьему дѣлу, т. е. вырастить изъ нихъ честныхъ и полезныхъ въ жизни работниковъ—вотъ высокая, святая задача родителей! вотъ истинное ихъ богослуженіе въ маленькой домашней церкви-семьѣ!

Словомъ, только не живи бездѣльникомъ, не живи плутнями и неправдою, а живи честнымъ и старательнымъ трудомъ, свято исполняй свои, хотя бы и скромныя обязанности,—и ты явишься истиннымъ служителемъ Божиимъ и въ свое время услышишь обращенный къ тебѣ сладостный голосъ Господа: «добрый рабъ и вѣрный! въ маломъ былъ ты вѣренъ, — надъ многими тебя поставлю: войди въ радость Господа твоего» (Мѡ. XXV, 22). Только не смущайся малостью своихъ силъ и способностей. Только бы вложено было въ твое дѣло отзывчивое доброе сердце;

только бы всё твои силы — всё безъ остатка — ушли на честную и полезную работу. Тогда самое крохотное дѣло станетъ великимъ и тебя поистинѣ возвеличить въ глазахъ Божіихъ. «Она сдѣлала, что могла». Такъ подчеркиваетъ Спаситель высоту жертвы, принесенной Ему евангельской Маріей (Мрк. XIV, 8). А между тѣмъ Марія всего то только и сдѣлала, что принесла Господу кувшинъ дорогого масла. Кувшинъ масла, хотя бы и дорогого, казалось бы не такая ужъ высокая жертва, чтобы ставить ее на видъ и вѣчное поученіе всѣмъ людямъ, какъ сдѣлалъ это Спаситель въ словахъ: «истинно говорю вамъ, что во всемъ мірѣ, гдѣ только будетъ проповѣдано это Евангеліе, сказано будетъ и о дѣлѣ этой (жены) въ память ея» (Мрк. XIV, 8). Дѣло въ томъ, что Марія отдала Господу все, что имѣла. «Она сдѣлала, что могла». У Господа не забудется и стаканъ воды, поданный отъ добраго, сострадательнаго сердца утомленному жаждущему путнику (Мѣ. XI, 42). Если бы каждый вносилъ въ жизнь хоть крупицу любви и полезной работы, если бы каждый помнилъ, что истинное и спасительное богослуженіе состоитъ прежде всего въ исполненіи имъ воли Божіей *на своемъ мѣстѣ и въ мѣру своихъ силъ и способностей*, — на землѣ водворилось бы царство Божіе.

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Дверемъ заключеннымъ» вошелъ Господь къ ученикамъ. Такъ, Господи, если даже мои двери сердца найдешь заключенными для Тебя, приди ко мнѣ, проникни туда внутрь и реки Твой благодатный миръ!

* * *

Господь дается намъ за трудъ, за исканіе, за усиліе къ полученію Его. Тогда только Онъ и чувствуется, какъ истинно цѣнное и дорогое сокровище для насъ.

* * *

Справедливо, что Господь не дается намъ безъ труда, иначе мы и не цѣнили бы такъ Его пришествіе, сладость и драгоцѣнность для насъ.

* * *

О, Господи! Не скажу: *почто Ты оставилъ меня?* Но: *почто я заслужилъ* этого оставленія, почто я не смогъ удержать Тебя? Почто мы такъ несчастны, что приобретаемъ Тебя лишь для того, чтобы терять и терять Тебя нашею неустойчивостію, нетвердостію, постоянными ослабленіями, замѣнами и неблагодарностію?!

* * *

Если внимательнѣе вникнуть во многія наши тяготы земныя и скорби, увидимъ, какъ часто онѣ являются

вполнѣ заслуженною нами расплатою за наши собственные ошибки и ту тяготу, виновниками какой мы бывали сами для другихъ. Несчастныя, непослушныя и злонавычныя дѣти какъ часто бывають у тѣхъ, которые были сами грубы и непочтительны къ своимъ родителямъ. Злыя невѣстки, снохи, золовки, свекрови, тещи—тоже какъ часто являются у Господа орудіями вразумленія, за соотвѣтственные грѣхи семейной жизни страждущихъ лицъ въ прежнее время. Это я провѣрилъ на опытѣ многихъ лицъ.

* * *

Для чего носили подвижники на тѣлѣ своемъ вериги? Чтобы они чаще, всегда напоминали имъ грѣхи, которые какъ бремя тяжкое отяготѣли на насъ,—напоминали еще что мы—преступники Божіихъ заповѣдей, достойные закованія въ кандалы и узы адскія,—напоминали бы еще и Господа, несшаго за насъ Крестъ и падавшаго подъ его тяжестію.

* * *

Одного взора мольбы и горячей надежды достаточно, чтобы Господь понялъ насъ, услышалъ и привелъ въ сладкій трепетъ отвѣтнаго общенія съ Собою душу нашу. Чаще старайся достигать такого чувства въ молитвѣ и не проходи мимо Господа безъ вниманія, когда Онъ посѣщаетъ душу твою умиленіемъ и трепетомъ сердечнымъ.

* * *

Жизнь многихъ людей подобна деревьямъ, съѣденнымъ червями и представляющимъ голые желтые скелеты. И *есть* жизнь, и *нѣтъ* ея въ этихъ деревьяхъ. Сверху все оголено, обтянуто паутиною, помертвѣло, уныло, но—внутри еще есть жизнь, которая опять пробудится при благоприятныхъ условіяхъ.

Есть и такіе люди, жизнь которыхъ подобна деревьямъ, покрытымъ роскошной листвою и даже цвѣтами и плодами,

но за всѣмъ этимъ внутри они уже обречены на уничтоженіе, ибо подвержены разрушительной работѣ внутренняго, незамѣтнаго еще снаружи, глѣна и червей. Неожиданно такое дерево быстро начинаетъ хирѣть и сохнетъ. Такъ и насъ можетъ подтачивать тотъ или другой закоренѣлый грѣхъ, разрушая и душу и тѣло своимъ незамѣтнымъ ядомъ и глѣніемъ.

* * *

Господи! Какъ намъ больно и жалко смотрѣть на деревья, извѣденныя безобразными червями, такъ безъ сомнѣнія Тебѣ жалко и больно смотрѣть на насъ, источенныхъ грѣхомъ, лишенныхъ одѣянія, мертвыхъ въ самой жизни. Но мы не можемъ помочь деревьямъ, а Ты—можешь помочь намъ, Милосердый! Помоги же намъ, милосердовавъ о насъ!

* * *

Господи! Не даютъ намъ побыть съ Тобою ни минуты безчисленные и постоянные безпокойные визитеры—грѣхи и немощи наши, суетныя дѣла и попеченія наши. Не даютъ намъ ни минутки побыть наединѣ съ Тобою, поплакать у ногъ Твоихъ, порыдать на груди Твоей, вылить предъ Тобою всю нашу тяготу сердечную, всю боль душевную.

* * *

Царице Небесная! При полной моей безпомощности, при полной безотвѣтственности, при осужденности и окаянствѣ, на Тебѣ упокоивается взоръ грѣшника. Ты не отвергаешь всѣми презрѣнныхъ и отверженныхъ. Ты изъ самаго дна адава сильна воздвигнуть погибшаго. Спаси, Владычице, Матернею Твоею мольбою и меня окаяннаго! Какъ Мать Сына Твоего и Судии моего, преклони Его на милость ко мнѣ! Какъ Мать моя Благодатная, преклонись Сама на помощь мнѣ и помилованіе мое!

* * *

«Иди и ты днесь дѣлай въ виноградъ моему»... Сей голосъ слышалъ и я отъ Вертоградаря Небеснаго, ставшаго нѣкогда у сердца моего. И я пошелъ въ Его вертоградъ. Работаю... Но—о, какъ неисправна, нерадива и убога моя работа! Не больше ли я порчу Его виноградъ, нежели воздѣлываю? И какъ представу предъ Лице Небеснаго Хозяина въ часъ расплаты? Господи! Укажи, помоги мнѣ Самъ въ трудѣ моемъ, ибо видишь—не хотѣлъ бы я вредить дѣлу рукъ Твоихъ, не хотѣлъ бы быть бесполезнымъ дѣлательемъ, самъ знаю мою немощь, неумѣніе, неугодность, ненезвѣстныя и Тебѣ, когда Ты звалъ меня въ дѣлатели вертограда Твоего. Самъ обличаю себя въ нихъ, прося Твоей помощи.

* * *

Представляй Господа въ словѣ Его бесѣдующимъ съ душею *Твоею*. Онъ для *тебя*, и ты—для Него. Онъ для тебя, какъ и для всѣхъ. Ты не обойденъ вниманіемъ Его, любовію и самопожертвованіемъ. И за тебя положилъ Онъ душу Свою. Грѣхи *твои*, какъ и грѣхи остальнаго міра, пригвождены Имъ ко Кресту, разодраны вмѣстѣ съ завѣсою церковною, омыты Его Кровію, заглажены Его смертельнымъ вздохомъ. Въ каждомъ моментѣ и подробности Его страшныхъ страданій можешь увидѣть и свое искупленіе и примиреніе съ небеснымъ Отцемъ. Сдѣлавъ все это для тебя, и съ тебя Онъ нѣкогда спроситъ: что же сдѣлалъ ты для Него, въ отвѣтъ на такое Его человеколюбіе и благодать?...

* * *

Владычице моя Богородице! Какъ Ты необходима мнѣ! Какъ Ты дорога сердцу моему грѣшному! Какъ отраднo подумать о Тебѣ, помолиться Тебѣ, представить Тебя, взглянуть на Твой свѣтлый, чистый, дѣвственно-прекрасный ликъ, полный Божественно-нѣжной благодати къ намъ, которая въ Твоемъ женственно-ласковомъ, матерински-участливомъ ликѣ выступаетъ еще прекраснѣе, еще величественнѣе и

трогательнѣе. О, Господь создалъ и даровалъ намъ Тебя, какъ совершеннѣйшее впечатлѣніе Своей невыразимой благодати, какъ понятнѣйшее и доступнѣйшее человѣческому представленію воплощеніе Своего человѣколюбія и милосердія!

* * *

Однимъ человѣкомъ—Адамомъ—вошелъ въ міръ и воцарился грѣхъ. Чтѣ же страннаго, что однимъ же—Богочеловѣкомъ Христомъ Спасителемъ—вошло въ міръ и воскресеніе и избавленіе наше отъ грѣха и смерти! Правда, отъ Адама мы всѣ воспріяли плоть и вмѣстѣ съ нею проклятіе грѣха. Но вѣдь и отъ Христа, приснотекущаго источника ребра Спасова, мы приедемъ новое сыновство, духовное зачатіе и благодатное рожденіе и питаніе въ жизнь новую, небесную, Христову, а не Адамову.

* * *

Господь Сына Своего Единственнаго не пощадилъ для нашего спасенія. Но это - то самое и послужитъ намъ къ тѣмъ большому осужденію на будущемъ судѣ, если не воспользуемся какъ должно Его безпредѣльною любовію. Тогда Онъ взыщетъ съ неблагодарно отнесшихся къ Его жертвѣ по всей цѣнности сей жертвы, взыщетъ тогда за смерть Сына, какъ Его любящій Отецъ, тѣмъ строже, чѣмъ Онъ для Него дороже и чѣмъ сильнѣе Онъ Его любить.

* * *

Ядъ и гибель для святости—человѣческая слава, даже когда ею не уязвляются, когда ея не желаютъ, но и не отстраняютъ. А то у насъ чаще бываетъ—на грошъ святости, а на миллионъ славы и похвальбы.

* * *

Дивны чудеса силы Божіей въ рожденіи Предтечи: зачатіе въ *неплодствѣ*, предупредившее не менѣ славное чудо—зачатіе *безъ мужа*. Рожденіе *въ старости*—въ предвѣстіе родительницы *въ дѣвствѣ*. Молчаніе отца—въ знаменіе нѣмоты всего человѣчества предъ великими Божіими тайнами и тишины, въ какой все человѣчество должно внимать пришедшему «Гласу» Слова Божія.

* * *

Какой глубокой смыслъ въ рожденіи отъ неплодной матери великаго Предтечи: *«подобаше бо Божественныхъ вещей преславныхъ быти началомъ: кромъ возраста исчадіе и безъ сѣмене зачатіе. Творяй чудеса во спасеніе наше, Господи, слава Тебѣ!...»* Такъ Господь постепенно подготовилъ человѣчество къ срѣтенію славной тайны Своего воплощенія. Дивна она, но возможность ея вполне достаточно доказывается предшествующими ей чудесами и знаменіями.

* * *

Правъ тотъ будетъ у Бога поистинѣ, кто не будетъ оправдываться предъ Нимъ, указывая на свои достоинства и дѣла, а смиренно обвинить себя во всемъ и искренно покажетъ, что если его и спасаетъ, то единственно лишь милующая благодѣнь Божія.

* * *

«Кая темница не имѣ тебе юзника?...» поетъ объ апостолѣ Павлѣ св. Церковь (канонъ). Если бы нынѣ нашелся такой человѣкъ, то несомнѣнно онъ удостоился бы такой участи за разбой, за мятежи, насилія и всякія преступленія. О, какъ блаженъ ты, Павелъ, что участію разбойниковъ и изверговъ человѣчества запечатлѣлъ Христова ученіе, потерпѣвъ неизмѣримо болѣе самыхъ страшныхъ преступниковъ и злодѣевъ за свое святое, благодѣтельное для человѣчества и великое дѣло!

* * *

Апостолы—уста Христовы, сила Христова, мудрость и любовь Христова. *«Слушайъ васъ, Мене слушаетъ»*—до такой степени Христосъ живо и полно отображается во всемъ обликѣ Апостоловъ, во всѣхъ ихъ словахъ и дѣлахъ, что поистинѣ уже не они жили, а жилъ въ нихъ Христосъ, и на нихъ поглядѣть и послушать—подобно было, что поглядѣть и послушать Христа.

* * *

Илія, когда ждалъ Господа, замѣтилъ, что пронеслась буря, и—не было явленія. Послѣ бури трусъ, и—не въ трусъ Господь. И по трусѣ огонь, и—не во огнѣ Господь. *И по огни гласъ хлада тонка, и—тамо Господь!* Это то же, что и Господне: *«егда молишися, вниди въ клятвѣ твою и затвори двери твоя»*... то-есть: отрѣшися отъ всякаго житейскаго попеченія, суеты и шума. Такъ и мы, въ ожиданіи благодати Св. Духа, отрѣшимся отъ всякой суеты, замремъ сердцами нашими въ благоговѣйной тишинѣ, и несомнѣнно тогда услышимъ и унесемъ въ душахъ нашихъ *«гласъ хлада тонка»*—благодать Господню.

А. I.

Геооргієвичъ Луанъ
Генералъ.

Протоіерей Іоаннъ Дмитріевичъ Петропавловскій ¹⁾.

(Опытъ характеристики жизни, дѣятельности и личности покойнаго о. протоіеря).

III (А.).

Іоаннъ Дмитріевичъ—пастырь.

Іоаннъ Д-чъ, по поступленіи въ Москву, не сразу покинулъ профессорскую кафедру и на первыхъ порахъ ѣздилъ изъ Москвы въ Академію для чтенія лекцій, но это продолжалось всего только около года. Слабость здоровья взяла свое, и Іоаннъ Д-чъ принужденъ былъ навсегда оставить профессорскую дѣятельность. Тогда онъ всей душой отдался другой—болѣе соотвѣтствовавшей его здоровью—пастырской дѣятельности. Священническое служеніе Іоанна Д-ча проходило въ 3-хъ церквахъ: св. Георгія, на Красной горкѣ (съ 6 апр. 1878 г.); въ Успенской, на Вржкѣ, въ Газетномъ пер. (съ 31 окт. 1878 г.) и въ Спасской, на Пескахъ, въ Каретномъ ряду (съ 1892 г.—16 окт. 1907 г.). Основной чертой пастырскаго служенія Іоанна Д-ча было назиданіе своей паствы словомъ, матеріальная помощь нуждающимся пасомымъ и церковное благолѣпіе. Что касается послѣдняго, то достаточно было войти въ церковь, гдѣ онъ служилъ, чтобы тотчасъ же притти въ священный восторгъ отъ чистоты и опрятности, наблюдаемыхъ въ храмѣ. Какъ извѣстно, церковное благолѣпіе — одно изъ сильныхъ средствъ въ дѣлѣ поднятія

¹⁾ Продолженіе. См. майскую вн. *Душеполезное Чтеніе* 1909 г.

религіознаго настроенія молящихся, и, несомнѣнно, въ сознаніи этого—Іоаннъ Д-чъ не жалѣлъ денегъ на поддержаніе благолѣпія. Относительно назиданія паствы словомъ про Іоанна Д-ча можно прямо сказать, что онъ свято исполнилъ апостольскую заповѣдь: «проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ» (2 Тим. IV, 2). Мы не знаемъ, едва ли проходилъ хоть одинъ праздничный день безъ проповѣди І. Д-ча, исключая развѣ только дней болѣзни его. Старѣйшій сослуживецъ І. Д-ча по Спасской церкви свящ. Н. П. Соколовъ рассказывалъ намъ про любовь о. протоіерея къ проповѣдничеству слѣдующее. «Принесеть, бывало, І. Д-чъ съ собой какую-нибудь книжку проповѣдей и, заявивши, что скажетъ небольшую проповѣдь, выйдетъ въ свое время для произнесенія. И вотъ, во время произнесенія настолько увлечется, что изъ маленькой вырастаетъ у него очень и очень большая». Про отзывчивость І. Д-ча своимъ словомъ на всякое болѣе или менѣе выдающееся событіе нашей жизни можно составить себѣ представленіе по слѣдующему письму его къ брату П. Д-чу. Это письмо важно и съ другой стороны, какъ характеризующее основной принципъ, какого держался онъ въ дѣлѣ проповѣдничества. «Ты слышалъ уже, вѣроятно,—читаемъ въ этомъ письмѣ—о смерти моего товарища, наставника Московской семинаріи Д. П. Боголѣпова. Неожиданно для меня самого мнѣ пришлось сказать слово о немъ: не оказалось никого, приготовившаго слово для заупокойной литургіи. Жалко и досадно было проводить человѣка въ могилу безъ напутственнаго слова и кого же? Того, кто добрую половину своихъ трудовъ литературныхъ посвятилъ или прямо на пользу нашего брата—духовенства, или за духовенство предъ обществомъ. Я врагъ хвалебныхъ словъ кому бы то ни было, и потому мнѣ всегда претило, когда приходилось слышать или читать надгробные панегирики священникамъ или старостамъ—людямъ или съ безцвѣтною нравствен-

ною фізіономіей, или даже положительно сомнительнымъ по своимъ нравственнымъ дѣяніямъ. Боголѣповъ былъ не такого типа человѣкъ. И я, въ первый разъ сказавшій хвалебную рѣчь человѣку въ храмъ Божиємъ, думаю, не унижилъ мѣста и не измѣнилъ своему принципу — гнушаться лести и лицемѣрія» (письмо отъ 26 окт. 1880 г.). Конечно, не мнѣ — родственнику входить въ оцѣнку проповѣдническаго таланта Іоанна Д-ча. Думаю, однако, что не погрѣшу, если скажу, что его проповѣди не были однимъ наборомъ словъ, а всегда были дѣйственны, такъ какъ имѣли приложеніе къ текущимъ событіямъ жизни.

Едва ли нужно говорить во всѣхъ подробностяхъ о другихъ сторонахъ пастырской дѣятельности Іоанна Д-ча, — о его отзывчивости на чужое горе, о дѣлѣ приходской благотворительности: слѣды его любящаго сердца и сейчасъ налицо въ видѣ церковной богадѣльни и церковнаго попечительства, открытыхъ при немъ, которыя и были предметомъ его заботъ до самой смерти. Даже лежа на смертномъ одрѣ, онъ удостовѣрялъ свою подпись на духовномъ завѣщаніи одной своей духовной дочери, которая предъ своей смертью, по его предложенію, пожертвовала въ Спасское Церковно-приходское попечительство всѣ свои брилліантовые вещи, цѣною на девять съ половиною тысячъ рублей. Въ дни общественныхъ несчастій Іоаннъ Д-чъ произносилъ самыя горячія прочувственныя проповѣди съ призывомъ къ сочувствію. Въ результатъ такихъ проповѣдей была обширныхъ размѣровъ помощь несчастнымъ собратьямъ.

Да не осудятъ меня читатели за эту слишкомъ краткую характеристику плодотворнаго священническаго служенія Іоанна Д-ча. Причины этого понятны: я боюсь быть заподозрѣннымъ въ родственномъ пристрастіи къ Іоанну Д-чу. Вотъ почему спѣшу покончить съ развитіемъ собственныхъ мыслей и сошлюсь лучше на то, что было сказано по этому вопросу самими пасомыми его въ 25-ти - лѣтній юбилей священническаго служенія Іоанна

Д-ча. Вотъ, что именно слышали мы въ рѣчи представителя прихода Спасской въ Каретномъ ряду церкви А. Б. Симонова: «Ваше Высокопреподобіе, Іоаннъ Дмитріевичъ! Высокія качества ваши какъ проповѣдника, духовника и добраго отзывчиваго человѣка заставили уважать и любить васъ. До сихъ поръ мы, прихожане здѣшней церкви, не имѣли случая вамъ это высказать. Теперь же, пользуясь исполненнымъ 25-лѣтіемъ вашего священства, мы рѣшили, испросивъ разрѣшеніе Его Высокопреосвященства Митрополита, поднести вамъ наперсный крестъ, при желаніи вамъ священства еще на долгіе годы. Просимъ принять его на добрую отъ насъ память».

III (Б).

Іоаннъ Дмитріевичъ—педагогъ.

Еще Господь Іисусъ Христосъ въ Св. Евангеліи сказалъ: «Не можетъ градъ укрытиса, верху горы стоя» (Мѡ. 5, 14). Эти слова исполнились и на дѣятельности Іоанна Дмитріевича. На ученаго московскаго пастыря—проповѣдника очень скоро стали обращать вниманіе въ обществѣ, и онъ получаетъ приглашенія въ разныя учебныя заведенія въ качествѣ законоучителя. І. Д-чъ давалъ уроки Закона Божія: въ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія, въ реальномъ училищѣ г. Хайновскаго, въ 3-ей женской гимназіи, въ учительской семинаріи г-жи Чепелевской, въ гимназіи г. Калайдовичъ. Вотъ, что между прочимъ рассказывалъ онъ мнѣ о его опредѣленіи въ 3-ю женскую гимназію. «Когда я служилъ въ Успенской, въ Газетномъ, церкви, сюда къ службѣ хаживалъ начальникъ женскихъ гимназій, Н. П. Шрамченко (покойный). Этому послѣднему нравились мои проповѣди, и когда освободились уроки Закона Божія въ 3-й женской гимназіи, онъ и предложилъ ихъ мнѣ». Это было въ 1889 году. Повидимому, Н. П. Шрамченко не ошибся въ выбо-

рѣ законоучителя, такъ какъ всего черезъ 3 года послѣ опредѣленія І. Д-ча въ законоучители, Всемилостивѣйшимъ изволеніемъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны онъ былъ награжденъ за свои труды одновременно денежною выдачею въ 150 р. Это обстоятельство ясно показываетъ, насколько умѣло и плодотворно велъ дѣло обученія юношества покойный о. протоіерей. Это, впрочемъ, не единственный показатель искусства преподаванія І. Д-чемъ Закона Божія. Мы скажемъ безъ преувеличенія, что едва ли не все почти замоскворѣчье хорошо знакомо съ методомъ преподаванія Закона Божія въ 3-й женской гимназіи І. Д-чемъ. Мнѣ лично не разъ приходилось слышать отъ бывшихъ ученицъ І. Д-ча про то, какъ интересны были его уроки Зак. Божія. Дѣло въ томъ, что онъ отнюдь не ограничивался сухимъ выполненіемъ программы, а всегда оживлялъ и разнообразилъ ее живыми бесѣдами о самыхъ обыденныхъ предметахъ, стараясь воспитать въ ученицахъ при помощи простѣйшихъ примѣровъ, возвышенные и благородные взгляды, съ которыми такъ важно выступить нашему юношеству въ жизнь. Вотъ почему уроки І. Д-ча иногда затягивались на послѣурочное время, чтобы досказать то, о чемъ началась рѣчь въ концѣ урока. Нерѣдкое также явленіе—было видѣть и въ промежутки между уроками І. Д-ча, окруженнаго ученицами, осаждающими его всевозможными вопросами.

Мы очень счастливы, что эту общую характеристику законоучительской дѣятельности І. Д-ча можемъ дополнить отзывами объ этомъ его бывшихъ воспитанницъ (теперь уже самихъ работающихъ на педагогическомъ поприщѣ), любезно присланными этими послѣдними по нашей просьбѣ. Какъ мы того и ожидали еще до полученія этихъ отзывовъ, они въ общемъ во многомъ сходятся, а именно: въ единогласномъ свидѣтельствѣ о большой любви къ І. Д-чу его воспитанницъ, о прекрасномъ умѣломъ веденіи имъ своего дѣла, о сердечности и доступности его всѣмъ

и т. п. Но при всемъ сходствѣ по существу, эти отзывы дополняютъ одинъ другой очень важными деталями, благодаря чему можно довольно полно возстановить всю картину веденія дѣла преподаванія І. Д-чемъ Закона Божія. Въ виду этого да не посѣтуютъ на меня читатели настоящаго очерка за то, что я намѣреваюсь использовать собранное мнѣ по данному вопросу со всею полнотою. Вотъ, напр., предъ нами письмо одной воспитанницы І. Д-ча по учительской семинаріи г-жи Чепелевской, племянницы покойнаго, Т. А. Петропавловской, состоящей въ настоящее время преподавательницей въ одной земской школѣ. Письмо это, при всей краткости отзыва, довольно широко обнимаетъ собой всю сложную дѣятельность І. Д-ча, характеризуя чувства сильной любви и почтенія къ нему со стороны его воспитанницъ, равно какъ и его отношенія къ нимъ, самый способъ веденія дѣла преподаванія Закона Божія, тонъ, какимъ велось дѣло, впечатлѣніе отъ уроковъ и, наконецъ,—общее впечатлѣніе отъ личности І. Д-ча на ученицъ. «Мнѣ очень жаль,—пишетъ Т. А.,—что я не сумѣю передать того, что слѣдовало бы про дорогаго учителя—дядю. Всѣ воспитанницы уважали и любили своего законоучителя. У дяди такъ много было работы, въ семинарію ему ѣздить было такъ далеко, и мы всѣ очень боялись, что онъ оставитъ семинарію. Всѣмъ было жаль разстаться съ такимъ прекраснымъ учителемъ. Во время уроковъ онъ не раздражался. Слабыхъ ученицъ старался ободрить, и не было такихъ ученицъ по Закону Божію, которыя бы не отвѣчали совсѣмъ урока. Когда ученицы къ нему обращались съ вопросами, онъ охотно старался разъяснить. Любили мы слушать, какъ онъ рассказывалъ и объяснялъ задаваемый урокъ. Онъ для ясности приводилъ много примѣровъ. За классомъ дядя былъ оживленный и веселый, а потому часъ его урока проходилъ незамѣтно. Ни у кого не было послѣ этого урока чувства обиды на преподавателя, потому что онъ ко всѣмъ былъ справедливъ и ко всѣмъ сердечно

относился. Одна моя однокурсница, съ которой мнѣ и теперь приходится встрѣчаться, говорить: «Одинъ былъ у насъ прекрасный преподаватель и человекъ—это батюшка».

Столь же всестороннюю характеристику дѣятельности І. Д-ча, какъ законоучителя, находимъ мы въ письмѣ бывшей воспитанницы І. Д-ча по 3-ей женской гимназіи, а потомъ и сослуживицы его въ качествѣ классной надзирательницы той же гимназіи, Е. И. Лебедевой. Здѣсь даны существенныя черты для характеристики и самаго метода преподаванія І. Д-чемъ Закона Божія, и общаго духа его преподаванія, и главной задачи, какую преслѣдовалъ онъ при этомъ, и того сильнаго—неотразимаго религиозно-нравственнаго вліянія, какое оказывалъ онъ на своихъ ученицъ, и, наконецъ, тѣхъ теплыхъ чувствъ, какія питали къ нему эти послѣднія. Въ виду большой важности сообщеннаго въ этомъ письмѣ, мы приведемъ его почти съ буквальною точностью. «Многоуважаемый Николай Ивановичъ! Очень сочувствую предстоящей вамъ работѣ. Не знаю только, сумѣю ли я выразить все мое глубокое уваженіе и любовь къ памяти покойнаго Іоанна Дмитріевича, какъ моего преподавателя, равно и сослуживца. Покойный І. Дм. поступилъ къ намъ преподавателемъ, когда я еще была въ V кл. гимназіи, и съ первыхъ уроковъ внушилъ къ себѣ большое уваженіе, любовь, а главное интересъ къ изученію Закона Божія. Этотъ интересъ росъ по мѣрѣ нашего дальнѣйшаго развитія, и уроки его въ старшихъ классахъ были для насъ большимъ удовольствіемъ и отдыхомъ. І. Дм. очень часто по нашей просьбѣ не спрашивалъ уроковъ, да и независимо отъ этихъ просьбъ онъ и самъ по себѣ въ теченіе урока большею частью ограничивался спрашиваніемъ только одной ученицы, все же остальное время посвящалъ нашему духовному развитію и много способствовалъ укрѣпленію въ насъ истинно-христіанскаго духа религіи. Отношенія его къ намъ были чисто-отеческія: онъ вхо-

диль во всё наши гимназическія нужды, и у него мы всегда искали защиты и заступничества отъ строгихъ учителей; передъ экзаменомъ онъ приходилъ къ намъ и своимъ душевнымъ разговоромъ старался на всякіе лады ободрить насъ, прося не смущаться случайнымъ незнаніемъ того или другого, а мы, видя его, забывали о всѣхъ экзаменаторахъ, надѣясь, что онъ выведетъ насъ изъ всякаго затрудненія. Въ объясненіи уроковъ І. Дм. пользовался учебникомъ, какъ только матеріаломъ для своихъ духовныхъ бесѣдъ, чѣмъ собственно и были его уроки. Будучи хорошимъ педагогомъ, онъ самъ предупреждалъ могущія возникнуть сомнѣнія и заранее разяснялъ ихъ. Преподаваніе І. Д. было глубокое, всестороннее; въ своихъ объясненіяхъ онъ касался самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, стараясь удѣлить намъ хоть частичку своего глубокаго міросозерцанія. Отношенія его въ намъ были полны довѣрія; онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на взрослыхъ, а мы цѣнили это, стараясь не проронить ни одного изъ его словъ. Онъ развивалъ въ насъ главнымъ образомъ духъ религіи, стараясь дать должное освѣщеніе обрядностямъ, и глубоко скорбѣлъ, что обрядовыя стороны у многихъ заглушили сознательное отношеніе къ религіи. Онъ старался сдѣлать изъ насъ разумныхъ христіанъ и сожалѣлъ, что за неимѣніемъ времени не успѣваетъ познакомить насъ съ апологетикой. Мы считали І. Дм. однимъ изъ столповъ и опорой христіанства и истиннымъ учителемъ православія. Мы увлекались не только богатствомъ и содержательностью его бесѣдъ, но также и его краснорѣчіемъ. Цѣлый часъ мы были подъ обаяніемъ плавно и красиво льющейся рѣчи, что, конечно, еще болѣе содѣйствовало усвоенію и укрѣпленію въ нашихъ сердцахъ всего того, чему онъ насъ училъ. Кроме нравственнаго развитія, я обязана много ему и умственнымъ, благодаря не только художественному, но глубокому и широкому способу изложенія его мыслей. Покойный І. Дм. поражалъ насъ глубиной и широтой своего

ума. Я глубоко была огорчена, когда узнала, что І. Дм. задумалъ покинуть нашу гимназію, такъ какъ лично была заинтересована въ этомъ. Сколько поучительнаго и полезнаго я могла бы еще почерпнуть на его урокахъ, присутствуя въ качествѣ классной надзирательницы! Теперь, когда въ обществѣ заходитъ рѣчь о гимназическихъ годахъ и преподавателяхъ, я съ большою гордостью говорю, что вѣдь я была ученицей Петропавловскаго, и въ отвѣтъ слышу сожалѣнія, что судьба не всѣхъ одѣлила такимъ наставникомъ».

Самыми теплыми искренними чувствами къ памяти покойнаго І. Дм. дышитъ письмо другой сослуживицы его по 3-й гимназіи, также бывшей его ученицы, М. П. Барсовой. Дополняя другіе письменные отзывы указаніемъ на широту и всесторонность, какими отличалось преподаваніе І. Д-емъ Закона Божія, оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ дающее прекрасную иллюстрацію къ тому, что именно говорилось І. Дм-емъ на урокахъ Закона Божія и насколько интересно для ученицъ его было то, что имъ говорилось. «Многоуважаемый о. Николай Ивановичъ! Вамъ угодно было обратиться къ намъ, класснымъ надзирательницамъ, съ просьбой, насколько въ нашихъ силахъ, охарактеризовать личность покойнаго отца Іоанна Димитріевича Петропавловскаго, какъ преподавателя и человѣка. Скажу просто, какъ умѣю, что у меня на душѣ.—Какъ живого, представляю я себѣ о. Петропавловскаго на кафедрѣ; такъ же живо помню я то удовольствіе, даже восторгъ, съ какимъ я его слушала, и ту тишину на урокѣ, то вниманіе, съ какимъ ученицы слушали каждое его слово. Мы всѣ обращались въ слухъ,—да иначе и быть не могло: слишкомъ хорошо было то, что говорилъ батюшка и по возвышенности содержанія, и по красотѣ формы. Я слышала его поученія на гимназическихъ праздникахъ и собраніяхъ и трогалась ими, — но вѣдь каждый его урокъ былъ поученіемъ, самымъ прекраснымъ и вдохновеннымъ. И его уроки казались

еще лучше его поученій, потому что ихъ можно было слушать, ничѣмъ не отвлекаясь, въ обыденной жизненной обстановкѣ. И сколько хорошаго, бывало, услышишь отъ него! О чемъ только онъ ни говорилъ, конечно, касаясь всегда преподаваемого имъ предмета, Закона Божія! И какъ всесторонне разсматривалъ онъ затронутый вопросъ! Я помню его объясненія о крестномъ знаменіи, о томъ, какъ совершали на себѣ крестъ въ первые вѣка христіанства,—однимъ пальцемъ, всей рукой, на одномъ челѣ, на груди,—и послѣ этого какими мелкими казались намъ споры старообрядцевъ о перстосложеніи. Батюшка подробно говорилъ также о томъ, какъ постепенно складывалось наше православное богослуженіе, а не появилось сразу въ томъ видѣ, какъ теперь совершается: это воспитывало въ насъ благоговѣніе передъ таинственнымъ содержаніемъ службы, а не передъ формой. Помню, разъ батюшка читалъ, со своими объясненіями, о доказательствахъ бытія Божія,—и мы очень жалѣли, что урокъ скоро кончился, и онъ не досказалъ начатаго, а случая къ этому потомъ не представилось. Помню, какъ разъ ему пришлось говорить объ исправленіи церковныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, и батюшка признавалъ, что и въ нашихъ исправленіяхъ вкрадывались ошибки. Покойный батюшка на урокахъ Закона Божія, а другой преподаватель, покойный Филадельфъ Петровичъ Декапольскій, на урокахъ словесности, возсоздали передъ нами образъ самоотверженнаго исправителя славянскихъ книгъ церковныхъ, святого Максима Грека, вдохновенно писавшаго въ тюрьмѣ канонъ святому Духу. Покойный батюшка ни одного слова, ни одного текста въ катихизисѣ не оставлялъ безъ тонкаго, подробнаго разсмотрѣнія и перевода. Помню, что въ текстѣ: «не прекратится князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже приидеть отложенная ему»,—батюшка указывалъ на невѣрность перевода по-славянски. Особенно мнѣ памятны его объясненія двухъ мѣстъ изъ Евангелія: «Царство небесное нудится» и

«Пріобрѣтайте себѣ друзей путемъ неправеднымъ». Какого бы объясненія у него ни попросили, онъ всегда былъ «во всеоружіи знанія». Ни одинъ урокъ не былъ похожъ на другой, и каждый былъ богатъ содержаніемъ; каждое слово его внушало интересъ, и вниманіе ученицъ невольно было приковано къ нему. Чего же онъ добивался отъ ученицъ? Знанія положеній ученія Христова, а главное пониманія Евангельскаго духа и проникновенія имъ, порабощенія злыхъ стремленій въ душѣ закону любви, «единенія духа въ союзѣ мира». И мы, слушательницы и ученицы, трогались его словами и, позабывши слова, хранили безъ словъ смыслъ его рѣчей. Мы обнимали чувствомъ и разумѣніемъ Евангельскую мысль, что «Богъ—любы есть», и надежда на Божіе всепрощеніе, на возможность, по безконечной благодати и любви Творца, нѣкогда, хотя и въ малой степени, приблизиться къ Нему, наполняла душу миромъ.

Вотъ, многоуважаемый Николай Ивановичъ, какія мысли возникли въ моей душѣ при прочтеніи вашего письма и при воспоминаніи о покойномъ отцѣ Іоаннѣ Димитріевичѣ. Я охотно вамъ сообщаю свои мысли и извиняюсь, что не смогла лучше исполнить вашу просьбу, несмотря на мое сильное желаніе какъ можно лучше и полнѣе представить дорогой образъ покойнаго. Мнѣ пришлось главнымъ образомъ говорить о томъ впечатлѣніи, какое на меня производили объясненія І. Д-чемъ разныхъ мѣстъ священнаго писанія,—это потому, что въ этомъ отношеніи въ особенности покойный былъ для меня «свѣтомъ, свѣтящимъ во тьмѣ». Больше мнѣ прибавить нечего».

Кратокъ, но зато очень богатъ иллюстраціями, — и именно изъ самой важнѣйшей области въ педагогическомъ дѣлѣ—изъ области отношеній І. Дм. къ своимъ воспитанницамъ,—письменный отзывъ объ І. Д-чѣ бывшей его ученицы и потомъ сослуживицы по той же гимназіи Е. Е. Васиной. «Ученицы»—читаемъ мы въ этомъ отзывѣ—«очень любили І. Д-ча, и его отношенія къ нимъ были

самыя сердечныя. За разъясненіемъ своихъ сомнѣній относительно религіи они могли всегда обратиться къ нему, и онъ никогда не отказывалъ имъ въ томъ. Если въ классѣ были ученицы, не соглашавшіяся съ нимъ, не вѣрившія въ истину православной вѣры, не признававшія Таинствъ, онъ безъ стѣсненія могли задавать ему вопросы, и онъ внимательно все выслушивалъ и разъяснялъ. На такихъ ученицъ онъ обращалъ особое вниманіе. Былъ однажды случай, когда онъ, выйдя изъ класса, сказалъ мнѣ про одну ученицу: «послѣдите за нею: она для класса опасная». Эта ученица была не по лѣтамъ развитая, очень много читала и постоянно за урокомъ предлагала батюшкѣ вопросы; нѣкоторые ея поступки приводили его въ недоумѣніе, когда я ему на нихъ указывала; напр. выражая сомнѣніе въ истинѣ православной вѣры, выставляя себя невѣрующей, она вмѣстѣ съ тѣмъ всегда первая предлагала свои услуги для прочтенія какого нибудь разсказа духовно-нравственнаго содержанія во время отсутствія батюшки на урокъ. Впослѣдствіи, какъ мнѣ говорили, батюшка признался, что онъ ошибся въ этой ученицѣ, что она вовсе не такая атеистка, какой онъ ее считалъ раньше.—Была и такая ученица въ старшихъ классахъ, которая не ходила въ церковь. Батюшка зналъ объ этомъ и своими бесѣдами съ ней довелъ ее до того, что она стала посѣщать богослуженіе. Но вскорѣ І. Д-чъ оставилъ гимназію; эта дѣвушка понемногу стала отставать отъ церкви и, наконецъ, совершенно перестала ходить туда. Она говорила въ объясненіе своихъ поступковъ: «если бы батюшка побылъ у насъ еще и довелъ меня до окончанія курса, я тогда была бы, навѣрное, лучше, а теперь некому разъяснить мои сомнѣнія».

Старшая сослуживица І. Д-ча по 3-ей гимназіи—надзирательница и преподавательница гимназіи А. И. Леонова, сообщая о самыхъ добрыхъ отношеніяхъ къ І. Д-чу ученицъ и прекрасномъ веденіи имъ дѣла преподаванія, говоритъ еще о немъ, какъ и о сослуживцѣ, чѣмъ дѣла-

еть еще одно дополненіе къ приведеннымъ нами отзы-
вамъ. «Какъ съ сотоварищемъ, съ нимъ можно было»,—
читаемъ мы въ ея письмѣ—«говорить обо всемъ; онъ инте-
ресовался всѣмъ, и всѣ новыя теченія общественной жиз-
ни не были ему чужды. Какъ отраднo было подѣлиться
съ нимъ многими недоразумѣніями, волновавшими меня
по вопросамъ религіи, воспитанія дѣтей и современной
общественной жизни»...

О томъ же самомъ,—о прекрасномъ впечатлѣніи отъ
уроковъ и отъ самой личности І. Д-ча,—слышалъ я и
отъ учившихся у него въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.
Это же, наконецъ, единогласно подтверждаютъ какъ ро-
дители воспитывавшагося у него юношества, такъ и го-
рячо любящіе І. Д-ча сослуживцы его.

Все сказанное о законоучительской дѣятельности І.
Д-ча заключимъ сообщеніемъ 2-хъ довольно любопытныхъ
фактовъ, которые, какъ намъ кажется, могутъ служить
наилучшимъ доказательствомъ того, какъ любило І. Д-ча
учащееся юношество и какъ оно имъ дорожило. Нами
уже замѣчено, что І. Д-чъ имѣлъ уроки въ женской учи-
тельской семинаріи г-жи Чепелевской. Лѣтъ за пять до
своей смерти онъ вздумалъ оставить эти уроки въ виду
того, что у него положительно не хватало времени и силъ
продолжать законоучительскіе труды. Но на этотъ разъ
попытка его потерпѣла полную неудачу по очень про-
стой причинѣ—воспитанницы семинаріи не пустили его
отъ себя. Отъ нихъ пожаловала къ любимому законоучи-
телю депутація, которая сначала просила І. Д-ча продол-
жать для нихъ законоучительное дѣло. Когда же І. Д. на-
стойчиво отказывался, дѣвушки стали уже требовать отъ
него согласія поучить еще ихъ, при чемъ не задумались
употребить даже довольно оригинальную фразу.

«Если же»—говорили они,—«вы не согласитесь испол-
нить нашу просьбу, мы будемъ жаловаться на васъ вла-
дыкѣ Митрополиту». Разсмѣялся на эти слова І. Д-чъ и
согласился еще поучить любезныхъ своихъ воспитанницъ.—

Черезъ два года І. Д-чъ окончательно уже оставилъ семинарію; присланной же отъ воспитанницъ депутаціи на ея настойчивыя просьбы продолжать законоучительство сказалъ: «ну, теперь идите жаловаться хоть самому Царю, я все-таки остаться у васъ никакъ не могу».—Другой фактъ изъ той же области относится къ ученикамъ Московской духовной Семинаріи. І. Д-чъ состоялъ въ ней долгое время членомъ правленія и по этой должности долженъ былъ присутствовать на экзаменахъ. Семинаристы скоро замѣтили, что, когда бывалъ на экзаменѣ І. Д-чъ, такъ называемыхъ *проваловъ* никогда не случалось. И вотъ въ ежегодный семинарскій обычай вошло посылать къ нему депутацію съ просьбою пожаловать на экзаменѣ. І. Д-чъ, присутствуя на экзаменахъ, особенно несочувственно относился къ тѣмъ преподавателямъ, которые, при отвѣтахъ учениковъ, не помогали имъ, а какъ бы намѣренно сбивали. «Къ чему вы это дѣлаете?»—говорилъ такому преподавателю І. Д-чъ и непременно выручалъ погибавшаго ученика. Иногда этотъ опытнѣйшій педагогъ и преподаватель—при подобныхъ же обстоятельствахъ—подвергалъ критической оцѣнкѣ самый способъ преподаванія того или другого предмета. Такъ, однажды учитель богослуженія совсѣмъ запуталъ ученика въ тонкостяхъ церковнаго устава. Выручая ученика, І. Д-чъ указалъ преподавателю на всю безцѣльность знанія всѣхъ этихъ тонкостей устава для семинаристовъ. «Практика»—говорилъ онъ—«сама научить уставу. Вотъ вы лучше попросите-ка ученика прочесть наизусть «Херувимскую пѣснь». Послѣдовало молчаніе. «А ну-ка»,—обратился І. Д. ко всему классу—«пусть кто-либо изъ васъ прочтетъ наизусть «Херувимскую». Никто не смогъ. «Вотъ», замѣтилъ І. Д-чъ преподавателю—«за тонкостями устава вы гонитесь, а болѣе существеннаго не требуете».

Ш (В).

Іоаннъ Дмитріевичъ — общественный дѣятель.

Не въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ цѣнили І. Д-ча. Его глубоко уважали и имъ очень дорожили и въ другихъ сферахъ Московскаго общества. Съ 1881 г. до самой своей смерти І. Д-чъ состоялъ завѣдующимъ духовнымъ отдѣломъ народныхъ чтеній въ Политехническомъ Музеѣ, за что въ 1889 г. на общемъ собраніи членовъ Комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній въ Москвѣ «въ уваженіе заслугъ для Комиссіи, выразившихся въ многолѣтнихъ трудахъ по званію завѣдующаго духовнымъ отдѣломъ въ читальнѣ имени С. С. Подгорѣцкаго» онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ комиссіи.

І. Д-чъ, несомнѣнно, долго будетъ въ памяти и у Московской интеллигенціи. Мы имѣемъ въ виду труды его въ качествѣ Предсѣдателя Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія по устройству публичныхъ богословскихъ лекцій въ Москвѣ. Эти труды І. Д-чъ несъ въ теченіе 7-ми лѣтъ (съ 1898—1905 г.) и—думаемъ, будетъ сказано безпристрастно,—съ полнымъ успѣхомъ. А труды эти, какъ признавался мнѣ самъ І. Д-чъ, были далеко не изъ легкихъ. Дѣло въ слѣдующемъ: не говоря уже о томъ, что почти въ каждомъ семестрѣ одно изъ чтеній бралъ на себя самъ І. Д-чъ, ему очень много приходилось трудиться по пріисканію лекторовъ, а это давалось не всегда легко. Если что и помогало ему въ данномъ случаѣ, такъ это обширное его знакомство съ духовенствомъ и симпатіи послѣдняго къ нему. Уцѣлѣвшія письма о. о. и г. г. лекторовъ къ І. Д-чу показываютъ, какой тяжелый трудъ понесъ онъ при прохожденіи этой должности, сколько большихъ безпокойствъ причинила ему эта послѣдняя. Изъ этихъ писемъ вытекаетъ такой непосредственный выводъ, что Предсѣдатель Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія по устройству богослов-

сгихъ лекцій можетъ быть виновать въ чемъ угодно и долженъ отвѣчать рѣшительно за все: и за время предварительныхъ собраній Членовъ Отдѣла (насколько оно удобно для всѣхъ и каждаго), и за выборъ темъ для чтеній, за исполнѣ возможный отказъ лектора отъ чтенія въ самый критическій моментъ и даже... за умѣнье обращаться съ о. о. и г. г. лекторами.

III (Г).

Отношенія къ І. Д-чу духовенства.

Было бы несправедливо сказать, что одно свѣтское общество дорожило І. Д-чемъ. Какъ мы только что сказали, духовенство также питало къ нему самыя живыя симпатіи. Объ этомъ можно судить уже по тому обстоятельству, что не успѣлъ онъ, такъ сказать, принять на себя священный санъ, какъ общепархіальный съѣздъ Московскаго духовенства избралъ его, и высокопреосвященный Макарій, Митрополитъ Московскій, утвердилъ Членомъ Правленія Виѣанской Духовной Семинаріи (1879 г.). Спустя 2 года послѣ того, тотъ же общепархіальный съѣздъ духовенства вошелъ ко владыкѣ Митрополиту съ представленіемъ о перемѣщеніи І. Д-ча изъ Виѣанской въ Московскую семинарію членомъ правленія семинаріи отъ духовенства (1881 г.), каковое и было удовлетворено владыкой. Въ 1885 г. тѣмъ же самымъ съѣздомъ духовенства онъ вновь былъ избранъ и высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ утвержденъ членомъ правленія семинаріи. Въ томъ же году собственною резолюціею его высокопреосвященства онъ былъ назначенъ членомъ распорядительнаго собранія той же самой семинаріи. Въ 1889 г. снова повторилось избраніе І. Д-ча въ члены правленія Московской семинаріи и распорядительнаго собранія той же семинаріи. Въ 1892 г., съ соизволенія его высокопреосвященства, отъ Правленія Московской семинаріи І. Д-чу

выражена была глубокая признательность за 12-лѣтнее прохожденіе должности члена правленія по выбору отъ духовенства. Въ томъ же 1892 г. духовенствомъ 2-ой половины Никитскаго сорока I. Д-чъ былъ избранъ и его высокопреосвященствомъ утвержденъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ въ означенной половинѣ Никитскаго сорока, каковую должность проходилъ до перехода на новое мѣсто въ другое благочиніе. Въ томъ же году Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія онъ былъ избранъ и его высокопреосвященствомъ утвержденъ въ должности Предсѣдателя Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, отъ каковой должности по собственному прошенію былъ уволенъ въ 1894 г. ¹⁾ На годичномъ собраніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія 28 янв. 1896 г. I. Д-чъ былъ избранъ почетнымъ членомъ «въ уваженіе къ постоянно-сочувственному отношенію къ дѣятельности общества и во вниманіе къ трудамъ въ области апологетической литературы».

¹⁾ Насколько подходила I. Д-чу эта почетная должность, объ этомъ можно судить по уцѣлѣвшимъ письмамъ къ нему разныхъ лицъ. Между прочимъ вотъ два письма профессоровъ Московской Духовной Академіи (имена ихъ называть мы не будемъ). Одинъ—нынѣ уже покойный—выражаетъ искреннюю радость по тому случаю, что не оправдался дошедшій до него и сильно встревожившій его слухъ о намѣреніи I. Д-ча оставить должность предсѣдателя Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.—Другой профессоръ—доселѣ здравствующій—пишетъ уже послѣ ухода I. Д-ча изъ предсѣдателей. „Очень сожалѣю, что вы покинули постъ предсѣдателя Общ. Люб. Дух. Просв. Съ вашимъ служеніемъ на этомъ посту истинные любители духовнаго просвѣщенія связывали такъ много надеждъ и,—смѣю прибавить,—надеждъ вполне основательныхъ. И вотъ этимъ надеждамъ не суждено было исполниться! Что дѣлать? Богъ дастъ, дождемся лучшихъ дней, и ваше высокоблагословеніе снова возьметъ инициативу и мужественно поведете насъ къ высокимъ и столь благовременнымъ задачамъ духовнаго просвѣщенія!. Да не оскудѣваетъ, но да приумножается въ васъ то *жрътвѣ духа*, которое такъ живо чувствуется повсюду, куда вы вносите ваше просвѣщенное участіе“.

І. Д-чь пользовался симпатіями духовенства не только г. Москвы и Московской губ., а и другихъ городовъ. Не говоря уже о множествѣ писемъ, въ которыхъ иногороднее духовенство выражаетъ чувства искренняго удовольствія и благодарности по поводу популярныхъ сочиненій І. Д-ча, нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ заочно проникаются къ нему полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ во всемъ. Вотъ, между прочимъ, очень характерное въ данномъ отношеніи письмо, авторъ котораго (протоіерей) выражаетъ свою искреннюю радость по случаю награжденія І. Д-ча саномъ протоіерея. «Съ искреннею радостію имѣю честь поздравить васъ съ саномъ протоіерея, давнымъ-давно по праву и достоинству принадлежащимъ вамъ. Вамъ слѣдовало бы дать санъ протопресвитера... Да продолжитъ Господь ваши лѣта до глубокой старости въ добромъ здоровьѣ, мирномъ житіи и непремѣняемомъ благополучіи»...

Священникъ *Николай Луневскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Теорія вселенной, христiанскія и протiвохристiанскія.

IV.

Матерiалистическая теорiя.

Литература: Cudworth, *The Intellectual System of Universe*; Lange, *Geschichte des Materialismus*, 2-te Auflage, 1873; Lotze, *Mikrokosmos*; Strauss, *Der alte und der neue Glaube*, 1874; Ulrici, *Gott und die Natur*, 1866; Du-Bois-Reymond, *Ueber die Grenzen des Naturerkennens*; *Die Sieben Welträthsel*, 1872, 1880 (изданы вмѣстѣ въ 1891 году); Bain, *Mind and Body*; Clifford, *Lectures and Essays*, 1879; Havellock Ellis, *The Criminal*, 1890; Flint, *Antitheistic Theories*; Martineau, *Essays, Reviews and Adresses*, 1891 (изъ нихъ два—о современномъ матерiализмѣ въ его отношенiи къ религiи и богословiю); Le Conte, *Evolution and its Relation to Religious Thought*, 2 ed. 1891.

Разсматриваемое поверхностно, матерiалистическое созерцанiе вселенной сильно отличается отъ пантеистическаго. Въ системѣ Спинозы мышленiе и протяженiе суть два независимые атрибуты вѣчной и безконечной субстанцiи, не находящiеся ни въ какомъ причинномъ отношенiи одинъ къ другому. Согласно матерiалистической теорiи, напротивъ, мысль есть отправленiе мозга и только родъ движенiя. Въ современныхъ формахъ пантеизма контрастъ его матерiализму даже еще болѣе бросается въ глаза. Въ этихъ формахъ абсолютное является не какъ субстанцiя, но какъ духъ, матерiальный мiръ есть его отрицанiе, и концомъ всего мiрового процесса объявляется манифестацiя духа. Несмотря на такое поверхностное различiе, однако, обѣ системы имѣютъ между собою близкую связь. Для обѣихъ системъ мiръ, природа, есть великая

реальность, а Богъ и человѣческая душа—тѣни и несущее. Для пантеиста физическая вселенная есть существованіе Бога; для материалиста она есть существованіе безъ Бога. Богъ пантеизма есть идея, абстракція, независимая отъ природы, а человѣкъ—развитіе изъ природы; Богъ материализма есть небытіе, слово, не имѣющее смысла, а человѣкъ—любопытно организованный кусокъ матеріи, отличающійся нѣкоторыми замѣчательными, не легко объяснимыми свойствами.

Материализмъ есть весьма ретивый и особенно страшный врагъ христіанской теоріи вселенной. Это—врагъ, который въ настоящее время движется все впередъ и впередъ. Его значеніе зависитъ отъ разныхъ причинъ. Въ Германіи, въ недавніе годы, дѣйствовалъ духъ реакціи противъ доведеннаго до крайностей идеализма, и слѣдствіемъ этого было быстрое распространеніе материалистическихъ тенденцій. Но, конечно, главной причиной развитія материализма былъ сильный прогрессъ естественныхъ наукъ въ настоящемъ поколѣніи. Однако, естественныя науки не слѣдуетъ смѣшивать съ материализмомъ. Цѣль этихъ наукъ заключается не въ распространеніи какой-либо умозрительной теоріи о вселенной, но просто въ томъ, чтобы ознакомить насъ, насколько возможно, съ вселенной въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствительно существуетъ,—съ свойствами и отношеніями элементовъ, изъ которыхъ она составлена. Правда, утверждали, что въ интересахъ науки говорить, что Бога быть не должно ¹⁾; но это вѣрно только

¹⁾ Такъ Jacobi, *Werke*, т. III, стр. 384—5. „Въ интересѣ, поэтому, науки, чтобы не было Бога, не было никакого сверхъестественнаго; внѣмірнаго и сверхмірнаго Бытія. Только при такомъ условіи, именно, что существуетъ одна только природа, какъ независимая и какъ все во всемъ, можетъ наука достигать своей цѣли усовершенствованія и льстить себя надеждой, что она, подобно своему объекту, также слѣдается всѣмъ во всемъ“. Комментируя это мнѣніе въ другомъ мѣстѣ, Якоби замѣчаетъ, что наука, интересъ которой заключается въ этомъ, различается отъ истинной науки, имѣющей совершенно противоположный интересъ. См. *Werke*, IV, Erste Abth., Vorbericht, стр. XXVII, XXVIII.

въ томъ смыслѣ, что наука не можетъ допускать существованія Бога, когда этимъ хотятъ задержать ея попытки изслѣдовать причины существующихъ явленій, или же запретить доведеніе изслѣдованій, насколько возможно, до самаго отдаленнаго отъ насъ времени. Если, напримѣръ, наука полагаетъ, что она можетъ объяснить цѣлесообразность въ природѣ, не признавая ея Виновника, то не смотритъ однако на это, какъ на достаточное основаніе совсѣмъ отказаться отъ признанія существованія Бога и чрезъ то лишитъ богослововъ ихъ любимаго доказательства въ защиту бытія Божія. Если, далѣе, наука думаетъ, что она можетъ установить ученіе объ эволюціи, по которому всѣ существующія формы жизни возникли во время медленнаго вѣкового процесса изъ нѣсколькихъ первобытныхъ живыхъ зародышей, то она отказывается, однако, при такихъ своихъ изслѣдованіяхъ отъ мысли, что при утвержденіи такого ученія оставляется слишкомъ мало на долю Создателя и заставитъ кого-либо думать, что въ Немъ нѣтъ никакой и надобности. Человѣкъ науки, когда ему дѣлаютъ возраженія въ такомъ смыслѣ, отвѣчаетъ на нихъ такъ: «если Богъ ставится во главу угла, то я съ этимъ ничего не могу подѣлать. Если Онъ исключается изъ вселенной совсѣмъ, то въ этомъ дѣлѣ я ничѣмъ не могу помочь. Я не желаю, чтобы это было такъ, мотивомъ моего научнаго труда отнюдь не служить желаніе вести крестовый походъ противъ Бога. Но столь же мало я могу и защищать Его существованіе отъ опасности. Я долженъ идти по своему собственному пути изслѣдованія и предоставить божественному существованію оправдывать себя такъ, какъ оно хочетъ ¹⁾».

¹⁾ Объ отношеніи эволюціи къ теизму Le Conte замѣчаетъ: „для глубокаго мыслителя теперь, какъ и всегда, представляется и представлялась одна альтернатива—матеріализмъ или теизмъ. Богъ дѣйствуетъ въ природѣ или природа дѣйствуетъ сама; но эволюція не представляетъ собою новой фазы по этому старому вопросу“. *Evolution and its Relation to Religious Thought*, стр. 289, 2 изд.

Современная наука, работающая въ такомъ духѣ, отличается ледяною холодностію къ богословскимъ интересамъ и вообще къ какому бы то ни было интересу, за исключеніемъ установленія истины. Эта наука установила множество ученій и выбросила за бортъ множество гипотезъ, что приходится очень по сердцу матеріалистамъ, внушаетъ имъ великую самонадѣянность и заставляетъ ихъ утверждать, что на ихъ теорію вселенной можно теперь смотрѣть, какъ на исключительно доказанную. Отсюда матеріализмъ вошелъ въ большую моду въ послѣднее время и привлекъ въ свои ряды очень много горячихъ послѣдователей, которые посвятили свои силы его изложенію и защитѣ, пользуясь для этой цѣли всеми матеріалами, которые получались готовыми изъ разныхъ научныхъ трактатовъ. Матеріалистическая литература была особенно обильна въ Германіи. Въ этой странѣ мыслителей пускается въ обращеніе всякая теорія, и всякій предметъ, заслуживающій вниманія, разрабатывается съ характеристическою тщательностію и откровенностію. Въ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски, люди не особенно сильно интересуются умозрительными теоріями, но предаются предпочтительно спеціальнымъ изслѣдованіямъ, и если достигнутые ими результаты бывають, съ богословской точки зрѣнія, спорны или подозрительны, то такія стороны изслѣдуемаго матеріала или спокойно игнорируются, или отмѣчаются только мимоходомъ. Но въ Германіи значеніе какого-нибудь частнаго научнаго открытія, относящагося къ теоріи вселенной, во многихъ лицахъ возбуждаетъ огромный интересъ, и то, мимо чего англичанинъ проходитъ съ скромнымъ молчаніемъ, тамъ возвѣщается на кровляхъ. Отсюда страна идеализма взяла въ свои руки руководство и матеріалистической пропагандой и породила много публикацій разнаго достоинства, включая сюда и одну ученую исторію матеріализма съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени ¹⁾.

¹⁾ Lange, *Geschichte des Materialismus*.

Въ виду этой исторіи и многочисленныхъ фазъ мнѣній, которыя она раскрываетъ, въ виду также размѣра, до котораго исторія материализма переплетена здѣсь съ исторіей современныхъ научныхъ открытій, попытка изложенія и критики материалистической теоріи въ предѣлахъ одной только настоящей главы могла бы представляться тщетной. Однако будемъ надѣяться, что эта задача не такъ все-таки трудна, какою она кажется съ перваго взгляда.

Что же такое эта материалистическая теорія? Кратко и грубо говоря, она заключается въ слѣдующемъ. Для объясненія всѣхъ явленій природы, включая сюда и явленія жизни, животной, матеріальной и растительной, равно какъ и мысли, ничего больше не требуется, кромѣ матеріи и ея свойствъ. Вселенная состоитъ изъ матеріи и силы, первая есть матеріаль, изъ котораго построено зданіе, послѣдняя—архитекторъ, безсознательнымъ искусствомъ котораго матерія преобразована была въ *космосъ*. Мировой процессъ есть вполнѣ механическій. Вмѣсто Бога въ материалистической теоріи признается ὕλη , матерія въ ея первоначальномъ элементарномъ состояннн, и принимается, что она существуетъ отъ вѣчности и состоитъ изъ безконечнаго числа атомовъ, движущихся въ пустомъ пространствѣ. Такое представленіе о матеріи, какъ вѣчной, исключаетъ надобность въ Создателѣ. Одинаково излишне, по мысли материалистовъ, Божественное Существо и на всѣхъ стадіяхъ процесса возникновенія міра изъ вѣчныхъ атомовъ. Даже и въ тѣхъ критическихъ пунктахъ общаго міроваго процесса, когда впервые возникли жизнь, чувство и мысль, нѣтъ надобности предполагать чего нибудь большаго, кромѣ матеріи и свойствъ, которыми она обладала раньше, чѣмъ возникли эти замѣчательныя явленія, чтобы объяснить ихъ достаточно.

Послѣдовательное проведеніе такой теоріи, повидимому, требуетъ немалой смѣлости,—качества, въ которомъ, замѣтимъ здѣсь кстати, у материалистовъ никогда не было

недостатка. Происхождение *жизни*, даже въ ея самыхъ рудиментарныхъ (первичныхъ) формахъ, могло бы представиться въ видѣ *перекрестнаго вопроса* для всякаго умѣреннаго теоретика, желающаго изслѣдовать, насколько безжизненная матерія и ея свойства могутъ послужить намъ къ объясненію міра, потому что свидѣтельство экспериментальной науки рѣшительно противъ произвольнаго зарожденія, т. е. такого проявленія жизни, гдѣ не было бы поводовъ подозрѣвать присутствія живыхъ организмовъ, существовавшихъ раньше. Однако, несмотря на такое свидѣтельство, современные матеріалисты единогласно отказываются смотрѣть на происхождение жизни въ мірѣ, въ которомъ жизненныхъ явленій прежде не было, какъ на кризисъ, потребовавшій сверхъестественнаго вмѣшательства Творца. Они допускаютъ начало міра вслѣдствіе естественныхъ причинъ и полную объяснимость его ими, какъ аксіому, и потому смотрятъ на происхождение организмовъ изъ мертвой матеріи, какъ на возможный и достовѣрный фактъ, все равно бываютъ ли такія событія доступны здѣсь нашему наблюденію или нѣтъ. Такъ на нашей планетѣ должна была появиться жизнь, потому что она существуетъ на ней теперь. И однако достовѣрно, что было время, когда никакой жизни не существовало на землѣ. Мы, впрочемъ, неспособны сами объяснить этого процесса или указать условія, при которыхъ атомы угля, водорода и кислорода нѣкогда соединились такъ, что отъ этого соединенія получился удивительный феноменъ, который мы называемъ жизнью. Но мы не должны отчаиваться, что когда нибудь и эта тайна все таки будетъ раскрыта; а пока что, намъ теперь слѣдуетъ смотрѣть на жизнь, какъ на «очень трудную механическую проблему»¹⁾. Общая вѣра матеріалистовъ отно-

¹⁾ Выраженіе это процитировано изъ Дюбуа-Реймона. Въ своемъ очеркѣ *Ueber die Grenzen des Naturerkennens*, стр. 31, этотъ знаменитый мужъ науки говоритъ: „Ошибочно видѣть въ первомъ появленіи

сительно происхожденія жизни объяснена намъ однимъ, хорошо извѣстнымъ, научнымъ экспертомъ въ слѣдующихъ строго-научныхъ и точныхъ выраженіяхъ:

«Если бы мнѣ возможно было заглянуть за бездну геологически извѣстнаго времени въ еще болѣе отдаленный періодъ, когда земля существовала при нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ условіяхъ, которыхъ теперь невозможно наблюдать опять,—подобно тому, какъ невозможно и человѣку снова возвратиться къ своему дѣтству,—то я сдѣлался бы вѣроятно свидѣтелемъ эволюціи живой протоплазмы изъ безжизненной матеріи. Я долженъ былъ бы ожидать такой эволюціи въ ея наипростѣйшихъ формахъ, одаренныхъ, подобно нашимъ грибамъ, способностью опредѣлять формацию новой протоплазмы изъ такихъ матеріаловъ, какъ углеродистый аммоній, щавелево - кислая и винно-каменно-кислая соли, щелочи и земляные фосфаты, безъ помощи свѣта»¹⁾).

Такимъ образомъ, разъ въ мірѣ появилась жизнь, то ужъ ничего не стоитъ теоретику, который берется за объясненіе всего только матеріей и ея свойствами, атомами и ихъ движеніями, объяснить ее, ничего не стоитъ до тѣхъ поръ, пока во внѣшнемъ курсѣ эволюціи не окажется удивительныхъ феноменовъ чувства, сознанія и мысли. Не высказываясь пока совсѣмъ относительно этихъ, нѣсколько затруднительныхъ, таинствъ, матеріалистъ, при помощи теоріи Дарвина, можетъ намъ объяснить весь безграничный міръ живыхъ существъ, съ его безконеч-

живыхъ существъ на землѣ или на какойнибудь другой планетѣ что-либо сверхъестественное, что-нибудь иное, кромѣ очень трудной механической проблемы“ (*ein überaus schwieriges mechanisches Problem*). Этотъ очеркъ опубликованъ вмѣстѣ съ другимъ, *Die Sieben Welträthsel*. Въ число семи міровыхъ загадокъ Дюбуа-Реймонъ включаетъ и загадку о происхожденіи жизни, но не считаетъ ея, подобно загадкамъ о природѣ матеріи или происхожденіи чувства, „трансцендентною“, т. е. такую, которую нельзя разгадать.

¹⁾ Huxley, *Critiques and Addresses*, стр. 239. Подобные же взгляды выражены Fiske, *Outlines of Cosmic Philosophy*, I, 430—4.

нымъ разнообразіемъ видовъ, начиная отъ низшихъ формъ растительной и животной жизни и кончая высшимъ и послѣднимъ завершеніемъ эволюціоннаго процесса, животнымъ, которое можетъ говорить и которое называется *человѣкомъ*. Такимъ образомъ *тѣлесная жизнь*, во всѣхъ ея видахъ, можетъ быть, слѣдовательно, превращена въ механику. Но *сознательная жизнь*, ужели въ самомъ дѣлѣ и она не представить намъ никакихъ затрудненій? Чувство, даже въ его самыхъ первичныхъ проявленіяхъ, еще болѣе, чѣмъ какой либо другой феноменъ въ мірѣ, открыто для нашихъ взоровъ въ человѣческихъ видахъ,—можетъ ли и оно быть объяснено движеніемъ атомовъ? Да, конечно, въкоторыя чувства могутъ. Но не всѣ. Съ характеристическою смѣлостію нѣкоторые изъ особенно выдающихся защитниковъ разсматриваемой теоріи утверждаютъ, что чувство и мысль суть также роды движенія. «Мысль», говорить одинъ, «есть движеніе, перемѣщеніе мозговой субстанции; мышленіе есть необходимое и неотдѣлимое свойство мозга»; и: «самосознаніе есть только свойство матеріи»¹⁾. Другой спрашиваетъ: «доказательства необходимой связи между душой и мозгомъ можно ли пожелать болѣе сильнаго, кромѣ того, какое доставляется намъ ножомъ анатома, когда онъ разрѣзаетъ душу на куски?»²⁾ Третій выражается такимъ циническимъ образомъ: «всякій, изучающій природу, можетъ, если будетъ мыслить послѣдовательно, дойти до заключенія, что всѣ эти способности, разумѣмыя нами подъ названіемъ души, суть только функціи мозговой субстанции; или, выражаясь нѣсколько грубѣе, наши мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, въ какомъ желчь къ печени или моча къ почкамъ»³⁾.

¹⁾ Moleschott, *Der Kreislauf des Lebens*, стр. 439, 445.

²⁾ Büchner, *Kraft und Stoff*, 6 изд. стр. 113.

³⁾ Vogt, *Physiologische Briefe für Gebildete aller Stände*, стр. 206; Köhler-Glaube und Wissenschaft, стр. 32. Грубое это выраженіе вызвало большую сенсацію. Дюбуа-Реймонъ, въ своемъ произведеніи о „Границахъ нашего познанія природы“, утверждаетъ, что выраженіе побудило многихъ къ чему-то въ родѣ турнира о душѣ (стр. 49).

Другіе писатели, будучи матеріалистами по своему направленію, уклоняются однако отъ такихъ мѣтній и откровенно признаются, что духовныя состоянія необъяснимы въ терминахъ движенія; что феномены мысли и чувства отдѣлены непроходимой пропастью отъ движеній мозга и нервной системы, хотя и близко съ ними связаны. Они даже любятъ называть выраженія, подобныя вышеуказанному циническому выраженію, только нелѣпостями, которыя не требуютъ матеріалистической системой. Однако нельзя ни въ какомъ случаѣ думать, чтобы такіе взгляды, принадлежащіе какому нибудь умѣренному и осторожному матеріалисту, были вполне совмѣстимы съ его теоріей. Моча или что нибудь подобное,—такое выраженіе можетъ быть оскорбительно; но оно въ сущности вѣрно выражаетъ матеріалистическое воззрѣніе на міръ. Въ самомъ дѣлѣ, разрѣшеніе феноменовъ мысли въ феномены матеріи не составляетъ ли необходимаго условія самаго существованія матеріализма? Что это такъ, съ этимъ согласны наиболѣе компетентные судьи. Такъ Лотце говоритъ, что матеріализмъ заключается въ объясненіи психическихъ состояній физическими, мысли движеніемъ ¹⁾. Лянге, историкъ матеріализма, полагаетъ, что Штраусъ былъ точнымъ его выразителемъ ²⁾. Но Штраусъ, признаваемый многими изъ своихъ соотечественниковъ даже отцомъ современнаго матеріализма, считаетъ вопросъ объ отношеніи мысли къ движенію только вопросомъ о сохраненіи силы, что можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ:

«Не такъ давно открытъ законъ сохраненія силы, и нужно еще много времени, чтобы его выяснить и опредѣлить его приложимость къ превращенію теплоты въ движеніе и движенія въ теплоту. Но недалеко и то время, когда мы начнемъ прилагать этотъ же законъ и къ проблемамъ мысли и чувствованій. Если при извѣстныхъ

¹⁾ *Mikrokosmos*, I, 168.

²⁾ *Geschichte des Materialismus*, II, 533.

условіяхъ движеніе переходитъ въ теплоту, то почему не можетъ существовать условій, при которыхъ теплота превращается въ чувство? Условія, аппаратъ для этой цѣли мы имѣемъ въ мозгу и нервной системѣ высшихъ животныхъ, и въ органахъ низшихъ животныхъ, которые у послѣднихъ занимаютъ мѣсто мозга и нервной системы. Съ одной стороны разряжается и приводится въ движеніе нервъ, съ другой — возникаютъ чувство, представленіе, мысль; и наоборотъ, чувство и мысль на выходномъ пути превращаются въ движеніе членовъ. Когда Гельмгольцъ говоритъ: при появленіи теплоты вслѣдствіе тренія и удара движеніе всей массы переходитъ въ движеніе ея малѣйшихъ частей; наоборотъ, при произведеніи двигательной силы теплотой движеніе малѣйшихъ частей переходитъ въ движеніе цѣлой массы, то я спрашиваю: есть ли здѣсь что нибудь существенно отличное отъ того, о чемъ было говорено выше? Не есть ли вышеуказанная связь между движеніемъ тѣла и мышленіемъ ума необходимое продолженіе того же закона? Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что я говорю о вещахъ, которыхъ не понимаю. Хорошо. Но найдутся другіе люди, которые будутъ понимать, и они поймутъ также и меня¹⁾.

Штраусъ не былъ въ техническомъ смыслѣ слова человѣкомъ науки; но немногіе превосходили его въ послѣдовательности и пониманіи того, что относится къ связанному человѣческому мышленію. Люди, которые колеблются прилагать къ чувству и мысли законъ сохраненія силы, могутъ быть умнѣе, чѣмъ Штраусъ, но они — менѣе послѣдовательные матеріалисты. Намъ представляется, что для матеріалиста какъ бы обязательно утверждать, что мысль или сознаніе суть роды движенія, все равно какъ и говорить, что жизнь со всѣми ея разнообразными формами получила начало изъ безжизненной матеріи²⁾. Дѣй-

¹⁾ *Der alte und der neue Glaube*, стр. 211.

²⁾ Лянге замѣчаетъ, что специальный случай движеній, называемыхъ разумными, долженъ быть объясняемъ общими законами всякаго движенія, иначе ничего не объясняется. *Geschichte*, I, 20.

ствительно, всѣ попытки формулировать матеріалистическое ученіе, не принимая перваго изъ этихъ положеній, были равнозначительны отрицанію матеріалистической системы. Сюда же нужно причислить и возрѣніе на психическіе и физическіе феномены, какъ на атрибуты «единой субстанціи съ двумя видами свойствъ, двумя сторонами—физической и умственной, *двуликимъ единствомъ*»¹⁾. Это—современное воспроизведеніе мысли Спинозы. Другой же излюбленный путь для устраненія трудностей заключается во введеніи въ составные элементы матеріи свойствъ ума,—не одной только жизни, по способу древнихъ гилозоистовъ²⁾, но и сознательности, чувства, въ представленіи «разумной матеріи»³⁾. Конечно, выводить изъ матеріи то, чѣмъ вы предварительно надѣли ее, легко; и столь же легко находить въ ней дарованная ей такимъ образомъ «обѣтованіе и потенцію» высшей духовной жизни. Однако, приписывая матеріи чувство и мысль, это значитъ скорѣе отвергать, чѣмъ признавать матеріализмъ. Третій возможный способъ рѣшенія данной проблемы заключался бы въ отрицаніи, если бы оно было только возможно, самаго существованія психическихъ явленій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя требуютъ научнаго объясненія. На этотъ умыселъ, повидимому, и намекается въ слѣдующихъ словахъ Лянге: «чувство не есть разнородный членъ въ цѣпи органическихъ перемѣнъ, но какъ бы обсужденіе всякаго такого члена съ иной, особой стороны. Мы подходимъ здѣсь къ границѣ матеріализма, но только потому, что проводимъ ее здѣсь съ болѣе строгой послѣдовательностью. Мы того мнѣнія, что въ чувствѣ, кромѣ и внѣ нервнаго процесса, едва ли что-нибудь иное можно найти;

1) Bain, *Mind and Body*, стр. 196.

2) О взглядахъ гилозоистовъ-атеистовъ или корпоралистовъ, представителемъ которыхъ былъ Страбонъ Лампсакійскій, см. Cudworth's *True Intellectual System of the Universe*, I, 237—241.

3) Clifford, *Lectures and Essays*, II, 85. „Разумная матерія есть реальность, которую мы воспринимаемъ какъ матерію“.

только чувственные процессы сами по себѣ имѣютъ совершенно иной способъ проявленія—именно тотъ, который индивидуумъ называетъ своимъ бытіемъ¹⁾. Едва ли возможно было бы формулировать такое утверждение, если бы не вводить здѣсь такихъ выраженій, какъ «едва ли» и «какъ бы».

Таковъ, въ краткомъ очеркѣ, *психологическій* видъ матеріализма. Обращаясь теперь къ *нравственной* сторонѣ этой теоріи, намъ нѣтъ надобности и говорить, что, конечно, матеріалисты отвергаютъ всякую человѣческую свободу. Люди, по ихъ мнѣнію, суть то, чѣмъ Декартъ считалъ низшихъ животныхъ, *автоматы*, но только автоматы не бессознательные и не лишены идеи о томъ, что они суть обладающіе волей агенты. «Мы,—пишетъ Гексли,—сознательные автоматы, одаренные свободной волей только въ одномъ понятномъ смыслѣ этого многозлоупотребляемаго термина, насколько въ своихъ дѣйствіяхъ мы можемъ дѣлать то, что намъ нравится; но тѣмъ не менѣе мы суть звенья цѣлаго ряда причинъ и слѣдствій, которыя въ непрерывной послѣдовательности составляютъ изъ того, что было, что есть и что будетъ, итогъ существованія.»²⁾ Уступка, сдѣланная здѣсь въ пользу ученія о свободѣ воли, не особенно велика; потому что то, что нравится людямъ, есть слѣдствіе причинъ, надъ которыми они не имѣютъ контроля. Мы дѣлаемъ то, что намъ нравится, а нравится намъ то, что должно нравиться. Въ доказательство призрачнаго характера человѣческой свободы матеріалисты ссылаются на результаты современной науки-статистики, по которой можно приблизительно заранѣе опредѣлять, сколько изъ даннаго количества людей совершить преступленій въ одинъ годъ и даже каковъ будетъ процентъ такого-то ряда преступленій и какой каждаго вида ихъ и способа ихъ совершенія.

¹⁾ *Geschichte des Materialismus*, стр. 384.

²⁾ *Science and Culture, and other Essays*, стр. 239, 240.

Думали, что было бы невозможно составить такіа формулы, если бы не находились въ дѣйствіи физическіа причины, опредѣляющія поступки людей съ такою же точностью, съ какою происходятъ затменія солнца и луны.

Нѣтъ другого большаго преступленія, которое можно было бы вмѣнить въ вину матеріализму, какъ то, что онъ дѣлаетъ всякій опредѣленный кодексъ нравственности невозможнымъ. Логика системы, отрицающей свободу и рассматривающей человѣческую дѣятельность какъ произведеніе причинъ, надъ которыми дѣйствующій не имѣетъ контроля, повидимому, оправдываетъ заключеніе, что всякіа дѣйствія одинаково справедливы и законны — и дѣйствія человѣка, который есть рабъ животной страсти, и человѣка, который повинуется разуму и проводитъ трезвую и добрую жизнь. Поведеніе бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ прирожденныхъ наклонностей, и каковы эти наклонности, таковы должны быть и качества поведенія. Въ одномъ случаѣ качество его можетъ быть выше, чѣмъ въ другомъ; однако здѣсь не имѣется никакого основанія для осужденія человѣка, поведеніе котораго считается дурнымъ, потому что оно столько же разумно, сколько и неизбѣжно то, чтобы природа, измѣняющая поведеніе, соотвѣтственно этому и сама измѣнялась.

Матеріалисты минувшаго столѣтія не всѣ были однако согласны съ такимъ отрицательнымъ выводомъ изъ ихъ системы и откровенно признавали, что нравственность есть чисто личное дѣло и что единственное правило поведенія, которое можно было бы предложить, заключается въ слѣдующемъ: каждый молодецъ на свой образецъ. Всякій человѣкъ, какъ тогда говорили, желаетъ быть счастливымъ; но ни одинъ человѣкъ не можетъ быть счастливъ по приказанію другого; поэтому пусть каждый человѣкъ и преслѣдуетъ общую цѣль своимъ собственнымъ путемъ. Если кто-нибудь думаетъ, что онъ можетъ лучше всего достигнуть своей цѣли, будучи добродѣтельнымъ, то и пусть онъ всячески будетъ добродѣтелемъ. Если другой

думаетъ, что онъ можетъ достигнуть счастія распутной жизнью, то онъ имѣетъ одинаковое право слѣдовать и этой своей склонности. Если третій началъ думать, что счастіе больше невозможно для него ни при какихъ условіяхъ, то онъ можетъ, если это ему угодно, и повѣситься. Въ духѣ такой свободной и легкой нравственности Юмъ защищалъ самоубійство. «Волось, муха, насѣкомое способны погубить это могущественное существо, жизнь котораго имѣетъ столь великую цѣнность. Не нелѣпо ли думать, будто благоразумный человѣкъ можетъ располагать именно тѣмъ, что зависитъ отъ такихъ маловажныхъ причинъ? Для меня не значило бы совершить преступленіе — измѣнить теченіе Нила или Дуная, если бы только я могъ это сдѣлать. Что же, слѣдовательно, за преступленіе выпустить нѣсколько унцій крови изъ тѣхъ каналовъ, по которымъ она протекаетъ?»¹⁾ Даже матеріалисты восемнадцатаго вѣка могли бы кое-что возразить противъ такого циническаго замѣчанія, высказаннаго въ защиту права каждаго отдѣльнаго лица распоряжаться своею жизнью по своему произволу. Они стали бы дѣлать, напримѣръ, мягкія внушенія, что каждый человѣкъ обязанъ же чѣмъ-нибудь другимъ людямъ, своей семьѣ, своимъ друзьямъ, даже своему отечеству. Они могли заходить даже и еще дальше и предлагать такое правило: интересъ государства есть высшій законъ для каждаго отдѣльнаго лица. Однако какъ ненадеженъ былъ и здѣсь нравственный кодексъ, основанный на матеріалистическихъ принципахъ, объ этомъ мы можемъ узнать отъ Гельвеція, который аргументировалъ въ пользу распутства, очень полезнаго, по его мнѣнію, для Франціи, и напоминалъ пуристамъ, что Египетъ обязанъ нильской грязи своимъ плодородіемъ²⁾.

¹⁾ Изъ *Unpublished Essays*. См. *Hume's Works* by Green and Grose, II, 410.

²⁾ *Oeuvres, Tome Premier*, стр. 304. Гельвецій смотрѣлъ на пороки распутника какъ на неизбѣжный придатокъ къ роскоши и считалъ зло, свойственное имъ, совсѣмъ незначительнымъ сравнительно съ здоровьемъ, которое поощряетъ ихъ.

Нѣкоторые современные матеріалисты не менѣ откровенны, чѣмъ Юмъ и Гельвецій, но другіе обнаруживаютъ замѣтное попеченіе о томъ, какъ бы сгладить предразсудокъ противъ ихъ системы, возникающій изъ отношеній ея къ нравственности, и указываютъ на кое-какія объективныя основанія для нравственныхъ различій, которыя были бы въ состояніи выводить поведеніе изъ области индивидуальнаго каприза. И, конечно, матеріализмъ имѣетъ полный предлогъ пользоваться для этой цѣли всѣмъ, что согласно съ его представленіями о человѣкѣ, какъ о существѣ, поведеніе котораго опредѣляется его тѣлесной организаціей. Съ такими представленіями невозможно для матеріализма возвыситься надъ *эгоизмомъ*. Но невозможны ли для него такіе, напримѣръ, вопросы: что такое мое *ego*? что такое Я? что такое въ дѣйствительности природа моей психической организаціи, опредѣляемая процессами эволюціи? Оказывается, что для него возможны даже и такіе вопросы, отвѣчая на которые онъ настаиваетъ на различіи между здоровымъ и больнымъ состояніемъ человѣческой организаціи.

Оказывается, что, останавливаясь на этомъ послѣднемъ, матеріалисты въ состояніи утверждать, что изъ ихъ теоріи вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, котораго мы называемъ преступникомъ, былъ столь же правъ, какъ и тотъ, кого мы называемъ добродѣтельнымъ. Преступникъ есть человѣкъ, мозгъ котораго и нервная система болѣе или менѣ болѣзненны; добродѣтельный человѣкъ есть такой, все тѣло котораго находится въ нормальномъ состояніи здоровья. На такомъ различеніи между болѣзненнымъ и здоровымъ состояніемъ основываются нравственныя понятія; въ это различеніе они въ концѣ концовъ разрѣшаются и имъ оправдываются. Воля есть необходимый результатъ состояній мозга, которыя вызываются внѣшними вліяніями; а послѣднія могутъ быть нормальны или ненормальны, и, судя по этому, то или другое поведеніе бываетъ добродѣтельнымъ или порочнымъ, мудрымъ или

глупымъ. Несправедливо осуждать или наказывать преступника; приличнымъ обращеніемъ съ нимъ было бы не заключеніе его въ тюрьму или порка, а помѣщеніе его подь медицинскій надзоръ въ какомъ-нибудь «нравственномъ госпиталѣ». Не противно матеріалистической теоріи признавать нравственныя различія, потому что они имѣютъ основаніе въ различіяхъ естественныхъ. Матеріалистъ можетъ, слѣдовательно, говорить о лжи, обманѣ, убійствахъ, кражахъ, беспорядочныхъ половыхъ влеченіяхъ какъ о злѣ, подобно тому, какъ говорить о нихъ и христіанинъ, но причинъ, почему все это считается зломъ, указываемыхъ христіанами, матеріалистъ можетъ и не указывать ¹⁾.

Гораздо интереснѣе и важнѣе другая сторона изслѣдованія, гдѣ матеріалисты, сообразно съ своими принципами, стараются отыскать даже прочное основаніе для нравственныхъ различій, признаваемыхъ всѣми въ цивилизованномъ мірѣ. Вопросъ здѣсь ими ставится такой: какова природа моей нервной организаци, которую я получилъ по наслѣдству отъ длиннаго ряда своихъ предковъ? Или, выражаясь опредѣленнѣе: могу ли я открыть въ моей организаци какой-нибудь принципъ, который возвышалъ бы насъ надъ вульгарнымъ только эгоизмомъ и переносилъ въ область такого благожелательнаго отношенія къ людямъ, о которомъ можно было бы сказать, что вмѣстѣ

¹⁾ Изученіе криминальной антропологіи сдѣлало быстрые успѣхи въ недавніе годы и уже начало оказывать свое вліяніе на криминальную юриспруденцію въ смыслѣ практическаго устраненія понятія о виновности, признавая, конечно, въ то же время разумность и необходимость общественнаго отпора преступнику въ цѣляхъ самозащиты, соотвѣтственно *опасности* въ отличіе отъ вины преступника. Хорошее популярное руководство для литературы этого предмета и ея разныхъ сторонъ можно найти въ сочиненіи Havelock Ellis, *The Criminal*, 1890. Руководство этимъ дѣломъ взяли на себя итальянцы и особенно Ломброзо изъ Турина. Предметъ и современный методъ обработки его не имѣетъ никакой необходимой связи съ матеріализмомъ.

съ нимъ и полагается начало человѣческой нравственности? И вотъ для матеріалиста оказывается теперь возможность указать въ качествѣ такого принципа на чувство симпатіи и защищать его какъ естественный, какъ порожденіе нашей организаціи, подобное голоду или какому-нибудь другому животному инстинкту, — порожденіе довольно слабое въ индивидуальномъ человѣкѣ въ сравненіи съ повелительными аппетитами, общими для человѣка со звѣрями, но тѣмъ не менѣе составляющее дѣйствительную черту человѣческой природы въ ея настоящемъ видѣ. Если, слѣдовательно, предложить вопросъ: почему человѣкъ долженъ имѣть дружелюбныя чувства по отношенію къ другимъ людямъ, то матеріалистъ можетъ отвѣтить на это вопросомъ же: почему человѣкъ не можетъ быть общественнымъ животнымъ, въ родѣ пчелы или муравья? Конечно, разъ дана ему общественная природа, то соблюдать для него общіе интересы столь же естественно, какъ и индивидуальныя. Но матеріалистъ можетъ и не довольствоваться только ссылкой на существованіе социальнаго инстинкта въ другихъ областяхъ животнаго царства. Ничто не препятствуетъ ему взяться за обозначеніе обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ эволюціей человѣческаго рода, которыя стремятся съ особенной силой къ развитію социальныхъ аффектовъ, составляющихъ основаніе самой возвышенной нравственности. Въ этомъ отношеніи можно обратить, напримѣръ, особенное вниманіе на вліяніе чувствъ, заставляющихъ людей знакомиться съ опытомъ другихъ существъ, которыхъ они признаютъ себѣ подобными. Такимъ образомъ возможно утверждать, что «съ добродѣтелями человѣкъ постепенно ознакомляется при помощи своихъ глазъ и ушей». «Вслѣдствіе связи чувствъ постепенно, въ теченіе тысячелѣтій, установилось человѣческое общество, заботящееся о своихъ интересахъ, и, основываясь на этомъ, каждый индивидуумъ живетъ согласно съ назначеніемъ цѣлаго, въ гармоніи или дисгармоніи съ нимъ относительно своихъ

чувствъ и мыслей»¹⁾. Или, далѣе, можно обратить вниманіе и на гуманизирующій эффектъ продолжительнаго, въ человѣческихъ видахъ, дѣтства и зависимости отъ родителей, дающій поводъ къ образованію семейныхъ привязанностей, — все это могущественно содѣйствуетъ нравственному развитію челоуѣка²⁾. Кратко сказать, вся этика матеріализма, какъ она развита въ современной школѣ эволюціонной философіи, можетъ быть использована съ цѣлію показать, какимъ образомъ, совмѣстно съ материалистическими представленіями о вселенной, можетъ считаться научной и этическая система, построенная на этомъ базисѣ, и даже удовлетворительной по своимъ результатамъ.

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о *религіозной* сторонѣ матеріализма. Могло бы показаться насмѣшкой или издѣвательствомъ говорить о религіозной сторонѣ въ связи съ системой, которая не признаетъ никакого Бога, кромѣ атомовъ, и изъ нихъ построяетъ вселенную одушевленнаго и неодушевленнаго бытія. Древніе матеріалисты, представителями которыхъ были Эпикуръ и Лукрецій, не поставляли ли своею цѣлію совершенно освободиться отъ религіи, какъ отъ источника безконечныхъ бѣдствій для челоуѣчества? Но современные матеріалисты признаютъ фактъ, что челоуѣкъ есть существо религіозное, и не желаютъ, чтобы ихъ считали равнодушными къ этой сторонѣ челоуѣческой природы или неспособными придумать чего-либо для удовлетворенія религіознаго челоуѣческаго чувства. Какое же удовлетвореніе они предлагаютъ? Если Богъ вычеркнуть, то, понятно, единствен-

¹⁾ См. Lange, *Geschichte des Materialismus*, I, 379, 380. Лянге полагаетъ, что такимъ путемъ и можетъ быть обоснована материалистическая нравственная философія, которая представляется еще пока только желательной.

²⁾ Fiske выработалъ такія мысли въ *Outlines of Cosmic Philosophy*, т. II, гл. XXII.

нымъ объектомъ почитанія и поклоненія остается вселенная. Однако почитаніе вселенной въ отдѣльныхъ ея явленіяхъ, по способу политеизма, теперь, пожалуй, даже совсѣмъ и невозможно въ нашу научную эру. Несмотря на это, передовой научный философъ можетъ, какъ думаютъ, и теперь еще преклоняться предъ природой въ ея цѣломъ и быть убѣжденнымъ, что она открываетъ предъ его просвѣщеннымъ взоромъ эстетическій, раціональный и нравственный порядокъ. Первый относится къ чувству красоты и гармоніи и удовлетворяетъ его, а второй—къ интеллекту, представляя ему полные матеріалы для благоговѣйнаго почитанія, третій воплощаетъ и приблизительно осуществляетъ идею о добромъ, и представляетъ совѣсти достаточную и удовлетворительную замѣну правосуднаго Бога ¹⁾. Впрочемъ, этотъ новый культъ, приспособленный къ вкусамъ артистовъ, людей науки и моралистовъ, которые не хотятъ болѣе вѣрить въ вымышленное встарь антропоморфическое Божество, правится не всѣмъ матеріалистамъ. Нѣкоторымъ онъ представляется слишкомъ оптимистическимъ, потому что здѣсь приписывается вселенной такой характеръ, котораго она въ дѣйствительности не заслуживаетъ, и она надѣляется такими качествами, которыя не могутъ имѣть мѣста въ дѣйствительности и составляютъ только плодъ поэтической фантазіи поклонника. Можно вѣдь говорить, что въ мірѣ нѣтъ единства, развѣ только въ нашемъ воображеніи, и что онъ не есть реальность, полная порядка, эстетическаго, нравственнаго, раціональнаго и справедливаго,—иначе можетъ говорить только человѣкъ съ оптимистическими взглядами, который создаетъ для себя совершенный міръ, какъ сродное жилище для своего духа. Единство и порядокъ суть только *идеалы*. Для тѣхъ, которые думаютъ такъ, идеалы сами по себѣ могутъ быть богами. Религію, поэтому,

¹⁾ См. *Strauss, Der alte und der neue Glaube*, стр. 142; также Seely's *Natural Religion*.

можно отнести къ области поэзіи, и люди могутъ удовлетворять свои благочестивыя чувства, выдумывая міръ истины, красоты и благодати, который никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть никакого реальнаго существованія ¹⁾.

Приступая къ критикѣ этой смѣлой и полной претензій теоріи, я начну съ замѣчанія, что она построена вселенную неизвѣстно изъ чего. Матеріализмъ начинается съ неизвѣстнаго количества и кончается неразрѣшимой проблемой. Что такое матерія, изъ которой состоитъ все, и движеніями которой объясняются всѣ феномены? Суть ли это атомы или сила, или же то и другое, и въ какомъ находятся они отношеніи между собою? Откуда происходитъ движеніе, которое зиждетъ вселенную? Присуще ли оно самой матеріи или же получено ею откуда-нибудь извнѣ? Вотъ неразрѣшимые вопросы. Наука, именно въ томъ случаѣ, когда она склоняется къ матеріализму, обязана признать для себя двѣ границы: невѣдѣніе о самыхъ крайнихъ, послѣднихъ элементахъ вселенной и невозможность объяснить сознаніе ²⁾. Можно даже предложить и дальнѣйшій вопросъ: совершенно ли достовѣрно, что существуетъ такая вещь, какъ матерія? Изъ двухъ субстанцій, которыя предположительно существуютъ, духа и матеріи, какая субстанція внутренно, сама по себѣ, болѣе достовѣрна? Если ужъ принимать монистическую систему вселенной, то почему матеріалистическій монизмъ слѣдуетъ предпочитать духовному или идеалистическому? Нѣтъ ли вѣса въ слѣдующемъ замѣчаніи Лотце: «изъ всѣхъ ошибокъ человѣческаго ума самую странною всегда представлялась мнѣ та, когда сомнѣваются въ собственномъ существованіи человѣка, хотя объ этомъ существованіи, только одномъ, я и имѣю непосредственный опытъ, или

¹⁾ См. Lange, *Geschichte des Materialismus*, II, 644.

²⁾ См. Дюбуа-Реймонъ, *Ueber die Grenzen des Naturerkennens*. Дюбуа-Реймонъ признаетъ двѣ непреходимыя границы: природа матеріи и происхожденіе чувства.

представляютъ человѣка во второй рукѣ, какъ продуктъ внѣшней природы, которую мы знаемъ только непрямо, только при помощи того самаго духа, существованіе котораго такъ охотно отрицается?»¹⁾ Даже Лянге, историкъ матеріализма, симпатизирующій этой системѣ, хотя и сознающій ея слабость, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вынужденъ признать, что если для матеріализма представляется непреодолимою трудностью объяснить, какимъ образомъ изъ движеній матеріи можетъ возникнуть сознательное чувство, то, съ другой стороны, не трудно придти и къ мысли, что вся наша идея о матеріи и представленія о ней суть результатъ организациі, по своей природѣ чисто духовной²⁾.

Что касается способа, при помощи котораго матеріализмъ разсматриваетъ проблему о происхожденіи жизни, то для христіанскаго теиста нѣтъ необходимости отвѣчать на матеріалистическій догматизмъ догматизмомъ же. Этотъ предметъ, конечно, даетъ намъ подходящій случай замѣтить, что склонность догматизировать въ спорныхъ пунктахъ характеризуетъ защитниковъ матеріалистической теоріи. Наука оставляетъ вопросъ о произвольномъ зарожденіи открытымъ, но матеріализмъ—нѣтъ. Онъ не можетъ себѣ этого позволить. Онъ долженъ допустить, что жизнь при благопріятныхъ условіяхъ могла возникнуть изъ безжизненной матеріи чисто естественнымъ путемъ, потому что если бы было иначе, то матеріалистическая теорія должна рушиться и матеріалисты вынуждены были бы признать творческую руку Божію. Съ другой стороны, вѣрующему въ Бога не представляется никакой необходимости поддерживать, какъ дѣло вѣры, противоположнаго тезиса. Мы вѣруемъ, что Богъ есть причина міра и всего, что въ немъ; но мы не обязаны держаться какого либо особеннаго мнѣнія относительно способа сотворенія

¹⁾ Mikrokosmos, I, 296.

²⁾ Geschichte des Materialismus, II, 430.

міра. Мы можемъ допускать, что твореніе въ его первоначальной стадіи показалось бы постороннему наблюдателю переходящимъ изъ невидимаго состоянія въ видимое и что никакого яснаго и безошибочнаго слѣда божественной дѣятельности при этомъ не было видно. Подобнымъ же образомъ мы можемъ допускать, что, когда жизнь появилась, то могъ быть случай и произвольнаго зарожденія, что было бы невозможно доказать противное лицу, которое отвергаетъ это, или вынудить его признать въ новомъ явленіи присутствіе и могущество Создателя. Намъ нѣтъ надобности, съ цѣлію возвеличить чудо, и заставить его казаться *dignus vindice nodus* (трудность, требующая защиты), настаивать на таинственномъ характерѣ жизни, на мнимомъ различіи между неорганической и органической химіей, или защищать существованіе особой жизненной силы. Для насъ довольно вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ вѣрить, что Богъ есть причина жизни. Нѣтъ необходимости, для поддержанія такой вѣры, смотрѣть на это новое проявленіе жизни, какъ на обязанное своимъ происхожденіемъ непосредственной и абсолютной причинности отъ Бога независимо отъ всякихъ естественныхъ условий. Мы можемъ соглашаться съ мнѣніемъ, которое постоянно завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе твердую почву, что antecedentное состояніе вещей содержало въ себѣ нужную подготовку къ появленію новаго жизненнаго феномена, и что вся жизненная организація была просто только шагомъ впередъ въ постоянномъ движеніи великаго эволюціоннаго процесса. При такомъ взглядѣ можетъ устраняться чудо, или чисто сверхъестественное, но не божественная дѣятельность, которая служитъ причиною всего остальнаго.

Отношеніе матеріализма къ проблемѣ сознанія особенно интересно и важно. Не подлежитъ сомнѣнію, что и отъ матеріалистической теоріи требуется философская послѣдовательность. Она обязана считать сознаніе феноменомъ, въ концѣ концовъ разрѣшимымъ, когда ктонибудь объ

этомъ развѣдаетъ, въ родъ движенія. Мало сомнѣній въ томъ, что такое дѣло не только трудно, но и невозможно. Мышленіе сопровождается дѣятельностію мозга и существуетъ близкое соотвѣтствіе между умственными состояніями и тѣмъ, что имъ предшествуетъ, т. е. сопровождаемыми движеніями нервной системы, но духовные и физическіе ряды состояній различны и ихъ нельзя подвести подъ одинъ родъ. Отсюда самая ясная истина, что въ послѣдовательности матеріализма заключается и его опроверженіе. Фактъ этотъ былъ признанъ тѣми, которые въ недавнія времена предлагали матеріалистическія ученія въ измѣненныхъ формахъ. Въ этомъ признаніи и заключается въ дѣйствительности главное достоинство ихъ предложеній. Гипотеза Бэна о «субстанціи, обладающей двумя свойствами», есть откровенное признаніе, что движеніе никогда не можетъ быть преобразовано въ мысль. Что касается самой этой гипотезы, то немногое можетъ рекомендовать ее. Очень резонно предложить вопросъ, научно ли принимать два ряда крайне разнородныхъ качествъ, присущихъ внутренно одной и той же субстанціи. Конечно, въ интересѣ науки свести всѣ явленія, если возможно, къ одному и тому же принципу; но еще болѣе въ ея интересахъ признавать и множественность основаній, когда явленій нельзя свести къ одному источнику или въ концѣ концовъ подвести подъ одинъ родъ ¹⁾. Душа, хотя и недоступна для чувствъ, есть поэтому разумный постулатъ. Но теисты не имѣютъ надобности догматизировать по вопросамъ о душѣ сколько нибудь болѣе, какъ и по вопросамъ о происхожденіи жизни. Они могутъ говорить, напримѣръ, такъ: что такое матерія и что такое душа, я не могу сказать. Существуетъ ли та и другая отдѣльно, или же обѣ вмѣстѣ, я не знаю. Можетъ быть и одна субстанція обладаетъ свойствами столь различными, какъ свойства духа и матеріи, но я не берусь объ этомъ говорить.

¹⁾ Lotze, *Mikrokosmos*, I, 165, 166.

Что гипотезой о душѣ или духѣ, какъ субстратѣ всѣхъ духовныхъ явленій, не устраняются всѣ затрудненія и что такая гипотеза служить причиною появленія новыхъ гипотезъ, объ этомъ мнѣ извѣстно. Все, о чемъ я знаю, заключается только въ томъ, что феномены духа здѣсь существуютъ и составляютъ цѣлый духовный міръ, о которомъ материализмъ совсѣмъ не желаетъ разсуждать. Я признаю величіе настоящаго міра и отказываюсь думать низко о немъ потому, что онъ, съ нечувствительной постепенностью, начиная отъ неодушевленной матеріи, могъ перейти къ жизни въ ея самой элементарной растительной формѣ, потомъ отъ растительной формы къ простѣйшей формѣ животной жизни и наконецъ къ человѣку ¹⁾. Однако моя духовная жизнь имѣетъ для меня больше важности, какъ полученная мною непосредственно отъ Бога. Я вѣрю, что она одинаково важна и для Бога и что Онъ не допуститъ, чтобы она погибла. Возможна ли духовная жизнь независимо отъ тѣлеснаго организма, объ этомъ трудно сказать. Можетъ быть, мозгъ столь необходимъ для души, что послѣдняя въ безтѣлесномъ состояніи доведена только до состоянія скрытой потенціи ²⁾. Но нѣтъ никакого основанія думать, что смерть есть полное прекращеніе мыслящаго принципа и всего необходимаго для отправления его силъ въ будущемъ состояніи, которое дастъ Богъ.

¹⁾ Нѣкоторые теисты не колеблясь принимаютъ ученіе объ эволюціи духа изъ матеріи. Такъ Le Conte говоритъ: „я думаю, что духъ человѣка развился изъ *anima*, или сознательнаго принципа животныхъ, и что *anima* развилась изъ низшихъ формъ жизненной силы, а эта послѣдняя въ свою очередь изъ химическихъ и физическихъ силъ природы, и на извѣстной стадіи этого постепеннаго развитія, именно въ человѣкѣ, душа получила свойство безсмертія, точно такъ, какъ, въ индивидуальной исторіи каждаго человѣка на извѣстной стадіи, она приобретаетъ способность къ отвлеченному мышленію“.—*Evolution and its Relation to Religions Thought*, стр. 313, 2 изд.

²⁾ Таковъ взглядъ Ульрици. См. его *Gott und die Natur*, стр. 329, 330. Подобнаго же взгляда держался покойный архіепископъ Уэтли. См. его *View of the Scripture Revelations of a future State*, лекція 4

Другая форма благоразумнаго или умѣреннаго матеріализма, который надѣляетъ матеріальные элементы духовными качествами, заключается въ одинаково рѣшительномъ, хотя и не одинаково ясномъ, признаніи, что послѣдовательное и тщательное проведеніе матеріалистическихъ принциповъ непрактично. Эпикуръ приписывалъ атомамъ качества, напримѣръ, объемъ, фигуру и тяжесть, и, по Лянге, такой же взглядъ составляетъ одну изъ постоянныхъ чертъ и зарождающагося матеріализма. «Съ принятіемъ внутреннихъ состояній вы обращаете атомы въ монады и переходите къ идеализму или пантеистическому натурализму»¹⁾. Для германскаго философа, однако, легче это видѣть, чѣмъ для англійскаго, который различаетъ въ матеріи «обѣтованіе и потенцію» всего, что существуетъ, и опредѣляетъ матерію, какъ таинственную сущность, изъ которой все произошло, не догадываясь, что такимъ образомъ комбинируются двѣ теоретическія точки зрѣнія: во-первыхъ, матерія дѣлается всѣмъ, а потомъ предпринимается гигантскій трудъ превращенія матеріи въ духъ, или по крайней мѣрѣ духовныя качества признаются частію этой смѣси. Такое «вижу—видѣлъ» ученіе, которое то касается твердой почвы, то убѣгаетъ отъ нея»²⁾ не необычная черта въ англійскомъ научномъ матеріализмѣ, имѣющая свое происхожденіе частію въ національномъ равнодушіи къ философской послѣдовательности, а частію въ наклонности къ эклектическимъ приѣмамъ мышленія. Для всякаго можетъ быть удивительно, поэтому, какимъ образомъ люди, привыкшіе къ научному методу, хотя бы и не отличались знаніемъ философіи, могутъ держаться такихъ грубыхъ умозрѣній, какъ, напримѣръ, что самая отдаленная отъ насъ природа была ὕλη. Что можно при-

¹⁾ Geschichte des Materialismus, I, 80.

²⁾ Такъ выражается Мартино, указывая на матеріализмъ профессора Типдала. См. талантливый опытъ Мартино о „современномъ матеріализмѣ въ его отношеніи къ богословію“ въ Essays, Reviews and Addresses, IV, стр. 206.

обрѣсти, приписывая элементарной матеріи, «разумной матеріи», волю умъ и чувство? Въ наблюденіи нѣтъ никакихъ основаній для такого мнѣнія и никакихъ указаній на то, какимъ образомъ человѣческой организмъ, какъ цѣлое, возникаетъ изъ неопредѣленныхъ и темныхъ чувствованій его составныхъ частей. Что матерія чувствуетъ, это есть просто выводъ изъ общей аксіомы, по которой все, что находится въ слѣдствіи, должно находиться въ причинѣ, или что все, что находится въ концѣ эволюціоннаго процесса, должно быть также и въ началѣ его. Но если мы примемъ оба эти вывода изъ аксіомы, то къ чему они насъ приведутъ? Просто къ оставленію матеріализма и къ переходу къ противоположному ему ученію, къ спиритуализму. Матеріализмъ надѣется объяснить высшее при помощи низшаго, конецъ при помощи начала, умъ при помощи движенія. Спиритуализмъ думаетъ объяснить низшее высшимъ, начало концомъ, матерію и движеніе духомъ. ¹⁾

На этическихъ и религіозныхъ сторонахъ матеріализма нѣтъ надобности останавливаться слишкомъ подробно. При всемъ своемъ желаніи сохранить честность и даже великодушіе, мы можемъ однако только утверждать, что матеріалистическая этика должна серьезно отличаться отъ христіанской этики. Мы видѣли, въ какой запутанности было ученіе о нравственности въ восемнадцатомъ столѣтіи. Можно было бы надѣяться, что современная намъ эволюціонная доктрина сильно измѣнитъ положеніе къ лучшему. Но въ концѣ концовъ получилось ли дѣйствительно такое улучшеніе? Можно утверждать, что эволюціонный процессъ стремится прогрессивно развить правильныя нравственныя чувствованія и соотвѣтствующее имъ правильное нравственное поведеніе, и что мы должны надѣяться на какой-то золотой вѣкъ, когда люди вообще

¹⁾ См. объ этомъ проф. Caird's *Critical Philosophy of Kant*, II, 33—35; также проф. Jones, *Browning as a Philosophical and Religious Teacher*, стр. 202—212.

Будутъ мыслить и дѣйствовать разумно и правильно. Хорошо, если бы такъ; но эволюціонный процессъ не достигъ еще этой стадіи, а между тѣмъ человѣческой родъ состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ съ очень различными чувствами и характерами. Нѣкоторые мудры, нѣкоторые глупы, нѣкоторые благородны, нѣкоторые самолюбивы, нѣкоторые трезвы, нѣкоторые распутны. Какое основаніе существовать въ матеріалистическихъ принципахъ для осужденія людей глупыхъ, самолюбивыхъ, распутныхъ, или есть ли тутъ какія-нибудь побужденія къ тому, чтобы они сами себя осуждали? Они вѣдь суть то, къѣмъ они созданы; они не могутъ быть иными въ сравненіи съ тѣмъ, каковы они суть. Они не походятъ на умныхъ, благородныхъ, трезвыхъ физически, а не нравственно — въ томъ смыслѣ, что они суть добрые объекты для исправленія, потому что грѣхъ никогда не можетъ быть вмѣняемъ, когда нѣтъ свободы. Больными такихъ людей по всей справедливости нельзя считать. Есть ли основаніе думать, что мозгъ всякаго самолюбиваго и склоннаго къ насиліямъ человѣка находится въ болѣзненномъ состояніи? Количество мозга и пропорціи различныхъ частей мозгового органа могутъ измѣняться, но самый органъ можетъ быть одинаково здоровымъ какъ у хорошихъ, такъ и у дурныхъ людей. Мозги волка или тигра нельзя считать нездоровыми потому, что эти звѣри свирѣпы. И по теоріи Дарвина слѣдуетъ ожидать, что должны быть люди съ волчьимъ или тигроподобнымъ устройствомъ своей нервной системы, и когда это заставляетъ ихъ совершать акты насилія, то доказательствъ, что ихъ мозгъ болѣзненъ, никакихъ нѣтъ, какъ и въ подобныхъ же актахъ дикихъ звѣрей, расположеніе коихъ эти люди наслѣдовали. Затѣмъ, какъ замѣтилъ Ульрици, число людей, которые бываютъ совершенно праведны и добры, не велико. Но свидѣтельство о здоровьѣ естественно выдается тѣмъ людямъ, которые здоровы въ обычномъ смыслѣ, а что-нибудь исключительное служить доказательствомъ ненормальнаго, болѣзненнаго со-

стоянія. Изъ этихъ посылокъ мы должны сдѣлать въ концѣ концовъ выводъ, что здоровое состояніе мозга должно находиться въ грѣшникѣ, а болѣзненное — въ святомъ ¹⁾).

Есть достаточное основаніе сомнѣваться, вводитъ ли насъ и вообще въ область этики біологическая или эволюціонная этика. Но, колеблясь насчетъ этого, мы можемъ замѣтить, что нравственный образецъ, предлагаемый современной наукой, непостояненъ. Такого предмета, какъ «вѣчная и неизмѣняемая нравственность», здѣсь не существуетъ. Нравственность не имѣетъ абсолютнаго достоинства независимо отъ интересовъ и мнѣній. Нѣкоторые современные матеріалисты откровенно признаютъ измѣнчивость и непостоянство правльнаго и ложнаго, соотвѣтственно условіямъ трибы или народа. Что дѣйствительно совершенно различныя понятія о правомъ и ложномъ — даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ — существуютъ среди возможностей эволюціи, это допускается всѣми лицами, тщательно излагавшими доктрину. Такъ Дарвинъ, который считаетъ сознаніе порожденіемъ социальнаго инстинкта, замѣчаетъ:

«Я не желаю утверждать, чтобы какое-нибудь социальное животное, если его умственные способности сдѣлались настолько дѣятельными и настолько развились, какъ въ человѣкѣ, приобрѣло въ точности такой же нравственный смыслъ, какой принадлежитъ намъ. Нѣкоторыя животныя имѣютъ нѣкоторое чувство красоты, хотя и любятъ совсѣмъ другими предметами и соотвѣтственно этому обладаютъ смысломъ относительно праваго и ложнаго, хотя, руководимыя имъ, они и слѣдуютъ по совершенно инымъ линіямъ поведенія. Если бы, напримѣръ, возьмемъ крайній случай, люди воспитывались при такихъ же самыхъ условіяхъ, какъ ульевыя пчелы, то они стали бы считать своею священною обязанностью убивать своихъ братьевъ, а матери стали бы стремиться убивать своихъ

¹⁾ *Gott und der Mensch*, II, 12.

плодовитыхъ дочерей, и никто не подумалъ бы о вмѣшательствѣ»¹⁾).

Это—одинъ изъ ясныхъ примѣровъ, чѣмъ можетъ быть «Дарвинизмъ въ морали». Согласно тому же самому высокому авторитету, иная могла бы быть принята политика и для улучшенія человѣческой породы—черезъ избіеніе слабыхъ:

«У дикихъ слабые тѣломъ или духомъ скоро уничтожаются, а тѣ, которые остаются въ живыхъ, обыкновенно обнаруживаютъ брѣзкое здоровье. Мы, цивилизованные люди, съ другой стороны, дѣлаемъ все возможное, чтобы остановить процессъ уничтоженія... Ни одно лицо, которое внимательно относилось къ рожденію домашнихъ животныхъ, не будетъ сомнѣваться, что сохраненіе слабыхъ и больныхъ животныхъ въ высшей степени вредно для рода. Удивительно, какъ быстро недостатокъ попеченія, или попеченіе, ложно направленное, ведутъ къ вырожденію домашней породы. Но, за исключеніемъ только человѣческой породы, едва ли кто бываетъ настолько невѣжественъ, чтобы допускать своимъ самымъ худшимъ животнымъ плодиться»²⁾).

Отъ опасности возвращенія къ такому дикому обращенію со слабыми мы можемъ теперь считать себя застрахованными вслѣдствіе свойственной нашей цивилизаціи склонности развивать человѣческую любовь и придавать цѣну тѣмъ качествамъ, которыя отличаютъ цивилизованныхъ отъ дикихъ. Но принимая это за несомнѣнное, одинаково ли мы застрахованы противъ анти-христіанскаго этическаго стремленія слишкомъ низко цѣнить личныя добродѣтели въ сравненіи съ тѣми, которыя служатъ для матеріальныхъ интересовъ общества? Предполагали, что великая заслуга Христа заключалась въ томъ, что Онъ вызвалъ къ бытію «методъ внутренняго», то есть,

1) *The Descent of Man*, стр. 99, 2-е изд.

2) *Descent of Man*, стр. 133, 134.

научилъ людей искать своего счастья въ самоотреченіи. Но защитники тѣхъ формъ социализма, который изображаетъ себя, какъ «атеистическій гуманизмъ», говорятъ намъ, что ученіе Христа, съ этой стороны, было обратной заслугой, и хвастливо указываютъ, что они не питаютъ никакихъ симпатій «къ болѣзненной, вѣчно вертящейся, какъ бѣлка въ колесѣ, трансцендентной нравственности евангельскихъ рѣчей»¹⁾. Они одобряютъ ремесленный классъ, если онъ совсѣмъ не обращаетъ вниманія на нравственный идеалъ, воплощенный, скажемъ, въ нагорной проповѣди. «Рабочій какой нибудь большой фабрики никогда обыкновенно не оказывалъ слишкомъ большого вниманія своей душѣ и словамъ *vrai, beau и bien*, какъ свойственнымъ его характеру. Достиженіе личной святости никогда не было его нравственной цѣлью... Самая идея о «святomъ» рабочемъ человѣкѣ даже чудовищно нелѣпа. Добродѣтели, которыя рабочіе классы для своего благосостоянія признали нужными, суть скорѣе добродѣтели чести, благородства, искренности, добраго товарищества, чѣмъ «кротости», «чистоты сердца», «благочестія», «самоотреченія» и т. п. Кратко, социальныя и объективныя добродѣтели—тѣ, которыя непосредственно относятся къ социальной обстановкѣ,—важнѣе, чѣмъ тѣ индивидуальныя и субъективныя добродѣтели, которыя относятся къ личности, какъ такой»²⁾. Таковъ этический матеріализмъ для милліоновъ. Его заблужденіе не заключается въ попеченіи его объ интересахъ общества. Христосъ заботился объ обществѣ. Онъ возложилъ на Своихъ учениковъ обязанность быть солью земли. Вопросъ представ-

¹⁾ Вах, *The Religion of Socialism*, стр. 97.

²⁾ Вах, *The Ethics of Socialism*, стр. 16. Подобныя же мнѣнія проповѣдывались руководителями социаль-демократическаго движенія въ Германіи. Они практически отрицаютъ ученіе Христа о томъ, что душа больше, чѣмъ пища, и утверждаютъ, что пища и одежда, а не царство Божіе и правда его, составляютъ главную цѣль человѣка.

ляется: въ чемъ заключаются качества для такого высшаго призванія? Чѣмъ должно быть осоляемо общество, какъ не личными внутренними нравственными правилами, запечатлѣнными Иисусомъ Христомъ?

Популяризованный матеріализмъ окажется вѣроятно не столько религіознымъ, сколько нравственно распущеннымъ. Противъ поклоненія вселенной, какъ оно рекомендовано Штраусомъ, нѣтъ надобности ничего говорить. Лучше, конечно, поклоненіе *universum* (вселенной), чѣмъ совсѣмъ ничему. Дѣйствительно, замѣчали, что самъ Штраусъ надѣляетъ этотъ *universum* такими достопоклоняемыми свойствами, что религіозный обликъ этого знаменитаго нѣмецкаго ученаго не слишкомъ отличается даже отъ облика деиста, и представляется почти дѣломъ одного только вкуса, назовемъ ли мы предметъ своего почитанія Богомъ, Природой или Всѣмъ ¹⁾. Печально однако то, что для человѣка, который оставилъ идею о Богѣ, трудно думать такъ же хорошо о мірѣ, какъ необходимо для искренности такого богопочитанія. Не настаиваетъ ли научный матеріализмъ на недостаточности міра во всѣхъ сферахъ его существованія, какъ на доказательствѣ, что онъ не могъ произойти отъ всемогущаго, разумнаго и благодѣтельнаго Создателя? Міръ, по матеріалистическимъ представленіямъ, полонъ не разума, красоты и благодати, но весьма неразуменъ, гнусенъ, безнравственъ; внушаетъ больше пессимистическій, чѣмъ оптимистическій взглядъ на свое устройство и предназначеніе. Какая же получается тогда религія при такомъ недостаткѣ чего-либо, достойнаго почитанія? Нѣтъ, тутъ остается только единственное прибѣжище—идеалы. Вы можете вымыслить міръ разумно прекрасный, дѣйствующій въ цѣляхъ достиженія праведности, хотя не вымышленный, а дѣйствительный міръ и можетъ быть совершенно инымъ. Вы можете быть оптимистомъ по чувству, хотя и пессимистомъ по вѣрѣ подъ напоромъ фак-

¹⁾ Lange, Geschichte des Materialismus, II, 543.

товъ. Вы не только можете; вы должны. Существуетъ, въ чемъ мы увѣрены, склонность въ человѣческомъ духѣ создавать для себя гармоническій идеальный міръ, и въ этомъ совершенномъ мірѣ человѣкъ надѣется найти себѣ утѣшеніе среди борьбы и бѣдствій жизни. Вотъ религія. Вотъ религія законная и достойная похвалы до тѣхъ поръ, пока этотъ пріятный и нѣжный сонъ не окристаллизуется въ серьезную вѣру въ живой Промыслъ, заставляющій все клониться къ добру ¹⁾).

С. М. Ѳ.

¹⁾ Ibid., II, 544.

П И С Ъ М А

ОПТИНСКАГО СТАРЦА І. АМВРОСІЯ

г-жѣ N . . . ой.

16 іюня (безъ года).

Чадце путешествующее и скорбящее! Жалуешься ты вромѣ другого прочаго и на отупѣніе своего ума и боишься большаго? Помилуй Богъ — довольно и сего! Ты скорбишь, да и я не безъ скорби, что не хочешь обратить должнаго вниманія на главную причину отупѣнія сего. Она заключается въ продолжительномъ недовольствѣ и гнѣвѣ, особенно на двухъ извѣстныхъ лицъ, а можетъ быть и троихъ. Насколько они виноваты, это въ свое время разсудитъ Господь, Который праведнымъ судомъ будетъ судить и ихъ, и насъ. Но зачѣмъ намъ такъ вредить себѣ изъ за нихъ? Если искренно желаешь уврачеваться и исцѣлѣться отъ язвы сея, то молись о людехъ сихъ, по совѣту св. Аввы Дорооея: Господи! якоже вѣси, помози рабамъ Твоимъ (имена) и за ихъ молитвы мнѣ окаянной и грѣшной. Молитва сія такъ дѣйствительна, что человекъ въ недолгое время получаетъ успокоеніе, если только искренно будетъ о семъ молиться. Я доселѣ умалчивалъ объ этомъ потому, что не видѣлъ въ тебѣ готовности принять мои слова, по причинѣ самооправданія и крайне усилившагося обвиненія извѣстныхъ лицъ. Тебѣ все кажется, что будто я хочу ихъ пристрастно защищать. Чрезъ это извращеніе моихъ словъ врагъ ухищ-

рется отдалить отъ тебя врачество духовное, безъ котораго ты не можешь исцѣлѣть. Если желаешь сего, то въ простотѣ вѣрь тому, что предлагается тебѣ отъ меня грѣшнаго, а собственное самосмышленіе и вражіе извращеніе оставь, а иначе сама будешь виновна въ своей бѣдѣ душевной, которую не даетъ намъ разумѣть крайнее наше самолюбіе. Миръ тебѣ!

Привѣтствую о Господѣ молодыхъ и старыхъ!

16-е іюня—память о. архимандрита Моусея. О. игумень не служить по болѣзни.

Дополненіе.

О. П—ій возвратился изъ К... Ему велѣно уклониться до поста въ Т... пустынь. Догадываемся о М...—а пока крики кажется будутъ, что его тѣснятъ. Л. прости, и Д. нельзя было ѣхать по неуправкѣ.

Если желаешь умиротвориться хотя повозможному—оставь заботу объ устройствѣ чужихъ дѣлъ и особенно порядковъ по обители своей и нашей. Самъ Господь лучше нашего устроить. Милосердіе Его какъ наши немощи несетъ, такъ и другихъ. Всѣхъ хочетъ помиловать. Еще не знаю какъ устроить ваше домашнее откровеніе. Что-то оно не ладится и не успокоиваетъ ни тебя, ни сестеръ. Начало онаго — по благословенію о. Иларіона, а покойный батюшка не склонялся на оное, какъ сама ты говорила, да и на дѣлѣ что-то не оправдывается. Впрочемъ, посмотримъ.

16 сентября 1866 г. Вечеръ.

Мать А.! Вкратцѣ извѣщаю тебѣ, что устаю и изнемогаю, а больше сказать ничего не знаю. Миръ тебѣ и спутешествующимъ съ тобою! Посылаю просфору.

16 октября 1866 г.

Возлюбленная о Господѣ сестра!

Вѣрую,—что дѣлается промыслительно отъ Господа, то дѣлается всегда къ пользѣ нашей душевной, если только мы сами не захотимъ лишить себя этой пользы. М. Е. совсѣмъ было собралась ѣхать въ свою обитель, но нечаянная болѣзнь удержала ее и протянулась до тѣхъ поръ, пока пріѣхала ты. Тутъ я вспомнилъ то, о чемъ какъ будто бы забылъ, а именно какое между вами находится прираженіе другъ къ другу, такъ что вы всегда стараетесь уклоняться одна отъ другой. Кто изъ васъ болѣе правъ или виноватъ, этого я не знаю, и не мое дѣло судить; а да судить Самъ Господь сердцеѣдецъ и всевидящій, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его. Но меня устрашаетъ страшное евангельское слово: «Аще не отпускаете чело-вѣкомъ согрѣшеній ихъ отъ сердець вашихъ, ни Отець небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ». Жаль мнѣ васъ, весьма жаль. Сожалѣю и боюсь, какъ бы вамъ не лишиться милости Божіей за упрямство свое по причинѣ оскорбленнаго самолюбія за какія-то пустыя претензіи. Жаль мнѣ и себя, какъ бы мнѣ немощному и изможда-лому не протрудиться даромъ по той же причинѣ, т.-е. если не захотите истинно смириться и искренно прими-риться. О семъ прошу каждую изъ васъ и умоляю о Гос-подѣ пріискренно и усердно. Пощадите себя и меня, да не раскаеваемся послѣ всѣ тщетно и невозвратно. По-этому кто не пощадитъ себя, ради самолюбивыхъ безраз-судныхъ претензій, тотъ виноватъ будетъ не только предъ Богомъ и людьми, но и самъ передъ собою, когда раская-ніе будетъ неумѣстно.

Диктованіе это рѣшился написать вамъ потому, что по болѣзни моей теперъ я не въ силахъ убѣждать васъ сло-весно.

Миръ Божій да осѣнитъ сердца ваши!

Непотребн. *І. Амвросій.*

31 октября 1866 г.

Миръ чадцу А.! Спрашиваешь, что у насъ слуховъ? Все опять по старому. О. игумень потолковалъ и замолчалъ—теперь въ М.... собирается ѣхать и беретъ съ собою о. М. Выѣзжаютъ 2-го, чтобы къ празднику Введенія Божіей Матери вернуться домой, если будетъ можно. О. игумень ѣдетъ принять благословеніе митрополита и благодарить его за всѣ милости къ Оптиной пустыни.

4 генваря 1867 г.

Чадо о Господѣ, мать А...!

Твоя просфора отъ твоихъ приносовъ тебѣ же приносится въ день рожденія твоего для вкушенія ради укрѣпленія душевнаго и тѣлеснаго. Отнынѣ да потщимся выскати мира и погнати во слѣдъ его. Инако бо никако не можемъ обрѣсти успокоенія душевнаго и вишняго. Самооправданіе бо и обвиненіе другихъ, правильное-ли, или неправильное, не успокоиваетъ, а лишь болѣе возмущаетъ духъ нашъ.

16 генваря 1867 г.

Сестра о Господѣ, мать А...!

Вчера получилъ письмо твое. О томъ, пріѣзжать-ли тебѣ къ 19-му числу, не знаю, что и сказать тебѣ. Мысль у меня двойтся. Хорошо почтить память старца; но до сихъ поръ что-то не извѣщается мнѣ, чтобы пріѣхать тебѣ теперь, а болѣе извѣщается, чтобы тебѣ еще побыть въ Б. Сама пишешь, что боишься дороги; сверхъ того NN. уѣхалъ, но черезъ нѣкоторое время долженъ возвратиться съ С., чтобы перебраться на другую квартиру; а тебѣ расчитаться съ С. чего стоить?

Спрашиваешь объ о. Θ? Онъ купилъ себѣ дровъ, топить

себѣ свою келью. Сегодня о. П. отслужилъ молебень апостолу Петру, на которомъ поминали NN. и васъ съ о. Θ.

Миръ тебѣ!

Многогр. *І. Амвросій.*

7 февраля 1867 г.

Миръ чадцу и Божіе благословеніе, и всякое утверженіе! такожде и благодареніе за вся, посланная прежде— и нами исправно полученная.—Николиже благодарихъ тя, но точію досаждаю многожды, немогій умиротворити скорбящую душу твою неумѣнія ради моего и безблагодатнаго слова. Много глаголахъ, но не имѣяху силы словеса моя безблагодатная и безплодная! Обаче будемъ молиться милосердому Господу, да сотворитъ милость съ нами, имиже вѣсть судьбами.

Многогр. *І. Амвросій.*

Диктованіе В. чадцу м. N.

27 марта 1867 года.

Бѣлевъ городъ бѣлый. Да убѣлитъ онъ всѣхъ, живущихъ въ немъ, изглаждая все не бѣлое и дебелое. Слышалъ я отъ О. N. что за скоро появившеюся непогодю тарантасъ изъ N. В. не доставленъ, а В. пріѣзжать къ Пасхѣ на почтовой телегѣ будетъ опасно, послѣ бывшаго съ нимъ тифа. Вотъ и выходитъ такое заключеніе: не явится-ли у тебя жалость и усердіе послать В. рублей 30, чтобы можно было ему пріѣхать въ удобномъ экипажѣ. Но вотъ что ты на это скажешь? Можетъ быть, послѣ, о. N. и накажешь, но теперь В. помилуешь.

Миръ тебѣ и душѣ твоей, и всей кельи твоей!

Диктованіе.

3 Апрѣля 1867 г.

Чадце, дома сидящее, мать А...!

Не даромъ же люди говорятъ: въ гостяхъ хорошо, а дома—лучше. Развѣ только не совсѣмъ хорошо, что побеспокоили тебя мужики о. Н., что дѣлать? Понеси наши немощи, особенно теперь при болѣзненномъ нашемъ положеніи. Для общаго спокойствія, въ воскресенье о. П. приобщалъ о. Н. Теперь ему много лучше. Кажется, вмѣсто рожи образуется какой-то нарывъ на самомъ сгибѣ ноги сверху, около щиколки. Тебя немного беспокоитъ неустроеніе нѣкое по кельѣ. Что дѣлать? въ цѣломъ мірѣ нестроеніе и неустроеніе. Если бы мы были люди безстрастные, то конечно тогда бы было все мирно и смирно, и благопокорливо, и покойно, и все другое прочее такое. Но какъ у насъ у каждаго своя немощь, да немощи-то все разныя, у кого прикрытая, у кого наглазная, — вотъ отъ этого-то и не ладится немножко. Но потерпимъ и смиримся мало, и возложимъ въ нѣкихъ вещахъ вину на ся, Божіей помощи прося, тогда, Богъ дастъ, современемъ и устроится, что теперь нестроится.

Миръ всѣмъ вамъ.

Многогр. *І. Амеросій.*

25 іюля 1867 г.

Миръ чадцу скорбному и скорбящему не въ мѣру! Если надѣнешься у насъ успокоиться, то пріѣзжай хоть сей же часъ; а если есть какое раздумье, то можешь пробыть дома и до Преображенія. Дается тебѣ полная свобода сообразить свои помыслы и, какъ найдешь ближе къ успокоенію, такъ и поступи.

29 сентября 1867 г.

Миръ чадцу и Божіе благословеніе! Ты все поскарбливаешь то о томъ, то о семъ, какъ написала мнѣ въ четы-

рехъ письмахъ. Что дѣлать! жизнь наша, по слову праведнаго Іова, есть искушеніе со всѣхъ сторонъ. Объ А. черезчуръ не заботься; если нужно будетъ, то прійдетъ. Тебя заботить еще неустройство по келии. Ничего нѣтъ удивительнаго. Если не совсѣмъ удобно устроить одну свою душу, чтобы была мирна, то такъ же и келью, гдѣ много душъ разнохарактерныхъ. Какъ относительно своей души, такъ равно и кельи потребно неспѣшное терпѣніе и пожданіе. Силенъ Господь все устроить и привести къ полезному концу. Н. можно объяснить и болѣзнь и немѣстное (кажется, просто знакомство) при случаѣ поправить, давши что нибудь ей. Съ сестрами все не дають мнѣ заняться, а постараюсь.

24 октября 1867 г.

Паче мѣры скорбящее чадце и нехотящее пріяти успокоенія, аще бы и Ангель съ небесе пришелъ, какъ пишешь, къ твоему успокоенію! Но Ангель свѣтлый мира не пошлется къ немирствующимъ неразсуднѣ и обвиняющимъ несправедливо многихъ, и особенно когда пріемлются еще совѣты и злыя внушенія темныхъ ангеловъ злобы и враждованія; какъ же намъ быть? видно опять надобно какъ нибудь по человѣчески улаживать дѣло наше, до такой степени разстроившееся. Въ смутномъ положеніи прежде всего читай Евангеліе шепотомъ, но чтобы уши твоя слышали—читай, хотя бы и ничего ты не понимала. Слова Духа Святаго отгоняютъ мракъ душевный, паче же вражескій. Потомъ молись такъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ Святыхъ Твоихъ, не попусти врагамъ до конца поругатися надъ немощію моею, извращеніемъ злымъ предстоящихъ вещей, но вразуми мя и умири грѣшную душу мою».

26 генваря 1869 г.

Миръ чадцу А. и Божіе тебѣ благословеніе! Неладница, въ первомъ твоёмъ письмѣ описанная, подѣйствовала и на мои слабые нервы; но какъ все это уладить — Богъ одинъ вѣсть. И геморрой меня понемногу беспокоитъ, и народъ не по мѣрѣ наѣхавшій. Вотъ тебѣ и все!

11 марта 1869 г.

Поздравляю чадце мое мать А. съ прежнимъ днемъ Ангела и сердечно желаю, чтобы и настоящіе, и прежніе угодники Божіи помогали тебѣ устроить жизнь свою, какъ требуетъ слово Божіе, къ полученію милости Божіей, хоть стезею мытаревую.

Миръ тебѣ!

1 іюня 1869 г.

Чадце странствующее, мать А! Письмо твое отъ 20-го мая получилъ 28 ч., а читалъ 29 ч., а почта отходить только сегодня 1 ч. въ воскресенье; и потому не знаю, успѣетъ ли мое письмо ко времени. Если оно получится еще до отъѣзда N., можешь сказать ей такъ: что ты не совѣтуешь ей снѣшить ломать церковь и начатую трапезу, а сперва приготовить всѣ матеріалы для предполагаемой новой постройки. Сломать не долго, это всегда можно сдѣлать; но бываютъ такія притчи: въ К. пустыни одинъ настоятель сломать-то сломалъ церковь, а ничего не построилъ и черезъ это навлекъ на себя всегдашнее поношеніе; доселѣ на него ропщутъ и смѣются надъ нимъ.

Миръ тебѣ!

8 іюня 1869 г.

Мужайся, чадце А., и да крѣпится сердце твое о Господѣ! Малодушествовать никогда и ни въ какомъ случаѣ бесполезно.

Письмо твое изъ О... получилъ. Что дѣлать! и радъ бы я, чтобы всѣ были святые — да я то самъ грѣшный. Я говорилъ тебѣ условно, что будетъ дочка твоя сердечная, если навсегда останется такая, какъ въ то время была, и съ покорностію и готовностію тебѣ въ глаза смотрѣла. О Н., какъ найдешь лучше, такъ и сдѣлай. Но сперва сѣздите въ Кіевъ, а тамъ видно будетъ, прямо-ли ѣхать въ Т..., или сперва можешь пріѣхать въ О... Крѣпись, крѣпись и крѣпись!

26 іюня (безъ года).

Рыбная дача, куда я вчера уѣхалъ усталый и съ простудою отъ сквозного вѣтра, въ хибаркѣ. Народъ не въ мѣру.

Миръ тебѣ, чадо и чадце! Совѣтую тебѣ ѣхать въ Кіевъ не отлагая, а о продажѣ или покупкѣ по возвращеніи потолкуешь. Ёхать нужно ради успокоенія Н. Его, кажется, стала ревность беспокоить; но ты сего NN. не доказывай, когда поѣдешь съ ними. Изъ К. можешь завести ихъ въ М... на короткое время, а потомъ и отправить въ Т... Они оба на это согласны, а болѣе кажется В. Съ М... имъ не навязывайся. Это по ходу дѣла будетъ прочіе, а впередъ видно будетъ, что и какъ. Смотри, дѣйствуй искусно и не спѣши, особенно съ выговорами. Оставь это на будущее время. Управляйся теперь, какъ знаешь. — Н. думаетъ побывать въ Оптинѣ на короткое время и то съ сомнѣніемъ. Вотъ настало для нея время обучаться терпѣнію и преданности волѣ Божіей *не кде-какъ!*

Я все собираюсь на Бѣлевскую дачу, да не знаю, какъ простудное положеніе и слабость допустить ли?

В. присылалъ въ Оп—ну свою С. съ Н. за подачкой. По ихъ словамъ ты оказываешься болѣе исправною въ высылкѣ имъ денегъ, нежели Т...скіе чудотворцы.

Миръ тебѣ! и миръ тебѣ! и еще миръ тебѣ и благодушіе, и отверженіе всякаго малодушія и *скорости!*

29 іюня 1869 года.

Странствующее чадце, матушка А!

Вчера возвратился я съ дачи и вчера же пріѣхала NN. съ письмомъ твоимъ отъ 21-го іюня. Три дня отдыхаль я, но мало отдохнулъ и чувствую себя не совсѣмъ хорошо, какъ будто лихорадка таится во мнѣ, или геморрой хочеть разыгратъ; а между тѣмъ народу много, и я въ одинъ день порядочно уже утомился и потому пишу тебѣ вкратцѣ. Пишешь о томъ, что по твоему мнѣнію о. N. слѣдовало бы съѣздить въ Троекурово, и что самъ онъ считаетъ это нужнымъ. Я этого не запрещаю ему, но только не ожидаю и не предвижу никакой пользы отъ этой поѣздки. Будеть много шуму, много нареканій; а толку не будетъ. Если въ житейскихъ дѣлахъ одобряется выжидательная система, и Наполеонъ тѣмъ и беретъ, что умѣеть выждать, когда нужно, то тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ держаться этой системы выжиданія. Повторяю: если о. N. хочеть съѣздить въ Т. . . пусть ѣдетъ; а что будетъ изъ этого, на самомъ дѣлѣ узнаешь. Можешь ему показать это письмо.

Еще пишешь, что о. N хочеть передѣлывать церковь въ И. . . Онъ говорилъ и благословлялся только о какомъ-то придѣлѣ, а я совѣтоваль ему погодить. Спрашиваешь, не съѣздить ли тебѣ самой въ Т. . . Такъ какъ ты съ О. . . скими чудотворцами собираешься ѣхать въ К., то кстати можешь съ ними по желѣзной дорогѣ проѣхать оттуда и въ Т. . ., не заѣзжая въ М. . .

Еще объ О—скихъ панахъ я писалъ тебѣ съ NN., чтобы поспѣшить сперва съѣздить съ ними въ К. . ., а потомъ заниматься дѣлами.

Думаль я поѣхать на Бѣлевскую дачу и общаль это м. игуменьѣ, но, испытавъ свои силы малыми поѣздками, вижу, что не могу этого сдѣлать.

Миръ тебѣ!

Многогр. I. Амвросій.

7 іюля 1869 года.

Чадце странствующее! Не знаю, что тебѣ сказать на послѣднее твое письмо. Виновать я одинъ предъ всѣми и за всѣхъ и не знаю, какъ меня будетъ судить Господь, а судъ человѣческій не страшень; и ты онаго не бойся! Разное нездоровье ко мнѣ примазывается.

Миръ тебѣ!

Многогр. *И. Амвросій.*

КЪ 200-ЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Роковая для Швеціи и славная для Россіи битва подъ Полтавою кончилась. «Русскій Самсонъ побѣдилъ шведскаго». Произошло то, что называется и есть законъ исторической необходимости. Собственно говоря, иначе и быть не могло: вѣдь въ поле вышли двѣ силы, но одна уже слабѣющая, изношенная въ сомнительныхъ подвигахъ и чрезмѣрныхъ проявленіяхъ отчаяннаго молодечества, а другая—молодая, крѣпнущая, свѣжая сила, которая брала соки въ цѣлинахъ духовныхъ и физическихъ богатствъ русскаго народа. Силы враждебно встрѣтились, заспорили, и одна изъ нихъ неминуемо должна была оказаться опрокинутой. Шведская сила и опрокинулась. Замѣчательно, что Полтавскій бой пришелся на 27-е іюня, когда празднуется Сампсона страннопріимца, а «Сампсонъ» переводится съ еврейскаго: «солнечный».

Какъ солнце является свидѣтелемъ новаго и яркаго дня и какъ оно вызываетъ жизнь и даетъ ей энергію, такъ,— и битва подъ Полтавою зародила европейское вліяніе и мощь Россіи и придала ей неслыханную энергію. Страна, на которую Западная Европа еще недавно, какихъ-нибудь 3—4 года назадъ, смотрѣла какъ на Золушку-замарашку, вдругъ, послѣ Полтавской баталіи, превращается въ прекрасную принцессу, всѣмъ скиптроносцамъ и любезную, и милую, и дорогую до-нельзя.

Кто же былъ виновникомъ столь чудеснаго и лестнаго для насъ русскихъ превращенія Золушки въ прекрасную и вліятельнѣйшую принцессу? Геній самодержавнаго Петра,

или, что можетъ быть точнѣе, гений великорусской природы. Кавелинъ былъ правъ, говоря, что Петръ Великій съ головы до ногъ—великорусская натура, великорусская душа. Въ запискахъ, не помню какого современника царя-преобразователя, есть любопытная отмѣтка, а именно: Петръ выразился (на чей-то вопросъ), что онъ принадлежитъ къ *partii Русскаго народа*. Въ устахъ государя, рубящаго окно въ Европу, это звучитъ особенно, полно особаго смысла...

Кавелинъ выпукло изобразилъ черты природы великоросса: удивительная живость, подвижность, смѣтливость; складъ ума практической, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ неразборчивость въ средствахъ для достиженія практическихъ цѣлей; безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры—и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали... — Все это такъ, конечно, и приемлемо, и въ Петру приложимо, но только этимъ не исчерпывается характеристика великаго императора: для охвата мощнаго образа мало общихъ чертъ, а нужны еще черточки, штрихи, мелкіе мазки...

Почти 200 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ послѣднихъ дней царствованія Петра; о немъ накопилась цѣлая, обширная, историко-критическая литература; юристы (Кавелинъ), историки (Соловьевъ), поэты-критики (кн. П. А. Вяземскій), даже психіатры (проф. П. И. Ковалевскій)—кто ни разсуждалъ о преобразователѣ Россіи! Казалось бы, что послѣ всего, о немъ написаннаго, нѣтъ уже и мѣста, и основанія для раздумья передъ фигурой Петра. И постигнуть онъ весь, и освѣщенъ весь, какъ рентгеновскими иксъ-лучами... анъ дѣтъ: еще остались загадки Петра, требующія объясненія. Очевидно, что Великаго не слѣдуетъ, ибо бесполезно, измѣрять общимъ аршиномъ; великороссъ-то онъ великороссъ, да съ особенной статьею. Вотъ въ чемъ дѣло!

Если вспомнить Брикнера, историка Петра Великаго,

то царь представляется и легковѣрнымъ, и совсѣмъ уже не православнымъ; бывшій профессоръ юрьевскаго университета говоритъ (въ главѣ: Церковь своей «Исторіи»), что царю было ненавистно все монашеское; что, занимаясь разсмотрѣніемъ десяти заповѣдей, онъ выразилъ мнѣніе, что недостаетъ еще заповѣди: «не ханжи»; что имъ было предписано соблюденіе мѣры въ сооруженіи церквей и часовенъ и т. п. Изображаемый, какъ рационалистъ, Петръ подходит ли, такимъ образомъ, къ той огромной семьѣ, которая называется Россіей и въ своей великорусской части дала форму для Петровскаго же духовнаго облика? Кажется, что не подходит. Между тѣмъ, какъ, право, близокъ къ «партіи Русскаго народа» этотъ царь, когда онъ пламенно молится и передъ началомъ, и по окончаніи дѣлъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ. Но это явно, у всѣхъ на виду, а вѣдь есть также указанія иного рода.

Покойный профессоръ кіевскаго университета и кіевской духовной академіи, историкъ, Ф. А. Терновскій общалъ, что во время пребыванія въ Карлсбадѣ, въ 1711—12 годахъ, Петръ часто уходилъ на близъ лежащую гору для уединенныхъ молитвъ ¹⁾. Вотъ крайне цѣнная, мало кѣмъ замѣченная, психологическая черта! Частая потребность въ уединенной молитвѣ... Порывы въ пустыню... бѣгство отъ мірской сутолоки... Позвольте, а тутъ нѣтъ, ну, хотя бы слабаго, оттѣнка монашескаго? Разъединеніе съ міромъ, уединеніе въ пустыню, потребность одинокаго общенія съ Богомъ путемъ молитвы, — развѣ это не монашеское? А ежели это подлинно такъ, то утвержденіе о ненависти царя ко всему монашескому поколеблено, нуждается въ поправкѣ.

И, не правда ли, усложняется «великорусская природа» Петра: удивительная живость, складъ ума безъ всякой

¹⁾ „Религіозный характеръ русскихъ государей XVIII вѣка“, Кіевъ, 1874, стр. 10.

тѣни мечтательности и прочее по кавелинскому опредѣленію какъ-то тускнѣють и перестаютъ быть вразумительными передъ карлсбадской горой, на которой часто молится преобразователь въ уединеніи... Какъ же это такъ? Загадка требуетъ рѣшенія. Право, многое не ясно.

Царь усердно молится передъ Полтавскимъ боемъ и послѣ него. Отпѣвають павшихъ въ бою воиновъ, онъ поетъ съ пѣвчими, и вообще, когда бы ни пришелъ въ церковь, онъ становится на клиросѣ, тянетъ баскомъ и смерть любитъ читать Апостолъ за обѣдню. Точить паникадила для храмовъ и въ то же время предписываетъ «соблюдать мѣру въ сооруженіи церквей и часовенъ»... Все черточки, если и не затѣнныя, то и не достаточно разъясненныя тѣми, кто лѣпилъ Петра во весь ростъ, не изъ глины, а съ помощью чернилъ и пера.

Затихли побѣдные громы. Выяснилось значеніе Полтавской баталіи. Надо было ее увѣковѣчить; ради этого Петръ обратился къ содѣйствию... монаха — тверского архіепископа Теофилакта (Лопатинскаго). Услужливый Теофанъ Прокоповичъ накропалъ Епиникіонъ, или цѣснь побѣдную на преславную побѣду полтавскую; но Теофилакта царь попросилъ сочинить «Службу благодарственную Богу, въ Троицѣ Святой славимому, о великой, Богомъ дарованной, побѣдѣ надъ свейскимъ королемъ Карломъ 12 и воинствомъ его, содѣянной подъ Полтавою, въ лѣто 1709-е мѣсяца іюня 27 день».

Въ Императорской Публичной Библиотекѣ хранится рукописный экземпляръ этой службы, положенной на ноты Ширяевымъ. Ее печатали въ мѣсячныхъ минеяхъ 1711 и 1717 годовъ. Теофилактъ вложилъ въ свое сочиненіе довольно ума, сообразительности и выказалъ такую любовь къ отечеству и народную гордость, что царь счелъ необходимымъ кое-что въ «Службѣ» исправить. Такъ, противъ выраженія, касавшагося имени самого государя: «пресвято имя его превыше небесъ превознести», Петръ написалъ: «кажетца, не лишняя-ль, однако на произволе-

віе». Противъ фразы: «пріимите вси окрестніи народы и видите дѣла Божія, еже сотвори Богъ, и дадите съ нами славу Его, хваляще и превозносяще». Петръ замѣчаетъ: «неприлично сіе слово, чтобы всѣ народы за едину нашу пользу благодарили».

Феофилактъ уподобилъ было русско-шведскую войну крестовому походу противъ невѣрныхъ. «Симъ бо (крестомъ) врагъ нашъ и посмѣятель силы крестной низложися, мы же побѣдители явихомся». Тутъ Петръ замѣтилъ: «сію пѣснь всю перемѣнить, понеже бо не ідетъ о законѣ (т.-е. вѣрѣ), а горда была (Швеція): война не о вѣрѣ, а о мѣрѣ, такожь и у нихъ крестъ есть во употребленіи и почитаніи. А кажетца, приличнѣе взять слова Голиафа гордые къ Давиду, а отъ Давида уповательные на Бога, что правильнѣе, сходнѣе сіе исторіи будетъ». Противъ выраженія въ текстѣ: «давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ и исходящемъ отъ Отца Пресвятымъ Духомъ» — Петръ дѣлаетъ помѣтку: «кажетца, многовато, однако на произволь».

«Отринете гордость, свѣяне (т.-е. шведы), и не злобствуйте росіаномъ: Богъ бо ихъ заступникъ» — писалъ Лопатинскій. «Отставить» написалъ царь.

На слова: «съ щедротами твоими, отъ вѣка неслышанными», Петръ отзывается: «едва слышанными».

«Къ похваленію триипостаснаго божества степытеса, земнородніи», изливается тверской архіепископъ. Петръ вводитъ изліянія его въ болѣе тѣсное русло и слово: «земнородніи» замѣняетъ словомъ: «росіяне»¹⁾.

Поправки къ «Службѣ» свидѣтельствуютъ о той мѣрѣ, которую Кавелинъ отрицалъ у природы великоросса вообще и, слѣдовательно — у Петра Великаго въ частности. Ну, развѣ не на лицо эта мѣра, если ею даются опредѣленные очертанія, какъ *личной* скромности царя, такъ

¹⁾ Пекарскій. И. Павловскій, „Битва подъ Полтавой и ея памятники“.

и его политическому такту? И вотъ опять дѣло не обходится безъ противорѣчїя или недомолвки, и характеристика государя снова не укладывается въ общій футляръ,—общїй для великороссовъ. Опять заставляеть Петръ придумать надъ его внутреннимъ міромъ, передъ его образомъ...

Какъ вѣрно то, что у него былъ практической складъ ума, такъ же вѣрно и то, что тѣнь мечтательности лежала на царскомъ обликѣ,—пуская слабая тѣнь, и не прочь онъ былъ отъ резонерства, здраваго и осмысленнаго, когда резонерство требовалось обстоятельствами, мгновеньемъ...

Вернемся къ «Службѣ». Въ минеяхъ 1724 года ея уже не включено. Государственный корабль Россїи совершилъ большое плаваніе за время отъ 1709-го до 1724 года. Произошло много переменъ во внутренней жизни имперїи и въ международныхъ отношенїяхъ. Первоначальный текстъ ѳеофилактовой «Службы»,—предполагается,—уже не удовлетворялъ взгляду и видамъ царя, который хотѣлъ измѣнить кое-какія мѣста въ «Службѣ», но смерть помѣшала Петру привести желаніе въ исполненіе.

Дѣйствительно, «съ короной свѣйскою заключенъ былъ вѣчный миръ», и это обязывало русскую сторону, притомъ—побѣдительницу, ступевать все обидное и оскорбительное для шведовъ. Русское великодушїе поступалось своей гордостью, лишало особенной звучности церковный день 27-го іюня и устанавливало (съ 1736 года) только благодарственный молебенъ.

Впрочемъ, такой порывъ продолжался не долго, такъ какъ уже въ 1740 году синодъ приглашается къ сочиненїю и напечатанїю новой службы. Итакъ, первоначальный литературно-церковный памятникъ сдается въ архивъ, а взаменъ его ожидается новый, примѣнительно къ духу времени и, можетъ быть, къ духу петербургскаго періода русской исторїи... Мѣткій Филаретъ (Дроздовъ) пояснилъ острымъ словомъ «петербургскїй духъ». — «Вѣдь Петербургъ-то стоитъ къ Россїи спиной».

Извѣстному Арсенію Мацѣевичу досталось пересмотрѣть ееофилактову «Службу»; онъ исправилъ въ ней нѣкоторыя мѣста, но губительной руки на нее не наложилъ: передъ его мысленнымъ взоромъ предстала воскресшая петровская эпоха, нарисовалась картина Полтавскаго боя со всѣми его послѣдствіями для Россіи, блескъ побѣды;— Арсеній заявилъ, что *болѣе* прежнихъ, изображенныхъ въ службѣ, словъ къ выключенію назначивать не смѣлъ, *дабы исторіи не потерять*. И правда! вѣдь, тутъ вся суть именно въ сохраненіи исторіи, въ береженіи драгоценнаго алмаза въ коронѣ русскаго царя или великолѣпнаго лавра въ его же императорскомъ вѣнкѣ.

Синодъ согласился съ Арсеніемъ, что дѣйствительно неудобно исправлять службу. Но неудобно стало и отправлять ее? Да, и это также оказалось неудобнымъ. Такъ служба и сдѣлалась единственно наслѣдіемъ книгохранилищъ, а день Полтавской побѣды сталъ отмѣчаться служеніемъ обыкновеннаго благодарственнаго молебна.

Павелъ Россіевъ.

ДОМОЙ—НА ПРАЗДНИКЪ.

(БЫЛЬ).

Приближался конецъ Великаго поста. Наступалъ празднигъ Пасхи. Въ это время сельскій священникъ и его жена были сильно озабочены. Надо было взять на пасхальныя каникулы ихъ сыновей изъ духовнаго училища. Родительское сердце болѣло за дѣтей: время было такое, когда трудно было пробираться по проселочной дорогѣ пѣшкомъ, а на лошадяхъ совершенно невозможно, духовное же училище отстояло отъ дома священника на значительномъ разстояніи—тридцати верстѣ.

— Кого-нибудь намъ нужно послать за ребятами-то,— озабоченно говорилъ священникъ своей женѣ.

— Попрошу дядю Ивана, онъ приведетъ ихъ.

На другой день пришелъ къ священнику «дядя Иванъ», рослый и здоровый сельскій мужикъ, и, уговорившись съ нимъ, ему поручили привести учениковъ—дѣтей священника изъ духовнаго училища. Снабженный наставленіями матери этихъ дѣтей, Иванъ отправился въ училище ко дню ихъ роспуска.

Тѣмъ временемъ въ училищѣ шло приготовленіе учениковъ къ роспуску на празднигъ. Ученики связывали свои пожитки и примѣривали ихъ на своихъ спинахъ—какъ удобнѣе имъ весты ихъ домой. Посланныхъ отъ своихъ родителей они ожидали почти всѣ. Въ свободное время отъ занятій ученики то и дѣло выбѣгали за двери училищнаго параднаго крыльца и высматривали, нѣтъ ли кого изъ прибывшихъ за ними. Къ каждому посланному изъ родительскаго дома ученики подбѣгали, встрѣчали

его и, окруживъ толпой, выпрашивали, за кѣмъ онъ пришелъ. Вотъ пришелъ и «дядя Иванъ» отъ обремененнаго большимъ семействомъ сельскаго священника и тотчасъ же сдѣлался предметомъ особеннаго вниманіе учениковъ. Онъ казался имъ какимъ-то необыкновеннымъ человекомъ. Его не спрашивали о томъ, можно ли пройти домой въ сильную распутицу. Ученикамъ казалось, что съ дядей Иваномъ не будетъ ничего невозможнаго. Между тѣмъ вѣдливость пришедшаго Ивана показывала, что дорога предстояла не легкая. Онъ очень усталъ и промокъ. Начальствомъ разрѣшено было ему ночевать въ училищѣ, такъ какъ въ тотъ же день было поздно итти съ дѣтьми домой. Посланный говорилъ ученикамъ, что изъ училища надо выходить рано утромъ, чтобы можно было пройти кое-гдѣ «по насту». Имѣя въ виду раннее отправленіе изъ училища на другой день, Иванъ совѣтовалъ дѣтямъ лечь спать пораньше; совѣты эти исполнены были охотно. Приготовившись съ вечера въ дорогу домой, ученики однако долго не могли заснуть. Они считали себя весьма счастливыми: теперь за ними «пришли», и они будутъ дома.

Однако сонъ взялъ свое, и ученики на нѣсколько часовъ крѣпко заснули. Съ трехъ часовъ утра Иванъ сталъ собираться. Разбудилъ учениковъ, и они въ нѣсколько минутъ уже готовы были выступить въ путь. Ночь была морозная, свѣжая и была «насть».

Въ четвертомъ часу двое учениковъ съ небольшими котомками за плечами въ сопровожденіи рослаго дяди Ивана бодро выступили изъ училища. Въ рукахъ у нихъ были палки. Они весело и съ радостью шагали за своимъ провожатымъ. На лицахъ ихъ было веселое настроеніе, они ничѣмъ не были озабочены; дома они теперь будутъ, и въ воображеніи ихъ уже рисовалась вся домашняя обстановка. Но на лицѣ Ивана можно было замѣтить нѣкоторое безпокойство: онъ безпокоился за дѣтей и предвидѣлъ, что имъ придется испытать дорогой.

— Ребятки, вы не горячитесь, не очень спѣшите-то, а то скоро устанете; небось, знаете пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь; знать домой-то захотѣлось? Ничего, дома будемъ; вотъ только бы намъ черезъ оврагъ да рѣку перебраться.

Весеннее солнце поднималось все выше и выше. Слушаясь Ивана, ученики шли ровно и такъ прошли версть около десяти. Солнце поднялось уже высоко и начало пригрѣвать землю. Ученики подходили къ большому оврагу, который въ обычное время не представлялъ изъ себя ничего особеннаго. Но теперь, въ весеннюю пору, во время сильной распутицы, онъ превратился въ бушующую рѣку. Онъ соединялся съ настоящей рѣкой, на которой въ описываемое время былъ ледоходъ, она выступила изъ береговъ и широко затопила мѣстность.

— Вотъ какъ мы только перейдемъ этотъ оврагъ?— говорилъ съ беспокойствомъ дядя Иванъ.

Увидѣвъ на своемъ пути такую преграду, дѣти сдѣлались озабоченными.

— Надо будетъ намъ подальше обойти оврагъ,— говорилъ Иванъ.

Дѣйствительно, когда дѣти подошли къ разбушевавшемуся оврагу, то о переходѣ его въ томъ мѣстѣ, по которому пролегла дорога, нечего было и думать. Надо было итти вверхъ по его окраинѣ.

Путешественникамъ теперь приходилось итти частію по снѣгу, который не имѣлъ уже, отъ согрѣвающего его солнца, наста, частію по вязкимъ и топкимъ проталинамъ. Ученики почувствовали, что чрезъ ихъ некрѣпкую обувь уже просачивалась вода, и въ сапогахъ ихъ было слышно жмыканье.

Далеко пришлось имъ обходить оврагъ. Подошли наконецъ къ мѣсту, гдѣ бурлила вода, а посрединѣ видны были кусты.

— Вотъ тутъ мы, ребятки, авось перейдемъ. Я попробую первый, а вы замѣчайте, которымъ мѣстомъ я буду

итти; да когда пойдете-то, то придерживайтесь за кусты: вишь, какъ вода разбушевалась, такъ и бурлить.

Такъ наставлялъ учениковъ дядя Иванъ.

Онъ снялъ съ дѣтей бывшія на ихъ плечахъ котомки, привязалъ веревками къ своей, взвалилъ къ себѣ на плечи, подобралъ поддевку, перекрестился и пошелъ въ сапогахъ въ воду. Медленно шелъ Иванъ по водѣ; дно оврага было очевидно ровно. Зорко разглядывалъ онъ свой путь. Но дойдя до середины оврага, онъ, хватаясь за кусты, ухнулъ и погрузился съ головой въ воду...

Несмотря на бурное теченіе воды, кусты, за которые хватался Иванъ, спасли его. Онъ фыркалъ, барахтался въ водѣ и цѣплялся за кусты. Выбравшись изъ глубины, онъ закричалъ дѣтямъ, чтобы они не шли въ воду по его пути.

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь не ходите; вамъ надо переходить въ другомъ мѣстѣ; помилуй Богъ, здѣсь можно утонуть.

Иванъ выбрался на другой берегъ, снялъ съ себя мокрая котомки, поддевку, бросилъ ихъ на землю и пошелъ вдоль берега искать дѣтямъ другого перехода. Пришлось еще не мало обходить. Наконецъ, послѣ тщательнаго осмотра всѣхъ этихъ мѣстъ Иванъ опять самъ пошелъ въ воду съ другого берега, внимательно рассматривая дно.

— Вотъ тутъ, ребята, можно будетъ перейти. Польты-то закиньте на голову, держитесь за палку и идите. Ты, постарше, иди впередъ, дай меньшому-то палку и идите съ Богомъ.

Исполняя это наставленіе своего провожатаго, дѣти съ расширенными отъ страха глазами, держась за палку, вошли въ воду. Дядя Иванъ стоялъ въ водѣ у самаго бурнаго мѣста и протянулъ надъ водой свою палку. Вода уже залила сапоги идущихъ дѣтей, и они почувствовали холодъ ея.

— Смѣлѣй, смѣлѣй, тутъ ничего, не глубоко.

— Очень страшно, дядя Иванъ!

— А дома - то будете. Мамаша - то ужъ какую, чай, пасху съ куличомъ собирается состряпать для васъ! Не обращайтесь вниманія на воду-то. Бурлить и бурлить, а вы идите и упирайтесь супротивъ нея.

Съ большимъ страхомъ съ помощью Ивана промокшія дѣти благополучно вышли на берегъ...

— Ну, слава Богу! Теперь, ребята, снимайте сапоги и выжимайте воду.

Дѣти разулись, вылили изъ сапогъ воду и выжали ее изъ портянокъ.

Послѣ такой холодной ванны путники, поднявшись на большую гору, пришли въ село, гдѣ можно было отдохнуть и нѣсколько просохнуть. Но отдыхъ не былъ для нихъ продолжителенъ, такъ какъ ими пройдено было всего только около трети пути, надо было спѣшить, чтобы засвѣтло добраться до дому. Снѣгъ по дорогѣ сильно разрыхлялъ, отчего идти было очень трудно. Ноги путешественниковъ постоянно то глубоко проваливались, то развѣзались въ разныя стороны. Ученики устали и казались весьма изнуренными. Они приблизились теперь къ рѣкѣ, переправа черезъ которую представляла еще большія опасности. Рѣка протекала мимо большого села и теченіе ея было быстро. Она широко разлилась, и подъемъ воды на ней былъ очень высокъ. Когда подошли къ ней ученики, по рѣкѣ шелъ очень быстро ледъ. Перевозчики не соглашались перевозить. На лицахъ дѣтей выразилось разочарованіе. Они упрашивали перевозчика согласиться ихъ перевезти.

— Нѣтъ, нѣтъ, сегодня и думать нечего, чтобы рѣку переѣзжать; до завтра, а то еще что Богъ дастъ.

Перевозчикъ не считалъ нужнымъ объ этомъ много разговаривать и ушелъ къ себѣ въ избу.

— Ничего, ребяташки, не подѣлаешь; придется намъ здѣсь въ селѣ у кого-нибудь ночевать.

Иванъ повелъ дѣтей къ одному изъ мѣстныхъ священниковъ, зная, что онъ былъ другомъ отца этихъ учени-

ковъ. Они были ласково священникомъ приняты, ночевали у него и на другой день опять подошли къ той же рѣкѣ. Разливъ ея еще не спалъ, а у другого берега продолжалъ итти ледъ. Теперь два перевозчика дали свое согласіе на переправу. Они сѣли въ небольшую плоскодонную лодку, въ руки взяли вмѣсто весель лопаты. Когда всѣ усѣлись впятеромъ въ лодку, она погрузилась сильно въ воду, а когда лодка немного отчалила отъ берега, то ее быстрымъ теченіемъ стало относить внизъ по рѣкѣ. Сидѣвшія дѣти и дядя Иванъ испуганно смотрѣли на воду. Одни перевозчики были серьезны и старались усиленно грести. Отъ быстрого теченія у сидѣвшихъ въ лодкѣ дѣтей сильно кружилась голова.

Лодка приближалась мало-по-малу къ противоположному берегу. Лдины однако мѣшали ей пристать къ нему и относили лодку все дальше и дальше отъ него. Борьба со льдомъ перевозчиковъ, вооруженныхъ лопатами, была безуспѣшна. Перевозчики стали звать на помощь крестьянъ изъ деревни, находящейся на другомъ берегу рѣки. Крики услышали двое крестьянъ, прибѣжали и бросили веревки, а затѣмъ лодку съ сидѣвшими въ ней причалили къ берегу...

Облегченно вздохнули ученики. Они вышли съ дядей Иваномъ на берегъ и не вѣрили отъ радости, что они уже переправились черезъ разлившуюся рѣку. Въ ихъ мысляхъ носилось, что теперь они уже будутъ дома.

Радостныхъ учениковъ давно ожидали дома безпокоившіеся о нихъ отецъ и мать.

Теперь они дома...

— Какъ же вы добрались домой?— спрашивали учениковъ отецъ и мать.

— Ничего-о-о!.. дошли...

П. Павловъ.

Матеріали для біографіи Ржевскаго Протоіерея Матвея Александровича Константиновскаго ¹⁾.

Въ селѣ Еськахъ Батюшка Матвей Александровичъ пробылъ 3 года 4 мѣсяца и 1 день. Здѣсь жизнь его, въ отношеніи проповѣданія слова Божія, не перемѣнилась противъ той, какою онъ велъ въ Діевѣ. За то со стороны другого комплекта священноцерковнослужителей возбудилъ къ себѣ большую зависть и ненависть: зависть отъ того, что изъ части другого комплекта собирались къ нему не менѣе своихъ прихожанъ, а ненависть отъ того, что прихожане села Еська были увѣрены въ святости Матвея Александровича, простирающейся до фанатизма. Здѣсь, вмѣсто предполагаемаго покоя отъ трудовъ по обработкѣ полей, открылась борьба или лучше война съ ненавистникомъ слова Божія, — діаволомъ, который употребилъ для сего орудіемъ священноцерковнослужителей села Еська и Благочиннаго, погоста Спасо-Талиць Священника Іоанна Егорова Градницкаго. Сей послѣдній, 21 Декабря 1833 года, обязывалъ Матвея Александровича подпискою, — «чтобъ бываемое въ домѣ его съ собирающимися прихожанами пѣніе и чтеніе слова Божія въ ночное время прекратить и въ церкви не произносить устно слово Божіе впредь», а 31 Декабря того же года Градницкій донесъ объ этихъ собраніяхъ бывшему Архіепископу Тверскому и Кашинскому Григорію, по резолюціи

¹⁾ Продолженіе. См. майскую вн. *Дух. Чтен.* 1909 г.

котораго, 31 Января 1834 года, Присутствующимъ Бѣжецкаго Духовнаго Правленія, Богословской церкви Священникомъ Георгіемъ Даниловымъ, Матвей Александровичъ о нижеслѣдующемъ секретно спрашиванъ и показалъ:

Копія.

1) Собранія въ домѣ Александрова начались еще по опредѣленіи его въ Дьяконы 1814 г. Вышневолоцкаго уѣзда въ погость Осѣчню.

2) Онныя собранія, по началу, были послѣ заутрени до обѣдни только въ Воскресные и Праздничные дни; и къ утверженію того и другого представляю свидѣтелями погоста Осѣчни Священниковъ: Андрея Семенова, Іоанна Михайлова и Алексѣя Спиридонова, Діакона Василья Васильева, дьячковъ: Петра Данилова, Ивана Васильева и Гавріила Васильева, пономарей: Александра Петрова и Ефима Данилова.

3) Собранія сіи начались единственно по усердію его, Александрова, къ чтенію слова Божія и такому же усердію желающихъ слышать оное, безъ всякаго другаго случая.

4) Собирались къ нему, Александрову, въ домъ обоего пола люди.

5) Когда онъ, Александровъ, былъ въ Осѣчнѣ Дьякономъ, то собирались къ нему люди всѣхъ возрастовъ, кромѣ отроческаго. Когда же онъ, Александровъ, переведенъ былъ во Священника въ село Діево Бѣжецкаго уѣзда, то собирались къ нему люди также въ воскресные и праздничные дни послѣ заутрени до обѣдни въ церкви; а послѣ обѣдни въ домѣ собирались изрѣдка и понемногу; въ послѣдній же годъ его бытія въ Діевѣ, что было въ 1832 году, собирались въ церкви въ вечернее время до десяти часовъ пополудни; а по переведеніи его въ село Есько сперва собирались къ нему въ домъ только въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда до вечерни взрослые, а съ Октября мѣсяца и по 20-е Декабря про-

текшаго 1833 года собирались и послѣ вечерни, не исключая и отроческаго возраста.

6) Собирались большею частію свои прихожане, а иногда немногіе приходили и изъ другихъ приходо́въ:—кто именно изъ другихъ приходо́въ онъ, Александровъ, ихъ не спрашивалъ и именно сказать не можетъ.

7) Чужіе прихожане привлекаемы были на сіи собранія, какъ полагаетъ онъ, Александровъ, провѣдавъ о нихъ отъ своихъ прихожанъ, которыхъ онъ о приглашеніи другихъ на сіи собранія никогда не просилъ и не внушалъ.

8) По переводеніи его, Александра, въ село Есько собирались къ нему сперва въ воскресные и праздничные дни, а особенно на то установленныхъ дней не было, а съ первыхъ чиселъ Октября по 20-е Декабря каждодневно.

9) Продолжались оныя собранія не далѣе 10-ти часовъ пополудни, а во всю ночь никогда не бывало.

10) Въ сихъ собраніяхъ онъ, Александровъ, читалъ иногда житія Святыхъ, а иногда поученія преподобнаго Сирина и Златоуста, по требованію самого собранія, а иногда изъ Евангелія и Апостоловъ: Іакова, Петра и 12-ю главу Апостола Павла къ Римлянамъ, и устно объяснялъ, что неудобовразумительно для нихъ.

11) Иногда онъ, Александровъ, въ сихъ собраніяхъ говорилъ и устныя поученія, то объясняя догматы вѣры, въ символѣ содержащіеся, то нравоучительныя о христіанской жизни; въ чемъ ссылается на крестьянъ того села, именно: Ѳедора Сергѣева, Парамона Тиханова, Степана Алексѣева, Матвея и Григорья Степановыхъ.

12) Было въ оныхъ собраніяхъ и пѣніе, которымъ занимались отъ мала до велика, и пѣли наиболѣе: «Царю Небесный», «о Пресладкѣй Иисусе», «о Всепѣтая Мати», догматики имъ извѣстные и чаще поемые ирмосы, а иногда—славословіе великое, изрѣдка—«Тебе Бога хвалимъ», «Высшую небесъ», «достойно есть яко воистину» «вѣрую» (символъ) и молитву «Отче нашъ», и «се женихъ грядетъ въ полунощи».

13) Во время сихъ собраній возжигается была лампада съ елеемъ предъ образомъ Спасителя, Божія Матери, а иногда двѣ и три восковыя свѣчи. Масло на счетъ Священника Александрова, а свѣчи иногда приносятся были приходскими, въ чемъ свидѣтельствуюсь тѣми же вышепомянутыми крестьянами.

14) Во время пѣнія стоять на полу въ комнатѣ предъ иконами, а во время чтенія сидятъ на лавкахъ и на полу.

15) Онъ, Александровъ, людей, бывающихъ въ сихъ собраніяхъ, безъ надлежащаго приуготовленія, и только потому, что бываютъ у него въ собраніи, никого не причащаль въ своей церкви, кромѣ крестьянина села Еська Федора Сергѣева, который, хотя ходилъ, но говорилъ, что онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, — по его просьбѣ 27 числа Маія приобщилъ, и еще Селецкаго прихода крестьянина Михаила, деревни не упомянуть, и двухъ Валдайскаго уѣзда странниковъ, идущихъ въ Кіевъ и по Святымъ Угодникамъ, коихъ имя одного Елисей, а другаго не припомнить (и селеній ихъ не знаетъ), отдохавшихъ у него, Александрова, около двухъ сутокъ, по ихъ прошенію и желанію, съ надлежащимъ приуготовленіемъ и исповѣдью. Въ чемъ ссылаюсь на священно-служителей села Еська.

16) Желающихъ причащаться съ надлежащимъ приуготовленіемъ онъ, Александровъ, причащаль во всѣ четыре поста, въ субботу и въ Воскресенье, а въ другое время никого не причащаль, кромѣ вышеозначенныхъ села Еська, Селецкаго и двухъ странствующихъ крестьянъ, по неотступной ихъ просьбѣ.

17) Въ церкви поученія говорилъ устно безъ надлежащей цензуры.

18) Таковыя поученія говорилъ каждое Воскресенье и каждый праздничный день своей очередной недѣли. Въ чемъ свидѣтельствуюсь на священноцерковнослужителей того села и прихожанъ.

19) Говорилъ поученія всегда изъ текстовъ Евангелій

дневныхъ, болѣе и чаще о назиданіи внутренняго чело-
вѣка, о суетѣ и кратковременности жизни человѣческой,
о будущей жизни, о безконечномъ воздаяніи праведнымъ
и о мукѣ, ожидающей грѣшниковъ нераскаянныхъ, и о
судѣ страшномъ и второмъ пришествіи въ міръ Христа
Спасителя. Въ чемъ также ссылаюсь на священноцерков-
нослужителей и прихожанъ того села.

20) Безъ цензуры говорилъ онъ, Александровъ, потому,
что не писалъ напередъ и послѣ говоренія, впрочемъ ни
мало не сумнѣваясь въ ихъ пользѣ для слушателей, такъ
какъ онъ заимствовалъ всѣ мысли для своихъ поученій
изъ многократно-читанныхъ имъ: Ефрема Сирина, Злато-
устова и писателя лѣствицы Іоанна и другихъ сочиненій.

21) По первому запрещенію мѣстнаго Благочиннаго со-
браній не прекратилъ, потому что онъ совѣтовалъ только,
а онъ противуполагалъ себѣ важность обязанности Свя-
щеннической касательно проповѣданія слова Божія, живо
и сильно выраженной Апостоломъ Павломъ въ сихъ сло-
вахъ: «горе мнѣ, аще не благовѣствую».

22) По второму прямо запрещенію мѣстнаго Благочин-
наго, со времени данной имъ, Александровымъ, ему, Благо-
чинному, подписки, сіи собранія съ 20 числа Декабря
1833 года и по сіе время прекращены.

23) Изъ другихъ приходовъ причастниковъ не бываетъ,
кромѣ вышепрописанныхъ Селецкаго прихожанина и Вал-
дайскаго узда двоихъ, которыхъ Александровъ допустилъ
по неотступной ихъ просьбѣ. Въ чемъ ссылаюсь на свя-
щенноцерковнослужителей села Еська.

Священникъ Матвей Александровъ Константиновскій
противъ показанія Священника Николая Іоаннова и Діа-
кона Тимофея Петрова спрашиванъ и показалъ:

Противъ 6-го пункта. Собирались къ нему, Александр-
ову, изъ части Священника Николая Иванова не менѣе,
какъ и своихъ прихожанъ; и изъ приходоѣвъ: Котовскаго,
Порѣцкаго, Чижевскаго и Узменскаго многіе приходили,
а именно ли изъ тѣхъ приходоѣвъ, — того онъ, Александр-
овъ, такъ какъ ихъ не знаетъ, и утвердить не можетъ.

Противъ 7-го пункта. Онъ, Александровъ, разглашать о бывающихъ въ его домѣ собраніяхъ въ чужихъ приходахъ никого не просилъ и рассказывать о своей святости никому не внушалъ, и что Узменскій Священникъ Никита Лукинъ замѣтилъ отъ него, Александрова, нарочно посланнаго для того—быть не можетъ, чего и самъ Священникъ Лукинъ на него, Александрова, по священству не можетъ показать.

Противъ 9-го пункта. При расходѣ собранія изъ дома Священника Александрова отправлялись нѣкоторые съ фонарями въ часовню, отстоящую не менѣе версты отъ села, и, оттуда возвратившись, заходили въ домъ крестьянина Федора Сергѣева и пѣто тамъ слѣдующее: «Ложе, мое ложе и далѣе». Но онъ, Александровъ, никакого имъ къ тому не подавалъ повода и, какъ скоро узналъ о томъ обстоятельстве, совѣтовалъ имъ и то, и другое прекратить, что вскорѣ и исполнено.

Противъ 15 пункта. Изъ людей, бывающихъ въ собраніи, въ домѣ его, Александрова, онъ, Александровъ, никого въ церкви, кромѣ помянутыхъ въ прежнемъ показаніи, не причащалъ. Прописанное происшествіе въ церкви 27 числа Маія въ мясоостіе справедливо; но онъ, Александровъ, не имѣлъ намѣренія причастить послѣ сего происшествія, а только, пораженъ будучи внезапнымъ поступкомъ означеннаго крестьянина Сергѣева, стоялъ еще вѣдъ алтаря съ вынесенными св. дарами и увѣщевалъ его примириться съ обиженною имъ женщиною. Таковая медленность возвращенія въ алтарь, безъ сомнѣнія, подала поводъ Священнику Иванову въ алтарь подумать, что онъ, Александровъ, несмотря на сіе, намѣренъ его причастить, и потому онъ, возвратясь въ алтарь, докончилъ литургію по надлежащему, не причастивъ его въ церкви. По окончаніи же всего возвратился домой, куда немедленно пришедши, мать означеннаго крестьянина просила его, Александрова, неотступно причастить больного, а какъ ему, Александрову, извѣстно было болѣзненное по-

мѣшательство въ умѣ въ ономъ крестьянинѣ, о которомъ и причастники должны быть извѣстны, то онъ, Александровъ, и пошелъ къ нему въ домъ съ запасными Святыми дарами, а между тѣмъ приказалъ дать знать дьячку Абраму Антонову, чтобы онъ немедленно приходилъ къ помянутому крестьянину, при которомъ онъ, Александровъ, яко больного, и причастилъ, а донести о семъ поступкѣ Федора Сергѣева въ свое время опустилъ не по другимъ какимъ-либо причинамъ, какъ только по своей оплошности и забвенію своей обязанности.

Противъ 16-го пункта. Можетъ быть, онъ, Александровъ, кого и причащалъ въ мясоястіе, только онъ того не припомнить.

Противъ 20 пункта. Безъ приуготовленія говорилъ проповѣди, какъ о исчисленныхъ мною въ прежнемъ показаніи предметахъ,—и наиболѣе объ ужасахъ ада—справедливо можетъ быть, потому что онъ не замѣтилъ, сколько разъ о семъ говорилъ.

Противъ 23-го пункта. Послѣ запрещенія ему, Александрову, хотя и были въ домѣ его днемъ собранія, но это во первыхъ потому, что и Благочинный ему въ томъ не только не запрещалъ, но совѣтовалъ, считая должною Священника обязанностію; а во-вторыхъ, въ воскресные только дни изрѣдка и весьма въ маломъ количествѣ, не болѣе 7 и 8 человекъ; а что касается до помѣщенія своихъ мыслей и выраженій при сказываніи Синодскихъ проповѣдей, то сіе дѣйствительно было потому именно, что въ нихъ встрѣчались статьи, непринужденія сословію крестьянъ, которыя онъ, Александровъ, находилъ нужнымъ замѣщать приличными обстоятельствамъ своихъ прихожанъ и мыслями, и объясненіями, въ чемъ и ссылается также на священноцерковнослужителей.

Что за пѣсня или кантъ «ложе, мое ложе»? Вотъ она,—слово въ слово, какъ доставлена мнѣ:

Ложе ты, мое ложе,
На смерть ты похоже;

Гробы вы, наши гробы,—
 Вѣковѣчные наши дома.
 Какъ во гробъ-то насъ положить
 И бѣлы руки къ сердцу сложать,
 Гробовой доской покроютъ,
 Въ мать сыру землю зароятъ,
 Вѣчну память намъ воскликнуть.
 И мы станемъ тамъ лежати,
 Поры-время дожидати,
 Когда въ трубушку вострубятъ,
 Мертвыхъ всѣхъ отъ сна возбудятъ.
 И хотя мы явимся негожи,
 Но должны будемъ идти на судъ Божій.
 Тамъ намъ будутъ двѣ дороги—
 Широки, долги и неровны;
 У нихъ нѣту конца-краю,
 И одна ведетъ во адъ, другая къ раю.
 Какъ по правой по дорожкѣ
 Много будетъ остановки;
 Туда мало людей идетъ
 (Хотя рай издали видѣнъ)
 Ко царствію безконечному,
 Къ самому Христу Небесному,
 Ко престолу ко Господнему,
 Откуда зреть Онъ въ преисподнюю.
 Какъ по лѣвой по дорожкѣ
 Мало будетъ остановки:
 Туда много людей идетъ,
 Хотя и адъ съ огнемъ имъ видѣнъ,
 Но идутъ въ тьму кромѣшную—
 На муку безконечную.

Подобные этому канты отпечатаны въ Отечественныхъ
 Запискахъ за январь мѣсяцъ 1858 года; рядомъ съ не-
 скромными пѣснями. Ладно ли это сдѣлано,—не мое дѣло
 судить объ этомъ; только я слышалъ отзывъ, что, под-
 шучивая публично надъ расколомъ, не слѣдовало для

этого употреблять канты нравственно-религіознаго содержанія, хотя бы они были сложены и не по правилам поэзіи, а еще болѣе печатать ихъ вмѣстѣ съ нескромными пѣснями. Смѣсь эта, повидимому, ничтожная, но она, заставляя улыбаться, служить подрывомъ православію.

Въ дѣлахъ же гражданскихъ и духовныхъ, въ свѣдѣніяхъ о расколѣ по Тверской губерніи записано, что съ 1850 года открылась въ Бѣжецкомъ уѣздѣ секта, которой еще и названія официально не усвоено, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Богомолвъ. Общество ихъ состоитъ изъ одного сословія крестьянъ. Они ревностно посѣщаютъ православные храмы, постоянно говѣютъ въ посты и приобщаются Святыхъ Тайнъ. Уваженіе ихъ къ православному духовенству и прочіе знаки внѣшняго христіанскаго благочинія безукоризненны. Но особенность ихъ нравственной жизни состоитъ въ томъ, что они рѣшительно отвергаютъ брачную жизнь (совершенная неправда: они живутъ по завѣщанію Апостола, перв. Корине., гл. 7, ст. 8, 9, 32, 33 и 38). Никогда не участвуютъ въ общественныхъ увеселеніяхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ въ крестьянскомъ быту; въ праздники, послѣ церковной службы, дома они продолжаютъ молитвы, поютъ акаѳисты; разговоры ведутъ тихіе и невеселые; самыя пѣсни ихъ унылыя и состоятъ изъ стиховъ духовнаго содержанія, изображающихъ суеты жизни, вѣчныя мученія, сладость рая и т. п.; лица ихъ отличаются выраженіемъ тоски, одежда черная. Большею частію секта сія состоитъ изъ дѣвицъ, вдовъ и пожилыхъ, неженатыхъ, мужчинъ; есть между ними и женатые, но замѣчается, что, по вступленіи въ общество Богомолвъ, у супруговъ не бываетъ болѣе дѣтей». И это названо расколомъ, а Богомолы—еретиками; желалъ бы знать, въ чемъ же состоитъ православіе?!?

Въ этихъ же свѣдѣніяхъ написано еще краше: наставники и руководители вышеозначенной равно-ангельской

жизни названы «коноводами»; слѣдовательно, Богомолы суть лошади или кони?!?

А эти названія допускаетъ нашъ Святѣйшій Синодъ?!? Чего же ждать отъ власти свѣтской?

Господи Боже нашъ! сотвори, да не попирается Твой Сынъ, да не мнится за скверну Завѣтная Кровь, которою мы освящаемся, и да не укоряется благодать Святаго Духа Твоего! аминь (Евр. гл. 10, ст. 29).

Въ числѣ наставниковъ вышеобъясненной секты Богомолловъ первымъ выказанъ по Бѣжецкому уѣзду Селецкаго прихода деревни Житникова крестьянинъ Михаилъ Ѳоминычъ и другіе (см. объ немъ выше 15-й пунктъ показанія батюшки).

Изъ всего этого ясно видно, что во главѣ между Богомолами и первымъ былъ батюшка Матвей Александровичъ; въ Ржевѣ этихъ людей называли «Матвейстами» и «секты Матвеевской» ¹⁾.

Чѣмъ же кончилось дѣло по доносу Благодѣяна Градницкаго объ означенныхъ собраніяхъ? Положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; видно только, что Градницкій, какъ неблагонадежный, удаленъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ священникъ села Алабузина; имъ предписано было архіепископомъ Григоріемъ (нынѣ митрополитъ С.-Петербургскій) наблюдать за образомъ жизни батюшки; а о томъ, быть или не быть собраніямъ, въ резолюціи такъ сказано темно, что никакъ не угадаешь, чего хотѣлъ архипастырь: рѣшительно воспретить ихъ онъ, кажется, колебался, потому что видѣлъ пользу въ проповѣданіи слова Божія, а между тѣмъ и допустить ихъ не рѣшался, сомнѣваясь въ то время, какъ человекъ, въ свѣтлости мыслей батюшки, въ святости котораго народъ былъ вполне увѣренъ.

За то гораздо интереснѣе по этому предмету словесное

¹⁾ Все, касающееся Матвеевской секты, обвиненій священниковъ и пр.,—въ біографіи, которая дана Грѣшищевымъ, опущено.

рѣшеніе означеннаго архипастыря. Лѣтомъ 1835 года, обозрѣвая ввѣренную ему паству, онъ былъ и въ г. Бѣжецкѣ, куда приказано было явиться всѣмъ приходскимъ священникамъ Бѣжецкаго уѣзда. По этому приказанію явился и батюшка съ прочими въ соборъ. Здѣсь владыка позвалъ его въ алтарь. Долго говорили они предъ престоломъ, но о чемъ, про то знаютъ только они двое. Малая часть этого разговора мнѣ положительно извѣстна, но писать объ этомъ я боюсь, не имѣя на то позволенія отъ владыки, моего отца благодѣтеля по воспитанію. Послѣ же разговора въ алтарѣ, владыка вышелъ съ батюшкою царскими дверьми въ церковь и, указавши на него съ амвона прочимъ священно-церковно-служителямъ, бывшимъ здѣсь, вмѣсто поученія сказалъ: «вотъ вамъ образецъ, подражайте ему; и я болѣе ничего не желаю». Эти слова и до сихъ поръ помнятъ въ Бѣжецкѣ и уѣздѣ его.

Здѣсь кстати упомянуть о Бѣжецкой богадѣльнѣ, но о ней, хотя и съ пропусками о лицахъ благотворящихъ, напечатано уже въ четвертой книжкѣ «Современныя идеи православны ли», — еще о бѣжецкомъ мѣщанинѣ Гавріилѣ Ивановичѣ, который приносилъ батюшкѣ, предъ началомъ дѣла о собраніяхъ, гнилыхъ лимоновъ и луку, а предъ окончаніемъ дѣла подчивалъ пряниками. Если будетъ угодно Господу, то о Гавріилѣ Ивановичѣ будетъ написано по собраніи положительныхъ свѣдѣній.

Стоитъ обратить также вниманіе и на происшествіе, упоминаемое въ отвѣтѣ противъ 15 пункта. Вотъ оно: въ селѣ Еськахъ есть крестьянинъ Ѳеодоръ Сергѣевъ; онъ молился Богу, постоянно читая: «Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истинны» и до конца. И Господь услышалъ его молитву:—послалъ ему Духа Вѣдѣнія. Съ этимъ даромъ Сергѣевъ все сталъ знать; кто бы къ нему ни подходилъ съ какимъ вопросомъ, о настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ,—на все отвѣчалъ вѣрно и положительно; многихъ останавливалъ отъ нехорошихъ дѣлъ, даже заду-

манныхъ только. Однажды женщина того же села Аксинья Никитина (она была колдунья) съ злымъ намѣреніемъ приступала къ причастію. Сергѣевъ предъ выносомъ Св. Даровъ, во время причастнаго стиха, убѣждалъ ее не подходить и близко къ амвону; Никитина не слушалась; сначала оба говорили тихо, а потомъ во всю церковь шумѣть стали. Въ то время, когда вынесли чашу съ Св. Дарами, Сергѣевъ, возревновавши по Господѣ, ударилъ Никитину въ ухо... Много спустя послѣ, батюшка со слезами сказалъ мнѣ, что Сергѣевъ, не сумѣвъ сберечь этого дара, лишился онаго.

4 іюня 1836 года, на докладъ Тверской Духовной Консисторіи объ усматриваемыхъ ею кандидатахъ открывшагося при Ржевской Преображенской церкви празднаго священническаго мѣста, предъ другими священниками благонадежными: 1) Ржевскаго уѣзда, погоста Ракитни, Лукъ Ждановъ, 2) Зубцовскаго уѣзда, посада Погорѣлаго Городища, Евфимъ Николаевъ и 3) Бѣжецкаго уѣзда села Еська, Матвей Александровъ, послѣдовала слѣдующая архіепископа Григорія резолюція: «перемѣстить Матвея Александрова; по прибытіи его сюда въ Тверь, велѣть ему явиться ко мнѣ». Въмѣстѣ съ этимъ, при указѣ Бѣжецкому Духовному Правленію, владыка послалъ собственноручное письмо батюшкѣ, коротенькое,—но весьма замѣчательное, — въ духѣ восьмой главы Посл. Апост. Павла къ Римлянамъ; послѣднія слова были: «аще Богъ по насъ, кто на ны» ¹⁾.

Того же года и мѣсяца 29 числа, въ праздникъ Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, батюшка пріѣхалъ въ Ржевъ на одной лошадекѣ, въ простой те-

¹⁾ Это письмо приведено полностью въ біографіи о. Матвѣя, составленной Грѣшищевымъ: „Отецъ Матѣей! Я хочу перевести тебя въ г. Ржевъ для дѣйствованія на раскольниковъ и въ руководство для сего теперь же посылаю тебѣ три книжки. Аще Богъ по насъ, то кто на ны? Григорій А. Тверскій“.

лѣжѣ, въ которой все имущество было помѣщено, и жена и четверо дѣтей.

Изъ Еська верстъ двадцать провожали прихожане, а нѣкоторые до Твери шли.

Въ Ржевѣ батюшка прожилъ 20 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 16 дней. Много дорогихъ матеріаловъ по г. Ржеву, для біографіи его, но писать о нихъ я боюсь, тѣмъ болѣе, что придется упоминать о такихъ лицахъ, безъ позволенія которыхъ я не могу на это рѣшиться, а главное нахожу себя не пришедшимъ еще въ мѣру того возраста духовнаго, въ которомъ только состоя можно писать неподражаемую жизнь батюшки съ чудными его дѣлами по городу Ржеву.

ИЗЪ ОПЫТА ЖИЗНИ.

Не накликай бѣды печалью;
Веселымъ будь, какъ въ свѣтлый день,
И пусть съ чела тревоги тѣнь,
Какъ облака за чудной далью,

Истаетъ быстро. Глупый мѣръ
Не любить сумрачные взоры,
Какъ совѣсти живой укоры
За безразсудный жизни пирь.

Пусть горекъ путь, жестоко тѣсенъ,
Пусть давить жизнь тебя пятой;
Но ты, идя на смертный бой,
Не забудь веселыхъ пѣсенъ.

Въ святой алтарь своей души
Не позволяй глядѣть невѣждѣ.
Не выдавай слезой на вѣждѣ
Тоски, но тайно плачь въ тиши.

Пусть говорятъ, что ты безпечень.
Но правъ-ли будетъ приговоръ?
Не тотъ, кого заплаканъ взоръ
Заботой полонъ и сердечень.

На горе ближняго кропить
Какъ часто міръ слезами фальши;
Но ты отъ лжи той будь подальше:
Ты долженъ истинѣ служить.

Всегда будь ровнымъ и съ вниманьемъ
Гляди на горести людей
И въ раны жгучія ихъ лей
Елей съ сердечнымъ состраданьемъ...

Священникъ *В. Бѣакинъ.*

Символическое значеніе христіанскаго храма.

Какъ внѣшняя форма христіанскаго храма, такъ и его внутреннее устройство основываются на извѣстныхъ образцахъ, ведущихъ свое начало отъ временъ глубокой древности. Какъ внѣшней формѣ храма, такъ и его составнымъ частямъ усвоилось и усвоется извѣстное символическое значеніе. Начало символики храма восходитъ ко временамъ апостольскимъ. Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ «О небесной іерархіи IV в.» изложилъ созерцательное толкованіе того, что совершается въ собраніи вѣрующихъ (на литургіи) и этимъ далъ начало для мистическаго толкованія христіанскаго храма, которое полно и обстоятельно развилъ Максимъ Исповѣдникъ въ «Тайноводствѣ». Знаменитые отцы Церкви—Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Кириллъ Іерусалимскій, излагая и истолковывая литургійныя дѣйствія, касались и символическаго толкованія храма. Отцы Церкви послѣдующихъ вѣковъ—Софроній Іерусалимскій (VIII в.), Германъ Константинопольскій (VIII в.), Θεодоръ Андидскій (XII в.) постепенно развивали символику храма, такъ что въ XV вѣкѣ у Симеона Θεσσαλονикійскаго она является цѣлымъ сложнымъ организмомъ въ сравненіи съ символическою азбукою древнихъ отцовъ Церкви.

Въ христіанскомъ храмѣ совершается богослуженіе, на которомъ воспоминается все домостроительство спасенія рода человѣческаго. Въ храмѣ воспоминается твореніе, промышленіе и особенно спасеніе людей, совершенное въ Новомъ Завѣтѣ посредствомъ крестной жертвы Христа. Въ храмѣ выражаются догматическія идеи посредствомъ

символическихъ богослужебныхъ дѣйствій. Эти догматическія идеи лежатъ въ основѣ символики храма и его частей. Символика храма, основываясь на догматикѣ, имѣетъ тѣсную связь съ литургикой и находится отъ нея въ большой зависимости. Литургійныя дѣйствія, совершаемыя для выраженія извѣстной догматической идеи, даютъ то или иное, соотвѣственно значенію самыхъ дѣйствій, символическое значеніе извѣстной принадлежности храма.

Символика храма находится въ тѣсной зависимости отъ символическихъ толкованій литургіи; эти послѣднія имѣютъ три вида, именно: различаются толкованія ветхозавѣтное, мистическое и литургическое. Эти же виды можно различать и въ символическихъ толкованіяхъ храма.

Ветхій Завѣтъ былъ временемъ предуготовительнымъ къ пришествію Христа. Весь Ветхій Завѣтъ былъ прообразомъ Новаго Завѣта, и храмъ ветхозавѣтный прообразовалъ новозавѣтную церковь. Ветхозавѣтное толкованіе христіанскаго храма и составлено на основаніи этого понятія о ветхозавѣтномъ храмѣ. Это толкованіе встрѣчается въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, у Евсевія Кессарійскаго и у другихъ отцовъ. По этому толкованію, христіанскій храмъ устроится наподобіе ветхозавѣтнаго; алтарь есть святое святыхъ и т. д.

Мистическое толкованіе составилось подъ вліяніемъ понятія о христіанскомъ богослуженіи, какъ образъ служенія небесныхъ Силь. Отсюда храмъ есть земное небо, жертвенникъ—образъ пренебеснаго мысленнаго жертвенника. Это толкованіе послѣдовательно проведено въ сочиненіи Діонисія Ареопагита «о небесной іерархіи» и въ сочиненіяхъ Максима Исповѣдника, находившагося подъ вліяніемъ сочиненія Діонисія.

Литургическое толкованіе христіанскаго храма составилось примѣнительно къ понятію о литургіи, какъ воспоминанію домостроительства нашего спасенія. Выходя изъ этого начала, принадлежностямъ храма придаютъ такое символическое значеніе: конха есть образъ пещеры, гдѣ

погребеньъ былъ Христось, бивоть есть мѣсто распятія и т. д. Литургическое толкованіе—самое обширное, оно чаще другихъ встрѣчается у отцовъ Церкви.

Различая три вида толкованій символическаго значенія храма, однако нельзя сказать, что извѣстный отецъ Церкви строго проводитъ одинъ видъ какого-либо толкованія. Только про Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника можно сказать, что они строго выдерживаютъ мистическое толкованіе. Что же касается отцовъ церкви, жившихъ послѣ VI вѣка, то они соединили въ своихъ толкованіяхъ храма всѣ три вида символики.

О внѣшней формѣ храма почти ничего не говорится въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Это объясняется тѣмъ, что въ первые три вѣка, во времена частыхъ гоненій, христіанскіе храмы помѣщались въ частныхъ домахъ, и если эти дома представляли отдѣльныя зданія, то зданія очень простыя. Первое свидѣтельство о внѣшней формѣ храма находится въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, кн. 2, гл. 57, гдѣ говорится: «зданіе пусть будетъ продолговато, къ востоку обращено, съ обѣихъ сторонъ пастафоріи къ востоку, такъ чтобы оно было подобно кораблю». Форма храма, указанная въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, заимствована изъ практики построенія базиликъ. Первенствующіе христіане собирались, обыкновенно, въ длинныхъ залахъ съ боковыми галлереями, называвшихся базиликами, потому что онѣ по своей вмѣстительности были очень удобны для собранія вѣрующихъ. Постепенно христіане свыклись съ формою базиликъ, какъ формою своихъ молитвенныхъ помѣщеній; поэтому, когда стали строить особые храмы, приняли эту форму. Эту же форму рекомендовали и Постановленія Апостольскія, говоря: «церкви да будутъ продолговаты, наподобіе корабля». Древній корабль имѣлъ форму продолговатую, середина его возвышалась надъ боками, гдѣ были помѣщенія для матросовъ. Продолговатая форма храма часто употребляется и въ настоящее время. Другая форма, часто употребитель-

ная въ древности, рѣже въ настоящее время,—форма креста. Рѣдко встрѣчавшіяся въ древности формы звѣзды и круга и теперь рѣдко встрѣчаются.

Символическое значеніе внѣшней формы храма зиждется на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ основывается и вся символика. Храмъ устроится для совершенія литургіи, на которой воспоминается крестная жертва Христова, принесенная ради спасенія людей, поэтому форма храма въ видѣ креста означаетъ, что церковь Христова чрезъ крестъ получила жизнь и силу. Другая форма храма въ видѣ корабля означаетъ, что церковь подобно кораблю приводитъ вѣрующіхъ къ тихой пристани. Основаніе для этого толкованія находится въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (2 кн. 57 гл.), гдѣ говорится, что церковь есть корабль, епископъ—кормчій, діаконы—матросы, вѣрующіе—пассажиры. Рѣдко встрѣчающаяся форма храма въ видѣ звѣзды означаетъ, что церковь Христова, подобно путеводной звѣздѣ, сіяетъ въ этомъ мірѣ. Кругъ—символь вѣчности, форма храма въ видѣ круга указываетъ на вѣчность существованія церкви Христовой.

Все зданіе храма завершается куполомъ, который напоминаетъ вѣрующимъ о небѣ. Еще до христіанства куполь былъ любимымъ украшеніемъ великолѣпныхъ языческихъ зданій, особенно у римлянъ. Въ церквахъ христіанскихъ куполь становится извѣстнымъ съ IV вѣка. На вершинѣ купела ставится крестъ въ знакъ того, что христіанскій храмъ посвященъ для славословія Распятаго. На церквахъ, кромѣ купола, устраиваются главы отъ одной до тринадцати; одна глава означаетъ Главу Церкви І. Христа, двѣ означаютъ два естества въ І. Христѣ, три—Св. Троицу, пять—І. Христа съ четырьмя евангелистами, семь—семь вселенскихъ соборовъ, тринадцать—Христа и двѣнадцать апостоловъ.

Какой бы видъ христіанскіе храмы ни имѣли, всѣ они какъ въ древности обращались, такъ и теперь обращаются алтаремъ на востокъ, куда, обыкновенно, обраща-

лись при молитвѣ христіане. Обычай обращаться во время молитвы на востокъ, по словамъ Василія Великаго (прав. 91), перешелъ «отъ апостоловъ по преемству въ тайнѣ». Этотъ обычай обязанъ своимъ происхожденіемъ тому символическому представленію о востокѣ, которое встрѣчается въ св. писаніи, гдѣ Христосъ называется Востокомъ свыше (Лук. 1, 78). Отсюда у христіанъ явилось особенное уваженіе къ востоку, какъ символическому образу Христа, а затѣмъ явилось и самое обращеніе при молитвѣ на востокъ. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (2 кн. 57 гл.) находится такое объясненіе этого обычая: «всѣ вмѣстѣ, стоя и смотря на востокъ, пусть молятся Богу на востокъ, вспоминая о древнемъ наслѣдованіи рая, находящагося на востокѣ, откуда изгнанъ первый человѣкъ послѣ того, какъ нарушилъ заповѣдь. Этимъ самымъ обращеніемъ мы выражаемъ въ молитвѣ своей, чтобы Господь благоволилъ снова ввести насъ въ наше прежнее отечество». Такимъ образомъ обращеніе на востокъ вызываетъ разныя священныя воспоминанія; христіане, обращаясь на востокъ, представляютъ себѣ Божіе домо-строительство о спасеніи людей. Поэтому и храмъ устроится такъ, чтобы вѣрующіе, стоя лицомъ къ алтарю, имѣли предъ глазами востокъ.

О символическомъ значеніи внѣшней формы храма отцы Церкви умалчиваютъ, ихъ разсужденія касаются символическаго значенія храма, его составныхъ частей и принадлежностей.

Христіанскій храмъ раздѣляется на три части, именно: алтарь, средній храмъ и притворъ. Притворъ въ древности назначался для кающихся, теперь же въ немъ совершается литія. Средній храмъ назначался и назначается для вѣрующихъ, алтарь же только для священнослужителей: для простыхъ вѣрующихъ алтарь, по выраженію Симеона Θεссалоникійскаго ¹⁾, «невходень».

¹⁾ Писанія св. отцевъ и учителей церкви относящіяся къ истолкованію православнаго Богослуженія. СПб. 1855 г. III т. 10 стр.

Христіанскій храмъ есть мѣсто священное, домъ Божій, въ храмѣ пребываетъ самъ Богъ, съ Нимъ въ храмѣ вѣрующіе вступаютъ въ общеніе. Такъ какъ мѣстомъ присутствія Божія считалось (Мѡ. 5, 34) и считается преимущественно небо, то Германъ Константинопольскій поэтому усволяетъ храму знаменованіе «земного неба, въ которомъ живетъ и пребываетъ пренебесный Богъ»²⁾. Съ другой стороны, такъ какъ Богъ пребываетъ во всемъ мірѣ, то храмъ, по разсужденію Симеона Фессалоник., «знаменуетъ весь міръ»³⁾. Раздѣленіе храма на три части приводитъ этого отца Церкви къ такому разсужденію: «Божественный храмъ, представляя тройственность, знаменуетъ Троицу и число горнихъ силъ, раздѣленныхъ на три степени, а равно сонмы благочестивыхъ, раздѣленныхъ на три части, т. е. на освященныхъ, вѣрныхъ и кающихся»⁴⁾. Съ другой точки зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія раздѣленія храма на алтарь и храмъ, изъ которыхъ первый является доступнымъ только для священнослужителей, такъ что совершаемое въ немъ скрывается отъ взоровъ «неосвященныхъ», Симеонъ Фессалоникійскій придаетъ такое знаменованіе алтарю и храму: «они знаменуютъ Христа Бога и человѣка, алтарь знаменуетъ Божество, а храмъ—человѣчество, во-вторыхъ, человѣка, состоящаго изъ души и тѣла; въ-третьихъ, таинство Троицы, непостижимое по существу, но познаваемое по дѣламъ; въ-четвертыхъ, невидимый и видимый міръ»⁵⁾. Эту послѣднюю мысль съ иной точки зрѣнія подробно развиваетъ Максимъ Исповѣдникъ. Онъ говоритъ: «Церковь есть образъ міра, состоящаго изъ существъ видимыхъ и невидимыхъ, такъ какъ въ ней замѣчается подобное же единство и раздѣленіе

²⁾ *ibidem.* I т. 357 стр. „Послѣдовательное изложеніе церковныхъ службъ и обрядовъ и таинственное умозрѣніе и значеніе ихъ“.

³⁾ *ibidem.* II т. 183 стр.

⁴⁾ *ibidem.* III т. 10 стр. „О божественномъ храмѣ“.

⁵⁾ *ibidem.* III т. 10 стр.

какъ и въ мірѣ»⁶⁾). Какъ церковь, раздѣляясь на алтарь, предоставленный однимъ священнослужителямъ, и храмъ, доступный для всѣхъ вѣрующихъ, составляетъ одно цѣлое, что видно изъ того, что обѣимъ частямъ усвоается одно названіе храма, такъ и міръ, раздѣленный на существа невидимыя и видимыя, представляетъ одно цѣлое.

Самая важная часть храма—алтарь, устраивающійся нѣсколько выше остальныхъ частей храма. Въ алтарѣ совершается «обстоятельное воспоминаніе всего домостроительства»⁷⁾, совершается предложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы. Вслѣдствіе великой важности дѣйствій, совершаемыхъ въ алтарѣ, ему усвоается и знаменованіе, преимущественное предъ прочими частями храма. Какъ самая главная часть христіанскаго храма, алтарь знаменуетъ святое святыхъ, тоже важнѣйшую часть ветхозавѣтнаго храма. Какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія, гдѣ находится престолъ Божій, алтарь знаменуетъ «пренебесныя горнія обители, гдѣ находится престолъ невещественнаго Бога»⁸⁾. Наконецъ, по дѣйствіямъ, совершающимся въ алтарѣ на литургіи, на которой вспоминаются смерть и погребеніе Христовы, алтарь знаменуетъ гробницу Христову⁹⁾. Форма алтаря, большею частію, имѣетъ видъ полукружія «въ знаменованіе горнихъ небесъ»¹⁰⁾. Сводъ надъ алтаремъ знаменуетъ «первое небо», а куполь въ среднемъ храмѣ «видимое небо, имѣя горящія кандила вмѣсто звѣздъ»¹¹⁾. Вообще надо сказать,

⁶⁾ *ibidem* I т. 304—305 стр. „Тайноводство о томъ, чего символами служатъ дѣйствія, совершаемыя по чину св. церкви въ божественномъ собраніи“.

⁷⁾ *ibidem*. III т. 431 стр. „Краткое изъясненіе Божественной литургіи“. Паисій К.

⁸⁾ *ibidem*. II т. 183 стр.

⁹⁾ *ibidem* II т. 191 стр.

¹⁰⁾ *ibidem*. II т. 193 стр.

¹¹⁾ *ibidem*. I т. 268 стр. „О божественномъ священнодѣйствіи“. Софроній Іерусалим.

среднему храму и притвору придается не самостоятельное символическое значеніе, а сравнительное съ знаменованіемъ алтаря, именно, алтарь знаменуетъ горнія обители, храмъ—небо, а притворъ—землю¹²⁾; алтарь означаетъ міръ невидимый, а храмъ—міръ видимый¹³⁾.

Въ алтарѣ совершается литургія, на которой вспоминаются «страданіе, погребеніе и воскресеніе Христа, а также Его спасительное пришествіе и воплощеніе, Его зачатіе и рожденіе, тридцатилѣтняя жизнь, служеніе Ему Предтечи, явленіе Его въ Крещеніи, равно какъ избраніе апостоловъ и совершеніе чудесъ»¹⁴⁾. Все это церковь представляетъ вѣрующимъ въ вещественныхъ символахъ и въ видимыхъ вещахъ, дабы они были путеводимы къ невещественному, а такъ какъ было бы неудобно для этого употреблять столько же вещественныхъ знаковъ, сколько было дѣлъ Божіихъ, то церковь одной и той же вещи усвоила нѣсколько значеній, смотря по различію времени, мѣста и словъ¹⁵⁾. Поэтому принадлежностямъ алтаря, какъ-то: престолу, жертвеннику и др. усвоется нѣсколько знаменованій.

Въ сѣверномъ полукружіи алтаря помѣщается жертвенникъ или предложеніе; ему усвоется двойное знаменованіе. Такъ какъ на жертвенникѣ совершаются дѣйствія, напоминающія рожденіе Г. I. Христа въ вилеемской пещерѣ, то какъ самое полукружіе¹⁶⁾, такъ и онъ самъ знаменуютъ, во-первыхъ, пещеру вилеемскую¹⁷⁾, а также всю тридцатилѣтнюю жизнь Христа до Крещенія¹⁸⁾, во-

¹²⁾ *ibidem.* II т. 183 стр.; III т. 10 стр.

¹³⁾ *ibidem.* III т. 60 стр.; I т. 304 стр.

¹⁴⁾ Правосл. Собесѣдн. 1884 г. I ч. 376 стр. Объясненіе литургіи Θεодора Андидскаго.

¹⁵⁾ Писанія св. отцевъ и учителей церкви III т. 432 стр. Паисій Константинопольскій.

¹⁶⁾ *ibidem.* т. I. 266 стр. Софроній Иерусалим. и 361 стр. Германъ Константинопольскій.

¹⁷⁾ *ibidem.* II т. 192 стр. Симеонъ Θεссалоник.

¹⁸⁾ Православ. Собесѣд. 1884 г. I ч. 385 стр. Θεодоръ Андидскій.

вторыхъ, знаменуютъ пещеру, въ которой былъ погребенъ Христосъ ¹⁹⁾. Точно также и покровы означаютъ пелены, которыми былъ повить Иисусъ Христосъ при рожденіи, и плащаницу.

По срединѣ алтаря находится престолъ. На престолѣ вспоминается установленное Христомъ таинство евхаристіи, поэтому престолъ служить «образомъ той трапезы, на которой возсѣдалъ Христосъ среди учениковъ во время тайной вечери» ²⁰⁾. На престолѣ вспоминается крестная жертва Христа, Его смерть и погребеніе, поэтому престолъ знаменуетъ тотъ садъ ²¹⁾, или частіе тотъ гробъ ²²⁾, въ которомъ былъ положенъ Христосъ, обвитый плащаницею; эту плащаницу знаменуетъ нижняя одежда престола ²³⁾. Съ другой стороны, такъ какъ алтарь есть мѣсто особеннаго присутствія Божія, то престолъ означаетъ престолъ Божій ²⁴⁾, верхняя свѣтлая одежда означаетъ славу Божию. Съ мистической точки зрѣнія, по которой «христіанское богослуженіе является образомъ служенія небесныхъ силъ», «алтарь есть образъ горнихъ силъ»; «іереи, служащіе въ алтарѣ, изображаютъ духовныя и невещественныя чиновначалія», а престолъ служить «образомъ пренебеснаго и мысленнаго жертвенника» ²⁵⁾. Надъ престоломъ въ нѣкоторыхъ храмахъ устраивается балдахинъ, называемый киворіемъ или сѣнію. Св. престолъ есть престолъ Божій,—мѣсто особеннаго присутствія Божія,—мѣсто славы Божіей, поэтому Симеонъ Фессалоникъ говоритъ: «киворій знаменуетъ невещественную скивию

¹⁹⁾ Писанія св. отцевъ и учителей Церкви I т. 266 стр. Софроній Иерусалим. I т. 368 стр. Германъ К. III т. 434 стр. Паисій К.

²⁰⁾ *ibidem* I т. 361 стр. Германъ К. II т. 185 стр. Симеонъ Фессалоникъ.

²¹⁾ *ibidem* III т. 444 стр. Паисій Конст.

²²⁾ *ibidem* I т. 267 стр. Софроній Иерусалим., стр. 361, 393 Германъ К.

²³⁾ *ibidem* III т. 12 стр. Симеонъ Фессалоникъ.

²⁴⁾ *ibidem* I т. 361, 363 стр. Германъ К.

²⁵⁾ *ibidem* I т. 267 стр. Софроній Иерусалим.

Божію, т.-е. славу Божію и благодать, которою Богъ покрывается, одѣваясь свѣтомъ, яко ризою»²⁶⁾. Престоль еще означаетъ гробъ Христовъ, соотвѣтственно этому «киворій служитъ знаменіемъ распятія и напоминаетъ о томъ мѣстѣ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, ибо близки были другъ отъ друга мѣста распятія и погребенія»²⁷⁾.

За престоломъ въ среднемъ полукружїи устраивается сопрестоліе для епископа и сѣдалища для сослужащихъ съ нимъ пресвитеровъ. Такъ какъ священнодѣйствующій архіерей изображаетъ собою Самого Христа, а сослужащіе архіерею пресвитеры апостоловъ, то сопрестоліе, по словамъ Софронія Іерусалим. ²⁸⁾, знаменуетъ престоль Господа, управляющаго Церковью вмѣстѣ съ апостолами и ихъ преемниками. Сѣдалища пресвитеровъ устраивались въ древности такъ, что они постепенно понижались; это пониженіе, по словамъ того же Софронія Іерус. ²⁹⁾, означаетъ «различныя почести святыхъ»; «и святые имѣютъ чины и степени», говоритъ Симеонъ Фессалоник. ³⁰⁾.

Алтарь отдѣляется отъ средняго храма иконостасомъ. Иконостасъ, или въ древности рѣшетки, по толкованію Софронія и Германа ³¹⁾, служитъ «образомъ ограда гроба Христова», такъ какъ престоль, находящійся въ алтарѣ, знаменуетъ гробъ Христовъ, а отсюда и весь алтарь есть гробъ Господень. Съ другой точки зрѣнія, такъ какъ алтарь означаетъ небо, а средній храмъ землю, то и иконостасъ означаетъ «твердь, отдѣляющую чувственное отъ духовнаго»³²⁾. Предъ иконостасомъ находится солея, воз-

²⁶⁾ *ibidem* II т. 193 стр.

²⁷⁾ *ibidem* I т. 362 стр.

²⁸⁾ *ibidem* I т. 267 стр.

²⁹⁾ *ibidem* I т. 267 стр.

³⁰⁾ *ibidem* II т. 184 стр.

³¹⁾ *ibidem* I т. 361, 362, 393 стр.; II т. 185 стр.

³²⁾ *ibidem* II т. 190 стр.

вышнее мѣсто, назначенное для дѣйствій священнослужителей и для преподанія св. даровъ. Такъ какъ на солею нельзя входить простымъ мірянамъ и такъ какъ она находится между алтаремъ и среднимъ храмомъ, то солея усвоится знаменованіе «огненной рѣки»³³⁾, отдѣляющей простыхъ вѣрующихъ отъ священнослужителей, изображающихъ собою небесныя силы. Въ настоящее время средина солеи заканчивается амвономъ, который въ древности находился посреди храма. По толкованію Софронія, Германа и Симеова, амвонъ означаетъ «камень, отваленный отъ дверей гроба Господня»³⁴⁾.

Христіанскій храмъ украшается стѣнною живописью, которая дѣлается не по личнымъ соображеніямъ художника, а согласно обычаю, выросшему на почвѣ установившихся символическихъ воззрѣній на храмъ и его составныя части.

По толкованіямъ отцевъ Церкви, храмъ знаменуетъ міръ видимый и невидимый, алтарь—міръ горній, средній храмъ—видимый міръ. Г. Иисусъ Христосъ есть основатель новозавѣтнаго святилища, глава Церкви, поэтому Онъ и изображенъ въ зенитѣ алтарнаго свода. Въ алтарѣ совершается св. таинство евхаристіи, которое Христосъ установилъ на тайной вечери, поэтому въ среднемъ полукружіи прямо предъ престоломъ изображается установленіе евхаристіи. Преемники и совершители таинствъ—апостолы и святители,—поэтому на стѣнахъ алтаря и пишутся изображенія этихъ лицъ. Такъ какъ діаконъ только помогаютъ священникамъ при совершеніи богослуженія, то Софроній и Германъ сравниваютъ діаконовъ съ ангелами, которые суть служебные духи. Одною изъ обязанностей діаконовъ въ древности было наблюденіе за дверями, поэтому установился обычай изображать св. діаконовъ возлѣ алтарныхъ входовъ и на боковыхъ дверяхъ.

³³⁾ *ibidem* I т. 269 стр.

³⁴⁾ *ibidem* I т. 268 стр., 364 стр.; II т. 191 стр.

Средній храм знаменуетъ видимый міръ, верхнія части его видимое небо,—символь пребыванія Божія,—поэтому въ куполъ изображается Богъ Саваоѣъ,—творецъ міра. «Церковь предвозвѣщена пророками, основана на апостолахъ, благоуукрашена іерархами, освящена мучениками»³⁵⁾, поэтому изображенія этихъ лицъ помѣщаются на стѣнахъ храма. Посредствомъ четырехъ евангелій свѣтъ христіанскаго ученія распространился во всѣ четыре конца земли, въ знаменованіе этого въ четырехъ *парусахъ* храма изображаются четыре евангелиста. Распространенію христіанства много способствовали мученики и подвижники, поэтому на столпахъ храма и отчасти на стѣнахъ изображаются мученики и подвижники, бывшіе живыми столпами церкви Христовой. Сущность вѣрученія Церкви заключается въ евангеліи, слѣдовательно, изображеніе на стѣнахъ храма важнѣйшихъ евангельскихъ событій, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя отмѣчены установленіемъ праздниковъ, служитъ нагляднымъ выраженіемъ вѣры, напоминаетъ о дѣйствіяхъ искупленія людей. Какъ выраженіе скончанія земной Церкви и, вмѣстѣ, какъ поучительная картина, на западной стѣнѣ изображается страшный судъ.

Петръ Неклюковъ.

³⁵⁾ *ibidem* I т. 357 стр.

ДУХОВНЫЯ ИСКРЫ.

На любопытный фактъ приходится иногда наталкиваться обозрѣвателю современной свѣтской литературы по религіознымъ вопросамъ. Излишне говорить о томъ, какъ относится литература эта къ религіи и религіознымъ, и православно-церковнымъ вопросамъ вообще. Но выдержать этотъ тонъ до конца ей все-таки не удается, и мы встрѣчаемъ въ ней иногда странныя на первый взглядъ, а въ сущности вполне понятныя вещи. У самыхъ, повидимому, реалистически настроенныхъ писателей мы встрѣчаемъ порою какія-то отклоненія въ область духовнаго и невещественнаго, нѣкоторыя, какъ бы сказать, *духовныя искры* — явленіе, доказывающее и показывающее, какъ трудно упразднить и вытравить изъ души, даже наиболѣе матеріалистически настроенной, духовныя потребности и запросы и вообще порывы въ область невещественнаго, нематеріальнаго.

Такъ мы находимъ здѣсь, напр., очень странное и совершенно необъяснимое на первый взглядъ олицетвореніе нематеріальныхъ и невещественныхъ предметовъ и силъ.

Въ современной литературѣ довольно видное мѣсто занимаетъ Вересаевъ, врачъ, авторъ шумѣвшихъ въ свое время «Записокъ врача» и довольно извѣстныхъ книгъ и повѣстей — «На войнѣ», «На поворотѣ» и друг. Этотъ писатель отличается особенно реалистическимъ направлениемъ, исключаящимъ безусловно все нематеріальное, духовное. И вотъ въ его послѣдней повѣсти «Къ жизни»

(напечатанной вдобавокъ въ такомъ реалистическомъ журналѣ, какъ «Современный міръ»—первыя книжки 1909 года), представляющей собою разсказъ обычнаго и наиболѣе выдающагося героя нашего времени—революціонера—о своихъ переживаніяхъ и походахъ, мы встрѣчаемъ постоянное упоминаніе о какомъ-то Хозяинѣ (слово это вдобавокъ печатается въ разсказѣ все время съ большой буквы), являющемся вдохновителемъ и господиномъ большей части поступковъ героя. Этотъ Хозяинъ—никто иной, какъ темное, плотское начало въ человѣкѣ, заставляющее его поступать нерѣдко не по требованію разсудка, а въ угоду страстямъ. Для чего Вересаеву понадобилась такая мистика, оказывающаяся въ разсказѣ совершенно ни къ селу, ни къ городу, надъ этимъ недоумѣваетъ и либеральная критика и видитъ въ немъ тревожный симптомъ какого-то внутренняго переворота и поворота автора въ сторону мистики,—поворота, первые признаки котораго оказались еще въ болѣе ранней его повѣсти «На поворотѣ».

Такая мистика и такое олицетвореніе—вообще не рѣдкость въ современной литературѣ. Въ разсказѣ Ал. Будищева «Мутнымъ вечеромъ» («Черный буйволъ»—двѣнадцать разсказовъ, Спб., 1909 г.) повѣствуется о томъ, какъ четверо бродягъ идутъ на разбой—убійство и грабежъ. Все это имъ въ дѣйствительности удается безъ всякой помѣхи, но все время—до и послѣ убійства—они ощущаютъ внутри себя какъ будто двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ сперва отговариваетъ ихъ отъ задуманнаго ими дѣла, а потомъ упрекаетъ за него,—и отговариваетъ такъ рѣшительно и сильно, что бродяги нѣсколько разъ порываются, задыхаясь отъ безпредѣльнаго ужаса, вернуться съ дороги, а потомъ уже и пришедши на мѣсто дѣйствія—уйти, и начинаютъ свое кровавое и страшное дѣло съ страшнымъ усиліемъ, точно связанные. Другой же, наоборотъ, толкаетъ и ведетъ ихъ на преступленіе. И этихъ внутреннихъ людей они чувствуютъ въ себѣ

такъ ясно и сильно, что и говорятъ о нихъ какъ о дѣйствительныхъ людяхъ. Вотъ, напр., какъ о нихъ говорятъ эти бродяги:

«— Не имѣетъ онъ (т.-е. первый изъ этихъ внутреннихъ голосовъ) права бунтовать въ насъ,—говорить одинъ изъ нихъ вслухъ и, очевидно, отвѣчая собственнымъ мыслямъ. — Или онъ дастъ намъ денегъ за нашу святость? Корки хлѣба не дастъ онъ намъ.

Все лицо другого перекошилось отъ боли.

— А что если и тотъ душегубъ (т.-е. другой внутренней голосъ) насъ обманетъ? А?—проговорилъ онъ слезливо.

По лицу перваго метнулось выраженіе внезапной тоски...»

И въ этомъ родѣ ведется между ними дальнѣйшій разговоръ, а первый голосъ ясно говоритъ имъ на ухо:

— И обманетъ! Будь увѣренъ, обманетъ.

А послѣ преступленія голосъ этотъ кричитъ имъ: «Уличу!»—«Ты уличишь?»—спрашиваютъ бродяги.—«Я». —«Какъ?» и т. д.—словомъ, настоящій разговоръ, какъ съ живымъ человѣкомъ.

Разсказъ, кстати, кончается тѣмъ, что бродяги въ ссорѣ изъ-за награбленныхъ денегъ убиваютъ другъ друга. И на это толкаютъ ихъ все тѣ же голоса. Деньги же, спрятанные предъ этимъ въ дуплѣ, находятъ дятель, искавшій по дупламъ необходимаго завтрака. Нашелъ и тотчасъ же отлетѣлъ прочь какъ отъ нестоющей вниманія дряни.—Дрянь!—прокричалъ онъ пронзительно всѣмъ птицамъ, сообщая имъ о своей находкѣ.—Дрянь! Дрянь!... Голосъ же не оставляетъ бродягъ до смерти послѣдняго изъ нихъ.

А въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1908 годъ былъ напечатанъ разсказъ Тана (заглавія не помнимъ), гдѣ молодая дѣвушка, дочь учителя, революціонерка, попадаетъ въ тюрьму. И тотчасъ же являются къ ней два черныхъ призрака, судятъ ее (производятъ ей настоящій допросъ, на

который она отвѣчаетъ) и приговариваютъ ее къ смерти; даже приносятъ ей крестъ. И она тотчасъ же въшаеся. Таня — реалистъ ни чуть не въ меньшей степени, чѣмъ Вересаевъ. Чтò же это такое? Не есть ли это безсознательный протестъ нематеріальной и бессмертной души, сдавливаемой матеріалистическими тисками?

Упомянемъ кстати и о помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ Будищева его разсказѣ «Девятая Пятница». Къ часовнѣ, при родникѣ, святой великомученицы Параскевы, называемой повсюду въ окрестности Девятою Пятницей, на девятую пятницу послѣ Пасхи собираются богомольцы. И вотъ пятеро такихъ богомольцевъ располагаются у костра на ночлегъ и разсказываютъ другъ другу болѣзни и скорби, которыя несутъ они святой. Здѣсь—громадный мужикъ, больной грыжей, но воображающій совершенно другое, солдатъ, старуха, человѣчекъ, похожій на монашка, и молодая дѣвушка, задушившая вслѣдствіе нужды своего новорожденнаго ребенка. Она сама заявила о своемъ преступленіи. Ее судили и оправдали, но сама она уже не можетъ найти себѣ покоя и изнемогаетъ отъ невыносимой муки, тѣмъ болѣе, что младенецъ умеръ некрещенный. Разсказавъ своимъ сосѣдямъ у костра свой грѣхъ, она, мучительно волнуясь, спрашиваетъ ихъ, допустить ли ее Великомученица «до преклоненій», сниметъ ли съ нея, окаянной, тоску ея смертную, и будетъ ли она въ раю, если Богъ проститъ ее? На ея вопросы ей отвѣчаютъ утвердительно, но всѣ чувствуютъ, что самаго главнаго, самаго страшнаго она еще не спросила. И вотъ, наконецъ, этотъ страшный вопросъ раздается:

— А мой младенчикъ гдѣ будетъ?

Головы всѣхъ точно пригибаютъ къ землѣ. Всѣ молчатъ. Дѣвушка, стуча зубами, повторяетъ свой вопросъ и добавляетъ: «Ужли... въ аду?»

Всѣ продолжаютъ молчать, только старуха авторитетно отвѣчаетъ: «Гдѣ-жъ ему еще быть-то? Некрещенному-то. Конечно, въ аду». Похожій на монашка, отъ жалости къ

дѣвущѣ, пытается оспорить старуху, но безуспѣшно. Почти помутившаяся отъ тоски въ разсудкѣ дѣвушка убѣгаетъ.— Вотъ что еще и доселѣ считаетъ народъ самымъ важнымъ—спасеніе души.

Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» за 1909 годъ на первомъ мѣстѣ напечатана повѣсть В. Ропшина съ апокалипсическимъ названіемъ «Конь блѣдный». Название это взято изъ 6-й (а не 8-й, какъ ошибочно указано въ эпиграфѣ повѣсти) главы 8-го ст. Апокалипсиса (и это мѣсто приведено впереди повѣсти въ качествѣ эпиграфа): *И я взглянулъ, и вотъ, конь блѣдный, и на немъ всадникъ, которому имя смерть; и адъ слѣдовалъ за нимъ...* Кроме того, въ эпиграфѣ приведенъ еще 11-й стихъ 2-й главы 1-го посланія Іоанна: *Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза.* Повѣсть представляетъ собою разсказъ революціонера. Пятеро революціонеровъ пріѣзжаютъ въ губернской городъ, чтобы убить губернатора, что имъ, наконецъ, послѣ разныхъ перепитій и неудачъ, и удается. Тотъ изъ нихъ, отъ лица котораго ведется разсказъ—негодяй въ полномъ смыслѣ слова, помимо губернатора убивающій, между прочимъ, совершенно неизвѣстно для чего, совсѣмъ невиннаго человека.—«У тебя нѣтъ закона, кровь для тебя—вода»—говоритъ ему одинъ изъ его сообщниковъ. И самъ онъ говоритъ о себѣ: «Я знаю: если мы убили вчера, то убьемъ и сегодня, неизбежно убьемъ и завтра». Но изъ его сообщниковъ одинъ, котораго называютъ Ваней—человѣкъ не только вѣрующій, но даже не расстающійся съ Евангелиемъ; онъ ни о чемъ даже не можетъ говорить, какъ только о Богѣ и о Христѣ. И между тѣмъ онъ—одинъ изъ убійць и даже именно ему выпадаетъ жребій убить губернатора, и онъ выполняетъ это кровавое дѣло. Онъ возмущается, сомнѣвается, тоскуетъ, но все-таки находитъ убійство необходимымъ. Интересна его психо-

логія,—тѣ мотивы, которыми онъ старается оправдать преступленіе: очевидно, въ повѣсти дана попытка оправдать преступленіе съ христіанской точки зрѣнія. Онъ убиваетъ «изъ любви», «за свободу», «чтобы потомъ не убивали. Чтобы потомъ люди по Божьи жили, чтобы любовь освящала міръ». Но несостоятельность такой психологіи обличается, къ удивленію, въ самомъ же разсказѣ.—«Это кощунство, Ваня»—отвѣчаетъ ему на эти слова лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ.—«Если бы я такъ думалъ, я не могъ бы убить». Да и самъ Ваня сильно сомнѣвается въ вѣрности своей философіи, и сомнѣніе это мучаетъ его все время. «Мнѣ кажется—говоритъ онъ лицу, отъ имени котораго ведется разсказъ,—что есть только всего два пути. Одинъ—все позволено. Понимаешь ли: все... Если, конечно, смѣть, если на все рѣшиться. Вѣдь если нѣтъ Бога, и Христось—человѣкъ, то нѣтъ и любви, значить, нѣтъ ничего... И другой путь—путь Христовъ, ко Христу... Слушай, вѣдь если любишь много, по настоящему любишь, можно тогда убить или нельзя?

— Убить всегда можно.

— Нѣтъ, не всегда. Нѣтъ, убить—тяжкій грѣхъ... Объ убійствѣ вѣдь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь»...

Ваня утѣшаетъ себя лишь мыслью, что онъ и самъ погибнетъ во время совершенія преступленія и, такимъ образомъ, принесетъ себя въ жертву «любви», «общему дѣлу». Но онъ остается цѣль, хотя его и хватаютъ. Тогда онъ утѣшается тѣмъ, что все равно будетъ повѣшенъ, и говоритъ, что и самъ не могъ бы жить послѣ совершеннаго имъ преступленія.—Вообще разсужденія, которыми переполненъ разсказъ, крайне спутаны и противорѣчивы.

Замѣчательно, что и лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, страшно тоскуетъ, даже изнемогаетъ отъ тоски по потерѣ вѣры. На Пасхѣ вспоминаетъ онъ свое дѣтство: говѣнье постомъ, плащаницу, «великое торжество» праздника («У заутрени, какъ въ раю»), праздничную радость.

А теперь ему все чужое, все томить; одно только чувство—*«уйти бы, куда глаза глядятъ, не вернуться»*. И такъ, въ сущности, проходить вся его жизнь. Онъ готовъ на всякое злодѣйство, на всякую подлость, потому что у него нѣтъ вѣры, о чемъ онъ постоянно тоскуетъ. И—хотя бы міръ весь захлебнулся въ крови—ему все равно. Подъ конецъ повѣсти ему все прискучиваетъ, все надоѣдаетъ, онъ ничего не хочетъ.—*«Проклять міръ и опустѣль для меня въ одинъ часъ—говорить онъ въ концѣ повѣсти—все ложь и все суета»*, отказывается отъ дальнѣйшихъ убійствъ и рѣшаетъ застрѣлиться.

Въ разсказѣ любопытенъ еще типъ руководителя революціонными убійствами. Это на видъ—самый обыкновенный, буржуазный старичекъ. Онъ самъ не совершаетъ никакихъ убійствъ—онъ лишь посылаетъ на нихъ другихъ, а самъ только спокойно наблюдаетъ за ними. И если посланные дѣйствуютъ, по его мнѣнію, слишкомъ медленно, онъ находитъ ихъ ненадежными и рѣшаетъ ихъ самихъ *«убрать»*, т. е. убить, для чего посылаются, разумѣется, другія маріонетки. А самъ старичекъ даже и въ подозрѣніи не состоитъ.

Разсказъ носить апокалипсическое названіе и переполненъ религіозными разсужденіями. Что хотѣлъ имъ сказать авторъ? *«Конь блѣдный»*, по объясненію толкователей Апокалипсиса, означаетъ моровую язву. Нашъ авторъ этого, конечно, не знаетъ и объясняетъ эти слова такъ, какъ ему хочется. Революцію ли разумѣетъ онъ подъ этими словами или вообще наше время,—кровавое и страшное дѣло революціи оправдать нельзя.—Характерна во всякомъ случаѣ эта попытка сближенія революціи съ религіей.

Въ той же *«Русской Мысли»*, въ первыхъ трехъ книжкахъ настоящаго года, помѣщенъ очеркъ М. Пришвина *«У стѣнъ града невидимаго»*. Это—разсказъ о повѣздкѣ автора въ раскольничьи и сектантскія села Нижегород-

ской губерніи и въ частности на Свѣтлое озеро, куда каждый годъ подъ Иванову ночь—24 іюня (по мнѣнію нашего автора, впрочемъ, Ивановъ день бываетъ въ іюлѣ) собираются раскольники, сектанты и православные миссіонеры (въ послѣднее время появляются и политическіе агитаторы), и происходятъ религіозные споры и бесѣды. Въ это озеро, по народному и особенно раскольническому сказанію, ушелъ во времена Батыя благочестивый градь Китежь и доселѣ находится тамъ невредимъ, и праведные люди могутъ видѣть иногда на поверхности озера кресты китежскихъ церквей и слышать изъ озера колокольный звонъ. Туда ѣздилъ, между прочимъ, и Мережковскій съ Зинаидой Гиппіусъ, которая и описала потомъ эту поѣздку («Свѣтлое озеро»—«Новый Путь» январь 1904 года).—Какъ принято въ радикальной литературѣ, авторъ захлебывается во всяческихъ восхваленіяхъ раскольниковъ и не знаетъ, какою только грязью забросать православное духовенство; но тѣмъ не менѣе и онъ, конечно, невольно, временами все-таки выводитъ передъ читателями религіозное и общее невѣжество, тупость и невѣроятное буквоедство, мракобѣсіе и крайнее духовное убожество и узость раскольническихъ мудрецовъ и руководителей. Подъ конецъ на сцену появляются немоляки, все Писаніе толкующіе духовно, и нашъ авторъ до того увлекается ими ¹⁾, что отправляется къ нимъ въ гости. Но тѣ вдругъ оказываютъ его холоднымъ душемъ:

— «Скажи, открой ты намъ, какой ты вѣры?»

Нашъ авторъ конфузится и, отдѣлавшись стереотипною фразою: «у насъ всѣ вѣрятъ по разному», спѣшитъ поскорѣе уѣхать. И тутъ не вывезло: люди все-таки вѣрятъ и не хотятъ жить безъ вѣры.—«Пожалуйста духа не уни-

¹⁾ Ими же увлекается и Мережковскій и даже переписывается съ ними. „Мы такіе же, какъ они, жалкія дѣти безъ матери, заблудшія овцы безъ пастыря, бездомные странники“—пишетъ онъ о себѣ и о всей вообще интеллигенціи. („Не миръ, но мечъ“—Спб., 1903, стр. 108).

майте» — уговариваютъ они его на прощанье. Полной близости, такимъ образомъ, радикальная интеллигенція и здѣсь не находятъ.

Теперь—о новѣйшихъ типахъ православнаго русскаго духовенства.

Въ свое время мы разбирали повѣсть Леонида Андреева «Жизнь Василя Оивейскаго»,—гдѣ рассказывается о священникѣ, хотѣвшемъ сотворить чудо—воскресить мертваго. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ уже сборникѣ рассказовъ А. Будищева «Черный буйволъ», въ рассказѣ «Пять хлѣбовъ». Только главное дѣйствующее лицо этого рассказа—отецъ Веньяминъ—гораздо симпатичнѣе Василя Оивейскаго.

Въ селѣ—страшный голодъ. Крыша за крышей раскрывается на кормъ голодному скоту, а священникъ этого села отецъ Веньяминъ въ страшной тоскѣ не знаетъ, какъ и чѣмъ помочь горю. Мысли его мѣшаются, онъ лишился сна и ѣды и, думая о голодныхъ дѣтяхъ села, совершенно забываетъ о своихъ собственныхъ. Матушка, въ страшной тревогѣ, не знаетъ, какъ успокоить мужа. Наконецъ, отецъ Веньяминъ рѣшается на что-то. Ночью потихоньку выходитъ онъ изъ дома, отпираетъ церковь и потихоньку же беретъ изъ дома пять караевъ хлѣба, приноситъ ихъ въ церковь и кладетъ ихъ тамъ на двухъ аналояхъ предъ царскими вратами. Затѣмъ, надѣвъ епитрахиль, онъ прочитываетъ изъ Евангелія повѣствованіе о насыщеніи пятью хлѣбами пяти тысячъ человекъ и начинаетъ молиться о томъ, чтобы и сейчасъ совершилось чудо, и Господь насытилъ голодное село. Но вотъ ему кажется, что молитва его услышана, и сейчасъ совершится чудо. Онъ облачается въ лучшее, пасхальное облаченіе (здѣсь авторъ употребляетъ такіа выраженія: надѣваетъ стихарь, опоясывается набедренникомъ, горделивое благоговѣніе; всѣ одежды, надѣваемые о. Веньяминомъ—разныхъ цвѣ-

товъ) и чрезъ царскія врата, съ радостною молитвою, выходитъ изъ алтаря. И ему кажется, что куполь храма безшумно заколебался, и съ неба, какъ обильный цвѣточный дождь, свергаются безшумные водопады безконечныхъ хлѣбовъ, громоздясь въ благовонныя горы. Обойдя ихъ съ кадиломъ въ рукахъ, онъ такъ же торжественно и радостно выходитъ изъ церкви и начинаетъ благовѣстить въ колоколь.

Проснувшаяся матушка испуганно бросается изъ дома и видитъ около церкви рыдающаго мужа въ пышномъ пасхальномъ облаченіи и кругомъ него кучку возбужденныхъ и встревоженныхъ крестьянъ, спорящихъ о томъ, гдѣ надо снимать облаченіе съ отца Венямина, здѣсь или въ церкви, предъ царскими вратами. Церковный сторожъ Данила поясняетъ крестьянамъ, что батюшка четвертый день «не въ себѣ». Хлѣбы съ аналоевъ потихоньку растаскиваютъ голодные крестьяне.

Разсказъ написанъ съ очевидною тенденціей, но типъ отца Венямина въ высшей степени симпатиченъ.

Свящ. Н. Колосовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Къ предстоящему съѣзду иноковъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

Вопросъ о поднятіи уровня нашего иночества поднимался нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ литературѣ, и въ самой жизни. Между прочимъ одному московскому архимандриту, теперь покойному, поручено было составить правила для производства экзаменовъ для монаховъ, возводимыхъ въ іеродіаконы и іеромонахи. Для совѣта покойный о. архимандритъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ составили правила для монашествующихъ, гдѣ предъявлены были самыя минимальныя требованія.

Я теперь позабылъ, въ чемъ заключались эти правила. Знаю только, что они были представлены на разсмотрѣніе Московской Синодальной Конторы. О. архимандритъ вскорѣ же послѣ засѣданія пріѣхалъ ко мнѣ опять, нѣсколько разстроенный. «Сколько хлопотъ», говорилъ онъ, «доставило намъ это дѣло, и оно совсѣмъ провалилось».

— Почему же? спросилъ я.

— Да вотъ почему. Только что началъ я читать правила и упомянулъ о «Начаткахъ» катихизиса, какъ прокуроръ Синодальной Конторы тотчасъ же спросилъ: «это зачѣмъ?»

Такимъ образомъ, продолжалъ о. архимандритъ. «Начатки» пришлось вычеркнуть. Но когда я сталъ читать дальше, то со стороны прокурора только и слышалось: «это зачѣмъ»? И такъ по всѣмъ пунктамъ. Ни одного правила не было принято. Всѣ были вычеркнуты и не осталось ни одного.

Напрасно, говорилъ архимандритъ, мы съ вами проработали.

Я только покачалъ головой и нѣсколько пожалѣлъ о

дѣйствительно потерянномъ даромъ времени, которое было для меня всегда очень дорого.

Теперь предстоитъ новая работа по части составленія правилъ для монашествующихъ, въ цѣляхъ возвышенія нравственной жизни нашихъ монастырей. Я, конечно, отъ души желаю, чтобы эта жизнь нѣсколько повысилась. Однако опасаясь, какъ бы по поводу такого возвышенія ктонибудь опять не сказалъ бы: «это зачѣмъ?»

Если бы дѣло касалось только одной религіи, подвижничества, благочестія и многихъ другихъ хорошихъ вещей, то наши монастыри, вѣроятно, давно измѣнили бы свой обликъ. Ихъ и реформировали бы, и предоставили бы имъ самимъ реформироваться. Но къ сожалѣнію, съ подвижничествомъ связано у насъ много экономическихъ вопросовъ и интересовъ, и такъ какъ для достиженія цѣлей истиннаго монашества придется затронуть, хотя бы нѣсколько, и эти экономическіе вопросы и интересы, то пожалуй, кто-нибудь и теперь скажетъ: «это зачѣмъ?»

Если же экономія нашихъ монастырей останется совсѣмъ незатронутою, то ожидать какого-либо измѣненія духовной жизни въ монастыряхъ вообще трудно.

Если и можно чегонибудь ожидать, то развѣ только временнаго улучшенія, на самый короткій срокъ.

Опытъ западнаго монашества извѣстенъ. Бывали времена и эпохи, когда западное монашество достигало наивысшаго процвѣтанія и усовершенствованія, какое только возможно въ этомъ дѣлѣ. Но послѣ временнаго возвышенія оно быстро падало, и паденія его было глубже, чѣмъ когда-либо прежде.

Слишкомъ высокіе идеалы доступны только немногимъ. Нѣкоторые идеалы проводятся въ жизнь и осуществляются, пока бываютъ живы высоко-идеальные люди. Со смертію же ихъ идеалы покрываются плѣсенью, гложуть и также умираютъ.

Das ist eine alte Geschichte.

Можно предложить и предлагать теперь какіе угодно идеалы. И они, можетъ быть, получать и нѣкоторое практическое значеніе. Но смѣются люди, смѣются обстоятельства, и всѣ идеалы опять пойдутъ на смарку.

Поставить прочно и на твердую ногу какую-нибудь фабрику, банкъ, вообще какое-нибудь торговое дѣло можно, и это часто удается. Но какъ вы поставите на твердую ногу, напримѣръ, обѣты нестяжательности и цѣломудрія?

Но можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы ожидать возвышенія монашеской жизни отъ изученія «Начатковъ» и даже «Пространнаго катихизиса», или вообще отъ распространенія среди монашествующихъ лицъ грамотности и просвѣщенія? Тутъ есть, конечно, кое-какія основанія для надежды. Образованный и просвѣщенный монахъ все таки лучше какого нибудь монаха—мужика, который не умѣетъ правильно написать своего имени. Однако и тутъ есть нѣкоторые подводные камни. Католическіе монахи, въ общемъ по крайней мѣрѣ, образованнѣе нашихъ, но можно ли сказать, что монашескіе идеалы на западѣ дѣйствительно процвѣтаютъ?

Намъ кажется, что самое лучшее, что можно сдѣлать,—это предоставить дѣло его собственному теченію и какъ можно меньше его затрогивать. При этомъ всегда нужно имѣть въ виду, что чѣмъ больше монастырей и монаховъ, тѣмъ больше появляется въ монастыряхъ и разныхъ пороковъ и недостатковъ. На этомъ основаніи, рассуждая чисто логически и теоретически, мы могли бы придти къ выводу, что для возвышенія монашеской жизни потребно было бы сокращеніе монастырей. Но въ настоящее время достигнуть этого едва ли было бы возможно. Остается, поэтому, одно,—это никогда не насаждать монастырей искусственно. У нѣкоторыхъ лицъ появляется какая то, чрезвычайно странная, манія «склонять къ монашеству», строить новые монастыри и тамъ, гдѣ нужно, и гдѣ вовсе ненужно. Если это дѣло разсматривать само по себѣ и независимо отъ послѣдствій, то худого, пожалуй, тутъ ничего не окажется.

Однако, при такомъ искусственномъ насажденіи монастырей, если въ нихъ появится кое что и неладное, то мы поступимъ вполне благоразумно, если не будемъ на это жаловаться.

Во всякомъ случаѣ мы желаемъ предстоящему иноческому съѣзду успѣха въ его занятіяхъ.

Свящ. М. Θ—скій.

БЛАГОДАТНЫЙ СОТРУДНИКЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Тема настоящаго реферата ¹⁾ обращаетъ насъ къ лучшему прошлому, къ «золотому вѣку» русскаго монашества, обнимающему время преп. Сѣргія Радонежскаго, его учениковъ и собесѣдниковъ.

Съ перемѣщеніемъ центра русской исторической жизни съ береговъ Днѣпра въ междурѣчье Оки и верхней Волги, сюда же переносить свою главную дѣятельность и монашество; покинувъ свою колыбель—Южную или Кіевскую Русь, оно находитъ болѣе надежный пріютъ въ Руси Сѣверной или Московской, въ Суздальской землѣ и лѣсахъ Костромскаго, Ярославскаго и Вологодскаго Заволжья. Здѣсь съ половины XIV-го столѣтія замѣчается необычайно быстрый численный ростъ обитателей; онѣ основываются отшельникомъ въ глухомъ лѣсу безъ помощи «серебра и злата» и постепенно созидаются «слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ», тогда какъ ранѣе почти всѣ монастыри появлялись въ городахъ или подъ ихъ стѣнами и—не столько для удовлетворенія насущной потребности всего народа, сколько по желанію князей и бояръ, устраивавшихъ, въ подражаніе грекамъ, такъ-называемые «кѣиторскіе монастыри», составлявшіе ихъ собственность. Въ Московской же Руси за описываемое время причины усиленнаго монашескаго движенія лежали глубже; его порождать порывъ народнои души отъ земли къ небу,—

¹⁾ Рефератъ этотъ былъ предложенъ вниманію присутствующихъ въ качествѣ „Публичнаго богословскаго чтенія“ 2 марта текущаго года.
Б. Г.

порывъ, свидѣтельствовавшій о возвышеніи нравственныхъ силъ въ обществѣ, которое не находило для нихъ лучшаго примѣненія, чѣмъ иночество. Эта напряженность аскетическаго настроенія, съ которой обычно соединялось болѣе или менѣе глубокое религіозное чувство древне-русскаго христіанина, была естественнымъ откликомъ народнаго сознанія на тѣ тяжелыя условія, въ какихъ проходила жизнь Сѣверной Руси въ XIV и XV вв., когда совершался переходъ отъ удѣльнаго дробленія власти къ ея политическому сосредоточенію въ рукахъ Московскаго великаго князя; это время, какъ и всякое переходное, отличалось расшатанностью общественныхъ отношеній, при которой мѣсто права занимала сила, и личность, не обладавшая послѣднею, была беззащитна. Умиравшій удѣльный строй давалъ себя знать усобицами князей, дѣлавшими Русь беззащитной въ изнурительной борьбѣ съ ея исконнымъ врагомъ—татарами; голодъ и морь сопровождали эти междоусобныя и внѣшнія войны, часто возникая, впрочемъ, и помимо ихъ; пожары, носившіе характеръ стихійныхъ несчастій, довершаютъ общую картину бѣдствій. Уныніе, вызываемое ими, усиливается въ XV вѣкѣ все болѣе и болѣе гнетущей мыслью о приближающейся кончинѣ міра, которую ожидали въ 1492 году. Невзгоды и нестроенія, проходившія почти непрерывной печальной вереницей на всемъ протяженіи XIV-го и первой половины XV-го вв., подчеркивали унаслѣдованную отъ грековъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства мысль о малоцѣнности жизни «въ мірѣ», еще болѣе возвышая передъ нею жизнь въ иночествѣ, въ которомъ древнерусскій христіанинъ видѣлъ смѣну земного на небесное, общества людей на общество ангеловъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи традиціи, тоже идущей съ появленія на Руси христіанства, закрѣпленной впоследствии устными преданіями о великихъ подвижникахъ и литературой, проникнутой аскетическими воззрѣніями. Ктому же въ XIV и XV вв. монастыри были главными центрами образова-

тельныхъ средствъ, какими тогда располагала сѣверо-восточная Русь.

При такомъ «преобладаніи религіозно-аскетическаго чувства надъ силою мысли и познанія, надъ силою чувства эстетическаго» (А. П. Щаповъ), люди, отмѣченные печатью избранничества, по богатству своихъ дарованій и ихъ развитію особенно чуткіе къ идеальнымъ стремленіямъ времени, уходили дѣйствительно изъ міра на «служеніе» Богу. Съ душою, жаждущею ангельскаго образа и горящею любовью къ Богу, нерѣдко тайкомъ покинувъ родительскій домъ, удалялся ищущій подвижничества въ лѣсную пустыню или же приходилъ въ обитель, славившуюся благочестіемъ своихъ насельниковъ и именемъ руководителя-старца. Здѣсь, на мѣстѣ своего постриженія, онъ безропотно и охотно исполняетъ самыя тяжелыя монастырскія работы—послушанія, не только не ослабѣвая при этомъ въ подвигъ молитвы церковной и келейной, но даже посвящая послѣдней почти всѣ часы отдыха, столь, повидимому, необходимаго для подкрѣпленія тѣла, изнуреннаго трудами и постомъ. Однако, и эта суровая жизнь, вызывавшая нерѣдко среди братіи опасную для смиренія «молву», не удовлетворяла души, которой предносились образы великихъ подвижниковъ, спасавшихся въ совершенномъ уединеніи. И какъ бы въ отвѣтъ на эти сокровенныя чаянія сонное видѣніе или невѣдомый голосъ зовутъ подвижника въ пустыню; послушный велѣнію свыше, иногда же просто по собственному непреодолимому влеченію, оставляетъ онъ монастырь, тайно или съ благословенія игумена, и удаляется на Сѣверъ, — въ безлюдныя дремучіе лѣса, куда еще «топоръ и соха не ходили», и гдѣ, поэтому, меньше всего можно было опасаться при поселеніи столкновенія съ землевладѣльцами и сельскими обществами. Послѣ утомительныхъ путешествій чрезъ «лѣса непроходимые, дебри, мхи и болота неугожія» онъ достигалъ, наконецъ, мѣста, вызывавшаго въ немъ своимъ видомъ тихое умиленіе: «плачевно мѣсто се вельми,

якоже кому пришедши посмотреть сію пустыню, зѣло умилилися имать, яко самозрѣніе мѣста того въ чувство можетъ привести зрящихъ его» — такъ характеризуетъ древній жизнеописатель мѣсто, избранное преп. Антоніемъ Сійскимъ для поселенія въ пустынь. То почти всегда была уединенная лѣсная глушь на берегу рѣки или озера среди дремучаго бора, окаймленнаго иногда рядами горъ, поросшихъ лѣсомъ; она, по безлюдью страны, не составляла обычно ничьей частной собственности, «ни въ какихъ книгахъ, ни за кѣмъ не была записана», по выраженію древнихъ грамотъ. «Се покой мой, здѣ вселюся, яко возлюбилъ душа моя», восклицалъ подвижникъ и ставилъ на избранномъ мѣстѣ крестъ со словами псалма: «Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ», а затѣмъ копалъ землянку, чаще строилъ келью подъ развѣистой сосной или черемухой, а то и просто поселялся въ дуплѣ стараго дерева, иногда даже въ хижинѣ, покинутой разбойниками. И начинался «трудъ пустынный, житіе скорбно и жестоко» по невѣроятнымъ лишеніямъ, напряженнѣйшимъ подвигамъ и борьбѣ съ темными силами. Пища подвижника—трава, коренья, ягоды, хлѣбъ—подаянье. Чаще же подвижникъ самъ расчищалъ въ лѣсу мѣсто подъ пашню, вскапывалъ землю «мотыкой» и засѣвалъ рожью; потомъ, собравъ зерно, мололъ его на ручныхъ жерновахъ и изъ этой муки, добытой въ полномъ и точномъ смыслѣ слова «въ потѣ лица», пекъ хлѣбъ. Еще меньше заботился подвижникъ о защитѣ своего тѣла: часто одну и ту же убогую и грубую одежду носилъ онъ цѣлый годъ, «зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ тягости потъ терпяше». Къ этимъ добровольнымъ лишеніямъ присоединялась еще опасность нападенія со стороны разбойниковъ, имѣвшихъ свои притоны въ дремучихъ лѣсахъ и иногда избивавшихъ до полусмерти сосѣда-отшельника, нарушившаго ихъ преступное уединеніе; въ болѣе позднее время нерѣдки гоненія на подвижника со стороны окрестныхъ крестьянъ, опасавшихся, какъ бы

близъ лежація земли не отошли къ имѣвшему возникнуть монастырю, росту котораго покровительствовала власть.

Но не этимъ, главнымъ образомъ, тяжела была лѣсная пустыня для отшельника; изнуряя его тѣло, она ужасала душу своими «страхованіями», борьба съ которыми требовала титаническихъ, почти нечеловѣческихъ нравственныхъ силъ. Представьте себѣ жизнь въ лѣсу въ полномъ одиночествѣ. Сколько нужно мужества, чтобы перенести только тоску и уныніе этого гнетущаго душу одиночества, нарушаемаго по временамъ лишь ревомъ и воемъ голодныхъ звѣрей, иногда и днемъ окружавшихъ хижину подвижника?! Но вотъ прошелъ день съ его испытаніями,—наступаетъ ночь, когда человѣкъ, удаленный отъ другихъ людей и поставленный лицомъ къ лицу съ природой, крайне остро и болѣзненно чувствуетъ свою зависимость отъ нея. Тревожащая тишина ночная напрягала воображеніе, будя въ душѣ вѣрованія о лѣсѣ, какъ мѣстѣ всякой нечести; оживали, превращаясь въ близкую дѣйствительность, рассказы о «пустынныхъ страшилищахъ». Особенно тягостны были часы ночные въ бурю, осенью во время непогоды и зимою при мятели: въ свистѣ вѣтра, завываньяхъ вьюги и глухомъ рокотѣ шумящихъ деревьевъ ухо улавливало какіе-то странные звуки,—не то хохотъ, не то всплески руками,—слышались то плачущіе, то угрожающіе голоса. Въ такія минуты для подвижника почти стиралась грань между міромъ видимымъ и міромъ «темныхъ силъ». Иногда, — по большей части во время ночной молитвы,—грань эта дѣйствительно уничтожалась: бѣсы воочію являлись подвижнику, угрожая гибелью. Но подвижникъ среди всѣхъ злоключеній пребывалъ твердъ и непоколебимъ, не переставая приносить Богу «моленіе всегдашнее», т.-е., какъ поясняетъ древнее житіе преп. Сергія, «слезы теплыя, плачь душевный, сердечныя воздыханія, всенощныя бдѣнія, прилежное чтеніе, трезвенное пѣніе, частыя коклѣнопреклоненія». Въ такой борьбѣ закалялся духъ подвижника до тѣхъ поръ, пока далеко не

отступали побѣжденные имъ темныя силы, и—онъ близокъ становился къ міру благодатному; при богосозерцательномъ настроеніи духа ему открывались дивныя видѣнія Христа, Богородицы, св. апостоловъ, ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, блистающаго свѣта, церкви, «великой и прекрасной». Такъ пустынный, по характерному опредѣленію одного древняго житія, превращался въ «свѣтлаго и таинственнаго сына кущи», отношеніе котораго къ окружавшей его природѣ возвращало мысль жизнеописателя къ временамъ пребыванія праотцевъ въ раю: дикіе звѣри, утрачивая свою свирѣпость, и птицы—свою пугливость, становились ручными въ присутствіи отшельника. Когда преп. Сергій Нуромскій пришелъ къ преп. Павлу Обнорскому, то увидѣлъ, что послѣдній кормилъ изъ рукъ птицъ; тутъ же, ожидая пищи, стоялъ медвѣдь, а вокругъ прыгали лисицы и зайцы.

Но не долго пребываетъ пустынный въ полномъ уединеніи; его открываютъ окрестные крестьяне, и молва, а за нею и слава объ отшельникѣ проносятся въ народъ; къ малой келейцѣ безмолвника одинъ за другимъ приходятъ желающіе подвизаться подъ его руководствомъ. Исполняется завѣтная мечта подвижника—собрать около себя «паству словесныхъ овецъ»; съ радостью и любовью принимаетъ онъ такихъ желающихъ послѣ искреннаго и утвердительнаго отвѣта съ ихъ стороны на «суровый» вопросъ: «хотите ли и можете ли терпѣть труды мѣста сего, голодь и жажду и всякіе недостатки? Знайте, что вамъ предстоитъ здѣсь: будьте готовы терпѣть скорби, бѣды, печаль, всякую тугу и нужду; приготовьтесь не къ покою, но—ко всякимъ искушеніямъ и подвигамъ духовнымъ» (Проф. В. О. Ключевскій).

Предъ нами открывается новая страница въ жизни сѣверно-русскаго подвижника. На мѣстѣ его уединеннаго «труда пустынна» торопливо строятся кельи, воздвигается деревянный храмъ и тонкій «гласъ звонащъ» примѣшивается къ шуму вѣкового лѣса. Но какъ на первыхъ

порахъ убога и неприглядна жизнь обители! Здѣсь «все худостно, все нищетно, все сиротинско». На обнесенной тыномъ полурасчищенной полянѣ среди порѣдѣлаго отъ вырубкы лѣса стоитъ маленькая деревянная церковка; къ ней жмутся убогія келейцы—хижины; вездѣ торчатъ свѣжіе пни, и валяются колоды срубленныхъ деревьевъ; «первобытный лѣсъ шумитъ надъ самыми кельями и осенью обсыпаетъ ихъ кровли палыми листьями и иглами» (Проф. В. О. Ключевскій). Нечего говорить о какихъ-либо достаткахъ въ домашнемъ обиходѣ братіи, когда совершеніе литургіи откладывалось иногда по недостатку вина, когда утреня отправлялась при свѣтѣ дымящей лучины, когда крашенина шла на церковное облаченіе, и книги богослужбныя писались на берестѣ. Братія нерѣдко сидѣла безъ куска хлѣба дня по два и болѣе, принужденная къ тому же заниматься усиленнымъ трудомъ по расчисткѣ лѣса подъ пашню и вообще по хозяйственному упорядоченію обители въ первобытной лѣсной глуши. И немудрено, что среди немногочисленныхъ насельниковъ зачинавшейся обители иногда раздавался ропотъ недовольства на суровыя условія жизни; и, безъ сомнѣнія, братія разбрелась бы, если бы ея не удерживала обаятельная личность игумена, всегда шедшаго впереди своихъ овецъ на «скорбномъ пути» подвижничества. Несмотря на свое первенствующее положеніе среди братіи, — а вѣрнѣе сказать именно въ силу этого обстоятельства, — онъ не гнушается самой черной работы: онъ поварь, пекарь, портной, древоколь и плотникъ; онъ служитъ братіи, какъ «рабъ купленный», по выраженію древняго житія о преп. Сергіи. При этомъ на немъ лежитъ нелегкая задача по введенію строго общезначительнаго устава въ обители, съ такимъ трудомъ прививавшагося къ нашимъ монастырямъ, въ этомъ отношеніи раздѣлявшимъ неподатливость древней Руси на образованіе новыхъ общественныхъ организацій; вмѣстѣ съ этимъ на немъ же — и руководство каждымъ братомъ въ отдѣльности. Тонкое знаніе человѣческой души, при-

обрѣтенное въ пустынномъ уединеніи наблюденіемъ надъ собою, и любовь къ людямъ даютъ ему нужныя силы и умѣнье «тихо и кротко настраивать душу» брата «и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства», приспособляя отдѣльныя особенности каждаго брата къ цѣлямъ всего братства (Проф. В. О. Ключевскій).

Проходило нѣсколько лѣтъ, и хозяйственное положеніе обители значительно измѣнялось къ лучшему; окрестности ея заселялись; обитель, благодаря подвижнику, пріобрѣтала широкую извѣстность, которая вызывала щедрый притокъ пожертвованій натурою, богослужебною утварью, деньгами и, наконецъ, землями; на послѣднихъ охотно селились крестьяне, привлекаемые привилегіями и льготами, какія давались государственною властью монастырскимъ землямъ по отбыванію податей и повинностей. Значительную часть этихъ жертвъ обитель возвращала «міру» въ видѣ милостыни, состоявшей въ призрѣніи безпомощныхъ и нищихъ, а также выкупѣ плѣнныхъ. Обитель въ этомъ отношеніи слѣдовала исконному обычаю, возведенному въ положительное право грамотами древне-русскихъ князей, отдававшихъ въ вѣдѣніе церкви дѣла общественной благотворительности въ силу каноническаго опредѣленія «церковное богатство—достояніе нищихъ». Подвижникъ, рука котораго «была простерта къ требующимъ, яко рѣва многоводна и тиха струями», зорко слѣдилъ за соблюденіемъ этого правила своею обителью, нерѣдко пытаясь оградить его нерушимость и по своей смерти особымъ завѣщаніемъ.

* * *

До сихъ поръ сѣверно-русскій подвижникъ выступаетъ предъ нами какъ отшельникъ и какъ руководитель собравшейся около него братіи; но есть еще другая сторона въ его дѣятельности, не менѣе важная по своему значенію, заслуживающая глубокаго и особенно благодарнаго вниманія,—разумѣемъ отношеніе подвижника къ по-

кинутому имъ для Бога «міру». Оно выводитъ насъ изъ уединенной кельи и монастырскихъ стѣвъ на широкое поле государственной жизни, гдѣ подвижникъ является благодатнымъ сотрудникомъ русскаго народа въ великомъ дѣлѣ созиданія русскаго государства.

Мы уже имѣли случай отмѣтить, какъ тяжела и бѣдственна была жизнь Сѣверной Руси въ XIV и XV в.в. Среди бѣдствій того времени поистинѣ бичъ Божій представляли собою татары. Въ концѣ сороковыхъ годовъ XIII вѣка они, какъ ураганъ, пронеслись по землѣ русской, оставляя за собою смерть и разрушеніе. Но всего страшнѣе и опаснѣе былъ нравственный вредъ, причиненный этой бурей душъ народной. Современники несчастной битвы на рѣкѣ Сити (1238 г.), показавшей всю тщету борьбы съ татарами, сошли въ могилу съ тяжелымъ чувствомъ скорби, «безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется ли гдѣ заря освобожденія» (Проф. В. О. Ключевскій) для поработенной отчизны. Ихъ дѣти, съ колыбели напуганная «лихимъ татаринѣмъ», выросли съ чувствомъ страха къ «злѣму ворогу»,—страха, который, поддерживаясь и усиливаясь частыми мѣстными набѣгами татаръ, превратился въ паническій безотчетный ужасъ, сковывавшій энергію народа и приучившій его къ пассивному примиренію со своимъ положеніемъ. «Такъ, — по справедливому выраженію проф. В. О. Ключевского, — внѣшняя случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хроническій недугъ; ужасъ одного поколѣнія могъ развиться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человѣчества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола повело къ паденію великаго европейскаго народа». И, однако, этого не случилось: народъ нашелъ въ себѣ силы, чтобы свергнуть ненавистное иго и вытти на настоящую историческую дорогу. Кто же произвелъ необходимое для этого нравственное перерожденіе народа—раба въ народъ свободо-

любивый? Кто вдохнулъ въ его запуганную и приниженную бѣдствіями душу мужество и крѣпость?

Въ обществѣ, по культурно-бытовымъ условіямъ своей жизни почти лишенномъ иныхъ средствъ моральнаго воздѣйствія кромѣ религіи, естественно и возрожденія народнаго нужно было ожидать отъ послѣдней. Но требовался особый, доступный и понятный тому вѣку путь перевоспитанія народнаго на почвѣ религіозной. Не слѣдуетъ забывать своеобразность духовной организаціи древне-русскаго человека: какъ въ области мысли онъ не былъ склоненъ къ абстракціи, замѣняя отвлеченныя схемы образами, символами, обрядами и легендами, такъ, соотвѣтственно этому, въ области морали для него лучшимъ и самымъ успѣшнымъ воспитательнымъ средствомъ являлся живой примѣръ,—наглядное осуществленіе нравственной идеи. Такой-то именно примѣръ и представлялъ собою сѣверно-русскій подвижникъ набожнымъ наблюдателямъ, пришедшимъ къ нему за поученіемъ и наставленіемъ. Ихъ пылкій взоръ встрѣчалъ въ обители подвижника прежде всего ту же убогую съ внѣшней стороны жизнь, какая была хорошо знакома имъ по собственному опыту,—встрѣчалъ тотъ же суровый трудъ надъ лѣсомъ и пашней; изъ подъ грубой и дырявой одежды инока глядѣлъ свой братъ крестьянинъ, хорошо знакомый съ топоромъ и сохою. Но, пристальнѣе всматриваясь въ это рабочее безсемейное братство, пришлецъ изъ «міра» не могъ не почувствовать глубокой внутренней разницы между «міромъ» и обителью: онъ видѣлъ, что трудъ здѣсь предваряется, сопровождается и заключается молитвою,—что насельники обители связаны между собою содружествомъ и пріязнью, сказавшимися и въ отношеніи къ нему, пришельцу, встрѣченному лаской и пріѣтомъ, столь рѣдкими въ мірѣ, гдѣ, по выраженію лѣтописи, характеризующей нравственное состояніе общества того времени, «люди забывшеся другъ на друга враждуютъ и грызуть, и кусаютъ»; въ самой работѣ бросался въ глаза строго обдуманый и

опредѣленный порядокъ, спорившій дѣло, облегчавшій и правильно распредѣлявшій трудъ. «Миръ видѣлъ это и уходилъ ободренный и освѣженный подобно тому, какъ мутная волна, прибывая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣствѣ, и бѣжитъ дальше свѣтлой и прозрачной струей» (Проф. В. О. Ключевскій). Онъ уносилъ съ собою, въ началѣ, бытъ можетъ, не совсѣмъ отчетливое, но горячее стремленіе къ единенію на основѣ разумнаго труда, молитвы и любви. Накопляясь съ годами и созрѣвая, эти впечатлѣнія, какъ электрическія искры, пробѣгавшія по парализованному нравственному организму народа, совершенно переродили послѣдній; народъ пробудился отъ вѣковой апатіи, началъ собирать растерянные нравственные силы, сосредоточиваясь въ срединномъ, менѣе прочихъ страдавшемъ отъ усобицъ и татаръ, удѣлѣ Московскомъ, около его князя, умѣлаго хозяина—скопидома; наконецъ, онъ настолько окрѣпъ духомъ, что, уже ища врага, а не обороняясь отъ него, самъ вышелъ за черту русской осѣдлости въ «дикое поле» Куликовское. Здѣсь онъ одержалъ побѣду надъ татарами, укрѣпляя себя молитвой и благословеніемъ отца сѣверно-русскихъ подвижниковъ, преп. Сергія Радонежскаго, напутствовавшаго вождя русской рати, московскаго князя Дмитрія, такими знаменательными словами: «иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебаній, и побѣдишь!» Такъ подъ духовнымъ водительствомъ подвижника одержана побѣда куликовская, не только положившая прочное начало сверженію татарскаго ига, но и вызвавшая къ жизни само московское государство; Дмитрій Донской, выступившій на татаръ въ то время, когда великій Новгородъ и прочія княжества притаились въ ожиданіи бѣды, и спасшій отъ полудикихъ монголовъ не только Москву, но и Русь, выдвинулся въ народномъ сознаніи, какъ спаситель всей земли. Съ этого времени Дмитрій изъ князя московскаго превращается, по выраженію литературныхъ произведеній того времени, въ «ца-

ря русскаго», а его княжество выросло въ національное государство московское. «Оно родилось на Куликовскомъ полѣ, а не въ скопидомскомъ сундукѣ Ивана Калиты» (Проф. В. О. Ключевскій).

* * *

Родившись въ борьбѣ съ татарами, московское государство выросло въ борьбѣ съ лѣсомъ,—борьбѣ настолько изнурительной для народныхъ силъ, что покойный И. Е. Забѣлинъ считалъ ее главною причиною развитія московскаго самодержавія со всѣми его отличительными чертами: это самодержавіе опиралось на черное всенародное множество, которому, при напряженномъ трудѣ топоромъ и огнемъ надъ лѣсомъ и сохою на «пали», некогда было думать о какихъ-либо правахъ и вольностяхъ.—Къ половинѣ XIV вѣка главная масса русскаго народонаселенія сосредоточилась, какъ было уже замѣчено, въ междурѣчьи Оки и верхней Волги, образовывавшемъ собою треугольникъ, запертый съ запада, юга и юго-востока Литвой и татарами; скученному населенію оставался одинъ только свободный выходъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ,—въ обширный край Заволжскій. Но страшно было двинуться сюда крестьянину! Если въ XVI вѣкѣ въ наиболѣе населенной части Московскаго государства при огромныхъ деревьяхъ напоминали о недавнемъ лѣсѣ, если даже въ XVII столѣтіи западно-европейскій путешественникъ, проѣзжавшій въ Москву на Смоленскъ, видѣлъ кругомъ себя почти сплошной лѣсъ, то какими же должно представлять себѣ огромныя пространства сѣверо-восточной Руси въ XIV, XV и XVI в.в.?! Не забудемъ, что они и до сихъ поръ славятся своими лѣсами. Это была необъятная лѣсная пустыня. Почва, покрытая мхами, болотами и озерами, изрѣзанная въ различныхъ направленіяхъ рѣками и рѣчками, почти не видала солнца, защищенная шатромъ вѣкового лѣса; подъ его сумрачной сѣнью вели на призывъ свою загадочную жизнь дикіе звѣри, и лишь угрю-

мый финнъ—язычникъ, постепенно отступавшій къ сѣверо-западу подъ напоромъ колонизаціоннаго движенія съ юга и разбросавшій среди болотъ свои рѣдкіе поселки, напоминалъ о человѣкѣ; но этотъ «пасынокъ природы» былъ скорѣе ея рабомъ, чѣмъ господиномъ. Природа подавляла его своимъ сурсымъ величіемъ и окружала его неразвитую, младенческую душу пугающимъ міромъ лѣсныхъ, водяныхъ и русалокъ; «людей же врещеныхъ,—говоритъ лѣтопись Спасокаменнаго монастыря, — тогда (т. е. въ XIV вѣкѣ) мало было за Волгой». Въ такую то суровую и безлюдную страну и долженъ былъ итти крестьянинъ для ея колонизаціи. Жизнь, полная лишеній, непредвидимыхъ затрудненій и опасностей, ждала его здѣсь. Пробираясь съ семьей и скуднымъ хозяйственнымъ инвентаремъ сквозь бездорожныя лѣсныя дебри, сквозь топи и болота, онъ съ трудомъ отыскивалъ сухой открытый пригорокъ, гдѣ можно было поставить не болѣе трехъ крестьянскихъ дворовъ. Немногочисленные обитатели такой деревушки приступали затѣмъ къ изысканію мѣста, годнаго для пашни,—то почти всегда былъ незначительный земельный участокъ, на обработку котораго, тѣмъ не менѣе, уходило много силъ; прежде чѣмъ взяться за соху, нужно было вырубить лѣсъ, выкорчевать пни, выжечь поросль, поднять цѣлину и тогда только начать распашку «пали». Въ подспорье скудному и трудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ крестьянинъ обращался къ промысламъ, и, чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ болѣе въ крестьянинѣ хлѣбопашецъ вытѣснялся промышленникомъ, — охотникомъ, бортникомъ, смолокуромъ, рыболовомъ и солеваромъ. При этомъ крестьянинъ принужденъ былъ бороться съ дикими звѣрями,—медвѣдами и волками, грозившими ему и его скоту; принужденъ былъ страдать отъ суроваго сѣвернаго климата, морозами побивавшаго, по свидѣтельству историческихъ актовъ, по сѣвы почти всякое лѣто, и—подвергаться всякаго рода случайностямъ среди лѣсной и водной стихіи; въ древ-

нихъ уставныхъ грамотахъ почти постоянно встрѣчается слѣдующій сухой, но краснорѣчивый перечень: «а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсу деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто въ студени умретъ, или кого возомъ сотретъ». Не долго крестьянинъ засиживался на одномъ мѣстѣ: какъ только почва утрачивала плодородіе, сообщенное суглинка золою, онъ, снявъ нѣсколько урожаевъ, отправлялся на поиски новаго мѣста, ставилъ здѣсь новый «починокъ», принимаясь за старый трудъ. Такъ колонизаціонное движеніе, тонкими нитями пробираясь по рѣчнымъ системамъ на сѣверо-востокъ и сѣверъ, достигало естественныхъ границъ русской равнины—Урала и холодныхъ водъ «студеного моря»; и здѣсь на льдахъ его крестьянинъ искалъ добычи, отправляясь артелями въ «веснованье» на встрѣчу бурямъ грозной и измѣнчивой стихіи.

Тяжела была для крестьянина его поистинѣ богатырская борьба съ природою, и самъ народъ, хорошо сознавая это, недаромъ назвалъ ее «страдою». Но нѣтъ сомнѣнія, что она была бы во сто кратъ тяжелѣе, если бы ее не облегчалъ крестьянину подвижникъ, то шедшій впереди него какъ бы развѣдчикомъ, то сопровождавшій его въ качествѣ спутника. Обитель, возникавшая на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ отшельника, являлась опорнымъ пунктомъ колонизаціоннаго крестьянскаго движенія; крестьяне осѣдали около богатѣвшей обители, какъ около хозяйственнаго центра; пользуясь ссудой и инвентаремъ отъ монастыря, они охотно переходили на его земли, гдѣ давались облегченія въ податяхъ и повинностяхъ. Такъ хижина подвижника превращалась въ богатый, шумный монастырь, а послѣдній окружался многочисленными поселками, изъ которыхъ нѣкоторые, съ теченіемъ времени, вырастали въ города. Типична въ разсматриваемомъ отношеніи исторія Троице-Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастырей. Въ предисловіи къ описанію чудесъ преп.

Сергія троицкій келарь Симонъ Азоринъ писалъ въ половинѣ XVII вѣка: «пустыня тогда (т.-е. въ половинѣ XIV столѣтія) была непроходимая (мѣсто поселенія неподобнаго); нынѣ же всѣмъ зримо окрестъ обители поля мірскія и села, и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда, и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути-дороги велія и проѣзды всякаго чину людямъ, днемъ и ночью безпрестанно идущимъ... Тогда въ рощахъ тѣхъ и деревь толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число въ слободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велиціи быша». «Пусто и скудно» было мѣсто при Бѣлоозерѣ, гдѣ поселился св. Кирилль, — то «боръ бѣше велий и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу»; когда же пустынь преп. Кирилла стала славной обителью, то вокругъ ея въ лѣсахъ и пустошахъ уже насчитывалось нѣсколько сотенъ поселеній. Впрочемъ, бывало и такъ, что монастырь исчезалъ въ послѣдствіи, а возникшіе при его содѣйствіи поселки продолжали существовать въ видѣ прихода съ сохранившеюся монастырскою церковью во главѣ. Но отмѣченныя услуги экономическаго характера, оказываемыя обителью крестьянину, вплоть до обученія его образцовому хозяйству, какъ видимъ это на примѣрѣ Соловецкаго монастыря, не вытекали непосредственно изъ духовно-пастырской дѣятельности подвижника; онѣ были результатомъ совпаденія и по времени, и по мѣсту двухъ историческихъ явленій,—крестьянской и монастырской колонизаціи, и нѣкоторыми сторонами своими даже противорѣчили духу истиннаго подвижничества. По крайней мѣрѣ, когда совершалось «искаженіе» пустыни вслѣдствіе заселенія окрестностей крестьянами, находился среди братіи ученикъ, вѣрный духу основателя обители, который уходилъ отъ шума въ нетронутую пустыню, чтобы дать основаніе новой обители и черезъ это, помимо своей воли, создать новый хозяйственный пунктъ для новыхъ поселенцевъ изъ крестьянъ; и изъ этой обители опять выходилъ ученикъ, чтобы повторить опытъ учителя и

воспитать подобнаго себѣ дѣятеля. Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій совершалось заселеніе верхне-волжской Руси совмѣстными усиліями подвижника и крестьянина.

Но, убѣгая отъ слѣдовавшаго за нимъ земледѣльца, подвижникъ, поставленный ходомъ историческихъ событій лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ міромъ, не уклонялся отъ тѣхъ нравственныхъ обязанностей, какія по отношенію къ послѣднему возлагала на него христіанская заповѣдь о любви къ ближнему. Подвижникъ, безъ преувеличенія, былъ,—употребимъ житійное выраженіе,— «чадолюбивый отецъ» для всѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, искавшихъ пріюта и защиты подъ милосердной сѣнью его обители. Боясь презрѣть въ убогомъ и бѣдномъ странникѣ ближняго брата Христова или, точнѣе, Самого Христа, подвижникъ творилъ «неоскудную милостыню» всѣмъ просящимъ, призывая къ тому же и свой монастырь. Нагіе, алчущіе и жаждущіе, маломощные, больные, увѣчные, уязвленные звѣрями, сбившіеся съ пути и полузамерзшіе отъ стужи, ищущіе утѣшенія духовнаго, разрѣшенія тягостныхъ недоумѣній и просто желающіе благословенія,—всѣ шли къ подвижнику, и онъ принималъ ихъ съ любовію, «какъ посланныхъ отъ Господа», зря не на лица, а на нужду. Во время же тяжкихъ общенародныхъ бѣдствій, производимыхъ неурожаемъ, когда наступалъ «гладъ крѣпокъ», и народъ питался «со скотами одной пищей», — листьями, корой и сѣномъ, когда корни ужевника и истолченныя гнилушки дерева, чего не ѣлъ и скотъ, производили массовыя заболѣванія, въ обитель къ подвижнику стекались буквально тысячи голодныхъ: монастырь кормилъ ихъ, не падая средствъ, полученныхъ ранѣе отъ «міра». Чуткій и отзывчивый на мірскую нужду подвижникъ всегда готовъ былъ притти на помощь туда, гдѣ гнетъ безправія и забитости особенно сильно давалъ себя чувствовать; онъ былъ, по прекрасному выраженію древне-русской Церкви, «печаловникъ» за обездоленный людъ предъ богатыми и сильными.

Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, типичнѣйшаго подвижника Московской Руси, даетъ прекрасный матеріалъ для иллюстраціи только что высказаннаго положенія; приводимъ нужныя свѣдѣнія изъ этого житія въ томъ изложеніи, какое находимъ въ трудѣ проф. С. И. Смирнова— «Какъ служили міру подвижники древней Руси?» «Преп. Іосифъ, — читаемъ мы здѣсь, — былъ выдающійся «печаловникъ», — немощнымъ спострадатедемъ». Въ своихъ посланіяхъ и личныхъ бесѣдахъ съ знатными мірянами онъ заступаетъ за холоповъ и за крѣпостныхъ. Онъ пишетъ вельможамъ, наставляя ихъ «восхищенное не по правдѣ отдати»; увѣщаетъ «помиловать бѣдныхъ и убогихъ, иже пусти бѣша человѣческаго утѣшенія»; рабовъ, которые «гладомъ таютъ и наготою страждутъ», довольствоваться, «чтобы съ голоду и съ наготы не плакали». При этомъ онъ проситъ господъ не забывать, что они одна плоть съ рабами, крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною кровію и вмѣстѣ станутъ на судилищѣ Христовомъ. Печалуясь предъ вотчинникомъ за крѣпостного человѣка, волоколамскій подвижникъ становится на точку зрѣнія ихъ обоюднаго матеріальнаго интереса. «Будьте добры къ пахотнымъ крестьянамъ своимъ. Чѣмъ болѣе станете вы понуждать земледѣльца къ работѣ на васъ и васильно отнимать его стяжаніе, тѣмъ скорѣе онъ придетъ въ убожество. Но, сдѣлавшись нищимъ, какъ онъ будетъ платить подать и дань, чѣмъ, сокрушенный нищетой, пропитается онъ съ домою своимъ? Обремененный оброкомъ онъ продастъ скоть. А разъ скоть проданъ, кто будетъ пахать? Гдѣ взять убогому и сѣмянъ? Запустѣлая, заросшая «цѣлизна» процвѣтетъ ли, какъ поле? А когда крестьянскія поля запустѣютъ, не понесетъ ли ущербъ самъ господинъ усадьбы за всю убыль, сдѣланную крестьянину, и притомъ въ такой степени, въ какой сдѣлано ему зло. Дающій же пахарю льготу воздѣляетъ заросшія мѣста и распашетъ поля. Безъ господскаго наслѣдія исполнивъ свои работы, крестьянинъ будетъ ста-

ратся для господина и, сытый самъ, безъ недоимки отдасть оброкъ. Владѣльцевъ подвижникъ наставлялъ «не злымъ быти на владомыя», крестьянъ— «не упускать господской работы, не лѣниться и воздавать имъ усердіемъ за заботы и льготы». Въ своемъ печалованіи подвижникъ не останавливался даже предъ смертью: напомнимъ о соловецкомъ подвижникѣ, святомъ Филиппѣ, въ санѣ митрополита жизнью заплатившаго за неумолчныя ходатайства предъ Грознымъ царемъ о справедливости и милосердіи къ опальнымъ гонимымъ. Но ненужно было даже и ходить къ подвижнику за помощью и просить о ней: онъ слышалъ далекіе стоны близкихъ его сердцу плѣнниковъ и выкупалъ ихъ; онъ погребалъ умершихъ безвѣстною смертью, тѣла которыхъ лишены были родственной или дружеской заботы.

* * *

Всматриваясь въ такую самоотверженную дѣятельность подвижника, всего себя отдавшаго на служеніе Богу и ближнимъ, народъ чувствовалъ и понималъ, какая огромная нравственная сила таится за нею, и начиналъ окружать ея носителя благоговѣйнымъ почитаніемъ, вѣря и на себѣ испытывая чудодѣйственную святость его молитвы. Когда же пресѣкалась эта трудолюбная, благодатная и чистая жизнь,—то мысль и чувство народныя не хотѣли и не могли мириться съ подобной утратой, отнимавшей нравственный свѣтъ и милосердную руку у сотенъ и тысячъ людей, сознававшихъ свою нищету духовную и испытывавшихъ нужду матеріальную. Здѣсь оправдалась высокая и утѣшительная для человѣчества истина, что твердая вѣра и крѣпкая любовь не страшится смерти: умиралъ подвижникъ, но не умирала память о немъ въ душѣ благодарнаго народа. Онъ сохранялъ къ нему то же отношеніе какъ къ своему помощнику и утѣшителю съ тою лишь разницею, что видѣлъ въ немъ теперь ходатая болѣе близкаго къ Богу и болѣе могущественнаго.

Вводившій подвижника при его жизни въ кругъ своихъ нуждъ и интересовъ, онъ то же самое дѣлалъ и обращаясь къ нему, какъ угоднику Божию: онъ молилъ его возвратить утраченное здоровье, избавить его отъ печали, подать помощь «еже препитати скоть безбѣдно», найти пропавшую вещь или заплутавшуюся лошадь, вызвать изъ глубины океана звѣрей для добычи, охранить его пчелъ отъ «дурного глаза». Въ борьбѣ со стихіями, гдѣ малокультурный человѣкъ того времени былъ особенно безсиленъ, онъ всю надежду возлагалъ на чудесную помощь святого: житія поморскихъ святыхъ полны, на примѣръ, разказами, какъ чудотворцы, нѣкогда подвизавшіеся въ Поморьи, укрощали разбушевавшіеся морскія волны, спасая отъ потопленія обращающихся къ нимъ съ молитвой.

Текли годы..... Свидѣтели святой жизни подвижника и его «мирной кончины» тоже сходили въ могилу; за ними слѣдовали ихъ дѣти и внуки; но скромная, покрытая сермягой или крашениной съ нашитымъ изображеніемъ креста, деревянная гробница, подъ которою покоилось «трудолюбное тѣло» подвижника, продолжала привлекать къ себѣ благоговѣйныхъ почитателей: въ дни скорби, которыхъ всегда насчитывается болѣе, чѣмъ дней радости, древнерусскій человѣкъ привыкъ или приходитъ къ дорогой ему могилѣ, веся свою печаль и ища утѣшенія, или же—издали обращать къ ней взоръ, полный вѣры и упованія. Но отдаленные потомки ближайшихъ поколѣній къ подвижнику, призывая его святое имя, уже не соединяли съ нимъ отчетливыхъ и ясныхъ представленій о чудесной жизни, давно отошедшей въ блаженную вѣчность. Время, шагъ за шагомъ, медленно, но неуклонно изглаждало изъ людской памяти живой образъ благодатнаго старца, замѣняя его отвлеченнымъ и, если можно такъ выразиться, *иконнымъ* представленіемъ объ угодникѣ Божиемъ. И когда агіографъ брался за «трость и чернило», чтобы передать на «хартіи» въ назиданіе и поученіе православному люду повѣствованіе о жизни святого мужа, то, въ большин-

ствѣ случаевъ, уже не могъ возсоздать многія утраченныя черты и возобновить потускнѣвшія; онъ былъ вынужденъ въ такихъ случаяхъ отвѣчать или безпомощнымъ, 'но добросовѣстнымъ <не знаю>, или готовыми, отлившимися въ стереотипъ и ничего не говорящими, риторическими фразами.

Но если время было въ силахъ затушевать въ народномъ сознаниі конкретный образъ подвижника, то оно же не могло вырвать изъ народнаго сердца свѣтлыхъ и бодрящихъ впечатлѣній, вынесенныхъ современниками съверно-русскихъ подвижниковъ изъ живого общенія съ ними. «Оброставшая свѣтлой легендой память о христіанскихъ иноческихъ подвигахъ пустытника — основателя (обители), теплившаяся непрерывно въ монастырѣ подобно той неугасимой лампадѣ, которая мерцала надъ его гробомъ, и слава о такихъ же подвигахъ его преемниковъ и подражателей среди братіи озаряли темную окружающую среду съ ея мелкими заботами и интересами, внося нѣкоторый лучъ идеализма въ грубую жизнь. Самая красота монастырскаго богослуженія и весь обиходъ жизни иноковъ, «пріявшихъ ангельскій образъ», дѣйствовали на воображеніе и чувства богомольца, на время отрывавшагося отъ своей будничной сѣрой обстановки и попадавшего въ какой-то иной, какъ бы неземной міръ, о которомъ онъ уносилъ потомъ яркое воспоминаніе, не потухавшее, быть можетъ, до конца дней и не разъ передававшееся близкимъ» (Проф. М. М. Богословскій). Объединяясь во времени и развиваясь органически, эти впечатлѣнія выросли въ могучее религіозное чувство, — въ исканіе высшей правды и жажды личнаго подвига. Недоступный взору историческаго знанія таинственный процессъ нравственнаго перерожденія цѣлаго народа былъ, однако, подмѣченъ, точнѣе — всегда чувствовался самимъ народомъ и, естественно, постоянно обращалъ его къ источнику, изъ котораго изливалась эта животворная сила. Руководясь какимъ-то необычайнымъ, необъяснимымъ, но

вѣрнымъ инстинктомъ, народъ изъ сонма сѣверно-русскихъ подвижниковъ выдѣлилъ славныя имена преподобныхъ Сергія, Кирилла, Зосимы и Савватія, болѣе прочихъ потрудившихся на нивѣ народнаго перевоспитанія; онъ вознесъ ихъ на недосыгаемую высоту благоговѣйнаго почитанія и начерталъ ихъ имена на знамени своей жизни. Подъ этимъ священнымъ стягомъ, черпая силы у гробницъ чтимыхъ угодниковъ Божіихъ, онъ вынесъ на своихъ плечахъ «разруху» смутнаго времени, являвшагося тяжелымъ переходномъ моментомъ изъ Старой, Древней, до - Петровской Руси въ Русь Новую, Петровскую.

Заключимъ нашу рѣчь прекрасными словами проф. В. О. Ключевского, сказанными въ примѣненіи къ отцу сѣверно-русскихъ подвижниковъ преп. Сергію Радонежскому, и потому, съ извѣстнымъ ограниченіемъ, приложимыми къ каждому изъ нихъ. Дѣло, сдѣланное сѣверно-русскимъ подвижникомъ, «по своему значенію настолько далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица, его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное, и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Эти дѣятели становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлые вѣка благоговѣнно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почитать ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила ими завѣщаннаго» о смиреніи, вѣрѣ, любви, правдѣ и разумномъ неослабномъ трудѣ.

Б. Гречевъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока):

Идеаль нашъ—возвысить умъ нашъ до высоты ума Христова, расширить и согрѣть сердце до необъятности и теплоты сердца Христова, уточнить и постановить волю свою до точности и тождества воли Христовой. Идеаль, конечно, вѣчный и достижимый лишь въ малой ограниченной мѣрѣ для нашихъ малыхъ и ограниченныхъ силъ.

* * *

Господи! Есть ли грѣхъ, котораго бы я не сотворилъ хотя мысленно, хотя душевнымъ развращеніемъ и сочувствіемъ и согласіемъ? Сколько бывало въ жизни моей минутъ, когда я вполне могъ натворить самыхъ мерзкихъ и ужасныхъ грѣховъ, если бы благодатная охрана и помощь Твоя не провели меня благополучно чрезъ столь тяжкія искушенія и испытанія моей слабой воли. Вотъ все мое и Твое: мое окаянство—до полной безответности, а Твое милосердіе—до полного всепрощенія.

* * *

О, какъ совѣсть моя обличаетъ меня за негодное и никому неполезное монашествованіе мое! Господи! Чѣмъ оправдаюсь предъ Тобою за нерадѣніе мое? Чѣмъ оправдаюсь за то, что эта столь великая служба Тебѣ, каково монашество, не только для другихъ не окажетъ спасительной силы примѣра и назиданія, какъ бы тому слѣдовало быть, но и мнѣ самому не принесетъ чаемой пользы?

* * *

Когда мы сознательно уклоняемся отъ какого-либо добраго дѣла, подѣ предлогомъ другого добраго дѣла, часто выпадаемъ въ сѣть діавольскую. Дѣло наше не только не дѣлается нами, но и попускается намъ впасть въ ту или другую напасть. Молись и разсуждай въ такихъ случаяхъ, не бросаясь отъ одного дѣла къ другому по діавольской указкѣ, а не по вразумленію свыше.

* * *

Грѣхъ священниковъ—грѣхъ народа, по ученію Библіи (Левит. 4, 3). Побойся же напрасно возлагать отвѣтственность на неповинныхъ, чтобы не подпасть сугубому осужденію. Не грѣхи свои бременемъ возлагай на народъ, а благочестіемъ и святостію буди благословеніе всего народа.

* * *

О склоненной на молитвѣ главѣ твоей думай, какъ о склоненной подѣ мечъ суда Божія. Этотъ судъ Божій можетъ и посѣчь тебя, если недостойною жизнію твоею ты и молитву свою содѣлываешь недостойною и неугодною Богу.

* * *

«*Изведи изъ темницы душу мою*»... Эта темница—наши страсти, нечистые помыслы, похотныя дѣянія и настроенія. Они растлѣваютъ душу, изнуряютъ ее, лишаютъ благодатнаго свѣта, тепла и блаженства, такъ что въ душѣ становится поистинѣ какъ въ темницѣ—мрачно, холодно, уныло, скучно.

* * *

«*Богомъ моимъ преиду стпну*»... Какъ это хорошо выражено Давидомъ! Какъ счастливъ человекъ, чувствующій въ себѣ такую силу Божию и такое дерзновеніе, предъ которыми ничто устоять не можетъ!

* * *

Господи! Ужь если такъ непобѣдимъ грѣхъ, такъ слабы мы, что совладать съ нимъ не можемъ, претвори это зло во благо: гдѣ изобилуетъ грѣхъ, да умножится тамъ и благодать Твоя; даруй покаяніе спасительное, не только очищающее отъ грѣха, но имѣющее и способность возбуждать въ насъ силу, грѣху противоборствующую и его преодоляющую.

* * *

«Тебѣ единому согрѣшихъ»... Ты—мой Судія. Тебѣ, Господи, отвѣчаю я за всякое нарушение заповѣдей Твоихъ и завѣтовъ. Тебя и умоляю о милосердіи, Тебя благословляю за долготерпѣніе и снисхожденіе, къ Тебѣ прибѣгаю за помощію. Предъ Тобою изливаю мою скорбящую, унылую, безнадежную душу.

* * *

О, Благодатная! Недосягаемая чистота! Неописанная красота! Неизреченное милосердіе и благодѣяніе мнѣ грѣшному! Предъ Тобою нѣмѣетъ хвала, изнемогаетъ благодареніе, недоумѣваетъ умъ въ изысканіи словъ и понятій для выраженія Твоей высоты, достоинства и благодѣтельности.

* * *

Скорби, страданія, непріятности, болѣзни всякаго рода часто попускаются намъ Господомъ для того, чтобы мы не забылись, не сдѣлались жертвою какого-либо тяжкаго искушенія, слабости и паденія. Ибо ни въ какомъ состояніи такъ легко не бываетъ уступить искушенію, какъ въ состояніи довольства и безпечной радости.

* * *

Господь видитъ тебя каждую минуту твоей жизни,—видитъ, какъ ты только готовишься совершить что-либо гадкое, некрасивое. Видитъ, какъ и совершаешь это. О,

если бы въ эту минуту ты замѣтилъ и почувствовалъ на себѣ Его всепроницающій взоръ и устыдился бы своей наготы и безобразія душевнаго. Какъ ты въ телескопъ можешь видѣть самыя отдаленныя планеты или удаленныхъ отъ тебя лицъ, безъ всякаго ихъ о томъ подозрѣнія и знанія, такъ ты всегда на виду у Господа, и долженъ всегда знать и прекрасно чувствовать это, употребляя всѣ усилія право ходить предъ лицомъ Господнимъ.

* * *

Жизнь, говорятъ, борьба за существованіе. Съ точки зрѣнія христіанина она должна быть борьбою за Царство Небесное, за существованіе духовное, за цѣлость души отъ соблазновъ грѣхопаденія.

* * *

«*Чадо, отпущаются тебѣ грѣхи твои*» — говоритъ Господь разслабленному при его исцѣленіи. Такимъ образомъ, Онъ исцѣляетъ прежде всего душу болящаго, а потомъ уже и тѣло. А у насъ въ такихъ случаяхъ меньше всего заботы о душѣ, а все о тѣлѣ. Обрубаются сучья болѣзани, а о корняхъ не думаютъ. Дивно ли, что Господь не даетъ намъ нынѣ быстрыхъ и поразительныхъ чудесъ исцѣленія.

* * *

О, какъ укоряюще смотритъ на меня ликъ Владычицы, когда я взираю на него въ недостаточной чистотѣ и достоинствѣ! Какъ я стыжусь и боюсь этого лика, этихъ чудныхъ небесныхъ очей, когда душа моя осквернена какими-либо нечистыми воображеніями, помыслами или пожеланіями. Владычице! Не оттолкни меня! Не возгнушайся мною и въ семъ крайнемъ недостоинствѣ моемъ, ибо — если бы не этотъ стыдъ предъ Тобою и не Твое долготерпѣливое незлобіе, я былъ бы еще хуже, несчастнѣе, отчаяннѣе. Если еще удерживаюсь хотя на нѣкоторой

высотѣ отъ глубины адовой, то Тобою удерживаюсь, стыдомъ предъ Тобою сохраняюсь и окрыляюсь надеждою возстанія и обновленія.

* * *

Если тебѣ стыдно прибѣгать къ Матери Божіей съ молитвою, стыдно взглянуть на Ея чистѣйшій ликъ отъ нечистоты и недостойнства своего, не заглуши этого спасительнаго стыда,—старайся, чтобы какъ можно стыднѣе и больнѣе было тебѣ, чтобы грѣхъ и все грѣховное стали тебѣ какъ можно болѣе мерзкими, противными, ненавидными душѣ твоей. Пусть эта душа почувствуетъ въ нихъ всю отчужденность свою отъ покровительства и блаженства Матери Божіей.

* * *

Почему «оскорбѣ» Петръ, когда Господь спросилъ его *«третье—любиши ли Мя?»*—Не потому, чтобы думалъ, что Господь не вѣритъ ему, а потому, что ему стыдно стало такой невѣрности своей по отношенію къ столь доброму и любвеобильному Учителю, столько разъ употребляющему усилія спасти насъ, столько разъ кратко и незлобиво призывающаго насъ опять въ Свой объятія, сколько разъ мы падаемъ и отвергаемъ Его своею невѣрностію и неблагодарностію.

* * *

Подвигъ не то, чтобы не дѣлать зла, но—чтобы дѣлать добро. Если ты не убійца, то не за это тебѣ будетъ награда, а за то, если ты самъ положишь душу свою за другого. Если ты не воръ, хорошо это, но за это ты еще не стоишь награды. Потому-то, говоритъ св. Златоустъ, надобно воздавать похвалу и удивляться тѣмъ, которые преуспѣваютъ въ добрѣ, а не тѣмъ, которые только избѣгаютъ зла: для послѣднихъ довольно и той чести, если они не терпятъ ничего худого.

* * *

Случается, благодать Божія свиваетъ себѣ гнѣздышко и въ черствыхъ сердцахъ. Я видалъ такихъ, которые приходили въ монастырь безъ особой охоты и способности къ жизни монашеской, но мало-по-малу втягивались въ нее и становились вполне исправными и достойными монахами. Истинно, Господь всѣхъ призываетъ къ Себѣ и силенъ перерождать самихъ волковъ въ агнцевъ кроткихъ.

* * *

Грѣхъ—жестокій плѣнитель поддающихся ему, и, кого плѣнить, тотъ рѣдко когда уйдетъ отъ него. Какъ заразу, его носить человекъ задолго прежде, чѣмъ онъ открыто проявится въ томъ или другомъ беззаконіи.

* * *

Какъ немного надо организму нашему, чтобы разстроиться и даже пойти на вѣрную гибель. И какъ часто гибнуть такою гибелью люди, которыхъ мы только-что видѣли и здоровыми, и свѣжими, и бодрыми. И вдругъ—въ гробу, достояніе тлѣнія, червей, смрадъ и прахъ. Господи! Какая страшная участь, и какъ мало мы думаемъ объ этомъ и о томъ, что можетъ послѣдовать за симъ!

* * *

Пусть жалкое невѣріе силится испровергнуть корабль церковный. Пусть говорить, что оно одолѣло Церковь. Стой крѣпко, и одно твое стояніе есть разрушеніе этой мнимой побѣды и одолѣнія.

* * *

Господи! Съ великою болью, но скажу Тебѣ: я—не Твой. Я—не христіанинъ, не послѣдователь Твой. Я не исполняю Твоихъ велѣній. Я не люблю враговъ своихъ, какъ Ты этого хотѣлъ и заповѣдалъ. Я не всегда отплачиваю даже и за добро добромъ, какъ Ты повелѣлъ и поставилъ это признакомъ послѣдователей Твоихъ: *«о семъ*

разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»... Я чувствую, какъ напрасно называю себя христіаниномъ, какъ недостойно ношу это высокое званіе послѣдователя Твоего. Сугубо виновень я и сугубой казни достоинъ за то, что не живу по Твоему закону, и за то, что еще дерзаю считать и называть себя какъ бы живущимъ по этому закону — Твоимъ послѣдователемъ, христіаниномъ. И еще болѣе, что недостойно ношу даже имя священника—служителя Твоего. И еще болѣе—чюка, якобы особенно преданнаго и угождающаго Тебѣ. О, какъ много во мнѣ для суда Твоего, для праведнаго гнѣва Твоего, для преданія меня вѣчной пагубѣ и наказанію!

* * *

Жалкіе нынѣшніе христіане! Ужели вы думаете, что вы воистину христіане? О, слѣпцы, виновные сами и въ томъ, что слѣпы, и въ томъ, что называете себя зрячими, какъ древніе фарисей, сугубый судъ которымъ возвѣстилъ Господь!

* * *

Господи! Недостойнъ я даже и молиться Тебѣ! Недостойнъ просить Тебя ни о чемъ. Недостойнъ получить отъ Тебя ничего, ибо—какой же я христіанинъ? Какой же я послѣдователь Твой? Какое же я—чадо Твое?—при моемъ нежеланіи, неумѣніи и неохотѣ исполнять отечески-священную волю Твою.

* * *

Страданія мучениковъ были для нихъ средствомъ выразить весь жаръ ихъ любви ко Господу и вѣры въ Него. Посему, они радовались въ страданіи, готовы были сами подсказать, что надо сдѣлать, чтобы эти страданія были для нихъ больше и мучительнѣе.

* * *

Терпи страданія и скорби твои, какъ истинно твой мученическій подвигъ, за который ждетъ тебя мученическій вѣнецъ. Кровь мучениковъ для многихъ изъ нихъ замѣняла даже купель крещенія, восполняла всякій недостатокъ другихъ подвиговъ. Такъ кровь души твоей—слезы страдальческія возымѣютъ и въ тебѣ силу второго крещенія и покаянія и поставятъ тебя предъ лице Божіе чистымъ отъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній твоихъ и угладятъ тебѣ путь въ жизнь безпечальную.

* *
*

Если за малое участіе въ дѣлѣ пророка или праведника Господь обѣщаетъ мзду пророка и праведника, то также и за всякое участіе въ добромъ дѣлѣ добраго человѣка, конечно, воздастся мздою этого добраго человѣка.

* *
*

Господь пришелъ, чтобы воплотить высшую любовь Божію и другія Божественныя свойства, чтобы показать намъ, что мы—для Него, и Онъ—для насъ,—чтобы показать, какъ долженъ исполняться нами Его законъ и святая воля.

* *
*

Монаху недалеко ходить за скорбями. Онъ всегда готовъ по первому зову притти къ нему и томить душу. Подумай, кто ты, монахъ? чѣмъ долженъ быть? и какъ мало отвѣчаетъ твоя жизнь строго монашескимъ требованіямъ и обѣтамъ твоимъ, и—вотъ тебѣ и неисчерпаемый матеріалъ для скорби и слезъ.

А. I.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

XXIX.

Роль врача въ жизни и значеніе медицинскаго пункта для окрестныхъ жителей.

(Изъ рѣчи при освященіи новаго больничнаго зданія въ с. Ногаевѣ Пензенск. г.).

....Далеко за предѣлами человѣческой исторіи, задолго до возникновенія на землѣ человѣческой жизни, какъ со-общаетъ Божественное Откровеніе, произошло роковое распаденіе единаго добраго и свѣтлаго духовнаго міра Божьяго на два враждебныхъ другъ другу лагеря, на двѣ рѣзко обособленныхъ области. Съ возмущеніемъ противъ Бога нѣкоторыхъ ангеловъ появилось въ Божьемъ мірѣ два различныхъ царства, два начала: на одной сторонѣ—царство свѣта, добра и творящей силы; на другой—область тьмы, зла и разрушенія. Этой доисторической небесной революціей, этимъ изначальнымъ расколомъ въ высшихъ небесныхъ сферахъ положено было начало той мировой дисгармоніи, той великой неустанной борьбѣ между добромъ и зломъ, на которой до сихъ поръ построена вся земная жизнь человѣка и вся исторія человѣчества. Каждый человѣкъ, по христіанскому міровоззрѣнію, есть членъ воинствующей на землѣ Церкви Христовой. Каждый изъ насъ призывается быть борцомъ, воиномъ, подвизающимся во имя свѣта, добра и высшаго счастья противъ темныхъ и гибельныхъ явленій жизни. Каждый человекъ, какъ существо разумно-свободное, но вмѣстѣ съ

тѣмъ несовершенное и ограниченное, неизбежно находится здѣсь, на землѣ, въ періодѣ борьбы,—находится подъ единовременнымъ воздѣйствіемъ двухъ противоположныхъ началъ. Въ каждомъ человѣкѣ заложены задатки добра и зла, и задача наша—дать ходъ и просторъ, содѣйствовать оживленію и мощному расцвѣту высшихъ и свѣтлыхъ сторонъ своей природы въ ущербъ и погибель темнымъ и злымъ ея началамъ. Такимъ образомъ, каждому изъ насъ надлежитъ вести самую упорную, энергичную и разностороннюю внутреннюю и внѣшнюю борьбу со зломъ и бѣдствіями жизни. Въ этомъ—общее призваніе и задача человѣка. На ряду съ этой общей, самой разнообразной по своимъ проявленіямъ, борьбою всѣхъ людей за высшую свободу и благо жизни, въ боевой жизнедеятельности человѣчества каждый человѣкъ имѣетъ еще свое собственное мѣсто, занимаетъ свою позицію, свой собственный постъ, сообразно со своими силами, со своимъ общественнымъ положеніемъ, подготовкою и способностями. Для уясненія своей мысли не откажу себѣ въ удовольствіи привести очень выразительное и картинное разсужденіе одного религіозно-вдумчиваго грамотѣя—простолюдина,—разсужденіе, близкое къ моей темѣ. По представленію названнаго грамотѣя, весь Божій міръ—своего рода великое помѣстье одного высшаго хозяина—Бога. Мы,—люди,—слуги и работники въ этомъ Божьемъ имѣніи. Каждый изъ насъ приставленъ къ своему мѣсту, каждый выполняетъ свою работу, но конецъ у всѣхъ одинъ: всѣ мы должны заботиться объ увеличеніи и сохраненіи хозяйскаго добра, о приумноженіи добра и правды Божіей на землѣ. Пашешь ли ты землю, учишь ли дѣтей, торгуешь, стоишь у столярнаго станка, или разбираешь людскія тяжбы и права,—важно одно: прибавляется ли отъ твоей работы добро и довольство въ Божьемъ мірѣ.

Да простятъ мнѣ эти общія мѣста и, можетъ быть, длинноту моихъ разсужденій. Я началъ издалека, чтобы

прочѣе установить ту высшую точку зрѣнія, съ которой легко опредѣляются мѣсто и относительное значеніе каждаго человѣческаго дѣла, каждой профессиональной службы и всякаго частнаго предпріятія. Мнѣ нужна была общая мѣрка для опредѣленія нравственной стоимости того или другого изъ частныхъ жизненныхъ явленій. Мнѣ кажется, что съ указанной мною общей точки зрѣнія легко выяснится значеніе и важность въ человѣческой жизни врачебной дѣятельности, а по связи съ этимъ опредѣлится и значеніе празднуемаго нами событія (освященіе больницы).

Едва ли кто упрекнетъ меня въ преувеличеніи, если я скажу, что въ великомъ Божьемъ владѣніи, въ великой работѣ и борьбѣ человѣчества за благо и счастье человѣческой жизни, врачъ людскихъ недуговъ и болѣзней занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ по своей плодотворности мѣстъ, одно изъ высокихъ и отвѣтственныхъ служеній. Великая важность и благотворность врачебной службы стоитъ внѣ всякихъ возраженій и сомнѣній (если—разумѣется—разсматривать дѣло по существу, безъ неизбѣжныхъ несовершенствъ, недочетовъ и уродливостей въ практическомъ осуществленіи основной идеи). Та борьба, которую земной врачъ ведетъ съ немощами и страданіями человѣка, имѣетъ прямое, самое близкое и даже непосредственное отношеніе къ великой борьбѣ добра и зла въ Божьемъ мірѣ. Облегчая человѣческія страданія, стоя, такъ сказать, на стражѣ нашего здоровья и счастья, врачъ борется съ исконнымъ врагомъ нашего здоровья и благоденствія,—съ тѣмъ зловнымъ духомъ, который, вовлекиши и вовлекая людей въ нарушеніе основныхъ законовъ бытія и здоровья, тѣмъ самымъ произвелъ и производитъ болѣзненные расстройства въ человѣческой природѣ. Чрезъ приведеніе болѣзненно-разстроеннаго организма человѣческаго къ относительной нормѣ и здоровью, врачъ является ближайшимъ пособникомъ, соработникомъ и споспѣшникомъ Высшаго творческаго начала въ мірѣ,—

союзникомъ Самого Бога въ Его благихъ и животворныхъ попеченіяхъ о мірѣ. Мы ввѣряемъ земному врачу высшее свое благо—здоровье и жизнь человѣческую,—въ увѣренности, что въ рукахъ Божіихъ врачъ служитъ орудіемъ той цѣлительной, зиждущей силы, которая въ полнотѣ своей содержится у Творца всяческихъ, владѣющаго днями и жизнью челсвѣческими. Врачъ—проводникъ творческой благодатной силы и помощи, посредникъ, измѣняющій въ отношеніи къ больному гнѣвъ Божій на милость, прещеніе и наказаніе въ прощеніе и помилованіе. Въ этой своей дѣятельности врачъ является отчасти подражателемъ и преемникомъ Самого Спасителя, о Которомъ записано въ Евангеліи, что Онъ ходилъ по городамъ и селамъ, «исцѣляя всякъ недугъ и всяку немощь въ людяхъ» (Мѣ. IX, 35),—преемникомъ тѣхъ великихъ благодѣтелей человѣчества, носителей и раздавателей спасительной силы Божіей, благодаря дѣятельности которыхъ «хромые ходили, глухіе слышали, слѣпые прозрѣвали», и всякіе недужные исцѣлялись. Врачъ—*слуга Божій* въ прямомъ и высочайшемъ значеніи этого слова. Въ этомъ высшее достоинство и честь врачебнаго званія; въ этомъ—залогъ Божія благоволенія и благословенія къ врачебной дѣятельности. Званіе слуги Божія само въ себѣ заключаетъ и призывъ къ энергичной работѣ, и ободреніе, и высшее духовное удовлетвореніе врача въ его нелегкомъ, отвѣтственномъ, но и высоко-благодѣтельномъ служеніи на пользу страждущаго человѣчества.

Здѣсь же, въ этомъ званіи слуги и посланника Божія,—право врача и на наше къ нему уваженіе и почтительную благодарность. Такъ именно смотритъ на врачебную дѣятельность слово Божіе. Еще въ ветхозавѣтномъ отдѣлѣ Библии мы находимъ такіа наставленія у премудраго сына Сирахова: «почитай врача соотвѣтственною его дѣлу честію» (Сир. 38, 1), «ибо Господь создалъ его; да не удалится отъ тебя, такъ какъ онъ благопотребенъ тебѣ» (—12). «Господь создалъ отъ земли врачеванія, и

мужъ мудрый не возгнушается ими (—4). Искусство врача вознесетъ главу его, и предъ вельможами возвеличенъ онъ будетъ» (—3 ст.).

Но само собою понятно, что болѣе или менѣе широкая дѣятельность врача, какъ и всякаго земного дѣятеля, возможна только при наличности извѣстной матеріальной обстановки, извѣстныхъ приспособленій, средствъ и орудій. Для успѣха и плодотворности всякаго дѣла нужна соотвѣтствующая ему почва и орудія.

Отсюда понятно и значеніе празднуемаго нами событія. Мы празднуемъ созданіе, оборудованіе и открытіе въ здѣшней мѣстности новаго больничнаго зданія, т.-е. созданіе именно той обстановки, которая необходима для широкой и плодотворной работы мѣстнаго врачебнаго персонала. Мы празднуемъ расширеніе и укрѣпленіе одного изъ пунктовъ или постовъ, предназначенныхъ для энергичной борьбы за благо и счастье человѣка. Отнынѣ, съ болѣе широкою и прочною постановкою врачебнаго дѣла въ здѣшней мѣстности, окрестные жители обогащаются новымъ орудіемъ, новыми средствами, какъ бы новой позиціей, или крѣпостью для обороны и защиты себя отъ главныхъ враговъ человѣческаго благоденствія—отъ недуговъ и болѣзней. Отнынѣ бѣльшее противъ прежняго число тяжело болящихъ могутъ находить въ теченіе многихъ дней и недѣль пріютъ, необходимыя пособія и спасительную помощь въ здѣшнемъ больничномъ зданіи.

Дѣло, какъ видите, немаловажное. Правда, у насъ нерѣдко жизнь человѣческая цѣнится весьма дешево, но въ глазахъ разумныхъ людей и въ глазахъ Божіихъ нѣсколько спасенныхъ жизней имѣютъ цѣну не малую. Пусть замѣтятъ это присутствующіе здѣсь представители волостей и сельскихъ обществъ. Пусть не сътуютъ сельскіе обыватели, чѣмъ-либо жертвовавшіе на постройку освящаемаго нами больничнаго зданія. Черезъ свои посильныя жертвы и приношенія они приняли участіе въ великомъ и святомъ дѣлѣ облегченія и спасенія

человѣческихъ жнзней. Неотъемлемая ихъ награда въ той мысли, что если забота о своемъ собственномъ здоровѣи велика и священна, то тѣмъ болѣе возвышенна и прелестна забота о благополучіи и здоровѣи другихъ людей.

Но не одною только подачей чисто врачебной помощи исчерпывается благодѣтельное значеніе прочно-организованнаго врачебнаго пункта для той мѣстности, населеніе которой онъ призванъ обслуживать. Мнѣ кажется, что, одновременно съ расширеніемъ и упроченіемъ врачебнаго дѣла, усилится и просвѣтительное вліяніе даннаго медицинскаго пункта. Свѣтъ научныхъ знаній, разумно и умѣло направляемыхъ и прилагаемыхъ мѣстными служителями врачебной науки, долженъ завоевывать довѣріе и симпатіи къ наукѣ и ея представителямъ со стороны темнаго люда, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно и нечувствительно отклонять отъ разныхъ самозванныхъ лѣкарей и знахарей. Подъ живительнымъ дѣйствіемъ истинно-благодѣтельныхъ научно-врачебныхъ знаній должно постепенно померкнуть и сойти съ жизненной сцены великое множество губельныхъ примѣтъ и предрассудковъ, суевѣрныхъ мнимоцѣлительныхъ приемовъ и домашнихъ «снадобій» и «средствій», которые порождены тьмою, невѣжествомъ, крайнею беспомощностію и беззащитностію народа при великомъ множествѣ всякихъ болѣзней, нуждъ, страховъ, опасностей, бѣдствій и тяготы въ его житейскомъ бытѣ.

Итакъ, отъ имени страждущаго люда, для нуждъ котораго выстроены домъ сей, почтимъ признательнымъ словомъ благодарности всѣхъ, кто данною ему властію, словомъ убѣжденія и призыва къ дѣлу или матеріальными пожертвованіями содѣйствовали постройкѣ осваиваемаго нами зданія. Созданное дружными и честными усиліями мѣстнаго общества зданіе это многіе—многіе годы будетъ служить памятникомъ благородной заботливости мѣстнаго общества о нуждахъ страждущаго люда.

И хотя доброе дѣло всегда остается добрымъ,—хотя оно въ самомъ себѣ носить свою награду,—хотя—какъ

говорять—мы живемъ не для одного мимолетнаго настоящаго, но и для будущаго,—тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать, чтобы между людьми порѣже встрѣчались охотники принижать и обезцѣнивать заслуги и добрыя дѣянія другихъ людей. Въ высшей степени желательно, чтобы всякое доброе дѣло встрѣчалось у насъ съ большимъ почетомъ и благодарностью; желательно, чтобы въ людяхъ воспитывалось и росло чувство признательности и благодарности къ ихъ великимъ и малымъ благодѣтелямъ,—чтобы мы научились, наконецъ, уважать и благодарить человѣка за всякую оказанную имъ услугу и помощь для насъ. Нельзя не пожелать, чтобы не одни только подвижники добродѣтели, не одни герои духа, но и люди средняго и малаго духовнаго роста, видя поощреніе и благодарность къ ихъ трудамъ и заслугамъ, способны были къ посильному добродѣланію... И хочется вѣрить, что не только тамъ, на небѣ, но и здѣсь, на землѣ, въ окружающей насъ живой дѣйствительности доброе дѣло будетъ оцѣнено по достоинству.

Свящ. Іоаннъ Утѣшинъ.

Теорія вселенной, христiанскiя и протiвохристiанскiя.

V.

Деистическая теорiя.

Литература: Leland's *View of the Principal Deistical Writers*; Lechler's *Geschichte des Englischen Deismus*; Noack's *Freidenker in der Religion*; Zeller, *Geschichte der Deutschen Philosophie*, 1813; Russeau's *Emile*; Kant, *Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*; Butler's *Analogy of Religion*; John Stuart Mill, *Three Essays in Religion*; Schopenhauer, *Die Welt als Wille und Vorstellung*.

Деистическiй методъ разсмотрѣнiя великихъ предметовъ философскаго созерцанiя—Бога, человѣка и мiра сильно разнится отъ всѣхъ другихъ системъ, нами прежде разсмотрѣнныхъ. Деизмъ признаетъ Бога существомъ отдѣльнымъ отъ мiра, которое находится къ нему въ отношенiи Творца къ Своему творенiю. Деисты не только проводятъ различiе между Богомъ и мiромъ, но преувеличенно и подчеркиваютъ такое различiе, представляя Бога существомъ отдѣльнымъ отъ мiра, который Имъ сотворенъ, только зрителемъ вселенной, которую Онъ вызвалъ къ бытiю, строго устраненнымъ отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ теченiе природы, первоначально Имъ Самимъ установленное. Творца мiра это ученiе представляетъ Существомъ, обладающимъ самосознанiемъ, разумомъ и волею, способнымъ къ составленiю цѣлей и приводящимъ ихъ въ исполненiе съ совершеннымъ искусствомъ. На мiръ это ученiе смотритъ, какъ на зрѣлище, гдѣ проявилась божественная благость въ высшей степени.—Для взора

деиста, какъ и для взора псалмопѣвца, славу Божию возвѣщаютъ небеса, земля и всѣ твари, живущія на ней. Вселенная и природа указываютъ на славу ихъ Виновника, на славу Его премудрости и благодати. Особенно на этихъ послѣднихъ двухъ свойствахъ Божіихъ настаиваетъ теорія, теперь рассматриваемая. Богъ есть наиблаженнѣйшее, полное благоволенія Существо, имѣющее только одну цѣль—сдѣлать чувствующихъ твореній, которыя вызваны Имъ къ бытію, счастливыми. «Милости Господней полна земля». «Славьте Господа, ибо Онъ благъ»—на эти библейскія изреченія деистъ отъ всего своего сердца—произноситъ аминь. Божественную мудрость онъ видитъ въ томъ, что Виновникъ природы устроилъ все такъ, чтобы содѣйствовать блаженству Своихъ созданій, и особенно человѣка. Отсюда искусныя доказательства божественной цѣлесообразности для многихъ деистовъ сдѣлались любимой темой изученія и разсужденій.

Деистическій взглядъ на человѣка отличается столь же широко отъ взглядовъ пантеизма и матеріализма. Человѣкъ, какъ представляетъ его деистъ, есть очень важное существо. Онъ есть главное изъ твореній Божіихъ, господинъ и цѣль творенія. Онъ надѣленъ великими дарами, разумомъ, сознаниемъ, свободой. И онъ имѣетъ предъ собою блестящую будущность, блаженное безсмертіе. Онъ не всегда пользуется наилучшимъ образомъ своими силами и не ведетъ себя такъ, какъ прилично лицу, для котораго уготовано безсмертіе. Но это только его слабость. Его ошибки суть только простительныя заблужденія; милостивый Творецъ охотно посмотритъ на нихъ снисходительно; это заблужденія, къ которымъ человѣкъ приведенъ «настоящей грязной одеждой паденія», грубо снабженной небеснымъ элементомъ разума, и отъ нея поэтому человѣкъ и будетъ освобожденъ смертію, когда его душа снова вступитъ въ свою природную сферу, чтобы смѣшаться съ чистыми духами, которые наслаждаются добродѣтелью.

Этотъ очеркъ деизма, въ его противоположности пан-

теизму и материализму, предполагаетъ въ то же время характеристики, по которымъ деизмъ, притворяясь другомъ христіанства, на самомъ дѣлѣ отдѣляется отъ него. На четыре черты деизма можно указать въ этомъ отношеніи: на деистическое представленіе объ отношеніи Бога къ міру, характеристическое для деизма; на его крайній оптимизмъ; на его благосклонный взглядъ на преступленія человѣка; и на его языческій взглядъ на будущую жизнь. Первый изъ этихъ предметовъ намъ удобнѣе будетъ рассмотретьъ въ слѣдующей главѣ, въ связи съ современнымъ потомкомъ и представителемъ деизма, который слыветъ подъ названіемъ «умозрительнаго теизма». Остальные предметы будутъ рассмотрѣны нами здѣсь.

1. Оптимистическія тенденціи деизма отырываются изъ того, какія деисты ведутъ богословскія разсужденія о такихъ предметахъ, какъ промыслъ, молитва и чудо, и изъ взглядовъ ихъ на эти предметы.

Какъ уже было замѣчено, деистическихъ писателей, особенно въ Германіи, характеризуетъ слишкомъ большое пристрастіе къ доказательствамъ благодѣтельныхъ цѣлей, повсюду видимыхъ въ настоящемъ мірѣ. Разнообразныя доказательства благости Божіей въ промышленности о человѣческомъ счастьи были одною изъ главныхъ задачъ, къ которой обращались философы Aufklärung'a. Эти доказательства извлекались изъ природы отовсюду, и такимъ образомъ появились книги по вранто-теологіи, сеисмо-теологіи, лито-теологіи, фито-теологіи, мелито-теологіи и проч. Нѣкоторыя изъ такого рода доказательствъ доходили даже до смѣшного. Одинъ деистическій писатель ищетъ и находитъ доказательства божественной благости въ такихъ важныхъ фактахъ, какъ напримѣръ, что вишни не созрѣваютъ во время холодной зимы, потому что онѣ тогда совсѣмъ не имѣли бы свойственнаго имъ пріятнаго вкуса; и виноградъ не поспѣваетъ въ лѣтнюю пору, потому что тогда новое вино стало бы прокисать ¹⁾. По-

¹⁾ Zeller, Geschichte des Deutschen Philosophie, стр. 311.

нятно для всякаго, почему Кантъ потерялъ всякій вкусъ къ такому методу доказательства божественнаго существованія, выродившемуся въ такую общую напыщенность, и старался отыскать болѣе достойныя доказательства.

Дейстическое представленіе о Богѣ въ Его отношеніи къ міру не содержитъ ничего, необходимо подразумевающаго отрицаніе божественнаго вмѣшательства въ человѣческія дѣла. Пантеизмъ и матеріализмъ оба по необходимости исключаютъ сверхъестественное, потому что никакого Бога, отличнаго отъ природы, совсѣмъ не существуетъ согласно этимъ теоріямъ. Но теисты вѣрятъ въ Верховное Существо, отличное отъ міра; и въ сотвореніи міра въ самомъ началѣ Его силою видятъ поразительное чудо. Но разъ чудо было когда-то совершено, то почему нельзя совершить его во второй разъ, или сколько угодно разъ, смотря по тому, насколько это нужно? Отвѣтъ действовъ на этотъ вопросъ былъ въ существенномъ таковъ: чудесъ не совершается теперь, когда природа получила свое существованіе, не вслѣдствіе недостатка могущества въ Богѣ, а вслѣдствіе отсутствія достаточныхъ для этого поводовъ. Природа, твореніе Божіе, создана совершенно; теперь нужно только, чтобы Богъ поддерживалъ ея существованіе, а во всемъ остальномъ предоставилъ ее собственному ея теченію. Вводить сомнительный элементъ чудеснаго значило бы ставить слишкомъ высоко могущество Бога въ ущербъ Его мудрости. Богъ сотворилъ все столь прекраснымъ съ самаго начала, что самое лучшее, что Онъ можетъ сдѣлать теперь,—это предоставить міръ самому себѣ ¹⁾. На подобныхъ же основа-

¹⁾ См. Lechler's *Geschichte des Englischen Deismus*, стр. 321, гдѣ Лехлеръ излагаетъ взгляды Annet'a, давшіе много работы апологетамъ. Annet доказывалъ, что „надлежащее владычество должно быть совершенно мирнымъ. Если мы думаемъ, что Богъ гнѣвается на то или другое событіе и потому совершаетъ измѣненія, то принимаемъ систе-

віяхъ отрицается нѣкоторыми деистами и спеціальный Промысль, напримѣръ, Болингброкомъ, который думалъ, что «обычный ходъ вещей, сохраняемый и руководимый общимъ Промысломъ, достаточенъ для утвержденія того, чему учатъ насъ природа и разумъ», т.-е. что дѣлать правое значить дѣйствовать для нашей же пользы, а дѣлать ложное—для нашего крайняго вреда. Здѣсь, однако, слѣдуетъ замѣтить, что деисты не всѣ были согласны относительно этого предмета, и такое же замѣчаніе относится и къ другимъ предметамъ. На нашъ отчетъ о деистическихъ тенденціяхъ слѣдуетъ, поэтому, смотрѣть, какъ на описаніе зауряднаго деизма, въ которомъ остается мѣсто для отдѣльныхъ варіацій. Это спеціально приложимо къ деистическимъ взглядамъ на молитву. По этому важному предмету англійскіе деисты высказываются нетвердо, что, можетъ быть, было слѣдствіемъ благоразумныхъ соображеній. Слова Руссо, относящіяся къ этому предмету, приведены нами въ одной изъ предшествующихъ главъ и они особенно ясно и много согласуются съ оптимистическимъ духомъ этой системы. Руссо говорилъ, что молитва недопустима ни въ физической, ни въ духовной сферѣ; въ первой потому, что она равносильна просьбѣ, обращенной къ Богу, сотворить въ нашу пользу нужныя намъ чудеса; въ послѣдней — потому, что она въ дѣйствительности равняется просьбѣ къ Богу о томъ, чтобы Онъ дѣлалъ то, что дѣлать должны мы сами. Наша обязанность—успокаиваться на установленномъ порядкѣ, какъ на лучшемъ, какой только возможенъ, и говорить: «да будетъ воля Твоя».

2. Деистическій взглядъ на человѣческую природу можно охарактеризовать, назвавъ его *пеллаганскимъ*. На нравственные преступленія человѣка деисты обыкновенно смот-

му, которую, можетъ быть, было бы слишкомъ сильно назвать атеистическою, но въ которой, сказать по крайней мѣрѣ, Богъ мало признается“.

рять благосклонно и съ терпимостію. Правда, они не желаютъ покончить съ грѣхомъ совсѣмъ, какъ это дѣлаютъ пантеисты и матеріалисты, отрицающіе человѣческую свободу; напротивъ, деисты говорятъ съ удареніемъ о свободѣ воли, какъ одномъ изъ высшихъ свойствъ человѣка, и высказываются въ защиту его права давать практическое доказательство своей свободы въ добродѣтельной и мудрой жизни. Свобода есть одинъ изъ трехъ главныхъ паролей деистическаго символа вѣры: «Богъ, свобода, бессмертіе». «Ты долженъ, потому что можешь», сказалъ Кантъ, выражаясь здѣсь въ качествѣ оратора своего времени. Но заурядные деисты ни въ какомъ случаѣ не относятся къ категорическому императиву съ такою же серьезностію, какъ великій критическій философъ. Деисты ослабили слово «долженъ», чтобы сдѣлать болѣе легкимъ «ты можешь». Другими словами, они представили человѣка окруженнымъ обстоятельствами, которыя сдѣлали невозможнымъ ожидать отъ него высокаго нравственнаго усовершенствованія, и нашли возможнымъ смотрѣть на него, какъ на существо доброе, но допускающее ошибки. Такимъ образомъ они легкомысленно смотрятъ на грѣхъ, не высказываясь о немъ, однако, абсолютно, какъ о чемъ-то несуществующемъ. Дурное поведеніе возникаетъ изъ «страстей, дикихъ и сильныхъ», и эти страсти Робертъ Бёрнсъ бранилъ за свои проступки; изъ чувственности, вслѣдствіе которой, какъ говорилъ Руссо, люди дѣлаются, особенно въ юности, жертвами обольщенія; изъ ограниченности ума, которая, по словамъ Бардта ¹⁾, ставитъ заблужденіе въ самую раннюю пору дѣятельности человѣка дѣломъ обычнымъ. Все это происходитъ отъ нашего смертнаго тѣла, этой грубой темницы души. Но насъ убѣждаютъ не слишкомъ много сокрушаться о томъ, что нашъ духъ въ настоящей жизни подчиненъ чувственности и при-

¹⁾ Изложеніе мнѣній этого члена иллюминистическаго братства, см. въ Noack's *Freidenker*, 3-я ч., стр. 103—136.

визанъ къ тѣлу, которое порабощаетъ его. «Если бы духъ не былъ связанъ съ тѣломъ, то не было бы никакой заслуги въ любви и преслѣдованіи нравственнаго порядка, нарушить который духъ не подвергался бы никакому искушенію. Человѣческая добродѣтель не имѣла бы въ такомъ случаѣ ничего возвышеннаго и понизилась бы до уровня ангельской доброты»¹⁾. Тамъ, гдѣ быть добродѣтельнымъ значитъ быть героемъ,—тамъ и паденіе должно быть простительно. Поэтому люди, сознающіе свою нравственную хрупкость, не должны слишкомъ тревожиться. И не нужно имъ бояться и гнѣва милостиваго Бога. Прощеніе, конечно, всегда будетъ дано; никакого примиренія не нужно, ни въ какомъ искупленіи не представляется надобности. Истинный искупитель есть смерть; не смерть Христа, а наша собственная. Когда смерть приходитъ,—мы цитируемъ еще разъ краснорѣчиваго автора Эмиля,—«я освобождаюсь отъ оковъ тѣла и становлюсь самимъ собой безъ противорѣчія».

3. Эти слова позволяютъ намъ легко перейти къ третьей характеристикѣ деистической системы—къ ея языческому взгляду на будущую жизнь. Произнося слово «языческому», я хочу выразить мысль, что надежда деизма на загробную жизнь подобна надеждѣ на нее языческой философіи, есть надежда только на безтѣлесную форму духовнаго существованія. Пароль деизма есть безсмертіе души; пароль христіанства — воскресеніе тѣла. Въ этомъ существуетъ общее согласіе среди свободомыслящихъ людей восемнадцатаго вѣка. Новое воплощеніе души въ загробной жизни не только не утверждается, но ясно отрицается и опровергается. «Безсмертіе», пишетъ нѣмецкій иллюминистъ Бардтъ, «что оно означаетъ? Слово человѣкъ не можетъ быть здѣсь взято въ полномъ смыслѣ, потому что большая часть того, что мы называемъ человѣкомъ, входитъ въ круговое теченіе природы, дѣлается землею, а потомъ

¹⁾ Rousseau, *Emile*, кн. IV.

растеть и распредѣляется среди тысячъ родовъ бытія. Можетъ быть, повтому, только «я» въ томъ смыслѣ, что подразумѣвается, когда утверждаютъ, что человекъ безсмертенъ. Я, обладатель столь многихъ тысячъ идей, съ сознаніемъ моего прежняго и настоящаго состоянія, буду продолжаться, когда моя видимая часть, мое тѣло, на вѣки будетъ уничтожена»¹⁾. Дейстическій образъ мышленія заключался во взглядѣ на тѣло, какъ на помѣху для жизни души, и когда она отдѣлится отъ тѣла, то всякій долженъ по этому поводу только радоваться. Изреченіе Канта: «что будетъ значить эта оболочка тѣлесная въ будущемъ мірѣ?» сердечно принимается всѣми деистами.

Насчетъ только одного пункта, связаннаго съ ученіемъ о будущей жизни, представители дейстическихъ тенденцій обнаруживаютъ затрудненія, и несогласны въ мнѣніяхъ. Единогласно они предсказываютъ послѣ смерти блаженную жизнь для людей добрыхъ. Но что будетъ съ тѣми, которые не добры, которые любили на землѣ больше порокъ, чѣмъ добродѣтель, больше глупость, чѣмъ мудрость? Души ихъ также ли безсмертны и что послѣдуетъ съ ними? Нѣкоторые деисты желали освободиться отъ такихъ затруднительныхъ проблемъ отрипаніемъ будущей жизни вообще, предпочитая оставить надежду на будущее вознагражденіе, чтобы избѣжать неизбѣжной альтернативы будущаго наказанія. Такой приѣмъ, однако, едва ли могъ встрѣтить всеобщее одобреніе въ школѣ мыслителей, у которыхъ необходимость будущаго блаженства въ награду за несправедливости, понесенныя въ настоящей жизни, была любимой темой. Можно было скорѣе ожидать, что деисты послѣдуютъ примѣру Реймаруса и смѣло объявятъ о своей вѣрѣ въ будущее, въ которой подразумѣваются объ альтернативы—безконечный ужасъ и безконечная надежда²⁾. Однако деисты затрудняются избраніемъ этихъ

¹⁾ Noack, Die Freidenker, 3 часть, стр. 123.

²⁾ О мнѣніяхъ Реймаруса см. у Ноака, 3 ч., стр. 90—92.

альтернативъ, потому что плебейская вѣра не по ихъ вкусу и отвратительна для деистическаго мягкосердечія; и многіе, поэтому, не знаютъ, чему именно тутъ вѣрить. Чоббъ считалъ сомнительнымъ, дѣйствительно ли мздовоздаянія въ будущей жизни, если тамъ есть таковыя, будутъ примѣнены къ кому-либо, кромѣ незначительнаго количества отъявленныхъ преступниковъ или великихъ благодѣтелей, предназначая остальное человѣчество къ уничтоженію, какъ недостойное ни вѣчнаго блаженства, ни вѣчнаго проклятія ¹⁾. Мнѣніе Руссо болѣе типично и поэтично и даетъ живое и краснорѣчивое выраженіе борьбы между двумя рядами чувствъ—чувства почтенія къ божественной справедливости и отвращенія отъ злобы съ одной стороны, и вѣры въ божественное благоволеніе и жалость къ страданіямъ, какъ бы люди ни были худы, съ другой ²⁾. Антиномія здѣсь такова, что съ ней знакомы всѣ мыслящіе люди; и ея цѣль теперь такова же, какъ и тогда—уменьшить догматизмъ и устранить судъ.

Пересматривая теперь этотъ краткій очеркъ деистическаго созерцанія вселенной, мы должны допустить, что представленная картина отличается большою жизнерадостностью. Тутъ, въ деистическомъ мірѣ, такъ много свѣта и такъ мало мрака, такъ много радости и такъ мало бѣдствій,—по крайней мѣрѣ послѣднихъ такъ мало, что свѣтлой стороны совсѣмъ не затемняетъ мракъ, такъ много благодати и такъ мало абсолютной злобы. Деистъ вращается на землѣ и его жизнь угодна Богу, природѣ, его собратьямъ людямъ и болѣе всего—ему самому; его сердце наполнено нѣжными чувствами, онъ опьяненъ чувствомъ прекраснаго въ природѣ, страстно любитъ добродѣтель, лелѣетъ высшія надежды на человѣческой прогрессъ въ мудрости и добромъ направленіи, и всѣ проклятія, подъ которыми воздыхалъ родъ человѣческій, исчеза-

¹⁾ Leland's *Deists*, I, 198, 199.

²⁾ См. *Emile*, кн. IV.

ють, темныя тѣни суевѣрія устраняются и начинается вѣкъ разума и здраваго смысла съ тысячелѣтней славой. Нисколько неудивительно, если вы услышите, какъ деиствъ поеть: «какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ»¹⁾. И далѣе... «да будетъ Господу слава во вѣки: да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою... Да будетъ благоприятна Богу пѣснь моя; буду веселиться о Господѣ»²⁾. Дальнѣйшіе стихи: «Да исчезнуть грѣшники отъ земли и беззаконныхъ да не будетъ болѣе»³⁾, деиствъ долженъ, конечно, выпустить, какъ недостойные просвѣщеннаго вѣка. При этомъ онъ разсуждаетъ самъ съ собою: какъ жалки эти страницы въ другихъ отношеніяхъ столь прекрасной книги, которыя обезображены столь нечеловѣческими чувствами! Въ нихъ такъ много говорится о грѣхѣ и судѣ, о гнѣвѣ и жертвѣ. А мы въ свою очередь можемъ сказать: какая жалость, что много такого въ мірѣ, что способно оправдать эти болѣе темныя элементы въ библейскомъ созерцаніи Бога и дѣйствій Промысла и превратить деиствическую теорію въ романтическій сонъ челоуѣка, который отказывается смотрѣть на все, что непріятно для его чувствъ!

Деиствическій оптимизмъ поверхностенъ и нелѣпъ. Его можно отличить отъ христіанскаго оптимизма, сказавъ, что тамъ, гдѣ существуетъ христіанская надежда, по которой зло будетъ въ концѣ концовъ преодолено добромъ, деиствъ отрицаетъ дѣйствительное существованіе зла и возвѣщаетъ о господствѣ добра. Деиствическое пользованіе доказательствомъ на основаніи цѣлесообразности для службы этому мелкому и одностороннему оптимизму подлежитъ большой критикѣ. Два вопроса всегда можно пред-

¹⁾ Пс. 103, 31. 33. 34.

²⁾ Пс. 103, 24.

³⁾ Пс. 103, 35.

можетъ здѣсь: дѣйствительно ли это доказательство совершенно компетентно, и если компетентно, дѣйствительно ли оно подтверждаетъ ту благодѣть Божію, о какой воображаютъ деисты?

Первый изъ этихъ вопросовъ не относится особенно къ критику деизма, потому что употребленіе указаннаго богословскаго доказательства бытія и свойствъ Божіихъ свойственно не однимъ только деистамъ, но обще для нихъ съ ихъ христіанскими противниками. Можно сказать, и это будетъ согласно съ истиной, что такое доказательство принадлежитъ не партіи, а всему человѣчеству. Со времени Сократа и задолго до него, цѣлесообразность, гдѣ бы ни была видна въ дѣлахъ природы, привлекала вниманіе мыслящихъ людей и считалась доказательствомъ, что настоящій міръ есть произведеніе одного великаго и премудраго Ума. Даже и теперь, когда недавніе успѣхи въ наукѣ сдѣлали это доказательство въ его древней формѣ устарѣлымъ, люди, совершенно пропитанные современнымъ научнымъ духомъ, вынуждены объявить непреодолимую силу этого доказательства; и христіанскіе апологеты снова пользуются имъ, какъ вновь подтвержденнымъ новыми умственными завоеваніями и съ неумолимою силою. Мы возвратимся къ этому достопочтенному способу доказательства въ другомъ мѣстѣ, теперь же для насъ достаточно сказать съ отношеніемъ къ деистамъ, что, будучи людьми, которые утверждаютъ достаточность свѣта природы, они естественно дѣлаютъ большую часть всѣхъ источниковъ знанія о Богѣ доступными разуму, и особенно тѣхъ слѣдовъ приспособительнаго искусства, которымъ, по общему согласію, міръ наполненъ. Единственный вопросъ, который можетъ быть предложенъ, заключается въ томъ, дѣйствительно ли правильно деисты читаютъ урокъ, которому учить устройство природы.

Христіанскій теистъ теперь не отвѣтитъ, конечно, на деистическій выводъ о всевѣдущей, все проникающей божественной благодѣти холоднымъ, чуждымъ симпатіи отри-

цаніемъ. Върующему въ Библию и во Христа прилично утверждать настойчиво, что «милости Господней полна земля», и обыкновенный христіанинъ вѣроятно не всегда бываетъ столь оптимистиченъ, какъ этого требуетъ отъ него духъ его вѣры. Но интересъ этой вѣры требуетъ также, чтобы божественная благодать была уравновѣшена и другимъ ученіемъ, которое не противоположно ему, но его дополняетъ, именно тѣмъ, которое утверждаетъ дѣйствительность нравственнаго порядка въ мірѣ. Факты, равно какъ и вѣра, требуютъ признанія этой истины. Есть многое въ мірѣ, что дѣйствительно способно заставить принимать за божественную милость, расположенную преподавать чувствующимъ созданіямъ, и особенно человѣческимъ существамъ, счастье, но до прямой очевидности этого все еще далеко. Существуетъ полностью и нѣчто такое, что доставляетъ пищу для суевѣрныхъ страховъ и даетъ поводъ къ почитанію разрушительныхъ силъ природы, которыя, для христіанскаго воззрѣнія на природу, служатъ доказательствомъ, что міръ есть зрѣлище суда, равно какъ и милосердія, есть школа добродѣтели, гдѣ высшая цѣль заключается не въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ подобно животному, но сдѣлать его причастнымъ святости и воспитать это для его героическаго поведенія во время страданій и въ дѣятельности. Этой болѣе суровой стороны природы деисты не хотятъ видѣть. Человѣческое суевѣріе они объясняютъ интригами священниковъ, а не природными стихіями, вызывающими страхъ въ человѣкѣ; злу, существованія котораго нельзя отрицать, деисты стараются придать приличный видъ: это—зло, которое, при ближайшемъ разсмотрѣніи, есть въ дѣйствительности добро, или же это есть временное только зло, которое можетъ превратиться въ добро и съ избыткомъ вознаградится въ будущемъ состояніи. Руссо далъ классическое выраженіе этой деистической точкѣ зрѣнія въ слѣдующихъ словахъ.

«Нравственное зло есть безспорно наше дѣло. Физиче-

ское зло было бы ничѣмъ безъ нашихъ пороковъ, которые дѣлаютъ насъ чувствительными къ нему. Не съ дѣлю ли самосохраненія природа заставляетъ насъ чувствовать наши недостатки? Страданія тѣла—не есть ли это признакъ, что машина разстроилась, и намекъ на то, что ее нужно починить? Смерть—не отравляютъ ли злые собственную и нашу жизнь? Кто пожелалъ бы жить вѣчно среди нихъ? Смерть есть лѣкарство противъ золь, которыя вы наносите самимъ себѣ. Природа захотѣла, чтобы вы не страдали вѣчно. Какъ мало подверженъ злу человекъ, живущій въ первобытной простотѣ! Онъ проводитъ жизнь почти безболѣзненно, равно какъ и безъ страстей, и никогда не предвидитъ и не предчувствуетъ смерти; когда онъ чувствуетъ ея приближеніе, его страданія дѣлаютъ ее желательною и она перестаетъ быть для него зломъ¹⁾.

Такое пониманіе дѣла не совсѣмъ ложно; но односторонняя тенденція въ немъ очевидна. Она заключается въ томъ, чему Бэтлеръ далъ нужный коррективъ въ своихъ главахъ о нравственномъ управленіи Божіемъ и что онъ мягко обличалъ въ такихъ выраженіяхъ: «можетъ быть божественная милость, съ которою, если не ошибаюсь, мы обращаемся столь свободно въ своихъ умозрѣніяхъ, не заключается только въ одномъ простомъ расположеніи преподавать счастье, но и въ расположеніи дѣлать счастливыми добрыхъ, вѣрующихъ, честныхъ людей²⁾». Тонъ *Аналогій Религій* самъ по себѣ не болѣе вѣренъ духу христіанства, чѣмъ и тонъ деизма. Бэтлеръ заблуждается, вдаваясь въ скорбь, какъ самъ деизмъ заблуждался, вдаваясь въ излишне-радостное настроеніе. Общее впечатлѣніе отъ книги, остающееся въ душѣ читателя, пасмурное и подавляющее. Однако безспорно, что занятое Бэтлеромъ положеніе и мысли его можно было выразить и

¹⁾ *Emile*, кн. IV.

²⁾ *Analogy*, гл. II.

строже, чѣмъ только въ указанныхъ терминахъ. Цѣль Бога при сотвореніи міра заключалась, насколько мы можемъ видѣть, не въ томъ, чтобы сдѣлать людей счастливыми, независимо отъ ихъ характера, но привести въ соотвѣтствіе ихъ характеръ и участь, или воспользоваться участіемъ для развитія характера. Такой взглядъ, нужно замѣтить, вполне соотвѣтствуетъ христіанской теоріи вселенной, насколько она учитъ насъ, что міръ имѣетъ нравственную цѣль и что твореніе есть орудіе для споспѣшествованія этой цѣли,—цѣль же эта заключается въ учрежденіи царства Божія.

Причина, почему современный читатель способенъ находить въ *Аналогіи* Бэтлера скорбь, заключается въ томъ, что онъ читаетъ его книгу независимо отъ исторической обстановки, при которой она появилась. Если же приступить къ чтенію ея послѣ ознакомленія съ рядомъ действительныхъ сочиненій, то можно съ благодарностью принять изложенное въ ней ученіе, какъ цѣлесообразное и тоническое средство, пригодное послѣ погруженія въ медовые сосуды оптимизма. Можно бы допустить даже нѣчто и большее. Мы могли бы вынести, въ видѣ вытяжки, и еще болѣе сильную дозу и болѣе горькаго пессимистическаго лѣкарства. Такое лѣкарство и изготовляется съ полнымъ успѣхомъ нѣкоторыми современными врачами.

Джонъ Стюартъ Милль, въ своемъ опытѣ о *Природѣ*, держится очень мрачнаго и скорбнаго взгляда на міръ. Разсуждая по вопросу, что значить слѣдовать природѣ, онъ замѣчаетъ, что это значить дѣлать то, что по нашимъ наблюденіямъ дѣлаетъ физическая природа, но тогда мы должны слѣдовать природѣ и въ томъ, что въ ней въ изобиліи встрѣчается дурного. «Дѣйствительно», утверждаетъ торжественно Милль, «почти все, что люди вынуждаются дѣлать другъ противъ друга, совершается природой ежедневно» 1). Послѣ попытки доказать такое тяж-

1) Three Essays on Religion, стр. 28—30.

жое обвиненіе чрезъ перечисленіе печальныхъ подробностей, Милль дѣлаетъ выводъ съ отношеніемъ къ Виновнику природы: Онъ, какъ можно предполагать, благъ только при предположеніи, что Его могущество ограничено, такъ что Онъ не можетъ противодѣйствовать совершающемуся злу, а природа не даетъ никакого доказательства того, что Онъ справедливъ. Чистые результаты естественнаго богословія Милль кратко излагаетъ такъ: «Существо великой, но ограниченной силы; какъ или чѣмъ Оно ограничено, объ этомъ мы не можемъ говорить даже и предположительно; Оно обладаетъ великимъ и, можетъ быть, даже неограниченнымъ разумомъ, но можетъ быть также и болѣе узко ограниченнымъ, чѣмъ Его могущество; Оно желаетъ счастья Своихъ созданій и обращаетъ на это нѣкоторое вниманіе, но, повидимому, руководится въ Своихъ дѣйствіяхъ и другими мотивами, которымъ придаетъ больше важности; о Немъ едва ли можно предполагать, что Оно сотворило вселенную только для счастья»¹⁾. Что подумали бы о такомъ ученіи люди Aufklärung'a? Какъ бы вознегодовали они противъ этого необрѣзаннаго филистимлянина, который осмѣлился говорить такъ о всемогущемъ, всевѣдущемъ и крайне благодѣтельномъ Создателѣ! Но Шопенгауеръ заходитъ еще дальше, такъ что даже Штрауса покорило, и вслѣдствіе своихъ нѣжныхъ чувствъ къ *universum* онъ думаетъ, что его братъ-философъ сдѣлался виновенъ въ чемъ-то вродѣ богохульства. Ученіе Шопенгауера кратко можно выразить такъ: міръ такъ худъ, какъ можетъ быть только худо что-нибудь, способное существовать. На оптимизмъ Шопенгауеръ смотритъ, какъ на крайнюю плоскость и тривіальность, какъ на безсердечную насмѣшку надъ человѣческими страданіями. Пессимистическій взглядъ на міръ согласуется съ фактами и былъ признанъ таковымъ мыслящими и серьезными людьми, жившими во всѣ времена и во всѣхъ стра-

¹⁾ Ibid., стр. 194.

нахъ. Настоящее состояніе міра безнадежно худо, и нѣтъ никакой надежды на улучшеніе его въ будущемъ. Физическое и нравственное зло будетъ безъ всякаго ограниченія продолжать свое существованіе и впредь вѣчно, и единственное искупленіе или возможное избавленіе отъ этого есть покорность отчаянія ¹⁾. Противъ такого ученія, которое не видитъ ни разумности, ни нравственныхъ началъ во вселенной или въ ея воображаемомъ Виновникѣ, Штраусъ возражаетъ, что и нравственный и разумный порядокъ можно наблюдать въ настоящемъ мірѣ ²⁾. И Штраусъ, безъ сомнѣнія, правъ. Пессимизмъ такихъ писателей, какъ Шопенгауеръ или Гартманъ, произволенъ и страстенъ, и игнорируетъ ясные факты, доказывающіе, что существуетъ Сила въ мірѣ, сознательная или безсознательная, дѣйствующая въ цѣляхъ правды, существуетъ все принимающій порядокъ, законъ и разумъ, и видны многообразные слѣды духа благодати. Пессимизмъ девятнадцатаго вѣка столь же заблудился, какъ и оптимизмъ восемнадцатаго. Оба одинаково фантазируютъ и высказываютъ смѣхотворное, и вѣрятъ въ то, что имъ нравится, больше, чѣмъ въ то, что можетъ быть на достаточныхъ основаніяхъ доказано, какъ истинное, будетъ ли оно намъ пріятно, или нѣтъ. Шопенгауеръ есть циникъ, который смотритъ на все глазомъ, полнымъ предразсудковъ. Деистъ есть самодовольный мнимо-мудрецъ, который вообразилъ, что онъ есть спеціальный защитникъ Бога противъ священниковъ и ханжей. Одинъ напоминаетъ намъ Іова, сидящаго на гноищѣ и проклинающаго день своего рожденія, высказывающаго отчаянныя рѣчи по поводу дѣйствій Промысла; другой походитъ на одного изъ друзей Іова, высказывающаго утомительныя пошлости и отказывающагося видѣть какое-либо таинство въ путяхъ Божіихъ, утѣшающаго своего пораженного друга, говоря ему, что

¹⁾ См. Welt als Wille und Vorstellung, кн. IV, стр. 59.

²⁾ Der alte und der neue Glaube, стр. 147.

онъ долженъ былъ совершить какой-нибудь грѣхъ и такъ жалокъ, потому что «погибалъ ли кто невинный?»

Если деистическій взглядъ на Промыслъ и на міръ очень поверхностенъ, то не менѣе поверхностенъ взглядъ деистовъ и на человѣка. Естественно добрый, но часто слабый, порабощаемый своими страстями, живущими въ его тѣлѣ, отъ которыхъ онъ будетъ, поэтому, освобожденъ только смертію, заблуждающійся лишь вслѣдствіе стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ и потому достойный прощенья, и, конечно, имѣющій быть прощеннымъ милостивымъ Божествомъ,—таковъ человѣкъ по своей природѣ и назначенію, какъ онъ представляется апостолами философіи здраваго смысла. Это—теорія, не согласная съ фактами, противная совѣсти человѣчества и заключаетъ въ себѣ только комплиментъ достоинству человѣческой природы. Ни одинъ человѣкъ, знающій міръ, или такой, у котораго нравственныя понятія имѣютъ нѣкоторую силу, не можетъ принять деистической антропологіи. Кантъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соглашавшійся съ деистами въ религиозныхъ мнѣніяхъ, не былъ согласенъ съ ними въ указанномъ пунктѣ. Съ характеристическимъ отвращеніемъ строгаго человѣка къ сентиментальной болтовнѣ, Кантъ объявлялъ философовъ Aufklärung'a, по поводу ихъ взглядовъ на человѣческую природу и характеръ, стадомъ шарлатановъ, которые высказываютъ своему пациенту пріятную ложь и даютъ ему какую-то дрянъ, не подходящую къ его тяжелой болѣзни. Таково значеніе начальныхъ сентенцій Канта о религіи въ предѣлахъ чистаго разума.

«Что міръ во злѣ лежитъ, это—жалоба, которая такъ же стара, какъ исторія, и даже старше, чѣмъ поэзія, нѣтъ, она стара, какъ самое старѣйшее изъ всѣхъ изобрѣтеній, священническая религія. И исторія, и поэзія, и религія заставляютъ міръ начинаться съ добраго, съ золотого вѣка, жизнью въ раю, или, еще счастливѣе, содружествомъ съ небесными существами. Но такое счастье представляется

лишь мимолетнымъ, какъ сонъ, вслѣдствіе впаденія въ нравственное зло, которое постоянно со времени грѣхопаденія увеличивается и прогрессируетъ».

О противоположномъ взглядѣ, который преобладалъ среди философовъ его времени, что міръ постоянно движется впередъ, Кантъ замѣчаетъ:

«Нравственно-доброе или злое, конечно, выведено не изъ опыта и не изъ цивилизаціи, о которой они говорятъ, потому что исторія всѣхъ временъ рѣшительно противъ нихъ. Это есть, вѣроятно, просто добродушное мнѣніе моралистовъ отъ Сенеки до Руссо, которые неутомимо стремились культивировать сѣмена добра, заложенные въ насъ, и съ этою цѣлью находили нужнымъ отпавляться отъ предположенія, по которому естественное основаніе для такой прогрессивной культуры слѣдуетъ отыскивать въ людяхъ».

Самъ Кантъ вѣрилъ въ существованіе радикальнаго зла, ссылаясь въ доказательство на распутство и варварство дикихъ и на характеристическіе пороки цивилизаціи, неискренность, неблагодарность, тайную радость по поводу несчастій самыхъ близкихъ друзей, не говоря о грѣхахъ плоти, которые ни въ какомъ случаѣ не дѣйствуютъ слабѣе въ культурномъ человѣкѣ. Ссылаясь на замѣчаніе Вальполя, что «всякій человѣкъ продаженъ», Кантъ замѣчаетъ:

«Если это вѣрно, и этимъ всякій можетъ удовлетвориться; если нѣтъ добродѣтели, которая не уступала бы никакимъ искушеніямъ; если вопросъ, какую сторону мы можемъ занять, добрую или худую, превращается въ вопросъ о томъ, кто предложитъ больше и заплатитъ охотнѣе, тогда дѣйствительно, истинно о людяхъ только то, о чемъ говорилъ апостолъ: «нѣтъ различія, ибо всѣ согрѣшили; нѣтъ праведнаго ни одного».

Не утверждая, что циническое замѣчаніе Вальполя было правильнымъ, Кантъ въ этихъ словахъ откровенно высказываетъ, что онъ думаетъ о людяхъ, которыхъ Валь-

поль считаетъ добрыми. Это наводитъ на мысль, что оцѣнка нравственнаго состоянія человѣка зависитъ отъ нашего нравственнаго идеала. Снисходительныя сужденія о характерѣ человѣка и о томъ, что онъ способенъ исполнить требованія долга, могутъ быть результатомъ нашихъ низменныхъ понятій о томъ, что такое праведность и каковъ долженъ быть человѣкъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ думать о продажности, въ которой Вальцоль обвинилъ все человѣчество? Долженъ ли я смотрѣть на нее съ отвращеніемъ, или же просто, какъ на нѣчто смѣшное, дѣлающееся почти всѣми и не заключающее въ себѣ ничего вреднаго? Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ было бы легко высказать свое благопріятное мнѣніе о людяхъ, даже о хитрецахъ. Единственный вопросъ заключался бы тогда только въ томъ, какой вѣсъ имѣло бы мое мнѣніе. Но въ первомъ случаѣ я нашелъ бы, что мнѣ трудно смотрѣть благопріятно на обыкновенный человѣческій характеръ; потому что какъ только мы вспомнимъ, какъ легко люди попираютъ истину, справедливость и милосердіе ради очень небольшого прирѣвья, не только въ сферѣ политики, но и въ коммерціи и даже во всѣхъ областяхъ жизни, то намъ нужно будетъ признать, что если не всѣ люди, то по крайней мѣрѣ очень многіе продажны. Размышляя объ этомъ фактѣ, я, если отношусь съ искреннимъ отвращеніемъ къ подчиненію правды интересу, буду смотрѣть на человѣческую доброту, какъ на обманчивое явленіе, и мнѣ слѣдуетъ напомнить объ изображеніи фарисеевъ, сдѣланномъ Христомъ: выбѣленные гробы, красивые снаружи, но внутри полные нечистоты и мертвыхъ костей. А когда я начну смотрѣть шире на другіе грѣхи, кромѣ грѣха продажности, мое чувство человѣческаго разврата будетъ только углублено, пока я не вынужденъ буду признать строго истиннымъ приговоръ Христа о человѣческой грѣховности: «изъ сердца исходятъ злыя мысли, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, воровства, лжесвидѣтельства, богохульства». Этотъ приговоръ я не только сочту истин-

нымъ относительно другихъ, но приложу его и къ самому себѣ. Лъстивымъ же оптимистамъ отвѣчу: «не живеть во мнѣ, т.-е. въ плоти моей, доброе. Нѣтъ, я не могу порицать своей плоти. Зло живеть и въ моемъ духѣ, тщеславіе, гордость, злорадство, подлость, самолюбіе, ненависть, равнодушіе и недостатокъ сочувствія къ благосостоянію моихъ ближнихъ. Бѣдный я человекъ! Кто избавить меня не только отъ этого смертнаго тѣла, но и отъ этихъ сатанинскихъ духовъ?»

О деистическомъ взглядѣ на будущую жизнь нѣтъ надобности распространяться. Здѣсь, какъ и повсюду, обнаруживается характеристическая поверхностность системы. Въ деистическомъ представленіи будущаго больше языческаго, чѣмъ христіанскаго, а употребительные здѣсь методы доказательства отличаются небрежностью. Тѣло умираетъ, а не душа; послѣдняя нематеріальна; добрые не получаютъ на землѣ того, чего заслуживаютъ, поэтому Богъ по справедливости обязанъ имъ дать вторую жизнь послѣ настоящей въ видѣ компенсаціи. Если существуетъ Богъ, который хочетъ счастья людей, то Онъ долженъ желать ихъ добродѣтели и затѣмъ снабдить ихъ достаточными для нея мотивами. Но достаточныхъ мотивовъ добродѣтели не существуетъ, если мое я не будетъ продолжаться, а добродѣтель не будетъ имѣть прочныхъ слѣдствій. Поэтому я и долженъ ожидать продолженія моего существованія отъ Бога. Какъ характеристичны эти самоувѣренность и предусмотрительность! Эти гениальные оптимисты увѣрены, что Богъ дастъ имъ все, чего они желаютъ или въ чемъ нуждаются. Будущій міръ необходимъ для ихъ счастья, поэтому они, конечно, и наследуютъ его. Нисколько не удивительно, если такого рода люди удивляются, не находя никакихъ слѣдовъ подобнаго ученія о безсмертіи въ ветхомъ завѣтѣ. Профессиональное откровеніе безъ ученія о безсмертіи—оно невозможно, воскликнулъ Реймарусъ, при всемъ согласіи вѣрныхъ сыновъ Aufklärung'a. Однако, выслушавъ нѣсколько пророческихъ

вѣщаній апостоловъ разума объ этой «великой загадкѣ», мы начинаемъ относиться съ глубокимъ почтеніемъ къ молчанію о безсмертіи еврейскихъ пророковъ и поѣтовъ, которые, каковы бы ни были ихъ мысли относительно будущаго, ничего не говорили на тему, на которую не было имъ ясно поручено говорить. Молчаніе ветхаго за-вѣта о безсмертіи, столь удивительное для деистовъ, гораздо болѣе божественно, чѣмъ ихъ собственныя обильныя и растянутыя рѣчи.

С. М. Ѳ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Безмолвія учитель».

(Къ 10-му іюля—дню памяти прегодобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго).

Мужъ мудрый безмолвіе водитъ...

Кто исчислитъ подвиги и труды преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго? Кто изобразитъ величіе добродѣтелей того, кто отъ юности возлюбилъ Христа и Тому Единому до конца дней въ безмолвіи послужилъ? И мы не дерзаемъ и помышлять о томъ, чтобы начертать житіе преподобнаго, а лишь желаемъ, по мѣрѣ силъ нашихъ и умѣнья, отмѣтить выдающуюся черту праведнаго мужа—любовь его къ безмолвію. Недаромъ сказано—*мужъ мудрый безмолвіе водитъ*. И св. Антоній на дѣлѣ это доказалъ. Измлада имѣя страхъ Божій и желая облещись во иноческій образъ, онъ оставляетъ родину свою, Любечъ, и удаляется на св. гору Аѳонъ, гдѣ въ одномъ изъ монастырей принимаетъ постриженіе и усердно подвизается въ трудахъ совершеннаго иноческаго житія, вдали отъ молвы людской... Видя преподобнаго уже достаточно окрѣпшимъ въ монашескомъ дѣланіи, игуменъ сего монастыря, по внушенію свыше, благословилъ Антонія возвратиться въ Россію и тамъ послужить спасенію и утвержденію людей во св. вѣрѣ. По прибытіи на родину, св. мужъ поселился въ пещерѣ, ископанной варягами,

на Берестовѣ, близъ Кіева, и пребывалъ тамъ въ великихъ трудахъ всяческаго воздержанія. Однако, смуты, наставшія послѣ преставленія благовѣрнаго князя Владиміра, заставили Антонія опять удалиться на Аеонъ. Когда же принялъ княженіе благовѣрный князь Ярославъ, св. мужъ, съ благословенія своего игумена, вновь возвратился на Берестовскій холмъ, гдѣ была малая пещера, ископанная пресвитеромъ Иларіономъ, впоследствии митрополитомъ Кіевскимъ. Въ великихъ трудахъ постническихъ и молитвенныхъ пребывая день и ночь, преподобный Антоній занялся копаніемъ своими руками бѣльшей пещеры. Къ дивному подвижнику приходили люди благочестивые, а нѣкоторые возжелали и жить съ нимъ. Составилась малая обитель, съ преподобнымъ во главѣ. За постриженіе же блаженнаго Варлаама, сына боярскаго, и Ефрема евнуха, уже при князѣ Изяславѣ, много скорбей пришлось перенести св. Антонію отъ гнѣва княжескаго, и св. мужъ счелъ за лучшее удалиться въ иную страну... Однако, князь Изяславъ, по совѣту своей жены, упросилъ преподобнаго возвратиться на прежнее мѣсто. И блаженный мужъ, возвратясь въ пещеру, усилилъ молитвенные свои подвиги. Богъ, молитвами его, даровалъ, что не только прежніе его ученики возвратились къ своему пастырю, но и иные многіе, спасенія жаждущіе, приходили къ нему, прося, да избавить ихъ отъ тмы пути грѣховнаго и къ свѣту пути спасительнаго наставить. Онъ всѣхъ съ любовью принималъ и поучалъ, а блаженный Никонъ, съ его благословенія, постригалъ. И собралось братіи 12 человекъ, и ископали большую пещеру, въ которой устроили церковь и келліи. Но, не терпя всякаго «мятежа и молвы», преподобный Антоній, поставивъ братіи игуменомъ блаженнаго Варлаама, самъ затворился въ одной келліи той же пещеры, а потомъ переселился на другой холмъ и началъ копать другую пещеру, которая подъ нынѣшнимъ монастыремъ Печерскимъ. Послѣ Варлаама, взятаго княземъ Изяславомъ въ настоятели въ созданный

княземъ монастырь великомученика Димитрія, игуменомъ, по единогласному желанію братіи и благословенію св. Антонія, поставлень былъ преподобный Θεодосій. При этомъ св. мужъ братство значительно увеличилось, и основался храмъ и монастырь надъ пещерами, названный, въ память пребыванія черноризцевъ въ пещерѣ, Печерскимъ.

Много споспѣшествовали сему благословенію и молитвы безмолвствовавшего наединѣ первоначальника Печерскаго, еще при жизни прославившагося даромъ чудесъ и прозрѣнія. Но ненавидящій свѣта дѣлъ добрыхъ князь тьмы всячески желалъ удаленія преподобнаго изъ Кіева и потому воздвигъ противъ него новыя козни.

Такъ это было, когда недовольные своимъ княземъ Изяславомъ кіевляне заставили его удалиться въ Польшу и возвели на престолъ Всеслава, котораго однако вскорѣ Изяславъ, возвратясь въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Болеславомъ Храбрымъ, заставилъ, въ свою очередь, убѣжать въ Полоцкъ. Нѣкто же, съ цѣлью оклеветать преподобнаго Антонія, увѣрилъ Изяслава, что св. мужъ очень любилъ Всеслава и былъ виновникомъ всей смуты. Уступая мѣсто гнѣву, праведный мужъ, по приглашенію Черниговскаго князя Святослава, удалился въ Черниговъ, гдѣ въ горѣ Болдынь, вблизи города, ископалъ для себя пещеру, на мѣстѣ которой потомъ былъ созданъ монастырь. Но недолго ликовалъ добра ненавистникъ. Князь Изяславъ, вскорѣ сознавъ свою неправоту, пригласилъ преподобнаго возвратиться въ Кіевъ, и св. мужъ, будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ, возвратился въ свою Кіевскую пещеру къ братіи своей, которые были «смятени и отвержены, яко овцы, неимущія пастыря».

Незадолго до кончины своей, св. мужъ благословилъ свыше ему указанное мѣсто для основанія великой Печерской церкви, а затѣмъ началъ приуготовлять самого себя ко отшествію къ Церкви нерукотворенной, вѣчной, во обителяхъ небесныхъ. Преподобный всегда могъ съ Апостоломъ сказать: *по вся дни умираю*,—но чувствуя,

что время кончины его уже приблизилось, озабоченъ былъ участію богоизбраннаго своего стада, чадъ своихъ о Господѣ... Вручивъ ихъ попеченію преподобнаго Феодосія, св. мужъ скончалъ житіе свое временное, въ пещерѣ своей, 10 іюля 1073 года... Честныя мощи преподобнаго въ той же пещерѣ, гдѣ скончался, тогда же положены были. Но какъ самъ преподобный удалялся при жизни отъ очесъ человѣческихъ, молясь Богу наединѣ и творя добрыя дѣла, служа ближнимъ своимъ—болящему Исаакію затворнику и другимъ—втайнѣ, такъ и мощамъ своимъ то же дарованіе испросилъ: и донныѣ св. мощи первоначальника Печерскаго почиваютъ въ неизвѣстности...

Такъ безмолвія любитель, всячески при жизни скрывавшійся отъ молвы житейской, по отшествіи своемъ пребываетъ сокрытъ отъ взоровъ человѣческихъ. Такъ, братіе, истинный смиренія учитель изъ гроба поучаетъ насъ творить дѣла Божіи смиренно, сокровенно, не ради славы человѣческой, памятуя, что Отецъ нашъ небесный, видя втайнѣ, воздастъ явѣ коемуждо по дѣламъ его! Но является вопросъ: неужели, чтобы подражать преподобному Антонію, надлежитъ удалиться въ пещеру на безмолвіе? Нѣтъ, братіе, не требуетъ этого отъ насъ Господь. А если не требуетъ, то какъ же мы можемъ являться безмолвія сего древняго отца подражателями? И можемъ, братіе, и должны подражать сему безмолвію, но, конечно, по мѣрѣ силъ и возможности, въ зависимости отъ житейской обстановки, семейнаго состоянія, рода занятій, мѣста жительства и проч. Въ полной мѣрѣ безмолвіе—удѣлъ подвижниковъ Божіихъ. Намъ же всѣмъ необходимо стяжать безмолвіе въ смыслѣ священнаго покоя души и тѣла, который посылается памятующимъ, что не только о всякомъ словѣ праздномъ, но и за всякую мысль суетную, грѣховную—воздадимъ слово въ день судный. Если будемъ внимательны къ словамъ и помысламъ, то несомнѣнно и дѣла наши будутъ трезвенны и чисты, и достигнемъ того состоянія, которое именуется «тихимъ и безмолвнымъ жи-

тіемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». Въ чемъ же заключается, въ широкомъ смыслѣ слова, тихое и безмолвное житіе? Раскроемъ святое Евангеліе, остановимся на словахъ Божественнаго Учителя: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы, и въ этихъ словахъ найдемъ отвѣтъ, что только пребывая съ Господомъ, обрящемъ покой душамъ нашимъ! При этомъ только условіи житіе наше земное будетъ во 1-хъ, тихое, не волнующееся шумомъ страстей, и, во 2-хъ, безмолвное, т. е. безмятежное, неразвлекаемое молвою житейскою и носящее на себѣ печать сдержанности во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и помысленіяхъ,—сдержанности, управляемой закономъ Божественнымъ, наставляющимъ насъ, что блаженъ мужъ, у котораго въ законѣ Господнемъ воля его, и который въ законѣ семъ поучается день и ночь... А законъ сей поучаетъ, что *благочестіе* не должно быть односторонне, но непремѣнно должно заключаться въ дѣлахъ любви къ Богу и къ ближнему, въ дѣятельной жизни по вѣрѣ, и тогда только это будетъ истиннымъ почитаніемъ Бога, всецѣлымъ богоугожденіемъ. Также и *чистота* требуетъ чистоты тѣла и чистоты души, т. е. означаетъ всесторонне-воздержную жизнь. Отсюда ясно, почему тихое и безмолвное житіе должно проводиться не просто въ благочестіи и чистотѣ, а *во всякомъ* благочестіи и чистотѣ, т. е. въ сочетаніи *всѣхъ* добродѣтелей, въ стройномъ согласіи души и тѣла, въ постоянномъ стремленіи всемірно поддержать въ себѣ этотъ внутренній миръ, безъ котораго невозможно вкусить блага истиннаго безмятежія...*

Братіе! Преподобный Антоній, чтобы стяжать сіе безмятежіе, всячески удалялся отъ суетной молвы людской. Послѣдуемъ и мы, по силѣ, примѣру святого мужа: будемъ тщательно бѣгать всего того, что можетъ отвлечь насъ отъ пути спасенія, что можетъ нарушить нашъ внутренній миръ, что можетъ отвлечь насъ отъ богоугодной жизни, во всякомъ благочестіи и чистотѣ! Не за-

будемъ молитвенно призывать на помощь святаго первоначальника Печерскаго, который, *отъ мірскаго мятежа изшедъ, и отверженіемъ міра евангельски Христу послѣдовавъ, равноангельное житіе пожилъ, и нынѣ со Ангелы Владычню престолу предстоя, поминаетъ всѣхъ, чтущихъ память его.* Помолимся же Угоднику Божию, истинному безмолвія учителю, и изъ глубины души воззовемъ: преподобне отче Антоніе, моли Христа Бога, да спасетъ души наши!

«Добраго корене—отрасль благая».

(Къ 24-му іюля — дню памяти преподобнаго отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерскаго).

Воспоминаемый нынѣ св. Церковью преподобный Поликарпъ, презрѣвъ славу мимоходящую міра сего, пріять иноческій образъ въ монастырѣ Печерскомъ и, умерщвляя всячески постническими трудами тѣло свое, духомъ пребывавъ всегда въ Богѣ... И такъ подвизаясь, сотворилъ многіе плоды, достойные покаянія, и явилъ въ себѣ всѣ добродѣтели: любовь къ Богу и къ братіи нелицемѣрную, радость о Дусѣ святѣ, миръ по побѣдѣ страстей, долготерпѣніе въ напастяхъ и скорбяхъ, благость ко всѣмъ, милосердіе къ бѣднымъ, вѣру несумнѣнную, строгое исполненіе обѣтовъ, кротость, воздержаніе... Всѣ сіи плоды духовные въ блаженномъ Поликарпѣ Богъ возрастилъ, посадилъ же св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, который, будучи родственникомъ Поликарпу, не хотѣлъ и по духу быть ему чуждымъ. Посему, когда самъ св. Симонъ изъ Печерскаго монастыря на престолъ епископіи Владимірской и Суздальской призванъ былъ, то и блаженнаго Поликарпа съ собой взялъ и, во Владимірѣ пребывая, постоянно поощрялъ ученика своего къ подражанію добродѣтельному житію преждеотшедшихъ святыхъ блаженныхъ черноризцевъ Печерскихъ, которые, «жестокю»

потрудившись на землѣ, просіяли чудотворнымъ нетлѣвнѣемъ мощей своихъ, въ знаменіе воспріятія нетлѣвнаго вѣнца на небеси. И блаженный Поликарпъ, землю сердца своего послушаніемъ обработавъ, во сто трудовъ у плодоносилъ посѣяныя въ немъ сѣмена поученія отеческаго. При этомъ не только самъ въ добродѣтели многоплоденъ былъ, но и всѣмъ желалъ плодоносіе вкоренить, ради чего, пребывая при блаженномъ Симонѣ и слыша отъ него о подвигахъ преподобныхъ Печерскихъ, изрядно потрудился въ написаніи многихъ житій святыхъ сихъ. И хотя потомъ удалился тѣломъ блаженный сей Поликарпъ отъ отца и наставника своего епископа Симона,—возвратился опять въ Печерскій монастырь, но добродѣтелями недалеко отъ святаго мужа того пребывалъ: добрѣ сохраняя въ сердцѣ своемъ прежнія его поученія, прилежалъ не только къ храненію, но и къ возвращенію тѣхъ. И Симонъ святой не оставлялъ преподобнаго Поликарпа своими письменными поученіями, исполненными богодухновенныхъ наставленій и многихъ добродѣтельныхъ примѣровъ изъ житій печерскихъ святыхъ, и ученикъ, достойный учителя, всегда имѣя предъ собой эти посланія, вписывалъ ихъ въ скрижали сердца своего и на дѣлѣ исполнялъ наставленія отеческія,—и такъ подвизаясь, преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ. Когда же блаженный Акидинъ, архимандритъ Печерскій, въ старость глубокую достигъ и, послѣ трудовъ долговременныхъ, ко Господу на вѣчный покой переселился, тогда весь полкъ добрыхъ воиновъ Христовыхъ, иноковъ печерскихъ, единогласно избралъ себя настоятелемъ преподобнаго Поликарпа. Пріивъ начальство, сей блаженный мужъ старался усердно уставъ монастырскій и всѣ обычаи, преданные преподобнымъ Θεодосіемъ, свято сохранить, и явился искуснымъ наставникомъ ко спасенію,—таковымъ именно, какой былъ нуженъ лаврѣ. Вездѣ слава о немъ пронеслась, и многіе изъ благородныхъ и державныхъ князей, пользуясь наставленіями и бесѣдами его, стремились къ добродѣтели и, ради сожи-

тельства съ нимъ, желали оставить престолы свои. Особенно любилъ блаженного Поликарпа великій князь Кіевскій Ростиславъ Мстиславовичъ и неоднократно высказывалъ преподобному желаніе удалиться отъ мірскихъ дѣлъ въ монастырь, но св. мужъ отговаривалъ его отъ сего, говоря, что Господь требуетъ отъ великаго князя иныхъ подвиговъ—главнымъ образомъ правду творить и правду въ судѣ наблюдать. Такъ отъ подвижническаго житія и богодухновенныхъ бесѣдъ преподобнаго мужа наставлялись и просвѣщались не только братія, но и многіе мірскіе христоименитые люди... И такъ добръ управляя ввѣренной ему Богомъ паствою, послѣ многолѣтнихъ подвиговъ, въ глубокой старости, преставился ко Господу блаженный Поликарпъ, въ 1182 году 24 іюля, на память святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба...

Чему же поучимся въ житіи преподобнаго Поликарпа? Воистину, многихъ добродѣтелей примѣромъ служить онъ можетъ! Но мы на сей разъ остановимся на одной досто-подражательной чертѣ преподобнаго—его послушаніи къ поученіямъ и совѣтамъ отеческимъ, ими же наставляемъ, явился поистинѣ *добраго корене — отрасль благая*. Но не потому великъ былъ блаженный Поликарпъ, что послушно внималъ наставленіямъ своего отца и руководителя, а потому, что хранилъ въ сердцѣ все слышанное, и сотворилъ, и научилъ другихъ по слышанному... Такъ, братіе, не слышатели, а исполнители закона праведны предъ Господомъ. Но не объ этомъ главнымъ образомъ наша рѣчь, а о томъ, откуда и какимъ путемъ насаждаются въ сердцѣ добрые навыки, благіе обычаи—вообще христіанское настроеніе. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33), т. е. тлетворно дѣйствуютъ на складъ жизни—дурное общество, бесѣды съ легкомысленными, невѣрующими, порочными людьми: *со строптивымъ*, т. е. съ возстающимъ грѣхами своими на Бога, противящимся Его св. закону—*развратившися* (Пс. 17, 27). Съ другой стороны, *древо доброе и плоды добры творитъ* (Мѣ. 7, 17), т. е. бла-

гочестивое житіе является слѣдствіемъ, плодомъ добраго христіанскаго воспитанія и постояннаго общенія съ духовно настроенными людьми: *съ преподобнымъ преподобенъ будешь* (Пс. 17, 26). Мы видѣли, братіе, что блаженный Поликарпъ, имѣя постоянно предъ очами своими подвижнической образъ св. Симона, какъ въ зеркалѣ, отобразилъ въ себѣ добродѣтели своего наставника и руководителя, который, и по разлукѣ со своимъ духовнымъ чадомъ, не престававъ письменно его поучать и поддерживать въ немъ ревностное тѣніе къ стяжанію всѣхъ добродѣтелей. И намъ, братіе, особенно родителямъ и воспитателямъ, надлежитъ внимательно блюсти, чтобы ввѣренныя намъ чада отъ юныхъ дней имѣли предъ глазами добрый примѣръ, во-первыхъ, въ насъ самихъ, а, во-вторыхъ, во всѣхъ окружающихъ. И забота родителей о семъ должна начинаться съ самаго рожденія дѣтей и не прекращаться во всю жизнь, хотя бы дѣти наши были уже взрослыми и даже сами отцами и матерями. Добрымъ сѣменамъ, посѣяннымъ въ дѣтскія чистыя души, мы не должны дать заглухнуть въ увлекающіеся юношескіе годы, дабы *во время свое* сѣмена эти обратились въ широколиственныя деревья и принесли плодъ много. Посему особеннаго вниманія къ себѣ требуетъ пора бурливой юности, когда силъ и стремленій много, а житейскаго опыта — мало, когда многое творится ошибочно, съ полнымъ, однако, сознаниемъ своей яко бы правоты, когда часто увлекаются видимою вѣшностью, не заглядывая во внутреннее и не размышляя о послѣдствіяхъ. Недаромъ пророкъ Давидъ восклицаетъ: *рѣкъ юности моея и невѣднія моего не помяни* (Пс. 24, 7)! Да, истинно, многое въ юности творится по невѣднію, и какъ горько бываетъ потомъ сознание *множества содѣянныхъ лютыхъ*, особенно если послѣдствія этихъ «лютыхъ» непоправимы. Вотъ потому-то такъ важно бдительное вниманіе родителей и старшихъ, которые обязаны во-время предостеречь молодыхъ людей и остановить ихъ увлеченія, грозящія печальными послѣд-

ствіями. Но и съ выступленіемъ на самостоятельное поприще молодые люди нуждаются въ руководственныхъ совѣтахъ, и попеченіе о нихъ старшихъ не должно прекращаться; но, конечно, оно должно совершаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, не дѣйствуя угнетающимъ образомъ на самолюбіе и не имѣя вида опеки, которая иногда дѣйствуетъ озлобляюще, а главное—обезволивающе. Съ годами, конечно, человѣкъ пріобрѣтаетъ собственный опытъ, но сердце родительское никогда не должно забывать пещись о своихъ чадахъ, споспѣшествуя имъ совѣтами, участіемъ, наипаче же молитвами о ихъ здравіи и спасеніи. И во всякомъ возрастѣ человѣкъ никогда не перестаетъ нуждаться въ извѣстномъ руководствѣ, если не въ житейскомъ, то въ духовномъ, ибо кто изъ насъ совершенъ, кто безъ грѣха? Такъ, братіе, какова обстановка, въ которой выросъ, воспитался, сталъ на ноги и пребываетъ человѣкъ, таковъ и духовный обликъ его. О, если бы всѣ памятовали это! О, если бы всѣ родители, воспитатели, старшіе и начальники неотходно содержали въ умѣ, что о дѣтяхъ и подчиненныхъ, яже далъ имъ Богъ, воздадутъ слово *въ день судный!* О, если бы каждый изъ насъ, подобно блаженнымъ Симону и Поликарпу, вкупѣ предстоящимъ у престола Божія,—если бы каждый изъ насъ *въ день онъ* могъ дерзновенно воскликнуть: *«се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, Боже; ни одно изъ чадъ, мнѣ ввѣренныхъ, не ушло на страну далече, всѣхъ Тебѣ, Господи, привожу!»*

А. З.

ВЪ ИЗБѢ КРЕСТЬЯНИНА.

(Ко дню 25-лѣтія со дня открытія Церковно-Приходскихъ школъ 18-го
іюня 1884 г.).

„Церковно-приходскія школы имѣють
цѣлью утвердить въ народѣ православ-
ное ученіе вѣры и нравственности хри-
стіанской и сообщать первоначальныя
полезныя знанія“.

Въ одной убогой деревушкѣ,
Какихъ не мало такъ у насъ,
Въ уютной тепленькой избушкѣ
Людей семейка собралась.
Быль зимній вечеръ. На досугѣ
Всякъ дѣлалъ то, что могъ, хотѣлъ:
Одинъ здѣсь говорилъ о вьюгѣ,
Другой—уныло пѣсню пѣлъ.
За гребнями сидѣли пряхи,
Жужжа своимъ веретенемъ,—
Тутъ жарко рѣчь вели о свахѣ
И о невѣстѣ съ женихомъ.
Среди избы дитя играетъ.
А тамъ, забравшись въ уголокъ,
Тетрадки мальчикъ разбираетъ,
Готовится учить урокъ.
Одинъ отецъ лишь многодумно,
Склонивши голову на грудь,
Внималъ своей семейкѣ шумной,
Желая говоръ ихъ неумный

На истинный направить путь...
И вотъ, взглянувши на сынишку,
Онъ громко вдругъ ему сказалъ:
«Васютка! взялъ бы ты хоть книжку
И намъ на пользу почиталъ.
Не все же присказки да споры
Гуторить намъ по вечерамъ;
Начнемъ другіе разговоры—
Про жизнь святыхъ, про Божій храмъ.
Иди сюда, сынокъ, поколѣ
Глаза твои сонъ не смежилъ,
Прочти намъ книжечку, что въ школѣ
Тебѣ священникъ подарилъ.
Прочти... А послѣ мы обсудимъ,
Что нынѣ школа вамъ даетъ;
Какую пользу темнымъ людямъ
Она чрезъ грамоту несетъ».
Тутъ мальчикъ взялъ съ божницы книгу,
Раскрылъ и началъ вслухъ читать.
Въ избушкѣ все затихло мигомъ,—
Старались всѣ чтену внимать.
Читалъ же—какъ Христось Спаситель
Сошелъ съ небесъ и съ нами жилъ;
Какія Онъ, нашъ Искупитель,
Дѣла чудесныя творилъ.
Больнымъ давалъ Онъ исцѣленье,
Грѣхами мучимыхъ—прощаль
И всѣмъ скорбящимъ утѣшенье
Въ небесномъ царствѣ обѣщаль.
Затѣмъ—какъ злые іудеи,
Во всемъ завидуя Христу,
Его судили какъ злодѣя
И пригвоздили ко кресту.
Но Онъ божественною силой
Воскресъ изъ мертвыхъ, смерть попралъ
И находящимся въ могилахъ

Животь безсмертный даровалъ.
 Когда же предъ учениками
 Къ Отцу на небо восходилъ,
 Сказалъ: «всегда Я буду съ вами!»—
 И прободенными руками
 Онъ дольний мѣръ благословилъ...
 И всѣ съ слезами на рѣсницахъ
 Внимали мальчику въ тиши.
 Такъ были чтомья страницы
 Душамъ ихъ близки, хороши.
 Когда же кончилъ, то сказали:
 «Ну, Васенька, благодаримъ!
 Большую пользу намъ доставилъ
 Ты нынѣ чтеніемъ своимъ.
 Недаромъ изстари ведется
 Пословица: ученье свѣтъ...
 Учись, родной, когда дается
 Тебѣ наука съ юныхъ лѣтъ.
 Теперь мы также понимаемъ,
 Какъ много школа намъ даетъ:
 Она, что солнце, согрѣваетъ
 Душой иззябнувшій народъ»...
 И долго люди въ этотъ вечеръ
 Веди о школѣ разговоръ.
 И даже старый дѣдъ слѣзъ съ печи
 Послушать умныя ихъ рѣчи,
 Какихъ не слышалъ съ давнихъ поръ.

Гео. Скитъ.

I—д. Евимій.

П И С Ь М А

ОПТИНСКАГО СТАРЦА І. АМВРОСІЯ

г-жѣ N . . . ой.

Диктованіе.

15 іюля 1869 года.

Странствующая мать А!

Бѣжу по дачамъ, но никакъ не могу отдохнуть. И на Б—ской дачѣ меня ждуть, но не знаю, придется ли поѣхать; завтра, т. е. 16-го іюля, получимъ послѣднее извѣстіе—пріѣдутъ или не пріѣдутъ С. . .

На недоумѣніе твое вкратцѣ отвѣчаю. Если справедливо все то, что ты писала, какъ тебѣ видѣлось и слышалось, то опасеніе твое вѣроятно, что обезпеченіе можетъ испортить дѣло еще болѣе, потому, что подастъ больше повода и возможности къ обнаружившейся непокорности. Поэтому и слѣдуетъ принять мѣры противъ предполагаемаго обезпеченія. Въ крайнемъ случаѣ хорошо бы уѣхать хоть въ Т. . ., а тамъ уже съ помощію Божіею приступить и къ дальнѣйшему огражденію.

В. можешь слегка сказать, чтобы онъ опасался *обезпеченія*.

Миръ тебѣ!

Диктованіе.

16 сентября 1869 года.

Мать А! Чадце многозаботливое и многоскорбящее по многимъ причинамъ благословнымъ и неблагословнымъ! Но послѣднія постараемся отвергнуть, а первыя съ помо-

цію Божією потерпѣть и понести; тогда Господь и поможетъ намъ во время благопотребное. Господь столько любить насъ, сколько не можетъ любить ни одна мать своихъ чадъ. Но мы часто дѣлаемъ недостойны таковой любви Божіей, за что и посылаются праведно на насъ многоразличныя скорби и болѣзни.

Въ прїѣздъ архіерейскій ни о тебѣ, ни о другихъ толковъ никакихъ не было, а все прошло мирно и благополучно. Ты желала бы прїѣхать, но и сама сознаешь, что теперь это не благовременно; лучше прїѣхать, когда возвратятся молодые паны.

Вчера я ѣздилъ осматривать живопись въ соборной церкви и, кажется, отъ этого чувствую себя сегодня не совсѣмъ хорошо. Ходилъ по церкви и усталъ много; да видно, и простуды немного захватилъ.

Миръ тебѣ!

Диктованіе.

7 октября (безъ года).

Мать А.! Ты спрашиваешь, отъ кого и отъ чего произошло такое разстройство въ твоей кельѣ? Во-первыхъ, отъ душевнаго врага, который считаетъ своимъ дѣломъ всѣхъ и все путать. Во-вторыхъ, отъ человѣческаго самолюбія и отъ человѣческаго малодушія и нетерпѣнія. А частію можетъ быть и отъ того, что келья твоя, по причинѣ долгаго твоего отсутствія, была безъ главнаго хозяина. А безъ хозяина и неживой товаръ сирота, кольми паче живой.

Касательно отправки или неотправки больной я теперь сказать ничего не могу. Въ свое время я говорилъ нужное; но не послушала тогда, а теперь наступила.

Теперь же какъ вы съ м. игуменьей разсмотрите и разсудите это дѣло, такъ и да сотворите. Потому что больная находится въ вашемъ мѣстѣ. Отъ вашего общаго благоусмотрѣнія должно и послѣдовать конечное рѣшеніе.

Объ остальномъ толковать нѣтъ ни силъ, ни времени.

Миръ тебѣ!

Диктованіе.

11 февраля 1870 г.

Чадце многочадное, мать А.!

Увѣдомляю тебя, что Е. очень больна; у ней рожа на лицѣ. И К...скіе чудотворцы пишутъ, что N. N. больна. А П. N. пишетъ: просится пріѣхать. Я ей написалъ, чтобы она пріѣзжала къ намъ въ Оптину. Кажется, отсюда ей придется проѣхать и въ К..., а здѣсь имъ съѣзжаться неудобно, потому что у тебя въ кельяхъ здѣсь двѣ больныя, да и у нихъ больная N. N.

Миръ тебѣ и многочадію твоему.

Гр. Амвросій.

28 августа 1870 г.

Странствующая сестра, м. А.!

Что ти реку? и что ти возглаголю, въ плачевной И...ской юдоли временно сѣдящей? И сама ты ясно видишь, что трудно подать благой совѣтъ тамъ, гдѣ обстоятельства такъ перепутаны, и главное то, что о. N. не хочетъ принимать ничьихъ совѣтовъ, а самъ хочетъ продолжать начатую путаницу.

Если бы была надежда какъ-нибудь выпроводить о. N. въ обитель, тогда N. можно подать въ отставку и съ терпѣніемъ ожидать означеннаго выпровожденія; дѣйствую заодно съ П., для котораго прежде всего нужно приготовить приличное и теплое помѣщеніе, а иначе онъ никакъ не можетъ остаться въ И. для управленія или для помощи N. въ управленіи.

Ты просишь прислать какихъ-нибудь женщинъ въ экономки и для прислуги. Но въ настоящее время на глазахъ такихъ нѣтъ. Да и какъ кого послать въ такое мѣсто, гдѣ настоящаго порядка нѣтъ? Да я теперь почти никого не могу принимать, а отъ слабости лежу въ кельѣ. Ты знаешь, что въ это время два раза начинались мои серьез-

ныя болѣзни. Теперь отзывается слабость во всей внутренности, и пища меня плохо питаетъ.

Пишу о. N., — предлагаю ему, чтобы онъ для пробы, насколько N. N. оправдаетъ себя въ дѣлахъ, послалъ его въ С. за полученіемъ денегъ. Туда можетъ его сопровождать А. N.

Слышу, что о. N. говорить, что, пока ты будешь въ И., онъ оттуда не выѣдетъ. Поэтому можно предложить ему, чтобы вамъ вмѣстѣ выѣхать въ Оптину.

Милостыню за о. N. можешь раздать по усердію, сколько хочешь. А на то, чтобы за о. N. молились, пожалуй можешь послать по 10 рублей: въ Мещовскій монастырь, въ Лютиковъ, въ Тихонову пустынь, чтобъ на ектеніи и на проскомидіи поминали, о здравіи и спасеніи, болящаго монаха N.

Миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ!

Гр. *Амвросій.*

1870 г. 3 сентября, вечеръ.

Миръ тебѣ, странствующее чадце мое!

Хоть и не совсѣмъ здоровится мнѣ, а пишу тебѣ—писаря бо служатъ еще. Управляющаго возьми, какой промыслительно попадется тебѣ. Объ о. N. будемъ молиться, а ужъ какъ Господь устроить. И Господь насильно никого не понуждаетъ; и ты симъ не смущайся. Устарѣль и заматорѣль въ своеволіи. Хоть бы больного какъ нибудь привезть.

П. хотѣла пріѣхать къ намъ съ двумя малыми дѣтьми, да N. здоровье не совсѣмъ хорошо — и дѣло это остановилось.

Мужайся и крѣпись о Господѣ!

1870 г. 23 сентября.

Странствующее чадце, мать А.!

Въ навечеріе праздника Воздвиженія Животворящаго Креста присланы о. И. и мнѣ наперсные кресты. Разу-

мѣется, о. И. въ этотъ праздникъ служилъ, нося на себѣ наперсный крестъ. Азъ же грѣшный желающимъ точію показывалъ въ коробочѣ присланное знаменіе Распятаго Господа, и усердствующіе прикладывались къ оному. Носить же его не знаю, какъ и когда придется мнѣ. Даль бы Богъ, чтобы полученное для ношенія на персѣхъ побѣдоносное знаменіе Спасителя нашего соотвѣтствовало внутреннему состоянію грѣшной души моей.

Не помню, увѣдомлялъ ли я тебя о великомъ утѣшеніи, какое послалъ мнѣ Господь. М. Р. привезла мнѣ изъ Петербурга отъ одной купчихи (В.) крестъ съ частицами святыхъ мощей святителя Амвросія Медиоланскаго и другихъ угодниковъ Божіихъ: преп. Марка Трарескаго, пр. Алексія челоуѣка Божія и преп. Таисіи. Получилъ я эту святыню 31-го августа, и въ этотъ же день у меня было келейное всеошное бдѣніе свят. Амвросію и прочимъ святымъ.

Вотъ тебѣ всѣ наши новости.

Привѣтствую новыхъ пановъ и стараго о. Н. По евангельскому слову, ветхое слѣдуетъ отъ новаго отдѣлать, сирѣчь отдалить. Тогда изъ однообразнаго скорѣе толкъ будетъ. А если только новое приложить къ старому, то дира горша будетъ. Евангельское слово великое, изъ него же и іота едина не пройдетъ безъ значенія.

Миръ всѣмъ вамъ!

Многогр. *Амвросій.*

28 сентября 1870 года.

Странствующее чадце, мать А!

Здоровье мое плоховато. Чувствую большую слабость и общую неладницу—вѣроятно, отъ вліянія осенней погоды и разныхъ перемѣнъ въ воздухѣ; на прошлой недѣлѣ выпадалъ у насъ и снѣгъ. Особенно сегодня какъ-то нездоровится. Утромъ никого и не принималъ.

Съ о. Н. не знаемъ, что и какъ поступить. Господь одинъ силенъ его исправить, если только самъ онъ не воспротивится.

Диягованіе.

18 ноября 1870 года.

Странствующее чадце, мать N!

Не малодушествуй и не обезнадеживайся. Силенъ Господь исправить и великія наши неисправности, если только сами не заупрямимся. Отецъ игумень послѣ праздника Введенія думаетъ послать за отцемъ N. отца M., если только не воспрепятствуетъ дурная погода. А я думаю предложить отцу игумену, чтобы послать съ нимъ и отца A. И Господь посылалъ на проповѣдь апостоловъ два—два. Примѣръ этотъ показываетъ явно, что двумъ удобнѣе дѣйствовать. Можетъ быть, одному случится отправиться по дѣламъ въ T. . . , а другой пусть занимается о. N., какъ Господь вразумитъ его.

Миръ тебѣ!

Многогр. Амвросій.

25 октября 1871 года.

Мать N!

Чадце многозаботливое только не о томъ, о чемъ бы слѣдовало, — а то о няняхъ, то о келейныхъ, а о душѣ все дальше да дальше отлагается; отчего и приходитъ тебѣ вражій помысль *уѣхать*, какъ пишешь въ послѣднемъ. А куда уѣдешь? Куда скроешься отъ Бога всевѣдущаго и всевидящаго, чрезъ совѣсть нашу насъ обличащаго, чтобы взялись за дѣло спасенія, какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы бесполезно смущаться и винить другихъ, или завидовать тѣмъ, кто вопрошаетъ прежде о душевномъ, а потомъ и о тѣлесномъ, по потребности. Господь всѣхъ равно призываетъ, а быть между избранными отъ самого человека зависитъ. Зачѣмъ озираешься *вспять*? Утвердись о Господѣ! Миръ тебѣ!

27 октября 1871 года.

Думаю, что въ кельи твоей разстройство произошло оттого, что хозяйка смотритъ въ два пути, часто озираясь *вспять* на окаянный міръ. Чадце! Зри лучше *впередня* и ожидай милости и помощи Божіей, которой лишилась жена Лотова чрезъ озираніе. Силенъ Господь все исправить и устроить по мѣрѣ того, какъ сами будемъ исправляться.

Если С. и Д. отпустишь, то кто же будетъ ходить за коровами. И ты сама, и другія о семъ и подумать не хотите.

Миръ тебѣ!

1873 года. (безъ числа).

Миръ чаду скорбящему!

О хожденіи М. М. можешь сказать м. игуменъи такъ: водить, ходить, помыслъ приходить, какъ бы не подумали вы на меня чего, если выйдетъ какая путаница—и будь покойна и касательно своей кельи; что у тебя изъ кельи можетъ вытти, когда ничего особеннаго нѣтъ? Если же что поговорять, то, вѣдь, заочно и про Царя говорятъ; одного опасайся—это тонкой ревности, почему съ дѣвочкой толкуютъ, а не съ тобою; и съ тобою иногда потолкуютъ! Ты же одно помни, что взялась успокоить ее годъ, а тамъ, какъ придется... Врагъ воздвигъ на тебя борьбу тревожную и потому находить разные поводы къ твоему смущенію. Но постарайся поискать успокоенія не извнѣ чрезъ обвиненія другихъ, а извнутри, въ собственномъ сердцѣ, въ самоукореніи—въ смиреніи предъ Богомъ и людьми—въ покаяніи содѣянныхъ прежде. Горделивость и на небѣ жившимъ не помогла, а лишила благодати Божіей и низвергла долу,—почему намъ, хотящимъ взыти горѣ, потребно смиряться зѣло.

Среда, 20 іюня 1873 г. Лѣсная дача.

Путешественное чадце, м. N!

Письмо твое отъ 11-го іюня получилъ и очень удивился ревностной твоей прозорливости касательно того, что К. была у К. . . . архіерея. Послѣ разспроса оказалось, что она дѣйствительно была съ своими родными у Преосвященнаго; а я прежде не обратилъ на это никакого вниманія. К. говорить, что показалась Владыкѣ во избѣжаніе могущихъ быть превратныхъ толковъ; а видѣвши, Владыка пусть судить, какъ самъ разумѣть. О если бы мать А. имѣла столько заботы и попеченія о собственныхъ дѣлахъ душевныхъ и духовныхъ, сколько о внѣшнихъ дѣлахъ людей постороннихъ: благо бы ей было и зѣло спасительно.

Миръ тебѣ и юнымъ твоимъ чадцамъ!

Многогр. *Амвросій.*

23 іюля 1873 года.

Чадце странствующее, м. А!

Миръ тебѣ! и да крѣпится сердце твое!

Сообщаю тебѣ О. . . скія новости (уже тебѣ извѣстныя потому, что письмо было не отослано). 5 іюля неожиданно получено было изъ М. . . отъ графини NN. письмо, въ которомъ она изъявляла желаніе, чтобы о. К. посланъ былъ за границу навѣстить графа. Желаніе графини было исполнено. Вечеромъ 6-го іюля о. Кл. въ сопровожденіи о. Т. отправился сначала въ К., гдѣ 8 числа былъ посвященъ во іеромонаха. Отслуживъ тамъ одну обѣдню, онъ поѣхалъ въ М.—Изъ Москвы выѣхалъ 13-го іюля, а 18-го уже былъ въ Женевѣ у графа. До пріѣзда о. Кл. графъ никакъ не соглашался на убѣжденія тамошняго посольскаго священника пріобрѣтись Св. Тайнъ; а по прібытіи о. Кл., 19-го графъ былъ имъ пріобщенъ; 21-го же

іюля въ 3 ч. утра скончался. 22-го поздно вечеромъ у насъ получена была объ этомъ телеграмма, а 23-го отслужена была въ скиту обѣдня о упокоеніи души новопреставленнаго графа. Тѣло покойнаго графа будетъ привезено въ Москву, и есть слухъ, что будетъ погребено въ Д. монастырѣ, а можетъ быть и въ другомъ мѣстѣ.

28 іюля два письма твои получилъ. Въ послѣднемъ пишешь, будто-бы я за что-то на тебя гнѣваюсь, потому что не пишу. И не думалъ гнѣваться, а просто не было времени писать; также и потому не писалъ, что ты сама не писала. Вотъ мнѣ при недосугѣ и былъ нѣкій извѣтъ тоже не писать.

Жаль, очень жаль, что дѣти Н. и Н. больны. Откровенно тебѣ скажу, хотя они и утѣшаютъ тебя, но у меня мысль о нихъ молитвенная такая: если жизнь дѣтей и имъ на пользу, и тебѣ на утѣшеніе будетъ, то всеблагій Господь да продлилъ бы и приложилъ бы имъ дней жизни. Въ противномъ же случаѣ да устроить о нихъ Господь полезное и спасительное, якоже Самъ вѣсть, хотяи всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти.

Совѣтовалъ бы я и тебѣ такъ же настраивать свою душу и такъ же молиться Богу о дѣтяхъ.

Паки миръ тебѣ!

Многогр. Амвросій.

Диетованіе.

1 августа 1873 года.

Миръ тебѣ, странствующее чадце, мать А., и Божіе благословеніе, и всякое утвержденіе въ добромъ! и прежде всего благомощіе и благодушіе. Послѣднее, какъ видно изъ писемъ твоихъ, очень оскудѣваетъ у тебя; причинъ забогящихъ много, а мужества и терпѣнія не обрѣтается въ готовности. Сего ради пренеомганіе и обурекаетъ душу твою. Въ такомъ случаѣ потребно съ вѣрою и упованіемъ молиться Богу о помощи и о томъ, чтобы устроилъ по волѣ Своей Святой дѣла наши и все то, что насъ заботитъ. А кажется, въ настоящее время болѣе всего забо-

титъ тебя болѣзнь дѣтей, къ которымъ ты привязалась паче мѣры и паче достойной привязанности, и все хочешь сдѣлать для нихъ сама, а Божію Промыслу почти уже и мѣстечка не остается явить Свое Божественное мановеніе и благодать и всесильное окормленіе.

М. я рѣшился оставить, а послать къ тебѣ Н., которая жалуется на простуду и слабость ногъ. Можетъ, она тамъ немного поправится.

О. К. изъ Женевы еще не пріѣзжалъ, и не знаемъ, гдѣ будутъ хоронить графа.

Мужайся, и да крѣпится сердце твое!

Многогр. *І. Амеросій.*

Вторникъ, 18 сентября 1873 года.

Странствующее чадце, мать А!

Сегодня въ половинѣ шестого часа утра тихо почилъ о Господѣ многострадальный о. Иларіонъ, послѣ двадцатимѣсячной болѣзни. Въ часъ по полуночи пріобщался Св. Таинъ въ чистой памяти; да и прежде былъ онъ болѣе мѣсяца ежедневно пріобщаемъ почти въ тѣ же часы, такъ какъ въ это время онъ чувствовалъ себя особенно плохо. Болѣе мѣсяца просидѣлъ на креслахъ, такъ какъ ему лежать на кровати было невозможно: заливала или душила вода. Передъ самую кончиною, послѣ пріобщенія Св. Таинъ, упокоился онъ нѣсколько въ лежачемъ положеніи, только часа четыре. Минуть за десять до смерти едва внятно проговорилъ, что ему неловко лежать; и затѣмъ тихо и мирно отошелъ ко Господу.

Всеблагій Господь да помилуетъ всѣхъ насъ.

Миръ тебѣ!

Многогр. *І. Амеросій.*

29 сентября 1873 года.

Странствующее чадце, мать А!

Дѣти благополучно привезены. Ихъ приносили ко мнѣ.

въ чайную; и когда они по обыкновенію собрались было заплакать, я успѣшилъ ихъ похвалить: «ахъ, какія умныя стали дѣти!» Они посмотрѣли на меня и остановились; а я ихъ еще сталъ похваливать; они повесѣли, раза три приняли молча благословеніе; и такъ ихъ унесли.

Письмо твое получилъ. Миръ тебѣ!

9 ноября 1874 года.

Чадце недоумѣвающее и многоскорбящее, матушка А!

Объщала я тебѣ написать хорошее письмо, но не удалось, потому что самъ былъ нехорошъ; нездоровилось мнѣ очень, а сверхъ того, несмотря на болѣзнь, и народъ докучалъ мнѣ. А между тѣмъ выжидалъ и времени, когда ты сама оправившись отъ нездоровья. На дняхъ услышалъ было, что стало тебѣ лучше, и очень радъ былъ этому, чтобы къ хорошему твоему положенію и расположенію написать и послать тебѣ хорошее письмо. Но вчера вдругъ получилъ отъ тебя два письма съ нѣкими недоумѣніями, не совсѣмъ успокоительными: теперь не знаю, какъ написать тебѣ хорошее письмо, по сердцу твоему. Если бы я былъ теперь Т. . . . скимъ архіереемъ, то можетъ быть нѣкоторыя обстоятельства могъ бы измѣнить, кого удаливъ на покой, кого на безпокойство подначальное, и новыхъ поставивъ, и устроивъ на семь мѣстѣ. Но и такимъ образомъ нельзя достигнуть прочнаго спокойствія и прочнаго мира душевнаго. Душа наша невидима и не можетъ успокоиваться одними внѣшними обстоятельствами, а требуетъ къ своему умиротворенію средствъ внутреннихъ и духовныхъ, на которыя указываетъ боговдохновенный пророкъ Давидъ, глаголя: миръ много любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна. Слова эти показываютъ, что нужно прежде возлюбить законъ Божій и постараться исполнять евангельскія заповѣди, означенныя у евангелиста Маттея, отъ начала 5-й главы до 10-й; и тогда можно надѣяться на полученіе прочнаго спокойствія и прочнаго мира душевнаго.

Ты въ свое извиненіе указываешь на мнимое успокоеніе Е. и больной, почти умирающей N. Но вѣдь ты на мѣстѣ ихъ не пожелаешь быть. Е. живетъ на скотномъ дворѣ и служить ослабѣвшимъ старикамъ, сама не имѣя покойнаго и приличнаго мѣста для отдохновенія и сна, а спать на полу у двери, на проходѣ. Также не захочешь пользоваться милостію NN., какъ умирающая N. А только вражія подстреканія смущаютъ тебя примѣрами такихъ людей, на мѣстѣ которыхъ быть никогда не пожелаешь. А въ самой вещи окрадываютъ у тебя успокоительную мысль, что ты человѣкъ совершенно свободный, ничѣмъ и никѣмъ не связанный: можешь по временамъ жить въ N., въ Оптиный, въ N. и въ С. Словомъ—куда пожелаешь поѣхать и сколько пожелаешь тамъ прожить, препятствія къ тому ни отъ кого не имѣешь. Если же тебя посадить на одномъ мѣстѣ, или, какъ ты выражаешься, устроить, то ты скоро можешь соскучиться и скоро можешь обремениться тѣми обстоятельствами, какія встрѣтишь. Вездѣ война, вездѣ борьба; и получаютъ успокоеніе только подвижающіеся душевно, руководясь закономъ Божиимъ, какъ сказано выше. А кто ищетъ только вѣшняго и временнаго успокоенія, тѣ лишаются и того, и другого; т. е. и земнаго, и небснаго. Развѣ только захотятъ исправить дѣло искреннимъ раскаяніемъ и великимъ смиреніемъ.

Слышно, что игуменю С. . . монастыря В. посылаютъ въ О. . . монастырь на покой безпокойный, но, можетъ быть, для нея спасительный.

Еще бы что-нибудь написалъ тебѣ хорошее. Но хорошее достигается скорбнымъ путемъ, а ты скорбное и не-пріятное не совсѣмъ долюбливаешь. Поэтому и заключаю письмо мое искреннимъ благожеланіемъ тебѣ всего лучшаго, душеполезнаго и спасительнаго, и вмѣстѣ успокоительнаго, еже буди, буди намъ получить милостію и неизреченнымъ человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ ходатайство Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, благоугодившихъ Ему. Аминь.—Миръ тебѣ!

1 сентября 1875 года.

Болѣе десяти разъ собирался тебѣ писать, но неожиданные случаи и болѣзненная немощь моя и повседневная усталость отнимали всякую возможность писать; а другихъ просилъ, чтобы увѣдомляли тебя. Сверхъ того ожидалъ я болѣе рѣшительнаго и опредѣленнаго извѣстія касательно затянутаго твоего дѣла объ И., но доселѣ не слышится ничего рѣшительнаго и опредѣленнаго. Впрочемъ, не унывай, а на милость и помощь Божию уповай. Силенъ Господь о насъ устроить полезное и душеполезное.

С. . . отъ насъ уѣхали 26-го августа. Они приторговали было себѣ имѣніице въ 14 верстахъ отъ О. . . близъ рѣки Серёны, называемое Ш. . . Всей земли только пятьдесятъ десятинъ, но мѣсто очень красивое: возвышенная гора, по скату горы молодой лѣсокъ дубовый и другой, внизу лугъ, называемый Царскій, и рѣка Серёна; изъ подъ горы бьютъ ключи. Имѣніе приторговано за 3300 р. NN. хотѣлъ было дать задатку, но С. изъ Петербурга писалъ, что ему нужны деньги, и потому NN. удержался и хотѣлъ изъ Петербурга увѣдомить, оставить ли онъ за собою Ш. . . или нѣтъ. Жаль это имѣніице упустить изъ рукъ, а сосѣдніе мужики домогаются удержать его за собою. Мнѣ сегодня утромъ пришла мысль: не купить ли вамъ съ N. это имѣніице пополамъ и построиться порознь, такъ, какъ живутъ княгиня N. и графиня N. А одинъ NN. едва ли одолѣетъ это дѣло, такъ какъ нужно и домъ устроить. По времени одна сторона можетъ другой уступить, смотря по надобности. Вотъ я тебѣ объяснилъ мою мысль; если ты согласна, то увѣдомь немедленно, потому что хозяева этого имѣнія надолго отлагать не будутъ; (пока они задатка требовали съ NN. только 500 р.).

Повторяю: увѣдомь немедленно о Ш. . ., которое о. А. назвалъ Швейцаріею. Деньги пока за имѣніе, разумѣется,

должны быть всё твои. С. . . имѣють въ виду купить и старый домъ для перевозки, такъ какъ въ этомъ имѣніи домикъ небольшой и крытый соломой.

Что изъ Петербурга напишутъ намъ, тебя увѣдомимъ.

Призывая на тебя и на чадо твое В. и юныхъ чадцевъ миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ

многогр. *И. Амеросій.*

Здоровье мое осеннее.

6 мая 1877 года.

Мать А!

Пишешь, что тебѣ кажется, что никто за тебя не молится, и что всё бѣды отъ того, что ты пошла въ монастырь. Это мнѣніе твое несогласно съ словомъ Божиимъ, глаголющимъ: его же любить Господь, наказуетъ,—біеть же всякаго сына, его же приѣмлетъ.

Вчера въ первый разъ покатался.. Встрѣтилъ твоихъ дѣвочекъ: онѣ разряжены, какъ птички. О. игуменъ замѣтилъ, что ты ихъ, кажется, уже очень наряжаешь — какъ бы не вышло отъ этого вреда душевнаго.

Пишешь:—тяжело на свѣтѣ, т. е. на землѣ; потому она и называется юдоль плача; но люди одни плачутъ, а другіе скачутъ, но послѣднимъ будетъ нехорошо.

Миръ тебѣ!

Гр. *И. Амеросій.*

Протоіерей Іоаннъ Дмитріевичъ Петропавловскій ¹⁾.

(Опытъ характеристики жизни, дѣятельности и личности покойнаго о. протоіерея).

III (Д.).

Іоаннъ Д-чъ—цензоръ.

Есть и еще одна область общественной дѣятельности І. Д-ча, въ которой много труда положилъ онъ и въ которой также заслужилъ уваженіе всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Мы говоримъ о цензорствѣ. Это былъ «идеальный цензоръ», какъ назвала его въ бесѣдѣ съ нами издательница журнала *Душеполезное Чтеніе*. За все время, пока онъ состоялъ цензоромъ этого журнала (а онъ состоялъ имъ до самой своей смерти), никакихъ недоразумѣній съ редакціей у него никогда не выходило. Это обстоятельство, конечно, находитъ свое объясненіе въ исполненныхъ истиннаго благородства и самыхъ благожелательныхъ отношеніяхъ І. Д-ча къ людямъ,—отношеніяхъ, не позволявшихъ ему и въ данномъ случаѣ проявлять обычную многимъ суровую цензорскую придирчивость тогда и тамъ, когда и гдѣ она совершенно неумѣстна. И таковымъ былъ І. Д-чъ въ своихъ отношеніяхъ не только къ редакціи *Душеполезнаго Чтенія*, а и къ другимъ, цензуровавшимся имъ журналамъ (*Правосл. Обзор.*, *Кормчій*,

¹⁾ Окончаніе. См. іюньскую вѣд. *Душеполезное Чтеніе* 1909 г.

Церк. Вѣдом.) и книгамъ. — Конечно, за 20 лѣтъ сложнаго цензурскаго труда (съ 1886 — 1907 г.) дѣло не могло обходиться безъ неприятныхъ для І. Д-ча инцидентовъ. Дѣло въ томъ, что авторы сочиненій бываютъ черезчуръ различныхъ ранговъ, взглядовъ и характеровъ. Былъ однажды такой случай, про который намъ лично рассказывалъ самъ І. Д-чъ и который не мало взволновалъ его. Какъ-то разъ—чуть ли не на страстной недѣлѣ—отъ одного весьма высокопоставленнаго лица приносятъ рукопись и просятъ немедленно дать одобрение, потому что то лицо хотѣло бы выпустить книжку въ свѣтъ въ самомъ скоромъ времени. І. Д-чъ общалъ поспѣшить чтеніемъ рукописи. Но каково же было его удивленіе? Рукопись положительно не могла быть одобрена къ печати. Такой — неодобрительный — отзывъ и далъ о ней І. Д-чъ, чѣмъ, конечно, воспрепятствовалъ скорѣйшему выходу ея въ свѣтъ. І. Д-чъ не безъ основанія опасался послѣ этого для себя всего худого отъ высокопоставленнаго лица, что въ малой мѣрѣ и сбылось... Но въ концѣ концовъ высокопоставленное лицо вполне согласилось со всѣми цензурскими замѣтками и совѣтами и представило къ І. Д-чу рукопись вторично уже въ переработанномъ видѣ, послѣ чего она и была одобрена къ печати І. Д-чемъ. А сколько І. Д-чу приходилось читать писемъ, очень ѣдкихъ по содержанію, въ которыхъ авторы въ своей злобѣ на цензора за неодобрение ихъ статей или книжекъ со всею грубостію—но, конечно, совершенно неосновательно—обрушиваются на цензурскія замѣчанія объ ихъ статьяхъ или книжкахъ! Но, съ другой стороны, гораздо больше приходило къ нему писемъ противоположнаго характера, въ которыхъ авторы выражаютъ искреннюю благодарность І. Д-чу за его всегдашнюю готовность скоро и почти всегда безпрепятственно разрѣшать къ печати ихъ сочиненія.

IV.

Общій взглядъ на личность І. Д-ча.

Проходить уже 2-й годъ со дня кончины дорогого І. Д-ча. Пройдетъ и третій, и четвертый и много, много лѣтъ пройдетъ, а память объ этой дивной личности — мы въ это крѣпко вѣримъ — долго, долго будетъ храниться въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ его, въ особенности же близкихъ къ нему лицъ. Такого рода увѣренность въ нашихъ глазахъ является такой естественной, такой неподлежащей никакому сомнѣнію на основаніи всего, что сказано нами во всемъ очеркѣ жизни І. Д-ча. — Бросая общій взглядъ на личность послѣдняго, мы убѣждаемся, что не напрасно жилъ на свѣтѣ этотъ человекъ. Суровая, требовавшая необычайныхъ силъ какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, жизнь, выпавшая на его долю, съ самаго ранняго возраста, такъ сказать, вырабатывала изъ него замѣчательнаго труженика, каковымъ и является онъ въ сознаніи всѣхъ, знавшихъ его: инымъ І. Д-ча вѣдь и не представишь. Тяжелый физическій трудъ, какой въ немалой степени понесъ онъ въ юношескомъ возрастѣ для удовлетворенія нужды своихъ родителей, по окончаніи образованія, былъ смѣненъ, по волѣ судьбы, другимъ, — можетъ быть, болѣе пріятнымъ для І. Д-ча, но требовавшимъ не меньшей затраты силъ, — интеллектуальнымъ трудомъ, стяжавшимъ ему славу русскаго ученаго богослова-апологета. Здѣсь, — на апологетикѣ І. Д-ча — стоитъ и очень стоитъ остановиться.

Когда возстаетъ въ моемъ сознаніи вопросъ о значеніи ученыхъ трудовъ І. Д-ча, въ памяти моей невольно воскресаетъ ветхозавѣтный Іосифъ Прекрасный, который, какъ извѣстно, благодаря дарованной ему отъ Бога мудрости, сумѣлъ воспользоваться 7-ю годами небывалаго на землѣ

урожая, сдѣлавши большіе запасы хлѣба на наступившіе послѣ того 7 лѣтъ страшнаго голода и тѣмъ спасши современниковъ отъ голодной смерти. Нѣчто подобное сдѣлалъ и блаженной памяти І. Д-чъ Петропавловскій для современнаго ему русскаго общества. Какъ бы провидя своимъ мощнымъ духомъ то оскудѣніе вѣры и нравственности, какое постигнетъ его соотечественниковъ (какое предчувствіе и исполнилось въ немалой степени уже при его жизни), онъ еще съ 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія начинаетъ заботиться о необходимыхъ запасахъ своего рода духовнаго хлѣба, которымъ могли бы—по мѣрѣ надобности—утолять свой духовный голодъ его соотечественники. Мы разумѣемъ «Общедоступныя статьи» І. Д-ча «въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія», давно появившіяся въ печати и не прекращавшіяся до самой его смерти, выходя въ свѣтъ то отдѣльно въ разныхъ духовныхъ журналахъ, то—собранными въ цѣлые сборники (Подр. см. объ этомъ во 2-й гл. настоящаго очерка). Значеніе этихъ трудовъ уже оцѣнено по достоинству еще при его жизни современными ему богословами, но — думается — оно еще болѣе возвысится въ послѣдствіи и даже въ глазахъ тѣхъ людей, которые, можетъ быть, никогда и не слыхали о протоіерѣ Петропавловскомъ. Да, мы вѣрнѣе вѣримъ, что ужасное состояніе духа, переживаемое нашими современниками и выражающееся въ ужасающемъ маловѣріи, а то и въ полномъ безвѣріи и безнравственности, будетъ имѣть свой конецъ. Въ русскомъ обществѣ пробудится наконецъ присущее ему «богоискательство». Тогда-то и вспомнятъ наши соотечественники про І. Д-ча Петропавловскаго и его ученые труды. Съ душевнымъ удовлетвореніемъ прочтутъ они эти послѣдніе и... по нимъ найдутъ Бога.

Я погрѣшилъ бы сильно противъ истины, если бы при настоящей моей общей характеристикѣ личности І. Д-ча ограничился бы оцѣнкой его, какъ выдающагося труженика въ одной только интеллектуальной области. Въ этомъ

области далеко не весь еще I. Д-чъ. Для меня останется незабвеннымъ тотъ идеаль, какой въ личной бесѣдѣ со мной (да, несомнѣнно, и съ кѣмъ бы то ни было) всегда предъявлялъ I. Д-чъ педагогамъ въ дѣлѣ воспитанія юношества, а именно—заботиться о гармоническомъ развитіи въ дѣтяхъ всѣхъ силъ духа, т. е., не одного только ума, а и сердца, и воли. Требуя этого отъ другихъ, онъ, прежде всего, позаботился о такомъ же развитіи всѣхъ духовныхъ силъ и въ самомъ себѣ, что, какъ мы видѣли, и проявилось въ любвеобильнѣйшемъ и самомъ участливомъ отношеніи къ дѣтямъ, а также къ учившемуся у него юношеству. Но не по отношенію только къ людямъ, стоявшимъ къ нему въ родственныхъ или вообще близкихъ отношеніяхъ, I. Д-чъ былъ такъ любвеобилень. Его любящее сердце (какъ опять-таки мы видѣли хотя бы по дѣлу широкой приходской благотворительности) всегда находило людей, нуждавшихся въ его заботливости о нихъ. Здѣсь, чтобы не повторяться, мы упомянемъ объ одномъ выдающемся случаѣ, который можетъ служить яркимъ примѣромъ его любви даже къ совершенно незнакомымъ ему людямъ, причемъ—что всего интереснѣе и важнѣе—не эти послѣдніе искали его, а онъ ихъ. Случай этотъ рассказанъ намъ братомъ I. Д-ча П. Д-чемъ. Въ Субботу Великую, когда, кажется, только и помышлений у всѣхъ, чтобы получше приготовиться ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника (увы! въ данномъ случаѣ разумѣется, конечно, чисто матеріальная подготовка), у него были совсѣмъ другія заботы. «Пойдемъ—сказалъ онъ однажды именно въ этотъ день брату своему—въ Заиконоспасское Духовное Училище. Вѣроятно, оставшіеся на этотъ Свѣтлый Праздникъ мальчики сильно скучаютъ о родителяхъ и родномъ кровѣ». Когда оба брата прибыли въ училище, I. Д-чъ велѣлъ позвать въ себѣ всѣхъ мальчиковъ, оставшихся на Пасху. Онъ распросилъ всѣхъ ихъ о семейномъ положеніи, обласкалъ, далъ денегъ на гостивцы и наказалъ—непремѣнно заходить къ нему на домъ на

Пасхѣ. Къ такой же всеобъемлющей любви приучалъ онъ и всѣхъ дѣтей своихъ, за что и останутся они ему благодарны во всю свою жизнь.

Скажемъ нѣсколько словъ о религіозномъ настроеніи І. Д-ча. Онъ отличался какою-то особенною религіозною возвышенностію. Какъ мы уже видѣли изъ писемъ ученицъ его, онъ при преподаваніи Закона Божія заботился больше всего о томъ, чтобы изъ его ученицъ и учениковъ выходили христіане въ полномъ смыслѣ этого слова. Впечатлѣніе такого именно православнаго и истиннаго христіанина и даже «столпа православія» производилъ онъ и на своихъ слушателей и вообще всѣхъ знавшихъ его. І. Д-чъ былъ врагъ ханжества и лицемерія и такого пристрастія къ обрядности, когда изъ-за обрядовъ не хотятъ видѣть существа религіи. Поэтому онъ училъ создавать въ себѣ такое настроеніе, чтобы и въ словахъ и дѣлахъ, и мысляхъ нашихъ мы никогда не забывали самаго главнаго,—что мы—христіане. Въ особенности онъ былъ поборникъ истиннаго пониманія молитвы, — какъ свободнѣйшаго порыва нашей души къ Богу, который (порывъ) отнюдь не долженъ быть связанъ ни мѣстомъ (гдѣ молится человекъ), ни словами той или другой, значащейся въ книжкѣ, молитвы. Незабвеннымъ для всѣхъ насъ—членовъ семьи І. Д-ча—будетъ тотъ урокъ, который былъ преподаванъ І. Д-чемъ именно по этому вопросу одному изъ прислуживавшихъ ему во все время его тяжелой болѣзни сыновей его. І. Д-чъ разсказалъ (вычитанный имъ изъ одной книжки) слѣдующій случай. Одинъ архіерей спросилъ у священника, сколько времени употребляетъ онъ на подготовку къ литургіи. Священникъ отвѣтилъ: «часъ, а иногда и болѣе», очевидно, имѣя при этомъ въ виду вычитываніе такъ называемаго «правила» по книжкѣ. Преосвященный такъ именно и понялъ отвѣтъ священника и сказалъ: «это хорошо; а сколько времени посвящаетъ онъ на свою собственную свободную *бесѣду съ Богомъ?*» Батюшка недоумѣвалъ. Тогда архіерей разъ-

яснилъ ему, что именно въ свободной бесѣдѣ съ Богомъ—отъ всего сердца и своими словами—и должно заключать-ся настоящее приготовленіе къ совершенію Божественной Литургіи.—Лично мнѣ никогда не забыть подобнаго же урока, преподаваго І. Д-чемъ года за три до своей смерти. Я въ то время болѣлъ серьезной болѣзью, относительно которой никто не можетъ знать, чѣмъ она закончится, я—особенно въ началѣ болѣзни малодуше-ствовалъ. И вотъ пріѣхалъ ко мнѣ неощененный І. Д-чъ съ цѣлью, конечно, навѣститъ меня, а, съ другой сторо-ны, утѣшить, успокоить. Ахъ, что это былъ за утѣши-тель! Какъ сейчасъ помню, еще издали, не войдя еще въ мою комнату, онъ уже началъ своимъ обычнымъ добро-душнѣйшимъ тономъ говорить со мной, очевидно, имѣя въ виду предупредить всякое волненіе съ моей стороны. И что говорилъ? Это былъ поистинѣ голосъ опытнѣйшаго пастыря—мудреца. Конечно, теперь забыты мною слова его рѣчи, но сущность ея никогда не выйдетъ изъ па-мяти, — впечатлѣніе отъ этой рѣчи не изгладится. Онъ развивалъ свою обычную провиденціальную точку зрѣнія, но мысли его облечены были въ такую простую, убѣди-тельную и вмѣстѣ съ тѣмъ изящную форму, что послѣ его рѣчи чувствовалось совсѣмъ иначе,—совсѣмъ хорошо. Совѣтуя возложить все упованіе на Бога, І. Д-чъ ука-залъ также мнѣ и на необходимость молитвы, но не та-кой только, которая ищетъ себѣ опоры исключительно въ словахъ молитвъ, содержащихся въ молитвенникахъ, а и *своей собственной*, самостоятельно и отъ всего сердца со-ставленной молитвы. Конечно, такая свободная, отъ всего сердца возносимая Богу молитва—особенный даръ. Къ такой молитвѣ нужно долгое время пріучать себя. И—вѣрнѣе вѣрится мнѣ—І. Д-чъ былъ опытенъ въ этой мо-литвѣ.—Таковъ былъ І. Д-чъ, какъ христіанинъ.

Я не буду говорить здѣсь про него, какъ про пастыря церкви, чему отведено у насъ не мало мѣста въ III-ей главѣ. Сказанное тамъ пополнимъ лишь опубликованіемъ

одного случая, который может служить яркой характеристикой истинно-пастырской ревности І. Д-ча, для которого радость пасомыхъ была поистинѣ радостію и его самого, равно какъ и горе пасомыхъ—его горемъ. Въ одну субботу Великаго поста у одной причастницы украли шубу въ церкви. Это была бѣдная женщина, и горе ея было безпредѣльно. І. Д-чъ, какъ могъ, успокоилъ ее и записалъ ея адресъ. И вотъ на другой день—въ воскресенье—прихожане Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви услышали изъ устъ своего пастыря весьма прочувствованную проповѣдь, въ которой развивалась та мысль, что врагъ рода человѣческаго—дѣволъ, всегда смѣющійся надъ нашимъ спасеніемъ и готовый устраивать всевозможныя препятствіи въ дѣлѣ спасенія, вздумалъ посмѣяться надъ нашей приходской семьей и вчерашній день,—день радости для многихъ по случаю принятія Св. Христовыхъ Таинъ,—омрачилъ для одной изъ прихожанокъ сего храма большой печалью, внушивши какому-то несчастному человѣку злую мысль—похитить единственно цѣнное достояніе причастницы—ея шубу. «Дадимъ ли—говорилъ ораторъ—возможность врагу нашего спасенія торжествовать побѣду надъ нами? Да не будетъ!..» Проповѣдь заканчивалась приглашеніемъ прихожанъ, кто чѣмъ можетъ, посочувствовать горю бѣдной женщины. Пастырь самъ первый подписалъ посильную денежную лепту въ пользу пострадавшей прихожанки. Примѣру пастыря тотчасъ же послѣдовали и прихожане. Въ результатъ было собрано столько денегъ, что не только хватило ихъ на покупку новой шубы, а и осталось кое-что въ пользу бѣдной прихожанки.

Нужно ли говорить объ І. Д-чѣ, какъ о человѣкѣ, т.-е., описывать общее впечатлѣніе отъ него? Но эта своеобразная личность такъ живо представляется каждымъ изъ знавшихъ его, что, кажется, всякая попытка выразить въ словахъ это впечатлѣніе покажется неудачной. Поэтому то, что сейчасъ скажу, скажу единственно отъ се-

бя,—по своему собственному разумѣнію личности І. Д. ча. Это былъ человекъ очень свѣтлаго ума, большого образованія, остроумнѣйшій, добродушнѣйшій и доброжелательнѣйшій ко всѣмъ, недюжинный и неутомимый труженикъ, истинный пастырь словеснаго стада Христова, замѣчательный апологетъ, твердо и неустанно стоявшій на стражѣ истиннаго ученія Христова,—вообще же—по своему обычному душевному состоянію одинъ изъ тѣхъ поистинѣ счастливѣйшихъ людей, какихъ такъ мало бываетъ въ нашемъ мірѣ...

Свящ. Николай Луневскій.

Р Ъ Ч Ъ

къ воспитанницамъ Московской 4-й женской гимназіи,
окончившимъ курсъ ученія,
произнесенная на актѣ 30 мая 1909 года.

Итакъ, дорогія наши питомицы, вы оставляете училище, въ которомъ протекли ваши дѣтство и юность. Въ бесѣдахъ съ вами мы старались утвердить васъ въ истинахъ евангельскаго ученія и доброй нравственности. Напутствуя васъ всѣми благожеланіями, обращаюсь къ вамъ съ совѣтомъ: сохраните преданія, которымъ вы здѣсь были научаемы.

Вы знаете, нынѣ время опасное для вѣры. Безвѣріе съ ожесточеніемъ нападаетъ на церковь и христіанство. Не увлекайтесь разными ученіями отрицательнаго направленія.

Укажу вамъ на одну черту этихъ ученій: недолговѣчность. Эту участь раздѣляютъ и теоріи, считавшіяся въ свое время безспорными. Напримѣръ, есть пресловутая теорія Дарвина. Вы слышали о ней. Природа, учать послѣдователи этого ученія, образовалась изъ самой себя, безъ участія творческой силы. Развитіе жизни въ мірѣ совершается произвольно, начиная съ первоначальныхъ низшихъ формъ, переходящихъ въ болѣе сложные, совершенные организмы. Человѣкъ не созданъ по образу Божію, а выродился изъ животнаго. До послѣдняго времени въ наукѣ господствовало убѣжденіе въ этой теоріи, какъ непреложной истинѣ; многіе считали ее за аксіому.

А теперь большинство естествоиспытателей отшатнулось от этой теории и признает ее, какъ одну изъ гипотезъ смѣлыхъ, но не доказанныхъ. Знаменитый ученый Вирховъ, стоящій во главѣ естествоиспытателей, предсѣдательствуя на сѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ, торжественно заявилъ: «мы разбиты по всей линіи».

Итакъ, теоріи Дарвина предстоитъ забвеніе — общая участь заблужденія.

Это ученіе — матеріалистическое. Приведу вамъ другой примѣръ — теорія характера пантеистическаго. Въ прошедшемъ столѣтіи, особенно въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, чрезвычайно сильно было распространено ученіе нѣмецкаго философа Гегеля. Едва ли кто изъ философовъ пользовался такимъ уваженіемъ, какъ Гегель. Люди, побѣждаемые тонкостію его діалектики, предъ его авторитетомъ преклонялись такъ, какъ будто онъ рѣшилъ навсегда тѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ искони трудилось человѣчество. Увлеченіе теоріею Гегеля доходило до послѣдней крайности. Его почитали какимъ то мессіею. При погребеніи его пасторъ началъ свою рѣчь такимъ восклицаніемъ: «Der Christus ist gestorben! Der Ceder in Liban ist gefallen!»¹⁾ А теперь гдѣ Гегелианцы? Философія Гегеля уступила мѣсто другимъ, новымъ ученіямъ.

Замѣчательно, какъ самъ Гегель опредѣляетъ судьбу различныхъ философскихъ ученій. Остроумно онъ сравниваетъ участь ихъ съ участью, постигшею Ананію и Сапфиру, извѣстныхъ изъ исторіи Апостольской церкви. Какъ скоро является какая-либо новая теорія на смѣну прежней, говоритъ онъ, ее можно встрѣтить тѣми же словами, съ которыми Апостолъ Петръ обратился къ Сапфирѣ: *се нощ погребшихъ мужа твоего... и изнесутъ тя.*

Всѣ эти вѣковые вопросы, которые неотступно предстоятъ нашему сознанию, которыхъ мы не можемъ игнорировать, разрѣшить которые человѣчество усиливалось съ

¹⁾ Христось умеръ! Кедръ на Ливанѣ палъ!

первыхъ времяъ исторіи и въ религіозныхъ и философскихъ системахъ—вопросы о нашемъ происхожденіи и цѣли нашего существованія, откуда мы и куда идемъ, къ бытію или вѣчной смерти, какой смыслъ нашей жизни,—разрѣшаются только въ Божественномъ откровеніи. Никакая философія, никакая наука не даютъ на нихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Здѣсь онѣ безсильны.

Азъ есмь истина, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ. Тѣ, чего не могли разъяснить безчисленныя философскія разсужденія, открыто намъ въ Евангеліи; здѣсь во всѣхъ вѣкахъ находятъ успокоеніе и—высочайшую радость дѣши, ищущія Бога.

Оканчиваю краткую бесѣду съ вами словами Апостола: *никто же да прельщаетъ васъ философією или тщетною лестію по стихіямъ міра, а не по Христу.*

Прот. Д. Пивниукій.

ЖИЗНЬ ЗА ГРОБОМЪ.

(Современное чрезвычайное знаменіе милости Божіей, противоположное спиритическимъ ухищреніямъ).

Есть ли жизнь послѣ смерти? Съ разрушеніемъ тѣлеснаго матеріальнаго состава человѣка, съ превращеніемъ его въ землю, въ прахъ—уничтожается ли весь человѣкъ, или еще отъ него остается нѣчто, что продолжаетъ свое существованіе и послѣ разрушенія тѣла?—Вотъ вопросъ, который такъ мучаетъ издревле человѣчество и надъ разрѣшеніемъ котораго работали геніальные умы. Если со смертію все кончается, если съ прекращеніемъ біенія сердца все исчезаетъ для человѣка, то какъ это ужасно... Жить, жить, страдать, мучиться, наслаждаться лишь мгномъ измѣнчиваго счастья—и все для чего же?—только для того, чтобы превратиться въ ничтожество и прахъ! Что-же мы — игра страстей, случая, игра какихъ то безмысленныхъ силъ природы, которая зло смѣется надъ нами, посылая насъ въ міръ на страданія и горе, чтобы потомъ, вдоволь натѣшившись надъ нами, убить и уничтожить насъ, обративъ снова въ бездушную матерію? О, какъ, въ такомъ случаѣ, тяжела и безмысленна жизнь, и еще ужаснѣе — могила. Во мракѣ, въ холодѣ этой могилы погибнетъ все, все рухнетъ, все умретъ; тѣло разложится; черви съѣдятъ его, даже костей не останется со временемъ. Все, все погибнетъ...

Но какъ отраднo человѣку кончать свою земную жизнь, если онъ надѣется, что послѣ смерти его бытіе не прекратится. Если онъ вѣритъ, что матеріальная плоть не

составляетъ всего его существа, а что главная часть этого существа — есть нѣкоторое высшее начало, именно душа живая и разумная и, какъ противоположная разрушимой матеріи, — неуничтожимая, бессмертная, — тогда смерть тѣла только даетъ просторъ бездѣятельности духа. Человѣкъ отъ смерти переходитъ въ высшую стадію бытія, начинаетъ новую, болѣе совершенную бессмертную жизнь. Пусть нить тѣлесной жизни кончается; пусть, какъ отжившій и изношенный, матеріальный организмъ разрушится и превратится въ первоначальные атомы, пусть смертный сонъ смежаетъ очи; тѣло намучилось и настрадалось, износилось и изветшало, пусть земля возьметъ землю, но предъ угасающимъ взоромъ открываются врата вѣчности; душа вырывается изъ оковъ тлѣннаго и временнаго. Ей предносятся образы иного блаженнаго міра; она предвкушаетъ жизнь при свѣтѣ невечерѣющаго дня вѣчности.

Какъ ни ужасна первая мысль, а все же есть довольно сильная партія въ человѣчествѣ, которая проповѣдуетъ эту мысль, какъ откровеніе для человѣчества. Имя этому ученію—матеріализмъ. Матеріалисты именно утверждаютъ, что кромѣ матеріи нѣтъ ничего въ человѣкѣ. Душа?— что такое она? кто видѣлъ ее?—Душа есть выдумка человѣка, боящагося смерти. Души, какъ самостоятельнаго, разумнаго и бессмертнаго существа—нѣтъ. Человѣкъ есть всецѣло продуктъ матеріи и матеріальныхъ силъ природы. Со смертію и разрушеніемъ тѣлеснаго организма кончается для человѣка его существованіе. Далѣе—онъ превращается въ атомы первичной матеріи. Какимъ ужасомъ вѣетъ отъ конечныхъ выводовъ этого ученія! Какимъ могильнымъ мракомъ окружается будущее какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества!

Въ противоположность матеріалистамъ выступаетъ другая партія—спириты. Они болѣзненно-страстно хотятъ поднять загадочную завѣсу смерти и заглянуть чувственнымъ окомъ въ загробный міръ. Спириты признаютъ бытіе человѣка послѣ смерти, вѣрятъ въ возможность сно-

шенія съ умершими. Но странные способы существуютъ у нихъ для этого. Требуется темная комната; таинственная обстановка. Духи даютъ отвѣты на вопросы то постукиваніемъ ножекъ мебели, то чрезъ верченіе столика и т. п. Есть что-то непонятное, странное для здороваго ума человѣческаго какъ въ этихъ настойчивыхъ стремленіяхъ проникнуть въ загробный міръ, такъ и въ самыхъ способахъ сношенія съ духовнымъ міромъ (духами).

И въ то-же время, когда одни отрицаютъ всякую надежду на будущую жизнь, а другія до психическаго нервнаго разстройства стараются поднять завѣсу смерти, проникнуть въ потусторонній міръ, въ челоуѣчествѣ давно уже прозвучала великая проповѣдь, откровеніе Самого Сына Божія о безсмертіи и загробной жизни. «Азь есмь, возвѣстилъ Иисусъ Христось,—Азь есмь воскрешеніе и животь: вѣруай въ Мя, аще и умреть, оживеть. И всягъ живый и вѣруай въ Мя не умреть во вѣки». (Іоан. XI, 25). И когда партія саддукеевъ, не вѣровавшихъ ни въ воскресеніе, ни въ загробную жизнь, задавала Ему искушительные вопросы, Онъ отвѣтилъ имъ, что Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, такъ какъ у него всѣ живы. (Ев. Луки XX, 38).

Христіанство провозглашаетъ эту вѣчность, это безсмертіе души. Для вѣрующаго во Христа смерть—есть приобрѣтеніе, такъ какъ онъ разрѣшается отъ скорби и тѣсноты земной жизни, отъ болѣзней и немощей и переходитъ въ блаженную вѣчность. «Помяни меня, Господи, говорить кающійся разбойникъ, когда придешь въ царствіе твое. Аминь, слышится ему отвѣтъ Господа, днесъ со мною будешь въ раю».

Итакъ, мы, носящіе на себѣ святѣйшее имя Іисуса Христа, вѣримъ въ безсмертіе. Мертвые живутъ по волѣ Всемогущаго Творца и послѣ превращенія въ прахъ тѣлеснаго организма. Тѣло разрушается, но душа продолжаетъ существовать, сохраняя свои великія способности разума, чувства и воли.

По волѣ Того-же Всемогущаго Создателя міръ невидимый и видимый не разобщены, а соприкасаются другъ съ другомъ, какъ бы тѣсно и нераздѣльно связанные невидимыми духовными нитями. Господь—Высочайшій и Совершеннѣйшій Духъ, незримо царить надъ всѣмъ и всѣмъ управляетъ, близокъ отъ каждаго изъ насъ, близокъ къ душѣ каждаго человѣка, все слышитъ и видитъ, все знаетъ и всѣмъ помогаетъ, кто только призываетъ Его, ведя каждаго человѣка путями своего Своего непостижимаго Промысла.

Ангелы Божіи—суть духи, вѣчно служащіе людямъ на пути ко спасенію. Они невидимо охраняютъ насъ, ведутъ и помогаютъ всему доброму и святому, стараются удержать отъ худого и злого. Также и души умершихъ людей могутъ находиться въ непосредственномъ общеніи съ нами. Святые угодники слышатъ наши молитвы и сами молятся за насъ. За грѣшныхъ мы можемъ молиться сами, и уже наши молитвы помогаютъ имъ. По волѣ же Премудраго Творца, эти живыя души вступаютъ и въ видимое общеніе съ живущими людьми. Они могутъ по повелѣнію Божію являться къ намъ, принимая видимый образъ, могутъ говорить съ нами, дѣйствовать какъ и мы. Эти явленія бываютъ по особымъ случаямъ, когда путемъ такихъ необычныхъ событій Господь желаетъ что-либо совершить на землѣ, хотя бы эта цѣль была и непонятна ограниченному уму человѣка. И для взаимообщенія съ этимъ невидимымъ загробнымъ міромъ не надо никакого фокусничества, никакихъ ухищреній. Ни столъ, ни стулъ, никакая другая вещь, не откроютъ намъ двери къ этому взаимообщенію. Одна воля Божія да наша любовь и вѣра есть мостъ между видимымъ и духовнымъ міромъ, и если будетъ соизволеніе Творца, то явится и самъ умершій, предстанетъ какъ живой предъ плотскими очами человѣка.

Но гдѣ же доказательства этой жизни и этого взаимообщенія міровъ, спросятъ матеріалисты? Дайте намъ на:

лицо фактъ загробнаго существованія человѣка, и мы повѣримъ. Докажите реально и наглядно безсмертіе души. Пусть явится намъ хоть кто-нибудь изъ умершихъ, позвольте осязать его руками, касаться его, убѣдиться, что это не призракъ больного воображенія, что это не галлюцинаціи возбужденной фантазіи.

А что, спрошу я всѣхъ такихъ господъ, что если бы случился подобный фактъ, повѣрили бы вы тогда въ правоту и истинность христіанскаго догмата о безсмертіи? Что если бы въ отсутствіи отца умерла его дочь, причемъ онъ совершенно не подозрѣвалъ бы о ея смерти и гдѣ нибудь сидѣлъ за десятки верстъ отъ ея могилы и спокойно занимался, и вдругъ эта бы умершая дочь пришла къ нему, какъ живая, стояла бы около него, даже цѣловала бы его. Онъ разглядѣлъ бы ее до мелочей, даже увидѣлъ бы въ какомъ она была платьѣ, а потомъ узналъ бы, что ее похоронили въ этой самой одеждѣ и что она была у него въ самый день своего погребенія?

Что, спрашиваю я, если бы произошелъ такой фактъ—повѣрили бы вы, матеріалисты и спириты, въ истину безсмертія души и неложность христіанства?

Вамъ нуженъ такой фактъ, такое свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, такое осязательное доказательство загробной жизни,—такъ слушайте же.

Именно такой случай произошелъ въ наши дни невѣрія, въ дни увлеченія матеріализмомъ или болѣзнью спиритизма. Вотъ документъ, записанный со словъ очевидца моимъ духовнымъ отцомъ и врученный мнѣ для опубликованія, который я и привожу здѣсь цѣликомъ, не считая себя въ правѣ измѣнить ни малѣйшей іоты въ столь драгоценномъ документѣ.

«1909 г. марта 29, въ 1-ый день св. Пасхи учитель церковно-приходской школы въ селѣ Павловскихъ-Пустошахъ Александровскаго уѣзда, Владимірской губ. Евѣимій Ивановичъ Герасимовъ заявилъ старцу іеромонаху Алексію въ присутствіи духовника своего іеромонаха Діонисія

о слѣдующемъ: Въ сентябрѣ 1908 г. онъ отправился изъ села Неѣлова, гдѣ проживаетъ его семья, на обычныя свои учительскія занятія въ вышеупомянутое село Павловское, гдѣ при училищѣ находится его учительская квартира (въ 50 верс. разстоянія отъ Неѣлова). Числа 20-го октября его дочь Клавдія—5 лѣтъ отъ роду (очень понятливая, крѣпкаго сложенія) захворала коклюшемъ, заразившись отъ братьевъ, 22-го числа того-же мѣсяца въ день Казанской иконы Божіей Матери, она скончалась. Телеграмма, въ тотъ же день посланная къ Евѣимію Ив., своевременно не дошла до него. Вслѣдствіе чего Клавдія была похоронена безъ него въ пятницу 24 числа. Занимаясь въ этотъ день въ своей квартирѣ въ 6 час. вечера записью дневныхъ уроковъ въ полномъ уединеніи, онъ къ удивленію своему услышалъ голосъ Клавдіи, которая извѣстила его о своемъ прибытіи словами: «папаня, я къ тебѣ пришла въ Павловское». Евѣимій Иванычъ обратился къ двери, откуда послышался голосъ и видитъ ее стоящею среди комнаты. Онъ спросилъ ее: «съ кѣмъ ты пріѣхала»? Она отвѣтила: «я пришла пѣшкомъ одна».

Когда онъ подозвалъ ее къ себѣ, она съ улыбкою поцѣловала его въ губы, что онъ весьма явственно ощутилъ. Когда же онъ, направляясь въ сосѣднюю квартиру къ сторожу, приблизился къ ней, она внезапно исчезла на его глазахъ. Удивленіе его, равно какъ и сторожа, котораго онъ увѣдомилъ, еще болѣе увеличилось, когда и полученная 25 числа запоздалая телеграмма извѣстила его о ея смерти. 8 ноября Евѣ. Ивановичъ, навѣщая свою семью узналъ, что явленіе ему его дочери было въ самый день ея погребенія. Не мало подивился онъ и тому, что Клавдія явилась ему въ томъ самомъ платѣвъ мраморнаго цвѣта, въ которомъ была положена въ гробъ..

Дивны дѣла Твои, Господи!

Духовникъ іеромонахъ (Засимовой Пустыни) *Діонисій*.
Учитель Павловскаго училища *Евѣимій Герасимовъ*.

Что еще сказать? Самый фактъ не говоритъ ли самъ

за себя краснорѣчивѣе всякихъ словъ и объясненій? Жизнь, жизнь послѣ смерти, жизнь за гробомъ, безсмертіе души, даже возможность общенія съ умершими безъ всякихъ хитровыдуманныхъ приспособленій—вотъ что утверждаетъ этотъ фактъ. Онъ есть одно изъ неопѣнимыхъ доказательствъ истинности христіанской вѣры въ загробную жизнь. Здѣсь нѣтъ и тѣни спиритизма, или какихъ-либо болѣзненныхъ галлюцинацій. По словамъ старца Алексія, Евѳимій Ивановичъ—человѣкъ весьма серьезный, вдумчивый и осторожный. При записи этого его повѣствованія онъ вносилъ поправки, исправлялъ выраженія, если находилъ ихъ не совсѣмъ точными. Никакихъ признаковъ нервно-настроеннаго мозга, способнаго галлюцинировать, за нимъ незамѣтно. Самая обстановка факта явленія ему дочери не оставляетъ слѣда для какихъ-либо фантазировацій. Евѳимій Ивановичъ былъ за полсотни верстъ отъ дома. О болѣзни и смерти дочери онъ не только не зналъ, но очевидно и не думалъ въ данную минуту. Его мозгъ былъ занятъ другой умственной работой—онъ велъ записку уроковъ въ классномъ журналѣ. Значитъ въ его умѣ не могло быть никакихъ фантастическихъ представленій, никакой возбужденной настроенности воображенія. Мысль его направлялась на прозу реальной жизни, на его учительскія обязанности, на записку пройденныхъ имъ со школьниками уроковъ. Явленіе же ему дочери было столь живо и ясно, что онъ разглядѣлъ даже ея платье, говорилъ съ нею, получалъ отвѣты, цѣловалъ ее, ощущая на губахъ слѣды ея прикосновеній. И почему онъ увидалъ ее не въ какой-либо другой одеждѣ, а въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ ее похоронили?—Почему явленіе покойницы произошло не въ иной день, а въ день ея погребенія???. Нѣтъ, здѣсь ни случай, ни спиритизмъ, ни галлюцинація настроеннаго на извѣстный ладъ воображенія. Здѣсь душа подала о себѣ вѣсть близкому и дорогому человѣку. Для души, какъ и для любви—нѣтъ разстояній, нѣтъ границъ времени и мѣста. Здѣсь, очевидно, душа умершей

дѣвочки, по непостижимой волѣ Всемогущаго Творца и Господа всего видимаго и невидимаго, — явилась своему отцу, свидѣтельствуя предъ очами живыхъ христіанскую истину загробнаго бытія.

Всякій непредубѣжденный здравомыслящій человѣкъ можетъ не иначе сказать объ этомъ событіи, что «это непостижимо, что здѣсь совершилось что-то непонятное для обыкновеннаго человѣческаго ума, что-то высшее нашего сознанія и пониманія, нѣчто необыкновенное, дивное, чудное». А если разумный человѣкъ не станетъ сознательно и упорно отвращаться отъ истинъ христіанской вѣры, онъ долженъ сознаться: «Да этотъ фактъ свидѣтельствуется истину ученія христіанскаго о безсмертіи души и говоритъ также противъ упорно жесткаго материализма и противъ нервозно болѣзненнаго спиритизма, страстно желающаго вызвать душу умершаго при помощи бездушныхъ вещественныхъ предметовъ». Дѣйствительно, душа умершаго можетъ явиться въ видимомъ образѣ только по волѣ Всемогущаго ея Создателя, обладающаго живыми и мертвыми, Бога духовъ и всякія плоти. О, если бы невѣрующіе хоть немного раскрыли глаза въ своемъ самоусыпленіи и яснымъ окомъ взглянули бы на это фактъ! Можетъ быть они хоть отчасти познали бы смыслъ и силу словъ Іисуса Христа, что Онъ есть воскресеніе и жизнь, и вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную.

Сергій Голощановъ.

НЕУМНАЯ ФАНТАЗИЯ.

(„Сынъ человѣческой“ разсказъ Леонида Андреева) ¹⁾.

Говорятъ, что совершившихъ преступленіе тянетъ къ тому мѣсту, гдѣ преступленіе совершено. Говорятъ также, что и людей, бывшихъ раньше счастливыми, тянетъ туда, гдѣ они испытали счастье. Нѣчто подобное приходитъ на умъ при чтеніи нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ произведеній Леонида Андреева. Этотъ писатель, изобрѣтающій для своихъ разсказовъ и піесъ все болѣе и болѣе замысловатыя темы и вычурные, и необыкновенные сюжеты, обнаруживаетъ въ послѣднее время какое-то болѣзненное тяготѣніе къ религіознымъ сюжетамъ и не стѣсняется затрогивать въ своихъ произведеніяхъ священнѣйшіе вопросы и выводить священнѣйшихъ лицъ и въ этомъ духѣ написалъ уже нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ и весьма напущившихъ вещей. То же мы находимъ и въ новомъ его разсказѣ, подѣ необычнымъ, по обыкновенію, въ послѣднихъ его вещахъ, заглавіемъ «Сынъ человѣческой».

Выраженіе «сынъ человѣческой» употребляется въ священномъ писаніи въ разныхъ значеніяхъ. Такъ называются тамъ люди вообще и даже грѣшники. Такъ многократно называетъ Богъ пророка Іезекиіля. Но такъ же по смиренію называетъ Себя въ Евангеліи и Самъ Господь Іисусъ Христосъ, и съ этого времени выраженіе это становится священнымъ. Нашимъ же авторомъ оно, очевидно, употреблено, по его обыкновенію, для того чтобы

¹⁾ Альманахъ „Шиповникъ“ книга IX. Спб., 1909 г.

дать разсказу громкое и необычное заглавіе ¹⁾, хотя бы, какъ говорится, и ни къ селу, и ни къ городу. Употребленіемъ же въ совершенно неподходящихъ случаяхъ священныхъ выраженій современные писатели вообще не стѣсняются.

Уже и раньше, въ піесѣ «Савва», основаніемъ для разсказа, по обычаю, фантастическаго и неправдоподобнаго, послужило для Л. Андреева дѣйствительное событіе, имъ, по обыкновенію, офантазированное и искаженное. Нѣчто подобное, повидимому, и здѣсь. Года два или три назадъ всѣ газеты обошло извѣстіе о неслыханномъ случаѣ перехода священника въ магометанство, имѣвшемъ мѣсто въ Уфимской, кажется, губерніи. Церковныя газеты, собравъ надлежащія справки, тогда же разъяснили, что священникъ этотъ, родомъ вотякъ, возможенъ былъ только въ такомъ захолюстѣи и попалъ въ священники только по недоразумѣнію, что онъ отличался такимъ ничтожнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и такимъ малымъ пониманіемъ христіанской вѣры, что съ объявленіемъ религіозной и вѣроисповѣдной свободы окончательно подпалъ подъ вліяніе своихъ сородичей язычниковъ и рѣшился на безпримѣрное для священника и страшное дѣло—отпаденія отъ христіанства. Повидимому, этотъ случай и вдохновилъ на этотъ разъ нашего автора, но—какъ и въ какомъ видѣ онъ его изображаетъ, это мы увидимъ при разборѣ самаго разсказа.

«Въ одномъ великорусскомъ небогатомъ селѣ жилъ старенькій шестидесятилѣтній попъ (—протоіерей ²⁾), какъ

¹⁾ Чтобы оправдать такое заглавіе, авторъ все-таки втискиваетъ въ разговоръ дьякона съ о. Иваномъ такія нелѣпныя слова:

— „О. Иванъ, о. Иванъ—тоскуетъ дьяконъ—почто возстали вы на сыновъ человѣческихъ?“

— Я самъ „сынъ человѣческой“—отвѣчаетъ о. Иванъ.

²⁾ Незнаніе изображаемаго быта сказывается сразу: простой сельскій священникъ, не только ничѣмъ не выдающійся, но еще состоящій на замѣчаліи у своего начальства, едва ли могъ къ пятидесяти годамъ быть протоіереемъ.

увидимъ ниже), по имени о. Иванъ Богоявленскій. О томъ, какъ началась его жизнь, о годахъ его дѣтства и юности не могъ бы разсказать никто: самъ онъ, за давностью лѣтъ, все перезабылъ, а жена и дѣти, родственники и знакомые просто ничего не знали. И выходило такъ, будто у его жизни совсѣмъ не было начала—какъ не будетъ, вѣроятно, и конца. На коридоръ была похожа его жизнь, на длинный коридоръ, въ которомъ множество глухихъ дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то и хоронитъ въ тишинѣ. И чѣмъ дольше жилъ о. Иванъ, тѣмъ больше отдалялся онъ отъ людей и даже отъ самого себя. Когда-то ему казалось, что его знаютъ всѣ люди, весь міръ знаетъ его, и даже Самъ Богъ внимательно слѣдитъ за нимъ треугольниками Своихъ очей; но вотъ прошло время, и его перестали знать.. Главною причиною было то, что всѣ поступки его были не такіе, какіе надо, и всѣ слова его были не тѣ, какія надо; но объ этомъ никто догадаться не могъ, а самъ онъ, если и являлось желаніе, такъ все же разсказать не умѣлъ: не было словъ, какія нужны для такого страннаго и страшнаго разсказа».

Кто изъ читавшихъ Леонида Андреева не узнаетъ въ этихъ строкахъ автора «Жизни Василія Оивейскаго»? Удивительно повторяется нашъ авторъ. И та же вычурность и неестественность разсказа, и тѣ же тщетныя и неудачныя попытки покрыть таинственностью и окутать мистическимъ ужасомъ самыя обыкновенныя и простыя житейскія вещи. И прежде всего, если бы въ самомъ началѣ разсказа не было ясно сказано о возрастѣ отца Ивана, читатель непременно долженъ былъ бы подумать, что ему, навѣрное, перевалило ужъ за сто, такъ какъ онъ уже забылъ и о своемъ происхожденіи, и о своихъ дѣтствѣ и юности. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, шестидесятилѣтній и, вдобавокъ священникъ, человекъ по меньшей мѣрѣ грамотный и всю жизнь имѣющій дѣло съ метрическими книгами, могъ забыть о своемъ происхожденіи и дѣтствѣ?

Да если бы это и случилось на самомъ дѣлѣ,—при каждой церкви существуютъ и ведутся клировыя вѣдомости, гдѣ ясно и точно обозначаются и происхожденіе, и лѣта, и образованіе, и семейное положеніе, и всѣ важнѣйшія официальные обстоятельства каждаго члена причта. Да, наконецъ, не очень далеко отъ отца Ивана живетъ и у него бываетъ его школьный товарищъ, тоже священникъ. —Перейдемъ къ продолженію разсказа.

Наружность о. Ивана—весьма неказистая, нравственная же фізіономія изображается въ разсказѣ въ самомъ неприглядномъ видѣ; особенно отмѣчаются въ немъ—злость, своеправіе и упрямство. Еще за десять лѣтъ до начала разсказа, когда его старшій сынъ былъ уже священникомъ, и онъ имѣлъ уже внуковъ, онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, захотѣлъ перемѣнить фамилію и усердно, хотя и неудачно, хлопоталъ объ этомъ. Объяснить своего желанія онъ все-таки не могъ.—«Какой же я Богоявленскій—говорилъ онъ, раздраженно пощипывая бородку, но болѣе обстоятельнаго объясненія представить не умѣлъ». И хотя при этомъ ехидно писалъ въ прошеніи, что въ назначеніи ему новой фамиліи полагается на мудрость начальства, но въ душѣ твердо рѣшилъ отказаться отъ всякой предложенной ему фамиліи и просить себѣ въ качествѣ фамиліи пятизначное число, послѣднюю цифрою котораго было бы 9. Въ прошеніи отцу Ивану, разумѣется, было отказано. Тогда онъ сталъ было подписываться въ служебныхъ бумагахъ, «протоіерей Иванъ Богоявленскій по принужденію». Но, получивъ строгій выговоръ, отказался отъ этой дерзости.

Но на этомъ странности отца Ивана отнюдь не кончились. Будучи очень скупъ, онъ тѣмъ не менѣе купилъ себѣ граммофонъ и къ нему—исключительно свѣтскую музыку, разсказы изъ еврейскаго и армянскаго быта и отчаянно-пронзительныя еврейскія погребальныя мелодіи и заводилъ этотъ граммофонъ исключительно по ночамъ. Отъ граммофона едва не сошелъ съ ума дьяконъ, вооб-

разившій, что у граммофона есть душа (объ этомъ, впрочемъ, серьезно размышлялъ и самъ отецъ Иванъ), и мучительно терзавшійся мыслью, можетъ ли играть граммофонъ «подъ невиннаго младенца» и даже «подъ святого угодника»¹⁾.

Между тѣмъ отецъ Иванъ съ каждымъ почти днемъ становился все болѣе страннымъ. Сталъ вмѣсто подрясника носить какой-то полосатый татарскій халатъ; вдругъ забросилъ граммофонъ, а потомъ подарилъ его дочери; дѣлалъ странныя распоряженія по хозяйству; а съ объявленіемъ вѣротерпимости, къ величайшему смущенію дьякона, коротко подстригъ усы; потомъ отправилъ—уже не прошеніе, а дерзкое и заносчивое письмо объ отѣвѣ фамиліи; наконецъ, послалъ заявленіе, что «по требованію совѣсти своей и на основаніи указа, онъ желаетъ перейти въ магометанство».

Поднялся переполохъ. Отовсюду съѣхались увѣщатели-священники, даже съ дьяконами; нѣтъ только того, кто прежде всѣхъ другихъ долженъ бы былъ явиться въ этомъ случаѣ—ближайшаго начальника о. Ивана—благочиннаго. Очевидно, о благочинныхъ нашъ авторъ не имѣетъ никакого представленія. Съѣхавшіеся охаютъ и совѣщаются, а отецъ Иванъ сидитъ за перегородкой и злобно прислушивается къ тому, что говорятъ въ залѣдѣ, и потомъ вдругъ посылаетъ къ писарю за бритвою, чтобы обриться. Немногихъ рѣшившихся проникнуть къ нему за перегородку, онъ, послѣ короткой бесѣды, выгоняетъ вонъ, а сына, въ противоположность отцу, упитаннаго и начинающаго уже входить въ моду городского священника,

¹⁾ Дьяконъ, въ противоположность о. Ивану, представленъ въ разсказѣ человѣкомъ добрымъ и деликатнымъ, хотя и крайне глупымъ. Любопытно, что всѣхъ трехъ, выводимыхъ въ своихъ разсказахъ дьяконовъ (въ „Жили-были“, „Жизнь Василя Фивейскаго“ и „Сынъ человѣческій“), въ противоположность священникамъ, нашъ авторъ представляетъ людьми добрыми и деликатными. Неизвѣстно, чѣмъ дьякона заслужили такое вниманіе съ его стороны.

къ величайшему его отчаянію, предаеть даже проклятію. Разсказъ кончается тѣмъ, что изъ губернскаго города «на тройкѣ съ колокольцами» прїѣзжаетъ чиновникъ (выдумка — добавимъ отъ себя—нелѣпая: въ подобномъ случаѣ никакого чиновника на тройкѣ съ колокольцами никто къ о. Ивану посылать не сталъ бы, а просто потребовали бы его въ консисторію на увѣщаніе; въ самомъ крайнемъ случаѣ обратились бы къ содѣйствию гражданской власти) и увозить отца Ивана съ собою, причемъ о. Иванъ обнаруживаетъ полнѣйшее равнодушіе и нисколько не противится тому, что съ нимъ дѣлають.

Прочитавъ разсказъ, намъ кажется, всякій читатель съ недоумѣніемъ спросить: зачѣмъ этотъ разсказъ написанъ и въ чемъ его смыслъ? Вѣдь если бы авторъ изобразилъ хоть дѣйствительный случай,—попробовалъ бы воссоздать тотъ психологическій процессъ, тѣ колебанія (вѣдь не можетъ же быть, чтобы ихъ совсѣмъ не было), какія предшествовали переходу упомянутаго священника въ магометанство, тогда его разсказъ имѣлъ бы все-таки значеніе, какъ попытка воспроизвести жизнь, дѣйствительно бывшее, но вѣдь и этого нѣтъ: основаніе для разсказа — отпаденіе священника въ магометанство—правда, существуетъ, но произошло это во всякомъ случаѣ совершенно не такъ, какъ это происходитъ у нашего автора. Авторъ выводитъ человѣка завѣдомо ненормальнаго, даже полусумасшедшаго (ненормаленъ не только о. Иванъ, но даже и дьяконъ—последній, впрочемъ, не столько ненормаленъ, сколько прямо нелѣпъ), но—вѣдь мало ли что можетъ надѣлать сумасшедшій, и какое до этого дѣло художественной литературѣ? Сумасшедшій можетъ накуралесить невѣдомо что (на то вѣдь онъ и сумасшедшій), но вѣдь это—матеріалъ для газетной хроники, для отдѣла происшествій—объ этомъ поговорятъ день, много два, и перестануть—а ужъ отнюдь не художественной литературы. Задача этой послѣдней совсѣмъ иная,—изображать правду жизни, вѣковѣчное, обще-

человѣческое, или по крайней мѣрѣ, общенациональное. Вѣдь тѣмъ-то и велики великія литературныя произведенія и великіе писатели, тѣмъ-то и великъ, напр., нашъ Гоголь, что его типы и герои настолько жизненны, изображаютъ настолько постоянныя и общія намъ качества и настолько живо и вѣрно, что и по сей день дѣйствительность дарить насъ типами, какъ будто только вчера срисованными имъ съ природы. Поэтому такіе писатели и ихъ произведенія и называются бессмертными, что они не умираютъ въ памяти народной. Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ въ разныхъ варіаціяхъ существуетъ у всѣхъ народовъ и всегда будетъ интересна и понятна даже для самыхъ маленькихъ дѣтей всѣхъ національностей, такъ какъ въ ней изображаются вѣковѣчныя и общечеловѣческія черты. Происхожденіе подобнаго разсказа только и можно объяснить страстнымъ желаніемъ написать что-нибудь такое донельзя неправдоподобное и фантастическое, чтобы хоть этимъ продолжать обращать на себя вниманіе и поддержать начинающую уже падать литературную шумиху вокругъ своего имени. Здѣсь авторъ столь же несуразенъ, какъ и его герой. И мы не стали бы даже упоминать о такомъ разсказѣ, если бы не знали очень хорошо, что онъ, какъ и всякое новое произведеніе Леонида Андреева, все же возбудить шумъ, что онъ такъ близко касается православнаго русскаго духовенства, да еще въ такомъ модномъ, злободневномъ вопросѣ, что этимъ разсказомъ и его несуразнымъ героемъ будутъ, выражаясь вульгарно, тыкать въ глаза духовенству и что поэтому послѣднему, да и всѣмъ равнодушнымъ еще къ церкви нужно быть знакомыми съ подобными вещами, чтобы знать, что на нихъ отвѣтить, и не быть захваченными врасплохъ.

И въ этомъ разсказѣ не мало того символизма, таинственности и вычурности языка, какими переполнена «Жизнь Василія Өивейскаго». Разсказъ вообще представляетъ собою блѣдную копію послѣдней. Нѣкоторые разговоры дьякона съ о. Иваномъ близко напоминаютъ собою діалоги

сумасшедшихъ Тюхи и Сперанскаго въ «Саввѣ». Несобразностей—немало. Такъ напр., уже изъяснившій желаніе перейти въ магометанство о. Иванъ приходитъ въ невыразимый ужасъ и смятеніе при безумномъ предположеніи дьякона ¹⁾, что изъ граммофона можетъ слышаться даже «веземной голосъ Исуса Спасителя... голосъ, слышать который не можетъ, не смѣетъ, не долженъ человекъ иначе, какъ въ часъ смертный, передъ святыней смерти и души окрыленной»...—Отношеніе къ духовенству вообще въ разсказѣ—самое отрицательное.

Свящ. Н. Колосовъ.

¹⁾ ...„ужасной, недопустимой, всѣ основы правды потрясающей возможности“... Замѣчательно все-таки это невольное благоговѣніе предъ Спасителемъ, котораго не можетъ скрыть здѣсь авторъ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ ФИЛИППО-ИРАНСКОЙ ПУСТЫНИ,
ЧЕРЕПОВЕЦКАГО УЪЗДА, НОВГОРОДСКОЙ ГУБ.

I.

Мѣсто и время основанія пустыни.

Восхитительную картину природы представляетъ въ настоящее время мѣстность, 400 лѣтъ тому назадъ по указанію Божіей Матери избранная преподобнымъ Филиппомъ, искавшимъ уединенія для своихъ молитвенныхъ подвиговъ.

Тихо шумить вѣковой сосновый боръ. Кажется, что никто, ни одинъ человѣкъ, не тревожилъ еще своимъ присутвіемъ этихъ могучихъ сосенъ, горделиво поднимающихъ свои зеленыя вершины къ небу. Какъ хорошъ и гармониченъ міръ звуковъ, наполняющихъ лѣсъ; какое спокойствіе сходитъ въ душу въ этомъ мірѣ природы.

Далеко дорога лежитъ среди дикаго лѣса. Наконецъ, передъ взоромъ путника развертывается чудная картина: небольшая равнина, со всѣхъ сторонъ окруженная какъ бы стѣной изъ сосенъ - великановъ. Среди равнины, за бѣлыми стѣнами — оградой, возвышается колокольня и церкви святой обители преподобнаго Филиппа, Иранскаго чудотворца.

Троицкая Филиппо-Иранская пустынь расположена на правомъ берегу рѣки Андоги, въ мѣстности, называемой

«Красный Боръ». Кромѣ рѣки Андоги пустынь омывается двумя рѣчками: малымъ Ираномъ съ запада и большимъ Ираномъ съ востока. Основана въ 1517 году, въ царствованіе великаго князя Василія Іоанновича, преподобнымъ Филиппомъ, однимъ изъ учениковъ преподоб. Корнилія Комельскаго.

II.

Краткое описаніе жизни преподобнаго Филиппа.

Преподобный Филиппъ Иранскій (въ мірѣ Теофилъ) родомъ изъ крестьянъ Вологодской губерніи. Родился въ 1482 году. Оставшись сиротою послѣ смерти своихъ благочестивыхъ родителей,—съ малыхъ лѣтъ обнаруживалъ въ себѣ стремленіе къ праведной жизни. Такъ, будучи отрокомъ, онъ пришелъ въ предѣлы Вологодскіе къ обители Комельской преподобнаго Корнилія и, питаясь именемъ Христовымъ, жилъ у боголюбивыхъ людей, пріютившихъ его за его скромность, строгое воздержаніе и труды. Узнавъ о томъ, преподобный Корнилій позвалъ Теофила къ себѣ и, прозрѣвъ въ немъ сосудъ, избранный Господу, принялъ его въ монастырь. Теофилу было тогда 12 лѣтъ отъ роду. Проживъ въ обители 3 года, Теофилъ былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Филиппа, и преподобный Корнилій поручилъ его опытному иноку Флавіану, искусному въ божественномъ писаніи, и тотъ научилъ его чтенію, пѣнію и всему, что было полезно душѣ его.

Филиппъ со смиреніемъ трудился то въ пекарнѣ, то въ поварнѣ, нося воду и дрова,—днемъ служа братіи, а ночью стоя на молитвѣ, и такъ трудился многіе годы. По просьбѣ братіи Филиппъ былъ поставленъ іеромонахомъ. По своей скромности блаженный огорчился этимъ назначеніемъ, считая себя недостойнымъ: «горе тебѣ, Филиппе: ты ужь принялъ похвалу отъ лица человекѣвъ, какое же возмездіе получишь въ день судный отъ Господа своего?»

Считая недостаточнымъ для духовнаго совершенствованія свои подвиги въ обители, Филиппъ пожелалъ удалиться въ пустыню, и преподобный Корнилій одобрилъ его намѣреніе. 15 лѣтъ протекло уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ подвизался въ обители Корниліевой; онъ прилежно началъ просить Божию Матерь указать ему мѣсто для уединенія. Молитва его была услышана: во время пѣнія канона Одигитріи Филиппъ услышалъ голосъ: «иди отсель, возлюбленный рабъ мой, на уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ можешь спастися».

Въ другой разъ услышалъ онъ тотъ же небесный голосъ, молясь въ храмѣ глубокой ночью, и немедленно оставилъ обитель. Мимо Вологды прошелъ онъ сперва въ монастырь Спасокаменскій, что на Кубенскомъ озерѣ, и отдохнувъ тамъ у инока Германа, снова пустился въ путь, обходя многія веси и пустыни, ища себѣ мѣста успокоенія.

Такъ достигъ онъ предѣловъ Бѣлозерскихъ. Тамъ на берегу рѣки Андоги нашелъ онъ уединенный боръ. Когда онъ подъ развѣсистой сосною опочилъ отъ трудовъ, въ сонномъ видѣніи явился ему ангелъ и сказалъ: «здѣсь приготовлено тебѣ мѣсто Господомъ».

Мѣстность, указанная блаженному, принадлежала въ то время князю Андрею Шелешнонскому, къ которому Филиппъ и обратился съ просьбой уступить ему мѣсто около уединенной сосны. Благочестивый князь самъ посохомъ своимъ очертилъ участокъ отъ рѣки Андоги къ малому Ирану, гдѣ преподобный ископалъ ровъ по чертѣ и устроилъ малый вертепъ, гдѣ началъ жительствовать, молясь непрестанно Святой Троицѣ.

Братъ князя Андрея, Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался на Филиппа и сказалъ брату: «ты пустилъ его, а у меня не спрашивался; ѣду изгнать его и не позволю ему тутъ жить».

Напрасно Андрей удерживалъ брата не дѣлать зла святому мужу; Іоаннъ не послушалъ, осѣдлалъ коня и по-

гналъ его въ пустыню. У малаго Ирана внезапно конь его, разъярившись, закусилъ удила, понесъ обратно въ село и тамъ у церкви Святителя Николая сбросилъ съ себя сѣдока. При паденіи князь ударился о камень и умеръ; конь же побѣжалъ дальше, запутался въ чащѣ лѣса между деревъ и удавился. Послѣ этого случая князь Андрей пожаловалъ Филиппу участокъ земли между большимъ и малымъ Иранами на поминъ души погибшаго брата.

Съ тѣхъ поръ Филиппъ началъ спокойно жить и поставилъ сначала часовню во имя живоначальной Троицы, а для себя келлію. Спустя нѣкоторое время, при помощи благочестивыхъ людей была устроена церковь во имя Св. Троицы. Такъ было положено начало пустыни.

Повсюду пронеслась молва о жителствѣ преподобнаго, и народъ началъ туда стекаться для молитвы и поученій.

При непрестанномъ подвигѣ не оскудѣвали кротость и смиреніе; никто не видалъ Филиппа въ мірскихъ домахъ ищущимъ себѣ успокоенія, но съ ангелами ликовалъ онъ въ пустынѣ, питаясь хлѣбомъ и водою. Много искушеній злого духа претерпѣлъ преподобный, но противъ нихъ укрѣпился онъ благодатію Духа Святаго, взывая къ нимъ: «отступите отъ меня всѣ, творящіе беззаконія». 15 лѣтъ провелъ такимъ образомъ въ пустынѣ св. Филиппъ и до такой степени изнурилъ себя постомъ, что уже почти не могъ вкушать хлѣба, ни входить въ церковь, не измѣняя, однако, своего правила, въ ожиданіи блаженнаго успокоенія.

14 ноября 1527 года, на память ангела своего, апостола Филиппа, преподобный скончался на глазахъ ученика своего Германа и былъ погребенъ на берегу рѣки тамъ, гдѣ самъ указалъ для себя мѣсто. Вскорѣ послѣ его кончины устроилась обитель иноческая на мѣстѣ его подвига, и тамъ доселѣ почиваютъ подъ спудомъ честныя его мощи, отъ которыхъ не перестаютъ истекать исцѣленія.

III.

Краткія свѣдѣнія изъ исторіи Филиппо-Иранской пустыни.

Весьма скудныя свѣдѣнія имѣются о существованіи пустыни въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

Нашествіемъ Литвы, бродившей шайками по Бѣлозерскому краю, между 1611 и 1618 годами, пустынь была «пожжена и разорена, тоѣмо церкви сохранились».

Преданіе говоритъ: когда Литовцы, подстрекаемые любопытствомъ, пожелали убѣдиться, дѣйствительно ли погребеньъ преподобный на указанномъ мѣстѣ, и пытались разрушить полъ церкви, надъ его мощами, то внезапно были опалены огнемъ, исшедшимъ отъ гроба преподобнаго.

Въ церкви Пресвятыя Троицы надъ ракою написанъ ликъ преподобнаго, по его явленію старцу Θεодосію въ той-же пустыни. Θεодосій долгое время болѣлъ ногою и не могъ выходить изъ келліи; онъ началъ молить объ исцѣленіи Пресвятую Троицу, призывая на помощь отца Филиппа. Въ день Покрова Богородицы явился ему во снѣ преподобный и велѣлъ написать свою икону, чтобы положить ее на ракъ, обѣщая ему благодать Божію. Проснувшись, Θεодосій, не чувствуя никакой болѣзни, ступилъ на ногу и самъ пришелъ въ церковь. Исполняя завѣтъ преподобнаго, онъ заказалъ иконописцу написать икону съ древняго образа св. Филиппа и возложить ее на ракъ. Тотъ же старецъ Θεодосій, страдавшій въ другое время внутреннею болѣзнию, получилъ исцѣленіе чрезъ св. Филиппа и ради сего исцѣленія—по повелѣнію преподобнаго соорудилъ храмъ во имя Пресвятой Троицы. Нѣсколько другихъ исцѣленій записано въ обители, которыя всѣ свидѣтельствуютъ о святости угодника Божія преподобнаго Филиппа, прославленнаго отъ Господа.

Устроеніе обители преподобнаго Филиппа быстро подвинулось впередъ, когда она въ 1688 году была припи-

сана грамотою Патріарха Іоакима къ Патріаршему Воскресенскому монастырю, бывшему въ Череповцѣ. Изъ этой грамоты въ первый разъ узнаемъ, что пустынь преподобнаго Филиппа была полнымъ монастыремъ, съ братією и строителемъ. Строитель Гурій и черный священникъ Нифонтъ съ братією писали Патріарху: «пустыня, де, у нихъ беззаступная отъ стороннихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ и отъ ихъ людей и крестьянъ, въ земляхъ и во всякихъ угодьяхъ разорена безъ остатку и оборонить, де, тое пустыню и закрѣпостить за нихъ некому», и просили Патріарха пустыню взять за себя, къ домовому его Воскресенскому Череповецкому монастырю; «чтобы той пустынь отъ стороннихъ обидъ и налоговъ въ конечномъ разореніи не быть».

Съ этихъ поръ Троицкая Филиппо-Иранская пустынь, ставъ приписной къ Воскресенскому Череповецкому монастырю, вмѣстѣ съ нимъ состояла сначала въ вѣдѣніи патріарховъ, потомъ святѣйшаго Синода, а послѣ—Вологодскихъ епископовъ, пока пустынь и монастырь по штатамъ 1764 года, не были упразднены. .

За все время, протекшее отъ приписки пустыни къ Череповецкому Воскресенскому монастырю до упраздненія ея,—извѣстны только слѣдующіе строители:

Іеромонахъ Гурій (1688 г.).

Іеромонахъ Ѳеодосій Раменскій (1696 г.).

Старець Гурій 2-й.

Іеромонахъ Филаретъ Озатскій (1699 г.).

Іона Поморець (1725 г.).

Іона Андожскій (1735 г.).

Въ 1699 году, при строителѣ Филаретѣ Озатскомъ, вмѣсто деревянной Троицкой церкви была выстроена каменная. Въ 1725 году, при строителѣ Іонѣ Поморцѣ—отлить колоколь, а въ 1735 году была сложена каменная Казанская церковь вмѣсто деревянной.

При учрежденіи монастырскихъ штатовъ въ 1764 году, Троицкая Филиппо-Иранская пустынь вмѣстѣ съ Черепо-

вѣдкимъ Воскресенскимъ монастыремъ была упразднена, и монашествующая братія вытребована въ Вологодскую консисторію (тогда Бѣлозерскій край принадлежалъ къ Вологодской епархіи) и распредѣлена по Вологодскимъ монастырямъ, а къ пустыни опредѣленъ приходскій священникъ Іоаннъ Кирилловъ съ причтомъ.

Пустынь существовала упраздненной 28 лѣтъ. Въ 1792 году изволеніемъ Божиимъ сгорѣла до тла Ворони-на Успенская Богородицкая пустынь, находившаяся въ 13 верстахъ отъ города Череповца, къ югу, по Пошехонской дорогѣ. Эта пустынь по благословенію Всерос-сійскаго Митрополита Данила была основана въ 1524 году монахомъ, по прозванію Ворона.

Послѣ пожара братія осталась безъ пріюта, почему Гавріиль, митрополитъ Новгородскій, указомъ 7-го октября 1792 года повелѣлъ перевести настоятеля Ворониной пу-стыни съ братією въ упраздненную Филиппо-Иранскую пустынь.

Вмѣстѣ съ указомъ, возобновившимъ Филиппо-Иранскую пустынь, митрополитъ Гавріиль далъ для нея «правила общежитія»,—по уставу преподобнаго Θεодосія Печерскаго, гдѣ между прочимъ сказано:

1) Во главѣ общежительнаго монастыря стоитъ настоя-тель, управляющій монастыремъ съ участіемъ старшей братіи: казначея, благочиннаго, эконома и ризничаго.

2) Братія между собою должна быть единомушна, имѣть общую трапезу, одежду и обувь.

3) Не пить хмѣльныхъ напитковъ, не быть праздными, а заниматься рукодѣліями.

4) Пѣнію быть столповому и чтенію единогласному, не смѣшанному; правило келейное имѣть общее въ церкви.

На основаніи этихъ правилъ пустынь управляется и до настоящаго времени. Много способствовали устроенію общежительныхъ порядковъ въ пустыни бывшій благочин-ный (съ 1799 года) окружныхъ монастырей, въ томъ числѣ и Филиппо-Иранской пустыни, знаменитый ревни-

тель иноческой жизни Новозерскій архимандритъ Теофанъ (Соколовъ), а въ послѣднее время Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря архимандритъ Іаковъ († 16 января 1896 года).

Строитель Николай, прибывъ съ братією изъ Ворониной пустыни на новое мѣсто—засталъ обитель преподобнаго Филиппа въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ пустыни были двѣ церкви каменные—Троицкая холодная и Казанская теплая, да колокольня деревянная, шатровая съ шестью на ней колоколами. Кругомъ монастыря деревянная ограда ветхая; въ ней 12 лавокъ для прѣзжающихъ торговцевъ на ярмарки, устраиваемыя въ храмовые праздники. Остальныя постройки деревянные отъ ветхости валились. Строитель Николай въ такомъ видѣ, какимъ принялъ, сдалъ монастырь своему преемнику Серафиму — 7 янв. 1795 г.

Строитель Серафимъ съ усердіемъ принялся за возобновленіе пустыни. Въ короткое время были срублены братскія келліи, трапеза съ кухней и другія хозяйственныя постройки.

Колокольня рушилась, и колокола были повѣшены на столбахъ.

Вмѣсто старой ограды монастырь обнесли новой, также деревянной, вышиною въ пять аршинъ. За оградой, на берегу рѣки Андоги, срубили новую часовню.

Созиданіе обители усердно продолжалъ слѣдующій настоятель Мартирій (1825 — 1850). Начавъ съ Троицкой церкви, — къ южной сторонѣ ея пристроилъ ризницу и діаконникъ, а съ сѣверной—придѣлъ во имя преподобнаго Филиппа (въ 1828 году).

Правильному теченію строительныхъ работъ помѣшалъ пожаръ 1830 года. Начавшись съ Троицкой церкви, онъ повредилъ въ ней иконостасъ и паперть. Сгорѣла также и колокольня. Скоро церковь исправили и срубили новую колокольню.

Монастырь изъ деревяннаго превратился въ каменный при архимандритѣ Арсеніи, управлявшемъ пустыню три раза. Сначала онъ возводилъ постройки деревянные, но

послѣ пожара 1865 года началъ возводить каменные.

Быль выработанъ планъ и по нему въ 1867 году приступлено къ работамъ. Съ этого года зданія пустыни быстро начали превращаться изъ деревянныхъ въ каменные.

IV.

Списокъ настоятелей Филиппо-Иранской пустыни ¹⁾.

1) Строитель іеромонахъ Николай (1792 — 1794), указомъ 1792 г. октября 7-го дня преосвященнымъ Гаврииломъ, митрополитомъ Новгородскимъ, былъ переведенъ изъ Ворониной пустыни въ Филиппо-Иранскую.

2) Строитель іеромонахъ Серафимъ (1795—1825 г.).

3) Строитель іеромонахъ Мартирій (1825—1850 г.), родомъ грузинъ, поступилъ въ строители изъ Большого Тихвинскаго монастыря.

4) Строитель іеромонахъ Иринеи Орнатскій (1850—1855 годъ), сынъ дьячка Фодото-Раменской церкви, бывший студентъ Новгородской духовной семинари.

5) Строитель іеромонахъ Арсеній, родомъ купецъ изъ Галича, постриженникъ Кирилло-Новозерскаго монастыря, въ некоторое время былъ намѣстникомъ Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря и строителемъ Нило-Сорской пустыни,— три раза управлялъ Филиппо-Иранской пустынью.

6) Архимандритъ Иринеи Орнатскій (1859 — 1861 г.) вторично былъ назначенъ въ настоятели Филиппо-Иранской пустыни изъ Деревеницкаго монастыря, бывшаго прежде мужскимъ.

7) Строитель іеромонахъ Веніаминъ, исполнявшій въ Крымскую компанію пастырскія обязанности на Черноморскомъ флотѣ, за что въ 1855 году получилъ золотой наперсный крестъ.

8) Строитель іеромонахъ Герасимъ (1879 — 1884 г.), родомъ изъ крестьянъ Череповецкаго уѣзда, пострижен-

¹⁾ Взято изъ монастырской лѣтописи.

викъ Нило-Сорской пустыни. Выбранъ братію Филиппо-Иранской пустыни въ строители себѣ изъ іеродіаконовъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; управлялъ пустынью два раза.

9) Строитель іеромонахъ Серафимъ II (1884—1888 г.), изъ крестьянъ одной изъ Поволжскихъ губерній, постригся въ монашество въ Нило-Сорской пустыни, откуда изъ казначеевъ былъ избранъ братію Филиппо-Иранской пустыни себѣ въ строители.

10) Строитель іеромонахъ Иннокентій (1890—1892 г.), родомъ крестьянинъ Олонецкой губерніи,—постриженникъ Нило-Сорской пустыни, опредѣленъ епархіальнымъ начальствомъ изъ духовниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

11) Строитель іеромонахъ Агапить, изъ крестьянъ Бѣлозерскаго уѣзда, постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

12) Строитель игуменъ Антоній (1895—1897 г.), изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ города Калязина, Тверской епархіи. По прошенію уволенъ на покой и проживаетъ въ числѣ братіи Филиппо-Иранской пустыни.

13) Строитель іеромонахъ Николай (1897 — 1898 г.)—сынъ священника Оренбургской губерніи.

14) Строитель іеромонахъ Митрофанъ (1898—1902 г.)—сынъ мѣщанина города Кронштадта.

15) Игуменъ Владиміръ (1903—1907 г.)—сынъ псаломщика Новгородской губерніи, Кресницкаго уѣзда, села Старога Рахина.

16) Нынѣшній настоятель, строитель іеромонахъ Анастасій, опредѣленный 19 іюля 1907 г., уроженецъ Петербургской губерніи, Новолдожскаго уѣзда. Начало монастырской жизни положилъ въ Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ. Монашество принялъ въ Новозерскомъ монастырѣ 1896 г. Тамъ же получилъ и санъ іеромонаха. Затѣмъ въ 1897 году былъ переведенъ съ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ проходилъ должности казначея, а потомъ намѣстника. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1907 года братія Филиппо-Иранской пустыни избрала его своимъ настоятелемъ.

V.

Описание церквей.

Пустынь имѣеть двѣ каменные церкви. Одна изъ нихъ соборная, во имя Живоначальной Троицы, теплая, пятиглавая, построена въ 1699 г. Она находится на сѣверной сторонѣ въ монастырской стѣнѣ у самыхъ св. воротъ и имѣеть два входа: одинъ извнѣ монастыря для богомольцевъ, а другой изъ монастыря для братіи. Внутри церкви на мѣстѣ лѣваго клироса подъ балдахиномъ находится рака преподобнаго Филиппа Иранскаго чудотворца, на томъ мѣстѣ, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ св. мощи его. Оба клироса помѣщаются на хорахъ. На мѣстѣ праваго клироса — настоятельское мѣсто, за которымъ находится чудотворная икона Казанской Божіей Матери. По преданію, предъ этой иконой молился угодникъ, когда избралъ здѣсь себѣ мѣсто для подвиговъ. Тутъ же у раки преподобнаго, на особомъ аналоѣ, въ изящномъ кіотѣ лежитъ серебряный крестъ, въ которомъ помѣщена частица животворящаго древа — креста Господня, что въ Иерусалимѣ. Въ подтвержденіе этого имѣется грамота патриарха Иерусалимскаго. Св. крестъ этотъ пожертвованъ въ 1907 году барономъ Таубе, въ память умершей дочери Софіи. Въ алтарѣ достойны вниманія два напрестольныхъ металлическихъ подсвѣчника, пожертвованныхъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Здѣсь находится еще достойный примѣчанія очень древній синодикъ.

Къ правой сторонѣ собора примыкаетъ придѣлъ во имя угодника преподобнаго Филиппа Иранскаго. Прежде онъ находился на лѣвой сторонѣ собора, т.-е. сѣверной, но въ 1873 г. при архимандритѣ Арсеніи его перенесли на правую сторону, такъ какъ крутой берегъ рѣки Андоги, подмываемый весенними водами, сталъ осѣдать, и зданію грозило разрушеніе.

Сзади придѣла, на мѣстѣ паперти (входъ въ церковь съ боку) находится ризница.

Вторая церковь во имя Казанской Божіей Матери, каменная, построенная въ 1755 г., находится на площади, среди монастыря. Въ ней достойна вниманія икона преподобнаго Филиппа, изображеннаго со своимъ учителемъ Корнилиемъ Комельскимъ, молящимся предъ Св. Троицей. Она написана въ 1723 году архимандритомъ Череповецкаго Воскресенскаго монастыря, Іоанномъ Никифоровымъ. Въ настоящее время икона эта находится въ иконостасѣ противъ праваго клироса. За лѣвымъ клиросомъ находится икона преподобнаго Филиппа во весь ростъ. Ранѣе она была возложена на раку угодника.

Съ западной стороны церкви примыкаетъ каменная колокольня, построенная въ 1870 году. На ней 8 колоколовъ. Одинъ изъ нихъ очень древній съ надписью: «Бѣлозерскаго уѣзда, Андогской волости, Живоначальныя Троицы Филипповой пустыни Иранскаго монастыря, дилъ Вологжанинъ Федоръ Карповъ 1725 года, марта 10 дня, при строителѣ старцѣ Іонѣ и казначеѣ Іонѣ». Самый большой колоколъ вѣсомъ 148 пудовъ 30 фунтовъ; пожертвованъ Череповецкимъ купцомъ, изъ желѣзной уломы П. Ф. Андріановымъ. Второй—поліелейный въ 40 пудовъ, пожертвованъ Череповецкимъ купцомъ Симоновымъ. За алтаремъ Казанской церкви находится монастырское кладбище.

VI.

Описаніе стѣнъ и зданій монастырскихъ.

На сѣверной сторонѣ монастыря, возлѣ соборной церкви Живоначальныя Троицы, въ стѣнѣ находятся св. ворота. Надъ ними башня, такъ называемая Троицкая, чрезъ которую устроенъ проходъ изъ настоятельскихъ покоевъ въ соборъ. Отъ соборнаго алтаря идетъ стѣна на юго-востокъ на протяженіи 25 сажень до восточной или архивной башни. Посреди стѣны св. ворота—малыя. Отъ башни стѣна заворачиваетъ на югъ, гдѣ и кончается

двухэтажнымъ зданіемъ, приспособленнымъ для лѣтнихъ покоевъ настоятеля. Стѣна имѣетъ въ длину 20 сажень. Въ ней помѣщаются братскія келліи и мастерскія: сапожная, столярная и портняжная. Отъ нея идетъ стѣна самая длинная, на протяженіи 70 сажень. Въ срединѣ ея св. ворота — малыя. Въ этой стѣнѣ помѣщаются также братскія келліи съ окнами, обращенными внутрь монастыря. Кончается она башней-слесарней. Далѣе стѣна идетъ къ сѣверу до «сѣверной» башни. Въ срединѣ ея вѣздныя ворота на конный дворъ. Длинною она около 25 сажень. Сѣверную башню и Троицкую, находящуюся надъ св. воротами—соединяетъ стѣна въ 35 сажень длины. Въ ней находятся помѣщенія для кладовыхъ, амбаровъ и настоятельскаго корпуса. Послѣдній находится у св. воротъ при входѣ въ монастырь направо. На разстояніи 12 саж. отъ сѣверной башни, именно между кладовыми и настоятельскимъ корпусомъ, къ стѣнѣ примыкаетъ еще корпусъ, который идетъ съ южной стороны и отдѣляетъ конный дворъ отъ монастырской площади. Въ срединѣ корпуса ворота, по правую сторону которыхъ помѣщаются: братская трапеза, хлѣбопекарня и кухня; налѣво: просфорня и братскія келліи. Далѣе, внизу подъ «слесарной» башней находится слесарная мастерская и другія хозяйственныя помѣщенія. При выходѣ изъ монастыря на конный дворъ направо—глубокій колодець. Изъ него устроенъ водопроводъ въ кухню и баню. Означенный водопроводъ устроенъ нынѣшнимъ настоятелемъ—строителемъ іеромонахомъ Анастасіемъ. У св. воротъ стоитъ маленькая деревянная часовенка съ иконой преподобнаго, обнесенная со всѣхъ сторонъ перилами и бесѣдками. Съ этого мѣста видъ на окрестности монастыря очень живописный. Передъ нами глубокий оврагъ, на кручахъ котораго растутъ столѣтнія сосны, ели и березы. На днѣ оврага протекаетъ рѣчка Малый Иранъ. Черезъ оврагъ построены деревянные мосты, длиною 27 саж., съ обѣихъ сторонъ оперенные; оны соединяетъ монастырь со старой гостиницей, лѣвѣе ко-

торой недавно выстроена новая, двухэтажная деревянная гостиница для дачниковъ, съ террасами и мезониномъ. На самой кручѣ, у моста, выстроена открытая столовая для проходящихъ богомольцевъ, которыхъ здѣсь лѣтнею порою, въ праздники, бываетъ очень много.

Правѣ гостиницы протекаетъ рѣка Андога, чрезъ которую устроенъ паромный перевозъ и лавы для пѣшеходовъ. За рѣчкой ближайшее селеніе—деревня Смѣшково, отстоящая отъ монастыря на двѣ версты. Среди селенія построена лѣтъ двадцать тому назадъ деревянная часовня во имя преподобнаго Филиппа, Иранскаго чудотворца.

Ежегодно лѣтомъ 15 іюля въ деревню Смѣшково изъ монастыря совершается крестный ходъ. Сначала въ часовнѣ служится молебень, затѣмъ обходятъ кругомъ селенія и возвращаются въ монастырь. Этотъ благочестивый обычай введенъ по обѣщанію крестьянъ, данному по случаю падежа рогатаго скота, лѣтъ 20 тому назадъ.

VII.

Окрестности пустыни.

Отъ св. воротъ видъ на рѣку Андогу очень живописенъ. На гористомъ, правомъ по теченію, берегу рѣки громадный сосновый боръ. Лѣвый же берегъ низменный; на немъ разработаны поля и есть покосы. За пашней тянется опять сосновый лѣсъ—дача Череповецкаго купца Судакова.

Вдаль по рѣкѣ видны двѣ каменные церкви съ колокольнями,—это Андогскія села, находящіяся въ трехъ верстахъ отъ монастыря. Дорога къ нимъ идетъ боромъ, начинаясь отъ самой гостиницы: широкая, ровная, сухая.

По правую сторону дороги, въ двухъ-трехъ сажняхъ, тянется крутой и высокій берегъ рѣки Андоги. Пройдя съ полверсты, дорога сворачиваетъ налѣво отъ рѣки, въ лѣсъ. Тутъ есть такія «площади», покрытыя бѣлымъ мо-

хомъ, и на нихъ растутъ высокія, ровныя, гладкія сосны, точно свѣчи; сучья только на верхушкахъ. Эти площади справедливо называются «бѣлымъ сосновымъ боромъ».

Далѣе, противъ Андогскихъ сель дорога опять выходитъ къ берегу рѣки. Здѣсь уже еловый лѣсъ, а по самому берегу ольховый. Немного далѣе Андогскихъ сель, вправо, виднѣется церковь «на стану», а еще дальше церковь Пречистенская. Все это чрезъ рѣку — представляетъ какъ бы посадъ или городъ.

Въ Андогскихъ селахъ недавно открыты: почтовое отдѣленіе и больница съ пріемнымъ покоемъ и полнымъ медицинскимъ персоналомъ.

Въ теченіе года здѣсь часто бываютъ сельскіе базары, или ярмарки.

Съ версту повыше сель, по рѣкѣ Андогъ, имѣніе г-на Бѣлова, а еще далѣе — барона Таубе.

При выходѣ изъ монастыря въѣздными воротами, прямо чрезъ дорогу, монастырское поле. По дорогѣ къ мельницѣ, въ ста саженьяхъ отъ монастыря, направо, огромная площадь, которую здѣсь называютъ «биржей», потому, вѣроятно, что завалена монастырскими дровами и бревнами. По срединѣ этой площади стоитъ крытое гумно съ двумя овинами; недалеко — сарай для соломы и сѣна. Ближе къ монастырю — сарай для склада лѣснаго матеріала.

Налѣво отъ дороги — другое поле. Оно начинается отъ монастырскихъ стѣнъ и идетъ до мельницы, которая стоитъ у самой дороги. Немного не доходя до нея, направо, построена новая кузница. Мельница устроена на Большомъ Иранѣ. При мельницѣ устроена толчея для толченія овса на муку и — приводъ, посредствомъ котораго вырабатываютъ дранку для крышъ.

Пройдя плотину, направо возлѣ дороги, смолокурный заводъ. Далѣе дорога тянется сосновымъ боромъ на протяженіи 20 верстъ до желѣзно-дорожной станціи «Кадуи».

VIII.

Церковныя богослуженія, крестные ходы и храмовые праздники.

I. Церковныя богослуженія:

Въ воскресные и праздничные дни обѣдня въ 9 часовъ, а наканунѣ въ 4 часа малое повечеріе; въ 6 часовъ все-нощное бдѣніе.

Въ воскресные дни и храмовые праздники ранняя обѣдня въ 6 часовъ.

Въ будни: утромъ, въ 4 часа утра; въ 9 часовъ обѣдня; въ 6 часовъ лѣтомъ, а зимой въ 5 часовъ вечера.

За вечерней читается все правило и каноны: Спасителю, Божіей Матери и ангелу хранителю; акаѣисты по очереди, по уставу.

Въ будни, во время церковныхъ богослуженій, особый старецъ-монахъ читаетъ синодикъ.

Въ субботу, послѣ обѣдни, служитя молебень Божіей Матери и угоднику.

II. Крестные ходы.

Общіе:

1) 6-го января—Крещеніе Господне.	} На рѣку
Андогу.
2) Преполовеніе Пятидесятницы.	
3) 1-го августа—Спасовъ день.	

Мѣстные:

1) 8-го мая, въ день пришествія угодника. Кругомъ монастыря и къ часовнѣ, что у сосны, на берегу Андоги.

2) 8-го іюля.	} Кругомъ монастыря.
3) 22-го октября.	

4) 15-го іюля—въ деревню Смѣшково въ часовню, по обѣщанію крестьянъ.

III. Храмовые праздники:

- 1) Живоначальныя св. Троицы.
- 2) 8-го юля.
- 3) 22-го октября. } Казанской Божіей Матери.
- 4) 14-го ноября—память преподобнаго Филиппа, Иранскаго чудотворца.

IX.

Братія пустыни въ настоящее время.

1) Настоятель	1
2) Иеромонаховъ.....	7
3) Иеродіаконовъ	2
4) Монаховъ мантийныхъ.....	5
5) > рясофорныхъ	7
6) Богомольцевъ, пѣвчихъ.....	10
7) На разныхъ послушаніяхъ.....	8
	Итого... 40

Земельныя угодья монастыря.

1) Усадебной земли.....	1 дес.
2) Пахатной.	15 >
3) Сѣнокосной.....	40 >
4) Строевого лѣса.....	582 >
5) Неудобной земли	601 >
	Итого... 1239 дес.

Пути сообщенія:

До станціи «Кадуй» по С.-Петербургской, Вологодской, Вятской желѣзной дорогѣ. Отъ ст. «Кадуй» 20 верстѣ на лошадахъ. Лѣтомъ до Череповца пассажирскими пароходами; отъ Череповца до станціи «Кадуй» по желѣзной дорогѣ.

Иеромонахъ Антоній.

Видѣніе чудныхъ птицъ преп. Сергіемъ.

Чудный нашъ Сергій стоялъ и молился.
Весь онъ въ молитву ушелъ, углубился.
Ночь своимъ чернымъ могучимъ крыломъ
Машетъ за тусклымъ келейки окномъ:
Ночь привела свои мрачныя рати.
Сергій, исполненъ святой благодати,
Молить о чадахъ духовныхъ своихъ.
Крѣпко отечески любить онъ ихъ.
Молить усердно Спасителя Бога
За совершенныхъ, за слабыхъ, убогихъ...
Вся разгорѣлась любовью душа:
Плачетъ, моляся, глубоко дыша.
«Сергій!»—онъ внемлетъ откуда-то зову.
Съ вѣрою Имя призвавши Христово,
Онъ открываетъ тихонько окно:
Холодно, сыро, печально, темно...
Только гдѣ звѣзды, въ безбрежѣвъ небесномъ,
Все засвѣтилося свѣтомъ чудеснымъ.
Свѣтъ, разливаясь волной, гонитъ прочь
Сумракъ безбрежный и темную ночь.
Стало свѣтло, словно въ полдень весенній.
Скрылись куда-то печальныя тѣни.
«Сергій!»—онъ снова внимаетъ словамъ—
Просишь ты блага духовнымъ сынамъ.
Богу пріятна молитва святая.
Видишь ли, Сергій, отъ края до края
Множество иноковъ... Ты ихъ призвалъ,

Къ Живоначальной ихъ Тройцѣ собрались...
Ты руководишь людьми какъ надо.
О, велико твое чудное стадо!..»
Смотрить, исполненъ волненья, кругомъ,
Птицы чудесныя блещутъ крыломъ,
Заняли все свѣтовое пространство,
Всѣ въ неземномъ и небесномъ убранствѣ.
Сладостно такъ онѣ пѣсни поютъ,
Сергія весь наполняя пріютъ...
Сергій стоитъ, очарованъ видѣньемъ.
Слышитъ онъ снова въ глубокомъ волненьѣ
Голосъ съ высокихъ и чудныхъ небесъ,
Полныхъ такихъ несказанныхъ чудесъ:
«Сердце твое да исполнить отрада!
Сколько здѣсь птицъ таково будетъ стадо
Учениковъ твоихъ, Сергій!.. О, знай,
Не оскудѣетъ обитель и край
Множествомъ иноковъ дивныхъ, прекрасныхъ,
Съ жизнью твоею по жизни согласныхъ...»
Голосъ съ высокихъ и чудныхъ небесъ,
Полныхъ таинственныхъ дивныхъ чудесъ,
Такъ прозвучалъ, и въ глубокомъ волненьѣ,
Сергій стоитъ, очарованъ видѣньемъ...

Священникъ В. Бѣлкинъ.

ПОСЛАНИЕ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА

возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Православной Русской Церкви о возстановленіи церковнаго почитанія благовѣрной великой княгини Анны Кашинской.

Во второй половинѣ XIII столѣтія у Ростовскаго князя Димитрія Борисовича родилась дочь Анна, какъ предполагаютъ, въ городѣ Кашинѣ, который принадлежалъ тогда къ Ростовскому княжеству. Въ 1294 году она сочеталась бракомъ съ Тверскимъ, а впослѣдствіи великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, племянникомъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, также причисленнымъ къ лику Святыхъ православной Церкви. По кончинѣ своего супруга, замученнаго въ Ордѣ въ 1318 году, она постриглась въ монашество въ Тверскомъ Софійскомъ женскомъ монастырѣ, а затѣмъ, по усиленной просьбѣ своего младшаго сына, удѣльнаго князя Кашинскаго Василія, переселилась въ городъ Кашинъ въ построенный ею сыномъ Успенскій женскій монастырь и здѣсь приняла схиму съ именемъ Анны. 2 октября 1368 года она скончалась и была погребена въ томъ же монастырѣ, который впослѣдствіи, по закрытіи, былъ обращенъ въ городской соборъ. Въ теченіе своей жизни бывъ образцомъ христіанской супруги и матери, отличаясь христіанскою любовію къ бѣднымъ и несчастнымъ, проявляя искреннее благочестіе, мужественно перенося всевозможныя испытанія, она снискала глубокое почтеніе къ себѣ современниковъ и память потомковъ, настолько благоговѣйную, что писались ея иконы, а жители города Кашина ея заступничеству приписывали избавленіе ихъ отъ разоренія

враговъ, неоднократно приступавшихъ къ Кашину и не имѣвшихъ силъ взять его. Въ 1581 году по случаю исправленія половъ въ Успенскомъ соборѣ былъ усмотрѣнъ невредимымъ гробъ благовѣрной княгини, а тѣло неистлѣвшимъ. Господь прославилъ ее потомъ многими чудесами, и когда о таковыхъ чудесахъ архіепископомъ Тверскимъ Іоною было доведено до свѣдѣнія патриарха Іосифа и Государя, тогда по повелѣнію Царя Алексія Михайловича въ 1649 году было произведено освидѣтельствованіе мощей княгини Анны, каковыя были обрѣтены нетлѣнными въ цѣломъ, и лишь оказались слѣды тлѣнія на лицѣ и на ступняхъ ногъ, а потому состоявшійся въ томъ же году въ Москвѣ соборъ причислилъ благовѣрную великую княгиню Анну къ лику Святыхъ, и на обрѣтеніе ея мощей 21 іюля была составлена особая служба. Въ слѣдующемъ 1650 году, 12 іюня, было совершено торжественное, по нарочито составленной службѣ, перенесеніе мощей благовѣрной великой княгини Анны изъ ветхаго деревяннаго Успенскаго собора въ каменный Воскресенскій соборъ, причемъ въ присутствіи Государя и Его семьи было отправлено молебное пѣніе святой благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ. Затѣмъ по объѣду Царя Алексія Михайловича и на его средства былъ построенъ новый каменный Успенскій храмъ съ придѣломъ «во имя преподобныя и благовѣрной великія княгини Анны».

Но въ 1677 году патриархъ Іоакимъ созвалъ въ Москвѣ малый соборъ архипастырей, который, на основаніи нѣкоторыхъ разногласій житія ея со Степенною книгою и лѣтописцами (впослѣдствіи, впрочемъ, дальнѣйшими изслѣдованіями совершенно устраненныхъ), пріостановилъ совершеніе ей особыхъ службъ и молебствій, да «аще чѣмъ Богъ впредь объявитъ и утвердитъ», т.-е. доколѣ Господь Богъ чудодѣйственными знаменіями и исцѣленіями, подаваемыми по молитвенному предстательству благовѣрной княгини Анны, не утвердитъ всеобщую вѣру во святость ея, положивъ вмѣстѣ съ симъ поминать ее «о вѣчномъ

упокоеи и пѣть панихиды, а храмъ, созданный во имя великой княгини Анны, именовать и быть ему во имя всѣхъ Святыхъ, да аще совершенно благоугоди Богу великая княгиня Анна, *да будетъ въ ономъ храмъ и то имя вочтено купно со всеми святыми*.

И Господь Богъ, дивный и славный во Святыхъ Своихъ, не оставилъ и въ послѣдующее за симъ время прославленіемъ Свою угодницу, явивъ молитвеннымъ предстательствомъ ея новыя чудесныя знаменія и исцѣленія съ вѣрою притекающимъ къ ея гробу. Утверждаемое таковыми знаменіями милости Божіей молитвенное почитаніе благовѣрной великой княгини Анны, какъ святой, продолжалось неизмѣнно въ народѣ. Со второй половины XIX столѣтія Кашинскіе граждане неоднократно возбуждали ходатайства о восстановленіи молитвеннаго ея почитанія совершеніемъ ей особыхъ службъ и молебствій. Въ полномъ единодушіи съ паствою шли въ этомъ дѣлѣ и архипастыри. Въ 1901 г. бывший архіепископъ Тверской Димитрій, имѣя въ виду, что память благовѣрной великой княгини Анны глубоко чтится не только духовенствомъ и гражданами города Кашина, но и пріѣзжими богомольцами, которые неоднократно обращались къ епархіальному начальству съ просьбами возбудить ходатайство о восстановленіи чествованія ея памяти, обратился въ Святѣйшій Синодъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи служить молебны благовѣрной великой княгини Аннѣ, праздновать дни ея памяти и отправлять богослуженіе по составленнымъ въ честь ея службамъ. Представленіе объ этомъ было препровождено Святѣйшимъ Синодомъ на заключеніе бывшего преосвященнаго митрополита Кіевскаго Теофоста, который тоже съ своей стороны призналъ справедливымъ восстановить почитаніе великой княгини Анны Кашинской, какъ святой, праздновать дни ея памяти и совершать церковныя службы въ честь ея. Но Святѣйшій Синодъ не сдѣлалъ тогда распоряженія къ удовлетворенію означеннаго ходатайства преосвященнаго архіепископа Димитрія, въ ожиданіи особливыхъ указаній воли Божіей.

Между тѣмъ, вслѣдствіе непрекращающихся ходатайствъ о возстановленіи церковнаго почитанія благовѣрной княгини Анны Кашинской, вопросъ объ этомъ первенствующій членъ Святѣйшаго С҃нода Митрополитъ С.-Петербургскій Антоній, по ходатайству архіепископа Тверскаго Алексія, предложилъ сужденію собравшихся въ іюль мѣсяцѣ минувшаго года въ городѣ Кіевѣ на торжествѣ 800-лѣтія Михайловскаго Златоверхаго монастыря архипастырей, въ числѣ 30 человекъ, которые и нашли: 1) что сопричтеніе благовѣрной великой княгини Анны Кашинской къ лику Святыхъ Божіихъ уже было утверждено соборомъ русской Церкви 1649 года и 2) что общая вѣра въ святость благовѣрной великой княгини Анны Кашинской въ Тверской области и далеко за ея предѣлами непоколебимо остается и донывѣ, передаваясь изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, подкрѣпляемая многими знаменіями и чудесами, исходящими отъ святыхъ ея останковъ, а потому, утверждаясь на приведенныхъ соображеніяхъ и доводахъ, означенные 30 епископовъ, собравшіеся въ городѣ Кіевѣ, положили сыновне просить Святѣйшій С҃нодъ о возможно скоромъ возстановленіи почитанія благовѣрной великой княгини Анны Кашинской въ предѣлахъ Тверской области, какъ мѣстночтимой святой угодницы Божіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и IV Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ городѣ Кіевѣ постановилъ присоединиться къ означенному ходатайству о возстановленіи церковнаго почитанія благовѣрной великой княгини Анны. Отъ преосвященнаго же архіепископа Тверскаго, духовенства, представителей земства и гражданъ городовъ Кашина и Твери въ Святѣйшій С҃нодъ поступило ходатайство о возстановленіи общецерковнаго почитанія памяти благовѣрной великой княгини Анны.

Посему Святѣйшій С҃нодъ, принявъ во вниманіе: а) постоянныя и многочисленныя ходатайства благоговѣнно почитающихъ память благовѣрной великой княгини Анны Кашинской, б) вышеупомянутое постановленіе цѣлаго сонма

Россійскихъ святителей, а равно в) непрекращающіяся чудеса и исцѣленія по ея молитвенному предстательству и усматривая во всемъ этомъ ясныя указанія Промысла Божія къ возстановленію молитвеннаго почитанія Анны Кашинской, призналъ благопотребнымъ возстановить церковное почитаніе благовѣрной великой княгини Анны, какъ святой, какъ это было до Московскаго собора 1677 года, и потому, опредѣленіемъ отъ 30 октября 1908 года, предоставилъ г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества согласіе.

На всеподданѣйшемъ докладѣ о семъ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ 7-й день ноября 1908 года, Собственноручно начертать соизволилъ: **«Согласенъ»**.

Вслѣдствіе сего и по вниманію къ ходатайству членовъ соединенной депутаціи отъ города Кашина и Кашинскаго земства, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 11 апрѣля сего года, днемъ торжественнаго празднованія возстановленія церковнаго почитанія благовѣрной великой княгини Анны Кашинской назначилъ 12 іюня 1909 года.

Торжество возстановленія церковнаго почитанія памяти благовѣрной великой княгини Анны Кашинской въ городѣ Кашинѣ и въ предѣлахъ всей Тверской епархіи совершится въ порядкѣ, представленномъ преосвященнымъ Тверскимъ и утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ, во всѣхъ же остальныхъ епархіяхъ—по благословенію и указаніямъ мѣстныхъ епархіальныхъ преосвященныхъ.

О семъ Святѣйшій Синодъ извѣщаетъ благочестивыхъ чадъ Православной Церкви, да вмѣстѣ съ нимъ воздадутъ славу и благодареніе Господу Богу, дивному во Святыхъ Своихъ, тако изволившему, и да вознесутъ свои молитвы ко святой благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ, прося ея молитвеннаго предстательства предъ Господомъ о Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ Государѣ нашемъ, о Державѣ Россійской и о всѣхъ православныхъ христіа-

нахъ, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тимоѳ. II, 2). Аминь.

Смиренный *Антоній*, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Смиренный *Владиміръ*, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Смиренный *Флавіанъ*, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Смиренный *Николай*, архіепископъ Варшавскій и Привислинскій.

Смиренный *Сергій*, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій.

Смиренный *Антоній*, архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

Смиренный *Назарій*, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

Смиренный *Иннокентій*, епископъ Тамбовскій и Шацкій.

Смиренный *Евлогій*, епископъ Холмскій и Люблинскій.

Протопресвитеръ *Іоаннъ Янышевъ*.

Протопресвитеръ *Александръ Желобовскій*.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Наша деревня.

По поводу недавняго юбилея церковно - приходскихъ школъ въ печати возникла полемика, въ которой обѣ стороны, т.-е. защитники свѣтской, и защитники церковной школы ввели другъ на друга разныя обвиненія, выставя недостатки той и другой школы. Эта полемика, насколько мы о ней освѣдомлены, представляла изъ себя сама по себѣ вѣчто довольно жалкое. Недостатки свѣтской школы, указывавшіеся защитниками церковной школы, заключаются въ безбожіи первой, нигилизмъ, отсутствіи патриотизма, распущенности. Недостатки церковной школы, указывавшіеся въ свѣтской печати, заключаются въ притѣсненіяхъ учителей и учительницъ со стороны завѣдующихъ школами, недостаткѣ учебныхъ пособій, въ небрежномъ отношеніи духовныхъ лицъ къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ школѣ, въ обремененіи дьяконовъ, обязанныхъ заниматься въ церковно-приходскихъ школахъ безмездно, отсутствіи методовъ, невѣжествѣ учителей и учениковъ и т. п. Одинъ учитель церковно - приходской школы напечаталъ въ свѣтской распространенной газетѣ два длинныхъ фельетона, въ которыхъ постарался, какъ говорится, раскассировать церковно-приходскую школу, насколько у него хватило для этого силъ и умѣнья.

Съ очевидною цѣлью выставить недостатки свѣтскихъ министерскихъ школъ, защитники церковныхъ приводили между прочимъ много статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ можно видѣть, насколько процвѣла церковная школа за двадцать пять лѣтъ ея существованія. Въ С.-Петербургѣ была устроена ко дню юбилея церковно-приходскихъ школъ школьная выставка, гдѣ можно было видѣть разнообразныя вышивки по холсту, полотну, сукну,

тончайшія кружева ручной работы и вообще массу всевозможныхъ вязаній, искусственныя цвѣты, гирлянды, плоды, коллекція ульевъ, сработанныхъ учениками церковно-приходскихъ школъ; выставлены были даже образцы краснаго церковнаго вина, выдѣланнаго учениками на Кавказѣ подъ руководствомъ учителей. Общее число экспонатовъ на выставкѣ превышаетъ 2300, а ея каталогъ занимаетъ 274 страницы.

Мы не были въ С.-Петербургѣ на этой церковно-школьной выставкѣ, и потому на основаніи матеріаловъ, доставляемыхъ ею, не можемъ судить, насколько далеко подвинулось у насъ дѣло религиозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа. Но читая разный вздоръ, которымъ наполнены страницы нашихъ свѣтскихъ и духовныхъ изданій о томъ и другомъ типѣ нашихъ школъ, знакомясь съ разными пререканіями и взаимными обвиненіями, равно какъ и самовосхваленіями, на которыя не скупятся защитники той и другой школы, мы приходимъ вообще къ неелестнымъ выводамъ относительно ихъ обѣихъ. Что свѣтская школа отличается крупными недостатками и рано или поздно должна измѣнить свой обликъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что и церковно-приходская школа не вполне отвѣчаетъ потребностямъ и духу русскаго народа. Если бы было иваче, то защитники того и другого типа школъ могли бы полемизировать, но эта полемика велась бы на совершенно иной почвѣ, чѣмъ на какой ведется она теперь, и была бы чужда различныхъ самовосхваленій, равно какъ и обвиненій совершенно общаго характера, затрогивающихъ не столько внутренніе и внѣшніе порядки, существующіе въ свѣтскихъ и духовныхъ школахъ, сколько самое право на ихъ существованіе. Кромѣ низшихъ народныхъ школъ, у насъ есть и другія школы духовныя и свѣтскія и между представителями тѣхъ и другихъ школъ также ведется иногда или можетъ вестись полемика. Но бывали ли случаи, когда, напримѣръ, въ разгарѣ полемики, какая-нибудь духовная академія говорила какому-нибудь университету: ты, братъ, университетъ, никуда не годишься, тебя нужно совсѣмъ упразднить и занимаемая тобою зданія предоставить мнѣ? Или возникалъ ли когда споръ между гимназіями и духовными семинаріями въ такомъ же родѣ? А между тѣмъ всѣ пререканія между защитниками церковныхъ и свѣтскихъ школъ,—въ сущности,

конечно,—къ этому именно и сводятся. Одни говорят другимъ: вы никуда не годитесь; а другіе имъ отвѣчаютъ: никуда не годитесь вы.

Тутъ, слѣдовательно, не что иное, какъ контрастъ. Если бы былъ живъ теперь Гегель и если бы до него дошли свѣдѣнія о враждѣ между двумя типами нашихъ школъ, то онъ непременно оформилъ бы результатъ своихъ наблюденій и изслѣдованій въ такомъ видѣ: оба вы, два типа русскихъ народныхъ школъ, никуда не годитесь; но изъ вашей вражды, изъ вашихъ пререканій должно возникнуть *третье* и нѣчто *новое*, не похожее на васъ обоихъ, которое васъ и замѣнитъ.

Теперь, повидимому, время наступленія такого кризиса, когда вмѣсто стараго должно появиться нѣчто новое, еще не пришло. Для этого требуется развитіе и самого народа, и школьныхъ дѣятелей, не только умственное, но и нравственное.

Какъ бы то ни было, факты заключаются въ томъ, что наша деревня едва ли движется впередъ, а скорѣе пятится назадъ. Это не фантазія. Если не у семи, то по крайней мѣрѣ у двухъ нянекъ, дитя остается безъ глаза. Чтобы не быть голословными въ данномъ случаѣ, мы сошлемся на свидѣтельство, которое нельзя, по нашему мнѣнію, заподозрить ни въ какомъ пристрастіи или преувеличеніяхъ. Вотъ что говоритъ о нашей деревнѣ одинъ педагогъ, занимающійся въ свѣтской школѣ (сообщеніе это изъ самыхъ новѣйшихъ):

«Въ деревенской средѣ въ особенности желательны *организации*¹⁾, имѣющія цѣлью смягченіе нравовъ. Жестокость характера и различныя проявленія грубости можно встрѣтить, конечно у дѣтей всякой среды, но въ деревенской обстановкѣ эти *зоологическія* свойства природы болѣе обычны, благодаря грубости и невѣжеству самихъ *родителей*. Нерѣдко приходится видѣть здѣсь такія формы проявленія грубости нравовъ, которыя оставляютъ *далеко* позади и *звѣриную жестокость*.

Однажды мнѣ пришлось видѣть такую картину. Это было въ праздникъ, въ теплый день, когда всѣ обыватели развлекались на воздухѣ. Вдругъ невдалекѣ раздался отчаянный визгъ собаки, и предъ глазами бабъ и мужиковъ промчалось животное, обьятое пламенемъ. За нимъ вдо-

1) Курсивъ вездѣ нашъ.

гонку бѣжала толпа ребятишекъ. Со всѣхъ сторонъ слышался свистъ, хохотъ и другія выраженія удовольствія публики, но ни одного слова сожалѣнія. Оказалось, что дѣти устроили эту затѣю себѣ на потѣху. Они поймали собаку, облили ее керосиномъ и подожгли. Получился живой факель, который и доставилъ деревенской публикѣ минутное развлеченіе.

Пройдите весною по окраинамъ деревни, и вы увидите въ канавахъ живыхъ котятъ и щенятъ, издыхающихъ въ корчахъ отъ голода и холода.

Наступаетъ весна. Прилетѣли пернатые пѣвцы полей и лѣсовъ; начинаютъ вить гнѣзда и нести яйца. Вотъ въ это самое время и наступаетъ раздолье для ребятишекъ. Толпами разбредаются они по лѣсамъ, по берегамъ рѣчекъ; здѣсь они находятъ себѣ большой просторъ для развлеченій: «дерутъ яйца», разоряютъ гнѣзда, бьютъ лягушекъ, ящерицъ, тритоновъ и потѣшаются надъ молодыми птенцами, привязывая ихъ къ ниткѣ, подбрасывая вверхъ, чтобы они летали. Такъ забавляются они до тѣхъ поръ, пока замученные птенцы не умираютъ».

Читая подобныя извѣстія поневолѣ восклицаешь: бѣдныя лягушки, ящерицы, тритоны и птенцы! Но, еще болѣе бѣдныя русскія дѣти, будущіе граждане русскаго народа! Во всемъ этомъ, конечно, можно видѣть только нѣчто «зоологическое» и даже сверхнѣрно зоологическое. Но вотъ вопросъ: зачѣмъ же существуетъ школа? Народный учитель увидѣлъ «зоологическую» сторону дѣла, но, къ сожалѣнію, не проникалъ въ него нѣсколько глубже. А если бы проникъ, то увидѣлъ бы, что у насъ взрослые во многомъ походятъ на младенцевъ, а младенцы на взрослыхъ. Другими словами, каковы у насъ взрослые, такими обыкновенно бываютъ и младенцы, а каковы младенцы, таковы бываютъ и взрослые. Если бы народный учитель могъ это видѣть, то пришлось бы пожалѣть не объ однихъ тритонахъ, ящерицахъ и лягушкахъ. Думаемъ, что ему, какъ взрослому младенцу, пришлось бы даже пожалѣть и о самомъ себѣ.

Взрослые младенцы потѣшаются, расхваливаютъ самихъ себя, указываютъ другъ другу на различные недостатки, но дитя... оно слѣпо, потому что у него нѣтъ обоихъ глазъ. Въ это время министерскія и церковныя школы состязаются и стараются побить рекордъ. Нечего сказать, картина умиленная...

Свящ. М. Ѡ—скій.

Новое школьное пособіе по Закону Божію.

За послѣдніе годы все чаще и чаще выходятъ въ свѣтъ по тѣмъ или другимъ предметамъ наглядныя учебныя пособія для низшей и средней школы. Не оставленъ въ этомъ отношеніи и предметъ Закона Божія. На помощь законоучителямъ и учащимся дѣтямъ пришла извѣстная издательская фирма т-ва И. Д. Сытина, предпринявшая трудъ выпуска цѣлаго ряда наглядныхъ пособій по объясненію православнаго богослуженія и таинствъ. Пять таблицъ по объясненію отдѣла: «Храмъ и его принадлежности» — изданы въ прошломъ 190⁷/₈ уч. году. Нынѣ вышли два альбома: «по объясненію богослуженія» и «семи таинствъ православ. церкви». Идея составленія этихъ пособій принадлежитъ законоучителю город. школъ священнику В. Ѳ. Смирнову, картины же исполнены извѣстнымъ акад. художникомъ К. В. Лебедевымъ и прекрасно воспроизведены въ литографіи т-ва. Выдержанность картинъ съ обрядовой и догматической стороны, удобство изданія отдѣльными картинами, предсказываетъ этимъ пособіямъ широкое распространеніе въ школахъ не только начальныхъ, но и среднихъ.

А. П-скій.

П Р И Р Е Д А К Ц И И
„ДУШЕПОЛЕЗНОГО ЧТЕНІЯ“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына редактора журвала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іеремія, Іезекииля, Даниила, Іоила, Іоны, Михея, Софоніи, Захарія и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исаи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца Іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца Іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврическій. Ц. 1 р. съ пересылкой.
Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 годовъ, по 15 к. за каждое десятилѣтіе

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно пріобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРІОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп.
2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к.
3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к.
4. **Гордость.** Ц. 4 к.
5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к.
6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к.
7. **Свекрови и невестки.** Ц. 5 к.
8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к.
9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к.
10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к.
11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к.
13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к.
14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к.
16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к.
19. **Женихи и невесты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
21. **Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к.
22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к.
23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
26. **Нюхъ ПАРОСИА.** Число раскольниковъ. Ц. 2 к.
27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника.** Врачевство духовное отъ міра собираемое (52 стр.). Ц. 10 к.
28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к.
29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству ЛѢСТВИЦЫ преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. Лѣствичника (52 стр.). Цѣна 10 к.
30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюрь (въ нихъ около 825 стр.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюрь сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за **сорокъ девять лѣтъ**, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за шестнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой, и 1907 и 1908 годы по 4 рубля съ пересылкой.

ОСКУДѢНІЕ ВѢРЫ.

(Изъ пастырскихъ бесѣдъ съ людьми, отпадающими отъ Церкви Православной).

Оно, это оскудѣніе вѣры, замѣчается среди насъ не вчера только и не третьяго дня. Зачатки его нужно отнести, несомнѣнно, къ очень давнему времени. Но если когда, то именно въ наши дни оскудѣніе вѣры въ Бога является какъ-бы существеннымъ и отличительнымъ свойствомъ нашихъ современниковъ. Въ настоящей своей статьѣ мы хотимъ отмѣтить лишь слишкомъ бьющее въ глаза проявленіе этого оскудѣнія—въ отпаденіи отъ вѣры. Ахъ, какую тяжкую боль всей нашей Церкви, ея служителямъ, а часто и самимъ «отпадающимъ» причиняютъ эти отпаденія! Намъ, пастырямъ Церкви, въ силу нашей прямой обязанности, нерѣдко приходится быть, такъ сказать, невольными свидѣтелями этихъ отпаденій, такъ какъ предварительно исполненія ходатайства какого-либо лица о разрѣшеніи ему перемѣнить православную вѣру мы должны предложить ему пастырское увѣщаніе—оставаться въ нашей Церкви. Автору настоящихъ строкъ, къ его крайнему прискорбію, пришлось въ теченіе одного только (прошедшаго 1908) года обращаться съ такимъ словомъ увѣщанія къ цѣлымъ восьми человѣкамъ! Правда, все это были такія лица, которыя никогда не были моими духовными дѣтьми и даже до самаго послѣдняго времени совсѣмъ и не жили въ предѣлахъ занимаемаго мною прихода, но все равно—такая сильная катастрофа въ душевной жизни, какою, несомнѣнно, нужно признать сложив-

шеся намѣреніе оставить прежнее вѣроисповѣданіе и перейти въ новое, можетъ вызвать у всякаго, сознающаго себя христіаниномъ, тяжкую боль въ сердцѣ и искреннее соболѣзнованіе къ пострадавшимъ отъ этой катастрофы. Съ цѣлью хоть сколько-нибудь, такъ сказать, вскрыть психику людей нашего времени, отпадающихъ отъ Церкви, мы намѣрены подѣлиться съ читателями краткимъ содержаніемъ предложенныхъ нами пастырскихъ увѣщаній и тѣми впечатлѣніями, которыя вынесли мы изъ этихъ увѣщаній, полагая, что все это можетъ доставить не малый интересъ, а, можетъ быть, принестъ и нѣкоторую пользу соработникамъ на нивѣ служенія спасенію нашихъ пасомыхъ.

І.

Вотъ предъ нами молодая дѣвушка, возбудившая предъ гражданскою властью ходатайство о разрѣшеніи ей перейти въ іудейство. Достоинство этой дѣвушки (—пусть никто не удивляется!—)—горячая вѣра въ І. Христа и искренность, недостатокъ—легкомысленное отношеніе къ вопросамъ своей вѣры. Именно искренность, какъ кажется намъ, побудила нашу собесѣдницу—съ первыхъ же словъ нашего увѣщанія откровенно признаться, что главнѣйшимъ мотивомъ къ ея ходатайству о разрѣшеніи перейти въ іудейскую вѣру служить отнюдь не убѣжденіе въ истинности іудейскаго вѣроисповѣданія или неистинности православной вѣры, а единственно—желаніе вступить въ бракъ съ іудеемъ. «Это»—говорила г-жа Л—ъ—«единственный путь для того, чтобы избѣжать препятствія, поставляемаго закономъ, не допускающимъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами». Я указала ей, что напрасно она для достиженія своихъ—чисто земныхъ—плановъ и вождельнѣй привимаетъ на свою душу такой страшный

грѣхъ—отступничество отъ вѣры во Христа. На это Л— отвѣтила, что отъ вѣры во Христа она вовсе не намѣрена отречься, да въ этомъ и не будетъ, какъ она думать, никакой надобности. Съ своимъ женихомъ она условилась—не мѣшать другъ другу въ отиравленіи религиозныхъ обязанностей. На свое исключеніе изъ числа православныхъ она смотритъ только какъ на формальный актъ, необходимый ей для повѣнчанія съ іудеемъ, но вовсе не препятствующій ей ходить въ наши храмы, принимать св. таинства, или же,—если бы до этого ее не допустили,—тайно молиться Христу Богу.—Я спросилъ г-жу Л—: почему она не потребовала отъ своего жениха перехода въ православіе, чтобы не ставить себя въ такое двусмысленное положеніе? Она отвѣтила, что женихъ ея не прочь перейти въ православіе, но въ настоящее время не дѣлаетъ этого по чисто житейскимъ соображеніямъ, опасаясь неприятностей—и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи—отъ своихъ родственниковъ.—Разберитесь въ душевномъ состояніи этой дѣвушки, и вы поразитесь силой страшнѣйшей драмы, происходившей въ ея душѣ: съ одной стороны, искреннее желаніе всегда служить Христу, Котораго она съ ранняго дѣтства очень любить, молиться Которому она всегда почитала, почитаетъ и будетъ почитать для себя счастьемъ; съ другой—чисто земное, плотское желаніе вытти замужъ за человека, невѣрующаго въ ея Христа,—желаніе, заставляющее дѣвушку придумывать все, чѣмъ бы можно было оправдать, лучше же сказать, замаскировать свою измѣну Христу. Послѣ бесѣды съ ней, страдавшей отъ этой ужасной коллизіи жизненныхъ обстоятельствъ,—коллизіи, легко разрѣшаемой только съ точки зрѣнія ученія христіанской вѣры, я какъ то невольно сталъ досадовать на существованіе закона, запрещающаго браки христіанъ съ иновѣрцами, потому что,—думалъ я,—при отсутствіи такого закона, не было бы мѣста и отмѣченной мною коллизіи. Но кто знаетъ? Въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, только

наличность такого закона и спасла эту дѣвушку, побудивши ее глубже вдуматься въ свое намѣреніе оставить (хотя бы, какъ утверждала она,—на бумагѣ) съ любовію исповѣдуемую ею вѣру во Христа. Не знаю, по какимъ причинамъ, но только г-жа Л—ъ отказалась отъ своего намѣренія и осталась въ нѣдрахъ православной Церкви.

II.

Свидѣтелемъ точно такой же душевной драмы, только, къ сожалѣнію, съ другимъ исходомъ, пришлось мнѣ быть, когда случилось *увѣщать* другое чадо православной Церкви, заявившее подлежащей власти о желаніи перейти въ «старообрядчество». Какъ оказалось изъ бесѣды, г-нъ К—ъ въ душѣ своей ровно ничего не имѣетъ противъ православія. Мотивомъ же къ возбужденному имъ ходатайству о переходѣ въ старообрядчество служитъ грусть по родственникамъ—старообрядцамъ, съ которыми онъ въ невольной разлукѣ именно въ виду принадлежности его къ православной церкви. «Черезчуръ тяжело—говорилъ онъ—одному выдѣляться изъ всѣхъ своихъ». Я указалъ г. К—у, что, по ученію Господа Иисуса Христа, религіозныя потребности должны стоять выше родственныхъ связей и чувствъ, въ подтвержденіе чего сослался на извѣстныя слова Самого Спасителя (Мѡ. 10, 37). Въ отвѣтъ на это г-нъ К—ъ сказалъ, что Христа онъ не перестанетъ любить и по переходѣ въ старообрядчество, какъ любилъ Его, состоя членомъ православной церкви.—Я замѣтилъ собесѣднику, что мало только любить Христа. Нужно поставить себѣ вопросъ: будетъ-ли Христосъ любить такого своего исповѣдника, который сегодня состоитъ членомъ одного исповѣданія, а завтра переходитъ въ другое, осуждая первое и отрекаясь отъ него. Уже «за всякое слово праздное» намъ придется дать отвѣтъ Господу,—тѣмъ болѣе за такой важный шагъ, какъ перемѣна исповѣданія и отреченіе отъ него,—отреченіе отъ того, къ чему успѣ-

мо такъ прилѣпиться сердце ваше, отреченіе отъ той Церкви, которая съ малыхъ лѣтъ вашей жизни проявляла къ вамъ всю свою любовь, испрашивая и визводя на васъ милости Господни. Г-нъ К—ъ признался, что онъ даже и не подозрѣвалъ, что можетъ существовать такой взглядъ на дѣло, и полагалъ, что переходъ его будетъ заключаться въ чисто формальномъ перечисленіи изъ одного христіанскаго общества въ другое. Въ отвѣтъ на это я совѣтовалъ ему хорошенько обдумать то, что онъ намѣренъ дѣлать. Но, видимо, *обдумываніе* не въ цѣляхъ тѣхъ, кто явно натолкнулъ г. К—на на мысль о переходѣ. Онъ сталъ говорить опять старое (какъ-бы что-то заученное), что онъ уже семь лѣтъ думалъ, или—вѣрнѣе—семь лѣтъ тяготился своей разлукой съ родными своими и теперь не въ силахъ болѣе переносить этого чувства, а потому просилъ скорѣе извѣстить консисторію о его твердомъ рѣшеніи оставить православіе. При этомъ онъ даже высказалъ обѣщаніе, что, если бы при переходѣ изъ православія отъ него потребовалось что-либо, смущающее его совѣсть вродѣ отреченія отъ православной Церкви, къ какой до сихъ поръ принадлежалъ, онъ откажется переходить въ старообрядчество и снова вернется въ лоно православной Церкви. Разъяснивши г-ну К—ну, что наша Церковь уже самое намѣреніе уйти отъ нея почитаетъ за грѣхъ и безъ епитиміи не приметъ его снова въ свои нѣдра, я еще разъ посовѣтовалъ ему обдумать свое намѣреніе и потомъ представить мнѣ письменный отвѣтъ. Черезъ нѣсколько дней К—нъ прислалъ мнѣ письменное заявленіе, въ которомъ онъ настаиваетъ на своемъ рѣшеніи перейти въ старообрядчество, утѣшая себя единственно мыслию, что *духовно онъ чувствуетъ себя одинаково въ ученіи І. Христа*. Эта послѣдняя мысль, высказывавшаяся К-нымъ и въ личной бесѣдѣ со мной, служить яснымъ показателемъ того, что онъ чувствуетъ себя далеко не спокойно, бѣжа изъ православной Церкви. Здѣсь, по нашему мнѣнію, все та же ужасная коллизія,

какая отмѣчена нами въ исторіи перваго, описаннаго выше случая уклоненія изъ нашей православной Церкви: измѣна родному вѣроисповѣданію, противъ котораго г. К—нъ ровно ничего не возражаетъ, и желаніе дружить съ родственниками—старообрядцами, вѣроятно, по чисто матеріальнымъ разсчетамъ. Вообще, г. К—нъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, за спиною котораго дѣйствуютъ другія лица, желающія, во что-бы то ни стало, перевести его въ старообрядчество. Повидимому, впечатлѣніе мое не было ошибочнымъ. По дошедшимъ до меня слухамъ, переходъ г. К—на въ старообрядчество явился большимъ горемъ для семьи его, состоящей изъ жены съ вѣсколькими малолѣтними дѣтьми. Жена К—на—истинный членъ православной Церкви и всячески удерживала мужа въ одномъ съ нею вѣроисповѣданіи, но,—несомнѣнно, въ виду сильныхъ стороннихъ, можетъ быть, даже не исключительно родственныхъ вліяній,—безуспѣшно.

III.

Менѣе глубоко было продумано, лучше же сказать, совсѣмъ не было продумано рѣшеніе перейти изъ православія въ *магометанство* третьей особой, которую также пришлось увѣщать намъ, почему это рѣшеніе и не сопровождалось какимъ-либо сильнымъ душевнымъ волненіемъ. Мотивомъ къ переходу г-жи С. въ магометанство послужило единственно желаніе вступить въ бракъ съ магометаниномъ. Всякія увѣщанія остаться въ правосл. Церкви г-жа С. признала совершенно излишними, потому-что, какъ твердо увѣрена она, въ существѣ дѣла и послѣ бракосочетанія съ магометаниномъ она попрежнему останется православной христіанкой и отъ Христа не отречется.

IV.

Какимъ то совершенно забытымъ существомъ, въ которомъ убита всякая самостоятельная мысль, благодаря сильному стороннему вліянію, является въ моихъ глазахъ

четвертая особа, съ которой также пришлось мнѣ бесѣдовать въ виду возбужденнаго ею ходатайства о желаніи ея перейти въ *римско-католическую вѣру*. Въ отвѣтъ на мое увѣщаніе г-жа А. сказала, что она вопросъ о переходѣ рѣшила окончательно и безповоротно. Когда я поинтересовался узнать, по какимъ мотивамъ она рѣшила это сдѣлать, она призналась, что переходить въ р.-католичество главнымъ образомъ потому, что выходить замужъ за католика. Находившійся здѣсь же женихъ ея—католикъ объявилъ и о другомъ мотивѣ для перехода его невѣсты въ католичество,—это чтобы избѣгать разныхъ формальностей и связанныхъ съ ними затрудненій по вопросу о дѣтяхъ при различномъ вѣроисповѣданіи двухъ супруговъ. «Притомъ—замѣтилъ онъ—вѣроисповѣданія и православное, и католическое не имѣютъ существенной разницы,—потому и для него и его невѣсты собственно безразлично, въ какомъ вѣроисповѣданіи они находятся». Въ отвѣтъ на эти слова я прежде всего замѣтилъ, что въ словахъ и дѣлахъ ихъ обоихъ—и жениха, и невѣсты—нѣтъ согласія: если признать правильнымъ, что православіе и католичество ничѣмъ не отличаются одно отъ другого, то нѣтъ нужды и бѣгать изъ одного исповѣданія въ другое, равно какъ нѣтъ основаній непременно невѣстѣ мѣнять свое исповѣданіе, а не жениху. Если же серьезнѣе отнестись къ вопросу о томъ, есть-ли разница въ двухъ данныхъ исповѣданіяхъ, то эту разницу найдемъ и—даже существенную. Женихъ г-жи А. сталъ утверждать, (часто повторяя одно и то же), что вся сущность ученія Іисуса Христа заключается въ заповѣди—«любить другъ друга», «не дѣлать зла другимъ», а эта заповѣдь можетъ быть исполнена принадлежащими какъ къ православной вѣрѣ, такъ и къ католической; значить, и спастись можно какъ тамъ, такъ и здѣсь». Разсматривая этотъ взглядъ, я замѣтилъ собесѣднику, что кромѣ *нравоученія*, которое главнымъ образомъ имѣеть въ виду онъ и которое, можетъ быть, и сходно въ двухъ вѣроисповѣданіяхъ, есть еще *вѣроученіе*, каковое имѣеть

столь же важное значеніе для нашего спасенія, какъ и нравоученіе, а въ этомъ то пунктѣ (вѣроученіи) мы и находимъ существенную разницу между р.-католичествомъ и православіемъ. И вотъ у меня съ женихомъ г-жи А. въ присутствіи этой послѣдней и, такъ сказать, специально для нея, волей-неволей началось спокойное состязаніе о вѣрѣ. Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о главенствѣ папы. Были, конечно, и другіе вопросы. Изъ разсужденій выяснилось, что мой собесѣдникъ, съ одной стороны, отрицаетъ какое то особое главенство папы и его непогрѣшимость, съ другой—не прочь стоять и за то, и за другое. Вообще же я замѣтилъ,—и онъ это самъ призналъ,—что женихъ г-жи А. къ вопросамъ догматическимъ относится индифферентно, не придавая имъ никакого значенія ¹⁾, а всю сущность въ дѣлѣ спасенія полагаетъ въ добродѣтельной жизни. Того же взгляда, какъ заявилъ онъ, держится и невѣста его А. Я разъяснилъ ему и г-жѣ А., что въ этомъ ихъ заблужденіе: догматической стороной въ религіи отнюдь нельзя пренебрегать, и потому женихъ г-жи А. беретъ на себя большую отвѣтственность за спокойствіе совѣсти своей невѣсты и спасеніе этой послѣдней, могущей въ будущемъ сильно упрекнуть его за то, что сбиль ее съ истиннаго пути къ спасенію на другой, къ которому и самъ относится индифферентно и который, по ученію правосл. Церкви, не ведетъ ко спасенію. Бесѣда моя съ двумя этими собесѣдниками, продолжавшаяся около 2-хъ часовъ, закончилась съ моей стороны искреннимъ убѣжденіемъ—какъ жениху, такъ и невѣстѣ оставаться при своемъ вѣроисповѣданіи, чтобы послѣ не упрекать другъ друга по вопросамъ совѣсти. Я просилъ при этомъ г-жу А. подумать о всемъ, сказанномъ мною, и написать письменное заявленіе о своемъ окончательномъ рѣшеніи по данному вопросу. Уже

¹⁾ Онъ даже позволилъ себѣ высказать такой взглядъ: надоѣсть намъ одно вѣроисповѣданіе, перейдемъ въ другое.

заранѣе можно было предусмотрѣть, каковъ будетъ отвѣтъ этой находящейся, такъ сказать, въ духовномъ плѣну у своего жениха, особы. Можно съ вѣроятностью думать, что письмо было составлено и даже переписано женихомъ г-жи А. и лишь только подписано ею. Но какъ бы то ни было, въ самомъ тонѣ письма очень замѣтно звучить нотка грусти: *«со Христомъ надѣюсь не лишиться спасенія въ римско-католической вѣрѣ»*—эти слова, которыя находимъ мы въ письмѣ, исчерпываютъ всю его сущность. Не ясно ли отсюда, что съ душевнымъ страданіемъ и даже не малымъ совершилось это отступленіе отъ нашей православной вѣры, и—что можно смѣло утверждать,—не малая доля этого страданія пала на самогò виновника того отступничества — жениха г-жи А.?!

V.

Повидимому, совсѣмъ въ особую группу должно поставить лицъ, уклонившихся изъ православія въ лютеранское, евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформатское исповѣданія. Этого рода уклоненія сопровождались какою то особенною, хотя и совершенно непонятной, озлобленностію противъ православной Церкви,—противъ той Церкви, къ какой убѣжавшіе изъ нея принадлежали съ самаго дѣтства,—которая ущедряла ихъ всѣми дарами благодати, всегда молилась и даже теперь—послѣ ихъ бѣгства изъ ограда ея—молится за нихъ. Но что всего важнѣе и здѣсь отмѣтить, — въ самой этой озлобленности иногда очень замѣтно проглядываетъ боль сердца людей, уклонившихся изъ нашей Церкви и желаніе замаскировать эту боль всевозможными нападками на послѣднюю. И чего-чего только ни придумывается для обвиненія нашей Церкви? И обряды, и почитаніе святыхъ, почитаніе мощей, и поведеніе духовенства, и даже... поведеніе возницъ, развозящихъ святыхъ по городу въ каретахъ и т. д. Все это мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго изложенія содержанія нашихъ бесѣдъ съ отпадшими членами нашей Церкви.

Вотъ ходатайство о переходѣ изъ православія въ лютеранство пожилого г-на, изъ военныхъ, П. Въ отвѣтъ на мое увѣщаніе оставаться въ православной Церкви онъ заявляетъ, что намѣреніе оставить православіе созрѣло въ немъ очень давно. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ находился подъ вліяніемъ матери. Когда же пришелъ въ возрастъ, онъ посвятилъ себя изученію религій, начиная съ буддійской, и скоро пришелъ къ заключенію, что вышею религіею должно быть признано христіанство. Сличая же христіанскія вѣроисповѣданія между собою, онъ пришелъ къ тому выводу, что совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ исповѣданій является лютеранство. Выразивши свое сожалѣвіе по поводу такого ошибочнаго вывода г-на П., я спросилъ его, почему же онъ предпочитаетъ лютеранство православію. Оказалось, что основнымъ недостаткомъ православія г-нъ П. признаетъ сильно бьющую въ глаза обрядность, каковую онъ, П., совершенно отрицаетъ и каковой почти совсѣмъ нѣтъ въ лютеранствѣ, куда онъ поэтому съ удовольствіемъ и переходитъ. На мое предложеніе указать тѣ обряды, которые такъ возмущаютъ его, г-нъ П., къ моему удивленію, сослался на таинство покаянія, какое онъ положительно отрицаетъ между прочимъ въ виду того общаго явленія, что оно не достигаетъ своей цѣли: придуть православные христіане къ духовнику, расскажутъ свои грѣхи, а на другой день снова принимаются за нихъ. Разъяснивши, прежде всего, своему собесѣднику, что покаяніе не обрядъ, а таинство, я указалъ ему, что въ его взглядѣ на покаяніе, какъ оно совершается въ православной Церкви, кроется крупное недоразумѣніе, такъ какъ, православная Церковь никогда не понимала и не понимаетъ подъ таинствомъ покаянія простой пересказъ грѣховъ. Основнымъ, существеннымъ элементомъ его она признаетъ намѣреніе исправиться, своего рода обѣщаніе отстать отъ своихъ грѣховъ и—самое важное — послѣ такого раскаянія получить чрезъ священника прощеніе грѣховъ отъ Самого Іисуса Христа.

Послѣ такого моего разъясненія г-нъ П. сталъ говорить объ обрядахъ нашей Церкви вообще и о совершенной ненужности ихъ. Я постарался въ самыхъ простыхъ словахъ доказать ему, что обряды являются прекраснымъ и необходимымъ дополненіемъ къ существенному содержанію христіанской религіи, указалъ ему на полную необходимость и наличность ихъ не только въ религіи, а даже и въ обыденной жизни, выразивши при этомъ полную увѣренность, что и самъ г-нъ П., отрицающій обряды въ религіи, соблюдаетъ извѣстнаго рода обряды въ обыденной своей жизни, когда, напримѣръ, подражаетъ въ чемъ-либо людямъ, которыхъ уважаетъ и считаетъ для себя образцами,—хотя бы въ манерѣ говорить и т. п. Наши религиозные обряды и суть ничто иное, какъ подражаніе тѣмъ внѣшнимъ знакамъ, въ которыхъ выражали свои религиозныя чувства Основатель нашей религіи Господь Іисусъ Христосъ и лучшіе—святые—представители ея.—Убѣдившись изъ разсужденій съ г. П., что онъ не глубоко обсудилъ такой столь важный шагъ своей жизни, каковъ предпринимаемый имъ переходъ изъ православнаго исповѣданія въ лютеранское, я посовѣтовалъ ему посерьезнѣе отнестись къ этому вопросу и главнымъ образомъ принять во вниманіе то, какихъ благодатныхъ даровъ лишается онъ, уходя изъ православной Церкви. П. возразилъ, что онъ останется съ Евангеліемъ Христовымъ, которое одно только и признаетъ. Я сдѣлалъ ему вполне естественное замѣчаніе, что какъ разъ въ этомъ Св. Евангеліи онъ найдетъ указаніе на необходимость таинствъ, каковыя совершаются въ православной Церкви и каковыхъ хочетъ по непонятной причинѣ лишиться себя онъ, П. Послѣдній попросилъ у меня разъясненія одного мѣста изъ Евангелія Маттея, каковое разъясненіе мною тотчасъ же и было сдѣлано. Таковое же разъясненіе получилъ отъ меня г. П. и по поводу заявленія его о невѣрїи въ существованіе рая и ада. Не обошлось дѣло и безъ обвиненія православнаго духовенства и, между про-

чимъ, даже въ томъ, что совершенно сторонніе намъ люди утилизируютъ религіозное чувство—онъ имѣлъ въ виду возницъ при каретахъ, въ которыхъ возятъ по Москвѣ святыни, каковыя (возницы) будто бы при этомъ очень наживаются. На эти слова я далъ собесѣднику своему общій отвѣтъ, что очень и очень многое ставится въ упрекъ православному духовенству, а вмѣстѣ съ нимъ и самой православной вѣрѣ, но какъ-бы ни грязнили бѣлое, оно все равно останется бѣлымъ: и въ самой грязной скорлупѣ бываетъ очень хорошее зерно. Посовѣтовавши г-ну П. еще разъ всесторонне обдумать свое намѣреніе уйти изъ православной Церкви и о результатахъ размышленія дать мнѣ письменный отвѣтъ, я закончилъ съ нимъ бесѣду. Черезъ три дня я получилъ этотъ отвѣтъ, изъ котораго видно, что П. остается при своемъ рѣшеніи перейти въ лютеранство; письмо свое онъ заканчиваетъ выраженіемъ мнѣ благодарности за горячія слова. Ахъ, какъ я былъ бы радъ, если бы г. П. отвѣтилъ мнѣ не изъявленіемъ благодарности, а согласіемъ на мое искреннее пастырское увѣщаніе! Но, нужно думать, во время личной бесѣды со мной г-нъ П. не указалъ мнѣ настоящихъ мотивовъ, побудившихъ его уйти изъ православной Церкви, и, по крайней мѣрѣ, самаго главнаго изъ этихъ мотивовъ; а онъ - то, этотъ мотивъ, скорѣе всего и укрѣпилъ его въ осуществленіи его намѣренія, хотя самъ по себѣ, вѣроятно, не имѣетъ ничего общаго ни съ православіемъ, ни съ лютеранствомъ.

VI.

Были и еще два случая перехода изъ нашей православной Церкви въ лютеранство, о которыхъ стоитъ упомянуть только потому, что они являются наилучшимъ показателемъ того, что въ числѣ членовъ нашей Церкви нѣкоторыя лица состоятъ по недоразумѣнію. Такъ, г-жа И., заявившая о своемъ желаніи перейти въ лютеранство,

въ отвѣтъ на мое увѣщаніе сказала, что она никогда и не принадлежала къ православному вѣроисповѣданію, будучи только окрещена по православному обряду. Дѣло въ томъ, что съ самаго дѣтства она воспитывалась въ лютеранствѣ и православной вѣры она не признаетъ. Поэтому свою принадлежность къ православной Церкви она считаетъ чисто бумажной и отнюдь не хочетъ оставаться въ такомъ двусмысленномъ положеніи. Я замѣтилъ, что, можетъ быть, въ этой-то чисто бумажной принадлежности ея къ православной Церкви заключается для нея счастье—особенно въ настоящій моментъ, когда она рѣшила порвать даже бумажную связь съ православною Церковію. Въ разъясненіе своихъ словъ, сначала непонятыхъ И., я сказалъ, что, можетъ быть, какъ разъ въ этотъ моментъ ея жизни Господь ждетъ отъ нея, не поинтересуется-ли она получше узнать православную вѣру, въ которую окрещена и не перемѣнитъ-ли своего рѣшенія уйти въ лютеранство, сдѣлавшись истиннымъ чадомъ православной Церкви. Въ отвѣтъ на эти мои слова г-жа И. стала утверждать, что въ православной Церкви ее давитъ главнымъ образомъ обрядность, каковую она положительно отрицаетъ. Въ противовѣсъ такому взгляду я разъяснилъ смыслъ, значеніе и полную необходимость для вѣрующаго христіанина обрядовъ, представивши самые простые примѣры. Изъ дальнѣйшей бесѣды я убѣдился, что моя собесѣдница смѣшиваетъ обряды съ таинствами и признаетъ ненужными таинства покаянія и причащенія. При помощи словъ Самого Иисуса Христа я доказалъ ей всю неправильность такого взгляда. Точно такое же разъясненіе пришлось сдѣлать мнѣ въ виду смѣшенія г-жею И. обряда съ догматомъ. При этомъ она довольно многозначительно выразила ту мысль, что вообще для православныхъ христіанъ дѣло съ обрядами не всегда обстоитъ благополучно. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ со мной г. И. начала дѣлать самые несущественные упреки нашей Церкви и, между прочимъ, за то, что ко св. чашѣ во время При-

чащенія у насъ приступаютъ все—одинъ за другимъ, и, такимъ образомъ, никто не застрахованъ отъ зараженія какою-нибудь болѣзною. Я объяснилъ ей, что никто не воспрепятствовалъ бы ей причащаться отдѣльно отъ другихъ, если она опасается заразы — объ этомъ стоитъ только заявить священнику, хотя въ данномъ случаѣ главное значеніе должна имѣть вѣра, при которой и «смертное питіе» можетъ не повредить. Собесѣдница моя въ концѣ концовъ снова ухватилась за обряды, увѣряя, что она изъ-за нихъ бѣжитъ изъ православной Церкви и снова смѣшивала ихъ съ таинствами. Высказавши въ виду этого свой откровенный взглядъ на ея сужденія, какъ недостаточно глубоко продуманныя, я совѣтовалъ ей хорошенько обдумать предпринимаемый ею серьезный шагъ жизни.— Результатъ обдумыванія не трудно было, конечно, предвидѣть: г-жа И. не перемѣнила своего намѣренія, о чемъ и извѣстила меня письмомъ.

VII.

Точно такимъ же, можно сказать, получленомъ православной Церкви была и г-жа Ф.—К., возбудившая ходатайство о переходѣ ея въ евангелическо-лютеранскую вѣру. Какъ выяснилось изъ бесѣды съ ней, она съ самаго дѣтства жила въ лютеранской семьѣ и еще 6 лѣтъ назадъ рѣшила перейти въ лютеранство. Съ тѣхъ поръ душой она уже тамъ—въ лютеранствѣ и къ православной Церкви почти никакого отношенія не имѣла: въ православныхъ храмахъ она почти и не бывала, таинствъ церковныхъ не принимала, развѣ только въ дѣтствѣ, да предъ свадьбой (т. покаянія)—въ виду формальной необходимости представленія причту документа объ исповѣди для бракосочетанія.—Желая углубить свою собесѣдницу въ сущность принятаго ею рѣшенія, я спросилъ ее, задавала ли она себѣ вопросъ: будетъ ли угодно Христу то, что она задумала? Г-жа Ф.—К. сказала, что Христосъ

одинъ и въ православной Церкви и въ ев.-лютеранской. «Тѣмъ непонятнѣе» — возразилъ я ей — «ваше желаніе уйти изъ нашей Церкви, разъ Христось Одинъ и Тотъ же», и я сталъ убѣждать ее, пока еще не поздно, дать себѣ болѣе основательный отчетъ въ задуманномъ ею шагѣ. Въ отвѣтъ на это г-жа Ф. К. рѣзко объявила мнѣ, что она твердо и безповоротно рѣшила перейти въ ев.-лютеранскую вѣру, и что всѣ мои увѣщанія совершенно излишни, такъ какъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ она давать не хочетъ. На этомъ, конечно, и закончилась моя бесѣда съ г-жей Ф. К., которая, очевидно, сказала правду, что давно уже никакого отношенія къ нашей Церкви она не имѣетъ, такъ какъ не воспитала въ себѣ даже элементарнаго чувства почтенія къ священному сану и довѣрія къ искренности того, что говоритъ пастырь Церкви.

VIII.

Всѣ мои сообщенія объ отпадшихъ отъ нашей православной Церкви въ занимаемомъ мною приходѣ за прошедшій 1908 годъ заключу изложеніемъ содержанія моей бесѣды еще съ одной особой, пожелавшей перейти изъ православія въ ев.-реформатскую вѣру. На этотъ случай отпаденія стоитъ обратить особенное вниманіе, какъ на ясный показатель того, съ какою иногда страшною злобою противъ нашей Церкви бѣгутъ изъ нея лица, нѣкогда принадлежавшія къ ней. — Въ отвѣтъ на мое пастырское увѣщаніе, предложенное г-жѣ И., она объявила мнѣ, что ея рѣшеніе перейти въ ев.-реформатскую вѣру твердо и безповоротно. Оно созрѣло уже много лѣтъ тому назадъ, но послѣднія обстоятельства ея жизни побудили ее какъ можно скорѣе привести свое намѣреніе въ исполненіе. Изъ дальнѣйшей бесѣды моей съ И. оказалось, что главнѣйшимъ мотивомъ, побудившимъ ее къ переходу изъ православія, является сильная озлобленность противъ православнаго духовенства, которое, по ея убѣжденію, со-

вершено не отвѣчаетъ своему назначенію. Благодаря этой предрасположенности противъ православнаго духовенства она, И., усердно и много лѣтъ наблюдала за этимъ послѣднимъ, и худыя стороны его у ней постоянно предъ глазами. Въ особенности ее возмутилъ случай, имѣвшій мѣсто при отпѣваніи ея матери—нетрезвость и неблагоповеденіе отпѣвавшаго священника. На эти слова г-жи И. я замѣтилъ, что печальныя исключенія—если только И. говорить правду—возможны вездѣ и во всемъ, но нельзя же принимать во вниманіе однѣ только худыя стороны какого бы то ни было явленія, игнорируя другія—свѣтлыя. Господь І. Христосъ даже и въ фарисеяхъ, которыхъ Онъ сильно осуждалъ, нашелъ все-таки кое-что такое, что должно быть выслушиваемо и исполняемо (Мѡ. 23, 3). Во-вторыхъ, если бы даже сгустить настолько краски, что и все православное духовенство оказалось бы предъ черзачуръ строгимъ взоромъ ея, И., не отвѣчающимъ своему назначенію, отсюда еще не слѣдовала бы необходимость ставить крестъ на всемъ вѣро- и правоученіи православной Церкви. Существенное, важное для нашего спасенія нельзя приносить въ жертву случайному,—тѣмъ болѣе тѣмъ единичнымъ исключительнымъ случаямъ, какіе притомъ *намыренно* были подмѣчаемы ею въ православномъ духовенствѣ. При посредствѣ такихъ сужденій мнѣ хотѣлось собственно узнать, насколько серьезно и самостоятельно рѣшенъ г-жею И. вопросъ о переходѣ изъ православія. Уклоняясь всѣми силами отъ прямого отвѣта на данныйъ вопросъ, г-жа И. все-таки кое-какъ по нему высказалась. Она указала, что въ православной Церкви не выдвигается на первый планъ добродѣтель и необходимость ея, почему ни пастырями, ни паствою дѣла добродѣтели и не выполняются. Между тѣмъ, въ ев.-реформатской церкви на это и обращено все вниманіе, да въ этомъ и заключается сущность христіанства. Я замѣтилъ, что въ воззрѣніяхъ по этому вопросу г-жи И.—явное недоразумѣніе. Христіанскія добродѣтели всегда

выдвигались и выдвигаются православною Церковію на первый планъ; другой вопросъ—о невыполненіи ихъ задачами православною Церкви. Въ этомъ уже вина не Церкви, а самихъ вѣрующихъ. Притомъ такіе малодобродѣтельные люди могутъ найтись и въ числѣ послѣдователей всѣхъ вѣроисповѣданій, да и ей, И., кто же мѣшаетъ осуществлять въ своей жизни христіанскія добродѣтели? Послѣ этого И. указала на то, что ей чувствуется совершенно не по себѣ, когда, присутствуя при православномъ богослуженіи, она слышитъ молитвенное обращеніе къ святымъ людямъ, такъ какъ почитаніе святыхъ и въ особенности ихъ мощей она совершенно отрицаетъ. Въ отвѣтъ на эти слова я указалъ своей собесѣдницѣ на явное противорѣчіе въ ея взглядахъ, совершенно упускаемое ею изъ виду. Вѣдь она такъ сильно стоитъ за осуществленіе въ жизни христіанскихъ добродѣтелей... но въ силу этого самаго взгляда она съ непремѣнной необходимостью должна допустить почитаніе святыхъ, которые были не иными чѣмъ вѣдудь, какъ истинными героями въ осуществленіи христіанскихъ добродѣтелей. Они—наилучшіе образцы въ отношеніи выполненія этихъ послѣднихъ. Безъ этихъ образцовъ она не сумѣла бы осуществить ни одной добродѣтели. Послѣ этого И. высказалась противъ почитанія мощей и—въ частности—противъ открытія мощей преп. Серафима Саровскаго, указавши на то, что открытіе мощей этого святого совершилось въ чисто коммерческихъ расчетахъ православнаго духовенства. Предоставивши на судъ ея совѣсти послѣднія сужденія г-жи И., я въ простыхъ словахъ и на примѣрахъ показалъ полную естественность религіознаго почитанія мощей святыхъ угодниковъ. Относительно же препод. Серафима я высказалъ свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что оффиціальное открытіе мощей этого угодника слишкомъ запоздало; для простого русскаго народа и для всѣхъ, знавшихъ преп. Серафима или просто только слышавшихъ о немъ, мощи его никогда и не закрывались: вѣдь лѣсная тропинка на его «гробикъ»,

проложенная простымъ народомъ еще при жизни святого, не заросла и до сихъ поръ. И сама г-жа И., если бы взяла на себя трудъ познакомиться съ личностью препод. Серафима по жизнеописаніямъ, несомнѣнно, могла бы проникнуться только глубокимъ почтеніемъ къ этой—въ высшей степени одухотворенной личности. Въ заключеніе своей бесѣды съ г. И. я сказалъ ей, что хотя она и давно задумала уйти изъ православія, но мотивы, которые питаютъ это ея намѣреніе, очень не глубоки и сводятся даже къ недоразумѣніямъ, въ виду чего и совѣтовалъ ей еще разъ продумать свое намѣреніе и обратить при этомъ главное вниманіе на то, какихъ благодатныхъ даровъ лишается она въ случаѣ ухода изъ православной Церкви.— Какъ и слѣдовало ожидать, на такую, черезчуръ сильно озлобленную противъ нашей Церкви, особу никакія пастырскія увѣщанія уже не могутъ оказывать никакого дѣйствія. Въ своемъ письмѣ на мое имя она заявила, что она остается при своемъ рѣшеніи перейти въ ев.-реформатскую церковь.

Въ заключеніе всего, сообщеннаго нами, не безынтересно было бы рѣшить вопросъ: что же лежитъ въ основѣ всѣхъ, отмѣченныхъ нами, отпаденій отъ православной Церкви. По нашему мнѣнію, такой основой нужно признать полнѣйшій индифферентизмъ многихъ членовъ нашей Церкви къ вопросамъ вѣры или же чисто матеріальные расчеты. Одна изъ увѣщаемыхъ нами особъ (не помню, какая), когда я старался указать ей всю разницу вѣроисповѣданія православнаго и инославнаго, откровенно заявила мнѣ, что она и въ Бога-то почти не вѣруетъ, такъ что къ вѣроисповѣднымъ различіямъ относится совершенно равнодушно. Почти во всѣхъ отмѣченныхъ нами отпаденіяхъ черезчуръ ясно проглядываетъ и матеріальный расчетъ, какъ (часто) главнѣйшій мотивъ для уклоненія отъ православной вѣры. Глубоко продуманнаго отрицанія православнаго вѣроисповѣданія и какого-либо ясно выражаемаго преимущества предъ нимъ инославныхъ

исповѣданій (какового преимущества у послѣднихъ, конечно, и на самомъ дѣлѣ нѣтъ) мы не встрѣчаемъ у лицъ, отпадающихъ отъ нашей православной Церкви. Въ этомъ пока все счастье насъ, пастырей Церкви, дорожащихъ спасеніемъ своихъ пасомыхъ: сознательное невѣріе еще не проникло въ глубину души людей нашего времени; оно разгуливаетъ пока только по поверхности ея. Будемъ же всячески заботиться объ укрѣпленіи вѣры въ сердцахъ нашихъ пасомыхъ—главнымъ образомъ путемъ духовнаго ихъ просвѣщенія, разъясняя имъ истины нашей вѣры. Намъ кажется, что отпадшіе отъ нашей Церкви члены (про каковыхъ сообщали мы въ настоящей статьѣ) пострадали именно отъ недостатка просвѣщенія. При заботахъ же о просвѣщеніи своихъ пасомыхъ, главное вниманіе обратимъ на форму нашего слова. Пусть оно будетъ простымъ, живымъ и увлекательнымъ.—Вѣдь враги нашей вѣры такъ прекрасно владѣютъ этимъ оружіемъ. Научимся и мы говорить хорошо и отъ всего сердца, на славу Божию и на пользу нашихъ ближнихъ.

Свящ. Николай Дуневскій.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока.)

«*Что Мы вопрошаеши? вопросы слышавшихъ...*» говорить Господь на вопросъ о Своемъ ученіи. А что, если бы этотъ распинатель Господа дѣйствительно пошелъ да и спросилъ насъ слышавшихъ, но живущихъ такъ недостойно и вопреки Христову ученію? Какое понятіе составилъ бы онъ о нашемъ Учителѣ? Не помогли ли бы мы этому распинателю обвинить Христа? не помогаемъ ли мы и теперь всѣмъ врагамъ и ненавистникамъ Христовымъ своею нечистою, лживою, порочною, безсовѣстною жизнію? Не порочимъ ли мы имя Христово, которое носимъ, и ученіе, которое слышали отъ Него и обязались исполнить?

* * *

«*Воставше отъ сна... ангельскую пѣснь вопіемъ Ти...*» Ангельская пѣснь не словами только ангельскими, но и чувствами, пламенностію, страхомъ и трепетомъ ангельскими должна быть приносима Господу Богу. А мы не только иногда не ангельскую, но и не человѣческую пѣснь приносимъ: бессознательное бормотаніе и безчувственное рукомаханіе, и думаемъ—такъ и надо, довольно съ насъ.

* * *

«*Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ того Богъ...*» Страшныя слова: кто растлѣваетъ свою душу и тѣло плотскими нечистыми дѣяніями, не себя растлѣваетъ,

а Божій храмъ,—и какую тяжкую отвѣтственность долженъ понести таковой за столь тяжкое преступленіе—поруганіе и растлѣніе храма Божія!

* * *

Господи! Дни летятъ за днями, а я все такъ же нерадивъ. Долгъ мой копится и копится. Расплата же все отсрочивается и отсрочивается. И долготерпѣніе Твое истощается и истощается. Увы! я же все такъ же бѣденъ и нищъ.

* * *

Слѣши сдѣлать все тебѣ предназначенное и посильное. Слѣши, чтобы не осталось чего неконченнымъ; неоконченное что-либо часто дѣлаетъ непригоднымъ все. Одежда безъ рукавовъ, мебель безъ ногъ, зданіе безъ крыши—какая же это работа, и какой заказчикъ ее приметъ? Такъ и Господь.

* * *

«Сей есть Сынъ Мой возлюбленный...» послышалось съ неба во время Преображенія Господня, по описанію евангелистовъ. «И сей гласъ мы слышахомъ, съ Нимъ суще на горѣ святѣй...» подтверждаетъ св. Петръ не только за себя, но и за своихъ товарищей по видѣнію («мы слышахомъ»). Не ясно ли, какъ тверда и несомнѣнна истина сего замѣчательнаго событія, подтверждающаго Божество Спасителя нашего!

* * *

Нѣкогда привели ко Спасителю женщину, уличенную въ тяжкомъ грѣхѣ, и приведшіе требовали примѣненія къ ней законнаго суда Божія—побіенія камнями. А Спаситель лишь сказалъ: «иди, Я не осуждаю тебя...»

А у гроба умершаго христіанина, гдѣ пришедшаго на судъ Божій окружаютъ ему сочувствующіе и молящіеся

о немъ, ужели Спаситель вопреки такимъ единомушнымъ мольбамъ о помилованіи, скажетъ: «—иди прочь, Я осуждаю тебя»... Милосердый Господи! Прости, что мнѣ не вѣрится этому.

* * *

Человѣкъ старается использовать всѣ силы и свойства какой-либо машины. Чѣмъ онъ практичнѣе, хозяйственнѣе, тѣмъ больше сумѣетъ извлечь изъ нея выгодъ. Посредствомъ кожанаго непрерывнаго ремня, силою одного и того же пара, онъ въ одно и то же время можетъ заставить работать нѣсколько колесъ самыхъ разнообразныхъ мастерскихъ. Такъ человѣкъ долженъ использовать и себя во всемъ разнообразіи и силѣ своихъ способностей, не теряя ни минуты драгоценнаго времени, котораго такъ мало и котораго такъ жаль будетъ при концѣ кратковременной нашей жизни.

* * *

Монахъ безъ дара слезнаго то же, что прекрасно снаряженный корабль безъ воды и безъ плаванія. Не имѣя дара этого и не стараясь приобрѣсти его, онъ не имѣетъ одной изъ самыхъ сильныхъ уздъ свой слабости и посполновенности на всякій грѣхъ.

* * *

Высшая степень проникновенія тайнами Божиими, благодѣяніями воплощенія Сына Божія и безпредѣльною Его любовію—слезы умиленія. Онъ—истинное мѣрило духовной зрѣлости человѣка для Царства Божія и общенія со Святыми. При нихъ не пойдетъ человѣку на умъ никакая суета и сладость мірская, ничто грѣховное, беззаконное, недостойное званія христіанскаго.

* * *

«Царствующиихъ еси Царь прекрасенъ...» (кан. Преображен.). *«Яко небомъ владущему и землю господствующему»*

*и надъ преисподними область имущему, Христе, предста-
ша Ти: отъ земли убо апостоли, яко съ небесе же Огвсв-
тянинъ Илія, Моисей же отъ мертвыхъ...* (кан. Преобра-
женія). Таковъ глубокознаменательный смыслъ Фаворскаго
знаменія, увѣряющаго насъ въ божественности Спасите-
ля съ такою же очевидностію и силою, съ какою Онъ
увѣрялъ насъ въ этомъ Своимъ ученіемъ и всею жизнію
и дѣлами.

* * *

Наша природа—какъ земля; хотя бы ты ничѣмъ ея не
засѣялъ, она нараститъ тебѣ плевель, терніевъ и
всякой сорной травы. Не мы ли виноваты, что не засѣ-
ваемъ ее сѣменами добра, которыя не дали бы мѣста
сорной травѣ, а сами бы заняли ее своими прозябеніями
и плодами.

* * *

Подчиненіемъ Своей Пречистой Матери общему закону
смерти Господь хотѣлъ показать намъ, какого страшнаго
врага побѣдилъ Онъ Своею смертію, и то, какъ тяжка
наша вина предъ Нимъ въ грѣхопаденіи праотцевъ, если
даже Пречистую Матерь Свою Онъ не изгялъ изъ обща-
го человѣческаго удѣла—смерти.

* * *

Какъ въ смерти Господа виноваты были *мы*,—это *мы*
нанесли Ему раны и положили во гробъ Своею грѣхов-
ностію,—такъ въ смерти Пречистой Его Матери виноваты
тоже мы: такъ тяжелъ былъ нашъ грѣхъ предъ Нимъ,
что и Пречистая Матерь Его несетъ Свою столь немалую
долю искупленія отъ него Своею смертію.

* * *

Кромѣ нерукотвореннаго Своего образа, отпечатлѣв-
шаго тѣлесную красоту Спасителя нашего, свозъ кото-

рую едва только нѣкая часть красоты Его душевной проглядывала, Господь оставилъ намъ безчисленное множество и другихъ нерукотворенныхъ образовъ, отображающихъ не столько Его тѣлесную, сколько душевную, небесную, божественную Его красоту. Это—святыя угодники Божіи, по примѣру которыхъ и мы своею жизнію должны начертать и отобразить въ своей душѣ нетлѣвную красоту Спасителя нашего со всею точностію и живостію.

* * *

Образъ Господень долженъ отпечатлѣваться въ душахъ и сердцахъ нашихъ до такого тождества и сходства, чтобы все наше могло быть названо Господнимъ, по апостолу: *«живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ...»* словами, мыслями, дѣйствіями и всѣми желаніями.

* * *

Подражаніе кротости, милосердію, незлобію и прочимъ достоинствамъ Господнимъ дѣлаетъ и насъ истинными нерукотворенными точными Его образами. Особенно это надо сказать о любви ко врагамъ. Въ ней любовь Божественная проявилась наиболѣе ярко и преславно: въ ней по преимуществу отразилась и красота угодниковъ Божіихъ, особенно св. мучениковъ, которые, будучи гонимы и терзаемы мучителями, молились подобно Спасителю: *«Господи, не постави имъ грѣха сего»* (св. Стефанъ).

* * *

Для воздержанія отъ грѣховъ полезно намъ помнить, что каждый грѣхъ лишаетъ насъ права на мирную христіанскую кончину. А кому изъ нерадиво живущихъ и на дѣла свои ненадѣющихся не хочется хотя умереть бы по христіански. Монаху хочется этого болѣе всего. И если онъ чаще будетъ думать о кончинѣ и о томъ, что всякій даже малѣйшій грѣхъ можетъ лишить его этой надежды,

для многихъ единственной, это отъ многого его удержать. Ни одинъ нашъ грѣхъ не пройдетъ безъ стыда и посрамленія нашего, которое есть въ то же время торжество діавола. О, ужели же вмѣсто служенія Богу намъ служить діаволу? И вмѣсто того, чтобы радовать сердце Божіе, мы будемъ радовать злобу діавольскую? Чьи же мы тогда служители?

* * *

Наша работа по созиданію спасенія своего подобна работѣ мастеровъ—наемниковъ: то подвинется, то замретъ, оставаясь безъ всякаго движенія на долгое время. Это работа изъ подъ палки, за страхъ, а не за совѣсть; а въ этомъ дѣлѣ, если такая работа и сдѣлаетъ что, цѣна тому—грошъ.

* * *

«Воскресни, Господи, въ покой Твой, Ты и Кивотъ святыхи Твоя...» Матерь Божія—истинный кивотъ святыхи Господней—дѣйствительно воскресла въ покой Господень, какъ и Самъ Господь. Дивно, что пророки предузрѣли и это чрезъ такую даль вѣковъ.

* * *

За гордость и самомнѣніе попускаетъ Господь намъ впаденіе въ тяжкіе грѣхи. А смиреніемъ и самоуничиженіемъ очищаетъ и покрываетъ эти грѣхи, если они уже совершены, и предохраняетъ отъ нихъ, если они еще только угрожаютъ намъ.

* * *

Мы строимъ себѣ зданіе доброе на небесахъ, но всегда почти тотчасъ же и закладываемъ его врагу за дешевую цѣну, ничтожную цѣну временной грѣховной сладости и самоугодія.

* * *

Мы гораздо хуже того евангельскаго юноши, который *отъиде скорбя* на приглашеніе Спасителя къ высшему совершенству. Какъ никакъ, а тотъ по крайней мѣрѣ хотя могъ сказать: *«вся сія сохранихъ отъ юности моя (заповѣди Божіи)»*. А мы? Мы вѣдь во всемъ повинны, по строгому закону Христову. Мы и убійцы (словами и обидами ближнему), и прелюбодѣи (нечистыми воззрѣніями на женщину) и т. д. Итакъ, жалѣя евангельскаго юношу, отошедшаго со скорбію отъ Господа, пожалѣй еще болѣе себя, какъ не только отходящаго отъ своего Благодѣтеля, но и обрекающаго себя въ завѣдомое достояніе врага, въ состояніе отверженія Богомъ и совершеннаго отчужденія отъ Него.

* * *

Съ трепетомъ внималъ я, что такое предложить Господь юношѣ, пожелавшему высшаго совершенства. Я думалъ, Онъ скажетъ ему: иди въ пустыню, будь постникомъ, подвижникомъ и т. п. И вдругъ—совсѣмъ не то, но гораздо болѣе легкое: *«продай, что имѣешь, и дай нищимъ»*. Если этого не нашель въ себѣ силы сдѣлать юноша, довольно и испытывать: не ясно ли, что несчастный имѣлъ уже надъ собой господина и другому уже не могъ служить?

* * *

Скорби наши—это суть какъ бы предохранительныя прививки, предохраняющія челоуѣка отъ вѣчныхъ страданій въ будущей жизни. Здѣсь пострадешь, тамъ будешь свободенъ отъ страданій. А здѣсь не поскорбимъ, не пострадаемъ,—болѣе чѣмъ вѣроятно заболѣемъ другимъ вѣчнымъ неизлѣчимымъ страданіемъ.

* * *

Мы проданы грѣху. Сами себя продали. Достояніе Божіе мы, а продали это достояніе грѣху и врагу нашему, совершивъ, такимъ образомъ, явное святотатство и,

такъ сказать, самую тяжелую растрату казеннаго Божьяго добра. И только милосердіе Божіе можетъ опять выкупить насъ и обратить опять въ свою полную собственность и достояніе. Мы можемъ и должны съ своей стороны помочь сему—милостынями, молитвами, покаяніемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ.

* * *

Большую сладость почувствуешь ты, когда, полагая на себѣ крестное знаменіе, постараешься сдѣлать это сознательно и съ умиленною мыслию о Распятомъ и любовію къ Нему. А то мы какъ - то такъ привыкаемъ къ этому легкому дѣйствию, что не соединяемъ обыкновенно никакой мысли съ нимъ и не испытываемъ, конечно, никакой и пользы отъ этого дивнаго оружія и источника милостей и утѣшеній Божіихъ къ намъ недостойнымъ.

* * *

Сокращай свои пристрастія и потребности до послѣдней степени. Сколько въ нашемъ ежедневномъ обиходѣ излишняго, ненужнаго, отнимающаго лишь напрасно время, силы и здоровье!

* * *

Любовь ко врагамъ не должна быть безразличіемъ къ нимъ во всѣхъ ихъ отношеніяхъ. Напротивъ, она вполне совмѣстима съ удаленіемъ отъ тѣхъ, общеніе съ которыми можетъ быть вредно для нашей вѣры и нравственности. Вотъ почему и Спаситель о нѣкоторыхъ людяхъ говоритъ: *«буди тебѣ яко язычникъ и мытарь»*. И апостоль любви заповѣдуетъ не принимать въ домъ и даже *«здравствуй»* тому не говорить, кто не исповѣдуетъ истиннаго ученія Христова.

* * *

Господи! Мы обладаемъ Тобою, но и сами часто не подозрѣваемъ всей драгоцѣнности этого обладанія. О, Ты намъ дорогъ, дорогъ, но только мы не чувствуемъ этого, какъ Ты намъ дорогъ. И странное дѣло. Я почувствовалъ это особенно, когда однажды началъ проповѣдывать о Тебѣ готовившемуся ко св. крещенію еврею. Доказывая ему, какъ Ты намъ дорогъ, я никогда такъ не чувствовалъ и не признавалъ самъ этого, какъ во время этой проповѣди.

* * *

Мы не знаемъ своей вѣры, не знаемъ Евангелія... Пѣвецъ знаетъ тоны, адвокатъ законы, врачъ свойства цѣлебныхъ травъ, купецъ всѣ тонкости расчета. А православный христіанинъ не знаетъ своей вѣры. Не удивительно ли это? Не преступно ли?

* * *

Любовь къ ближнему Апостолъ полагаетъ въ томъ, чтобы мы поступали по заповѣдямъ Божиимъ (2 Іонн. 1, 6: сравн. 1 Іоан. 5, 2). Эти заповѣди, обладающія удивительною способностію мирно, кротко, любвеобильно ко всѣмъ настраивать человѣческія души, дѣйствительно являются лучшимъ воспитаніемъ въ насъ любви къ ближнему, независимо отъ того, что на эту любовь нѣкоторыя изъ нихъ прямо и сильно побуждаютъ всѣхъ, кто хочетъ оказать любовь къ Богу.

А. І.

Теорія вселенной, христіанскія и противохристіанскія.

VI.

Современный умозрительный теизмъ.

Литература: F. W. Newman, *The Soul; Phases of Faith*; сочиненія Theodor'a Parker'a, и особенно *A Discourse on Religion*, vol. 1; *Of Speculative Theism*, vol. XI; Miss F. P. Cobbe, *Broken Lights; Darwinism in Morals and other Essays*; Pecaut, *Le Christ et La Conscience; Sur L'Avenir du Theisme Chretienne*; Schwartz, *Zur Geschichte der neuesten Theologie*; Pfeleiderer, *Die Religion*; Martineau, *A Study of Religion*; Aubrey L. Moore, *Science and the Faith*.

Въ большей части существенныхъ подробностей, если только не во всѣхъ нихъ, система мышленія, извѣстная подъ названіемъ современнаго умозрительнаго теизма, представляетъ ту же самую религіозную тенденцію, какая въ восемнадцатомъ столѣтіи была извѣстна подъ названіемъ теизма, свободомыслія, Aufklärung'a. Въ болѣе новой системѣ встрѣчаемъ то же самое отрицаніе откровенія, то же самое сведеніе религіи къ немногимъ элементарнымъ вѣрованіямъ, всѣмъ доступнымъ при помощи свѣта природы, то же самое натуралистическое пониманіе отношеній Бога къ міру, то же самое скептическое отношеніе къ чудесному во всѣхъ его видахъ и сферахъ. Однако руководители этой новѣйшей системы очень много пекутся о томъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ деистами. Отсюда они избрали для себя названіе теистовъ. Такимъ названіемъ, если судить о дѣлѣ съ этимологической точки зрѣнія, должно обозначаться то же самое, что и словомъ

действы, и единственное различіе между этими двумя словами заключается въ томъ, что первое производится отъ греческаго названія Бога Θεός, а послѣднее отъ латинскаго Его имени *Deus*. Одна представительница этой новой школы проводить такое различіе между нею и старой школой:

«Деизмъ восемнадцатаго столѣтія, съ его холоднымъ и сухимъ отрицаніемъ христіанства, теперь выдохся навсегда и уступилъ мѣсто теизму, который, въ писаніяхъ Ньюмана и Теодора Паркера, по духовности и теплотѣ религіознаго чувства, можетъ соперничать со всякой другой міровой религіей. Богъ для насъ не есть болѣе Великая Первопричина, познаваемая при помощи индуктивнаго доказательства и живущая въ недосыгаемомъ величіи, гдѣ мы можемъ предъ Нимъ только страшиться и преклоняться, а не молиться Ему и относиться къ Нему съ любовію. Онъ опять есть нашъ небесный Отецъ, Богъ, который открывается нашему сознанію и нашимъ сердцамъ; Онъ ближе и дороже намъ, чѣмъ какой бы то ни было земной нашъ другъ; въ Богѣ мы желаемъ сознательно жить, двигаться и существовать здѣсь, въ радости Его любви надѣемся получить безсмертіе въ будущей жизни ¹⁾).

Американскій апостолъ теизма, изъ сочиненій котораго взята эта выдержка, опредѣляетъ свое положеніе, въ отличіе отъ деизма, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я употребляю слово теизмъ въ отличіе отъ деизма, который, правда, признаетъ Бога безъ жестокаго характера популярной теологіи, но все же отправляется изъ сенсуалистической философіи, примыкаетъ къ матеріализму, выводитъ свою идею о Богѣ только при помощи индукціи изъ феноменовъ матеріальной природы или человѣческой исторіи, а не одной только совѣсти, и соотвѣтственно этому представляетъ Бога Существомъ конечнымъ и несовершеннымъ ²⁾).

¹⁾ Miss Cobbe, *Broken Lights*, стр. 175.

²⁾ „О спекулятивномъ теизмѣ, какъ теоріи вселенной“, *Works*, XI, 105.

Различіе между современнымъ теизмомъ и деизмомъ заключается больше въ тонѣ, чѣмъ въ принципѣ. Новѣйшая теистическая система горячѣе по темпераменту; это—говоря вообще, потому что и деисты не всѣ были холодны, а нѣкоторые изъ нихъ отличались почти такою же религіозною чувствительностію, какъ и сама миссъ Коббъ. Въ литературѣ разсматриваемаго позднѣйшаго движенія замѣтно также почтительное отношеніе къ священнымъ писаніямъ о Христѣ, чего недостаетъ въ деистическихъ сочиненіяхъ. Отрицая для Библии всякое право быть божественнымъ откровеніемъ или содержать его въ какомъ-либо исключительномъ смыслѣ и считаться литературнымъ продуктомъ боговдохновенности, свойственной только библейскимъ писателямъ, современные теисты высказываютъ однако обильныя похвалы священному писанію, какъ наиболѣе превосходному изъ всѣхъ произведеній человѣческаго генія въ области религіи. Отрицая, какъ и деисты, божественное достоинство Христа и даже Его абсолютную нравственность и совершенство, теисты относятся къ Нему съ уваженіемъ, признавая Его человѣкомъ мудрымъ и добрымъ, котораго въ этихъ качествахъ до сихъ поръ никто не могъ и не можетъ превзойти. Поэтому они хотятъ быть христіанами и называютъ себя христіанскими теистами, и даже думаютъ, что они имѣютъ больше правъ на такое названіе, чѣмъ люди, исповѣдующіе вселенскую христіанскую вѣру, которую теисты считаютъ чудовищнымъ извращеніемъ христіанства, какъ оно преподано Христомъ въ Его словахъ и дѣлахъ.

Объ этомъ современномъ движеніи религіозной мысли, какъ выражающемъ претензію на нѣчто новое и отличное, достойномъ почтенія по серьезности и талантливости его руководителей и защитниковъ, здѣсь прилично дать нѣкоторый отчетъ. Краткое изложеніе и критика характеристическихъ взглядовъ теизма можетъ помочь вѣрующему яснѣе понять его собственное положеніе относительно этихъ современныхъ мнѣній. Задача эта не изъ

легкихъ, потому что представители системы, всё заявляющіе о томъ, что они заимствуютъ свое вдохновеніе изъ одного и того же источника, ни въ какомъ случаѣ не согласны въ своихъ мнѣніяхъ. Даже сомнительно, кого именно слѣдуетъ считать представителями современнаго теизма; сомнительно, можетъ ли быть, напримѣръ, авторъ сочиненія *The Creed of Christendom* (Христіанская вѣра), д-ръ Martino, быть причисленъ къ одному классу съ Фрэнсисомъ Ньюманомъ, Фрэнсисъ Поуэръ Коббъ—съ Теодоромъ Паркеромъ, на которыхъ многіе безъ колебаній смотрятъ, какъ на типичныхъ представителей теизма.

Болѣе всего здѣсь интересенъ вопросъ о теистическомъ пониманіи отношеній Бога къ міру. Теизмъ типа, теперь разсматриваемаго, можно широко отличить отъ деизма, сказавъ, что первый понимаетъ отношеніе Бога къ міру, какъ отношеніе имманенціи, тогда какъ второй — какъ отношеніе трансценденціи. Эти философскіе термины, которые въ недавнее время сдѣлались весьма употребительны въ области спекулятивнаго мышленія, не содержатъ вполнѣ опредѣленнаго смысла для лицъ, къ нимъ не привыкшихъ. Въ популярныхъ цѣляхъ различіе это можетъ быть сведено къ различію между внѣшнимъ и внутреннимъ. Имманентный Богъ есть такой Богъ, который пребываетъ внутри міра, а трансцендентный—такой, который живетъ внѣ міра. Это различіе можно пояснить наглядно, если представить имманентное Божество, относительно Его дѣятельности и энергіи, заключеннымъ какъ бы въ темницу внутри міра, а трансцендентное Божество, въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ бы устраниннымъ изъ міра; заключенный въ темницу Богъ есть Богъ современнаго теизма, устранинный—Богъ деизма. Деличь, имѣя въ виду преимущественно нѣмецкихъ представителей этой теистической вѣры, такъ обозначаетъ это различіе:

«Между тѣмъ какъ умозрительный теизмъ односторонне настаиваетъ на имманентности Бога, старый деизмъ съ одинаковою односторонностію настаиваетъ на Его транс-

цедентности. Первый признаетъ Бога дѣятельнымъ основаніемъ мірового развитія соотвѣтственно естественному закону, зависящему отъ Него, а Онъ въ Свою очередь находится въ зависимости отъ закона; послѣдній поставяетъ Его выше *perpetuum mobile* вселенной и только зрителемъ человѣческой исторіи; и деисты, и теисты согласны въ мнѣніи, что нѣтъ надобности или мѣста для сверхъестественнаго вмѣшательства Бога въ естественное теченіе событій, и отказываются признавать во Христѣ новое творческое начало и все, что сопутствуетъ ему¹⁾.

Ни одинъ интеллигентный христіанинъ въ наше время не будетъ колебаться насчетъ того, какому изъ этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на міръ отдать предпочтеніе. Деистическое пониманіе Бога, какъ художника, который давно устроилъ совершенную машину и затѣмъ предоставилъ ей дѣйствовать въ повиновеніи ея собственной самодѣйствующей силѣ, рѣшительно устарѣло. Механическое пониманіе вселенной—въ современной мысли уступило мѣсто органическому, а это повлекло за собою измѣненный взглядъ на отношеніе Бога въ вселенной, нѣсколько аналогичное отношенію души къ тѣлу. Подъ вліяніемъ духа вѣка, получившемъ господство во всѣхъ областяхъ человѣческаго мышленія вслѣдствіе великой эволюціонной идеи, въ этомъ всѣ согласны. Но вглядываясь въ дѣло ближе, мы можемъ легко замѣтить, что христіанская теорія вселенной и теорія умозрительнаго теизма несогласимы между собою.

Огличительный взглядъ умозрительнаго теизма, когда онъ выражаетъ претензію на философскую точность, заключается въ томъ, что Богъ, не будучи смѣшиваемъ съ міромъ, какъ въ пантеизмѣ, настолько, однако, неотдѣлимъ отъ міра, что Его дѣятельность строго ограничивается только внутреннимъ теченіемъ природы. Вся энергія, обнаруживающаяся въ мірѣ, принадлежитъ Ему, и въ этомъ со-

¹⁾ System der Christlichen Apologetik, стр. 157.

стоитъ Его имманентность; въ Немъ ятъ никакой дѣятельности, которая не открылась бы въ мірѣ матеріи и духа, по законамъ той и другого, и это равняется отрицанію Его трансцендентности. Однако Теодоръ Паркеръ, который изъ всѣхъ англійскихъ представителей школы имѣетъ право быть признаннымъ величайшимъ представителемъ этого типа спекулятивнаго мышленія, не допускаетъ, чтобы его ученіе сводили въ одной только имманенціи. Онъ такъ опредѣляетъ свое положеніе, занятое противъ пантеизма:

«Если Богъ безконеченъ, то Онъ долженъ быть имманентенъ, совершенно и всецѣло присутствовать въ матеріи и духѣ. Такимъ образомъ не существуетъ ни одной пространственной точки, ни одного матеріальнаго атома, гдѣ не было бы Бога; и однако конечная матерія и конечный духъ не могутъ всецѣло представлять Бога. Онъ находится выше матеріи и духа, и вслѣдствіе этой трансценденціи постоянно улучшаетъ матеріальный міръ и совершенствуетъ міръ духовный. Такимъ образомъ въ дѣйствительности существуетъ манифестация Бога, а не прогрессъ Бога являющагося. Мысленно вы можете уничтожить міръ матеріи и человѣка; но, дѣлая такъ, вы не уничтожаете мысленно бытія Безконечнаго Бога; это бытіе остается тѣмъ же самымъ, что и прежде. Вотъ что я разумѣю, когда говорю, что Богъ безконеченъ, трансцендентенъ по отношенію къ матеріи и духу и отличенъ по роду отъ конечной вселенной»¹⁾.

Ученіе о Богѣ имманентномъ и вмѣстѣ трансцендентномъ есть ученіе отличительно христіанское, и мы должны были бы поэтому ожидать отъ Паркера, что, изложивъ свою точку зрѣнія, онъ дастъ въ своей системѣ мѣсто и сверхъестественной божественной дѣятельности. Однако онъ далеко отъ такой мысли. Его ученіе о чудесномъ таково

¹⁾ „О спекулятивномъ теизмѣ, какъ теоріи вселенной“, *Works* XI, 108.

«Богу не свойственно никакой прихоти, поэтому никаких чудесъ въ природѣ не бываетъ. Законы природы суть образы (модусы) Самого Бога, который есть единственно истинная причина ихъ, есть единственно истинная Сила и совершенно неизмѣнная. Его образъ дѣйствій, поэтому, постояненъ и всеобщъ, такъ что не можетъ быть ничего подобнаго нарушенію постоянного образа дѣйствій Божіихъ»¹⁾. Такимъ образомъ, насколько дѣло идетъ о фиксаціи теченія природы, оказывается, что какъ будто вѣтъ Бога, отдѣленнаго отъ природы, никакого другого Бога, кромѣ *natura naturans* Спинозы. Сверхъестественное же вмѣшательство непонятно, невозможно.

Имманентность Бога въ человѣческомъ духѣ утверждается Паркеромъ не менѣе категорически, чѣмъ и по отношенію къ міру матеріи. Все человѣческое мышленіе и воля, по его взгляду, суть въ дѣйствительности мышленіе и воля Самого Бога. Паркеръ отождествляетъ боговдохновенность съ дѣятельностію человѣческаго интеллекта во всѣхъ другихъ областяхъ. «Боговдохновенность есть свѣтъ всего нашего бытія; задній фонъ всѣхъ человѣческихъ способностей; единственное средство, чрезъ которое мы приобретаемъ знаніе о томъ, что невидимо и не чувствуется, логическое условіе всего нашего чувственнаго познанія; это нашъ возвышенный путь къ міру духа»²⁾. Боговдохновенность свойственна всѣмъ людямъ въ различной мѣрѣ, пропорціонально количеству ихъ умственныхъ способностей и размѣру дѣятельности. Она открывается въ различныхъ формахъ, соотвѣтственно различію дарованій, вслѣдствіе котораго одинъ человѣкъ дѣлается философомъ, другой поэтомъ, третій музыкантомъ и четвертый пророкомъ. Она не принадлежитъ ни одному человѣку въ сверхъестественной формѣ или въ абсолютной степени, и—даже Христу, потому что абсолютная бого-

¹⁾ *Works*, XI, 114.

²⁾ „Разсужденіе о религіи“, *Works*, I, 141.

вдохновенность была бы чудомъ. Въ дѣйствительности тутъ произошло бы разрѣшеніе человѣческаго интеллекта въ интеллектъ Божій.

Поглощеніе человѣческой воли божественною утверждается тѣмъ же авторомъ съ одинаковой настойчивостью не столько на чисто спекулятивныхъ основаніяхъ, сколько въ интересахъ какаго-то всепоглощающаго оптимизма. Утверждая, что Богъ не только имѣетъ хотѣніе, но и обязанъ спасти людей, всѣхъ людей, и промыслить небо даже для воробья, авторъ приноситъ здѣсь въ жертву даже человѣческую свободу, чтобы избѣжать всякаго риска потерять неудачу. «Въ той части міра, которая не одарена животной жизнью, нѣтъ никакого мѣста колебаніямъ, и вы можете знать точно, гдѣ луна будетъ въ нынѣшнюю ночь и гдѣ она будетъ черезъ тысячу лѣтъ». «Въ мірѣ животныхъ есть небольшія колебанія, но вы можете почти быть увѣрены въ томъ, что животныя сдѣлаютъ то-то, а не иное». «Человѣкъ же имѣетъ нѣкоторое количество свободы, болѣе обширный кругъ колебанія, гдѣ онъ вибрируетъ изъ стороны въ сторону». Но что же отсюда слѣдуетъ? «Совершенная причина должна знать слѣдствія ея содѣяннаго; зная причину и ея слѣдствія, какъ совершенный Промыслъ, и дѣйствуя въ силу совершеннаго мотива ради достиженія совершенной цѣли, имѣя въ рукахъ совершенный матеріалъ и совершенныя средства, Богъ долженъ устраивать все такъ, чтобы сотворенное Имъ было способно къ одному блаженству»¹⁾. Кратко, люди должны быть спасены всѣ безъ исключенія, а разъ защищена благодать Божія, то о человѣческой волѣ мы можемъ думать, какъ намъ угодно.

Теизмъ этого типа, повидимому, сближается весьма сильно съ пантеизмомъ. Нисколько, поэтому, не удивительно, если мы находимъ, что Паркеръ колеблется приписать Богу личное достоинство. «Такъ какъ Причина,

¹⁾ *Works*, XI, 116—119.

Богъ, должна содержать въ Себѣ, потенціально, основаніе сознательности, личности, то Онъ содержитъ въ себѣ основаніе и безсознательности и безличности. Но прилагать эти термины къ Богу значить, повидимому, дѣлать тщетную попытку извѣдать бездну Божества, измѣрить ея глубину и сообщить о ней¹⁾. По этому предмету, однако, другіе члены этой школы склоняются больше къ теистическимъ, чѣмъ къ пантеистическимъ взглядамъ. Пылкій темпераментъ современныхъ теистовъ, несмотря на ихъ философскія наклонности, ведетъ ихъ къ утвержденію, съ большею или меньшею настойчивостью, личности Божества. По той же самой причинѣ они любятъ мыслить о Богѣ, какъ объ Отцѣ. Паркеръ преувеличенно и нелѣпо имѣлъ обычай обращаться къ Богу, называя Его не только Отцемъ, но и матерью. Миссъ Коббъ считаетъ самою сущностью новаго теизма, тѣмъ, что различаетъ его отъ всякой другой вѣры въ мірѣ, признаніе абсолютно отеческой любви Божіей. «Отрицательно такой теизмъ опровергаетъ всѣ ученія атеизма или пантеизма съ одной стороны, и множественность божественныхъ личностей съ другой. Положительно, онъ утверждаетъ не только единство и вѣчность, мудрость и справедливость Бога, но больше всего Его единое великое свойство, которое болѣе всѣхъ другихъ важно для насъ, Его благодать²⁾».

Если Богъ есть нашъ Отецъ, тогда мы, Его чада, можемъ сообщить Ему о своихъ нуждахъ. Но какое мѣсто можетъ быть предоставлено молитвѣ въ системѣ, которая ограничиваетъ божественную дѣятельность опредѣленнымъ теченіемъ природы? Не сознаютъ ли современные теисты, что здѣсь есть нѣкоторая трудность? Такая трудность есть, и способъ, при помощи котораго хотятъ ее устранить, поучителенъ. Новая теистическая школа, какъ она была представлена миссъ Коббъ, различается въ этомъ

¹⁾ *Works*, I, 104.

²⁾ *Broken Lights*, стр. 157.

отношеніи отъ старой деистической школы, какъ она была представлена Руссо, когда онъ говорилъ: «я благословляю Бога, но не молюсь». Миссъ Коббъ настаиваетъ, съ большимъ удареніемъ, на цѣнности молитвы, которая служить для теистовъ предохраненіемъ противъ возможнаго въ концѣ концовъ погруженія въ пантеизмъ. «Теизмъ долженъ быть вполнѣ религіей, а не философіей, приводящей къ пантеизму, долженъ быть религіей молитвы». «Если мы оставимъ молитву, Личность Бога отойдетъ отъ насъ на разстояніе во мракъ. Мы начнемъ думать о творческой силѣ, о міровомъ Духѣ, о Диміургѣ и Всемъ во всемъ»¹⁾. Это очень откровенное, хотя и случайное, признаніе пантеистической тенденціи системы, и совершенно естественно, если всякій, сознающій эту опасность и чувствующій страхъ, станетъ искать себѣ прибѣжища въ молитвѣ, какъ въ противоядіи. Но на обыкновеніи молиться можно настаивать только при теистическомъ способѣ мышленія о Богѣ. Твердость въ этомъ благочестивомъ упражненіи можетъ возникнуть только вслѣдствіе серьезной вѣры въ возможность полученія чрезъ молитву какого-либо практическаго благодѣянія, сильно желаемаго. Но примирима ли такая вѣра съ ученіемъ, что божественная дѣятельность строго ограничена опредѣленнымъ теченіемъ природы и въ сущности синонимична ей? Отвѣтъ, который дается лицами, ратующими за разумность и полезность просительной молитвы, заключается въ томъ, что они проводятъ различіе между физическими и духовными словами, съ цѣлію ограничить дѣйствія молитвы послѣдними, какъ ея законной сферой. Молитва, — такъ говорили, — неразумна, когда желаемое благодѣяніе есть физическое здоровье, богатство, хорошая погода, — но она бываетъ сильна и дѣйствена, когда наши прошенія направлены къ полученію духовныхъ благъ, потому что такія прошенія равняются испрашиванію у

¹⁾ Тамъ же, стр. 179, 180.

Бога исполнить Имъ же Самимъ установленные духовные законы. «Не противно религіи просить у Бога того, что Онъ долженъ исполнить для насъ добровольно, и это бываетъ, какъ намъ извѣстно, для насъ освященіемъ, очищеніемъ отъ всякой грѣховной скверны, нашимъ подъемомъ до самыхъ высотъ духовнаго блага и славы»¹⁾. Это не можетъ быть противно религіи. Но вотъ вопросъ: не противно ли это всепроникающему ученію объ имманенціи, именно столько же, сколько и всепроникающему ученію о трансценденціи? По этому послѣднему ученію божественная дѣятельность совершенно исключается изъ сферы человѣческаго духа, и Богъ, какъ училъ Руссо, можетъ соблюдать только выжидательное положеніе въ то время, когда человѣкъ, пользуясь своей свободой, исполняетъ свои обязанности или пренебрегаетъ ими. Съ другой стороны, по ученію теистовъ, божественная дѣятельность тождественна съ дѣятельностію человѣческаго духа. Богъ мыслить, желаетъ и борется въ насъ со зломъ, и дѣлаетъ для насъ все не потому, что свободно сближается съ нами при отвѣтахъ на наши молитвы, но въ силу той же необходимости, съ какою Онъ дѣйствуетъ въ законѣ тяготѣнія. Такимъ образомъ двѣ крайности сходятся въ общемъ исключеніи молитвы, для оправданія которой, даже въ духовной сферѣ, необходимо скомбинировать въ нашемъ понятіи объ отношеніи Бога къ человѣческому духу двѣ противоположныя идеи объ имманентности и трансценденности, и вѣрить, что Богъ «и хочетъ, и дѣйствуетъ», но не такъ, что «подъ маской нашей персональности Онъ мыслить въ насъ, молится противъ нашихъ искушеній и плачетъ нашими слезами», а скорѣе чрезъ сочувствіе Духа къ духу, готовое на отвѣтъ, безъ погруженія въ другой духъ, но объединяясь въ однихъ и тѣхъ же внутреннихъ предпочтеніяхъ и любви»²⁾. И не

¹⁾ Тамъ же, стр. 177.

²⁾ Martineau, A Study of Religion, II, 140.

представляется никакой причины, почему молитва, такимъ образомъ оправдываемая, должна быть приурочиваема только къ одной духовной сферѣ. Можно утверждать, что Богъ совершенно имманентенъ въ физической сферѣ, въ которой однако Его дѣятельность можетъ принимать форму неизмѣннаго естественнаго закона, и что Онъ совершенно трансцендентенъ въ духовной сферѣ, гдѣ Онъ можетъ дѣйствовать сверхъестественно, какъ «свободная Причина въ неоспариваемой области», въ отвѣтъ на молитву сообщая Свою благодать ¹⁾. Истина, повидимому, заключается въ томъ, что Богъ имманентенъ и трансцендентенъ во всѣхъ сферахъ.

Современный теизмъ, несмотря на поверхностное различіе, обнаруживаетъ свое родство съ старымъ деизмомъ, особенно въ своихъ оптимистическихъ взглядахъ на божественный Промыслъ и назначеніе человѣка. Характеристическимъ представителемъ этой школы можетъ считаться въ данномъ отношеніи особенно Паркеръ. Согласно его лучезарной вѣрѣ, все направляется ко благу людей и даже для всѣхъ живыхъ созданій. «Воробей, который падаетъ сегодня, падаетъ не для того, чтобы погибнуть, но чтобы получить блаженное состояніе. Хотя мы и не знаемъ о томъ, какъ это дѣлается, однако долженъ существовать иной міръ и для воробья, какъ и для человѣка» ²⁾. Это не только фактъ, но и право. Каждое твореніе имѣетъ право быть созданнымъ для совершенной цѣли. Право вселено внутрь твореній. Оно не зависитъ отъ того, какое мѣсто занимаетъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ твореніемъ на лѣстницѣ бытія, и потому одинаково для всѣхъ твореній. Легко видѣть, какой взглядъ здѣсь подразумѣвается на страданія и заблужденія, на физическое и нрав-

¹⁾ Такого взгляда, повидимому, держится Мартино, см. *A Study of Religion*, II, 190—194, глѣ, однако, рѣчь идетъ не объ ограниченіи законной молитвы, но о личности Божіей, основаніяхъ для ея призна- ния и выводахъ отсюда, въ защиту теизма противъ пантеизма.

²⁾ *Works*, XI, 115.

ственное зло. На то и другое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на божественно-предопредѣленные экономіи, какъ на временныя бѣдствія, направленные къ высшему благу человѣка и животныхъ, получаемому теперь или послѣ. Въ этомъ пунктѣ современный теизмъ всего больше расходится съ пантеизмомъ; потому что если послѣдній отрицаетъ прочное существованіе во вселенной даже для человѣка, то первый изъявляетъ претензіи на вѣчную цѣнность даже самой низшей твари, которая живетъ или существуетъ.

Критически разсматривая эту новую систему религиознаго мышленія, мы должны остановиться только на двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, такой теизмъ, очевидно, находится въ состояніи очень неустойчиваго равновѣсія, имѣетъ наклонность перейти въ пантеизмъ и сознаетъ надобность въ культивированіи благочестія, чтобы избѣжать этой опасности. Это не есть послѣдовательная, тщательно продуманная система вселенной, но эклектическая, съ элементами, заимствованными изъ пантеизма и христіанства, съ эмоціональной стороны—христіанская, съ философской—пантеистическая и вполнѣ предназначенная хромать то на одну ногу, то на другую.

Во-вторыхъ, съ религиозной стороны эта система едва ли болѣе удовлетворительна, чѣмъ съ умозрительной. Далекій, трансцендентальный Богъ деизма есть допустимо неудовлетворительный объектъ поклоненія. Но можно ли заключить, что въ этомъ отношеніи имманентное Божество современнаго теизма лучше? Можетъ ли Богъ, на вѣки заключенный въ темницѣ вселенной, отвѣчать на нужды нашей религиозной природы? Въ чемъ главное различіе этого имманентнаго Бога и *natura naturans* Спинозы? Отвѣтятъ ли, что этотъ Богъ есть личный, самосознательный и благодѣтельный Виновникъ міра? Хорошо; но откуда заимствуется такое знаніе о Немъ? Изъ нравственнаго сознанія. Сердце требуетъ такого Бога; въ дѣйствительности нѣтъ другого доказательства Его существованія. Но можетъ ли наше сердце остановиться на этомъ?

Если нужно, чтобы наше сердце было выслушано, то пусть оно будет выслушано до конца. Не требует ли оно Бога не только личнаго, но и свободнаго, Бога, который может слышать молитвы во всѣхъ сферахъ, имѣть постоянное промышленіе о людяхъ чрезъ обыкновенное теченіе природы или иначе, творить чудеса, дѣлаться человѣкомъ и обнаруживать Свою любовь чрезъ этотъ крайній актъ Своего снисхожденія?

Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ, что съ другой стороны первостепенной важности разсматриваемая система слаба и въ религіозномъ отношеніи. Она совсѣмъ не можетъ удовлетворить стремленія нашего ума къ религіозной достовѣрности. Исключительный органъ откровенія для современнаго теиста есть нравственное сознание. Отрицая историческое откровеніе, какъ устарѣлое, бесполезное, невѣроятное, невозможное, эта система ожидаетъ для себя внутренняго свѣта—отъ совѣсти, внутренней природы человѣка. И конечно, если бы для насъ былъ недостижимъ другой свѣтъ, кромѣ свѣта нашей души, то было бы естественно и справедливо, чтобы мы пользовались имъ какъ можно больше. Да никто и не имѣетъ желанія оставить этотъ свѣтъ, потому что Богъ не оставилъ насъ безъ свидѣтельства въ человѣческомъ духѣ, и есть истина въ изреченіи Тертуллиана, по которому *conscientia naturaliter Christiana* (человѣческая совѣсть по природѣ христіанка). Однако можно не колеблясь утверждать, что нашъ внутренній свѣтъ тусклъ, что имъ можно пользоваться съ благодарностью и надеждой только за неимѣніемъ лучшаго свѣта, и что онъ не таковъ, чтобы оправдывать наше презрительное отношеніе къ свѣту, открытому намъ въ болѣе или менѣе надежномъ пророчествѣ. Въ доказательство этого достаточно отмѣтить выраженія лицъ, которыя въ недавніе годы говорили о выведеніи всей своей религіозной боговдохновенности изъ внутренняго свѣта человѣческой души. Пояснительные примѣры можно заимствовать у всѣхъ лицъ, дѣлавшихъ подобныя

признанія. По изслѣдованіи же можно видѣть, что это—единственное, въ чемъ они согласны между собою. Но едва ли о какомъ-нибудь изъ великихъ религіозныхъ вопросовъ какой-нибудь изъ этихъ пророковъ могъ бы подать ясный звукъ. Возьмемъ вопросъ о личности Бога. Миссъ Коббъ самоувѣренно утверждаетъ, В. Р. Грегъ утверждаетъ не безъ страха, Теодоръ Паркеръ почти отрицаетъ, что Богъ есть личное Существо; все это на основаніи авторитета нравственнаго сознанія. Или возьмемъ вопросъ о благодати Божіей. Нравственное сознаніе Паркера даетъ ему возможность прослѣдить во всей человѣческой исторіи постоянное дѣйствіе безконечно благого Промысла. Сознаніе Грега рассказываетъ ему менѣе утѣшительную повѣсть,—оно, правда, свидѣтельствуетъ предъ нимъ о божественной благодати, но находитъ невозможнымъ устранить изъ этой благодати всякія подозрѣнія иначе, какъ ограниченіемъ божественной силы, которое дѣлаетъ невозможнымъ предотвращеніе многихъ золъ, постигающихъ человѣка. Или возьмемъ великій вопросъ о будущей жизни и о томъ, что она доставитъ намъ. Паркеръ вѣрить въ ея наступленіе въ небѣ для человѣка, животнаго, птицы; въ абсолютно всеобщемъ избавленія отъ грѣха и бѣдствій. Такой утѣшительной вѣры Грегъ не можетъ принять. Будущее для него «великая загадка». Умъ можетъ вообразить, что будетъ, но никогда не можетъ открыть, что будетъ, и своего открытія никогда не въ состояніи будетъ доказать. Только одна «душа» можетъ это открыть. Такое откровеніе есть чисто личное дѣло. Если моя душа ничего не говоритъ мнѣ, то будетъ напрасно, если душа другого человѣка стала бы говорить мнѣ что-нибудь; это не принесетъ мнѣ пользы. Душа же не говоритъ г. Грегу очень слышными и ясными звуками. Она говоритъ ему, что есть большая возможность душъ человѣческой страшиться геенны, если жизнь души будетъ продолжаться послѣ смерти; однако вѣроятно, что нравственные уроды въ человѣчествѣ избѣгнутъ такой

участи вслѣдствіе прекращенія своего существованія. «Вѣроятно то, что даетъ Богъ чрезъ рожденіе, есть только зерно, незаконченное бытіе, не безсмертная душа, но природа, годная для выработки въ душу, достойную безсмертія, организація, богатая величайшими возможностями; не обладаніе, но благопріятный случай; не наслѣдіе, но шансъ для пріобрѣтенія онаго. Можетъ быть, только такія натуры, которыя развиваются въ прямомъ направленіи въ настоящей жизни, наслѣдуютъ небо, а другія, можетъ быть, никогда не въ состояніи будутъ перейти изъ зародышеваго, изъ земного существованія къ иному»¹⁾. Возьмемъ еще случай—полезность молитвы, который составляетъ жизненный вопросъ для практической религіи. И здѣсь также эти «пророки духа» не согласны между собою. Миссъ Коббъ объявляетъ, что молитва и законна, и полезна въ духовной сферѣ, но незаконна и бесполезна въ физической. Грегъ говоритъ, что молитва теоретически не подлежитъ защитѣ во всѣхъ сферахъ, и потому она невозможна для людей, обладающихъ способностью прозрѣвать въ истину, но позволительна и безвредна для слабыхъ и невѣжественныхъ²⁾.

Эти примѣры разногласія не дозволяютъ намъ относиться съ слишкомъ большимъ почтеніемъ къ нравственному сознанію, какъ независимому и надежному руководителю въ религіи. Они, повидимому, доказываютъ, что этотъ внутренній свѣтъ походитъ не на солнце, а—только на луну, что это не свѣтильникъ, а только зеркало, отражающее лучи, падающіе на него изъ другихъ источниковъ. Платонъ, который сдѣлалъ все, что возможно, чтобы утилизировать этотъ свѣтъ, созналъ его тусклость и вздыхалъ о болѣе надежномъ мірѣ относительно человѣческаго познанія, чѣмъ какой обрисовывался предъ философомъ въ его догадкахъ. Этотъ болѣе надежный міръ

¹⁾ *Enigmas of Life*, стр. 221.

²⁾ *Creed of Christendom*, II, 196—209.

появился, и пока что, міръ долженъ быть за это призна- тельнъ. Теперь господствуетъ иное настроеніе. Люди слиш- комъ горделиво надѣются на внутренній свѣтъ и прене- брегаютъ свѣтомъ ви́шнимъ; однако этотъ послѣдній въ значительной степени и есть дѣйствительный, хотя и не признаваемый, источникъ внутренняго свѣта. Это измѣ- ненное настроеніе нашло себѣ краснорѣчивое выраженіе въ ниже приводимыхъ мнѣніяхъ, въ восторженныхъ изре- ченіяхъ пророчицы этого новаго откровенія.

«Послѣ долгихъ блужданій человѣческаго рода мы до- стигли пункта, гдѣ путь къ небесному граду болѣе не представляется узкимъ, и гдѣ никакого ангела или толко- вателя не поставлено для нашего руководства. Направо отъ насъ проходитъ старая дорога, которую проторили наши отцы и гдѣ мы и теперь еще можемъ замѣтить по- чтенные отпечатки ихъ стопъ. Но эта дорога идетъ те- перь по зыбкому песку и, идя по ней, путникъ едва ли въ состояніи шагать здѣсь твердо. Налѣво отъ насъ— другая тропинка, но она ясно отводитъ насъ отъ града Божія, который былъ до сихъ поръ нашею цѣлью, и ве- деть насъ въ мрачныя пустынные области, чему не со- чувствуетъ наше сердце. Прямая дорога предъ нами про- ходитъ по мѣстности, которая почти совсѣмъ не протоп- тана ногами путешественниковъ, это—обширное поле со множествомъ цвѣтовъ и ярко освѣщенное солнцемъ. Пусть царь этой мѣстности поведетъ насъ по этому пути, такъ, чтобы идя по нему, мы были въ состояніи найти новую, болѣе прямую дорогу къ небесному граду, построенному за мрачной рѣкой, и къ счастливой странѣ мирной вѣры, возможной здѣсь на землѣ»¹⁾).

Тотъ же самый тонъ поверхностной довѣрчивости къ исключительному и вседостаточному руководству разума или духовной интуиціи слышенъ и въ позднѣйшихъ изре- ченіяхъ и болѣе важнаго пророка. Д-ръ Мартино не при-

¹⁾ Miss Cobbe, Darwinism in Morals and other Essays, стр. 146.

знаеть права ни Библіи, ни церкви имѣть авторитетное руководство въ религіи. И даже Іисусу Христу онъ не можетъ предоставить права считаться свѣтомъ міра. Потому что отрицательная критика открыла въ исторіи Его жизни много недостовѣрнаго, и рядъ сотканыхъ вѣрою покрововъ сдѣлалъ личность Его неузнаваемой. Мы не можемъ достовѣрно знать и ясно видѣть, кѣмъ именно былъ Сынъ Человѣческій. Да это и не важно. Мы, каждый человѣкъ въ отдѣльности, имѣемъ внутренній свѣтъ, на который можемъ вполне полагаться. Въ духовной интуиціи Богъ непосредственно открываетъ Себя каждому вѣрующему духу. Это и есть истина, получаемая изъ первыхъ рукъ, авторитетное откровеніе.

С. М. Ѳ.

СВ. АРСЕНІЙ, ЕПИСКОПЪ ТВЕРСКОЙ ¹⁾.

(По поводу 500-лѣтія его памяти. † 2 марта 1409—1909 г.).

По блаженномъ преставленіи святителя Арсенія любовь къ нему его паствы не охладѣла, но благоговѣніе къ его памяти въ ней живо сохранялось, и усердіе къ нему все болѣе и болѣе возрастало. Вспоминая святую и богоугодную жизнь святителя Божія, его высокіе подвиги благочестія,—особенныя знаменія милости Божіей, чрезъ его молитвы являемыя, пасомые его имѣли твердую увѣренность, что по своей кончинѣ—онъ прославленъ Богомъ, его подвиги увѣнчаны небесною наградою, и что онъ какъ здѣсь на землѣ предстоялъ престолу благодати, такъ и на небеси удостоенъ стоянія предъ престоломъ Царя славы, и посему его молитва, какъ великаго праведника, многомогуща и благоплодна. Помнили хорошо также тверитяне, какъ святитель Божій былъ милосердъ при жизни ко всѣмъ, обращающимся къ нему за помощію,—съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою любовію онъ благодворилъ всѣмъ нуждающимся и страждущимъ и своимъ имуществомъ и словомъ утѣшенія, и молитвою вѣры. Могъ ли столь любвеобильный пастырь забыть своихъ пасомыхъ по смерти. Нѣтъ они твердо вѣровали, что всѣ ихъ скорби и нужды такъ же близки его безсмертному духу, какъ и тогда, когда онъ былъ облеченъ плотію, такъ какъ истинная неліцемерная любовь,—эта искра, отраженіе въ насъ

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1909 г.

любви Божіей, — не можетъ ограничиваться предѣлами гроба, но переходитъ въ вѣчность и тамъ, освобождаясь отъ узъ плоти, сіяетъ ярче и животворяще. Одушевляемые эту вѣрою, многіе тотчасъ по кончинѣ святителя Арсенія стали приходять къ мѣсту, гдѣ погребено было тѣло его, и обращались къ нему, какъ къ живому, прося помощи въ своихъ скорбяхъ и нуждахъ. И скоро въ народѣ вкоренился такой обычай: у кого случалась какая-либо бѣда или несчастье, кто впадалъ въ какую болѣзнь, или терпѣлъ отъ вражіей силы, тотъ спѣшилъ въ обитель Желтиковскую и тамъ призывалъ въ помощь святителя Арсенія. И эти молитвенныя обращенія не оставались тщетными: свѣтильникъ церкви Христовой, перенесенный на свѣщникъ къ престолу Отца свѣтовъ, не переставалъ молитвенно ходатайствовать о всѣхъ, притекавшихъ къ нему за помощію и исцѣленіями; надъ его гробомъ стали совершаться многія чудотворенія, которыя служили наиболѣе яснымъ удостовѣреніемъ его небеснаго прославленія и нетлѣнія честныхъ его мощей, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали въ народѣ еще большее усердіе къ святителю. Это то благоговѣнное усердіе народа и чудотворенія, совершавшіяся отъ гроба святителя и были ближайшимъ поводомъ къ открытію честныхъ его мощей, которое и совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Прошло 74 года по преставленіи святителя Арсенія. Въ это время, въ 1483 году, благовѣрный великій князь Іоаннъ Васильевичъ шелъ войною противъ новгородцевъ, возмущившихся противъ него по наущенію Марѣы Посадницы. Когда онъ прибылъ въ Тверь, преосвященный Вассіанъ, епископъ Тверской, — (избравъ благопріятное для того время) началъ ходатайствовать предъ нимъ, чтобы мощи святителя Арсенія, прославившіяся святостію жизни и чудотвореніями, были изъяты изъ земли и поставлены на открытіе. «Свѣтильнику, говорилъ онъ великому князю, подобаеть быть не подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, чтобы входящіи видѣли свѣтъ, противники постыдились, благочестіе утвер-

дилось, держава твоя прославилась, и враги твои расточились предъ тобою». Великій князь согласился на исполненіе ходатайства епископа. Тогда преосвященный Вассіанъ, съ освященнымъ соборомъ духовенства, съ крестами и иконами, пошелъ въ Желтиковъ монастырь,—къ мѣсту, гдѣ погребенъ былъ святитель Арсеній. Тутъ, по повелѣнію епископа, начали рыть землю, и скоро былъ найденъ каменный гробъ, въ которомъ почивали многоцѣлебныя мощи святого. Благоговѣнно вынуть былъ сей гробъ съ мощами угодника Божія изъ земли, внесенъ въ соборный храмъ Успенія Пресв. Богородицы и поставленъ на правой сторонѣ въ придѣлѣ Нерукотвореннаго Образа. Открыта была каменная крышка гроба, и тотчасъ вся церковь исполнилась несказаннаго благоуханія. Мощи святого оказались нетлѣнными, лицо его сіяло, и ризы на немъ сохранились въ такой цѣлости, какъ будто погребеніе святителя совершено было въ тотъ день.—Однако же преосвященный Вассіанъ не рѣшился оставить гробъ святителя навсегда открытымъ безъ соизволенія помазанника Божія—великаго князя—я до полученія дальнѣйшихъ отъ него распоряженій повелѣлъ положить на гробъ каменную крышку, какъ было и прежде. Въ это время, по повелѣнію епископа, былъ написанъ образъ святого и поставленъ у гроба, для поклоненія приходящимъ; сдѣланъ былъ покровъ на гробъ съ изображеніемъ чудотворца, составлена была ему служба, и установлено по церквамъ празднованіе дня его памяти (преставленіе 2 марта). Съ этого времени больше прежняго начало стекаться поклонниковъ къ святому изъ разныхъ странъ, и при гробѣ его совершались весьма многія чудеса. Такъ дивно прославляемый въ святыхъ своихъ Господь прославилъ и угодника своего, святителя Арсенія, нетлѣніемъ цѣлбоносныхъ мощей его. Благодать Божія, которую онъ возвращалъ и укрѣплялъ въ себѣ подвигами благочестія, оживотворяя его душу, проникла и въ его тѣлесный составъ и не только сохранила его навсегда отъ тлѣнія и

разрушенія, но и сообщила способность—другимъ подавать исцѣленіе и здравіе. «Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть,—говоритъ приснопамятный святитель Филаретъ Московскій,—заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И такъ какъ сила Христова нетлѣнна, то естественно, что, вселяясь въ людей, иже Христовы суть, и тѣламъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; такъ какъ сила Христова всемогущая, то естественно, что чрезъ нихъ и чудодѣйствуетъ, когда это благоугодно Господу, подобно тому, какъ нѣкогда чудодѣйствовала эта сила Христова чрезъ платки и полотенца, которые были на тѣлѣ святого апостола Павла и приняли въ себя потъ его, или чрезъ одно осѣненіе тѣнію святого апостола Павла».

Въ 1547 году соборомъ опредѣлено было мѣстно чтить память св. Арсенія (Акт. 3, 1, 204) ¹⁾.

Въ 1637 году по повелѣнію благочестивѣйшаго Государя Михаила Ѳеодоровича и благословеніемъ святѣйшаго патріарха Іоасафа перваго начато было созиданіе новой каменной соборной церкви Успенія Божіей Матери,—на мѣстѣ построенной самимъ святителемъ Арсеніемъ, пришедшей отъ времени въ ветхость. По сему случаю мощи святого угодника перенесены были съ подобающею честію въ деревянную церковь Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ чудотворцевъ и пребывали здѣсь до 1655 года,—соборный же храмъ Успенія Божіей Матери былъ достроенъ и укрѣпленъ внутри ²⁾.

Въ 1654 году святѣйшій патріархъ Никонъ на пути въ создаемый имъ въ то время Иверскій монастырь

¹⁾ Житія святыхъ, Филарета арх. Черниговскаго. Спб. 1892 г., мартъ, стр. 23.

²⁾ Описаніе Желт. монастыря. Тверь. 1852 г., 19 стр.

(близъ г. Валдая въ Новгородской епархіи) остановился въ г. Твери. Это было незадолго до празднованія дня памяти святителя Арсенія. Наканунѣ этого дня, 1 марта, святѣйшему патріарху было доложено о многихъ чудотвореніяхъ, совершающихся при гробѣ святого угодника, въ которомъ нетлѣнно почиваютъ его мощи. Желая поклониться великому угоднику Божію и лично удостовѣриться въ нетлѣнныя мощи его, патріархъ Никонъ, въ самый день памяти святителя Арсенія, 2 марта, отправился въ Желтиковъ монастырь и, по совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, повелѣлъ открыть гробъ. Тѣло святого дѣйствительно найдено было нетлѣннымъ, и исходило отъ мощей его благоуханіе,—одежды же отъ времени обветшали. Посему, преложивъ святое тѣло угодника изъ каменнаго гроба на украшенный одръ, патріархъ съ братіею обители облекли его въ новыя одежды: мантию, схиму и омофоръ и покрыли новыми златошвенными покровами, а старыя одежды роздали для благословенія народу. Во время сего переоблаченія были найдены на святителѣ Арсеніѣ четыре креста, сплетенные изъ шелка и золота (ихъ святитель носилъ на омофорѣ своемъ). Два изъ нихъ съ частию мощей угодника патріархъ послалъ въ Москву въ Большой Успенскій соборъ ¹⁾, третій оставленъ былъ въ

¹⁾ Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а равно и въ ризницѣ его въ настоящее время нѣтъ ни указанныхъ крестовъ, ни частицы мощей св. Арсенія. О протоіереемъ-сакелларіемъ Н. И. Шеничниковымъ любезно показаны намъ были всѣ кресты, хранящіеся въ ризницѣ Успенскаго собора—со многими частицами св. мощей, но между ними—части мощей свят. Арсенія не оказалось: просмотрѣны нами также были и древнія рукописныя описи ризницы Успенскаго собора 1771, 1772, 1773, 1816 гг., но и въ нихъ какихъ либо указаній на присланные при патріархѣ Никонѣ въ Московскій Успенскій соборъ кресты съ частию мощей св. Арсенія—мы не нашли. Можно думать, что, по распоряженію патріарха, кресты были переданы тогда или послѣ въ патріаршую ризницу и нашиты были на одну изъ патріаршихъ одеждъ (такъ какъ и свят. Арсеній носилъ ихъ на омофорѣ; подобные таковыя кресты имѣются на древнихъ патріаршихъ одеждахъ), а часть

епископіи Тверской, а четвертый—въ храмѣ, гдѣ почивали мощи святого.

мощей св. Арсенія передана была въ патриаршую (нынѣ Синодальную) церковь. Въ Синодальной церкви Дѣвѣнадцати Апостоловъ дѣйствительно имѣется малая частица мощей св. Арсенія (въ первомъ изъ трехъ ковчежцѣ слѣва, въ третьемъ ряду) подъ первою слѣва полукруглою надписью; въ печатномъ листѣ—реестрѣ при ковчезцахъ частица мощей св. Арсенія означена подъ № 25 (въ главѣ: святителей и преподобныхъ); на верхней доскѣ перваго ковчезца находится и изображеніе св. Арсенія (6-е). Въ древнихъ описяхъ патриаршей ризницы (онѣ всѣ были просмотрѣны нами благодаря любезному разрѣшенію и содѣйствію о. ризничаго архимандрита Димитрія и его помощника о. Арсенія) мы не нашли точныхъ указаній на то, что частица мощей св. Арсенія въ Синодальной церкви—и есть именно та, которая была прислана изъ Твери при патриархѣ Никонѣ (а равно и упоминаній о крестахъ св. Арсенія, присланныхъ тогда же). Краткая записъ о сей частицѣ имѣется лишь въ „Описной книгѣ патриаршей ризницы 1771 и 1772 гг.“ гдѣ сказано: „Статья третья о святыхъ мощахъ“. „Ларець деревянный—выкладенъ снаружи раковинами (т. е. перламутромъ), которыя по мѣстамъ сверху и верузь повыпадали, а въ немъ нижеписанныя мощи—взятый съ оными святыми мощами въ 704-мъ году изъ дому Тихона, митрополита Крутицкаго въ Синодальную ризницу. А въ Москву привезенъ Палестинскія Андрусскія епархіи епископомъ Арсеніемъ“. Послѣ сего слѣдуетъ записъ частицъ св. мощей (греческихъ и русскихъ святыхъ), коихъ значится 73, (а всего въ означенной статьѣ съ частицами камня отъ гроба Господня и др. 82 номера). На листѣ 55-мъ „Описной книги“ подъ № пятнадцатымъ записано: „Мощи Святителя Арсенія Тверскаго (самая маленькая частица)“. Частица мощей св. Арсенія имѣется еще въ Московской приходской Иверской (Георгія тожѣ) на Большой Ордынкѣ церкви, вложенная въ на престольномъ сребро-позлащенномъ съ украшеніями крестѣ — со многими частицами св. мощей.

Въ Москвѣ нѣтъ не только храма, но, сколько извѣстно намъ, и придѣла, посвященнаго имени св. Арсенія. А между тѣмъ свят. Арсеній долженъ быть памятенъ и близокъ нашей первопрестольной столицѣ, какъ бывший архидіакономъ ея главнаго соборнаго храма и ближайшимъ сотрудникомъ въ дѣлахъ управленія святителя Кипріана. Извѣстно, что въ санѣ епископа Тверскаго св. Арсеній былъ въ Москвѣ три раза: въ 1396 году на поставленіи Григорія во епископа Ростовскаго, въ 1401 г.—на соборѣ въ числѣ девяти святителей и въ

Съ благословенія патріарха, всѣ присутствовавшіе въ храмѣ были допущены облобызать блаженное тѣло угодника Божія, послѣ чего оно опять положено было въ тотъ же каменный гробъ.—Черезъ годъ послѣ сего, въ 1855 году, преосвященный Лаврентій, епископъ Тверской,—будучи въ Москвѣ у патріарха Никона, просилъ его пожертвовать для честныхъ мощей святителя Арсенія—гробъ св. Филиппа митрополита, въ коемъ онъ въ 1652 г. былъ привезенъ изъ Соловецкой обители въ Москву,—и который, по предложеніи св. мощей его въ новую раку, оставался свободнымъ. Гробъ св. митрополита Филиппа былъ искусно украшенъ снаружи и внутри серебромъ и золотомъ. Патріархъ согласился на это и повелѣлъ, по предложеніи мощей святителя Арсенія,—перенести ихъ съ подобающею честью изъ церкви Антонія и Θεодосія, гдѣ они временно находились, въ соборный храмъ Успенія Богоматери, построеніе коего къ тому времени было окончено. Преосвященный Лаврентій по возвращеніи въ Тверь съ ракою св. митр. Филиппа повелѣлъ во всѣхъ церквахъ гор. Твери отправить всеобщее бдѣніе, а на другой день изъ кафедральнаго собора съ крестнымъ ходомъ отправился,—при большомъ стеченіи народа,—въ Желтиковскую обитель и тамъ сначала освятилъ ново-сооруженный соборный храмъ, а засимъ въ церкви преп. Антонія и Θεодосія совершилъ переложеніе мощей святителя Арсенія въ привезенный имъ изъ Москвы гробъ св. митрополита Филиппа. Каменный прежній гробъ былъ оставленъ въ церкви преп. Антонія и Θεодосія, (гдѣ и доселѣ находится), а новый—съ мощами святителя Арсенія былъ перенесенъ въ соборный Успенскій храмъ и поста-

1403 г. по вызову митрополита Кипріяна. Въ 1654 по изволенію святѣйшаго патріарха Никона была послана въ Москву—въ Успенскій соборъ частица св. мощей свят. Арсенія, что еще болѣе духовно приблизило Москву къ свят. Арсенію, и утвердило ея вѣрованіе въ его молитвенное о ней предстательство. Икона Свят. Арсенія имѣется въ московской приходской Троицкой, что въ Зубовѣ, церкви.

вленъ на приготовленномъ мѣстѣ, послѣ чего было совершено молебствіе и божественная литургія. Это торжество совершилось 2 іюля 1655 года, и съ тѣхъ поръ распоряженіемъ преосвященнаго Лаврентія установлено совершать праздникъ перенесенія мощей свят. Арсенія и крестный ходъ изъ г. Твери въ Желтиковскую обитель въ первый воскресный день послѣ праздника св. апостоловъ Петра и Павла.

Въ 1713 году, по случаю новой перестройки соборнаго храма Успенія Божіей Матери, предпринятой усердіемъ жителей града Твери—Ивана Θεодорова Викторова и Ивана Михайлова Вагина,—св. мощи святителя Арсенія съ подобающею честію перенесены были въ храмъ Алексія человѣка Божія и пребывали тамъ до 1722 года,—а въ семь году, по окончаніи постройки, опять перенесены были въ соборную церковь Успенія Божіей Матери ¹⁾.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны въ 1734 году граждане города Твери, купцы Иванъ и Максимъ Янковскіе и Василій Волчаниновъ, устроили на свои средства новую серебряную раку для мощей святителя Арсенія. Архіепископъ Тверской Θεофилактъ, одобривъ усердіе жертвователей, переложилъ въ эту новоустроенную раку честныя мощи святителя Арсенія,—а рака св. митрополита Филиппа поставлена была въ храмъ Алексія человѣка Божія, послѣ же перенесена въ Тверской Отрочъ монастырь и поставлена тамъ въ соборной церкви Успенія Божіей Матери близъ того мѣста, гдѣ погребенъ былъ св. митрополитъ Филиппъ ²⁾, какъ извѣстно—пріавшій мученическую кончину въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ.

Эта новая рака, въ которой донинѣ почиваютъ мощи святителя Арсенія, внутри кипарисная, обложенная серебряными досками, густо позлащенными, съ вычеканенными на нихъ цвѣтами и травами, имѣетъ восемь чеканныхъ

¹⁾ Описаніе Желтик. мон., стр. 21—22.

²⁾ Описаніе Желт. мон., стр. 22.

изображеній (дробницъ) съ надписями. На первомъ изображеніи—святителя Арсенія и Желтиковской обители—находится слѣд. надпись: «Созданіе святаго обители Желтикова монастыря святителемъ Арсеніемъ». На второмъ: «Святитель Арсеній воскресилъ изъ мертвыхъ Терентія рыболова». На третьемъ: «Молитвою святаго Арсенія Іоанну Карташу дарова Богъ сына». На четвертомъ: «Святый Арсеній исцѣли протопопа Алексія отъ ножныхъ его болѣзней». На пятомъ: «Святый Арсеній исцѣли дѣвицу Устинію Ѳедорову Головленькову». На шестомъ: «Святый Арсеній избавилъ нѣкоего челоуѣка отъ удушенія». На седьмомъ: «Чудо святаго Арсенія о святѣмъ покровѣ, егда Литвинъ снемъ съ гроба Чудотворца». На восьмомъ: «Святый Арсеній исцѣли Григорія и жену его отступившихъ умомъ». («Во всей рацѣ вѣсу 70 фунтовъ») ¹⁾.

Постараемся теперь описать нѣкоторыя наиболѣе извѣстныя изъ многихъ чудотвореній святителя Арсенія.

1. Самое поразительное чудо было въ 1556 году при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, надъ Терентіемъ «рыболовомъ». Житель города Твери нѣкій Терентій—челоуѣкъ извѣстный въ городѣ по своему занятію (ловля и продажа рыбы), имѣлъ прежде большую вѣру и усердіе къ святителю Арсенію, но потомъ разумъ его помрачился, онъ впалъ въ невѣріе и обнаруживалъ признаки сумасшествія. Опечаленные болѣзнію сына—родители его рѣшили прибѣгнуть къ молитвенной помощи св. Арсенія, привезли несчастнаго сына въ Желтиковскую обитель и оставили его тутъ въ надеждѣ, что угодникъ Божій исцѣлитъ его. Но сынъ ихъ вскорѣ внезапно скончался и лежалъ мертвымъ два дня съ половиною, пока родители его узнали о томъ и пришли для его погребенія. Мертвеца положили въ гробъ и внесли въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ почиваютъ мощи св. Арсенія. Родители горько плакали объ умершемъ сынѣ и въ сильной скорби

¹⁾ Опис. Желтик. мѣн., стр. 51—52.

начали роптать на угодника: «Мы надѣялись,—взывали они,—милость отъ тебя, Святче Божій, получить, а ты навелъ смерть на сына нашего. Какъ послѣ сего не потерять намъ вѣры и усердія къ тебѣ?» Господь не потерпѣлъ такихъ укоризненныхъ рѣчей на угодника своего и тотчасъ возвратилъ душу мертвецу. Священникъ, совершая молебствіе предъ мощами святителя,—началъ читать Евангеліе; въ это время мертвый вдругъ поднялся изъ гроба совершенно здоровымъ и сталъ предъ всѣми горько оплакивать свой прежній грѣхъ невѣрія. Родители, увидѣвъ это необычайное чудо надъ сыномъ своимъ, въ чувствѣ страха и благодарности поверглись ницъ предъ мощами угодника Божія, усердно прося его—простить ихъ ропоть и безразсудныя укоризны.—Услышавъ о семъ преславномъ чудѣ, епископъ Тверской Агакій приказалъ всему духовенству собраться въ кафедральный соборъ Преображенія Господня и оттуда съ крестами и иконами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ сопровожденіи множества народа отправился въ Желтиковскую обитель. Пришедши туда, онъ повелѣлъ показать ему воскресшаго и предъ всѣми спросилъ его, что было съ нимъ. Когда воскресшій Терентій подробно разсказалъ о совершившемся надъ нимъ чудѣ, то всѣ поражены были столь дивнымъ явленіемъ милости Божіей чрезъ св. угодника и въ умиленіи восклицали: «воистину великій чудотворецъ—святитель Арсеній!» Преосвященный Агакій совершилъ тогда при мощахъ св. Арсенія молебствіе съ водоосвященіемъ и Божественную литургію. Совершившееся чудесное событіе онъ подробно описалъ въ своемъ донесеніи царю Іоанну Васильевичу и ходатайствовалъ, чтобы въ память сего онъ благоволилъ учредить въ Желтиковской обители архимандрію. Получивъ скорѣ союзволеніе на это, онъ поставилъ въ архимандриты обители Савватія, а о себѣ самомъ завѣщалъ, чтобы тѣло его по смерти погребено было въ Желтиковѣ, внѣ церкви, противъ раки угодника Божія,—что и было исполнено.

Современникъ и очевидецъ воскресшаго Терентія, нѣкто инокъ Θεодосій, такъ пишетъ о семъ чудесномъ событіи: «Мнѣ, смиренному иноку Θεодосію, повѣдаша про сіе великое чудо мниси тояже обители, *наипаче же самъ видѣхъ* своими очима того бывша изъ мертвыхъ человекѣа и отъ устъ его слышахъ своими ушима сіе преславное великое чудо. И о семъ удивихся о преславномъ величіи Божіи, бываемомъ святымъ Его угодникомъ, како прославляетъ святыхъ своихъ на послѣдокъ днѣй роду сему, и убояхся суда Божія и осужденія лѣниваго раба онаго, скрывшаго талантъ господина своего въ землю и купли, и прибытка не сотворша. Моляся Богу и Пречистой Его Богоматери, на помощь призывая Христова угодника, скорого послушника, святителя и чудотворца Арсенія, прося милости и разума Богомъ снабдима измождалому многими грѣхи уму моему, и отпѣвъ молебныя пѣнія, цѣловавъ образъ святаго въ страсть велицѣмъ со слезами и съ рыданіемъ многимъ. И вземъ трость въ десницу свою и дерзнухъ написати сіе преславное великое чудо слышавшимъ и прочитающимъ на пользу душевную, хотящимъ шествовати путемъ спасеннымъ въ животъ вѣчный»¹⁾. (Въ древнемъ рукописномъ описаніи житія св. Арсенія).

2) Другое также поразительное чудо совершилось съ покровомъ надъ мощами угодника Божія. Въ 1609 году, въ царствованіе Василя Іоанновича Шуйскаго, поляки, разорявшіе города и селенія нашего отечества, дошли и до града Твери и устремились въ Желтиковскую обитель, думая найти въ ней богатая сокровища. Но иноки позаботились ранѣе сокрыть всѣ драгоцѣнности своей обители, а сами ушли отсюда.—Обойдя весь монастырь, враги ничего въ немъ не находили, чѣмъ бы поживиться, и ужасно досадовали на свою неудачу. Но вотъ, войдя въ соборный храмъ Успенія Пресвятой Богородицы и осмотрѣвъ все здѣсь, они замѣтили драгоцѣнный покровъ

¹⁾ Описаніе Желтик. мон., стр. 58.

надъ гробомъ угодника Божія, который иноки не взяли, не желая оставить неокровенными св. мощи. Тогда одинъ изъ поляковъ, взявъ этотъ покровъ съ мощей угодника Божія, положилъ на сѣдло своего коня и хотѣлъ было сѣсть на него, какъ вдругъ невидимою силою конь съ полякомъ поднялся на высоту, оттуда низверглись на землю и оба убились до смерти. Покровъ же какъ будто вѣтромъ былъ поднять вверхъ и невидимою силою положенъ былъ на кровлѣ храма Пресвятой Богородицы. Покровъ этотъ доселѣ хранится въ пѣлости, онъ помѣщенъ въ кіотѣ за стекломъ на правой сторонѣ придѣла во имя святителя Арсенія, на немъ святитель изображенъ во весь ростъ, въ схимѣ, омофорѣ и архіерейской мантии, схимана главѣ унизана жемчугомъ, ликъ и одежды вышиты шелкомъ и серебромъ. Кругомъ него вышита шелкомъ надпись: «Лѣта 7108-го (1600 Р. Х.) спита бысть сія плащаница на гробъ чудотворца Арсенія при державѣ Благовѣрнаго и Христолюбиваго государя и царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи самодержца и при благовѣрномъ царевичѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ всея Россіи и при святѣйшемъ Іовѣ Московскомъ и всея Россіи и при архіепископѣ Захаріи Тверскомъ и Кашинскомъ, повелѣніемъ раба Божія Козьмы Семенова сына Глазынина, а шила сій покровъ на Москвѣ Игуменія Алексіевскаго монастыря Ѳеогнія Огневыхъ». Потомъ въ другомъ ряду вышиты тропарь и кондакъ святителю. Покровъ сей при чтеніи молитвы святителю Арсенію въ концѣ молебна, а равно и другіе покровы съ чудотворныхъ мощей его, по обычаю издревле—возлагаются на главы молящихся ¹⁾).

3) Третье особо необычайное и знаменательное чудо, какъ и первыя два, слѣдующее:

Въ 1637 году,—въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда по его повелѣнію и на пожертвованную имъ сум-

¹⁾ Описаніе Желтик. мон., стр. 35—36.

му въ память скончавшагося родителя его святѣйшаго патріарха Филарета Никитича (1634 г.) началось въ обители сооруженіе новаго каменнаго соборнаго храма Успенія Божіей Матери на мѣстѣ построеннаго самимъ святителемъ Арсеніемъ, и когда по сему случаю мощи св. Арсенія были перенесены съ подобающею честью въ деревянную церковь преподобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ,—одинъ инокъ обители, по имени Германъ, пришедши въ эту церковь къ вечернѣ—въ нетрезвомъ видѣ уснулъ за клиросомъ близъ раки съ мощами святителя; пономарь же, выходя изъ церкви, не замѣтилъ его и заперъ церковь. И вотъ въ полночь инокъ проснулся и видитъ: необычайный свѣтъ сіяетъ въ церкви; свѣчи вездѣ горятъ предъ святыми иконами. Святитель же Арсеній сидитъ на каменномъ своемъ гробѣ. Объятый ужасомъ — инокъ хотѣлъ было бѣжать изъ церкви, но святитель, обративъ на него взоръ свой, грозно сказалъ ему: «Монахъ! Какъ ты безъ страха ходишь въ храмъ Божій пьяный. Выйди вонъ!» Тогда инокъ упалъ отъ страха, какъ мертвый, и лежалъ такъ цѣлый часъ.—Потомъ, придя въ сознаніе, вышелъ изъ храма сѣверными дверями, которыя оказались незапертыми снаружи.—Долгое время послѣ того Германъ болѣлъ, и только молитвами святителя,—послѣ чистосердечнаго раскаянія въ грѣхъ своемъ, онъ исцѣлился и постоянно рассказывалъ о томъ, что съ нимъ было.—Такъ святитель Арсеній и по отшествіи своемъ въ небесныя обители не престалъ быть незримымъ управителемъ и руководителемъ своей земной паствы.

4) Въ рукописныхъ описаніяхъ житія святителя повѣствуется еще о слѣдующемъ чудесномъ событіи, свидѣтельствующемъ, что свят. Арсеній—небесный хранитель своей обители.—Въ 1657 году, — чрезъ два года послѣ того, какъ вновь сооруженъ и благолѣпно украшенъ соборный храмъ Успенія Божіей Матери,—нѣкоему іеродіакону обители, по имени Іоанну, вложилъ діаволъ нечестивую мысль украсть отъ образа св. Арсенія серебряныя и золотыя украшенія.

Для сего, въ полуденное время взявъ у пономаря ключи церковные, какъ бы для нужнаго какого то дѣла, — онъ вошелъ въ храмъ и снялъ съ образа святителя всѣ украшенія. Не довольствуясь этимъ, онъ захотѣлъ еще взять и панагію серебряную съ мощей святителя, которую онъ еще носилъ при жизни своей. И вотъ какъ только несчастный прикоснулся къ сей святынѣ, тотчасъ же невидимою силою отброшенъ былъ далеко отъ гроба и при этомъ такъ сильно ударился о помость церковный, что сдѣлался безчувственнымъ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, иноки пришли въ церковь, увидѣли іеродіакона лежащимъ посреди церкви, какъ мертваго, и понявъ происшедшее, подняли его и отвезли въ Тверь къ архіепископу Іоасафу, чтобы онъ судилъ и наказалъ виновнаго. Архіепископъ сталъ спрашивать іеродіакона, что онъ сдѣлалъ, но послѣдній ничего не могъ говорить, отъ страха и сильной слабости едва стоялъ на ногахъ и трясся. Увидя, что самъ свят. Арсеній наказалъ виновнаго, архіепископъ отослалъ его обратно въ обитель и повелѣлъ каждый день водить въ церковь, чтобы онъ просилъ прощенія у угодника Божія въ грѣхъ своемъ. И, спустя нѣкоторое время, покушавшійся на святотатство началъ оправляться, потомъ и совершенно выздоровѣлъ, по молитвамъ святителя.

5) Близость къ земной обители своей, незримое постоянное пребываніе среди иноковъ, небесное соучастіе свое во всѣхъ важныхъ событіяхъ, въ ней совершающихся, святит. Арсеній удостовѣрилъ явленіемъ своимъ епископу Тверскому Алексію (1713—1714 г.), — каковое явленіе собственноручно описано и засвидѣтельствовано самимъ Алексіемъ, бывшимъ послѣ епископ. Сарскимъ и Подонскимъ, въ особой «граматѣ», хранящейся въ Желтиковской обители. Въ «граматѣ» повѣствуется, что въ 1713 году жители города Твери—Иванъ Ѳедоровъ Викторовъ и Иванъ Михайловъ Вагинъ—обратились къ преосвященному Алексію съ просьбою разрѣшить перенести на

время мощи Арсенія чудотворца въ церковь св. Алексія, челоуѣка Божія, — и благословить имъ соборную церковь Успенія Божіей Матери разобрать, а вмѣсто нея построить новую—пространнѣйшую ¹⁾.

Благое намѣреніе жертвователей преосвященный одобрилъ и назначилъ день торжественнаго перенесенія мощей святителя Арсенія.—Въ этотъ день по его распоряженію должно было быть совершено въ обители и по всѣмъ церквамъ града Твери празднованіе св. Арсенію чудотворцу со всенощнымъ бдѣніемъ, а за три дня до сего всѣ граждаде должны были соблюсти постъ: не ѣсть рыбы и не пить вина (въ тотъ годъ это время—было началомъ поста св. апостоловъ Петра и Павла). Наканунѣ назначеннаго для празднества дня 7 іюня подъ воскресенье преосвященный прибылъ въ Желтиковскую обитель и совершилъ здѣсь въ соборномъ храмѣ торжественное всенощное бдѣніе. По окончаніи его преосвященный отправился на ночной покой въ келлію архимандрита обители Іоилія, и всѣ разошлись по своимъ келліямъ. Предъ восходомъ солнца, когда уже свѣтлѣло («свитающу дню недѣльню»), епископъ пробудился отъ сна и, сидя на постели, трижды осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. И въ это время вдругъ видитъ онъ: входитъ въ келлію святоуѣпный старецъ въ монашескомъ одѣяніи, съ

¹⁾ Церковь во имя св. Алексія челоуѣка Божія построена была надъ монастырскими святыми вратами въ 1709 году (начато ея построение въ 1700 году) по повелѣнію благочестивѣйшаго государя Петра I-го и „его царскимъ иждивеніемъ“; тогда же для пребыванія сына его царевича Алексія Петровича при храмѣ устроены были „царскіе каменные чертоги“ (три комнаты съ семью окнами, обращенными на монастырь; въ окнахъ желѣзныя рѣшетки; нижній этажъ вѣроятно назначенъ былъ для кухни и кладовой). Въ то же время „царскимъ иждивеніемъ“ сооружены были колокольня и каменная церковь преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ была прежде деревянная церковь, построенная самимъ святителемъ Арсеніемъ; а также—настоятельскія и братскія келліи.

лѣствицей въ рукахъ, молится предъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, — на стѣнѣ келліи, — потомъ спрашиваетъ епископа: «гдѣ нашъ архимандритъ?» — Епископъ сначала подумалъ, что это — кто-либо изъ братіи пришелъ съ докладомъ къ архимандриту, и не говоря ничего, указалъ на тѣ двери, которыя вели въ покои архимандрита, — однако же святодѣпный старецъ не вошелъ въ эти двери, а опять возвратился назадъ и вышелъ теми же дверями, откуда пришелъ. Тогда онъ уразумѣлъ, что его удостоилъ Господь чудснаго явленія св. Арсенія чудотворца, такъ какъ и видъ приходившаго въ его келлію святодѣпнаго мужа былъ именно такой, какъ пишется ликъ св. Арсенія чудотворца на св. иконахъ.

Еще болѣе удостовѣрился онъ въ этомъ, когда, подошедши къ дверямъ своей келліи, онъ нашелъ ихъ накрѣпко затворенными, — а въ сосѣдней келліи — всѣхъ спящими. Архимандритъ Іоиль, въ келлію котораго вошелъ онъ и спросилъ: «не былъ ли кто изъ монаховъ въ келліи его?» — отвѣтилъ: «нѣтъ, владыко святой, кромѣ тебя никто еще не входилъ въ мою келлію»: однако же тогда епископъ не сказалъ архимандриту о чудѣ явленія ему святителя Арсенія и скрылъ отъ всѣхъ до времени.

Въ этотъ день, когда въ обитель ради торжества собралось множество народа, епископъ съ духовенствомъ вошелъ въ соборную церковь и, облачившись здѣсь, совершилъ молебствіе у мощей святителя Арсенія. Затѣмъ рака съ св. мощами была поднята и съ подобающею честію перенесена въ храмъ св. Алексія челоуѣка Божія — (на св. вратахъ обители). Торжественно совершивъ здѣсь божественную литургію, епископъ съ духовенствомъ и нѣкоторыми богомольцами отправился въ келлію архимандрита Іоилиа. Здѣсь, послѣ трапезы, — онъ приказалъ позвать къ нему всѣхъ монаховъ и спросилъ ихъ: не приходилъ ли кто изъ нихъ сегодня рано утромъ въ его келлію? «Они же всѣ съ клятвою отвѣтили ему: нѣтъ, владыко

святѣй,—никто изъ насъ не былъ сегодня у тебя въ келліи. Да и посмѣлъ ли бы кто войти къ тебѣ безъ дозволенія?» Услышавъ это, епископъ усердно возблагодарилъ Господа, дивнаго во святыхъ своихъ, сподобившаго его воочію увидѣть преславнаго чудотворца Арсенія и «гласъ кроткій слова его слышати», и повелѣвъ записать это чудо и засвидѣтельствовавъ своею рукою, онъ оставилъ подписанную имъ грамоту въ обители для храненія у раки угодника Божія, «да всякъ христіанинъ вѣрный, приходѣй ко святому чудотворцу съ вѣрою, вѣру своему чудеси иметь и отъ Господа Бога нашего спасеніе себѣ приметъ молитвами и моленми Пречистыя Его Богоматери и великаго Арсенія чудотворца»¹⁾.

Изъ другихъ чудотвореній свят. Арсенія въ рукописныхъ житіяхъ его находятся сказанія²⁾: «объ избавленіи человѣка отъ паралича, страдавшаго много лѣтъ»,—«объ исцѣленіи умалишеннаго»,—«о нѣкоемъ убогомъ» (бѣдномъ) «разбогатѣвшемъ» послѣ усердныхъ молитвъ къ святому о помощи,—«объ исцѣленіи отрока «отъ порчи злой», «со слезами» молившагося святому,—«о явленіи святаго нѣкоему клирику», который честно и свято проводилъ жизнь свою,—«объ избавленіи нѣкоего человѣка, зараженнаго страстію сребролюбія, отъ удавленія»,—«о протоіерѣ, отъ тяжкія болѣзни избавленномъ»,—«о бѣснующейся дѣвицѣ», молитвами святаго избавленной «отъ мученій»,—«объ исцѣленіи сына «нѣкія вѣрныя жены», которой прежде святѣй явился во снѣ»,—«объ исцѣлѣвшемъ младенцѣ отъ образа святаго» по усерднымъ молитвамъ родителей, и мног. друг. Въ службѣ свят. Арсенія прослав-

¹⁾ Грамота Алексія епископа Сарскаго и Подонскаго (бывшаго Тверскаго) о явленіи ему святителя Арсенія. Историческое и статистическое описаніе Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря. Тверь, 1852 г., стр. 44.

²⁾ Въ приложеніи къ древнему печатному житію свят. Арсенія на слав. яз. 1764 г. описаны (въ стихотворной формѣ четверостишіемъ) 15 чудесъ св. Арсенія: „Божіимъ содѣйствіемъ чудеса св. Арсенія еп. Тверскаго“.

ляется, какъ великій чудотворецъ, обильно источающій врачеваніа.

«Милости подателя Господа вѣдый, блаженне, теплѣ Его умолили еси, на исцѣленіе и спасеніе многимъ, съ вѣрою къ Тебѣ притекающимъ и въ помощь Тя призывающимъ». «Врача изрядна различно недугующимъ, и наставленіе всѣмъ, прельщеннымъ злымъ совѣтомъ, Христось Тя дарова чудотворца земли нашей, святителю Арсеніе: тѣмже Тя ублажаемъ» (Пѣснь 4-я канона). «Славный пастырь, неистощимый источникъ исцѣленій, церковный столпъ, вѣрныхъ утвержденіе, великій свѣтильникъ многосвѣтлый, святитель Арсеній паки да похвалится» (Пѣснь 5-я).

«Исцѣленія подаваеши всюду вѣрою къ тебѣ притекающимъ, святителю Арсеніе: тѣмже молимъ Тя твои раби: печаль нашу на радость предложи и отъ всякіа избави скорби молитвами Твоими» (Пѣснь 7-я).

«Чудеси бо Твоя многа и исцѣленія безчисленна неизвестно подаваеши съ теплою вѣрою приходящимъ, Арсеніе святителю, похвала земли нашей» (Пѣснь 9-я).

«Кіими похвальными вѣнцы увяземъ святителя, благочестія управленіе, цѣломудрія рачителя, свѣтлое церкве украшеніе, источника Божественныхъ исцѣленій, пролітіе дарованій духовныхъ, рѣку многихъ чудесъ, землю нашу веселящую, дивнаго чудотворца Арсенія, предстателя нашего и хранителя» (на хвалит. стихира).

Что же можетъ сдѣлать насъ достойными столь мощнаго предстательства предъ Господомъ свят. Арсенія? Желаніе слѣдовать его высокому примѣру, конечно, въ возможной для насъ мѣрѣ, при нашихъ условіяхъ жизни,—посильное стремленіе приблизиться къ его святому образу чистоты, смиренія, кротости, самоотверженія, любви къ страждущимъ—вотъ что дѣлаетъ нещетными наши молитвы ко святителю Божию. «Подобны мнѣ бывайте, якоже азъ Христу (1 Кор. IV, 16), да воцаритесь подобно мнѣ со Христомъ,—вѣщаетъ нашъ сей праведникъ изъ гроба своего. Я пострадалъ съ Нимъ на землѣ: се нынѣ царствую съ Нимъ на небеси. Я расточилъ, отдалъ убогимъ сокрови-

ща мои; и се правда моя пребываетъ во вѣки. Я умеръ міру Іисуса ради, и *се животъ Іисусовъ явился въ мертвенной плоти моей* (2 Кор. IV, 11). Я не искалъ славы моея на земли, но искалъ славы пославшаго меня въ сію страну опытовъ,—въ которомъ еще искушаетесь вы; и се Онъ прославилъ меня не точію славою вѣчною на небеси, но и на земли нетлѣніемъ; не предъ ангелы точію, но и предъ человекѣи! (Изъ слова въ день преставленія св. Арсенія Тверскаго—знаменитаго витія—Амвросія бывшаго епископа Тверскаго и Кашинскаго. Слова и рѣчи изд. В. А. Терской. СПб., 1856 г., стр. 112).

Если сердце наше будетъ послушно голосу великаго праведника, призывающему насъ къ исправленію и нравственному совершенствованію,—если мы будемъ стараться подавлять и уничтожать въ себѣ пороки и чувственныя страсти, и възгрѣвать, и укрѣплять духъ вѣры, благочестія и христіанской любви, всѣми возможными средствами противодѣйствуя усиливающемуся среди насъ невѣрію и упадку нравовъ,—и осуществлять въ своей дѣятельности все то, чему учитъ насъ жизнь святителя Арсенія,—тогда, безъ сомнѣнія, и самъ святитель Божій духовно приблизится къ намъ своею отеческою любовію и будетъ нашимъ усерднымъ молитвенникомъ предъ престоломъ Божиимъ.

Нынѣ же, вспомянувъ для назиданія своего великіе подвиги и преславныя чудеса твоя, святче Божій, «надѣясь на твой благосердый нравъ» (изъ икоса свят. Арсенія), и мы, какъ и «твоя ограды словесныя овцы», мысленно «окрестъ раки твоя предстоюще», дерзаемъ смиренно просить Тебя: «не забуди въ своихъ молитвахъ и насъ по духу благоговѣнія къ тебѣ чадъ твоихъ, отче, ихже мудрѣ собралъ и возлюбилъ еси, яко да зовемъ Ти: радуйся, святителю Арсеніе, пастырю и учителю нашъ предобрый» (Кондакъ святителю Арсенію).

Свящ. Арсеній Разумихинъ.

Нужно ли въ школъ обучать религіи?

Многіе педагоги утверждаютъ, что въ школъ не слѣдуетъ обучать дѣтей религіи. Въ Германіи съ 1906-го года образовалась даже особая «лига», которая поставила своею задачею—пропагандировать мысль о необходимости устранить обученіе религіи изъ школъ, а съ 13-го апрѣля 1908 къ ней примкнулъ «союзъ реформы народной школы».

Прежде всего въ защиту своей идеи члены этой «лиги» указываютъ, что они будто бы дѣйствуютъ въ интересахъ самой религіи. Говорятъ: «религіи вообще нельзя научить!» Въ вѣкоторомъ отношеніи это правильно, именно если мы будемъ смотрѣть на религію не какъ на ученіе, а какъ на жизнь. Религіозныя чувства разнаго рода—любовь и благоговѣніе къ Богу, раскаяніе, надежду, вѣру—все это нужно воспитать каждому въ своемъ сердцѣ, и все это дается не наученіемъ, а личнымъ переживаніемъ. Религіозности нельзя *научить*, какъ нельзя научить эстетичности, музыкальности...

Все это, конечно, такъ! Но вѣдь религія вовсе не состоитъ изъ однихъ неопредѣленныхъ чувствъ и настроеній. Истинная религія вовсе не живетъ только одними мистическими неясными внутренними переживаніями, а творитъ на основаніи этихъ переживаній представленія и понятія. Та религія, которая не имѣетъ опредѣленныхъ и ясныхъ представленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, не можетъ быть прочною. Въ особенности о христіанской религіи нужно сказать, что отъ нея неотдѣлима извѣстная совокупность истинъ, въ которыхъ сущность христіанства

нашла свое выраженіе и безъ признанія которыхъ нельзя составить себѣ свойственнаго христіанству воззрѣнія на міръ и жизнь. Но эти представленія и понятія *можно* сдѣлать предметомъ изученія—слѣдов., въ этомъ отношеніи религіи обучать можно и должно. Конечно, при этомъ обученіе религіи не должно оставаться чисто внѣшнимъ дѣломъ запоминанія христіанскихъ догматовъ вѣры—это унижить религію въ представленіи учащихся. Нужно воспитывать и религіозное чувство учащихся...

Но тутъ снова мы становимся предъ вопросомъ: можно ли научить религіи какъ личному переживанію, какъ чувству, заполняющему всю душевную жизнь человѣка? Прямо и непосредственно, конечно, нельзя—вотъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Пробуждать жизнь въ душѣ человѣка можетъ только Богъ своею благодатію. Но подготовить человѣка къ тому, чтобы онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своей жизни могъ воспринимать указанія Божіи—это возможно сдѣлать и путемъ наученія. Условія для этого можно подготовить и въ школахъ.

Прежде всего необходимо, чтобы подростяющее поколѣніе было окружено личностями, въ которыхъ религіозность ясно отпечатлѣвается. Это само по себѣ ясно. Но еще необходимѣе, чтобы къ душѣ воспитанника была приближена личность Того, Кто даетъ всегда силу для вѣрующихъ идти прямымъ путемъ въ царство Божіе. Пусть Христосъ Спаситель, какъ живой образъ, всегда стоитъ предъ глазами учащихся—и тогда у нихъ будетъ твердое основаніе для религіознаго самоусовершенствованія. При этомъ пусть знакомятся воспитанники и съ другими великими личностями христіанской исторіи. Такимъ образомъ, существо религіи не только не требуетъ устраненія изъ школъ систематическаго изученія религіи, а, напротивъ, побуждаетъ къ этому изученію.

Но противники обученія религіи въ школахъ находятъ еще основаніе для своего мнѣнія. Школа—говорятъ они—есть учрежденіе государственное, а религія—дѣло частное!

Государство не должно заботиться объ интересахъ отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ и не въ правѣ вынуждать отъ обучающихся опредѣленнаго исповѣданія вѣры, такъ какъ это было бы нарушеніемъ свободы совѣсти... Однако, такъ можетъ разсуждать только тотъ, кто не понимаетъ ни сущности государства, ни сущности государственной школы. Государству вовсе не безразлично, будутъ ли отдѣльные лица, его составляющія, религіозны или безрелигіозны. Ему важно, чтобы юношество выросло *нравственнымъ*,—а можетъ ли быть истинная нравственность тамъ, гдѣ нѣтъ религіи?! Нѣкоторые полагаютъ, что будто бы благопріятныя условія вѣншей жизни—обеспеченность въ матеріальномъ отношеніи, здоровье—могутъ сдѣлать людей и все общество добродѣтельными. Но если взглянуть на то, что дѣлается въ такихъ обеспеченныхъ классахъ общества, то можно притти въ отчаяніе за человѣка... Между тѣмъ, если бы имъ было предъявлено какъ непремѣнное требованіе христіанства—жертвовать своими излишками на пользу бѣдныхъ, всѣ разсужденія должны бы окончиться. И государству очень и очень важно, чтобы въ дѣтяхъ была воспитываема готовность къ самопожертвованію, а это именно и дѣлаетъ обученіе христіанской религіи. Христіанство есть величайшая культура—въ нравственномъ смыслѣ этого слова—сила, и, какъ говоритъ Паульсенъ, въ нашей умственной жизни нѣтъ ни одного пункта, который можно бы было понять, не зная исторіи христіанства...

Но и мы—продолжаютъ реформаторы школы,—и мы вѣдь даемъ мѣсто для ознакомленія съ христіанствомъ. Это должно дѣлаться на 7-мъ или 8-мъ году обученія. Тутъ воспитаннику будетъ предложена исторія различныхъ религій, изложенная въ строго объективной формѣ. Пусть воспитанникъ самъ сдѣлаетъ выборъ, какой религіи ему держаться—безпартійный учитель ему въ этомъ будетъ только помощникомъ. Наконецъ тутъ же будетъ имѣть мѣсто и систематическое изученіе морали. Тогда только и возможно будетъ достигнуть идеала воспитанія.

Въ этомъ проектѣ уже то неприемлемо, что религиозное обученіе нужно начинать только на 7-мъ или 8-мъ году школьнаго курса. Если въ человѣкѣ, на ряду съ умственными способностями, существуетъ и религиозное стремленіе—а это несомнѣнно,—то имѣемъ ли мы право оставлять его безъ вниманія, не укрѣплять и не направлять его въ теченіе первыхъ шести лѣтъ обученія?! А затѣмъ, ознакомленіе воспитанниковъ на 7-мъ или 8-мъ году съ разными религіями—это одна мечта, утопія! Исторія религій—да это самая трудная и спорная область человѣческаго вѣдѣнія. И ею должны заниматься *воспитанники!* Вѣдь эта наука требуетъ способности къ внимательному и строгому анализу, и факты ея могутъ быть понимаемы только въ связи со всею внѣшнею и внутреннею исторіей человѣчества... И потомъ, развѣ возможно изучать *христіанскую* религію совершенно объективно? Учитель непременно долженъ стать въ то или другое отношеніе къ христіанству, когда напр. будетъ говорить о вліяніи христіанства на исторію человѣчества. И *понять* религію можетъ только тотъ, кто самъ религиозенъ, подобно тому какъ симфонію можетъ оцѣнить только музыкально-образованный человѣкъ. Естественно, что обученіе религіи непременно будетъ—въ зависимости отъ направленія учителя—или христіанскимъ, или антихристіанскимъ. Безпартійности въ отношеніи ко Христу не можетъ быть: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня»!

Но если такая неудача постигнетъ «безпартійное» преподаваніе исторіи христіанства, то что же выйдетъ изъ преподаванія «безпартійной» системы правоученія! Вѣдь долженъ же преподаватель морали имѣть какое-нибудь міровоззрѣніе, взглядъ на жизнь,—а это несомнѣнно будетъ отражаться на его слушателяхъ, какъ бы ни старался онъ быть объективнымъ. И потомъ, откуда вы возьмете матеріалъ для составленія системы правоученія? Конечно, все изъ той же религіи или изъ исторіи великихъ дѣятелей религіи. Правда, записка той «лиги», о которой

мы упоминали выше, считаетъ возможнымъ использовать для составленія такой системы лучшія произведенія свѣтской литературы. Но что касается древнѣйшихъ остатковъ свѣтской литературы и философіи, то съ ними можно ознакомиться и при изученіи Библии, гдѣ выступаютъ самыя величественныя образы языческой древности въ родѣ Навуходносора, Кира и др. А въ новыхъ произведеніяхъ литературы едва ли сыщется что-нибудь, что было бы хорошо въ моральномъ отношеніи и въ то же время оригинально, независимо отъ христіанства. Въ зависимости отъ христіанской морали стоятъ и такіе титаны литературы, какъ Гете и Шиллеръ. А кромѣ того, для обученія въ школахъ ихъ произведенія вовсе и не годятся—они выше пониманія учениковъ.

Вотъ какъ безосновательны нападки на обученіе религіи въ школахъ! И какъ жаль, что у насъ находятся педагоги, которые подобно нѣмецкой «лигѣ» пропагандируютъ мысль объ изгнаніи изъ школъ обученія Закону Божію!

Н. Розановъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

XXX.

Преображеніе.

Вы знаете, что Господь нашъ І. Христось жилъ на землѣ, какъ самый простой и обыкновенный человѣкъ. Сойдя на землю, Онъ на время какъ бы оставилъ Свое Божеское достоинство, оставилъ Свое величіе и славу и какъ бы скрылъ или похоронилъ Свое Божество въ обыкновенномъ человѣческомъ тѣлѣ. Сойдя на землю, Господь на время «истощилъ», «умалилъ» и «смирилъ» Себя, смирилъ до того, что принялъ на Себя «видъ раба», принялъ тѣло, «сообразное тѣлу смиренія нашего» и явился по Своей земной и тѣлесной жизни такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ прочіе люди. Необыкновенны были въ человѣкѣ-Исусѣ только Его совершенно безпорочная жизнь, Божественное ученіе и творимыя Имъ чудеса. Во всемъ остальномъ Спаситель совершенно уподобился слабымъ людямъ, вполне приобщился къ нашему земному убожеству, бѣдности, слабости и смертности. Ничего необыкновеннаго, нечеловѣческаго не было въ тѣлесномъ видѣ и земной жизни Иисуса. Онъ, какъ и всѣ люди, голодалъ, жаждалъ, испытывалъ болѣзненные состоянія, работалъ, уставалъ, мучился, тужилъ, скорбѣлъ и плакалъ. При видѣ этого бѣднаго Галилейскаго ремесленника, при видѣ скромнаго одѣянія и часто измученнаго, скорбнаго лица Иисуса, кто изъ простыхъ людей могъ подумать, что это былъ истинный Сынъ Божій, Предвѣчная Премудрость и Сила?

Кто изъ тѣхъ людей, которые привыкли судить о достоинствѣ человѣка по его земному богатству, знатности рода, по внѣшнему положенію и успѣху въ жизни, — кто изъ этихъ людей могъ повѣрить, что въ униженномъ видѣ бѣднаго и слабаго человѣка явился на землю Самъ Творецъ и Владыка міра, Самъ Господь, живущій во славу и свѣтъ непреступныхъ?.. Даже самихъ апостоловъ, — ближайшихъ товарищей и спутниковъ Спасителя, постоянныхъ слушателей Его Божественнаго ученія и свидѣтелей Его чудесъ, — даже и ихъ соблазняло крайнее униженіе Иисуса; даже и апостолы, признавая въ Иисусѣ великаго Учителя, долго не могли съ несомнѣнностью увѣриться, чтобы этотъ гонимый и осмѣиваемый тогдашними властями человѣкъ былъ истиннымъ Сыномъ Божиимъ.

И вотъ, чтобы укрѣпить въ ученикахъ вѣру въ Свое Божественное посланничество и достоинство, Спаситель незадолго до Своихъ крестныхъ страданій взялъ съ Собою трехъ учениковъ — Петра, Іакова и Іоанна, — и съ ними взшелъ на одну гору. Ученики отъ усталости задремали, а Спаситель сталъ молиться. Необыкновенный свѣтъ, внезапно озарившій дремавшихъ учениковъ Господа, пробудилъ ихъ; они взглянули и увидѣли своего учителя, окруженнаго необычайнымъ сіяніемъ, съ лицомъ свѣтозарнымъ и въ одеждахъ блистающихъ, — увидѣли такимъ, какимъ до сихъ поръ ни разу Его не видали. Небесный огонь пламенной молитвы, — могучее горѣніе окрыленнаго духа, вознесшагося отъ земли и чувственнаго міра въ безплотную высь премірно-прекрасной и вѣчно-блаженной жизни, — Божественная благодать, осѣнившая Христа въ Его молитвенномъ сосредоточеніи, и устремленіи всѣхъ силъ души Своей горѣ, къ небесному царству невечернаго свѣта, святости и блаженства, — все это, жившее въ человѣкѣ-Иисусѣ въ скрытомъ видѣ, теперь наполнило Его душу съ такою силою, что отобразилось даже и на земномъ, наружномъ видѣ Иисуса, измѣнило и озарило не только лицо Его, но даже и одежды. Полнота божественной жизни, не-

бесная слава и премірное величіе, осѣнившія Христа чрезъ молитвенное общеніе и сліяніе Его духа съ Духомъ Божіимъ, чудесно одухотворили и, такъ сказать, обожествовали не только Его земное тѣло, но просіяли даже и въ наружномъ одѣяніи Спасителя. «Лицо Его просіяло какъ солнце, и одежды сдѣлались бѣлы какъ снѣгъ». И въ то же время съ того свѣта явились къ Спасителю величайшіе изъ древнихъ людей-праведниковъ, величайшіе пророки, причастники небесной славы, Моисей и Илія, — и бесѣдовали съ Нимъ о послѣднихъ дняхъ Его земной жизни.

Вотъ тутъ-то и явилъ Господь маловѣрнымъ ученикамъ Своимъ новый (послѣ святой жизни, чудесъ и ученія), несомнѣнный и поразительный знакъ Своего небеснаго посланничества; тутъ-то вотъ и показалъ Онъ имъ воочію Свою Божескую славу и величіе, — показалъ, правда, не въ полнотѣ, а настолько, насколько эта Божеская слава могла отобразиться въ смертномъ человѣческомъ тѣлѣ, — насколько она была вмѣстима, доступна и приемлема тѣлесными глазами и человѣческими чувствами апостоловъ. Видѣть Бога во всей необъятной полнотѣ Его величія и славы невозможно смертнымъ людямъ. «Богъ во свѣтѣ живетъ непреступнѣмъ, Его же никтоже видѣ отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ» (1 Тим. VI, 16).

Но и неполнаго отображенія въ чловѣкѣ-Иисусѣ небесной славы было достаточно для того, чтобы души учениковъ отъ близости и созерцанія небесной красоты и чуднаго величія ихъ Учителя сладостно затрепетали и загорѣлись въ неизъяснимо-счастливомъ настроеніи и неземной несказанной радости. Благодатное перерожденіе и божественный огонь, охватившій душу Иисуса и чудесно преобразившій наружный видъ Его, сообщились до нѣкоторой степени и ученикамъ Его и зажгли ихъ сердца трепетнымъ и блаженнымъ восторгомъ, — какъ бы предвкусеніемъ тѣхъ неизреченныхъ радостей, которыя ожидаютъ праведнаго чловѣка по ту сторону гроба, въ вѣч-

номъ и непосредственномъ созерцаніи и общеніи съ Божествомъ, источникомъ истинной радости и блаженства. Близость Божества и премірной красоты и славы какъ бы сняла съ души апостоловъ давящія ихъ оковы гнетущихъ земныхъ заботъ, тревогъ, печалей и страховъ. Все земное, всѣ земныя радости, интересы, блага и примазки, — все, чѣмъ земная жизнь тревожитъ, волнуетъ, пугаетъ или прельщаетъ ослѣпленныхъ людей, — все это отъ созерцанія горней красоты и величія потускнѣло и померкло въ просвѣтленномъ сознаніи апостоловъ, — все стало мелкимъ, низменнымъ, ничтожнымъ, жалкимъ и убогимъ. Постоянно придавленная, постоянно тоскующая и неудовлетворенная, бѣдная человѣческая душа апостоловъ теперь, вблизи съ Божествомъ и неземною славою Іисуса, почувствовала себя свободною и могучею; теперь она какъ бы пробудилась, встряхнулась и окрылилась, какъ бы разцвѣла подъ благодатными лучами Божеской славы и нашла свое высшее удовлетвореніе въ созерцаніи этого Божества. Хорошо, свѣтло и высоко отрадно было на душѣ апостоловъ, и все ихъ раскрывшееся, очарованное существо какъ бы говорило: вотъ гдѣ истинная жизнь! вотъ бы вѣчно жить этою жизнью вблизи горняго міра, въ созерцаніи Божеской славы, и никогда бы не возвращаться въ мертвящій холодъ и туманъ земной жизни съ ея жалкою бѣдностью и убожествомъ!..

Въ этомъ-то необычно возбужденномъ и блаженномъ состояніи апостоль Петръ невольно и изъ глубины души воскликнулъ: «Господи! хорошо намъ здѣсь; если хочешь, построимъ здѣсь три палатки: Тебѣ одну, Моисею одну и одну Іаіи». И когда онъ говорилъ это, свѣтлое облако освѣтило Іисуса, и изъ облака послышался голосъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте».

Пораженные близостью Божьяго величія, трепетные ученики упали на землю. Іисусъ подошелъ къ нимъ, дотронулся до нихъ и сказалъ: «встаньте и не бойтесь». Они

подняли головы, осмотрѣлись, но ничего чудеснаго и дивнаго болѣе не увидѣли: и пророки, и облако, и чудный свѣтъ исчезли, и Самъ Иисусъ стоялъ предъ ними въ прежнемъ смиренномъ человѣческомъ видѣ.

Это дивное прославленіе Иисуса въ Его земной жизни, отображеніе Его Божеской природы и славы въ смертномъ человѣческомъ тѣлѣ мы и празднуемъ нынѣшній день, и день этотъ зовется у насъ днемъ Преображенія Господня (Преображеніе отъ словъ—образъ, образованіе, преобразованіе—значить перемѣна образа или наружнаго вида).

Та сила, которая въ день Преображенія чудесно измѣнила и просвѣтила наружный видъ Господа, до нѣкоторой степени присуща и каждому человѣку. Сила эта находится въ душѣ человѣка. Душа наша, сотворенная по образу и по подобію Божію, представляетъ высшее духовное начало въ человѣкѣ, — начало, которому по природѣ своей свойственно стремиться къ главенству и управленію надъ тѣлесной жизнью человѣка. И дѣйствительно, различное состояніе и развитіе нашего духа, разныя движенія и волненія, происходящія въ душѣ нашей, до нѣкоторой (впрочемъ, весьма замѣтной) степени сказываются и отображаются и на вѣшной жизни человѣка, и на наружномъ его видѣ и — главнымъ образомъ — на лицѣ и глазахъ человѣка. Возьмите вы маленькаго ребенка, дикаря или слабоумнаго, возьмите вообще такого человѣка, у котораго мысль работаетъ вяло, чувства сонны и слабы, и вообще вся духовная жизнь еще не начиналась или весьма сужена, слабо развита и выражена; лица всѣхъ этихъ «нищихъ духомъ» всегда почти носятъ отпечатокъ какой-то деревянной сонливости, тупости, тусклости и малосознательности. Но по мѣрѣ пробужденія и развитія въ человѣкѣ умственной и душевной жизни и лице его постепенно проясняется и оживляется, дѣлается болѣе подвижнымъ, выразительнымъ и вдумчивымъ. Недаромъ говорятъ про лица «умныя», «благородныя», съ тонкими чертами, съ глубокимъ и выразительнымъ взглядомъ, — и про лица

«глупыя», «грубыя», «тупыя» и «тусклыя». Посмотрите вы на великихъ мыслителей, людей могучаго ума и непрерывной умственной работы: лица ихъ, несмотря даже на неправильныя природныя черты, на некрасивое природное строеніе, всегда почти облагорожены и скрашены присутствіемъ свѣтлой и высокой мысли. А въ моменты вдохновеннаго творчества, въ моменты напряженной умственной работы, въ минуты раздвѣта и разгара умственной дѣятельности, когда въ душѣ великаго человѣка разгорится яркимъ пламенемъ живущая въ немъ «искра Божія», и сердце его затрепещетъ священнымъ восторгомъ отъ предчувствія и близости новой, свѣтлой и могучей мысли,—когда вся душа его вострепешетъ отъ полноты и мощи высшей духовной жизни, — посмотрите, какъ измѣняется тогда лице вдохновеннаго творца и провидца, какъ оно просвѣтляется и одухотворяется, какъ глаза его озаряются и зажигаются огнемъ божественной мысли, и все лицо его пріобрѣтаетъ отпечатокъ какой то высшей, неземной, вдохновенной привлекательности и красоты! Въ эти моменты мы какъ бы не замѣчаемъ неправильностей въ чертахъ лица великаго человѣка, какъ бы не замѣчаемъ даже его тѣлесности: предъ нами могучій и свѣтлый духъ этого человѣка,—предъ нами высшая власть и сила; насъ привлекаетъ, покоряетъ и чаруетъ высокая мысль человѣка, которая горитъ и свѣтится на лицѣ его въ своемъ небесномъ блескѣ и высшей, безплотной красотѣ своей...

Еще замѣтнѣе отображается на лицѣ нашемъ жизнь сердечная, т.-е. разныя душевныя волненія и чувстваванія. Каждый изъ насъ знаетъ лица веселыя, радостныя, или спокойныя,—и лица скучныя, тревожныя, безпокойныя и грустныя. Значить, по лицу человѣка можно догадываться и судить о томъ, что находится на душѣ человѣка въ данное время,—что онъ переживаетъ и чувствуетъ въ извѣстный моментъ. Понятно, что чѣмъ сильнѣе и глубже душевное волненіе человѣка, тѣмъ яснѣе и глубже

сказывается и его вліяніе на наружномъ видѣ челоуѣка. Всякому извѣстно, какъ сильный гнѣвъ, злоба, ярость, испугъ, ужасъ или сильная душевная мука искажаютъ лицо челоуѣка и прокладываютъ на немъ глубокія, часто неизгладимыя во всю жизнь, борозды, слѣды и морщины. И чѣмъ чаще подвергается челоуѣкъ вліянію извѣстнаго разряда страстей и душевныхъ волненій, чѣмъ больше душа его живетъ въ атмосферѣ извѣстныхъ чувствъ и настроеній, чѣмъ привычнѣе и родственнѣе его душѣ міръ данныхъ душевныхъ волненій и чувствованій,—тѣмъ все больше и глубже укореняются на лицѣ и наружномъ видѣ челоуѣка своеобразныя слѣды его господствующей душевной жизни. Подъ вліяніемъ этого привычнаго душевнаго міра наружность и лицо челоуѣка постепенно принимаютъ извѣстный складъ, извѣстный отпечатокъ, извѣстное выраженіе и характеръ. По этимъ-то слѣдамъ и отпечаткамъ опытные люди и угадываютъ не только характеръ челоуѣка, но даже иной разъ и всю прошлую жизнь его (конечно, въ главныхъ чертахъ ея и основномъ ея содержаніи). Да иной разъ вовсе и не трудно на лицѣ челоуѣка прочесть всю печальную повѣсть его прошлой жизни и съ несомнѣнностью заключить, что жизнь этого челоуѣка прошла тревожно и бурно,—что онъ много видалъ и пережилъ на вѣку своемъ, и много горя и тяжелыхъ испытаній пало на его долю въ прошломъ. Наоборотъ, лицо другого челоуѣка съ перваго на него взгляда весьма выразительно докладываетъ вамъ, что ровное, гладкое, мирное и спокойное теченіе прошлой жизни его обладателя мало нарушалось сильными бурями и житейскими непогодами. На этомъ же основаніи у насъ часто говорятъ про лица «злыя», «страшныя», «отталкивающія» и даже «звѣрскія». Послѣднія, конечно, принадлежатъ людямъ жестокимъ, безсердечнымъ, кровожаднымъ,—людямъ, поддавшимся чувству злобы и влеченію къ злодѣйству. Подобнымъ образомъ, челоуѣкъ, живущій измѣненными, животными интересами, потребностями тѣла и погоней

за грубыми, чувственными наслажденіями, и лицо имѣть чувственное. Недаромъ же говорятъ, что «лицо есть зеркало души». На основаніи всего сказаннаго о вліяніи души на тѣло человѣка, можно думать, что и та «печать Каина», которою былъ отмѣченъ первый братоубійца, состояла изъ тѣхъ естественныхъ слѣдовъ и отпечатковъ, которые отобразились на внѣшности и лицѣ Каина подъ вліяніемъ, съ одной стороны, чисто животнаго ужаса передъ гнѣвомъ Божиимъ и страха за свою жизнь передъ людьми, а—съ другой—подъ вліяніемъ безсильной злобы, упорства и ожесточенія. Насколько вообще явственны и многосторонни слѣды, накладываемые душевною жизнью человѣка на его наружность, видно изъ того, что опытные и наблюдательные люди не только по лицу, но даже по походкѣ и извѣстнымъ чертамъ и бороздкамъ на рукѣ человѣка судятъ о его душѣ и характерѣ. Иные люди съ перваго взгляда угадываютъ въ человѣкѣ присутствіе сильной воли, твердаго, рѣшительнаго и устойчиваго характера, привычки къ порядку, къ аккуратности и труду. Та-же походка и наружность въ другомъ человѣкѣ обличаютъ (на взглядъ людей опытныхъ) лѣнтяя, вялаго, безпечнаго, неустойчиваго, беспорядочнаго или порывистаго и горячаго человѣка.

Въ противоположность съ тѣмъ омраченіемъ и тѣми непривлекательными чертами, которыя накладываются на лицо и наружность человѣка злобою, завистью и другими темными и мрачными явленіями душевной жизни,—свѣтлыя и добрыя настроенія и чувства человѣка облагораживаютъ и просвѣтляютъ его лицо и наружность. Бываютъ лица некрасивыя, но милыя и привлекательныя. Чѣмъ они привлекательны? Ничѣмъ инымъ, какъ именно отображеніемъ на этихъ лицахъ хорошей души ихъ обладателя: въ глазахъ и лицѣ такого человѣка свѣтится добрая, благожелательная душа его, его отзывчивое, любящее сердце,—и это-то отображеніе и дѣлаетъ лицо человѣка привѣтливымъ и привлекательнымъ. А моменты особаго подъема

душевныхъ силъ, моменты высокихъ душевныхъ порывовъ и настроеній, когда со дна души поднимутся и заговорятъ въ человѣкѣ лучшія его чувства и движенія, когда затронутся и зазвучатъ нѣжныя и благородныя струны души его?!. Въ эти «святыя мгновенья», когда душа человѣка затеплится и загорится высокимъ умиленіемъ и восторгомъ или почувствуетъ и найдетъ свое высшее удовлетвореніе въ созерцаніи и любовномъ общеніи съ вышею правдою, добромъ и красою,—въ эти рѣдкостные моменты даже лица обычно холодныя, хмурыя и грубыя, согрѣваются и озаряются высшимъ тепломъ и свѣтомъ.

Правда, это просвѣтлѣніе и преображеніе лица человѣческаго подъ вліяніемъ свѣтлыхъ душевныхъ настроеній имѣетъ свои границы и въ обычной жизни рѣдко наблюдается въ сильныхъ, яркихъ и прочныхъ формахъ. Но это оттого, конечно, что обычный уровень нашей душевной жизни вообще очень низокъ: мы живемъ низменными, земными и суетными интересами; наша душа забита и придавлена подъ гнетомъ сѣренъкихъ, будничныхъ и мелкихъ впечатлѣній и заботъ; намъ мало доступна свѣтозарная область высоко-прекрасныхъ образовъ и настроеній,—и лица наши вмѣстѣ съ душою оступѣли и огрубѣли въ обычныхъ дразгахъ и пошлыхъ мелочахъ скучной будничной жизни.

Тѣмъ не менѣе даже и мимолетныя свѣтлыя настроенія души нашей сказываются извѣстнымъ оживленіемъ и просіяніемъ лица нашего. А продолжительное и частое (въ предѣлахъ цѣлаго ряда поколѣній) соприкосновеніе съ міромъ высокаго и изящнаго,—болѣе или менѣе привычный для извѣстнаго рода возвышенный строй души человѣческой,—жизнь цѣлаго ряда поколѣній, полная высокихъ и прекрасныхъ впечатлѣній,—могутъ въ концѣ концовъ сказаться глубокимъ измѣненіемъ даже природныхъ чертъ и строенія въ наружности и лицѣ человѣка,—могутъ привести къ тому, что наши потомки будутъ рѣзко

отличаться отъ насъ по благородству, изяществу и привлекательности своихъ лицъ.

Но и помимо этихъ естественныхъ, вообще слабыхъ и постепенныхъ измѣненій въ наружномъ видѣ человѣка, мы знаемъ случаи поразительнаго и чудеснаго просвѣтленія и преобразованія лица и наружности человѣка подъ вліяніемъ пламеннаго молитвеннаго настроенія; подъ вліяніемъ благодатной и святой жизни. Видали ли вы преображеніе человѣка, когда въ душѣ его заволнуются и закипятъ святія чувства,—когда взоръ его свѣтится восторгомъ и благоговѣйнымъ трепетомъ отъ созерцанія высшей горней жизни, отъ наполненія души его образами божественнаго величія, любви, добра и красоты? Видали ли вы (хоть на иконахъ и картинахъ) ликъ великаго молитвенника и подвижника во всемъ блескѣ просвѣтленнаго образа человѣческаго, въ которомъ духъ божественности просвѣчиваетъ во всей безтѣлесности? А въ житіяхъ святыхъ разсказывается не мало случаевъ, когда полная отрѣшенность отъ земли и земныхъ интересовъ, всецѣлая сосредоточенность души на предметахъ премірныхъ и божественныхъ, пламенное горѣніе духа въ постоянномъ молитвенномъ настроеніи—дѣлало временами лица и взоры угодниковъ Божіихъ воистину «неземными» и преображало ихъ наружность въ степеняхъ и формахъ, напоминающихъ чудесное Преображеніе Господа.

Помолимся Господу, нынѣ чудесно преобразившемуся на горѣ Фаворѣ, чтобы Онъ помогъ и намъ передѣлать и преобразовать свою жизнь по образу и примѣру Его св. угодниковъ. Съ Божьей помощью приложимъ и мы всѣ старанія къ тому, чтобы жить больше духовною, чѣмъ тѣлесною жизнью, жить высшими духовными интересами въ живомъ общеніи съ міромъ свѣтлыхъ и животворныхъ образовъ, мыслей и настроеній. Постараемся развивать и укрѣплять свои умственные силы изученіемъ всего необходимаго для нашего спасенія и размышленіемъ о предметахъ полезныхъ и душеспасительныхъ; постараемся и

сердцу своему дать соотвѣтствующую пищу въ чувствахъ состраданія, благожелательности и любви; позаботимся вообще о томъ, чтобы душа наша жила—по возможности—полною разумною жизнью,—чтобы она питалась, оживлялась, согрѣвалась и разцвѣтала въ общеніи съ бодрящими и освѣжающими образами и впечатлѣніями всего высокаго, свѣтлаго, разумнаго и истинно-прекраснаго.

И пусть мы не сподобимся здѣсь, на землѣ, того чудеснаго просвѣтлѣнія и преображенія нашего лица и нашей наружности, какое мы видимъ въ земной жизни Господа и Его св. угодниковъ. Вѣдь и угодники Божіи чудесно преображались въ своемъ наружномъ видѣ весьма не часто, а только въ рѣдкіе моменты высшаго напряженія своихъ силъ, въ необычномъ состояніи пламеннаго и могучаго горѣнія духа въ приближеніи и уподобленіи его духу Преобразившагося Господа.

Для насъ довольно и того, что упорядоченная, свѣтлая, разумная и богатая внутренняя жизнь наша все-же—до нѣкоторой весьма значительной степени — упорядочить, скрасить, облагородить и облагообразить и нашу внѣшнюю жизнь и наружность, а главное,—подготовить насъ къ тому полному и всецѣлому измѣненію и просвѣтлѣнію нашихъ тѣлъ, которое ожидаетъ насъ по ту сторону гроба, въ вѣчномъ царствѣ Премірнаго Разума, Любви и Красоты, гдѣ души наши найдутъ полное свое удовлетвореніе въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ, и гдѣ—по неложному слову нынѣ Преобразившагося Господа—всѣ «праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ».

XXXI.

Христіанскій постъ не исключаетъ бодрого настроенія и законныхъ, чистыхъ радостей въ жизни постящагося.

Есть люди, которые очень строго смотрятъ на время поста и говѣнья. Они думаютъ, что во время поста и говѣнья грѣшна всякая улыбка, всякая шутка, всякое бодро - радостное настроеніе и поведеніе говѣльщика, всякая музыка и пѣніе. Истинный, спасительный и угодный Богу постъ для такихъ людей въ томъ, чтобы на время оставить всякія хозяйственныя работы, удалиться отъ всякихъ разговоровъ о земномъ и житейски-необходимомъ, — все время молиться и думать о своихъ грѣхахъ, быть молчаливымъ, строгимъ, серьезнымъ, вздыхать, сокрушаться и плакать...

Такое пониманіе поста односторонне и неправильно. Спаситель не изгоняетъ изъ человѣческой жизни всякихъ радостей, всякихъ заботъ объ устройствѣ бодрой, радостной и счастливой жизни на землѣ. Онъ Самъ, когда жилъ на землѣ, принималъ участіе въ разумныхъ человѣческихъ радостяхъ и законныхъ празднествахъ человѣческой жизни (Еванг. Іоан. II, 1—11 ст.). И ап. Христовъ приглашаетъ насъ къ постоянно-радостной, бодро-свѣтлой жизни: «Всегда радуйтесь, о всемъ благодарите», — говоритъ онъ христіанамъ (Фил. IV, 4). По мысли нашего всеблагого Создателя всѣ мы и созданы для бодрой, свѣтло-радостной жизни; всѣ мы предназначены къ вѣчной, не престающей радости, — къ вѣчному блаженству въ Царствѣ небснаго Отца нашего, въ царствѣ блаженныхъ духовъ, гдѣ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ ждетъ безоблачная, несказанная полнота радостей въ соединеніи съ вѣчно-вседовольнымъ и всеблаженнымъ Жизнеподателемъ. Дѣло только въ томъ, что радость радости разны. Есть радости высшаго порядка, радости истинныя, чистыя, духовныя и возвышенно благородныя, — равно какъ есть радости и

низкаго сорта. Сюда, къ послѣднему роду, относятся удовольствія и развлеченія грубыя, тѣлесныя, суетныя, мелкія, грязныя, животныя. Самое слово *развлеченіе* указываетъ на то, что оно *развлекаетъ* человѣка, отвлекаетъ его отъ серьезнаго дѣла, отъ серьезныхъ высокихъ чувствъ и мыслей, разсѣиваетъ, разбрасываетъ и раздробляетъ нашу душу, размѣнивая золото нашей души на грошевыя мелочи, на пустяки и труху. Такія развлеченія и удовольствія расслабляютъ человѣка, опустошаютъ его душу, вывѣтриваютъ и сушатъ ее, принижаютъ, грязнятъ, стираютъ яркія краски Богоподобія съ внутренняго образа человѣка, калѣчатъ, искажаютъ, уродуютъ, обезцѣниваютъ, безобразятъ и губятъ человѣка. Въ тинѣ этихъ житейскихъ мелочей, въ этой смрадной слякоти дрянныхъ, ничтожныхъ заботъ будничной, разсѣянной мірской жизни мы и купаемся обыкновенно. Здѣсь то, подъ пепломъ этой житейской копоти, пыли и грязи и глохнетъ въ насъ «искра Божія», линяетъ и тускнѣетъ въ насъ «образъ Божій». Мы выдыхаемся, пустѣемъ, грубѣемъ и понемногу обращаемся въ какую то «прорѣху на человѣчествѣ». Вывести нашу душу изъ темницы этой сѣрой, нищенски-убогой жизни,—вывести ее изъ смрада и угара на свѣтъ и просторъ, на вольный воздухъ доброй, разумной жизни,—подняться, встряхнуться, поскоблить, почистить и посвѣтлить загрязненный въ насъ образъ Божій, зажечь дремавшую и заглохшую въ насъ искру Божию, поставить насъ лицомъ къ лицу съ высшими интересами и задачами жизни,—въ этомъ и состоитъ задача говѣнья, въ этомъ—истинная цѣль поста. Такимъ образомъ, время поста—время «чистки души», время душевнаго оздоровленія, время борьбы со зломъ, неправдою, безчувственностью, разсѣянностью и распущенностью, со всѣми сквернами и мусоромъ жизни. Зачѣмъ же тутъ излишнее уныніе, «постныя лица», скорбь, стоны, слезы и плачь? Для успѣха борьбы нужны бодрость, смѣлость, мужество, твердость, собранность всѣхъ силъ и готовность постоять за себя и

за свое дѣло. Можно ли ждать побѣды отъ солдатъ, когда они передъ битвой разслабнуть, раскиснуть, впадутъ въ уныніе и малодушіе? Правда, и бросаться на врага «дурѣмъ», «очертя голову», безъ плана, безъ порядка, безъ соблюденія военныхъ правилъ,—бросаться безъ надлежащей подготовки, не взвѣсивши тщательно своихъ силъ и силъ непріятеля,—бросаться въ кичливой увѣренности, что мы безъ излишнихъ усилій и безъ солидной предварительной подготовки «шапками закидаемъ» непріятеля,—такъ вести дѣло и рискованно и даже прямо глупо и преступно. Въ военномъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, одной безразсудной храбрости, невыдержанной горячности слишкомъ недостаточно. Чтобы выработать въ себѣ хорошаго воина, нужно на нѣкоторое время оставить привычки и складъ вольной и мирной жизни, нужно серьезно поучиться военному дѣлу; для этого приходится перенести не мало трудовъ и тягостей военно-походной жизни, приходится взять на себя ярмо военной выправки, военныхъ порядковъ и правилъ,—того, что называется военной дисциплиной, суровой и строгой настолько, насколько серьезно и отвѣтственно военное дѣло. То же самое и въ духовной борьбѣ человѣка,—въ постѣ и говѣннѣ. Нельзя поститься и въ то же время продолжать прежнюю легкую, широкую, беззаботно-лѣнливую и разсѣянную мірскую жизнь. Нѣтъ, тутъ дѣло серьезное и отвѣтственное. Тутъ необходимо сузить себя, сократить, подтянуться, сосредоточиться. Душевная зоркость, осмотрительность и осторожность—необходимыя условія спасительнаго говѣнья. Для истиннаго поста необходимо оглядѣть свою жизнь, углубиться въ себя, разсмотрѣть свое душевное состояніе, порыться въ своей совѣсти, разглядѣть и оцѣнить ошибки и глупости своей прежней жизни, разглядѣть опасность своего положенія, почувствовать стыдъ, боль, жалость и раскаяніе за свою прежнюю жизнь. Истинный постъ, вмѣстѣ съ жгучимъ сожалѣніемъ о безумствахъ и беззаконіяхъ прежнихъ лѣтъ, пробуждаетъ въ

насъ могучее стремленіе собрать всѣ силы души своей и устремить на то, чтобы заштопать прежде сдѣланные изъязы и прорѣхи, обновиться внутренно, стать на ноги и разстроенному инструменту души своей сообщить новую настроенность, согласный порядокъ и гармонію.

Такимъ образомъ, если и можно говорить о плачѣ и печали въ дни поста и говѣнья, то только въ особомъ относительномъ смыслѣ. По сужденію мірскому постъ—дѣйствительно печальное время: тутъ неумѣстны мірскія забавы, пустые разговоры, нѣга и услады тѣла, мірскія суетныя увеселенія, пѣсни и зрѣлища,—неумѣстно все, что расслабляетъ и грязнитъ нашу душу. Но высшія радости, бодрое и свѣтлое настроеніе и благодушное перенесеніе трудовъ и тягостей по перестройкѣ жизни, тѣ «правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ», изъ которыхъ, по апостолу, слагается Царство Божіе внутри человѣка (Римл. 4, 17),—эти благородныя духовныя радости вовсе не изгоняются и не преслѣдуются во время поста и говѣнья. Наоборотъ, можно смѣло сказать, что истинный постъ, т.-е. разумно-воздержная и трудовая жизнь, составляетъ главное условіе и — пожалуй — *единственный* источникъ прочнаго и высшаго духовнаго удовлетворенія. И выходитъ, что если для людей пустыхъ, полагающихъ весь смыслъ жизни въ грубомъ земномъ весельѣ, постъ дѣйствительно тягостенъ и стѣснителенъ, то для людей съ высшими запросами и интересами постъ, т.-е. разумно-воздержная и серьезно-трудовая жизнь, составляетъ самую естественную, можно сказать родную и—потому—глубоко-удовлетворяющую стихію. Кто серьезно работаетъ надъ собою, кто живетъ больше для души своей, кто дѣйствительно озабоченъ передѣлкой свой жизни къ лучшему,—тотъ не замѣчаетъ въ постѣ и говѣньѣ излишнихъ тягостей. Отсутствіе легкомысленныхъ развлеченій нисколько не печалитъ истиннаго постника. И это вполне понятно. Человѣку серьезному, настоящему труженику и работнику Божію не пойдутъ въ голову всякая прихоть,

всякая блажь, баловство и глупости; у него тѣлесная низшая жизнь сократится и сузится сама собою, и онъ, одолевая шагъ за шагомъ ненужные и грубые позывы своего тѣла, будетъ бодръ и свѣтелъ духомъ, торжествуя свою побѣду.

Кто же сводить все говѣнье къ одному только наружному воздержанію, къ одному наружному выполненію церковныхъ уставовъ, къ однимъ видимымъ воздыханіямъ, поклонамъ, сокрушенію, къ постному выраженію лица,—кто, постясь усиленно (по видимости), въ тайникѣ души тяготится временемъ поста и съ нетерпѣніемъ считаетъ дни и часы своего говѣнья,—тотъ, можно сказать, не начиналъ еще истиннаго поста. Для того постъ не добровольно, любовно и охотно взятое на себя дѣло улучшенія и исправленія своей жизни, а тяжелая повинность, которую несетъ человѣкъ изъ подъ неволи, принуждая себя и насилуя, раздражаясь, разстраиваясь и хмурясь въ душѣ своей. Это постъ фарисеевъ и лицемѣровъ.

Есть люди: походка и всѣ движенія у нихъ размѣренныя и рассчитанныя,—лицо серьезное, озабоченное, разговоръ строгій, тонъ вѣскій и внушительный; они съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ пустыхъ разговоровъ, при всякомъ случаѣ стараются показать свою особенную разсудительность, вдумчивость, серьезность, свой особенный умъ и проницательность. Имъ нравится показать, что они живутъ не какъ другіе,—что у нихъ *страшно* много дѣла въ жизни,—что они ой какъ много испытали и перенесли въ своей жизни и потому они не чета какимъ-нибудь обыкновеннымъ людямъ. Имъ очень нравится, когда про нихъ скажутъ: «вотъ это такъ человѣкъ! Чего онъ не знаетъ! Какой онъ умница! Какой труженикъ и постникъ!» Точь въ точь какъ было съ древними еврейскими фарисеями и лицемѣрами, которые, по свидѣтельству Евангелія, все дѣлали только на показъ, не по влеченію сердца, а исключительно для похвалыбы. Какъ и нынѣшніе лицемѣры, фарисеи Евангелія любили при всякомъ

удобномъ и неудобномъ случаѣ выставить на видъ свои особенные труды и заслуги (Мѣ. V, 5—6), и даже въ молитвѣ къ Богу ставили на видъ и усиленно подчеркивали свое огромное яко-бы превосходство передъ «прочими людьми—хищниками, беззаконниками, прелюбодѣями». Они предъявляли Богу свои добродѣтели, какъ несомнѣнное право на особенно-милостивое вниманіе къ нимъ Самого Бога,—какъ право на свою исключительную близость къ Богу, право на особое отличіе и награду отъ Него (Лк. 18, 10—12).

Вотъ отъ такого то показного, вывѣсочнаго благочестія и постничества и предостерегаетъ Спаситель, говоря: «когда поститесь, не будьте, какъ лицемѣры, *стыяюще*; ибо эти лицемѣры *помрачаютъ лица свои, чтобы выставить себя передъ людьми постниками*. Истинно говорю вамъ (прибавляетъ Спаситель), что они уже получаютъ награду свою» (въ похвальбѣ людской)—Мѣ. VI, 16.—Кто работаетъ, постится или творитъ другія добрыя дѣла только напоказъ, только для похвалы передъ людьми,—кто кричитъ о своемъ благочестіи на всѣхъ перекресткахъ (Мѣ. VI, 2),—кто при постѣ и трудахъ жизни выдѣлываетъ постныя, хмурыя, суровыя, истомленныя и измученныя лица, чтобы тѣмъ привлечь къ себѣ вниманіе людей и заставить говорить о себѣ, какъ объ особомъ труженникѣ и постникѣ,—тотъ—по увѣренію Спасителя— всю свою награду сводитъ къ одной людской похвальбѣ.

Истинный постъ—время духовнаго торжества, когда челоуѣкъ несетъ труды и лишенія охотно и радостно, не крича о нихъ, не хмураясь и не досадуя, а смиренно и съ благодарностью къ Богу. Постъ—это время истинной христіанской жизни, когда челоуѣкъ очищаетъ себя отъ обманчивыхъ и губительныхъ радостей міра и готовится къ радостямъ дѣйствительнымъ, благороднымъ, истиннымъ, прочнымъ и разумнымъ. Говѣнье—это дорога къ свѣтлой и трезвой жизни. Не хмуриться и унывать тутъ надо, а съ пѣніемъ священныхъ пѣсень и подъ зна-

менемъ Церкви бодро и смѣло устремляться на борьбу съ грѣхомъ. Такъ и учитъ Спаситель, который, вслѣдъ за осужденіемъ поста показного, прибавляетъ: «ты-же, когда постишься, *помажь* главу твою и *умой* лицо твое, чтобы явиться тебѣ постящимся не въ глазахъ людей, а передъ Богомъ, который «втайнѣ»; И Отецъ твой, видяшій тайное, воздастъ тебѣ *явь*» (Мѣ. VI, 18).

И Церковь Христова внушаетъ намъ бодрость и свѣтлость духа при началѣ и продолженіи поста, воспѣвая въ церковной пѣснѣ: «постное время *свѣтло* начнемъ, къ подвигамъ духовнымъ себе подложивше».

Свящ. Иоаннъ Утѣхинъ.

КРАСОТА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ.

(На Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя).

*„Дщи Иродіадина, наваждена матерію своею, даждь ми, рече, здѣ на блюдь главу Іоанна Крестителя“
(Мѡ. 14, 8).*

Трудно представить себѣ болѣе ужасное зрѣлище, чѣмъ то, какое имѣло мѣсто 19 вѣковъ тому назадъ во дворцѣ Іудейскаго царя Ирода на праздничномъ пиру по случаю дня его рожденія. Обратите вниманіе: предъ царемъ во всемъ блескѣ своей красоты стоитъ юная дѣвушка и настойчиво его просить. О чемъ же? А вотъ о чемъ: «дай мнѣ здѣсь на блюдь главу Іоанна Крестителя!»... Благочестивый слушатель! Скажи: представляется ли для тебя возможнымъ такое ужасное совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ чего-то, съ одной стороны, безмѣрно прекраснаго,—какова красавица дѣвушка, а съ другой—отвратительно—безобразнаго,—каково пролитіе крови человѣческой, чего потребовала отъ Ирода эта красавица? Увы! Такія совмѣщенія въ нашей жизни, оказывается, вполне возможны!

Едва ли нужно долго отыскивать причину ихъ: она ясна сама собой. Саломія,—такъ звали дочь Иродіады,—повидимому, совершенно не знала, лучше же сказать, и знать не хотѣла, что кромѣ тѣла, хотя бы очень красиваго, у насъ есть еще душа,—что кромѣ тѣлесной есть еще душевная красота и что, наконецъ, эта послѣдняя тысячекратно важнѣе и дороже первой. Ничего этого не

знала Саломія, да и—повторяемъ—знать не хотѣла. Дальше своего тѣла и того, что служить къ его услажденію, она ни о чемъ не помышляла. Отъ-того то и произошло отмѣченное ужасное совмѣщеніе: красивая по тѣлу дѣвушка оказалась чудовищно безобразною по душѣ. Здѣсь намъ припоминаются слова Господа, сказанныя Имъ въ обличеніе фарисеевъ: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что подобиетесь гробамъ крашенымъ, которые снаружи кажутся красивы, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты» (Мѡ. 23, 27). Именно такимъ то «гробомъ крашенымъ» и была Саломія. Она только снаружи красива,—этой своей наружной красотой и жива только она;—по душѣ же она поистинѣ мертва! Разсудимте. Ей вовсе недоступно что-либо нравственно-высокое и даже просто нравственно-приличное. Въ самомъ дѣлѣ, въ нарушеніе народныхъ обычаевъ того времени, отнюдь не позволявшихъ дѣвушкамъ ходить безъ покрывала и являться въ общество мужчинъ, она приходитъ съ открытымъ лицомъ къ царю на пиръ въ среду гостей и даже выступаетъ здѣсь въ качествѣ публичной плясавицы. Прости, дѣвическая скромность и стыдливость: ихъ нѣтъ у Саломіи!... Когда, далѣе, своей пляской она достигла, повидимому, совершенно неожиданныхъ для себя результатовъ—ей было позволено царемъ просить сейчасъ же у него, чего только захочетъ, даже до полцарства, —она была настолько легкомысленна, что не могла сама даже придумать болѣе или менѣе высокаго предмета для своей просьбы и побѣжала спрашивать мать. Наконецъ, отъ этой послѣдней она услышала то, отъ чего нравственно-развитая дѣвушка готова была бы убѣжать съ лица земли. И что же? Саломія совершенно спокойно приняла совѣтъ злой Иродіады и даже—какъ читаемъ въ Евангеліи—«съ поспѣшностію», тотчасъ же, (Мр. 6, 25) вошла къ Ироду и стала просить какъ чего то особенно дорогого и пріятно ей самой: хочу, чтобы ты далъ мнѣ теперь же на блюдѣ главу Іоанна Крестителя. (Мр. 6, 25). Что можетъ

быть типичнѣе столь низкой степени нравственнаго отупѣнія, къ каковому приводитъ человѣка исключительная заботливость о тѣлѣ,—объ его красотѣ, услажденіи и удобствахъ его жизни наряду съ полнымъ пренебреженіемъ потребностями души и ея красотой?—Такова Саломія.

Что такое мы съ тобою, слушатель? Много ли выше этой несчастной плясавицы стоимъ мы на пути нравственнаго развитія? Много ли чаще ея думаемъ о красотѣ души своей? Не чаще ли, и не только ли помышляемъ и мы о тѣлѣ, объ его услажденіи и удобствахъ жизни? Не посѣтуйте, если мы осмѣлимся уподобить современное намъ общество только что охарактеризованной нами красавицѣ Саломіи. Бездушна, какъ мы видѣли, была эта послѣдняя, за своей тѣлесной красотой и удовольствіями проглядѣвшая красоту души своей. Поистинѣ, столь же бездушно и наше общество,—по крайней мѣрѣ въ его большинствѣ,—въ погонѣ за матеріальнымъ благосостояніемъ пришедшее къ отрицанію вѣры и нравственности и чрезъ то потерявшее свою душевную красоту. Нужны доказательства? Но для кого же секретъ, что для большинства изъ насъ, какъ нѣкогда и для Саломіи, вовсе не существуетъ запросовъ духа? Впрочемъ, куда тутъ запросы духа? Все подобное въ нашъ вѣкъ часто заслуживаетъ только поношеніе, глумленіе, насмѣшки. У насъ смѣется всякій: и старый, и малый, человѣкъ всякаго званія и состоянія. У насъ смѣются рѣшительно надо всѣмъ, надъ чѣмъ никогда еще не смѣялись. Все доброе и святое повержено теперь ницъ и стало предметомъ злыхъ сатиръ. Брачныя узы осмѣиваются, почтеніе къ старшимъ и даже родителямъ прямо отрицается, проповѣдуется полная свобода и отъ нравственныхъ узъ—отъ совѣсти. Даже сама Церковь, это единственное почти на землѣ учрежденіе, напоминающее намъ о Богѣ и нашемъ предназначеніи, даже эта поистинѣ мать наша, въ которой мы, рождаясь духовно, постоянно получаемъ всѣ потребные

для насъ дары св. Духа,—даже и она также не оставлена безъ насмѣшекъ и прямого поношенія.

Зачѣмъ, подобно легкомысленной Саломіи, стремиться облечься одной только вѣшней красотой, пренебрегая внутренней? Не довольно ли этого ужаснаго подобія плясавицъ? Не пора ли лучше позаботиться объ уподобленіи сіяющему истинной духовной красотой Іоанну Крестителю, твердому въ вѣрѣ въ Господа, запечатлѣвшему эту твердость кровію своею?

Эта вѣра и основанная на ней нравственность и да будутъ отнынѣ нашимъ достояніемъ, молитвами Предтечи Господня.

Свящ. І. Лучевскій.

СПАСОВУ ПРЕДТЕЧѢ

въ день усѣкновенія его главы.

Скверный Иродъ тебѣ, Крестителю Спасовъ, главу усѣче мстивнѣ, обличеній же твоего языка постыши никакоже возможе...

Беззаконнаго Ирода съ Иродіадой

Обличалъ онъ за наглый развратъ.

Такъ горѣлъ онъ душой, что предъ Богомъ лампада,

Такъ привыкла душа быть правдивой измлада:

Нестерпимъ ей былъ грѣшниковъ чадъ...

И разгнѣвался Иродъ... Внимая царицѣ,

Онъ Предтечу Христова схватилъ.

Заклотивъ въ Махеронской суровой темницѣ,

Онъ, въ угоду безстыдной и наглой блудницѣ,

У Предтечи главу отрубилъ...

И замолкли уста и языкъ обличенья.

Торжествуетъ надъ правдой порокъ,

Торжествуетъ насилье въ своемъ ухищреньи...

Но и въ гробѣ лежа, молчаливъ, безъ движенья,

Какъ гроза, беспощаденъ пророкъ.

Обличенья его, словно громъ поднебесный,

И теперь, какъ живыя, гремятъ.

И людскіе грѣхи своей силой чудесной,

Своей властью могучей и тайной безвѣстной,

Потрясая, незримо разятъ...

Беззаконному Ироду съ Иродіадою

Въ своей жизни, душа, не ревнуй.

Сторонися грѣха и бѣжи, какъ отъ смрада,

А пришелъ онъ—тебѣ побороть его надо,

Раздавивши змія, торжествуй...

Подражай въ своей жизни святому пророку.

Стой за правду святую горой.

Не давай разливаться рѣкою пороку,

А съ неправдой борися съ отвагой глубокой,

Какъ пророкъ, какъ Господень герой...

Свящ. В. Бѣлкинъ.

П И С Ь М А
ОПТИНСКАГО СТАРЦА О. АМВРОСІЯ
къ ИГУМЕНУ МАРКУ († 1909 г.),
НАСТОЯТЕЛЮ МЕЩЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

1) 23 августа 1869 г.

Письмо твое получилъ и объясненіе на оное отъ о. Меркурія и отъ Петра Ивановича Соломона слышалъ. Прежде предполагалось отгородить монастырь, потому что училище оставалось въ монастырѣ. Но теперь, когда предполагають училище вывести въ городъ, то благъ совѣтъ Петра Ивановича—купить домъ для училища отъ монастыря (это будетъ согласно съ современными понятіями), а не оказывать помощь только въ покупке дома, какъ желаетъ сего училищное начальство и духовенство. Но какъ для покупки дома для училища монастырь не имѣетъ въ наличности денегъ, а долженъ эту сумму занять, то справедливость требуетъ обязать училищное начальство съ духовенствомъ, чтобы платили приличные проценты, хотя въ продолженіе лѣтъ семи. Впрочемъ, до личнаго переговора съ Владыкою, а прежде и съ нами грѣшными, рѣшительнаго отвѣта училищному начальству совѣтую не давать. 26 августа на коронацію Преосвященный будетъ служить въ Козельскѣ. Въ этотъ день, заразъ послѣ литургіи и молебна, долженъ и ты немедленно отправиться въ нашу сторону на приготовленныхъ уже напередъ лошадяхъ, чтобы успѣть застать

Владьву еще въ Козельскѣ, для объясненія относительно покупки дома, хотъ неокончательно (если напередъ не успѣешь переговорить съ нами).

2) 10 сентября 1869 г.

Податель сего письма Петръ Ѳеодоровичъ Брянцевъ (изъ помѣщиковъ Курской губ.) приходилъ къ намъ съ письмомъ отъ Лебедянскаго о. Ѳеодосія и по его просьбѣ былъ принятъ въ наше братство; но у насъ не сумѣли обращаться съ нимъ, и потому онъ, поживши у насъ немного, вышелъ отъ насъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, былъ вольнодумцемъ и чудомъ обращенъ къ вѣрѣ,— онъ самъ тебѣ расскажетъ объ этомъ. Въ немъ замѣтна большая ревность къ благочестію, но онъ какъ дитя еще очень мало знаетъ и мало понимаетъ. На него нужно смотрѣть какъ бы на иновѣрца новообращеннаго; а у насъ отъ него, какъ бы отъ человѣка опытнаго и свѣдущаго, стали много требовать; онъ этого не понесъ и вышелъ. Посылаю его къ тебѣ; прими его, но не поступайте съ нимъ такъ, какъ у насъ съ нимъ поступили. Не забывай, что онъ нуждается въ большомъ снисхожденіи. Помни слова Писанія: аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши. Не скрою, что Петръ Ѳеодоровичъ на дуэли убилъ ротнаго командира, за что и высидѣлъ въ крѣпости 12 лѣтъ. Но Богъ, по благодати Своей, не хотяи смерти грѣшника, въ примѣръ всѣмъ перваго разбойника ввелъ въ рай. Поручи его о. Меркурію, и пусть у васъ поживетъ сначала для пробы, а тамъ видно будетъ, что и какъ.

О. Меркурій не пріѣхалъ провожать. Видно, икона не готова. Но могъ бы и безъ иконы пріѣхать. Сегодня выѣзжаютъ Соломонъ и Соломонецъ.

3) 26 ноября 1869 г.

При письмѣ твоємъ получилъ и записку о продажѣ и покупкѣ училищнаго дома. Цѣна 5 т. р. хотя немного и высока; по нынѣшнему времени 3 т. или 3,500 р. довольно бы было. Но болѣе полуторы тысячи прибавочныхъ денегъ стоитъ очистить обитель отъ училищнаго населенія. Тогда больше будетъ свободы и удобства дѣйствовать къ благоустройству обители. Мое мнѣніе грѣшное такое: нисколько не медля, нужно ѣхать къ Архипастырю Владыкѣ и спросить его мнѣнія и благословенія, какъ онъ рѣшитъ. Если воля его будетъ купить Мещевской обители училищный домъ, тогда нужно его просить благословенія и разрѣшенія взять на это заимобразно деньги въ такой церкви, гдѣ онѣ въ избыткѣ лежатъ праздными. Взять же безъ процентовъ, такъ какъ берутся эти деньги, во-1-хъ, на общепольное дѣло, во-2-хъ, потому, что за училищный домъ духовенство полагаетъ лишнихъ около 2 т. рублей, такъ какъ домъ этотъ, по посторонней оцѣнкѣ, стоитъ не болѣе 3 т. руб. Впрочемъ, и три процента на рубль платить немного, особенно если бы уменьшили плату за домъ.

Твое мнѣніе занять деньги у частныхъ людей не одобряю и нахожу для тебя весьма невыгоднымъ и неудобнымъ. Да и не легко найти занять такую сумму за 5 процентовъ. Въ первомъ случаѣ занимаетъ монастырь у церкви, монастырь и отвѣчаетъ или долженъ отвѣчать за уплату или неуплату. Въ послѣднемъ случаѣ занимаетъ настоятель своимъ собственнымъ лицомъ, то онъ собственно и долженъ отвѣчать своею личностію, такъ какъ занималъ у частныхъ людей. Если Мещевскій монастырь займетъ у какой-либо церкви, то хорошо, если о. Маркъ успѣетъ заплатить, аще Господь ему поможетъ. Если бы и не случилось ему всего заплатить почему-либо, то и въ такомъ случаѣ онъ не подвергаетъ себя большой отвѣт-

ственности: другіе настоятели доплатятъ. Когда Владыко спросить, гдѣ такіа деньги есть, то ты не указывай прямо на протоіерея Мосальскаго, а скажи прикровенно: слышно, что есть такіа деньги въ Мосальской соборной церкви.

Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ потребуется другое соображеніе, смотря по тому, что и какъ Владыко скажетъ. Тогда, призвавъ на помощь молитвы Царицы Небесной и св. Великомученика Георгія, глаголи и дѣйствуй, какъ вразумить тебя Господь за ихъ молитвами, только глаголи и дѣйствуй умѣренно, съ осмотрительностію, а не съ поспѣшностію и увлеченіемъ. Св. Апостоль Іаковъ, братъ Божій, пишетъ: буди скоръ услышати, косень же глаголати, косень во гнѣвъ. Этого правила держись крѣпко и во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ въ Мещевской обители и окрестъ. У насъ былъ опытный человекъ, который обыкновенно говаривалъ: скорость потребна только блохъ ловить. Особенно путаницу производить—скорое довѣріе слышанному, вопреки старинной пословицѣ: не всякому слуху вѣрь, —а сперва повѣрь, да разсмотри, да разбери.—Если такъ будемъ дѣйствовать, то меньше будемъ раскаиваться за свою опрометчивость. Слѣдуетъ разбирать сортъ людей, правая и неправая глаголющихъ. Первымъ вѣрить, а послѣднихъ слова принимать съ разборомъ.—И въ нашей обители толкуны много портятъ дѣло и нарушаютъ общее спокойствіе.—Слышу, что часто повторяешь имя о. Архимандрита Моисея; старайся подражать его великодушію и неспѣшности, и обдуманности во всемъ; тогда и самъ будешь покойнѣе и братій, искренно служащихъ тебѣ, и обители не обременишь, а поощришь къ большому служенію.

Мнѣ опять нездоровится. Молись о моей худости и не потребствѣ моемъ и безплодіи. Многогрѣшный І. Амросій.

4) 13 дек. 1869 г.

О. Иларій, который въ первый разъ былъ у васъ, когда у васъ еще не было устроено, паки пожелалъ посѣтить для усмотрѣнія обитель вашу. Пріимите его ласково и радушно. Если келлій нѣтъ свободныхъ, пусть онъ пока поживетъ на гостиницѣ. Сперва можешь ему предложить, чтобы онъ служилъ молебны и панихиды, а по временамъ можетъ онъ служить и обѣдню; а тамъ, пусть будетъ, какъ самое дѣло покажетъ.

Посылаю тебѣ съ нимъ еще два экземпляра писемъ о. Игумена Антонія.

5) 8 апр. 1870 г.

Поздравляю тебя съ наступающимъ великимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Когда въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ будетъ воспѣваться всерадостное: Христосъ Воскресе, помяни тогда мою худость, и отъ меня грѣшнаго прими то же привѣтствіе. Сердечно желаю тебѣ сподобленія тѣхъ духовныхъ даровъ, которые, по свидѣтельству Лѣствичника, даруются достойнымъ въ великіе господскіе праздники.

6) 17 марта 1871 г.

Прости, что не поздравилъ тебя со днемъ твоего ангела. Повѣрь, что три раза собирался писать къ тебѣ объ этомъ, но всегда какъ бы изъ рукъ вырывали возможность.

Письмо твое получилъ. Исповѣданное Господь да проститъ тебѣ и Самъ, яко же вѣсть, да утвердитъ впредь сопротивитися напору страстному, помощію Его всеильною; а съ нашей стороны понужденіемъ на смиреніе и особенно подавленіемъ самости. Невотще пишеть св-

Авва Дороеей, что лучше испортить дѣло съ совѣтомъ, нежели настаивать на своемъ,—извѣтомъ правоты и лучшаго разумѣнія. Ни въ чемъ не нужно показывать поспѣшность, а прежде обсуждать и соображать начало съ концемъ, чтобы не было ошибочно и затруднительно послѣ. Научайся сему изъ бывшихъ уже дѣлъ. Есть дѣла нужныя по виду, а есть нужныя по потребности, и есть изъ нужныхъ нужнѣйшія.—Съ послѣднихъ всегда и начинать должно. Разсужденіе, сказано, выше всѣхъ добродѣтелей. Да покроютъ насъ молитвы отцевъ нашихъ.

7) 24 мая 1871 г.

.....Сегодня собираюсь уѣхать въ лѣсную свою келлію; потому пишу вкратцѣ.—Съ 11-го мая у насъ гоститъ о. Архимандритъ Ювеналій. Отъ насъ онъ на дняхъ отправится въ Коренную Пустынь.

8) 17 декабря 1871 г.

Письмо (съ Екат. Ив.) получилъ. Жаль ее, но пожалѣть—нужно и себя, и общую пользу. Она пришла хоть до весны по старому пробыть, а послѣ согласна будетъ и на перемѣну, если жива останется. Это ея слова.—Пусть и будетъ пока такъ.

Помози Господи устроиться всему къ общей пользѣ.—Пишешь и объ о. Иларіѣ! Да! и тутъ общая польза требуетъ, сколько возможно, поддержать взаимнаго мира, подавляя огорченное самолюбіе. Вѣрнѣе придерживаться правды Божіей, а свою правду оставлять. Помози Господи.

Р. S. прошу, ради пользы обители и во избѣжаніе нареканія на тебя, понудь себя ладить съ о. Иларіемъ; послѣ виднѣе будетъ, что и какъ.

9) 4 марта 1872 г.

Прости, что не успѣлъ заблаговременно послать тебѣ мое поздравленіе,—отчасти по немощи, отчасти и потому, что теперь такіе дни, что не совсѣмъ удобно заниматься письмами. Впрочемъ, замедленіе моего письма вышло къ лучшему, потому что теперь могу кстати тебѣ сообщить нѣчто утѣшительное о великихъ милостяхъ Царицы Небесной къ намъ грѣшникамъ. О. Никандръ, келейникъ о. Игумена Исаакія, заболѣлъ горячкою, и о. Никита находилъ положеніе его очень опаснымъ.—2-го марта, въ 4-мъ часу утра, больной видѣлъ во снѣ, въ неизвѣстной ему церкви, позлащенный иконостасъ, въ которомъ, болѣе другихъ, видны были двѣ иконы: съ правой стороны икона Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, а съ лѣвой Ахтырская икона Божіей Матери. Передъ первую иконою о. Маркъ служилъ молебенъ съ акаеистомъ Божіей Матери. Больной слышалъ все это явственно и самый акаеистъ; послѣ молебна о. Маркъ читалъ молитву о его выздоровленіи и что то вродѣ разрѣшительной молитвы.

По желанію о. Никандра 2-го же марта поднимали изъ Козельска Ахтырскую икону, передъ которою о. Димитрій, въ кельѣ болящаго служилъ молебенъ Царицѣ Небесной, а о. Игумень самъ пѣлъ. Въ этотъ же день вечеромъ совершенно надъ нимъ таинство елеосвященія,—и на другой день къ утру больному сдѣлалось большое облегченіе. Больной, по выздоровленіи, или весной, имѣетъ намѣреніе побывать въ вашей Георгіевской обители, а теперь пока просилъ тебя отслужить о его здравіи молебенъ Божіей Матери, по вышесказанному, а по времени написать и Ахтырскую икону Божіей Матери въ вашу церковь, въ какомъ видѣ видѣлъ ее больной; о чемъ можешь разспросить его лично ¹⁾).

¹⁾ Икона Ахтырская найдена въ Козельскѣ на колокольнѣ, подъ крышею, по указанію о. Марка, на основаніи сновидѣнія его, и полученнаго имъ исцѣленія отъ болѣзни.

10) 25 мая 1872 г.

Посылаю тебѣ второй экземпляръ Петра Ѳеодоровича Брянцева,—Петра Игнатьевича Тувальскаго, новоприсоединеннаго изъ католиковъ. Его отецъ имѣлъ генеральскій чинъ, но послѣ польскаго мятежа 1830 года они лишились своихъ правъ; онъ приписался въ Тульской губ., былъ управляющимъ въ Чернскомъ уѣздѣ, и теперь желаетъ поступить въ монастырь. Прошу тебя, если можно, принять его, и оказать ему такую же благоую снисходительность, какую оказывалъ покойному Брянцеву.

11) 26 іюня 1872 г.

Ты сомнѣваешься сдѣлать условіе съ крестьянами, которые уступаютъ вамъ для мельницы луговой земли двѣ десятины, для васъ очень необходимой, считая важнымъ годовой крестьянскій обмолвъ въ 300 четвертей. Но вѣдь теперь вездѣ мелятъ по 15 к. за четверть. Значитъ, вся эта годовая операція стоитъ только 45 руб. Если бы стоило это ежегодно и болѣе 50 руб., и тогда никакой арендаторъ не сочтетъ это важнымъ. Только съ вашей стороны должна быть осторожность та, что уступаемая вамъ крестьянами двѣ луговя десятины сейчасъ же должны быть ограждены, во-первыхъ, канавою, если мѣстность позволить, а во-вторыхъ, хоть плетневою оградкою: это еще удобнѣе. Также вмѣсто уступаемыхъ вамъ 2-хъ десятинъ—нанимать лугу 3 десятины тоже согласиться можно, и на все это заключить письменное условіе въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣствѣ.—Подлинникъ оставить въ монастырѣ, а копію съ условія, также утвержденную кѣмъ-либо, отдать мужичкамъ.—Объ остальномъ передать тебѣ о. Меркурій словесно.

12) 28 іюля 1872 г.

Прислалъ ты именной билетъ, и прибавляешь, что предлагающей операціи опасаясь. И дѣйствительно, опасаться слѣдуетъ, потому что дѣло шло о безыменныхъ билетахъ, которые безопаснѣе заложить, нежели именные. Если у тебя всѣ такіе билеты, какой ты прислалъ, то ихъ можно заложить только въ какой-нибудь банкъ, съ показаніемъ консисторскаго указа. А къ намъ такихъ не присылать. Посылаемъ тебѣ съ о. Меркуріемъ подъ закладъ присланнаго билета 722 руб. ради предстоящей нужды, для уплаты рабочимъ. Для общаго успокоенія—и твоего, и нашего, при первой возможности постарайся выкупить билетъ, или хоть по частямъ присылай. Помоги вамъ Господи управиться съ дѣлами.

13) 4 марта 1873 г.

Поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего ангела и сердечно желаю тебѣ, молитвами духовнаго твоего патрона — преподобнаго Марка Подвижника, милости Божіей и благихъ успѣховъ и помощи отъ Господа во всѣхъ дѣлахъ твоихъ—обительныхъ и душевныхъ.

Сейчасъ пришла мнѣ мысль, ради пользы твоей душевной предложить тебѣ: хорошо бы было, если бы ты хоть понемногу прочитывалъ книгу Преп. Марка Подвижника. Миръ тебѣ!

P. S. Какъ твои духовническія дѣла? умудряйся отдалить отъ себя все зловредное, не смотря ни на какія благовидные предлоги. Одно полезное полезно, а противнаго всячески должно оберегаться.

14) 3 іюля 1875 г.

Брате! возмогай о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его; и *то и другое* оставить необходимо; а то иначе бѣда... несказанная... постарайся исполнить предполагаемое.

15) 11 декабря 1877 г.

Просимъ тебя прислать намъ находящійся у тебя сборникъ о. Архимандрита Моисея. Книга эта намъ теперь очень нужна при составленіи его житія. Пришли ее съ первою вѣрною оказіею.

О главномъ же и самомъ важномъ для тебя молись усердно Господу словами святого Давида: путь неправды отстави отъ мене и закономъ твоимъ помилуй мя!

Да! у тебя сплелись двѣ нехорошія вещи, одна другую поддерживающія. Оставь сперва хоть одну, а потомъ и другую, или обѣ вдругъ. Господи, помози и помилуй насъ!

Многогр. *І. Амеросій.*

Сообщено изъ Оптиной пустыни Е. В.

Правда ли, что евангельская мораль не соответствует запросамъ современной культурной жизни?

Давно уже наше интеллигентное общество стало искать себѣ новыхъ основъ вѣры и нравственности, не удовлетворяясь тѣми, какія издревле предлагаются каждому вѣрующему въ св. писаніи и св. преданіи. Въ послѣднее время эти исканія стали отливаться въ болѣе и болѣе опредѣленныя формы интеллигентскаго еретичества и сектантства, а по мѣстамъ перешли въ полное отрицаніе христіанства. Со времени появленія печальной памяти антихристіанскаго философа Ницше въ значительной части нашей интеллигенціи утвердилось представленіе о христіанствѣ какъ религіи уже отжившей свое время, которая должна быть замѣнена тѣмъ міровоззрѣніемъ, какое отчасти создано и продолжаетъ созидаться въ разныхъ странахъ послѣдователями только что названнаго германскаго философа. Въ особенности, стремленія этихъ новыхъ философовъ и богослововъ ницшеанскаго толка направлены къ созданію новой системы морали. Но для того, чтобы съ полнымъ правомъ выступить проповѣдникомъ новой морали, нужно сначала дискредитировать старую. И вотъ, въ литературѣ и въ частныхъ бесѣдахъ новые философы провозглашаютъ, что евангельская мораль уже отжила свое время, что новая жизнь требуетъ и новой системы нравственности.

У Гусева—Оренбургскаго (Сб. Знанія т. 24, стр. 253) выводится сельскій священникъ о. Геннадій и его сынъ—студентъ, пошедшій дорогою, слишкомъ далекой отъ той,

какой могъ бы итти. Отецъ упрекаетъ сына, указывая, что тотъ совсѣмъ уничтожаетъ мораль, разумѣя здѣсь, конечно, мораль евангелія, но сынъ возбужденно кричить въ отвѣтъ отцу:

— Есть только одна мораль—мораль земли... А ваша, взятая на прокатъ съ неба... эта почтенная старушка съ провалившимся носомъ, давно пережила себя. Химера! Химера! Пора сдать ее въ архивъ... Къ крысамъ, къ крысамъ ее!

Этотъ мотивъ проходить во многихъ произведеніяхъ современной литературы. Но какія же основанія приводятся сторонниками такого взгляда?

«Нынѣшнія условія культурной жизни совсѣмъ не такія, какія существовали въ дни появленія христіанства въ исторіи,»—вотъ первое соображеніе, какое высказывается противниками евангельской морали. Насколько основательно такое соображеніе? Конечно, жизнь окружавшаго Христа народа іудейскаго была очень бѣдна явленіями сравнительно съ разнообразіемъ современной культурной жизни, и нѣкоторыя отношенія общественныя, существующія въ наши дни, въ тѣ времена не могли еще имѣть мѣста. Но во всякомъ случаѣ—сказать, что наша культурная жизнь *совсѣмъ другая* по сравненію съ древней, было бы крайне несправедливо. Собственно говоря, *измѣнились только формы* отношеній общественныхъ, *существо* же ихъ осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Куда бы мы ни обратились—въ область ли философіи, или въ область искусства, индустріи, наконецъ, въ область соціальныхъ отношеній, вездѣ теперь мы встрѣчаемся съ видоизмѣненіями того, что уже существовало *во дни оны*. Вокругъ рождавшагося христіанства уже носились вѣянія разныхъ философскихъ направленій (напр. ученіе саддукеевъ—матеріалистическаго направленія); первые послѣдователи Христа уже могли быть знакомыми съ греческимъ и римскимъ искусствомъ, какое съ усердіемъ водворяли въ Палестинѣ Ироды; первобытное

христіанство несомнѣнно, наконецъ, должно было реагировать на разные возбуждавшіеся въ то время социальныя вопросы (см. напр. посл. къ Коринѣ.). Да, только при маломъ знакомствѣ съ жизнью того времени можно говорить, что мы находимся теперь въ *совершенно особыхъ*, исключительныхъ условіяхъ жизни, какихъ не знало рождавшееся христіанство и на какія поэтому оно не могло рассчитывать, предлагая человѣчеству свою высокую мораль...

Нужно прибавить къ этому, что иногда христіанской евангельской морали теперь приписываютъ такія ученія, какихъ она и не имѣла. Указываютъ, напр., что евангельская мораль противится будто бы успѣшному развитію медицинской науки, возставая противъ хирургическихъ операцій. Но нужно различать непремѣнно между ученіемъ евангелія и взглядами той или другой богословской школы. Средневѣковые богословы, дѣйствительно, возставали противъ хирургическихъ операцій, но въ евангельской морали мы такого протеста не находимъ. Напротивъ, евангеліе всегда и повсюду обязываетъ своихъ послѣдователей всѣми средствами содѣйствовать благополучію человѣчества и, слѣд., оно ничего не можетъ имѣть противъ хирургическихъ операцій и опытовъ, которые послѣдствіемъ своимъ имѣютъ возвышеніе процента людей здоровыхъ... Точно также несправедливо ставить въ вину евангельской морали ея протестующее положеніе въ отношеніи къ искусству. Если евангельская мораль и высказываетъ протестъ, то не противъ искусства вообще, которое есть необходимое проявленіе дарованной Богомъ человѣку творческой способности, а противъ искусства въ состояніи вырожденія, противъ разныхъ произведеній искусства, которыя, можно сказать, спекулируютъ на чувственность человѣческую. Не можетъ быть спора и вражды между евангельскою моралью и искусствомъ въ разныхъ его развѣтвленіяхъ, а будетъ вѣчно существовать борьба между нравственнымъ и безнравственнымъ.

Здѣсь мы должны остановиться на тѣхъ заявленіяхъ, какія были сдѣланы разными представителями русскаго искусства у насъ въ Москвѣ года три тому назадъ. При одномъ кружкѣ въ 1905 г. была образована комиссія для выясненія тѣхъ препятствій, какія у насъ встрѣчаетъ на своемъ пути художественное творчество. Изъ печатнаго отчета о засѣданіяхъ этой комиссіи видно, что многое здѣсь ставилось въ вину православной Церкви, которая дѣйствуетъ во имя евангельской морали. Такъ г. О. говорилъ о «злой долѣ русскаго художника, которому всякіе блюстители искусства, невѣжественные, но весьма самоувѣренные, считаютъ долгомъ преподавать наставленія и за неисполненіе этихъ наставленій устраиваютъ болѣе или менѣе крупныя непріятности. Преслѣдованію подвергаются очень часто картины совершенно невиннаго свойства, и въ нашихъ музеяхъ много крупныхъ произведеній искусства повернуты къ стѣнѣ во избѣжаніе ихъ вреднаго дѣйствія на публику. Много картинъ удалялось съ выставокъ...» Г. Э. говорилъ о томъ, что духовная цензура придирается не только къ тексту музыкальныхъ произведеній, но и къ самой музыкѣ... Г. К. упрекалъ духовную цензуру за снятіе съ репертуара оперы Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ», гдѣ поется многократно «Господи, помилуй»... Гг. О. и С. ставили въ вину духовенству снятіе съ публичныхъ выставокъ картинъ художника Ге: «Что есть истина?», «Синедрионъ», «Распятіе» и запрещеніе Верещагину выставить его картины изъ жизни Христа, а также закрытіе до 1905 г. въ Румянцевскомъ музеѣ картинъ Перова: а) Проповѣдь въ сельской церкви и б) Чаепитіе въ Мытищахъ... Г. К. выражалъ далѣе свое недовольство тѣмъ, что имя Моисея въ соименной оперѣ Россини замѣнено именемъ Зорà, что у насъ не позволяютъ исполнять на сценѣ театра такъ называемыя ораторіи... Г. С., по поводу снятія съ репертуара пьесы Гауптмана «Ганнелэ», гдѣ выводится хоръ поющихъ ангеловъ, говорилъ: «взглядъ духовныхъ лицъ на актеровъ

слишкомъ хорошо извѣстенъ всѣмъ». Онъ же, какъ бы въ упрекъ духовной цензурѣ, указывалъ на то, что въ Ярославлѣ, до самой кончины тамошняго архіерея преосв. Ионаана, не разрѣшалось ставить на сценѣ оперетту «Бѣдный Ионаанъ»,—на то, что въ декораціяхъ не допускаются никакіе священные символы (кресты, иконы, лампы)... Другой г. С. печаловался за то, что ему не позволяютъ въ пьесахъ выводить священниковъ, которыхъ онъ долженъ поэтому, гдѣ нужно, называть «пустынниками», и прибавлялъ: «я не говорю о церкви, о монастырѣ... Вопросы вѣры, вся мучительная борьба человѣка съ сомнѣніемъ, разрѣшающаяся такъ или иначе, признаніемъ Бога или Его отрицаніемъ—все изъято изъ области драматическаго творчества. А вѣдь Пушкинъ говорилъ поэту: ты — царь! Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ»...

Вотъ сущность обычныхъ возраженій, какія дѣлаются представителями искусства Церкви и исповѣдуемой ею христіанской морали. Но всѣ эти возраженія мало трогаютъ. Дѣло въ томъ, что еще далеко не доказано, чтобы духовная цензура, дѣйствовавшая, конечно, въ указанныхъ выше случаяхъ во имя требованій христіанской морали, поступила совершенно несправедливо, и чтобы указанные выше произведенія искусства не причинили вреда чувству вѣрующихъ, которые должны были бы созерцать ихъ въ музеяхъ, на выставкахъ и въ театрахъ. Такъ напр. о картинахъ г. Ге можно имѣть мнѣніе, совершенно обратное тому, какое высказано было членами означенной комиссіи. Мы неоднократно разсматривали эти картины въ Третьяковской галлерей, гдѣ онѣ сейчасъ открыты почти всѣ, и каждый разъ уходили отъ нихъ съ болью въ душѣ за ту профанацію, какую позволилъ себѣ совершить въ отношеніи ко Христу художникъ. Да, несомнѣнно эти картины представляютъ собою настоящую профанацію и совершенно не соотвѣтствуютъ тому образу Христа, кокой даютъ намъ евангелисты.

Хотя Христосъ былъ «мужъ скорбей» и извѣдалъ всякія страданія (Ис. 53, 3), тѣмъ не менѣе изображать Его такъ, какъ Онъ изображенъ у Ге, невозможно. Послѣ молитвы въ Геесиманіи, когда Христосъ получилъ утѣшеніе отъ посланнаго ему Отцомъ ангела, Онъ *не могъ* быть въ такомъ состояніи безнадежности и отчаянія, въ какомъ Онъ изображенъ на картинѣ Ге. Мы знаемъ изъ евангелія, что даже по дорогѣ на Голгоу, неся крестъ Свой, Христосъ имѣлъ настолько силы и тѣлесной, и душевной, что могъ бесѣдовать съ оплакивавшими Его женщинами, совѣтуя имъ плакать о самихъ себѣ и о своихъ дѣтяхъ... А кто не знаетъ исторіи, случившейся съ картинами изъ жизни Христа, написанными Верещагинымъ? Даже за границей, въ Германіи, гдѣ уже давно существуютъ всякія «свободы», изъ христіанскихъ круговъ слышались громкія осужденія по адресу нашего художника, который, послѣдуя рационалистическимъ объясненіямъ факта воскресенія Христова, изобразилъ Христа возстающимъ отъ летаргическаго сна, въ который Онъ былъ погруженъ, по мнѣнію вульгарнаго рационализма... Что же было бы, если бы такая картина была выставлена въ православной Москвѣ? Не было ли бы это издѣвательствомъ надъ самыми священными вѣрованіями православнаго народа, который справедливо въ дѣйствительности воскресенія Христова полагаетъ главное основаніе своихъ христіанскихъ надеждъ? Ужели это тоже «невинная» картина?

Господа служители искусствъ относятся очень легкомысленно къ этимъ святынямъ христіанской вѣры. Но какъ щепетильны они, когда кто нибудь посмѣетъ выставить на публичный позоръ ихъ идоловъ и божковъ! Припоминается намъ случай, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ лѣтъ десять тому назадъ. На одномъ публичномъ собраніи извѣстный поэтъ Бальмонтъ читалъ свой рефератъ о Достоевскомъ. Крайніе либералы начали, въ преніяхъ, высмѣивать лектора и приводили въ подтвержденіе своего

отрицательного отзыва о значеніи Достоевскаго свидѣтельство извѣстнаго Н. К. Михайловскаго. Тогда раздраженный Бальмонтъ попросилъ слова и въ отвѣтъ своимъ оппонентамъ прочиталъ только что написанное имъ стихотвореніе, въ которомъ называлъ Михайловскаго провокаторомъ, спокойно изъ своего роскошнаго кабинета посылающимъ молодежь подъ разстрѣлы за революціонную идею. Если бы кто видѣлъ, что сдѣлалось съ нашими представителями разныхъ искусствъ и преимущественно литераторами по выслушаніи этого стихотворенія! Многіе вскочили съ мѣсть, подбѣжали къ эстрадѣ, кричали что-то обидное по адресу поэта, потрясали кулаками и долго—долго шумѣли, хотя Бальмонтъ стремительно исчезъ тотчасъ же по прочтеніи стихотворенія... А вотъ когда оскорбляется религіозное чувство православныхъ христіанъ, и тѣ начинаютъ протестовать, либеральные служители искусства объявляютъ это неосновательной придирчивостью и говорятъ объ излишней строгости Церкви, и христіанской морали...

А эти упреки, раздающіеся въ послѣднее время такъ часто изъ устъ театральныхъ дѣятелей по адресу Церкви и ея морали! Какъ по дѣтски—эгоистично разсуждаютъ г.г. режиссеры и театральные антрепренеры! Они никакъ не хотятъ сознать, что появленіе священныхъ предметовъ и лицъ духовенства на сценѣ непременно поведетъ за собою охлажденіе религіознаго чувства въ посѣтителяхъ театра, когда имъ потомъ придется посѣщать храмъ. Невольно за богослуженіемъ они станутъ, по ассоціаціи, вспоминать о видѣнныхъ ими въ театрѣ священныхъ символахъ и духовныхъ лицахъ и это, конечно, въ значительной степени понизитъ въ ихъ глазахъ тотъ авторитетъ, какой доселѣ имѣли для нихъ священныя изображенія и духовныя лица... И потомъ, странно было бы ожидать, чтобы заправила театральнаго дѣла отнеслись къ священнымъ дѣйствіямъ и символамъ, если бы ихъ можно было выводить въ пьесахъ, съ подобающимъ имъ

уваженіемъ. Театръ во что-бы то ни стало хочетъ пора-зить зрителя, и режиссеръ поэтому не постѣснится, напри-мѣръ, во всѣхъ подробностяхъ изобразить какое-либо священнодѣйствіе, повторяя всѣ манеры священника, со-вершающаго таинство, или же не остановится предъ тѣмъ, когда ему придется поручить исполненіе «роли» патріарха въ пьесѣ некрещенному еврею, какихъ многое—множество среди артистовъ...

Не можемъ здѣсь обойти молчаніемъ и недавно проше-мѣвшую у насъ исторію съ драмой Оскара Уайльда «*Са-ломея*», которую г-жа Коммиссаржевская во что бы то ни стало хотѣла поставить на сценѣ. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ крайнихъ правыхъ депутатовъ Государственной Думы вооружились противъ этой затѣи, потому-что въ пьесѣ Уайльда выводится между прочимъ Іоаннъ Креститель, и изображается смерть его. Этотъ протестъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и пьеса Уайльда была снята начальствомъ съ репертуара. Но «лѣвая» печать обру-шилась на это постановленіе власти со всею силою сар-казма, какъ на проявленіе «черносотеннаго» духа, дока-зывая, что пьеса нисколько не унижаетъ достоинства Крестителя, что запрещеніемъ ея нарушается свобода дра-матическаго творчества. За границей въ Германіи—гово-рили защитники *Саломей*—ставятся пьесы, изображающія страданія Христа, и даже у насъ въ древней Россіи ста-вились пьесы на сюжеты изъ свящ. исторіи... Интели-гентное общество, конечно, вполне на сторонѣ этихъ со-ображеній, но мы, не боясь упрека въ отсталости, опять скажемъ, что священнымъ лицамъ—на сценическихъ под-мосткахъ не мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, чего добивался ав-торъ пьесы, выводя въ ней Іоанна Крестителя? Хотѣлъ онъ, можетъ быть, прославить пророка? Нѣтъ, этого не замѣтно. Скорѣе можно заключить другое: Уайльдъ хо-тѣлъ показать неразумность отреченія отъ радостей жизни, какія предлагала Крестителю Саломея, которая и является главнымъ лицомъ пьесы, приковывающимъ къ себѣ вни-

маніе зрителя. Другое дѣло разныя германскія мистеріи. Тамъ совершающіе ихъ простые крестьяне смотрятъ на нихъ какъ на религиозное дѣло; они идутъ совершать ихъ съ вѣрою, для прославленія Христа Спасителя, чего совсѣмъ нѣтъ въ намѣреніяхъ нашихъ лицедѣевъ. И наши древнія русскія пьесы священнаго содержанія точно такъ же представляли собою не увеселеніе въ чистомъ видѣ, а внѣбогослужебное назиданіе, какового характера совсѣмъ не имѣютъ пьесы Уайльда и ему подобныхъ. Наконецъ разсматриваемая пьеса вноситъ путаницу въ умы зрителей. Они, конечно, знаютъ изъ евангелія, что Соломея потребовала у Ирода головы Іоанна по совѣту своей матери, которая была слишкомъ озлоблена противъ Іоанна (Матѣ. 14, 8), а по Уайльду—Соломея дѣлаетъ это потому, что сама озлобилась на Крестителя, который не внялъ ея мольбамъ о любви. Не можемъ не упомянуть здѣсь и объ историческихъ промахахъ, допущенныхъ Уайльдомъ, который говоритъ, что Иродъ будто бы былъ тетрархомъ Іудеи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему принадлежали Галилея и Переея, что Ілія пророкъ жилъ будто бы только за 300 лѣтъ до Іоанна Крестителя и т. под.

Думается, что настоящее искусство ничего не потеряетъ, если у насъ попрежнему строго будутъ соблюдаться принципы христіанской морали, воспреещающей священные вещи дѣлать предметомъ профанаціи.—Не страдаютъ нисколько отъ примѣненія къ жизни этихъ принциповъ и другія стороны нашей культурной жизни—наприм. промышленность и торговля. Говорятъ, что евангельская мораль идетъ противъ накопленія богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, и что если бы слѣдовать указаніямъ этой морали, то пришлось бы закрыть всѣ капиталистическія предпріятія—фабрики, заводы, магазины и проч., которыя всѣ зиждутся на капитализмѣ. Но если и правда то, что Господь неоднократно предостерегаетъ богатыхъ, показывая, какъ опасно богатство для спасенія души человѣка, то все же Онъ нигдѣ не говоритъ, что нужно капиталъ

«распылить» даже и въ томъ случаѣ, когда этотъ капиталъ служить средствомъ для развитія извѣстнаго предпріятія, приносящаго пользу массѣ людей. Христосъ не цѣнилъ богатства *самого по себѣ*, отрицалъ его постольку, поскольку люди дѣлаютъ его идоломъ для себя и стремятся использовать его *для себя только*. Но развѣ въ настоящее время интеллигентное наше общество иначе смотритъ на богатство? Къ счастью, и оно съ презрѣніемъ относится къ тѣмъ богачамъ, которые тратятъ свои деньги только на самихъ себя, на свои удовольствія, пренебрегая нуждою ближняго. И наоборотъ, не иначе какъ съ уваженіемъ наше образованное общество повторяетъ имена тѣхъ милліонеровъ, которые смогли поступиться своими милліонами на благо родины, на пользу нуждающихся. Такимъ образомъ, евангельская мораль съ своими строгими требованіями по отношенію къ богатству вовсе не идетъ противъ настроенія лучшихъ людей нашего времени.

Но если одни недовольны строгостью евангельской морали по отношенію къ богатымъ, другіе упрекаютъ ее за неправильное отношеніе къ нищимъ. Какъ извѣстно, евангеліе требуетъ, чтобы мы всегда готовы были подавать нищимъ (Матѣ. 5, 42), причемъ намъ кажется рекомендуется не входить въ особенное разбирательство степени нужды просящаго (Матѣ. 6, 3). Но это новѣйшимъ социальнымъ политикамъ представляется въ высокой степени непрактичнымъ и даже вреднымъ. Подача милостыни, говорятъ, только еще болѣе развращаетъ нищихъ, приучая ихъ къ бездѣлю, и никогда не достигнетъ такихъ результатовъ, какіе достигаются особыми учрежденіями, имѣющими своею цѣлю призрѣніе нищихъ и вообще ихъ обращеніе на путь труда... Но правда ли, что евангеліе учитъ насъ только подавать нищимъ, предоставляя имъ полную свободу въ расходованіи получаемыхъ ими денегъ? Нѣтъ, если мы внимемъ въ ученіе евангелія, то увидимъ, что оно говоритъ нѣчто иное. Припомните притчу о ми-

лосердомъ самарянинѣ. Онъ оказалъ первую помощь раненному разбойниками самъ, а потомъ поручилъ его хозяину гостиницы, сказавши: «позаботься о немъ, и если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ» (Лук. 10, 35). Самарянинъ не просто отдаетъ деньги, нѣсколько денегъ, какъ милостыню, которую люди бросаютъ походя, но просить гостинника «позаботиться о несчастномъ, какъ слѣдуетъ», т.-е. полечить его, поставить его на ноги, для чего отъ самарянина потребуются еще новые расходы по возвращеніи изъ путешествія. Значить, Господь не ограничивается требованіемъ только подавать нѣсколько милостыни, а возлагаетъ на насъ обязанность лично позаботиться о томъ, чтобы наша милостыня принесла пользу тому, кому мы ее подаемъ, чтобы мы не считали всѣ свои обязанности законченными этой подачкой, такъ что говорить, что милостыня, какую учить подавать евангельская мораль, только «развращаетъ» нищихъ—нѣтъ ни малѣйшаго основанія... Замѣчательно, что въ настоящее время наука о благотворительности сама пришла къ заключенію, что только *личныя* заботы каждаго изъ насъ о встрѣчающихся на нашей дорогѣ бѣднякахъ могутъ привести къ дѣйствительно прочному обезпеченію ихъ положенія. Многіе ученые говорятъ даже, что вообще нужно упразднить общественныя благотворительныя учрежденія, которыя въ самомъ дѣлѣ оказываютъ нищимъ помощь по одному избитому шаблону, не приспособляясь къ индивидуальнымъ условіямъ жизни и характера человѣка, впаваго въ нищету. Только въ томъ случаѣ, когда мы становимся лицомъ къ лицу не только съ нуждою, но и съ нуждающимся, въ насъ можетъ пробудиться особая находчивость въ изобрѣтеніи средствъ, какія могли бы поднять иногда очень низко опустившагося человѣка. Мы можемъ «выходить» такого человѣка, никогда не упуская его изъ глазъ, чего ни въ какомъ случаѣ не достигнетъ общественное учрежденіе, которое только формально, по казенному, можетъ относиться къ своимъ несчастнымъ кліентамъ.

Итакъ, евангельская мораль въ этомъ отношеніи сходится и съ данными новѣйшей науки о благотворительности...

Проф. Пибоди въ своемъ сочиненіи «I. Христось и социальный вопросъ» утверждаетъ, что значеніе евангельской морали простирается на всѣ вѣка и всякія отношенія,—и настоящія, и будущія, что евангеліе какъ будто и написано для того, чтобы удовлетворить потребностямъ нашего вѣка (рус. пер. 1907. стр. 59 и 60). Но нѣкоторые наши мыслители доказываютъ, что уже по самому основанію своему евангельская мораль будто бы не простираетъ видовъ на долгое преобладаніе въ будущемъ. I. Христось и апостолы всецѣло погружены были будто бы въ идею близкаго конца міра и поэтому всѣ требованія евангельской морали имѣли въ виду только незначительный періодъ времени, остававшійся до конца міра. Поэтому то Френсенъ въ своей *Hilligenlei* говоритъ: «не можетъ мораль евангельская связывать дѣтей нашего времени, которое совершенно иное, чѣмъ время Христа».

Въ этомъ возраженіи два дефекта. Во-первыхъ, неправда, что I. Христось и апостолы все разсматривали подъ угломъ эсхатологическихъ ожиданій, какъ представляется это, напр., проф. Булгакову (лекція о первохристіанствѣ). Если бы это было такъ, если бы они ни о чемъ не думали, какъ только объ имѣющемъ скоро наступить концѣ міра, то они *вообще* не стали бы преподавать наставленій, необходимыхъ для устроенія жизни христіанской общины. Но и I. Христось и особенно ап. Павелъ даютъ много наставленій, которыя рассчитаны на долгія времена. *Послѣдніе дни*—по ученію ап. Павла, наступятъ еще не скоро. А потомъ, что будетъ представлять собою этотъ *конецъ*, о которомъ на самомъ дѣлѣ говорилъ I. Христось? Погибель настоящаго порядка міра, по ученію I. Христа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ *начало* новаго. На развалинахъ настоящаго міра I. Христось хотѣлъ основать *новое* царство, для котораго предназначалась мораль евангельская... Другой дефектъ вышеприведеннаго возраженія заключается въ слѣдую-

щемъ. Предполагаютъ, что *теперь* уже не можетъ предъ христіаниномъ стоять угроза конца міра. Міръ представляется уже настолько окрѣпшимъ, что можно какъ будто не бояться катастрофы. Но это вѣдь чистѣйшая неправда! Недавнее землетрясеніе, погубившее цѣлыя сотни тысячъ народа, съ ясностью показываетъ, что человѣчество и теперь не застраховано отъ катастрофы, которая можетъ внезапно погубить его вмѣстѣ съ землею. А комета, которая видна была въ ноябрѣ 1908 г.? Развѣ она не могла быть причиною гибели земли? Вѣдь хвостъ ея былъ такъ великъ, что его проѣхать въ длину можно бы было только въ 15 лѣтъ, сидя въ курьерскомъ поѣздѣ, голова же ея была въ 60 разъ больше земли. Изъ этого видно, что землѣ грозитъ и теперь такая же близость конца, какая грозила ей во дни основанія христіанства, и что поэтому и теперь люди не должны забывать о возможности внезапной катастрофы. Если, однако, они находятъ возможнымъ заботиться о развитіи своихъ силъ и способностей и двигать жизнь впередъ, то отчего подобное же положеніе христіанской первообщины должно было наводить на нее нравственную апатію и ввергать въ беззаботность о будущемъ?

Наряду съ этимъ ожиданіемъ конца — говорятъ противники евангельской морали — стояла мысль о необходимости отреченія отъ всѣхъ житейскихъ привязанностей. «Кто не оставитъ отца, мать и братьевъ своихъ, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ!» училъ І. Христосъ. Это совершенная правда: самоотреченіе, готовность разстаться съ дорогими людьми и даже съ самою жизнью — вотъ что должно было отличать ученика Христова! Но развѣ это требованіе морали можно назвать отжившимъ свое время? Развѣ въ наши дни уже не предъявляется челоуѣку такихъ требованій общественнымъ сознаніемъ? О, предъявляется, да еще съ какой непреложностью! Чтò, напр., требуется отъ всякаго гражданина въ случаѣ надвигающейся опасности войны? Оставить домъ свой, свою жену

и дѣтей и итти на смерть за отечество. И всякій, кто откажется исполнить это требованіе общественнаго сознанія, признается недостойнымъ носить имя гражданина. Почему же требованіе Христа Спасителя, обращенное къ Его ученикамъ и послѣдователямъ, должно быть признаваемо слишкомъ тяжелымъ и несовременнымъ?..

Несовременнымъ кажется нѣкоторымъ мыслителямъ и то обстоятельство, что евангельская мораль обязываетъ человѣка къ *подчиненію* закону Христову. Наше время—по преимуществу время свободного развитія индивидуальности, и всякое подчиненіе чуждому началу представляется современному человѣку невыносимымъ игомъ. Но этотъ упрекъ имѣлъ бы тогда нѣкоторое основаніе, если бы наше нравственное развитіе опредѣлялось закономъ І. Христа какъ чѣмъ-то дѣйствительно намъ чуждымъ, находящимся внѣ насъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ всякій истинный христіанинъ имѣетъ въ себѣ Духа Святаго, Который и направляетъ его къ исполненію закона Христова какъ чего-то ему близкаго, родного. Разъ душа человѣка возрождена благодатію Святаго Духа, въ такомъ случаѣ законъ Христовъ становится для него «игомъ благимъ и легкимъ». Тутъ отпадаетъ всякій элементъ принужденія; человѣкъ творитъ волю Божію, выраженную въ законѣ евангельскомъ, добровольно и радостно.

Неправильно опять и то, что въ вину евангельской морали ставятъ иногда ея якобы утилитарный характеръ, т. е. ея обѣщанія наградъ за исполненіе заповѣдей Христовыхъ. Истинный христіанинъ не потому стремится къ добродѣтели, что рассчитываетъ за это получить награду на небѣ, а потому, что онъ уже удостоился высшаго блага—возрожденія. Награда на небѣ является только необходимымъ результатомъ его добродѣтельной жизни на землѣ, какъ такимъ результатомъ является жатва для земледѣльца, посѣявшаго хлѣбъ. «Се здравъ еси—ктому не согрѣшай, сказалъ Господь исцѣленному расслабленному—да не горше ти что будетъ». Мотивъ поступковъ

для христіанина—назади, а не впереди. Тотъ же, кто работаетъ изъ-за будущей награды, не имѣетъ въ себѣ надлежащей христіанской настроенности, какъ это показалъ Господь въ своей притчѣ о работникахъ въ виноградникѣ (Матѣ. 20, 10, 11). Никакихъ спекулятивныхъ видовъ въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія евангельская мораль не поощряетъ...

Д. С. Мережковскій въ своей недавно имъ читанной въ Москвѣ лекціи «о Лермонтовѣ» ставилъ еще въ вину евангельской морали то обстоятельство, что она учитъ людей смиренію, а это смиреніе по нынѣшнимъ временамъ является-де совсѣмъ неподходящей добродѣтелю. Мы—замѣчаетъ Мережковскій — и такъ слишкомъ много смирились въ государственной жизни, и пришли къ состоянію полнаго паденія и униженія...

На это возраженіе мы должны сказать, что смиреніе—цвѣтъ христіанскихъ добродѣтелей, и что евангельская мораль, дѣйствительно, вездѣ ставитъ его на первое мѣсто. Отказаться отъ смиренія—это все равно, что отказаться отъ несенія креста своего вслѣдъ за Христомъ. Истинное смиреніе и христіанство на самомъ дѣлѣ нераздѣльны. Но обвинять за это возвышеніе смиренія евангельскую мораль едва ли основательно. Напротивъ, какъ въ прежнія времена, такъ и въ настоящіе дни смиреніе является необходимымъ для благополучія человѣческаго вообще и нашего государства въ частности. Не оттого мы пришли къ довольно печальному состоянію въ политическомъ отношеніи, что были всегда истинно смиренными послѣдователями Христа, а скорѣе потому, что были лишены такого высшаго смиренія, были слишкомъ горды и потому притязательны. вмѣсто того, чтобы носить, по завѣщанію апостола, тяготы другъ друга и такимъ способомъ исполнять законъ Христовъ (Гал. 6, 2), мы хотѣли во чтобы то ни стало установить свои собственные классовыя права и привилегіи, игнорируя права и благополучіе другихъ классовъ. вмѣсто того, чтобы, по слову того же

апостола, по смиренномудрію почитать одному другого высшимъ себя (Фил. 2, 3), мы выше всего ставили свое собственное «я». Въ чемъ Мережковскій въ самомъ дѣлѣ можетъ усмотрѣть проявленіе христіанскаго, истиннаго смиренія хотя бы у нашихъ писателей или общественныхъ дѣятелей? Едва ли бы нашли доказательство существованія *такого* смиренія, хотя бы и потратили на это не мало времени. Проявлялось только стремленіе установить своими силами правду на землѣ, но это стремленіе, основанное на гордомъ сознаніи того, что *человѣкъ все можетъ*, конечно, не пришло въ осуществленіе и заранѣе было осуждено ап. Іаковомъ, который сказалъ, что *человѣкъ никакою стремительностью и фанатизмомъ не оснуетъ на землѣ царство правды, не будучи къ этому уполномоченъ Богомъ* (Іак. 1, 20). Наконецъ, такъ какъ у Мережковскаго смиреніе отождествляется съ слабоволіемъ, апатіей въ отношеніи къ злу, то мы должны сказать, что *такому* смиренію евангеліе вовсе не учить. Напротивъ изъ него видимъ мы, что Христось и Самъ боролся со зломъ, какое видѣлъ на землѣ, и послѣдователей своихъ училъ тому же. Любовь къ самому себѣ и любовь къ ближнему слишкомъ тѣсно связаны въ евангеліи одна съ другою (Матѣ. 7, 12), такъ что говорить, что евангельская мораль есть мораль для несчастныхъ, всѣми презираемыхъ и терпѣливо сносящихъ это презрѣніе безправныхъ парій — совершенно безосновательно. Припомнимъ, напр., эти слова великаго проповѣдника евангелія Христава: «развѣ вамъ позволено бичевать римскаго гражданина, да и безъ суда?» (Дѣян. 22, 25) — «требую суда кесарева» (25, 11).

Наряду съ этимъ возраженіемъ Мережковскаго стоитъ и другое, часто повторяемое нашими литераторами. Говорятъ именно, что евангельская мораль, обращающая вниманіе исключительно на небесное царство, на высшія небесныя блага, дѣлаетъ *человѣка* неспособнымъ использовать въ полной мѣрѣ свои силы и способности для

устройства внѣшней своей жизни. Въ настоящее время такъ развита, напр., техника, дающая полный комфортъ человѣчеству, а евангельская мораль какъ будто совсѣмъ игнорируетъ успѣхи техники, мало того — она даже заставляеть человѣка пренебрегать своею обязанностью послужить человѣчеству на пути расширенія его внѣшняго благополучія. Въ отвѣтъ на это возраженіе мы можемъ сказать, что еще сомнительно, во-первыхъ, и то, чтобы техника въ ея наивысшемъ развитіи могла дать полное благополучіе всему человѣчеству. Мы знаемъ, что наряду съ полезнымъ вліяніемъ она оказываетъ и вліяніе весьма вредное, отрывая людей отъ ихъ естественной заботы о землѣ къ работѣ на фабрикахъ и заводахъ, которая имѣетъ на рабочихъ въ высокой степени развращающее вліяніе. Затѣмъ несомнѣнно, что не только достоинство техники, но и самое ея существованіе, какъ говорить *dr. Beyel* (*Glauben und Wissen* 1909, 1), зависитъ отъ того положенія, какое занимаютъ рабочіе и работодатели въ отношеніи къ вопросу о томъ, что такое работа. Цѣну и прочность технической работа будетъ имѣть только тогда, когда работникъ будетъ смотрѣть на свою работу, какъ на нравственный долгъ, и когда онъ такъ будетъ воспитанъ христіанствомъ, что станетъ исполнять этотъ долгъ, какъ слѣдуетъ. Работодатель же долженъ быть нравственнымъ и религіознымъ человѣкомъ, чтобы исполнять свои обязанности по отношенію къ работнику, и христіанство должно проникать его настолько, чтобы онъ дѣйствовалъ согласно этому и какъ должно употреблять довѣренный ему капиталъ, т. е. работу рабочихъ. Напротивъ, если тѣ и другіе будутъ руководиться только чисто матеріальными интересами—ихъ дѣло обречено на гибель, и тутъ уже не помогутъ никакія техническія открытія.

Да, только добродѣтели, рекомендуемая евангельскою моралью, дѣлають человѣка хорошимъ работникомъ. Такого прежде всего послушаніе, котораго требуетъ еван-

гельская мораль неоднократно отъ всѣхъ христіанъ (Еф. 6, 5—7; 1 Петр. 2, 18). Въ современной техникѣ важно, чтобы всякое самое маленькое колесо послушно исполняло свою задачу въ общей работѣ механизма,—иначе вся машина испортится. И вотъ евангеліе учить каждаго работника быть послушнымъ и не только послушнымъ по принужденію, которое можетъ достигнуть только непрочнаго повиновенія, а по совѣсти и предъ Богомъ.

Далѣе требуется для успѣха техники вѣрность долгу, совѣстливость. Никакой другой двигатель—ни эгоизмъ, ни голодъ—не сдѣлаютъ такого хорошаго работника, какъ только что указанная добродѣтели, такъ культивируемыя въ христіанствѣ. Что касается руководителя работы, то онъ долженъ быть непремѣнно честенъ, справедливъ, но справедливость его не должна быть только выполненіемъ параграфовъ закона о рабочихъ, какой никогда не можетъ приноровиться къ нуждамъ каждаго отдѣльнаго рабочаго, а должна основываться на любви, которую національная экономія такъ старательно хочетъ устранить изъ обихода. Любовь эта подобна маслу, которое вливается въ машину, чтобы насколько возможно уменьшить треніе между колесами и дать машинѣ ровный ходъ. Любовь эта устраняетъ всѣ коллизіи между капиталомъ и рабочими, дѣлаетъ жизнь сносною.

Но кто же учить такой любви какъ не І. Христосъ? Можно ли поэтому говорить, что евангельская мораль бесполезна для современной техники? Нѣтъ, она одна только и дѣлаетъ изъ человѣка и хорошаго, надежнаго работника, и добраго отзывчиваго хозяина и слѣдовательно влияніе ея *всегда* будетъ необходимо и въ высшей степени благотворно...

Н. Розановъ.

НАШЕ ВѢЧНОЕ ЖИЛИЩЕ.

«Мы бродимъ наугадъ по долинѣ, не догадываясь о томъ, что всѣ наши движенія воспроизводятся и приобретаютъ истинное значеніе на вершинѣ горы, и необходимо, чтобы по временамъ кто-нибудь пришелъ къ намъ и сказалъ: поднимите глаза, посмотрите, что вы дѣлаете; не здѣсь живемъ мы; наша жизнь тамъ—наверху!»¹⁾

Еще за много вѣковъ до нашего времени, когда у Метерлинка вылились эти вдохновенныя слова, людямъ уже было извѣстно, что они только «странники и пришельцы» на землѣ, шествующіе въ небесное отечество (Евр. 13, 14 ст.).

Эту истину и эту радостную вѣсть о нашемъ небесномъ отечествѣ, куда мы всѣ должны стремиться, принесъ на землю Спаситель міра Христосъ, Который незадолго предъ своей крестной смертью открылъ своимъ ученикамъ, что «въ домъ» Его Отца небеснаго «много есть обителей»...

Но—вспомнимъ эту чудную страницу изъ земной жизни Спасителя, какъ она изображена у св. евангелиста Іоанна.

Зловѣщій мракъ окутывалъ священный градъ Іерусалимъ, гдѣ Христосъ проводилъ уже послѣдніе дни со своими возлюбленными учениками.

Въ этомъ мракѣ скрытой и напряженной злобы фари-

¹⁾ М. Метерлинка. „Блаженство души“. Подъ ред. Минскаго. Спб. 1901 г.

сейской и глухой вражды народной печально мелькнули огни прощальной вечера Іисуса.

Во тьмѣ ночной уже сверкнулъ нечистый взглядъ Іуды...

Гдѣ-то предательски звякнуло серебро, и чьи-то враждебные шаги осторожно направлялись въ ту сторону, куда пошелъ, послѣ тайной вечера, Христось съ учениками.

Заря вечерняя уже погасла, оставивъ гдѣ то тамъ далеко, на небосклонѣ, кроваво-огненный отблескъ.

Тьма ощущалась надъ городомъ, и только высоко, высоко на небѣ таинственно мерцали звѣзды.

Тьма заползала въ душу учениковъ Христа, и они трепетно слѣдовали за Нимъ.

«Да не смущается сердце ваше!»—послышался кроткій и грустный голосъ Учителя.

Господь остановился среди учениковъ... Онъ какъ бы обнялъ ихъ всѣхъ своимъ глубокимъ, чарующимъ взглядомъ. Онъ соединилъ ихъ всѣхъ въ своемъ взорѣ и подыалъ этотъ взоръ,—вознесъ его къ небу, которое искрилось безчисленными огнями далекихъ свѣтилъ.

«Смотрите!»—сказалъ Христось. «Въ домѣ Отца Моего обителей много»...

«И Я иду туда приготовить вамъ мѣсто»...

«И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были тамъ, гдѣ Я» (Іоан. 14 гл.).

Предчувствіе неизбежной разлуки со Христомъ, Который уходилъ отъ нихъ куда то въ невѣдомую даль, скорбно-щемящимъ чувствомъ охватило сердца учениковъ. Они робко тѣснились къ своему Учителю и ловили взоръ Его очей, устремленныхъ къ небесамъ.

И казалось: все небо и весь міръ отражался въ очахъ Христа; они сіяли лучами небснаго свѣта, и лучи эти уходили въ высь, сливаясь съ искрами звѣздъ, которыми усыпано было небо...

Но... Господь опустилъ свои очи долу и грустно поникъ головой.

«Вотъ наступаетъ часъ», сказалъ Онъ, «и насталь уже, что вы разсѣтесъ каждый въ свою сторону и Меня оставите одного!» (Іоан. 16, 32).

Тьма ночи какъ будто сгустилась въ этотъ моментъ еще больше: она какъ будто скрыла отъ учениковъ Христа, разъединила ихъ съ Нимъ, — и Онъ остался одинъ на землѣ...

А тамъ, гдѣ то вдали, среди зловѣщей ночной тишины слышался невнятный гулъ голосовъ, и чьи то шаги приближались...

Тоска и скорбь охватили учениковъ еще съ большею силою; они предчувствовали что то неотвратимое и страшное, но боялись объ этомъ говорить и безмолвно слѣдовали въ отдаленіи за Христомъ, а Онъ устремлялся все впередъ и впередъ. Стремился какъ будто навстрѣчу къ кому то, куда то спѣшилъ и, видя Своихъ учениковъ отстающими, скорбно поникалъ головой, но шель все далѣе и далѣе..

И вотъ—опять ученики услышали Его голосъ: «наступаетъ часъ, и вы разсѣтесъ и Меня оставите одного»...

«Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь! уже торжественно звучаль голосъ Христа: Я побѣдилъ міръ!» (Іоан. 16, 32, 33).

И Христось опять возвелъ очи свои на небо.

«Отче! пришелъ часъ: прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославить Тебя»,—молился Господь.

«Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видять славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ»... (Іоан. 17, 1, 24).

Такъ молился Христось въ послѣдніе часы пребыванія своего съ учениками.

Безмолвно и съ трепетомъ взирали ученики на своего Учителя, уста ихъ нѣмѣли предъ какимъ то непонятнымъ для нихъ торжествомъ и величіемъ наступившей минуты, —только руки ихъ невольнo простирались ко Христу, Котораго тьма ночная готова была, кажется, скрыть отъ

ихъ взоромъ, но они слышали Его слова: «Отче! хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною»...

«Гдѣ Я—тамъ и они!» Ученики еще не знали, куда уходилъ ихъ Учитель; они недоумѣвали: зачѣмъ эта разлука? но они слышали Его благое слово: «гдѣ Я—тамъ и они!»

И невольно ихъ взоръ переходилъ отъ Божественнаго Учителя къ небесамъ, куда Христосъ возносилъ свою молитву. А тамъ—въ далекихъ небесахъ попрежнему тихо мерпали звѣзды, миллионами ясныхъ и торжественныхъ очей взирая на землю...

Нигдѣ, кажется, истина о нашемъ небесномъ отечествѣ не высказалась такъ ясно, какъ на этой незабвенной и таинственно-чудной евангельской страницѣ, описывающей скорбную разлуку Христа съ учениками. Господь утѣшаетъ ихъ предъ Своею смертию послѣднимъ и великимъ утѣшеніемъ на землѣ: «Въ домъ Отца Моего обителей много... Я иду приготовить мѣсто вамъ... Приду опять и возьму васъ къ Себѣ»...

Мракъ ночи и тягостный сонъ смежали очи учениковъ, и они неспособны еще были отрѣшиться отъ земли и воспарить къ небесамъ, куда Господь возводилъ ихъ взоры.

Но вотъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, вознесся на небо, и съ этого момента взоры Его уже многочисленныхъ учениковъ, можно сказать, не отрывались отъ небесъ, причемъ буквально исполнились слова Господа, Который еще во время земной жизни Своей говорилъ ученикамъ: «истинно говорю вамъ: отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ»... (Іоан. 1, 51). И мы знаемъ, что архидіак. Стефанъ предъ своей мученической кончиной, «возрѣвъ на небо, увидѣлъ славу Божию... и сказалъ: вотъ я вижу небеса отверстыя и Сына человеческого, стоящаго одесную Бога» (Дѣян. 7, 55—56); намъ извѣстно также, что ап. Павелъ даже «восхищенъ былъ до третьяго неба—въ рай и слышалъ (тамъ) неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать» (2 Кор.

12, 4),—онъ же писалъ къ юнымъ христіанамъ Коринѣской церкви: «знаемъ, что, когда земной нашъ домъ, сія хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный» (2 Кор. 5, 1).

Итакъ, наше земное существованіе — кратковременно; мы на землѣ—только пришельцы и странники, грядущіе въ горній небесный Іерусалимъ (Евр. 13, 14 ст.): тамъ наше вѣчное жилище, уготованное намъ Богомъ среди Его безконечныхъ небесныхъ обитателей...

Эта богооткровенная истина христіанской религіи должна лежать въ основаніи всей земной жизни человѣка. Пришлецъ я на землѣ,—эту мысль всякій долженъ носить въ сердцѣ своемъ,—не имѣю здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскую; отечество мое не здѣсь: тутъ я случайно, на время, странникъ. Прямое отсюда слѣдствіе такое: если я странникъ на землѣ, то мнѣ нечего здѣсь заводится всѣмъ на долгія лѣта или навсегда; ко всему здѣсь я долженъ относиться, какъ къ чуждому мнѣ, не касающемуся меня; держать себя такъ, какъ въ гостиницѣ: отдыхать лишь, а тамъ опять въ путь; дѣлать все мимоходомъ и принимать, какъ мимоходное, имѣя одно только въ мысли и желаніи—безостановочно шествовать вѣрнымъ путемъ въ свое небесное отечество ¹⁾).

Эта свѣтлая мысль о нашемъ небесномъ отечествѣ должна бы проникнуть во всѣ отношенія нашей жизни, какъ частной, такъ и общественной,—должна одухотворять нашу науку, литературу, искусство, озаряя ихъ чуднымъ свѣтомъ горняго, надземнаго міра и помогая имъ при этомъ свѣтѣ вести людей выше и выше отъ земли въ уготованное имъ Богомъ вѣчное жилище на небесахъ.

Къ сожалѣнію, ничто такъ легко не забывается людьми, какъ эта истина—о вѣчной жизни на небесахъ.

¹⁾ Еп. Теофанъ. „Псаломъ 118“. Москва, 1880 г.

«Всѣ мы подрадь и думать не думаемъ, что живемъ здѣсь на землѣ на время», говоритъ еп. Теофанъ, «и всего заготовляемъ такъ много, или заботимся о всемъ здѣшнемъ такъ, какъ бы и конца не было этой жизни... Инымъ уже думается, что и вѣчная жизнь будетъ на землѣ, и что сохранятся такія же отношенія и тогда, какія въ ходу теперъ. Грубое невѣдѣніе дѣла!»¹⁾

Такому ослѣпленію человѣчества не мало способствуютъ современная наука и литература, которыя все болѣе и болѣе погружаются въ грубый и беспросвѣтный матеріализмъ и житейскую пошлость. Достаточно указать здѣсь на современныхъ кумировъ, напр., Ницше и Маркса, чтобы видѣть, какъ мало современная наука думаетъ о душѣ и вѣчной жизни человѣка. Отрицая существованіе Бога и личное безсмертіе человѣка, современная матеріалистическая и атеистическая наука кощунственно издѣвается надъ святѣйшими чувствами и вѣрованіями человѣка, съ презрѣніемъ отворачивается отъ будущей вѣчной жизни и мечтаетъ собственными усиліями—безъ Бога и внѣ Бога—создать на землѣ общее счастье людей на чисто матеріальныхъ началахъ...

При такомъ грубо-матеріалистическомъ пониманіи жизни, послѣдняя, несмотря на всѣ красоты и утѣхи земныя, превращается въ какую то мрачную могилу; — въ склепъ живыхъ мертвецовъ, которые сами себя заживо хоронятъ, заглушая въ себѣ свѣтлый родникъ вѣчной жизни...

Невольно припоминаются здѣсь знаменательныя слова Гоголя: «Непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ и возрастаетъ только въ виду у всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ». (Изъ «Переписки съ друзьями»).

¹⁾ Еп. Теофанъ. Ibid.

И опять хочется сказать словами Метерлинка: «необходимо, чтобы по временамъ кто-нибудь пришелъ къ намъ и сказалъ: поднимите глаза, посмотрите, что вы дѣлаете, не здѣсь живемъ мы,—наша жизнь тамъ—наверху!»

Наше призваніе не здѣсь на землѣ; наша родина и наша цѣль «тамъ», въ томъ мірѣ, къ которому призвалъ насъ Господь.

Но эта мысль весьма часто и у многихъ вызываетъ возраженія.

Люди, враждебно или скептически относящіеся къ христіанскому ученію о «той» жизни, считаютъ это ученіе какимъ то темнымъ, безпредметнымъ и въ то же время вреднымъ мистицизмомъ;—говорятъ, что мыслью о «небѣ» нѣкоторые христіане иногда склонны оправдывать свое невнимательное отношеніе къ тому, что ихъ окружаетъ, и свою холодность къ тѣмъ людямъ, съ которыми они живутъ;—что христіане, живущіе идеей и жизнью «не отъ міра сего», воспитываютъ въ себѣ какое то мечта-тельно-безпредметное настроеніе, при которомъ помѣщаютъ свое «небо» гдѣ то въ пространственно-недосягаемой дали и совершенно оторванно отъ земной жизни.

Справедливо ли это обвиненіе?

Прежде всего должно сказать, что если у нѣкоторыхъ христіанъ и существуетъ подобное настроеніе, и проглядываетъ невнимательное отношеніе къ земной жизни, то все это вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія христіанскаго ученія о «томъ» мірѣ.

Дѣло въ томъ, что христіанская истина о нашемъ небесномъ призваніи и небесномъ отечествѣ тѣсно связывается съ другой истиной: «царство Божіе внутрь насъ есть» (Лук. 17, 21 ст.).

Мы—христіане—«не отъ міра сего»... Но это не значитъ, что «нашъ» міръ гдѣ то отсюда за милліоны верстъ, гдѣ то за безконечными звѣздными мірами. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ «внутри» насъ же самихъ и въ окружающей насъ жизни, на всякомъ мѣстѣ, въ каждой душѣ. Онъ отдѣ-

ляется отъ насъ не внѣшними, далекими пространствами, а лишь поверхностью той же самой жизни, которая на этой же землѣ со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ.

Стремиться изъ этого міра въ «тотъ»—не значить нестись и рваться куда то въ безпредѣльную звѣздную даль, въ неизвѣстныя пространства солнць и созвѣздій. Нѣтъ, это значить просто войти «внутри» того, что находится въ насъ самихъ и кругомъ насъ. Въ нашей душѣ, какова бы она сейчасъ ни была, все же сейчасъ просвѣчиваетъ нѣчто высшее, благороднѣйшее и святое,—хорошія мысли, чувства и желанія, та же душа, но только въ болѣе совершенной и прекрасной формѣ бытія. Итти туда, къ тому просвѣту, осваиваться съ тѣмъ, что открывается черезъ него, входить въ атмосферу души, ткать изъ нея свои жизненныя нити,—это и значить итти въ тотъ небесный міръ, къ которому мы призваны Господомъ, это и значить создавать себѣ то вѣчное нерукотворенное жилище на небесахъ, которое уготовано намъ Самимъ Богомъ.

«Но несчастье всего нашего существованія въ томъ»,—какъ говоритъ Метерлинкъ,—«что мы живемъ въ сторонѣ отъ нашей души, и что мы боимся малѣйшихъ ея движеній»...

«Намъ не достаетъ не случая жить на небесахъ, но вниманія, способности сосредоточиться»...

«Въ жизни cadaго человѣка»,—прекрасно разсуждаетъ тотъ же Метерлинкъ,—«былъ день, когда предъ нимъ отверзлось само небо, и почти всегда съ того момента ведетъ счетъ своей жизни истинная духовная личность cadaго человѣка. Несомнѣнно, въ тотъ моментъ сформировался незримый и вѣчный образъ, которымъ мы, сами того не зная, обращены къ ангеламъ и душамъ»...

«Мы истинно рождаемся лишь въ тотъ день, когда впервые глубоко чувствуемъ, что есть нѣчто важное въ жизни. Одни начинаютъ внезапно сознавать, что они не одиноки подъ небомъ. Другіе, отдавая поцѣлуй или про-

ливая слезы, замѣчаютъ вдругъ, что родникъ всего лучшаго и святаго... скрытъ за ночью, полною слишкомъ далекихъ звѣздъ. Третій видитъ божественную руку, протянутую между его радостью и горемъ; иные понимаютъ, что мертвые правы. Тотъ исполнился жалости, этотъ—удивленія, страха. Часто не нужно почти ничего: достаточно слова, движенія, чего-нибудь, что даже не мысль. Мы можемъ такъ рождаться нѣсколько разъ; и при каждомъ такомъ рожденіи мы приближаемся понемногу къ Богу¹⁾...

Итакъ, вотъ путь, который соединяетъ насъ съ Богомъ и ведетъ людей отъ земли къ небу—въ вѣчное небесное жилище. Этотъ путь начинается и сосредоточивается въ нашей душѣ, которая въ окружающемъ ее земномъ мірѣ открываетъ новый чудно-прекрасный міръ—«не отъ міра сего».

И потому христіанинъ, хотя онъ по своему призванію человѣкъ и «не отъ міра сего», не долженъ, однако, отворачиваться отъ земли и чуждаться міра земного.

Христіане—люди «не отъ міра сего»; но это не значитъ, что они отвернулись отъ земли и смотрятъ въ какую-то неопредѣленную даль и высь, или въ какую-то пустоту, во что-то темное и совершенно неизвѣстное.

Нѣтъ «тотъ» міръ есть лишь просвѣтленіе, утонченіе и одухотворенный расцвѣтъ этого. Мы смотримъ на это же, на что смотрятъ и другіе, но видимъ въ немъ «тотъ» міръ, который для другихъ пока остается скрытымъ. По-видимому, въ мертвомъ—для насъ трепещетъ внутренняя духовная жизнь; въ нѣмомъ для насъ звучатъ небесные глаголы; въ случайномъ и механическомъ—намъ открывается чудный смыслъ и высшая разумная красота²⁾.

«Насъ всѣхъ окружаетъ великое»,—говоритъ Метерлинкъ.

¹⁾ Метерлинкъ. Ibid.

²⁾ Еп. Михаилъ. „Не отъ міра сего“.

«Все, что съ нами случается,—божественно велико, и мы всегда находимся въ центръ величественнаго міра»...

«Мы живемъ въ мірѣ, гдѣ малѣйшія событія принимаютъ безъ труда образъ все болѣе и болѣе прекрасный и высокій».

«Все говоритъ о томъ, что мы живемъ въ мірѣ непостижимомъ, гдѣ пребудемъ вѣчно, и гдѣ невидимый Богъ также вѣчно пребываетъ одинъ со своими твореніями»...

«Свѣтъ сокрытъ во всемъ, что происходитъ, и самые великіе люди были велики только потому, что открывали глаза на всякій свѣтъ»¹⁾).

Такъ—мы должны быть внимательны ко всему, окружающему насъ на землѣ.

Но особенно должны мы быть внимательны къ окружающимъ насъ людямъ.

Мы, христіане—«не отъ міра сего» — не должны внутренно чуждаться тѣхъ людей, съ которыми сводить насъ дѣйствительная жизнь, и мечтать о какихъ-либо другихъ существахъ, которыя болѣе подходили бы къ нашему идеалу. Конечно, мы должны чуждаться и удаляться всего худого, недобраго, страстнаго и въ насъ, и въ другихъ, мы должны вести упорную и безпощадную борьбу со зломъ міра сего,—уходить изъ этого стихійнаго міра въ «тотъ» міръ, гдѣ царитъ добро и правда. Но этотъ лучший міръ—опять таки—не гдѣ то далеко отъ насъ и отъ другихъ людей, а какъ разъ въ той же самой средѣ и въ тѣхъ же самыхъ людяхъ, среди которыхъ мы живемъ.

Какъ бы ни были худы эти люди, они все же чувствуютъ, что въ нихъ есть нѣкоторый высшій міръ добрыхъ чувствъ: любви, истины, благожеланія и самопожертвованія...

«Вокругъ насъ», говоритъ Метерлинькъ, «тысячи бѣдныхъ существъ, невидавшихъ за всю свою жизнь ничего добраго и прекраснаго. Они ходятъ и блуждаютъ въ тем-

¹⁾ Метерлинькъ. Ibid.

нотѣ. Можно подумать, что все (доброе и прекрасное) въ нихъ умерло, и никто не обращаетъ на это вниманія. И вдругъ простое слово, непредвидѣнное молчаніе, маленькая слеза показываютъ намъ, что они нашли возможнымъ построить въ сумеркахъ своей души идеаль въ тысячу разъ прекраснѣе всего, что они слышали и видѣли въ жизни»¹⁾.

Вотъ, въ этой-то дѣйствительной святынѣ души дѣйствительныхъ окружающихъ насъ людей и есть «тотъ» міръ, въ которомъ мы должны жить, какъ христіане, и есть то вѣчное наше жилище, которое уготовано намъ Богомъ.

Многіе люди весьма часто задаются въ жизни высокими цѣлями, рисуютъ себѣ идеалы возвышенной жизни, стремятся къ осуществленію въ жизни добра, правды и красоты; они не довольствуются обыденной жизнью, считая ее пошлою, недостойною ихъ высокихъ стремленій, но не видя ни въ себѣ, ни въ окружающей жизни и людяхъ ничего соотвѣтствующаго ихъ идеаламъ и мечтамъ о «жизни неземной»,—такіе люди очень часто вовсе разочаровываются въ жизни, считая ее безцѣльной и бессмысленной, напраснымъ и случайнымъ даромъ:

«Даръ случайный, даръ напрасный»,—

«Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?»

(«Жизнь». Пушкина).

Такое разочарованіе въ земной жизни, когда люди не видятъ и не находятъ въ ней высшаго смысла и, такъ сказать, небснаго просвѣта, нерѣдко приводитъ людей или къ полнѣйшему отчаянію въ жизни, предъ лицомъ которой постоянно стоитъ грозный призракъ всеуничтожающей смерти («черный провалъ»,—Л. Андреева), или къ чисто матеріальному, животному существованію и прозябанію, когда человѣкъ не желаетъ знать никакой другой

¹⁾ Метерлинкъ. Ibid.

высшей, осмысленной и одухотворенной жизни: «будемъ ѣсть, пить и веселиться,—сегодня живемъ, а завтра умремъ»!...

Великое заблужденіе!—оно происходитъ, съ одной стороны, изъ неправильнаго пониманія «обыденной», «земной» жизни, а съ другой стороны, отъ забвенія о вѣчной жизни, о нашемъ вѣчномъ жилищѣ—«на небесахъ».

«Необходимо, чтобы каждый человекъ нашелъ для себя личную возможность жить жизнью вышею среди скромной и неизбежной дѣйствительности каждаго дня. Въ нашей жизни нѣтъ болѣе благородной цѣли»,—прекрасно говоритъ Метерлинкъ, и мы позволимъ себѣ привести еще слѣдующія разсужденія его о «высшей» жизни.

«Полезно напоминать людямъ», говоритъ онъ,—что смиреннѣйшій изъ нихъ обладаетъ способностью извѣять по Божественному образцу, не имъ избранному, большую моральную личность, составленную въ равныхъ частяхъ изъ него самого и идеала; и что все истинно живущее такъ именно и создано».

«Насъ всѣхъ окружаетъ великое... Въ чемъ намъ и жить? Нѣтъ иного положенія въ жизни. Намъ недостаетъ не случая жить въ небесахъ, но вниманія, способности сосредоточиться»...

«Неужели вы думаете, что если у васъ только одна маленькая комната, то Богъ въ ней не присутствуетъ? что нѣтъ возможности и въ ней вести жизнь высокую?... Развѣ живая мысль,—развѣ высокое желаніе или просто минута торжественнаго вниманія къ жизни не могутъ вмѣститься въ маленькой комнатѣ»?...

«Почему ждете вы, чтобы небесная твердь разверзлась при блескѣ молніи?—Надо быть внимательнымъ... Оно (т.-е. небо) раскрывается безпрестанно. Вы ищете въ вашей жизни Бога, а Богъ не проявляетъ себя,—говорите вы»...

«Мы ждемъ, но Господь не произносилъ еще ни слова! (такъ говорятъ)».

— «Нашъ Богъ ни на мгновеніе не перестаетъ говорить. При нѣкоторомъ вниманіи было бы не трудно по поводу каждаго явленія услышать слово, которое Богъ долженъ произнести»...

«Ничто не смѣшивается такъ легко, какъ небо и земля! Нѣтъ въ жизни незначительныхъ дней. Необходимо, чтобы эта мысль проникла въ душу и претворилась въ ней въ дѣйствительность. Не надо быть всегда грустнымъ. Маленькія радости, маленькія улыбки и большія слезы—все это занимаетъ въ пространствѣ и времени ту же точку... Улыбки, какъ и слезы, открываютъ двери другого міра. Никогда только не забывайте, что вы близко—отъ дверей»¹⁾!

Такимъ образомъ, каждый человѣкъ долженъ открыть и раскрыть «внутри» себя высшую духовную жизнь,—или, по словамъ Евангелія, созидать въ душѣ своей Царство Божіе, которое есть миръ и любовь и радость о Духѣ Святомъ,—и еще на землѣ устроить для себя вѣчное небесное жилище...

Благодатная жизнь неба открывается для насъ по мѣрѣ просвѣтленія земли. Дѣлать душу и тѣло свои чистыми и святыми, возводить окружающую насъ природу къ ея совершеннѣйшимъ формамъ; просвѣтлять всю сферу данной намъ конкретной жизни, животворить ближнихъ тѣмъ дыханіемъ, которое мы сами получаемъ свыше; передавать имъ тотъ «миръ», ту «любовь» и ту радость о Духѣ Святомъ, которыя охватываютъ насъ въ благодатномъ «Царствѣ Божіемъ»; открывать въ своихъ ближнихъ «небо», которое открылось въ насъ; отдавать имъ свою жизнь, чтобы она возродилась и зацвѣла въ нихъ,—вотъ самый вѣрный путь къ царству «не отъ міра сего»,—въ наше вѣчное небесное жилище.

Мы—«странники и пришельцы на землѣ», грядущіе въ небесное отечество...

Послѣ этого, что для насъ—странниковъ земли можетъ

¹⁾ Метерлинкъ. Ibid.

быть въ земной жизни важнѣе изысканія вѣрнаго пути въ небесное отечество и надлежащаго подготовленія себя къ достойному входу въ обители нашего Всеблагого Отца небеснаго?!

«Только бы намъ и одѣтымъ не оказаться нагими», (2 Кор. 5, 3)—предупреждаетъ ап. Павелъ.

Вотъ о чемъ мы должны, главнымъ образомъ, заботиться въ продолженіе всего нашего пути земного.

Но мы, большею частью, помышляемъ только о жизни земной и заботимся только объ одеждѣ тлѣнной, сбросивши которую по смерти, можемъ оказаться безобразно обнаженными предъ входомъ въ царство свѣта, добра и красоты.

Да не будетъ!

Н. Богословскій.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Законоучительскій съѣздъ.

20 іюля текущаго года въ зданіи Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ состоялось открытіе «всероссійскаго» съѣзда законоучителей нашихъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Онъ открылся рѣчью митрополита С.-Петербургскаго Антонія, который сказалъ, между прочимъ, что «время пребыванія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ совпадаетъ съ такимъ возрастомъ, когда образуется и складывается личность человѣка, получая первыя основы своего міросозерцанія и направленія своей будущей общественной дѣятельности». Поэтому «заложить крѣпко сѣмена вѣры въ душѣ человѣка, въ его дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, значитъ содѣлать его чадомъ свѣта, могущимъ проходить земное поприще сознательно и твердо безъ тѣхъ преткновеній, которыя неизбѣжны для человѣка, вѣры не знающаго и во тьмѣ пребывающаго».

За рѣчью митрополита Антонія слѣдовала рѣчь преосв. Антонія, епископа Тобольскаго и Сибирскаго, который говорилъ, что «главнѣйшимъ и важнѣйшимъ способомъ воздѣйствія законоучителя на учащихся дѣтей должны быть, безъ сомнѣнія, *прежде всего* церковное богослуженіе и духовничество, *затѣмъ* церковная проповѣдь и внѣклассныя пастырскія собесѣдованія, *потомъ* уже классныя занятія, выдача религіозно-нравственныхъ книгъ и брошюръ изъ особой, находящейся въ полномъ его распоряженіи, бібліотека для чтенія и, *наконецъ*, обращеніе къ содѣйствію ему со стороны прочихъ преподавателей и воспитателей, родителей, ближайшихъ родственниковъ и опекуновъ учащихся дѣтей». Порядокъ, здѣсь указанный, едва ли имѣетъ или имѣлъ когда-нибудь практическое значеніе. Всѣмъ извѣстно, что религіозная жизнь дитяти

начинается обыкновенно *дома*, и потому семейной жизни всегда отводилось и отводится первое и главное значеніе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. Точно также сомнительно, могутъ ли церковное богослуженіе и *духовничество* имѣть какія-либо преимущества предъ класснымъ обученіемъ Закону Божію. Съ этимъ соглашается, впрочемъ, и самъ епископъ Антоній въ своей дальнѣйшей рѣчи, указывая на «невозможность для о. законоучителя совмѣстной молитвы съ учащимися дѣтьми или потому, что не существуетъ училищной домовою церкви (почему же совмѣстная молитва законоучителя съ ученикомъ должна происходить только въ домовою церкви?), или потому, что ходить въ эту церковь для учащихся необязательно, и они крайне злоупотребляютъ такимъ дозволеніемъ, или потому, что для совершенія даже внѣшнихъ богослуженій, какова Божественная священная литургія, назначаютъ одночасовой промежутокъ времени, а иногда и того менѣе». Кто знаетъ преосв. епископа Антонія, тотъ можетъ съ увѣренностію утверждать, что произнесенныя имъ слова вполнѣ искренни. И однако, повторяемъ, въ практическомъ значеніи ихъ возможно сомнѣваться. Какимъ образомъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ удлиннить «одночасовой промежутокъ времени для совершенія богослуженій»? Да если и удлиннить, то принесетъ ли трехчасовое или даже четырехчасовое богослуженіе дѣйствительную пользу? Почтенному автору рѣчи, безъ сомнѣнія, должно быть хорошо извѣстно, что попытки ввести продолжительное богослуженіе для учащихся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ не приводили иногда къ желательнымъ результатамъ...

Мы не можемъ вполнѣ согласиться и съ тою рѣчью автора, гдѣ онъ говоритъ, что «требуется задаваться о. законоучителю выше, чѣмъ достиженіе учащимися разсудочнаго знанія теоретическихъ и историческихъ истинъ Закона Божія, но нельзя игнорировать и послѣднее, ибо въ святомъ дѣлѣ законоучительства, ученія Закону Божію, все важно, все священно, все требуетъ крайне внимательнаго и серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ дѣлу дѣтей учащихся. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что нельзя оцѣнивать познанія учащихся баллами по Закону Божію независимо отъ ихъ религіозно-нравственнаго настроенія, но въ ихъ мнѣніи нельзя не усматривать односторонности и малоосновательности,—они забываютъ, что

отвѣтки баллами и назначены исключительно для оцѣнки познаній учащихся по мѣрѣ обнаруженія таковыхъ во время классныхъ занятій и другого значенія никакого не имѣютъ и имѣть не могутъ». Въ отвѣтъ на это мы можемъ замѣтить, что, по нашему мнѣнiю, баллы составляли и составляютъ истинное зло во всей нашей школьной системѣ. Учитель русскаго языка, съ важностию разсуждающій, что такіе-то и такіе-то успѣхи онъ оцѣниваетъ балломъ 3, а такіе-то и такіе-то—балломъ 4, намъ представляется положительно смѣшнымъ. Еще болѣе смѣшонъ законоучитель, когда думаетъ оцѣнить баллами успѣхи ученика по Закону Божію. Не вдаваясь въ длинныя разсужденія по этому вопросу, скажемъ, что въ мнѣнiи, по которому успѣхи учениковъ по Закону Божію слѣдуетъ оцѣнивать баллами, кроется не безъ труда различимая логическая ошибка. Она заключается въ слѣдующемъ. Законъ Божій есть ученіе о вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на Него и любви къ Нему. Но вѣра, надежда и любовь могутъ относиться не къ одному только Богу, а и къ людямъ, напримѣръ, къ родителямъ. Представьте, что любовь какаго-нибудь дитяти къ своей матери стала бы оцѣниваться баллами 5, 4, 3, 2 и даже 1. Что подумали бы о насъ, если бы мы стали говорить, что ученикъ Ивановъ любитъ своихъ отца и мать на единицу, а ученикъ Петровъ на два? То же въ сущности и въ Законѣ Божіемъ. По существующей у насъ системѣ вѣра, надежда и любовь къ Богу опредѣляются баллами отъ пяти до единицы или (въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ) отъ двѣнадцати до единицы. Но скажутъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о добродѣтеляхъ или практическихъ склонностяхъ, а о познаніяхъ, которыя и должны оцѣниваться баллами. Баллы должны служить для учениковъ и побужденіемъ къ занятіямъ Закономъ Божіимъ. Все это такъ; однако главная цѣль преподаванія Закона Божія во всѣхъ его видахъ все-таки должна заключаться въ назиданіи, въ религіозной настроенности воспитываемыхъ, а не въ чемъ-либо другомъ. Но какую религіозную настроенность вы можете вызвать въ своемъ воспитанникѣ, если за отвѣтъ изъ катихизиса безъ запинки вы поставите ему, хотя бы не въ примѣръ прочимъ, баллы пять или двѣнадцать? А если вы оцѣните его познанія единицей или двойкой, то вмѣсто всякаго религіознаго настроенія вы можете вызвать скорѣе только озлобленіе и ненависть къ препода-

ваемому вами предмету, что отзовется уже и совсѣмъ губительно для всякой вѣры. Извѣстно, что Христосъ и апостолы учили много и учили хорошо, но никогда никому и никакихъ балловъ не ставили.

Все это впрочемъ довольно старо и въ общемъ совсѣмъ и не заслуживаетъ того, чтобы вести по этому поводу какія-либо длинныя и подробныя разсужденія. Въ печати появилось пока мало свѣдѣній о томъ, чѣмъ занимаются или будутъ заниматься собравшіеся въ Петербургѣ законоучители. Обсужденіе ихъ совѣщаній мы оставляемъ до будущаго времени; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о томъ, обсужденіе какихъ именно предметовъ со стороны законоучительскаго сѣзда было бы желательно.

Никогда, можетъ быть, не существовало прежде такой розни и вражды между «церковію» и такъ-называемымъ свѣтскимъ обществомъ, какъ теперь. Вражда эта замѣтна повсюду и во всемъ. О причинахъ ея говорить не будемъ. Но это фактъ, что достаточно сдѣлать какое-либо, хотя бы и разумное постановленіе, имѣющее отношеніе къ жизни церкви и религии, чтобы оно навѣрное не было исполнено, или чтобы оно встрѣтило противъ себя разныя возраженія и нареканія.

Намъ кажется, что подобное положеніе дѣла создавалось и создается искусственно. Всѣ эти выступленія противъ свѣтскихъ школъ, противъ свѣтской литературы, противъ свѣтской науки, противъ Государственной Думы и проч. не могутъ кончиться и не кончаются ничѣмъ инымъ, какъ только полнымъ разобщеніемъ нашего свѣтскаго общества и церкви. Да это и наблюдается у насъ теперь уже въ весьма широкихъ размѣрахъ. Достаточно собраться на какой-нибудь сѣздъ нашимъ раскольникамъ, чтобы печать отмѣтила сочувственно это великое событіе. Къ православію отношеніе совсѣмъ иное. Къ церкви въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это слово въ нашихъ православныхъ кругахъ, въ дѣйствительности принадлежитъ теперь немного лицъ. Все это, конечно, тяжело отзывается между прочимъ и на преподаваніи закона Божія. Поэтому естественная и самая первая задача собравшихся законоучителей должна была бы, по нашему мнѣнію, заключаться въ возможномъ съ ихъ стороны содѣйствіи къ прекращенію указанной вражды. А для этого неизбѣжно пойти и на нѣкоторыя уступки. Сближеніе «православной церкви» съ русскимъ православнымъ народомъ есть, по

нашему мнѣнію, одна изъ главнѣйшихъ задачъ нашего времени, выдвинутыхъ самою жизнью.

Понятно, что если мы будемъ настаивать только на томъ, что уже устарѣло и отжило свой вѣкъ, то никогда не достигнемъ никакого соглашенія и сближенія. По волю судьбы наша свѣтская школа совершенно раздѣлена отъ духовной, хотя и въ свѣтской, и духовной школахъ преподаются зачастую одни и тѣ же предметы. Академіи у насъ не соединены съ университетами, что давно пора бы сдѣлать, хотя бы и просто изъ однихъ экономическихъ соображеній. Въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ при чтеніи классиковъ принято рейхлиновское чтеніе, тогда какъ въ гимназіяхъ читаютъ по Эразму. Спрашивается, для какой надобности существуетъ подобная разница и оправдывается ли она какими-нибудь серьезными соображеніями? Если поискать, то подобныхъ разногласій найдется не мало. Свѣтская наука сильно ушла впередъ, а у насъ все еще стараются водворить и упрѣпить старое. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, при такой враждѣ ко всякому прогрессу и гласности существующая между свѣтскимъ обществомъ и церковію рознь никогда не прекратится, и въ враждѣ этой мы должны обвинять (это говоримъ на основаніи того, насколько имѣемъ здѣсь свой собственный опытъ) не свѣтское общество, а прежде всего самихъ себя, свою собственную косность и заскорузлость, чтобы не сказать чего-нибудь болѣе.

Какъ ни скудны появившіяся въ печати свѣдѣнія о законоучительскомъ съѣздѣ, изъ нихъ однако не видно, чтобы съѣздъ поставлялъ предъ собою какія-либо подобныя задачи. Правда, въ одной газетѣ мы читаемъ такую замѣтку: «съѣздъ рѣшилъ обратиться ко всему русскому обществу и родителямъ учащихъ, и ко всѣмъ, кому дорого русское юношество, религиозно воспитанное и нравственно здоровое, съ воззваніемъ придти къ законоучителямъ на помощь для усиленія вѣры и нравственности среди учащихъ». Прекрасно! Но въ слѣдующемъ N той же газеты сообщается, что одинъ изъ членовъ съѣзда поднялъ вопросъ «о необходимости обуздать прогрессивную печать въ виду того, что отчеты о засѣданіяхъ съѣзда зачастую представляются въ искаженномъ видѣ». При этомъ раздалось будто бы нѣсколько голосовъ, указавшихъ на неудобство недопущенія представителей прогрессивной печати.

Думаемъ, что если, призывая къ сочувствію, създъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поднимать вопросы и объ «обузданіи», то онъ никогда не вызоветъ и не встрѣтитъ никакого сочувствія отъ лицъ, къ которымъ за сочувствіемъ обращается, и никакихъ, даже самыхъ скромныхъ цѣлей въ дѣлѣ законоучительства не достигнетъ. Эта боязнь гласности намъ представляется просто удивительной! Неужели никому изъ достопочтенныхъ оо. законоучителей не приходило и не приходитъ въ голову, что какъ въ торговомъ дѣлѣ отсутствіе публикаціи, такъ и въ занятіяхъ общественныхъ дѣятелей отсутствіе гласности отражаются губительно на всякаго рода даже полезныхъ и необходимыхъ начинаніяхъ? На създѣ указывалось только на «неудобство недопущенія представителей прогрессивной печати». Если бы, стало быть, это было удобно, то представители прогрессивной печати не были бы допущены.

Намъ наоборотъ хотѣлось бы, съ своей стороны, думать, что допущеніе на създѣ,—занимающійся такимъ живымъ и общественнымъ дѣломъ, какъ вопросы о преподаваніи Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ, хотя бы это были представители прогрессивной, и даже враждебной церкви, печати, есть просто нравственный и общественный долгъ.

Свящ. М. Θ—скій.

Библиографія.

Р. П. Кумовъ. Безсмертники. Издан. журн. „Отдыхъ христіанина“. Спб., 1909 г. Ц. 1 р.

Среди шумной и кривливой, наполовину революціонной, наполовину порнографической современной беллетристики, книжки, подобныя книжкѣ г. Кумова, производятъ умиротворяющее и успокоивающее впечатлѣніе. Названіе книжки взято отъ извѣстныхъ невянущихъ цвѣтовъ—безсмертниковъ или иммортелей (легенда о нихъ помѣщена между прочимъ въ книжкѣ). Книжка представляетъ собою сборникъ разсказовъ (22 разсказа)—преимущественно о лю-

дяхъ, томимыхъ «свѣтлою, прекрасною тоскою по тому, что высоко, высоко... Ибо нѣтъ на свѣтъ ничего чудеснѣе, святѣе, трогательнѣе этой тоски по тому, что высоко—высоко; и зажечь другую душу огонькомъ этой тоски—это значитъ послужить, хотя немного, большому человѣческому дѣлу...» Большинство разсказовъ—изъ современной жизни, но есть и разсказы, относящіеся къ исторіи первохристіанства. Есть въ книжкѣ нѣсколько хорошихъ, даже идеальныхъ священниковъ. Нѣсколько портятъ книжку только проскальзывающія въ ней иногда модныя тенденціи, напр. въ отношеніи къ монашеству, и неудачныя выраженія, напр.: «о. Николай трогательно мягко замѣняетъ въ нашей слободѣ Христа», или: «преосвященный Иванъ». За всѣмъ тѣмъ книжка можетъ быть прочитана съ удовольствіемъ и пользой.

Свящ. Н. К—въ.

Разъясненіе.

Въ апрѣльской книгѣ нашего журнала за текущей годъ, въ статьѣ «къ біографіи друга и богомольца Гоголя о. Матвѣя», на стр. 581, подъ строкой, поставленъ вопросъ: «не псевдонимъ ли Николая Елагина» Николай Грѣшищевъ, помѣстившій біографію о. Матвѣя въ журналъ «Странникъ» за декабрь 1860 г. По этому поводу Тверской Покровской церкви протоіерей о. Ѳедоръ Образцовъ былъ любезенъ прислать въ редакцію письмо отъ 3 іюля съ разъясненіемъ, что Николай Никаноровичъ Грѣшищевъ—дѣйствительное лицо: состоялъ инспекторомъ Ржевскаго Духовнаго училища и приходился зятемъ о. Матвѣю, женившись на его дочери Прасковѣ.—Приносимъ искреннѣйшую благодарность за это разъясненіе, тѣмъ болѣе, что оно бросаетъ свѣтъ и на степень достовѣрности, какую нужно признавать за названной біографіей.

Н. П.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1909 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

Стран.

1. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ XXV. Истинный праздникъ—не въ бездѣльѣ, а въ усиленномъ добродѣланіи. XXVI. Дорожите земной жизнью, какъ временемъ, даннымъ намъ только однажды для приготовленія къ вѣчности. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 3—23
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І... 24—29
162—168 304—311 444—452
3. ПОДВИГЪ ЖИЗНИ. Свящ. І. Артоболовскаго..... 30—36
4. ИСТОРИЧЕСКІЯ РАЗНОГЛАСІЯ ВЪ БИБЛІИ. П. Михайлова..... 37—44
5. ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА І. АМВРОСІЯ Г-ЖЪ N...ОЙ..... 45—57
219—229 353—366
6. ВИДѢНІЕ ХРИСТА. (Стихотвореніе)..... 58—59
7. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ РЖЕВСКАГО ПРОТОІЕРЕЯ МАТВѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КОНСТАНТИНОВСКАГО. Сообщ. Николай Поповъ..... 60—72
242—255
8. ПРОПОВѢДИТЕ ЕВАНГЕЛІЕ. (Слово на день Вознесенія Господня). Свящ. Николая Луневскаго..... 73—80
9. СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНІЕ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго..... 81—81
10. EXCELSIOR. (Стихотвореніе). Его же..... 82—82
11. ТЕОРІИ ВСЕЛЕННОЙ, ХРИСТІАНСКІЯ И ПРОТИВОХРИСТІАНСКІЯ. С. М. Ө..... 83—106
187—218 319—339 453—470
12. ПРОТОІЕРЕИ ІОАННЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ. (Опытъ характеристики жизни, дѣятельности и лич-

ности покойнаго о. протоіеря). Съ приложеніемъ его пор- трета. Свящ. Н. Луневскаго.....	107—128 169—186 367—375
13. СЪ БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ. Свящ. Н. А. Колосова.....	129—138
14. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Чудо отъ мощей Пре- подобнаго Сергія. (Изъ письма въ редакцію).—На выставкѣ картинъ В. Д. Полънова. С. М. Ѳ.....	139—146
15. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XXVII. О праведномъ гнѣвѣ. XXVIII. Вся наша жизнь должна представлять одно непрерывное богослуженіе. Свящ. Іоанна Утѣхина.....	148—161
16. КЪ 200-ЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ. Павла Россіева.	230—236
17. ДОМОЙ—НА ПРАЗДНИКЪ. П. Павлова.....	237—242
18. ИЗЪ ОПЫТА ЖИЗНИ. (Стихотвореніе). Свящ. В. Бѣл- кина.....	256—257
19. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ХРИСТІАНСКАГО ХРАМА. Петра Неклюкова.....	258—269
20. ДУХОВНЫЯ ИСКРЫ. Свящ. Н. Колосова.....	270—279
21. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Къ предстоящему съѣз- ду явковъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Свящ. М. Ѳ—го.	280—282
21. БЛАГОДАТНЫЙ СОТРУДНИКЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ. Б. Гречева.....	283—303
22. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XXIX. Роль врача въ жизни и значе- ніе медицинскаго пункта для окрестныхъ жителей. Свящ. Іоанна Утѣхина.....	312—318
23. УРОКИ ХРИСТІАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. „Безмолвія учитель“.—„Добра- го корене—отрасль благая“. А. З.....	340—349
24. ВЪ ИЗБѢ КРЕСТЬЯНИНА. Стихотвореніе. I—д. Евеніія.	350—352
25. РѢЧЬ КЪ ВОСПИТАНИЦАМЪ МОСКОВСКОЙ 4-Й ЖЕН- СКОЙ ГИМНАЗИИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА АКТЪ 30 МАЯ 1909 ГОДА. Прот. Д. Пѣвническаго.....	376—377
26. ЖИЗНЬ ЗА ГРОБОМЪ. Сергія Голощапова.....	378—386
27. НЕУМНАЯ ФАНТАЗІЯ. Свящ. Н. Колосова.....	387—394
28. КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СЯТО-ТРОИЦКОЙ ФИЛИППО- ИРАНСКОЙ ПУСТЫНИ, ЧЕРЕПОВЕЦКАГО УѢЗДА, НОВ- ГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ. Іеромонаха Антонія.....	395—411
29. ВИДѢНІЕ ЧУДНЫХЪ ПТИЦЪ ПРЕП. СЕРГІЕМЪ. (Стихо- твореніе.) Свящ. В. Бѣлкина.....	412—413

30. ПОСЛАНИЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ВОЗЛЮБЛЕННЫМЪ О ГОСПОДѢ ЧАДАМЪ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЦЕРКОВНАГО ПОЧИТАНІЯ БЛАГОВѢРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ..... 414—419
31. ОТЪЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Наша деревая. Свящ. М. Ѳ—скаго.—Новое школьное пособие по Закону Божию. А. П—скаго..... 420—424
32. ОСКУДѢНІЕ ВѢРЫ. (Изъ пастырскихъ бесѣдъ съ людьми, отпадающими отъ Церкви Православной). Свящ. Николая Луневскаго..... 425—443
33. СВ. АРСЕНІЙ ЕПИСКОПЪ ТВЕРСКОЙ. (По поводу 500-лѣтія его памяти). Священника Арсенія Разумихина... 471—489
34. НУЖНО ЛИ ВЪ ШКОЛѢ ОБУЧАТЬ РЕЛИГИИ? Н. Розанова. 490—494
35. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XXX. Преображеніе. XXXI. Христіанскій постъ не исключаетъ бодрого настроенія и законныхъ, чистыхъ радостей въ жизни постящагося. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 495—512
36. КРАСОТА ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ. (На усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя). Свящ. Н. Луневскаго..... 513—516
37. СПАСОВУ ПРЕДТЕЧѢ ВЪ ДЕНЬ УСѢКНОВЕНІЯ ГЛАВЫ. Свящ. В. Бѣжеина..... 517—518
38. ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА І. АМВРОСІЯ КЪ ИГУМЕНУ МАРКУ († 1909 г.), НАСТОЯТЕЛЮ МЕЩЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ. Сообщено изъ Оптиной пустыни Е. В. 519—528
39. ПРАВДА ЛИ, ЧТО ЕВАНГЕЛЬСКАЯ МОРАЛЬ НЕ СООТВѢТСТВУЕТЪ ЗАПРОСАМЪ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ? Н. Розанова..... 529—546
40. НАШЕ ВѢЧНОЕ ЖИЛИЩЕ. Н. Богословскаго..... 547—560
41. ОТЪЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Законоучительскій сѣздъ. Свящ. Ѳ. М—скаго.—Библиографія. Р. П. Кумовъ. Безсмертники. Свящ. Н. К—ва.—Разъясненіе. Н. П..... 561—567